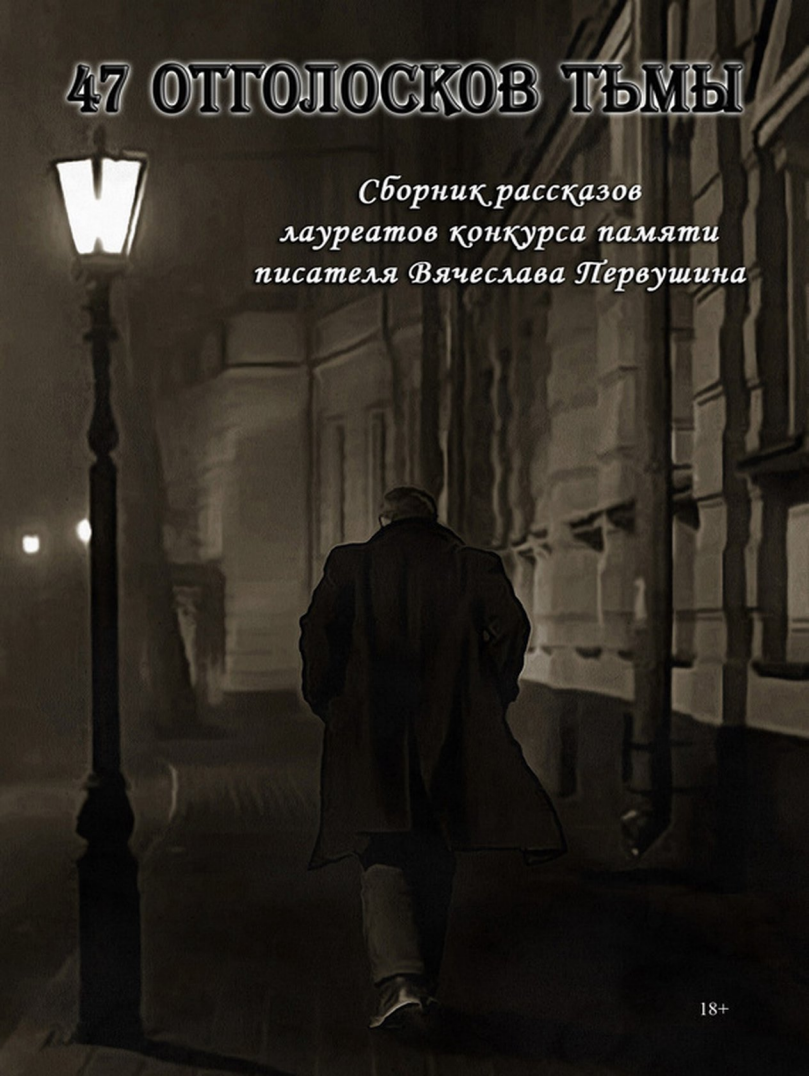
47 ОТГОЛОСКОВ ТЬМЫ

Сборник рассказов
лауреатов конкурса памяти
писателя Вячеслава Первушина



18+

47 отголосков тьмы (сборник)

Виталий Вавикин, Григорий Андреевич Неделько, Джей Арс, Дмитрий Кеплер, Сергей Капрарь, Андрей Миля, Григорий Андреев, Илья Розов, Мария Иванова, Георгий Захаров, Дориана Грей, Юлия Беанна, Александр Сидоренко, Владимир Чакин

Аннотация
47 отголосков тьмы. Сборник рассказов лауреатов конкурса памяти писателя Вячеслава Первушина
Предисловие
Виталий Вавикин
- Звонкие ручьи грядущего
- Богиня
- Море
- Вакуум
- Клоун
- Комната под зимним садом
- Шрамы
- Не божья тварь

Чужая кожа
Маленькая ложь
Слуги чужого бога
Дочери Евы
Джей Арс
Два в одном
Побег
Кофе – дело святое!
Дмитрий Кеплер
День, когда я умер
Григорий Неделько
Ни слова о призраках
– Ну что ж, кайся, Тиктак… – предложил Паяц
Ваш выход, паяцы!. (Из цикла о персонажах Харлана Эллисона)
Одинокий в поисках неведомого
Сергей Капрарь
Сонечка
Наслаждение. Исповедь смиренного Божьего раба
Андрей Миля
О ангел мой, омытый кровью
Апокалипсис666
Григорий Андреев
Сезон дождей. Забытые
Моя последняя охота

Щелкуны
Вы въезжаете в Городок Страхов
Илья Розов
Джек
Джек. Вторая часть. Тени. Под редакцией ЛСА
Мария Иванова
Брошенный карандаш
Комната
Детская клятва
Хюльдра
Дом без окон и дверей
Георгий Захаров
Улица Трех Магнолий
Очень злой гей
Дориана Грей
1551
Слышу звон…
Юлия Беанна
Гостья по имени Д.
Пальчики
Александр Сидоренко
Бутылка Пандоры
Конвой новой Спарты
Владимир Чакин
Шайтан придет
Пушистая белая кошка с красными глазами

Как я умирал
Искусственные души
Интервью с Виталием Вавикиным, победителем Литературного конкурса памяти писателя Вячеслава Первушина

Аннотация

«47 отголосков тьмы» – это 47 точек зрения, 47 фантазий, 47 маленьких миров от пока не самых знаменитых, но определённо перспективных отечественных авторов хоррора. Это почти полсотни занимательных, увлекательных – и поистине кошмарных, в том или ином смысле и той или иной степени, историй.

Какое-то время назад на известном портале, посвящённом ужасам, мистике и триллерам, Horrorzone.ru, при поддержке российского фантаста Виталия Вавикина и его семьи, а также под руководством составителя сборника, литератора Владимира Чакина, проходил конкурс имени писателя Вячеслава Первушина. Известный, наверное, только в узких кругах любителей подобной литературы, он, тем не менее, успел оставить яркий след как автор пугающих произведений. Рассказы победителей конкурса, согласно правилам, были сразу взяты в сборник; их дополнили лучшие из текстов, присланные теми же авторами и отобранные редакцией.

Книга не имеет ничего общего с нашумевшим порно-произведением, как можно подумать из-за названия, разве что здесь на первый план тоже выходит страх – только страх этот истинный. Не созданный искусственно людьми для людей, а тот, в котором все мы вынуждены жить, независимо от расы, вероисповедания и мировоззрения, то есть страх экзистенциальный, вселенский.

Убийства и убийцы, сверхъестественные создания и фантасмагоричные существа, ужасные сцены из обыденности и совершенно невозможные ситуации… Что ещё осталось сказать?

Читайте, пугайтесь, удивляйтесь! Находите! И узнавайте!..

47 отголосков тьмы
Сборник рассказов лауреатов конкурса памяти писателя Вячеслава Первушина

Предисловие

Этот сборник рассказов необычен, во-первых, тем, что посвящен памяти интересного, талантливого человека — писателя Вячеслава Первушина, который творил в девяностые годы прошлого века и трагически погиб в самом начале века нынешнего, не дожив до сорока.

Во-вторых, необычность сборника состоит в том, что его авторам в течение года пришлось пройти сито отбора, где единственным критерием служил читательский интерес, то есть количество прочтений конкретного произведения. Не было ни жюри, ни экспертизы признанных авторитетов литературного жанра хоррор. Учитывалось только мнение читателей «Библиотеки Зоны Ужасов» сайта horrorzone.ru.

Каждый месяц по количеству прочтений определялась десятка лучших из выложенных произведений, а в конце года — тройка авторов-призеров, произведения которых вызывали наибольший читательский интерес в течение года. Безоговорочным победителем конкурса стал Виталий Вавикин (Vavikin), второе-третье места

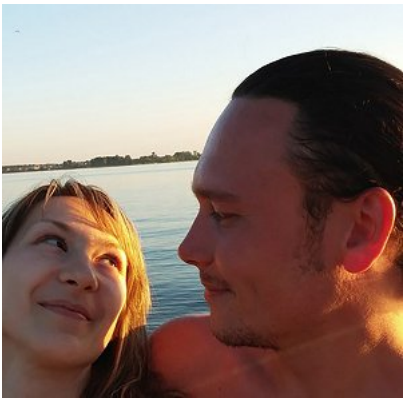
с одинаковыми показателями разделили Джей Арс (DjeyArs) и Дмитрий Якименко (dmitrykepler). Далее для сборника автоматически отбирались рассказы, занявшие наивысшие места в ежемесячных топ-10.

Всего за 2014 год в «Библиотеку Зоны Ужасов» выложили 224 произведения 37 авторов (выступавших, как правило, под псевдонимами). На стадии формирования сборника было решено отсечь крупные формы, отдельные главы, отрывки, стихотворения и сказки, то есть оставить только рассказы. В итоге в сборник вошли 47 рассказов 14 авторов. В конце сборника мы разместили интервью победителя конкурса, ответившего на вопросы главного организатора Владимира Чакина.

В заключение выражаем благодарность всем авторам, участвовавшим в конкурсе, и персонально Михаилу Парфенову, владельцу сайта horrorzone.ru, благосклонно отнесшемуся к факту проведения Литературного конкурса памяти писателя Вячеслава Первушина в формате «Библиотеки Зоны Ужасов». Также хотим поблагодарить Елену Вавикину, нарисовавшую обложку книги, Веру Дашкову, замечательного корректора, и Марию Соседко — редактора из из-

дательства «Союз писателей».

Виталий Вавикин



Писатель мистики, хоррора и научной фантастики. 1982 г.р. (г. Кашин Тверской области).

Увлекается психологией, занимается переводами (в настоящее время работает над переводом книги С. Дэйвиса «Джим Моррисон: Жизнь, Смерть, Легенда»).

«Первый рассказ написал в 8 лет. Хотя начало было положено еще в 4 года, когда увидел в фильме по книге Жюля Верна «Вокруг света», как писатель создает книгу, как выведенные

на бумаге строки преображаются в образы, судьбы и захватывающие сюжеты. Сам процесс просто заворожил, и я как сумасшедший начал носиться по всему дому в поисках чистых листов и исписывал их подобием строчек, так как писать тогда еще не умел.

Также очень сильно на меня повлияли фильмы, просмотренные в детстве: «Семнадцать мгновений весны», «Гостья из будущего» и «Твин Пикс». А на творчество в большей степени повлияли такие писатели, как Стивен Кинг, Клайв Баркер, Филип Дик и др.

Все, что пишу, можно смело отнести к жанру экзистенциальной фантастики. Стараюсь создавать мир, который сможет отвлечь читателя от повседневности, дав ему возможность отдохнуть. Я хочу, чтобы это стало для него увлекательным путешествием. Словно подъем на Эверест: он может никогда не совершить его в действительности, но, став одним из героев, почувствует себя на мгновение альпинистом».

В разные годы произведения автора выходили в сборниках «Horror World 5», «АЭЛИТА/008»; в журналах и альманахах: «Полдень XXI век», «Фантаскоп», «Уральский следопыт», «Русская линия», «Фанданго», «Магия ПК», «SFL (Science,

Fiction & Literature)», «Слон» издательства «ОЛМА МЕДИА ГРУПП», «Сумрачный гений», «Три желания». Озвучены десятки аудиокниг проектами «Послесловие» и «СВиД». В 2012 году вышли книги «Идеальное вторжение» (фантастика) и «Суккубус» (мистика/ужасы).

В 2013-м в издательстве «АЭЛИТА» опубликован сборник повестей «Старый новый мир» (фантастика), в который вошли «Головокружение», «И нет ничего нового под солнцем» и «Старый новый мир», в 2014-м — книга «Эта короткая счастливая жизнь» (мистика).

В издательстве «Литературный Совет» в 2014-м вышли: «Суккубус»; трилогия «Вендари» (книга первая, книга вторая, книга третья); «Пятая планета»; «КвазаРазмерность» (книга первая, книга вторая); «Кара за хебрис»; «Лунный блюз»; «Шарманщик»; «Другое племя»; «Потерянный мир»; «Лики звезд»; «Третий источник (Шаги в темноте)»; «Обратная сторона» (том 1 и 2); «Дети ночных цветов» (том 1 и 2).

В 2015-м: «Две жизни для одной мечты»; «Отель «Голубой горизонт»; «Мир, где приносят в жертву планеты».

Официальный сайт: http://vavikin-horror.ru

Звонкие ручьи грядущего

Весеннее солнце растопило выпавший за зиму снег, обнажило серые бескрайние поля, в которые, казалось, превратился весь мир. Война осталась в прошлом, но ее эхо еще гремело над землей: раскатистое, болезненное. От него вздрагивало сердце, ожидая новых ударов с воздуха, новых выстрелов, новых жертв…

— Думаешь, здесь еще остались мины? — спросил Артема его друг Скотти Палмер. Друг, который появился у Артема этой зимой.

Высокий чернокожий атлет пришел с севера, сказав, что жизнь за горизонтом такая же пустынная, как и в любой другой точке земного шара. Война забрала все, что было создано.

— Но война закончилась, — сказала Светлана, когда ее муж Андрей и его друг Артем хотели повесить Палмера на старом тополе, засохшем еще до начала войны и теперь медленно догнивающем изнутри.

Андрей отмахнулся от нее, но с линчеванием чужака решил подождать.

— Может быть, кто-то подаст нам сигнал? Скажет, что делать? — он вглядывался в горизонт,

откуда пришел Скотти Палмер. Радиоприемники молчали. Ни одного сигнала, словно весь мир действительно вымер. Или затаился. — Откуда ты знаешь наш язык? — спросил Андрей чужака. — Признайся, тебя послали наши враги?

— А кто ваш враг? — спросил Скотти Палмер.

Андрей замолчал, смутился, снова начал вглядываться в горизонт. Последние бои закончились больше года назад. Бои между своими и чужими, но мирное население было слишком напугано, чтобы выбраться из своих укрытий и узнать, кто же все-таки воюет. А радио и телевидение молчало. Как и сейчас.

— Все не могли погибнуть, — сказал Андрей, вглядываясь в черные глаза чужака. — Ты же здесь. Ты же живой.

— И ты тоже живой, — сказал ему Скотти, затем посмотрел на жену Андрея, на ее живот. — Вам скоро рожать? — спросил он. Она кивнула, нахмурилась. — А врач у вас есть?

— Врача нет, — ответил за жену Андрей. Артем тронул его за руку.

— Его рюкзак, — он протянул ему вещи Скотти. — Кажется, там бинты и инструменты врача.

— Вот как? — Андрей взял рюкзак, высыпал содержимое на землю, закурил, небрежно вороша

ногой кипу таблеток и ампул с пенициллином. — Так ты, значит, врач? — спросил он чужака и снова посмотрел на приготовленную ему петлю. Ветер раскачивал старый тополь, и веревка раскачивалась вместе с умирающим деревом. — И где же тогда твои шприцы и все остальное?

— Где-то в рюкзаке, если, конечно, вы их не разбили. — Скотти спросил разрешения закурить и начал рассказывать о землях, откуда пришел. О мертвых землях. — Вы первые, кого я встретил за последние месяцы, — закончил он.

— Понятно, — протянул Андрей и сплюнул себе под ноги.

— Хороший врач нам бы не помешал, — осторожно сказала Светлана.

— Верно, — согласился Андрей, посмотрел на чужака. — Ты хороший врач?

— Как и все другие врачи.

— Ты должен быть хорошим врачом, потому что у нас многим нужна помощь.

— Многим? — удивился Скотти Палмер и неожиданно заплакал. Крупные слезы покатились по черным щекам. Губы затряслись.

— Что с тобой? — растерялся Андрей.

— Наверное, просто долго был один, — сказала Светлана, дождалась, когда чужак кивнет, и пред-

ложила отвести его в дом и накормить.

Это было в начале зимы. Снег еще только начинал падать… Этот редкий, безразличный снег.

— Может быть, придут и другие? — сказал Андрей, наблюдая, как жена ведет чужака в уцелевший кирпичный дом, над залатанной крышей которого клубился белый дым коптящей печи. — Может быть, это только начало?

Он снова устремил взгляд к горизонту, откуда пришел чужак, позвал Артема и велел присматривать за незнакомцем.

— Думаешь, от него можно ждать неприятностей?

— Не знаю. — Андрей закурил еще одну сигарету и плотнее запахнул зимнюю куртку.

В эту ночь ему приснилось теплое довоенное лето. Был солнечный день, и они с женой шли по улице родного города. В огородах частных домов суетились люди. Играла музыка, только Андрей никак не мог разобрать мотив. Не мог он и понять, откуда доносится музыка, пока не заметил старые рупоры, закрепленные на фонарных столбах.

«Наверное, это военный марш», — подумал Андрей и тут же услышал взрывы и автоматные очереди. Звуки долетели издалека, но он знал,

что война идет в этот край, катит к нему, стуча гусеницами танков по асфальту. И никто не спасется. Никто.

Он закричал и проснулся. Светлана лежала рядом и смотрела на него большими напуганными глазами. За окном падал снег. Дрова в печи прогорели, и холод начинал пробираться в комнату. «Когда родится ребенок, будет еще холоднее», — подумал Андрей. Их первый ребенок этого послевоенного мира. Ребенок, которому поможет появиться на свет чужак, незнакомец.

— Скотти Палмер, — тихо произнес он.

Появившиеся в голове сомнения заставили с первыми лучами солнца подняться и, отыскав чужака, отправиться с ним в ближайший уцелевший лес, чтобы набрать дров. Тележка, на которую они грузили вязанки, была старой и скрипучей. Скотти молчал, работая за двоих. Андрей отослал Артема домой и долго приглядывался к чужаку.

— Не очень-то ты похож на врача, — подметил он, наблюдая, как Скотти справляется с тележкой.

— Что это значит?

— Мне кажется, ты слишком сильный для врача.

— Мы все слишком сильные, если смогли выжить. — Палмер выдержал его взгляд, спросил сигарету.

Когда вернулся Артем, топоры стучали в разных частях леса.

— Узнал, что хотел? — спросил Артем Андрея, не получил ответа, отыскал чужака. — Вы что, поссорились?

— Я не знаю. Он лишь сказал, что я слишком сильный для врача. — Палмер закончил рубить старое дерево, дождался, когда оно упадет, примяв под собой молодую поросль. — Кем работал твой друг до войны?

— Слесарем.

— Откуда тогда он знает, каким должен быть врач?

— Может быть, он просто переживает, что ты будешь принимать роды у его жены?

— Почему?

— А ты бы на его месте не переживал?

— У меня нет жены.

— А ты представь, что есть и что роды у нее принимает Андрей. Скажи, разве ты бы не переживал?

— Переживал.

— Вот видишь!

— Но он ведь слесарь, а не врач.

— Тоже верно! — Артем рассмеялся, затем предложил чужаку сигарету.

Они сели на поваленную сосну, достали приготовленный Светланой обед.

— Здесь раньше были красивые места, — сказал Артем. — До войны. Тихие, чистые. А как было там, откуда ты пришел?

— До войны?

— Конечно.

— Людно.

— Понятно. — Артем помрачнел, спросил чужака о семье.

— Зачем тебе знать об этом?

— Не знаю. У нас так принято, понимаешь? Мы так знакомимся.

— Я же говорил, что никто не уцелел.

— У меня тоже все погибли.

— А та девушка с пневмонией, которой я делаю уколы?

— Мы с ней друзья.

— Мне кажется, ты ей нравишься.

— Правда? — Артем задумался.

— Знаешь, она, может, и не красавица, но сейчас выбирать не приходится.

— Мы с ней встречались еще до войны.

— Тогда тем более.

— Что тем более?! Это было еще в школе, да и сейчас все изменилось. Нас здесь всего пятеро, и если верить тебе, то вокруг больше никого нет. О каких отношениях можно говорить?!

Артем выбросил недокуренную сигарету и принялся за обед, однако уже вечером, вернувшись в поселение, зашел к Светлане и спросил, не пошла ли Лена на поправку.

— Может, сам спросишь? — предложила она.

Артем помялся и сказал, что зайдет как-нибудь в другой раз.

— Ей будет приятно увидеть тебя! — крикнула ему вдогонку Светлана.

Артем вышел на улицу и долго стоял на крыльце, наблюдая, как ветер гоняет по пустому двору бумажный пакет. Небо было темным и неспокойным. В покосившемся сарае хлопала незакрытая дверь, за которой была темная, густая тьма. Артем вздрогнул, увидев мелькнувшую в темноте сарая тень.

— Кто там? — крикнул он, спустился с крыльца.

Подхваченный новым порывом ветра бумажный пакет пролетел перед лицом. Артем отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Дверь

в сарай замерла. На пороге застыла темная тень.

— Скотти? — недоверчиво спросил Артем. — Что ты там делаешь, черт возьми? — он подошел ближе, не веря своим глазам. — Ищешь туалет? Он есть в доме, где ты поселился. — Артем замер, разглядев блестящие слезы на черном лице чужака. — Тебе плохо? Я могу помочь?

— Мне никто не может помочь. — Палмер отступил во мрак сарая, вытер слезы, надеясь, что их не успел заметить новый знакомый.

Артем притворился, что не заметил, помолчал несколько минут, затем сказал, что у него в доме есть бутылка хорошей водки.

— Или водка тоже не поможет?

— Обычно не помогает, — сказал Палмер, однако от выпивки не отказался.

Они дошли до дома Артема. Он поставил на стол стаканы, открыл бутылку.

— Скажешь, когда хватит, — предупредил Артем, однако Палмер молчал, пока он не наполнил его стакан до краев. — Еды собрать?

— Я так. — Палмер выпил, сморщился, закрыл глаза.

— Ого! — Артем налил себе, посмотрел на пустой стакан Палмера, который тот поставил на стол. — Еще налить?

— Как хочешь.

— Да я не жадный, вот только поесть бы надо, а то опьянеем быстро… — он замолчал, увидев, что Палмер снова взял стакан, тяжело вздохнул и взял свой.

Они снова выпили. Артем положил на стол пачку сигарет. Палмер достал одну, неловко попытался прикурить, продолжая сжимать в левой руке измятую фотографию.

— Можно посмотреть? — осторожно спросил Артем.

Палмер смутился, словно забыл, что держит фотографию, затем пожал плечами, передал снимок новому другу.

— Это твоя жена? — спросил Артем, разглядывая женщину на фотографии. — Красивая.

— Это Каталина.

— Понятно. — Артем кивнул, посмотрел на пустые стаканы, помолчал. — И все-таки я сделаю поесть.

Он ушел на кухню, поджарил хлеб и яйца.

— Пахнет вкусно, — монотонно подметил Палмер. — Кажется, что не ел ничего подобного целую жизнь.

— Это все жена Андрея. Не знаю, как она научилась печь хлеб, но выходит очень неплохо. А вот

куриц у нас почти не осталось. Наверное, в эту зиму доедим последних.

— Почему тогда не пойдете дальше?

— Дальше? — Артем принес сковороду, поставил на стол, бросил в нее пару вилок. — А куда идти? Здесь вокруг минное поле.

— Ну я же пришел.

— Считай, что тебе повезло. — Артем разделил вилкой яичницу в сковороде на две равные части. — Ты ешь давай. — Он дружелюбно улыбнулся. Палмер кивнул, спрятал фотографию. — А знаешь что, — сказал Артем с набитым ртом, — если хочешь, то можешь оставаться у меня. Комнат здесь много, на дровах сэкономим, да и веселее так.

— А твоя семья?

— А не было у меня семьи.

— Совсем?

— Умерли, когда я был ребенком.

— Сожалею.

— Я привык, да и давно это было. — Артем снова закурил. Водка согрела желудок, прогнала тревоги. — Ну, а ты как потерял свою Каталину?

— В первый раз или во второй?

— А ты терял ее дважды?!

— Сначала изменил ей и она ушла. А потом

началась война… — Палмер взял свой стакан.

— Да. За это, пожалуй, можно и выпить, — согласился Артем.

— Она была моим единственным другом, — сказал Палмер, морщась от выпитого.

— Другом? — Артем задумался. — С женщинами такое редко бывает.

— А ты с той девчонкой?

— С Леной?

— Да.

— Не знаю.

— Она тебе нравится?

— Наверно.

— Тогда хорошо. — Палмер взялся за вилку, доел яичницу, закурил.

Артем заговорил об Андрее, затем перешел к его жене, к предстоящим родам, оживился, спросил, были ли у Палмера дети.

— Двое.

— Они тоже…

— Да.

— Черт! — Артем покосился на бутылку. Палмер кивнул. Они выпили молча. — Если бы знать, кто начал эту войну!

— Это уже ничего не изменит.

— По крайней мере, будем знать, кого винить

во всем, что случилось.

— Я виню себя.

— За то, что тебя не было с семьей, когда они погибли?

— И это тоже.

— И что бы ты сделал? Как бы ты их защитил?

— Может быть, если бы они были рядом со мной, то бы выжили, как и я?

— Может быть. А может быть, останься ты с ними, то был бы сейчас таким же мертвым. — Артем встретился взглядом с Палмером и сказал, что им стоит выпить еще. — Иначе мы точно подеремся.

— Почему?

— С Андреем у нас всегда так. Он не согласен со мной. Я с ним… Мы всегда сначала спорим, потом ненавидим друг друга.

— Я не чувствую к тебе ненависти.

— Но не согласен со мной.

— Почему?

— Ну не знаю. Это ведь была твоя семья и все такое… — Артем нахмурился, пожал плечами, разлил по стаканам остатки водки. — Думаешь, мы выживем?

— Мы уже выжили.

— Я имею в виду вообще. Завтра, через год… Что если кроме нас никто не уцелел?

— Тогда война больше не вернется.

— Тоже верно. — Артем снова нахмурился, выпил. — И все-таки было бы лучше, если бы кто-нибудь выжил еще. — Он поднялся на ноги, достал из шкафа постельное белье, бросил его на диван, сказал, где туалет, где стоит вода. — И свечи не забудь задуть, когда будешь ложиться.

— Не забуду, — пообещал Палмер, прикурил от одной из свечей сигарету и задул остальные раньше, чем Артем ушел в свою комнату.

Дрова в неловко сложенной печке горели, и Палмер долго наблюдал за игрой теней на дощатом полу, затем снял ботинки, лег на кровать. Выпитое почти не пьянило. Головокружения не было, но Палмер видел, как медленно вздрагивают темные стены, словно ветер снаружи колышет их, как флаги. Эти монолитные кирпичные стены. И стены дрожат, меняются. И кажется, что вместе с ними меняется весь дом.

Палмер зажмурился. Стены надвинулись на него, сдавили, словно тиски. Он закричал, но сил уже не было. Невозможно было даже дышать. Лишь открыть глаза и смотреть. Весь мир вокруг хотел, чтобы Палмер открыл глаза и смотрел, как все меняется, возвращая его в прошлое,

в жизнь, которой больше никогда не будет.

Ожившие воспоминания перенесли Палмера в уничтоженную войной квартиру, где жили они с Каталиной, вернули запахи, звуки, потянули Палмера в спальню, где на кровати лежала женщина, которую он любил. Но кровать была пуста. Лишь простыни хранили след женского тела — едва заметную тень, подтверждая, что здесь кто-то недавно лежал. Палмер вздрогнул, увидев, как ожил этот силуэт. Бесформенная масса поднялась с кровати, обрела жизнь, протянула к Палмеру руки. Ему захотелось закричать, но он не смог этого сделать. Бесформенный силуэт обнял его за шею. Холодные губы прижались к его губам. Палмер почувствовал, как дыхание силуэта заполняет его рот, проникает в легкие. Дыхание такое же холодное, как и губы, дарящие поцелуй. И этот взгляд силуэта без глаз! Взгляд из темноты.

— Зачем ты убил меня, Скотти? Зачем ты убил меня? — услышал Палмер голос Каталины, проникавший прямо в мозг, причиняя боль. — Зачем ты убил меня? Зачем? Зачем? Зачем?

— Хватит! — закричал Палмер, упал на колени, закрыл голову руками, сжался, заплакал.

— Эй, с тобой все в порядке? — спросил Артем.

Палмер не ответил. Артем наклонился к нему, тронул за плечо. — Эй, что случилось?

— Я не знаю. — Палмер осторожно открыл глаза.

Он лежал на грязном полу. За окнами начиналось утро. Палмер поднялся на ноги, надел ботинки, взял сигарету и вышел на улицу.

Выпавший за ночь снег окрасил черную землю грязно-белым цветом. Тощая собака в конуре несколько раз тявкнула, увидев Палмера, замолчала, начала вилять хвостом. Кто-то открыл калитку. Палмер прищурился, пытаясь разглядеть вошедшего во двор человека.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Андрей, погладил тощую собаку. — Артем в доме?

— Да.

— Хорошо. — Андрей поднялся на крыльцо, постоял несколько минут, не решаясь открыть дверь, затем вошел.

Артем брился на кухне, увидел Андрея, улыбнулся.

— Завтракать будешь с нами?

— Лена умерла.

— Что?

— Сегодня ночью.

— Но как… — Артем уронил бритвенный станок

в раковину, пошел в комнату, чтобы закурить, вернулся, вытер намыленное лицо. — С ней же вчера все было в порядке.

— Жена тоже сказала, что все было нормально, а утром… — Андрей обернулся, желая убедиться, что Палмера нет в доме. — Чужак делал ей какие-то уколы…

— Это же был просто пенициллин, — затряс головой Артем.

— А если нет?

— Что нет? Там на коробке было написано!

— Написать можно что угодно. — Андрей достал из кармана ампулы из рюкзака Палмера, коробку со шприцами, положил на стол.

Артем закурил, долго смотрел за окно.

— Что-то случилось? — спросил Палмер, заходя в дом. Никто ему не ответил. Палмер увидел коробку со шприцами, ампулы пенициллина. — Зачем это здесь?

— Зачем? — Андрей обернулся.

Глаза его были налиты кровью. Он хотел сказать так много, но в итоге не мог сказать совсем ничего. Лишь сделать. Коробка со шприцами упала на пол. Андрей неуклюже надломил ампулу пенициллина, набрал раствор в шприц, заставил Палмера сделать себе укол, затем почти час сидел

напротив него и ждал, что чужак умрет. Артем стоял у окна и нервно курил.

— Ну хватит! — потерял он терпение. — Не думаю, что Палмер имеет к этому отношение. Скорее всего, виной всему просто случайность! — он подошел к Андрею, тронул его за плечо. — Пойдем, нам нужно сделать гроб.

— А что делать мне? — спросил Палмер.

— Можешь пойти с нами, — сказал Артем, услышал, как Андрей скрипнул зубами, но притворился, что ничего не заметил.

Они вышли на улицу. Морозный воздух трезвил и помогал собраться с мыслями. Ветра не было. На голубом небе застыла пара белых облаков.

— У меня в сарае есть несколько хороших досок, — сказал Андрей.

Он зашел в дом и вынес ящик с инструментами. Молотки стучали до обеда: медленно, неспешно. Несколько раз на улицу выходила Светлана, видела Палмера, спешно уходила обратно в дом.

— Не думал я, что все будет так. — Андрей прикрыл пустой гроб крышкой, вынес из сарая две лопаты, сказал, что копать могилу пойдут только он и Палмер.

Артем долго смотрел им вслед. Они шли

по длинной улице на окраину крохотного города, где находилось кладбище. Палмер молчал. Андрей выбрал место на возвышенности возле молодой сосны.

— Думаю, здесь будет хорошо, — сказал он, воткнул в замерзшую землю лопату, закурил, наблюдая, как Палмер начинает копать. — Промерз только верхний слой. Дальше будет легче, — говорил он, затягиваясь сигаретой.

Палмер не слушал. Воспоминания снова оживали: могилы, Каталина, дети… Приступ эпилепсии вернулся как-то внезапно. Палмер упал на холодную землю, забился в припадке. Андрей продолжал курить, наблюдая за ним. Продолжал до тех пор, пока сигарета не сгорела до фильтра, затем поднялся на ноги, взял лопату. Сомнений не было.

— Какого черта ты делаешь?! — заорал на него Артем. Андрей узнал его по голосу, но оборачиваться не стал. — Стой!

— Этот чужак убил Лену!

— Откуда ты знаешь?!

— Мы сделали ему укол утром. Сейчас у него припадок. Значит, у Лены тоже был ночью припадок. Не знаю, что в тех ампулах, но что не пенициллин — точно.

— У Палмера уже был припадок утром! До укола!

— Это ничего не меняет.

— Может быть, Лену уже никто не мог спасти?

— Плевать! — Андрей пнул чужака ногой, заставляя перевернуться на спину.

Приступ отступал, и Палмер медленно приходил в сознание. Где-то далеко раздавался голос Андрея, а еще дальше голос нового друга — Артема. Холодные лучи солнца блеснули, отразившись от острия лопаты.

— Не надо! — закричал Артем.

— На кой черт ты вообще пришел сюда?! — заорал на него Андрей, снова ударил Палмера несколько раз ногой, снова замахнулся.

— Он не убийца, и ты тоже! — Артем увидел, как опустилась лопата Андрея. Еще раз и еще.

Сталь рассекла Палмеру плечо, левую щеку, выбила пару зубов. Боль обожгла сознание, вернула трезвость мысли.

— Стой! — Артем побежал вперед, надеясь, что успеет остановить Андрея, увидел, как сверкнула острием еще одна лопата. Испачканная в земле сталь воткнулась Андрею точно в горло. Он захрипел, упал на колени, медленно завалился на бок. Палмер разжал пальцы, выронил

лопату. Артем подошел, увидел покрытую первым снегом землю, на которую текла теплая кровь, попятился, сел. Андрей и Палмер не двигались, и Артем думал, что они оба мертвы.

Он достал пачку сигарет и закурил. Голова кружилась, и когда он услышал тихий стон Палмера, то убедил себя, что это ему показалось. Но стон повторился. Чужак захрипел и попытался подняться, упал, снова начал подниматься. Артем не двигался. В какой-то момент ему показалось, что сейчас поднимется и Андрей. Он посмотрел на друга. Из рассеченного горла текла кровь.

— Наверное, мне лучше уйти от вас, — донесся откуда-то издалека голос Палмера. Артем поднял голову, посмотрел на него. — Я не хотел убивать твоего друга. Извини.

Опираясь на лопату, чужак заковылял прочь. Или же не чужак. Артем вспомнил оставшуюся Светлану. Вспомнил о предстоящих родах.

— Подожди! — крикнул он Палмеру, догнал его. — Куда ты пойдешь? Здесь вокруг мины!

— Но ведь как-то я сюда пришел.

— Повезло. — Артем осмотрел его раны, сказал, что нужно сделать перевязку, отвел Палмера в свой дом, неуклюже наложил несколько швов,

вернулся на кладбище, похоронил Андрея.

— А где мой муж? — спросила Светлана, когда он забирал из ее дома тело Лены.

Он не ответил. Закоченевшая рука Лены зацепилась за дверной проем.

— Подожди, помогу, — сказала Светлана, вышла следом за Артемом на улицу.

Он опустил тело Лены в гроб, положил его на старую тележку, с которой они еще вчера ездили за дровами.

— Пойду с тобой, — сказала Светлана.

Артем встретился с ней взглядом и не смог отказать.

До кладбища они шли молча. Потом молчали, когда Артем копал могилу. Светлана взяла у него сигарету. Хотела спросить о муже, но так и не смогла. Все было каким-то холодным, как начинавшаяся зима. Холод в воздухе, холод в сердце. Словно не осталось совсем никаких чувств.

— Андрея убил чужак, да? — тихо спросила Светлана. — Убил так же, как убил Лену?

— Нет.

— Нет? — Светлана заглянула последнему другу в глаза и, неожиданно даже для себя, кивнула. Они вернулись в дом. Она достала спрятанную Андреем бутылку водки, поставила

на стол. — Вот. Он ждал, когда родится ребенок, но сейчас… — Светлана заплакала, отвернулась. Артем налил себе.

— Ты будешь?

— Нет, но ты пей. — Она разогрела ужин, поставила тарелку на стол, отошла к окну и долго смотрела, как Артем ест. — И не стесняйся. Если хочешь, то у меня есть еще.

— Я уже сыт. — Он выкурил сигарету, выпил еще, заснул.

Светлана сняла ему ботинки, укрыла одеялом, долго сидела у окна, наблюдая оттуда, как спит Артем, затем тоже легла.

Ей приснилась темная комната без дверей и окон. Лишь где-то высоко вверху горела крохотная лампа. Светлана смотрела на нее и больше всего боялась, что когда-нибудь эта лампа погаснет и она останется в кромешной тьме. Ее тихий плач разбудил Артема. Он подошел к ее кровати, взял за руку. Светлана улыбнулась сквозь сон.

— Все будет хорошо, — сказал Артем, погладил по голове, дождался, когда она снова крепко заснет, и только после этого ушел.

Ночь была звездной и темной. Лишь изредка блестел, словно проплешины, снег. Артем шел домой медленно, неспешно. Длинная улица теря-

лась в темноте и казалась бесконечной. Он еще был пьян, но холод быстро трезвил мысли, оживлял воспоминания. Андрей, Лена, родные, соседи…

— Я думал, ты больше не придешь, — сказал Палмер.

— Почему? — Артем закрыл входную дверь, снял теплую куртку. — Это ведь мой дом. Верно?

— Здесь много домов. — Чужак лежал на диване, закинув на спинку длинные ноги. Свет не горел. Лишь трещали дрова в печи.

— Если хочешь уйти, то уходи. — Артем поставил на печь чайник.

— А ты хочешь, чтобы я ушел?

— Я не знаю. Наверное, нет. Нас и так здесь трое осталось.

— А жена Андрея? Она знает о том, что случилось с мужем?

— Думаю, будет лучше, если ты постараешься держаться от нее подальше какое-то время.

— А как же роды?

— Не знаю. — Артем заварил себе чай, предложил Палмеру.

— Сейчас бы водки.

— Хочешь напиться и обо всем забыть? Не получится.

— Хочу раны промыть, а то гноиться начинают.

— А… — Артем выкурил сигарету, лег в кровать, но так и не смог заснуть.

Лишь ближе к утру ненадолго задремал, услышал далекие взрывы и тут же проснулся, подошел к окну, долго прислушивался, снова лег, снова поднялся, бросил в остывшую печь дров, оделся, поплелся к Светлане, чтобы разжечь печь в ее доме.

Он вошел в ее дом осторожно, стараясь не разбудить ее. Она услышала шаги, открыла глаза, увидела его в блеклых лучах рассвета, вздрогнула, тихо заплакала. Артем попытался обнять ее, успокоить. Она отстранилась, повернулась к стене, закрыла глаза и лежала так до позднего вечера, пока Артем силой не заставил ее поесть.

— Если хочешь, то я теперь могу жить у тебя, — сказал он. Она посмотрела на него как-то отрешенно, качнула головой. — Тогда я буду готовить тебе дрова и следить за домом.

— Кур надо покормить.

— Покормлю.

Артем попытался взять ее за руку, но она отстранилась, подошла к окну, сказала, что хочет побыть одна.

Артем ушел, долго бродил по безлюдным улицам, надеясь найти в разрушенных домах еду или водку, вернулся злой и с пустыми руками.

— Я могу уйти, если ты хочешь, — сказал Палмер.

Раны на лице и теле воспалились, и у него был жар. Артем смерил его тяжелым взглядом, но ничего не сказал, разделся, лег спать. Заснул почти сразу, снова услышал далекие взрывы, проснулся и уже не сомкнул глаз до утра.

— Я сама могу топить печь, — сказала Светлана, когда он пришел.

— Тогда я буду оставлять дрова на пороге, — сказал Артем.

Она кивнула, дождалась, когда он уйдет, закрыла дверь.

В последующие несколько дней она не выходила из дома. Лишь забирала дрова, оставленные на крыльце. Артем дал ей время, чтобы успокоиться, — выждал чуть больше недели, затем осторожно постучал в закрытую дверь. Никто не открыл ему. Он постучал в окно. Светлана увидела его, впустила в дом, велела разуться на пороге, напоила чаем. Вокруг все буквально блестело чистотой, в которой Артем начинал чувствовать себя грязным и неуместным.

— Можно я еще как-нибудь зайду? — спросил он, оставляя пакеты с найденными в брошенных домах продуктами.

Светлана улыбнулась, но так и не ответила. Больше недели она не выходила из дома, затем Артем увидел вывешенное на веревках постельное белье. Простыни застыли на морозе. Светлана снимала их, неловко ломая и складывая в корзину. Артем предложил помощь. Она не отказалась, но и в дом не пригласила. Они снова стали чужими, как и до войны. Просто соседи.

Лишь когда в конце зимы настало время рожать, Светлана пришла к нему и попросила помощи. Она тяжело дышала, по лицу катились крупные капли пота, застывавшие ледышками на воротнике теплой куртки.

— Я сейчас позову Палмера! — сказал Артем.

— Не надо Палмера! — Светлана схватила его за руку. — Мы сами. Хорошо?

— Хорошо, — неохотно согласился он, но, когда оделся и вышел на улицу, Светлана уже вернулась в свой дом.

Она лежала на кровати и тихо стонала. Утреннее солнце светило в заиндевелые окна.

— Что мне делать? — спросил Артем.

— Пока просто посиди со мной, — попроси-

ла она.

Он кивнул, подвинул к кровати стул.

— Я приготовила обед, так что ты потом сходи на кухню и поешь, — сказала Светлана.

— Ты думаешь, все будет так долго?

— Я не знаю. — Она встретилась с ним взглядом и улыбнулась. Артем улыбнулся в ответ.

Ближе к вечеру он осторожно предложил Светлане позвать Палмера. Она отказалась. Кричала всю ночь, утром смолкла, задремала на четверть часа, снова начала кричать, затем снова стихла.

Артем оделся, выбежал на улицу, привел Палмера. Чужак находился со Светланой до полуночи, затем укрыл ее простыней, вышел, вымыл руки и молча пошел домой.

— Какого черта? — Артем заглянул в комнату, замер, не веря, что все закончилось. — Но ты ведь врач! — закричал он Палмеру, догоняя его на улице.

Холодный ветер гонял над сугробами снег. Артем был не одет, но не замечал этого.

— Ты заболеешь, — сказал Палмер.

— К черту! — Артем схватил его за руку. — Почему она умерла?

— Ты привел меня слишком поздно.

— Но ты же врач.

— Верно. Врач, а не Бог. Ты просил от меня невозможного.

— Ты врешь! Ты врешь! — Артем хотел его ударить, но тело замерзло так сильно, что сил хватило только расплакаться, упасть на колени, сжаться, забыться.

Палмер поднял его на руки и отнес в дом, укрыл одеялами, напоил водкой и долго сидел рядом, пока Артем не уснул.

Печка в доме Светланы погасла, в комнаты пробрался холод.

Артем и Палмер дождались ранней весны и только тогда похоронили ее. Земля была промерзшей, но им некуда было торопиться.

— Не хочу больше оставаться здесь, — сказал Артем, когда теплое солнце растопило снег на полях.

Они дождались конца апреля, собрали вещи, провизию.

— Думаешь, здесь действительно остались мины? — спросил Артема Палмер, когда они оказались в поле.

— Надеюсь, что нет. Но если наступишь, то не двигайся. Они не взрываются, пока не поднимешь ногу. — Он обернулся, бросив последний взгляд на далекую окраину города, рассказал

о выжившем после войны соседе, подорвавшемся на одной из мин в этом поле, вспомнил друзей, которых похоронил в эту зиму, сник.

— Все еще винишь меня в их смерти? — спросил Палмер.

— Нет, — сказал Артем, услышал щелчок сработавшего детонатора мины, замер.

— Это у меня, — сказал Палмер.

— Не двигайся!

— Да я уже понял. — Палмер нервно улыбнулся. Артем встал на колени, осмотрел мину под ногой чужака. — Ты ведь поможешь мне?

— Конечно. — Артем отошел в сторону, снова вспомнил всех, кого похоронил в эту зиму. Вспомнил даже свою собаку, издохшую в начале весны. — Ты только никуда не уходи. — Он развернулся и осторожно пошел по оставшимся следам назад в город.

Добрался до окраины поля, за которой была родная, знакомая земля, снял рюкзак и долго стоял неподвижно, дожидаясь взрыва…

Богиня

1

Затерявшаяся среди болот деревня встретила Дэйла Блоксхэма и его друзей так, как подобает встречать чужаков: косые взгляды, недовольство, шепот за спиной.

— Зачем Джонни приехал сюда? — спросила Кэрис.

— Я не знаю, — Тэй обнял ее за плечи. — Может быть, ему надоели большие города?

— Да нет! Это просто отличный способ пустить себе кровь, — засмеялся Маккол, убивая очередного москита. — Интересно, а медицинские пиявки у них есть?

— Не знаю, как насчет медицинских, — Дебора смотрела на зеленую воду, покрытую трясиной, — а простых, думаю, хоть отбавляй.

Они шли по деревянному причалу к суше. Проводник, который показал им это место, развернул лодку и теперь уплывал прочь. Вышедшие им навстречу люди молчали. Пожилая женщина в льняном сарафане держала в руках несколько ломтей свежеиспеченного хлеба. Она протянула

их Тэю.

— Спасибо, — замялся он, принимая дар. — Мы ищем своего друга. Джонни. Не могли бы вы отвести нас к нему?

Делегация встречающих молчала. Все они смотрели на хлеб в его руках.

— Съешь его, — сказал Дэйл.

— Съесть? Да я не ем хлеб!

— Они ждут, Тэй!

— Черт! — он засунул в рот большой кусок и заставил себя проглотить. — Джонни, — повторил он. — Отведите нас к нему.

Женщина с хлебом прошла мимо него и вручила крупные ломти каждому из его друзей. Лишь после того, как все они последовали примеру своего друга, она заговорила:

— Джонни предупреждал, что вы придете. Мы ждали вас.

— Нам нужно его увидеть, — проявила нетерпение Кэрис.

— Утром, — сказала женщина. — У нас есть некоторые правила, если, конечно, вы понимаете, о чем я. Следуйте за мной.

2

Их привели в большое деревянное здание.

— Здесь живут наши гости, — пояснила женщина.

— Джонни тоже здесь? — спросила Кэрис.

— Нет. Джонни уже не гость. Он один из нас. — Женщина указала на дверь: — Здесь будет ваша комната. — Она остановила Тэя: — Не ваша. Вас мы поселим чуть дальше. Незамужним женщинам не положено спать с мужчинами.

— Но мы женаты.

— У нас свои обычаи. — Женщина наградила Кэрис недовольным взглядом. — В шкафу вы найдете более приличную одежду.

Кэрис смущенно одернула короткую юбку.

— Вас это тоже касается, — сказала женщина Деборе. — В следующий раз постарайтесь выглядеть более прилично.

— Нас это тоже касается? — спросил Тэй.

— К мужчинам у нас более терпимое отношение.

— Это радует, — засмеялся Маккол.

Они прошли дальше по коридору.

— Мужчины — продолжатели рода, — сказала женщина. — У мужчин больше прав, нежели

у женщин.

— Хоть где-то нас еще ценят. — Он ударил себя по щеке, раздавив очередного москита. — Как вы боретесь с ними?

— Ночью их будет больше.

— Черт!

3

Стемнело. Тэй лежал на кровати, спрашивая себя, зачем Кэрис притащилась сюда. Неужели брат был настолько дорог ей или же это Дэйл уговорил ее приехать?

— Ни электричества, ни водопровода, ни телефона, — Маккол встревоженно расхаживал по комнате.

— Завтра мы встретимся с Джонни и заберем его отсюда, — сказал Блоксхэм.

— А если он не захочет? Что тогда? — Маккол воззрился на Тэя. — Думаешь, Кэрис уедет без него?

— Думаю, мы сможем его убедить.

— Надеюсь, ты прав, потому что я не собираюсь задерживаться здесь ни на день больше.

В дверь кто-то постучал.

— Наверное, девчонки, — улыбнулся Маккол.

Он открыл дверь. На пороге стоял мужчина —

один из тех, что встречали их у причала.

4

Он отвел их в место, напоминавшее салун из старых вестернов. Его звали Джаруд, но Блоксхэма и его друзей больше интересовало бренди, которое он снова и снова приносил за столик.

— Боюсь даже представить, как вы живете здесь, — сказал изрядно подвыпивший Маккол. — Не удивлюсь, если окажется, что ты женат на своей собственной сестре.

— У нас небольшая деревня, — Джаруд начал икать.

— По-моему, это отвратительно!

— Мак! — попытался успокоить его Блоксхэм.

— А что? Представляешь, трахать каждую ночь собственную сестру?!

— Не-е-ет, — замотал головой Джаруд. — Не каждую ночь. Только ради потомства.

— А как же… ну… секс и все такое? — Маккол тупо уставился на своего нового друга. — Или же вам здесь этого не надо? Гм!

— Были времена, когда и не надо было. Женщинам, по крайней мере, — Джаруд понизил голос. — Говорят, когда-то давно был один обычай… В общем, потом женщины годились лишь

для того, чтобы работать и рожать.

— Что за обычай? — теперь Маккол начал икать.

— Им отрезали клитор.

— А ты болтун, Джаруд, — улыбнулся Блоксхэм.

— Нет, — снова затряс тот головой. — Клянусь, все было именно так, до тех пор, пока не пришла Тарлона.

— Тарлона?

— Тшш! — он прижал указательный палец к губам. — Она научила женщин править.

— Так вами правят юбки? — заржал Маккол, вспоминая то, как их встречали.

— Причем здесь клитор? — серьезно спросил Джаруда Блоксхэм.

— Тарлона подарила им себя, понимаешь?

— Нет, — теперь и Блоксхэм начал икать.

— Их наслаждение. Они обретают его там.

— Где — там? — Маккол был весел. — Вокруг вас только болота.

— Вот именно там. Они приходят к ней, когда наступает время. Когда старость бьет для них в колокол.

— Вы что, бросаете мертвецов в болота?

— Почему мертвецов?

— Это жестоко, Джаруд.

— Это их путь.

— Чей?

— Женщин.

— Значит, вы хороните в болотах только женщин?

— Их ждет там наслаждение, понимаешь? А мы, мужики, получаем это наслаждение здесь. Мы не достойны. Тарлона не любит нас! — по его щекам покатились благоговейные слезы.

5

Шатаясь, они поднимались по лестнице.

— Это что-то типа публичного дома? — спросил Джаруда Маккол.

— Лучше! — Джаруд засунул в рот большой палец, обсасывая соленую кожу.

— Бедный мужик, — шепнул Тэй Блоксхэму.

— Мне интересно другое. Что Джонни нашел в этом месте?

— Может быть, он трахает эту Тарлону?

— Да, это было бы на него похоже.

Из комнаты, возле которой остановился Джаруд, вышли два мужика, подтягивая штаны.

— Они особенные! — пропел Джаруд, открывая дверь.

Две женщины, стоя на четвереньках, обернулись, разглядывая незнакомцев. Их тела были обнажены.

— Что за… — если бы Маккол был не настолько пьян, то его бы вырвало.

— Заходите же! — поторопил Джаруд. — Здесь на всех хватит!

— Ну уж нет! — Маккол сбросил с плеча его руку.

— У них что, по два влагалища? — Тэй озадаченно чесал затылок.

— Это только у одной, — Джаруд радостно хлопнул в ладоши, пуская слюни. — У другой три сиськи!

— Это отвратительно!

— Это обещает удовольствие! — Джаруд снова попытался запихнуть друзей в комнату. — Тарлона дарит нам их, в знак благодарности за нашу работу.

— Дарит?

— Да! Она позволяет им появиться на свет такими… — Джаруд жадно проглотил скопившуюся слюну. — Аппетитными.

— Чертово кровосмешение, — подметил Маккол.

— Это точно, — согласился Тэй. — Здесь что,

нет нормальных шлюх?

— Я, пожалуй, еще выпью.

— Я тоже. Дэйл, ты идешь?

— Что Джонни нашел в этом месте? — Блоксхэм продолжал разглядывать ошибки анатомии. — Джаруд, я могу остаться здесь?

— Ты что, спятил? — опешил Маккол.

— Я знаю, что делаю. Так как насчет того, чтобы мне остаться с ними одному, Джаруд?

— Одному?

— Я же гость, Джаруд. Не так ли?

6

— Ты новенький? — спросили женщины Блоксхэма.

— Да. — Он заставил себя подойти к ним ближе. — Я новенький.

— Как тебя зовут?

— Дэйл.

— Дэйл, — пропели женщины.

— Джонни.

— Так Дэйл или Джонни?

— Я ищу Джонни. Он ведь был здесь, да? Высокий, худощавый, с красивым лицом и светлыми волосами.

— Он рассказывал нам о тебе.

— Рассказывал?

— Да, он говорил, ты был отвратительным любовником.

— Где он сейчас?

— Здесь. Повсюду. — Женщины обняли ноги Блоксхэма. — Ты не должен искать его. Не ты. Тарлоне не нравится, когда ищут ее возлюбленных. — Их руки поднимались к его паху. — Мы лучше, чем Джонни, Дэйл.

— Где он?

— Покажи нам свою спину, ковбой. Она так же красива, как и спина Маккола?

— Что? Откуда вы знаете?

— Джонни рассказал нам.

— Я должен увидеть его.

— Тарлона хочет только Джонни.

7

Блоксхэм лежал в кровати, слушая, как храпит Маккол.

— Скажи, — спросил Тэй, — ты трахнул их?

— Нет.

— Из-за Джонни?

— Это ошибки анатомии, Тэй. Я просто хотел расспросить их о нем.

— Странное место, правда?

— Более чем.

— Зачем ты расспрашивал Джаруда про кладбище?

— Хочу убедиться в правдивости его слов. — Блоксхэм поднялся с кровати и открыл окно. — Думаю, я смогу отыскать кладбище и в темноте.

— Какого черта, Дэйл? Что ты хочешь там увидеть?

— Могилы, Тэй. Джаруд сказал, что они хоронят женщин в болотах, значит, на кладбище должны быть только могилы мужчин.

— Это глупо.

— Мы должны знать, что нас ожидает здесь.

8

На кладбище было грязно и воняло болотной тиной. Блоксхэм осмотрел не один десяток надгробий. Джаруд не врал. Здесь действительно были похоронены только мужчины.

— Узнал, что хотел? — спросила Блоксхэма незнакомая женщина.

— Тебя послал Джаруд?

— Меня послала Тарлона.

— Мне не нужны ваши тайны. Только Джонни.

— Тебя уже ждут.

— Джонни?

Девушка не ответила ему.

9

— Это здесь, — она указала ему на высокий сарай.

— Здесь воняет, — скривился Блоксхэм, осторожно переступая порог.

— Здесь твой возлюбленный. — Девушка закрыла за ним дверь. — Здесь много твоих возлюбленных.

Блоксхэм ничего не видел. Он был здесь не один. Он знал это. Слышал чье-то сопение вокруг.

— Джонни? — позвал он.

Десятки разбуженных свиней недовольно захрюкали. Их загоны были открыты. Они выбирались из них и шли на голос чужака. На его запах. Одна из свиней укусила его за ногу. Блоксхэм вскрикнул и пнул ее. Хлынувшая из раны кровь напомнила другим свиньям об их голоде. Теперь это был не чужак. Теперь это была их пища. Одна за другой свиньи впивались зубами в его ноги, выдирая теплые куски свежего мяса. Блоксхэм кричал, пытаясь найти выход. «Главное — не упасть», — думал он, но вскоре на его ногах не осталось плоти. Свиньи вцепились в его

руки, торс, лицо. Они разрывали его на части.

10

Тэй открыл глаза. Молодая девушка смотрела на него сверху вниз.

— Ваш друг, — сказала она. — Ему нужна помощь.

— Что с ним?

— Он на причале.

— Чертов Блоксхэм! — проклинал его Тэй, поднимаясь с кровати.

Он вышел следом за девушкой на улицу.

— Он всего лишь хотел найти Джонни.

— Я знаю, — сказала она.

Они подошли к причалу. В болотах что-то булькало. Старые доски заскрипели под ногами. Люди. Молчаливые жители этой деревни. Они стояли вдоль перил и смотрели на незваного гостя. Болото светилось. Казалось, что люминесцируют водоросли. Несколько мужчин с ножами преграждали Тэю дорогу. Они жадно принюхивались. Их глаза были закрыты… Нет, они были то ли вырезаны, то ли чем-то выжжены.

— Какого черта? — Тэй вопросительно уставился на девушку. — Где Блоксхэм?

— Тарлона не любит незнакомцев.

— К черту! — он попытался схватить ее за руку. — Завтра нас здесь уже не будет. Обещаю!

— Я знаю. Чужаки уходят быстро.

Она выскользнула из его рук. Тэй обернулся. Со спины к нему приближалась еще одна компания слепцов с ножами.

— Какого хрена?!

Услышав его голос, слепцы ускорили шаг. Они зарежут его! Искромсают на части! Взобравшись на перила, Тэй спрыгнул в болото. Затхлая вода сомкнулась над его головой. Что-то тянуло его вниз. Он открыл глаза, пытаясь сориентироваться. Водоросли обвили его ноги. Внизу было илистое дно, наверху тьма. Бесформенная голая женщина плыла к нему навстречу, раскинув руки. У нее не было определенного возраста. Большие груди, вскормившие не одного ребенка, свисали к животу. Она обняла Тэя, прижимая его голову к своей груди. Он слышал, как бьется сердце. Десятки нежных рук ласкали его. Их нежность заставила сделать вдох, наполняя легкие затхлой водой. Последний вдох Тэя.

11

Маккол открыл глаза, проклиная себя за то, что вчера так сильно напился. Яркое солнце осле-

пило его. Он лежал на деревянном кресте лицом вниз. Его руки, ноги и шея были привязаны к кресту. Рядом с ним стоял Джаруд, щедро поливая его голову холодной водой, заставляя очнуться.

— Что происходит?! — Маккол попытался освободиться от пут.

— Успокойся, — Джаруд похлопал его по щеке. — Девочки тоже хотят поиграть.

Две женщины, две ошибки анатомии, подошли к нему.

— Твоя спина, ковбой, — сказала одна из них, разглядывая большую татуировку на его коже.

— Джонни рассказывал нам о ней, — сказала та, у которой было три груди. — Она нравилась ему. Ты знаешь?

— Какого черта! — Маккол снова попытался освободиться.

— Нам нужен только рисунок. На память. А потом, возможно, ты станешь одним из нас.

Джаруд освободил Макколу левую руку и вложил в нее нож.

— Когда боль будет невозможно терпеть, убей себя, — сказал он, приставив острие к его груди.

Маккол ничего не мог сделать. Только ждать, сжимая в мокрой ладони рукоять ножа.

— Пожалуйста, — взмолился он, пытаясь

отыскать в толпе сочувствующих, но их не было. — Кэрис!

Ее взгляд был холодным. Таким же, как и глаза остальных женщин деревни. Тарлона была в каждой из них. И каждая из них была в Тарлоне. На их лицах не дрогнул ни один мускул. Мольбы Маккола не разжалобили их. Он был один. Он был чужак. Его крик утонул где-то в болотах. Дрожащая рука так и не смогла вонзить нож в собственное сердце. Даже когда с его спины срезали часть кожи, даже когда мухи отложили в его плоть личинки, а москиты принялись сосать из него кровь, — он не смог лишить себя жизни.

Несколько дней он лежал привязанный к кресту где-то среди болот и надеялся на спасение. А личинок, облюбовавших его свежую плоть, становилось все больше.

Море

1

Море. Штиль. Белый диск солнца. Человек в спасательной лодке. Жара. Белая соль на одежде. Жажда. Глаза слипаются. Мысли путаются. Невозможно вспомнить, сколько уже прошло дней с момента крушения, — время вытянулась в бесконечную прямую. Минута? Вечность? Смена суток?

Соленые воды плещутся о борт желтой резиновой лодки. Человек лежит на спине, смотрит в небо. Белое солнце обжигает глаза, выдавливает слезы — такие же соленые, как и вода за бортом.

— Ты все видишь, правда? — спрашивает человек, обращаясь к солнцу.

Белый лик молчит.

— Ты все знаешь, — продолжает человек.

Сухие растрескавшиеся губы начинают кровоточить. Он чувствует металлический привкус во рту.

— И тебе плевать, — говорит человек солнцу. — Плевать на меня, на всех!

Он улыбается, и на мгновение ему кажется,

что солнце улыбается в ответ.

— Да. Я так и думал, — кивает человек.

2

Всплеск. Дельфин выбивает хвостом сноп жемчужных брызг, кружит возле лодки.

— Хочешь подружиться? — спрашивает человек.

Дельфин смотрит на него, кивает, снова выбивает сноп брызг.

— Видел? — спрашивает человек белое солнце. — Не то что ты!

Он протягивает руку, трогает дельфина, называет его другом, снова смотрит на солнце — далекое и нереальное, жаркое и раскаленное.

— Ненавижу тебя! — кричит ему человек, смотрит на дельфина. — Ты ведь понимаешь меня?

Дельфин кивает, уплывает далеко вперед, возвращается, долго плывет рядом.

— Друг, — шепчет ему человек. — Настоящий друг.

3

Дождь. Редкие капли падают с неба. Человек чувствует их на своем лице, открывает глаза,

жадно ловит открытым ртом.

— Издеваешься, да? — кричит он солнцу, которое прячется от него за синими тучами. — Любишь издеваться?!

Дождь усиливается, прогоняет дельфина.

— Он вернется! — обещает солнцу человек, но солнца уже не видно.

Пунцовые тучи начинают метаться по небу. На дне лодки скапливается вода. Человек падает на колени, пытается напиться. Кричит что-то, не особенно понимая, что происходит. Воды в лодке становится больше. Человек пытается ее вычерпывать руками, проклинает небо, зовет дельфина, плачет, отчаивается, клянется в чем-то кому-то…

4

Утро. Штиль. Спасательный жилет помогает держаться на воде. Лодка утонула. Сознание ясное и чистое. Человек смотрит вдаль. Страха нет. Ничего нет. Лишь бесконечная водная гладь кругом. Все остальное осталось где-то ночью, утонуло вместе с лодкой во время шторма.

5

Плавник. Острый, черный.

— Нет. — Человек недоверчиво вглядывается в даль.

Казалось, что хуже не может быть. Казалось, что больше вообще уже ничего не будет и всю оставшуюся жизнь придется плыть и плыть, пока не придет медленная безболезненная смерть.

— Только не так! — шепчет человек, видя, как приближается к нему акула. — Только не так!

Он оглядывается, пытаясь найти выход, видит далекий корабль. Белые паруса. Киль разрезает море.

— Нет, — шепчет человек. — Так не бывает! Я просто схожу с ума. У меня видения…

Он оборачивается, надеясь, что акулы уже нет за спиной. Но акула по-прежнему плывет к нему, плывет за добычей. И плывет корабль, чтобы спасти его. Люди на борту что-то кричат ему, машут руками.

— А если это на самом деле?

Человек плывет к кораблю, оглядывается, видит акулу.

— Помогите! — кричит он людям на корабле.

Белое солнце молча наблюдает за ним с синего неба.

Акула? Корабль?

Безумие? Реальность?

— Помогите! — снова кричит человек, но уже обращаясь не только к людям на корабле, но и ко всему миру, ко всему человечеству. — Помогите, кто-нибудь!

И нет уже ничего, кроме этого крика. И можно только плыть. Плыть вперед. Плыть, пока есть силы…

Вакуум

1

Она не думала, что идет в будущее, не верила, что, когда откроет глаза, увидит крылатых ангелов, она просто шла в темноту, перешагивая через грань, за которой нет ничего. Сделанная петля как нельзя лучше сдавила шею, в ушах загудело. Ступни вытянулись в поисках опоры. Она сжала кулаки, слюна заструилась по подбородку. Темные круги застлали глаза. Тело еще раз судорожно дернулось и обмякло.

2

Она умерла. Ушла из мира, где не могла больше оставаться. Открыла дверь и вырвалась на свободу, пусть даже такой ценой… Но свобода была недолгой. Она поняла, что возвращается, вновь ощутив тяжесть век и боль в горле. Прорвавшийся сквозь ноздри воздух разодрал слипшиеся легкие. Приступ рвоты сдавил желудок. Тронутая гниением пища, поглощенная до смерти, зловонными кусками вырвалась наружу. Налитый

кровью взгляд уперся в канализационный свод. Где-то далеко гудели очистительные сооружения. Где-то там фильтровались испражнения тысяч людей. Не рай и не ад. Всего лишь мир, из которого она хотела уйти.

3

Никогда прежде она не чувствовала ничего подобного. Не было ни страхов, ни сомнений. Паутина в голове говорила ей, куда идти и что делать. Кристальная прозрачность сути. Все остальное было второстепенным.

4

Редкие прохожие старались держаться подальше от странной женщины. Преследовавший ее запах мог напоминать лишь одно — смердящую вонь разлагающейся плоти. Устремив взгляд на другую сторону улицы, она смотрела на рыжеволосого гинеколога. Он улыбался. Он шел на работу, и она шла следом за ним.

5

Дверь в кабинет была открыта. Гинеколог по-

ливал цветы на подоконнике. Он не слышал ее шагов. Сильные руки мертвеца сдавили его плечи и бросили на гинекологический стул. Месяц назад она была на его месте, и этот рыжий улыбчивый гинеколог высасывал вакуумом из ее тела ребенка. Теперь вакуум высасывал из него внутренности. Компрессор тихо работал, выплевывая в стеклянные сосуды окровавленные куски мяса. Месяц назад она видела, как в один из этих сосудов компрессор выплюнул часть ее тела. Часть того, что должно был стать ее ребенком.

— Боже мой! — шептал гинеколог. — Не надо. Не надо. Не надо.

Она тоже шептала. Тогда шептала.

6

Отец нерожденного ребенка был дома. Он мирно спал в своей кровати. Она помнила, как он улыбался, говоря, что договорился об аборте. Помнила, как дожидался ее возле больницы.

— Сама понимаешь… — говорил он.

— Да, — кивала она.

Она подошла к кровати и сдавила его горло.

— Уходи, — прошипела она его проснувшейся жене.

Женщина закивала и выбежала из дома.

— О боже! О боже! — звучал ее голос с улицы.

7

Паутина вздрогнула. Еще одна бабочка. Последняя.

8

Она пришла на городскую свалку. Здесь, среди бытового мусора и медицинских отходов, она отыскала гниющий кусок мяса, который должен был стать ее ребенком. Она обняла его и прижала к груди. Теперь ее путь был окончен.

Клоун

1

Поцелуй был настолько страстным, что фильм совершенно не запомнился.

— К тебе или ко мне? — спросила Кейт Рейлэнс, когда они вышли из кинотеатра.

— Можем в машине, — предложил Пол Грир, обнимая девушку за плечи.

— Снова в машине?

— Ты против? — он прижался лицом к ее голове, вдохнул запах ее волос.

— Мы же не дети!

— Я не говорю о детях. Я говорю о нас.

— Тогда не против. — Кейт нырнула ему под мышку, не видя ничего и никого вокруг. Почти никого…

Клоун. Невысокий, застенчивый, с тремя воздушными шарами в левой руке. Наклонив набок голову, он наблюдал за парой, стоя чуть в стороне. Кейт встретилась с ним взглядом, вздрогнула. Вздрогнул и клоун. Белые воздушные шары устремились в небо. Кейт заставила себя улыбнуться.

— Смотри, — указала она Гриру на клоуна.

— Возьмем третьим?

— Пошляк! — Кейт ткнула Грира под ребра.

Он притворился, что ему больно. Клоун повторил его движения.

— Он что, заигрывает? — попытался пошутить Грир, обнял Кейт за плечи, прижал к себе.

Клоун снова повторил его движения, обняв невидимую девушку.

— А так? — спросил Грир, поцеловав Кейт.

Клоун повторил поцелуй.

— Неплохо, вот только без языка… — Кейт подмигнула клоуну, вспомнила, о чем они говорили с Гриром минутой ранее, потянула его к машине.

Клоун пошел следом, продолжая пародировать их.

— Мы вообще-то хотели побыть вдвоем! — сказал клоуну Грир, скользнув по спине Кейт вниз.

Клоун повторил его движения. Грир тихо выругался.

— Дойдем до машины и отделаемся от него, — шепнула ему на ухо Кейт.

Клоун отстал, однако, когда Грир садился за руль, вынырнул на тротуар и начал парадировать его.

— Да, да. Очень забавно! — одобрил его на про-

щание Грир, включил передачу, дал задний ход, вздрогнул, почувствовав удар, остановился, вышел из машины.

Клоун лежал на асфальте, раскинув руки. Большие глаза были открыты и смотрели в небо.

2

Кровь клоуна на асфальте и руках пытавшихся спасти его людей — эти видения приходили каждый раз, стоило Кейт закрыть глаза чуть дольше, чем на секунду.

— Не нужно было тебе выходить из машины, — снова и снова говорил ей Грир.

Кейт кивала. Кейт, которая все еще находилась на парковке возле кинотеатра. Она стоит на коленях возле клоуна, а его кровь из разбитой головы течет по ее рукам.

— В этом не было нашей вины, — сказал Грир.

Кейт кивнула.

— Офицер Добински сказал, что мы можем забыть об этом, как о ночном кошмаре.

— Я знаю.

Кейт попыталась сдержать приступ рвоты, но не смогла, закрыла рукой рот, добежала до ванной.

— С тобой все в порядке? — спросил через дверь

Грир.

— Я не знаю, — честно призналась Кейт.

— Помощь нужна?

— Нет. — Она закрыла крышку унитаза, спустила воду, подошла к раковине, умылась, уставилась на свое отражение. Бледные щеки, синяки под глазами, губы блестят синевой.

Кейт открыла ящик, достала пудру, попыталась привести себя в порядок, вышла из ванной, увидела, как вздрогнул Грир, когда посмотрел на нее, и невольно вздрогнула сама.

— Какого черта это значит? — растерянно спросил Грир, пытаясь за макияжем клоуна отыскать знакомые черты любимой женщины.

3

Рабочий день шел медленно, тянулся, мучил. Несколько раз Грир пытался дозвониться до Кейт, но так и не смог. К концу рабочего дня он уже начинал ненавидеть автоответчик и записанный на нем голос.

— Где ты была? — спросил он, приехав домой к Кейт, увидел коробки с купленными костюмами, разбросанные на кровати.

— Просто хотела немного отвлечься, — извиняясь, улыбнулась Кейт.

— Могла бы хоть позвонить, — недовольно проворчал Грир, прошел на кухню, закурил.

В комнате шуршал картон коробок и ткань костюмов. Грир налил себе оставшийся в кофеварке холодный кофе, услышал шаги Кейт за спиной, обернулся, увидел клоуна.

— Ну как? — спросила Кейт кривляясь, изображая застенчивость.

Грир молчал.

— Я тебе не нравлюсь? — Кейт расстегнула несколько пуговиц костюма, обнажив грудь. — А так?

— Так уже лучше, — сказал Грир, не понимая, что происходит.

— Тогда чего же ты ждешь? — Кейт поманила его к себе, попятилась к дивану. — Ты когда-нибудь хотел сделать это с клоуном?

— Нет.

— А когда был ребенком? — она встала коленями на диван, спиной к Гриру, обернулась.

— Если честно, когда я был ребенком, то до чертиков боялся клоунов, — признался Грир.

— Вот как? — Кейт рассмеялась, выбралась из белого клоунского комбинезона, словно змея из старой кожи. — А теперь? — спросила она, выгибая спину. — Теперь тебе страшно?

— Теперь нет. — Грир отчаянно пытался убедить себя, что это просто странная, не совсем здоровая игра.

4

Филип Бота позвонил Гриру в обед и с какой-то простоватой хитринкой сказал, что видел Кейт.

— Ты не говорил, что она работает клоуном, — добавил Бота.

— Клоуном?! — Грир почувствовал, как екнуло сердце. — Где ты сейчас?

— В центральном парке.

— А она?

— Здесь же.

— Никуда не уходи.

— Что? — растерянно спросил Бота, но Грир уже повесил трубку.

5

Центральный парк. Голоса детей. Белый диск солнца висит высоко в небе.

— А она у тебя молодец, — сказал Филип Бота Гриру, наблюдая, как Кейт веселит детей.

Грир кивнул, закурил, не зная, что делать. Около получаса Бота находился с ним, затем ушел.

Грир ждал, гадая, знает ли Кейт, что он здесь, или нет. А если знает, то…

— Какого черта ты делаешь?! — потерял он терпение, подошел к своей девушке и, взяв под руку, отвел в сторону.

Она наградила его гневным взглядом, затем моргнула как-то растерянно.

— А, это ты! — протянула она устало.

— Что это значит? Ты что, хочешь таким образом обвинить меня в смерти того клоуна? Ладно. Я понял. Признаю. За рулем сидел я, но…

— Мигель Альварес, — сказала Кейт.

— Что?

— Клоуна звали Мигель Альварес. — Она обернулась, улыбнулась паре случайных прохожих, снова уставилась на Грира гневным взглядом. — Ты убил Мигеля Альвареса, а вон там, — ее рука вытянулась, указывая на пару ребятишек с мороженым, — там его дети. Сироты. Не хочешь подойти и поговорить с ними?

— Что?

— Извиниться.

Грир тяжело вздохнул, пожал плечами, поплелся к скамейке с детьми, на ходу подбирая слова.

— Ну же! — поторопила Кейт, когда они подошли к детям.

Грир замялся, начал бормотать что-то бессвязное. В животе появилась тяжесть. Рот заполнила желчь.

— Что здесь происходит? — строго спросил мужчина, подходя к детям.

Женщина взяла детей за руки и повела прочь.

— Это ваши дети? — опешил Грир.

— А незаметно? — скривился мужчина, сжимая перед лицом Грира тяжелый кулак.

Грир извинился, поднял руки, сделал шаг назад. Кейт рассмеялась: громко, задорно, безудержно.

6

В клинике тихо и пахнет медикаментами.

Доктор Дорфф долго осматривал Кейт, затем сделал укол, дождался, когда она уснет, предложил Гриру пройти в кабинет, выслушал историю о клоуне, рассказал случай о мальчике, который после смерти своей кошки долго считал себя кошкой.

— Я так понимаю, что будет лучше, если Кейт останется на время здесь? — пришел к выводу Грир.

Доктор Дорфф выдержал его тяжелый взгляд и кивнул.

— И как долго?

— Пока не пройдет чувство вины, — доктор Дорфф развел руками, признавая, что не всесилен.

Грир кивнул, попрощался, вышел на улицу. Какое-то время он просто бездумно шел вперед. Черная тень шла рядом. Назойливая тень, все больше и больше начинавшая напоминать встреченного на стоянке у кинотеатра клоуна, который так хорошо парадировал людей. Грир выругался, остановился. Тень остановилась. Он пошел. Тень пошла следом за ним. Пошла кривляясь, издеваясь над ним.

— Ну хватит с меня! — Грир поймал такси, добрался до центрального парка, забрал свою машину, стараясь не обращать внимания на преследовавшую его тень.

Но тень была, шла следом за ним, кралась, пряталась.

— Чего ты хочешь? — спросил Грир, когда оказался дома.

Тень затаилась, метнулась за диван, когда вспыхнуло искусственное освещение. Грир прошел в ванную, умылся, вгляделся в свое отражение.

— Чего ты хочешь? — спросил он клоуна, который пялился на него с зеркальной глади.

Клоун не ответил, лишь робко улыбнулся.

— Это была случайность, — тихо сказал клоуну Грир. — Мы не виноваты. Мы… — он замолчал, услышав звонок в дверь.

7

На пороге стоял Филип Бота. В руках у него были две почтовые коробки.

— Вот, прислали на работу, — сказал он. — Я подумал, что живем все равно рядом, поэтому…

— Что поэтому? — устало спросил Грир, пытаясь понять, что лежит в коробках.

— Что с твоим лицом, Пол? — растерянно спросил Бота.

— С лицом? — Грир провел указательным пальцем по щеке. Белый грим еще не засох.

— Ты что, тоже подрабатываешь клоуном или это у вас с Кейт такие ролевые игры? — попытался найти объяснение Бота.

— Я сейчас умоюсь. — Грир забрал у него коробки. — Никуда не уходи.

Он закрыл дверь, побежал в ванную, спешно умылся.

«Надо успокоить его, убедить, что со мной все в порядке, — думал Грир, натягивая чистый костюм. — Сходим поужинать, выпьем…»

В дверь снова позвонили.

— Я, пожалуй, пойду! — крикнул Бота, чувствуя недоброе.

Он развернулся, сделав шаг к лифту, когда открылась дверь. В нос ударил свежий запах грима.

— А вот и я! — радостно сказал Грир.

Бота медленно обернулся. На пороге стоял клоун и застенчиво улыбался ему.

Комната под зимним садом

1

Он был писателем — Джером Малкович. Так, по крайней мере, ему казалось с детства. Позже в этом его убедила пресса. Критики — и те словно сговорились хвалить его… И казалось, что так будет всегда. Всю жизнь… Но потом что-то сломалось: в голове, в жизни. Словно кто-то переключил невидимый тумблер. «Нужно просто расслабиться», — решил Малкович.

— Нужно просто немного отвлечься, — сказал он своей жене.

— Хорошо, — сказала Бриджит, выждала полтора года, поняла, что лучше не будет, и подала на развод.

На процессе Малкович в основном молчал да лишь изредка жаловался то на тяжелое похмелье, то на очередную женщину, с которой провел ночь.

— Ты понимаешь, что топишь нас? — шипела на него адвокат по разводам Эмили Уотсон.

Малкович кивал, спрашивал, какого размера у нее грудь, признавался, что еще немного пьян

или под кайфом. Эмили оглядывалась, давала ему затрещину.

— Ты хуже моего ребенка! — шипела она.

Малкович соглашался, тем более что дочь адвоката ему действительно нравилась.

— Ей семь, ее зовут Джуди, и вчера она спрашивала, должна ли теперь называть меня папой, — говорил он, видел, как заливаются румянцем щеки Эмили, и самодовольно улыбался.

2

Чувства пришли как-то внезапно, хотя Малкович предпочитал, чтобы это было вдохновение или хотя бы идея на рассказ. Встреча с женой была назначена на девять утра. Был воскресный день. Малкович проснулся в семь. Эмили еще спала. От нее пахло чем-то сладким. Малкович поймал себя на мысли, что хочет не сбежать, а остаться. По крайней мере, пока не пройдет это странное чувство… Он выкурил сигарету, заставил себя подняться, оделся, поймал такси…

В баре было душно, и Бриджит опаздывала. «Впрочем, как и всегда», — подумал Малкович, заказал себе выпить, затем еще и еще. Алкоголь не пьянил. Голова настырно оставалась трезвой.

— Начал пить с утра или продолжаешь с но-

чи? — спросила Бриджит.

На ней была надета черная мини-юбка. Чулок не было. Черные туфли на высоком каблуке. Шаг широкий.

— У тебя трусы видно, — подметил Малкович, когда бывшая жена села за стол.

— Тебя это беспокоит?

Он пожал плечами.

— А моему новому нравится, — сказала она.

— Хорошо.

— Ты-то в последний год совсем ничего не замечал.

— Не знал, что тебя это волнует.

— Вот еще!

— Тогда хорошо.

Малкович поставил пару необходимых подписей.

— Не жалеешь, что отдал дом? — спросила Бриджит уже как-то примирительно.

— Это меньшее, что я должен тебе за те пятнадцать лет, что ты меня терпела.

— Адвокат научила так говорить?

— Адвокат еще спит.

Бриджит нахмурилась, хотела сказать что-то еще, затем махнула рукой, ушла. Малкович смотрел ей вслед и ничего не чувствовал. За со-

седним столом сидела пара инженеров. Какое-то время Малкович слушал их разговор, затем поднялся, прошел мимо, качнувшись к их столу, извинился, сунул в карман украденный телефон. Никто ничего не заметил. Малкович вышел на улицу, выбросил украденный телефон в урну. Ничего: ни страха, ни раскаяния, ни гордости.

3

Идея съехаться пришла так же внезапно, как и чувства.

— Мы просто попробуем, — предупредила Эмили. — И никаких разговоров о свадьбе и о том, чтобы завести общего ребенка.

— Согласен.

— Отлично! — Эмили прищурилась, смерила Малковича внимательным взглядом. — И никаких больше женщин на стороне.

— Согласен.

Малкович закурил.

Ближайшие пару недель они потратили на поиски нового дома. Эмили оживилась, похорошела. На бледных щеках появился румянец. И дом, который она выбирала…

— Ты словно собираешься остаться здесь на всю жизнь, — подметил Малкович, когда они

осматривали новый, еще пахнущий краской дом за чертой мегаполиса.

Эмили не ответила, больше — притворилась, что не услышала. Она ходила по дому и строила планы.

— Тебе все еще нужен свой кабинет? — спросила она Малковича.

Он смутился, затем осторожно кивнул.

— Тогда выбирай любую комнату, — предложила Эмили.

Малкович смутился сильнее.

— Или ты собираешься пить и жалеть себя до конца своих дней? — неожиданно ощетинилась Эмили.

— Ты беременна? — напрямую спросил он.

Она выдержала его взгляд и сказала «да».

4

Следом за чувствами и новым домом пришла мысль, что удастся снова начать писать — впервые за последние годы и на трезвую голову.

— Если хочешь, то можешь снять для этого где-нибудь квартиру или номер в отеле, — предложила Эмили.

Малкович долго хмурился.

— Пока мы не закончим ремонт в новом до-

ме, — добавила Эмили.

Малкович нахмурился сильнее, но уже в этот же вечер позвонил знакомому агенту и попросил подыскать что-нибудь подходящее.

— Жена вытянула все деньги? — удивился агент, думая о своих процентах.

— Просто не нужно ничего яркого, — заворчал на него Малкович. — Скорее, наоборот, для музы.

5

Старый отель был похож на замок снаружи и на дешевую ночлежку внутри. Одно крыло было закрыто, и там ночевали бездомные. В другом крыле находился крытый зимний сад, в котором не сохранилось ни одного целого стекла, и во время дождя его затапливало так сильно, что стены соседних номеров были покрыты плесенью. Большинство комнат были смежными. Номера разделены тонкой перегородкой. Толстая пожилая женщина по имени Тайра, которая вела Малковича к лучшим номерам, бесстыже перечисляла несуществующие преимущества отеля.

— Я беру, — сказал Малкович.

— Берете? — растерялась Тайра, получила деньги наличкой за месяц вперед и не смогла сдержать радостную улыбку.

Улыбался и Малкович. Водка и сигареты помогли скоротать вечер. Постельное белье пахло пылью и плесенью, но было чистым. Малкович лежал на кровати, прислушиваясь, как засыпает отель — стихают крики и брань, голоса, смех.

Ближе к полуночи он выбрался в коридор. С собой у него была початая бутылка водки и новая пачка сигарет. Все как-то неестественно стихло. Малкович попробовал отыскать зимний сад. Под ногами трещали разбитые стекла, разваливались старые ковры. Малкович прошел вперед, попробовал открыть дверь в соседнее крыло, огляделся, убедился, что никто не наблюдает за ним, ударил ногой в замок. Подгнившая древесина хрустнула, сдалась.

Заброшенное крыло встретило его прохладой, ночной свежестью и далекими голосами. Малкович закурил.

Собравшиеся у старого камина бездомные замолчали, увидев чужака.

— У меня есть сигареты и водка, — сказал Малкович, подходя к огню, чтобы согреть руки, вытащил из кармана пару двадцаток, протянул ближайшему бездомному. — А если есть желание, то можно принести еще водки.

Парень схватил деньги, огляделся, получил

согласие старших и побежал прочь. Малкович сел на его место, достал пачку сигарет, увидел протянутые грязные руки, раздал всем по сигарете. Пачка кончилась. Пришлось достать еще денег и отправить еще одного подростка за сигаретами.

6

— Богач? — спросила молодая девушка, подсаживаясь рядом.

— С чего ты взяла?

— Ну, если бы ты обокрал кого-нибудь, то вряд ли бы стал раздавать так деньги, да и костюм у тебя дорогой…

Малкович прервал ее, представился.

— А я — Милли, — сказала девушка. Рука ее была теплой, ладонь немного влажная.

— Выпьешь? — предложил Малкович, достав початую бутылку водки.

Бездомные загудели.

— Вам сейчас принесут! — напомнил им Малкович.

— Сомневаюсь, что они станут тебя слушать, — сказала Милли.

— А мне плевать. — Он выпил из бутылки, закрыл крышку.

— Кажется, ты предлагал выпить мне, — сказала девушка.

Малкович кивнул. Она забрала у него бутылку.

— А ты умеешь пить, — подметил Малкович.

Милли кивнула, перевела дыхание, вернула бутылку. Лицо у нее было смуглым. Черные волосы коротко пострижены. Глаза большие, светлые.

— Давно ты здесь? — спросил Малкович.

— Пару месяцев.

— А до этого?

— Какая разница?! — девушка поморщилась, попросила у него сигарету.

Малкович снова выпил.

— У меня кризис, — сказал он, сам не зная зачем.

— У тебя — что? — растерялась Милли.

— Я писатель, и у меня кризис.

— Ах, это… А то я уж испугалась, что это болезнь какая…

— Да. Смешно звучит.

— Я не шутила.

— Я, к сожалению, тоже.

Малкович выпил еще.

— У тебя есть семья? — спросила Милли.

— Не знаю.

— Вот и я не знаю, — вздохнула девушка.

— Пока смотришь, вроде и есть, а отвернулся — совсем один.

Она взяла у него сигарету. Какое-то время они молчали. Вернулся бездомный, которого посылали за водкой. Ночлежка ожила, загудела. Кто-то пустил по кругу железную кружку. Когда очередь дошла до Малковича, он попытался отказаться.

— Если хочешь остаться здесь, то пей, — сказала Милли.

Он не стал спорить. Выпил один раз, другой. Огонь в камине стал ярче. Звучавшие голоса начали казаться знакомыми. Малкович запомнил пару имен, перекинулся парой дружеских фраз, затем все как-то замерло, осталось только пламя в старом камине.

7

— Придумал что-нибудь? — спросила Милли.

Она сидела рядом, прижималась к нему.

— Ты это о чем?

— Ну, ты же писатель.

— Тогда не придумал, — Малкович нахмурился.

Рука Милли ловко расстегнула ему ремень.

— Сколько тебе лет? — спросил Малкович.

— А это важно?

— Если я старше тебя вдвое, то да.

— Тогда скажи, сколько тебе.

— Тридцать семь.

— Значит, все нормально. — Ее рука скользнула ему в брюки. — Нравится?

— Я же сказал, мне тридцать семь, не семнадцать…

— Тогда пошли в кровать. — Она поднялась на ноги.

Старый матрац скрипнул. От него пахло плесенью и крысиным дерьмом.

— Хочешь быть сверху или слишком стар для этого? — спросила Милли.

— Дело не в этом.

— Тогда в чем?

— У меня нет презерватива.

— Я не заразная.

— Может быть, я, — Малкович заставил себя улыбнуться.

— Тогда давай по-другому. — Милли засуетилась, переворачиваясь в кровати. — Если ты, конечно, не брезгливый, — сказала она, обернувшись.

Малкович качнул головой и начал расстегивать ей джинсы.

8

Утро. Скрип битого стекла. Звон цепей. Далекие голоса.

— Что ты здесь делаешь? — услышал Малкович голос Милли.

Она соскочила с кровати, перебравшись через Малковича, словно его и не было. Перед лицом мелькнул треугольник черных волос. Зазвенела пряжка ремня.

— Какого черта, Рик? — зарычала Милли, натягивая джинсы.

— Я везде искал тебя, — сказал парень.

На вид ему было не больше двадцати. Кожаная куртка, увешанная цепями, вытертые джинсы, армейские ботинки… Малкович спешно заморгал глазами, увидев стальные шпоры на каблуках.

— Я не вернусь, Рик. Я не могу.

— Не можешь? — он огляделся, пытаясь найти причину, увидел Малковича. — Из-за него? — взгляд парня скользнул по расстегнутым штанам, остановился на лице. — Но ведь это же старик!

— Он не старик! И дело не только в нем.

— Тогда в чем?

— Пожалуйста, уйди, Рик.

— Значит, в нем.

Малкович увидел в руках Рика нож, спешно вскочил с кровати. Милли вскрикнула, попыталась встать между ними. Рик оттолкнул ее, навалился на Малковича, захрипел. Милли снова вскрикнула, схватила недопитую бутылку водки, ударила бывшего парня по голове. Бутылка разбилась. Малкович почувствовал, как на лицо ему текут водка и кровь. Рик обмяк.

— Я убила его? — спросила Милли как-то неожиданно спокойно.

— Я не знаю. — Малкович поднялся, проверил у парня пульс. — Кажется, да.

— И что теперь?

— Теперь? — Малкович огляделся.

Ссора, кажется, никого не разбудила.

— Можем бросить его здесь.

— Здесь? — Милли болезненно закусила губы.

— У тебя есть идея получше?

— Может быть…

9

Комната под зимним садом. Прогнивший пол, грязь. Милли что-то говорила о вечной жизни, но Малкович не слушал ее, считая, что у нее шок. Он просто помогал ей избавиться от тела. Становился соучастником убийства.

— Это не убийство, — сказала Милли, копая руками могилу для бывшего парня в мокрой земле. Серые крысы сидели на трубах, молча наблюдая за ее работой.

— Я понимаю, что ты спасала меня, но…

— Он не умер. — Милли бросила на Малковича гневный взгляд. — Еще не умер.

— Как скажешь, но именно сейчас я помогаю тебе избавиться от трупа.

— Дай мне два дня, и я докажу обратное.

— Что ты докажешь?

— Это старый отель, Джером. Старая земля. Она помнит многое и умеет многое.

— Я не пишу ужастики.

— Да плевать я хотела на то, что ты пишешь, а что нет! — закричала Милли и неожиданно разревелась.

Малкович подошел к ней и помог копать.

— Останься со мной еще на одну ночь, — попросила Милли, когда с похоронами было покончено.

— Я не могу.

— Ну пожалуйста… — она молитвенно сложила на груди руки. — На этот раз мы можем купить презервативы и… — Милли увидела, как Малкович достает деньги, попыталась отказаться.

— Это не тебе. Не только тебе. — Малкович вложил ей в руку всю наличку, что у него была, и ушел.

10

— Книгу, я так понимаю, ты не писал! — скривилась Эмили, открыв ему дверь.

— Не будь моей женой, — проворчал Малкович, направляясь прямиком в душ.

— Она, кстати, звонила.

— Хочет еще денег?

— Нет, сказала, что ты выглядел подавленным, когда вы встречались в последний раз.

— Скажи ей, что я всегда подавлен, когда она рядом!

Малкович разделся. Горячая вода обожгла тело, но ему нравилась эта боль.

— Одежду в стирку или выбросить? — спросила Эмили.

— Выбросить, — решил Малкович.

Он сделал воду горячее, закрыл глаза. В темноте мелькнули картинки подвала под зимним садом. Рик. Милли. Проведенная с ней ночь. Подковы на каблуках ее парня. Снова подвал и снова ночь с Милли. Запах ее тела. Какой-то бездомный мальчишка, который стоит возле пропахшей

плесенью кровати и наблюдает за ними. Снова Рик и снова подвал.

Малкович вышел из душа. Тело было красным и болело.

— Хотел свариться заживо? — спросила Эмили, забрала у него полотенце, помогла вытереться. — Теперь ты захочешь выпить?

Малкович согласно кивнул, накинул халат. Эмили дала ему стакан с водкой. Кубики льда звякнули, ударились о зубы. Малкович прожевал их, вернул пустой стакан Эмили.

— Может, теперь расскажешь, что случилось? — спросила она.

— Просто неудачно выбрал дешевый отель.

— Так тебя побили? — Эмили рассмеялась, предложила налить еще выпить. — Ничего не сломано? Сотрясения нет?

— Просто дурацкий отель, — отмахнулся Малкович. — Дурацкий отель, дурацкая ночь, дурацкое утро… — он увидел вошедшую Джуди и помахал ей рукой. Она помахала рукой в ответ. — Она знала своего отца? — спросил Малкович.

Эмили качнула головой.

— А хотела узнать?

— Зачем тебе?

— Не знаю. Просто в отеле была одна девоч-

ка… — Малкович нахмурился, замолчал.

— Джуди знает, что я скоро снова стану мамой, — сказала Эмили, решив, что он уже не продолжит.

— Вот как?

— Да. И она хочет братика.

— Вот как? А ты?

— Мне все равно.

11

Милли. Малкович не думал о ней, пока не оказался с Эмили в постели. Простыни пахли кондиционером для белья. Эмили пахла весной. Ему нравилось ласкать ее и нравилось чувствовать ее ласки. Вот только вместо Эмили почему-то хотелось представлять Милли, и где-то далеко, в прошлом, скрипел старый, пропахший плесенью матрац, и рядом стоял грязный мальчишка лет двенадцати с каменным лицом, наблюдавший за происходящим…

Когда Эмили уснула, Малкович осторожно поднялся с кровати и вышел на улицу. Ночной воздух был прохладным, звездное небо низким. Пригород Нью-Джерси спал, и лишь вдалеке гудели редкие машины. Малкович закурил. Перед глазами снова мелькнуло лицо Милли. Где-то

далеко скрипнул старый матрац. Звякнула цепь, затем подкова, но уже недалеко, здесь, рядом.

Рик. Малкович решил, что он либо спит, либо сошел с ума, потому что отказывался верить своим глазам. Парень Милли неспешно шел по пустынной улице. «Розыгрыш, — мелькнуло в голове Малковича, — это все, наверное, розыгрыш. Они узнали, что я богат, и решили вытянуть из меня денег». Он вздрогнул, поймав себя на мысли, что начинает думать как бывшая жена, даже суетится так же, как она, но… «Но если это не розыгрыш, тогда что, черт возьми?!»

Рик поравнялся с ним, остановился, долго разглядывал Малковича.

— Не понимаю, что Милли нашла в тебе, — наконец сказал он.

Малкович не ответил.

— Она не хочет, чтобы я убивал тебя, — сказал Рик.

— Понимаю, — протянул Малкович, все еще видя, как он и Милли закапывают Рика в подвале.

— Но ты заставил меня страдать, — задумчиво протянул Рик, словно пытаясь пародировать Малковича. — Ты унизил меня, причинил мне боль, убил меня, и теперь…

— Вообще-то формально убила тебя Милли, а я

только помогал хоронить.

— Милли сама не своя последние дни.

— То есть ее ты уже простил?

— Конечно.

— Уже что-то, — Малкович натянуто улыбнулся.

— Но ты все равно будешь страдать, — пообещал Рик.

— Я понял.

— Поверь мне, есть много разных способов, чтобы заставить человека страдать. — Рик запрокинул голову и посмотрел на черные окна дома. — Очень много…

12

Малкович вернулся в дом, когда почувствовал, что дрожит. Налил себе выпить, забрался в кровать, но так и не смог заснуть.

Утром он дождался, когда Эмили уедет на работу, и отправился в старый отель. За комнату было заплачено вперед, поэтому Тайра Дуглас приветливо махнула ему рукой. Малкович заставил себя улыбнуться в ответ. Повсюду сновали люди, и ему пришлось ждать, когда начнется ночь, чтобы пробраться в заброшенное крыло. Он обошел все комнаты, но никого не нашел.

Оставался лишь подвал под зимним садом, но туда Малкович не решился заглянуть.

Ближе к утру он вернулся в дом к Эмили. Она не спала, сидела бледная у телефона и ждала его.

— Где ты был? — тихо спросила она.

— В отеле.

— Кто-то убил Бриджит.

13

Суд был недолгим и показался Малковичу каким-то глянцевым и чересчур показательным. Адвокат, который вел его дело, сказал, что лучшим вариантом будет признаться и просить пожизненное.

— Лучшим вариантом будет начать работать и вытащить меня отсюда! — заорал на него Малкович.

— Но улики…

— Плевать я хотел на улики! Их подбросили…

Несколько раз во время процесса Малкович собирался рассказать о старом отеле и заброшенном крыле, о Милли, о ее парне, но сделал это лишь после того, как вынесли приговор.

Адвокат выслушал его внимательно, затем осторожно спросил, есть ли у него знакомые

в психиатрических клиниках.

— Вы что, думаете, что я спятил? — опешил Малкович.

— Я ничего не думаю. Вы предлагаете, я говорю. За это мне платят. Сейчас вы предлагаете отправить вас в сумасшедший дом. Не кажется, что было бы лучше согласиться на пожизненное?

Малкович задумался на мгновение, затем послал его к черту.

14

Казнь состоялась дождливым осенним днем в среду. Эмили не пришла, да Малкович и не хотел этого. Врач ввел ему в вену иглу, извинился. Малкович кивнул. Все было каким-то призрачным, туманным. И тумана становилось все больше… Тумана, темноты, тишины.

Врач проверил пульс и зафиксировал смерть. Санитары отправили тело в морг. В газетах вышла короткая статья о казни некогда известного писателя. Но все это было уже в другом мире. В другой жизни.

15

Малкович открыл глаза, жадно заполняя слипшиеся легкие провонявшим плесенью воздухом. Темнота отступила. Тощие крысы уставились на незваного гостя. Малкович выбрался из грязи, огляделся. Он был в подвале. Был там, где они похоронили с Милли ее парня. Малкович поднялся на непослушные ноги. Была ночь. Тайра Дуглас спала, положив голову на сложенные руки. Малкович шагнул к выходу, остановился. Шепот звал его наверх, в заброшенное крыло. Странный шепот, знакомый.

— Не бойся, — сказала Милли, когда он нашел ее.

В камине горел огонь. Бездомные сидели полукругом, грея руки. Рик стоял в стороне, наблюдая за незваным гостем.

— Он не тронет тебя, — пообещала Милли Малковичу. — Ты ведь теперь один из нас.

— Один из вас?

— Мы все через это прошли. — Она показала ему свежие раны на запястьях.

— Так ты мертва?

— Как и ты. — Милли обняла его за шею, поцеловала в холодные губы и начала шептать что-то

о любви...

Шрамы

1

Джек никогда не знал историю. Да что там история?! До тюрьмы он и читать-то едва умел. Но тюрьма изменила его. Добавила новых шрамов и новых знаний. В тюрьме была библиотека. Джек избегал смотреть в ее сторону до тех пор, пока не получил удар под ребра. На сломанные кости, которые не могли срастись, наложили пластины. На коже после операции остались незаживающие шрамы. Джеку пришлось ждать почти два месяца, когда в тюрьму привезут регенерационную машину и заставят плоть исцелить себя. Но и после того, как шрамы стали просто шрамами, Джек долго находился в лазарете.

Высокий негр по имени Илайджа приносил ему книги. Единственный негр на всю тюрьму. Джек предусмотрительно не разговаривал с ним, но книги брал. В основном это были скучные статьи о перенаселении, об освоении океана, о городах под водой, о победе над смертью. Читая о последнем, Джек вспоминал свою рану. Разве она не могла убить его? Могла. Тогда о каком

бессмертии идет речь?

Ему вспомнилась мать — далекая, призрачная, которую он почти не помнил. Они расстались с ней полторы сотни лет назад. Кажется, она встретила кого-то и перебралась из подводного города на землю. Так, по крайней мере, думал Джек. А он… Он остался. Ему с детства нравился этот нависший над головой стеклянный купол. И за последние три сотни лет его жизни ничего не изменилось. Он любил свой город так же, как в тот день, когда родился. Воспоминаний об этом почти не осталось, лишь уверенность, что все было именно так. До приема вакцины и после. В документах стояли дата и число, когда это случилось. Джеку было двадцать, когда мать достала две вакцины бессмертия. Тогда они были счастливы. Тогда им казалось, что впереди у них вечность…

Джек перевернул очередную страницу, читая о проявившихся, спустя пять десятилетий побочных действиях приема вакцины бессмертия. Ученый-скептик писал не скрывая сарказма, что все кратковременные эксперименты были удачны, а ждать пятьдесят лет никто бы не стал. Вакцину пустили в производство. Сначала на земле, затем в подводных городах. Цены на нее падали так

быстро, что в аптеки не успевали завозить все новые и новые партии. Правительство спешно выпускало законы об ограничении рождаемости, о строительстве новых подводных городов, но…

Но все эти меры оказались лишними. Природа сама позаботилась об этом. Проиграв битву за старение, она одержала победу, лишив людей способности регенерации. Шрамы не заживали, язвы не затягивались. Люди превращались в уродливые куски плоти. Никто не рожал детей — смерть. Никто не желал принимать участие в контактных видах спорта — уродство. Даже когда появились регенерационные машины, ситуация не особенно изменилась.

Мир замер, застыл. Никто не рождался. Никто не умирал. Лишь изредка в газетах писали о случаях самоубийства и о том, что правительство разрешило создать еще одного ребенка в пробирке. Все говорили об этих детях, строили планы. Один статистик попытался подсчитать, сколько потребуется лет, чтобы эти дети заменили застывший мир, вернули ему прежнюю суету — оказалось, что нужно ждать двенадцать тысяч триста сорок один год. Джек долго думал над этой цифрой, затем громко рассмеялся. Негр из библиотеки поднял на него свои глаза, но ничего

не сказал.

Джек снова перечитал статью о детях из пробирки. Она была написана почти двести лет назад. Он попытался подсчитать, сколько бы сейчас уже было детей из пробирок, будь та правительственная байка правдой. Пара тысяч? Десять тысяч? Но байка осталась байкой. О детях из пробирок писали, только когда кто-то умирал, чтобы подавить панику, связанную с вымиранием. Больше о них не было сказано ни одного слова. Лишь в желтой прессе придумывали рассказы о спецшколах, где учат детей из пробирок управлять стадом бессмертных. Но на самом деле никаких детей не было. Это был провал. Конец. И застывший мир знал это, но отказывался верить.

2

Нэтти. Она была с Джеком последние пятьдесят лет. Если не считать десятка шрамов, она была красивой. Один из шрамов прорезал ей левую щеку. Нэтти получила его, когда регенерационные машины были большой редкостью, поэтому рана долго оставалась открытой, не заживала, а когда удалось воспользоваться машиной для регенерации тканей, оказалось, что уродливый шрам

сохранится на всю жизнь.

Джек старался не смотреть на левую щеку Нэтти. Не смотреть первые десять лет совместной жизни. После он привык и шрам перестал казаться ему таким уродливым, как раньше.

Еще один шрам обезобразил Нэтти правую руку. Она уже не помнила, как выглядела набросившаяся на нее собака, но плоть навечно сохранила следы острых зубов. Остальные шрамы на фоне первых двух выглядели сносно. Джек не замечал их. Да и у него этих шрамов было не меньше. У всего мира. И если не вспоминать ту жизнь, которая была прежде, то критерий красоты давно изменился. Изменились и чувства, характеры. Вечность раскинулась перед человечеством, сделала его флегматичным, неспешным. Тягучая вечность, ненужная для многих и безразличная для большинства.

Последний мужчина, с которым жила Нэтти, был хорошо образован, писал статьи в местной газете и выпускал по одной книге в год. Нэтти не знала, любит он ее или нет. Не знала, какие испытывает сама к нему чувства. Они прожили почти десять лет, пока писака не наложил на себя руки.

— Только сделай это так, чтобы я не видела, —

попросила его Нэтти.

— Тогда тебе лучше уйти, — сказал он, словно надеясь, что она останется, но она ушла.

Потом, почти двадцать лет спустя, появился Джек. Нэтти выбрала его, потому что он был совершенно не похож на предыдущего писаку. В его глазах не было грусти и усталости. Он хотел жить, любил эту жизнь, и Нэтти надеялась, что это желание наполнит и ее опустошенное сознание, надеялась, что в этой простоте найдется смысл… Но смысла не было, даже когда Джека отправили в тюрьму. Она не знала, виновен он или нет, но обещала ждать. «В конце концов, двадцать лет не такой большой срок», — думала она с какой-то фатальной смиренностью прежнего писаки. «Хотя нет, — призналась себе Нэтти десять лет спустя, — у него не было смиренности. У него было отчаяние». Эта мысль принесла грусть.

Она попыталась найти его могилу. Не смогла. Хотела уехать из подводного города — перебраться на землю или просто в другой подводный город. Сделать хоть что-то… Но вместо этого отправилась на очередное свидание с Джеком. Он был глупым и хотел жить.

— Мне очень плохо без тебя, — призналась

Нэтти.

Джек начал рассказывать о сокамерниках. Нэтти притворялась, что слушает, но перед глазами почему-то витал образ покончившего с собой писаки…

Покинув тюрьму, Нэтти не знала, дождется Джека или нет. Она отвыкла и устала от него. Устала от себя, от вечности. Иногда в голову ей приходила мысль, что главным в ее жизни осталось увидеть настоящее небо, которого она никогда не видела. Но ее пугало, что будет после. Опустошение? Желание смерти? У девочки двадцати лет, с душой трехсотлетней старухи…

3

Джек не знал, почему Нэтти отказалась от последнего свидания, не ответила на звонок, на письмо. Последнее Джек писал, старательно выводя слова, желая показать Нэтти, что тюрьма пошла ему на пользу. Теперь он много знает, умеет хорошо писать. Но ответа не было. «Может быть, она нашла кого-то другого?» — подумал Джек, попытался понять, какие чувства испытывает… «В конце концов, мне остался последний год!» — решил он и начал считать дни до освобождения.

С негром из библиотеки он встречался еще несколько раз, но так и не заговорил с ним. Да и книги потеряли смысл — без Нэтти все это стало каким-то ненужным. Она была умной, она встречалась с умными, и Джеку хотелось стать умным, а так…

4

Джек вышел из тюрьмы во вторник. Не хотел ехать к Нэтти, решив, что она живет с другим, затем вспомнил, что там осталось много его вещей. Он не спешил, тратил заработанные в тюрьме деньги в барах на выпивку и шлюх. Последние были до отвращения некрасивы, но после тюрьмы Джеку было плевать. Он хотел жить…

5

Нэтти. Она лежала в кровати. Одна. По лицу катились крупные капли пота.

— На каком ты месяце? — спросил Джек.

— На девятом, — сказала она.

— От меня?

— Какая разница. — Нэтти закрыла глаза, облизала сухие губы.

Джек нахмурился, долго смотрел на вздувший-

ся живот, затем подошел, сел рядом.

— Ты знаешь, что это убьет тебя? — спросил он.

Нэтти кивнула.

— Тогда зачем?

— Не знаю, — она улыбнулась, не открывая глаз. — Все было таким бессмысленным…

— Как у того писаки, с которым ты жила до меня?

— Возможно.

— А сейчас?

— Я не знаю, — Нэтти поморщилась, отдышалась. — Ты останешься со мной?

— Пока ты не умрешь?

— Да.

Джек долго смотрел на нее, но так и не ответил. Забыл ответить.

6

Он очнулся, когда начались роды. Нэтти старалась не кричать.

— Что мне делать? — спросил Джек.

— А что тут сделаешь? — прохрипела она.

Джек кивнул. Глаза Нэтти закрылись. Страха не было. Только боль, да и та притупилась, после того как Джек сделал ей укол обезболивающего.

Время замерло, затем неожиданно побежало вперед, как никогда прежде…

7

Джек знал, что все закончилось, но продолжал сидеть на стуле, глядя за окно. Нэтти не дышала. Джек слышал, как бьется у него в груди сердце. Смерть оставила еще один шрам, но уже не на теле, вот только Джек не мог понять, насколько глубок этот шрам и сколько потребуется лет, чтобы рана затянулась, потому что сознание, в отличие от тела, лечит себя, избавляет от страдания. Нужно лишь уметь ждать и хотеть жить. Если, конечно, этот механизм рано или поздно не сломается…

Джек открыл окно. Подводный город шумел, всасывал в себя стоявший в комнате смрад.

Джек собрал свои вещи, стараясь не смотреть на кровать, вышел, осторожно прикрыв дверь.

— Что-то случилось? — спросила соседка Нэтти.

— Не со мной, — сказал Джек, злясь на сквозившую в ее голосе заботу. — Не со мной…

Не божья тварь

1

Граница Германии и Франции. Недалеко от города Страсбург. 1943 год. Закрытый исследовательский центр «Ананербе». Проект «Сверхчеловек».

— Думаю, это не самый удачный из наших экспериментов, — заявила Мадлен Добкин, критично качая головой.

Прикованный цепями монстр уже ничем не напоминал человека. Даже его осанка стала более животной. Суставы ног изогнулись, превратив его в хищника, изготовившегося к прыжку. Брюшная полость затянулась дополнительными тремя парами ребер. Горло скрывала твердая чешуя. Разорвав вытянувшуюся челюсть и выдавив передние зубы, появившиеся клыки обещали стать в бою дополнительным инструментом смерти. Сам череп изменился настолько сильно, что теперь спереди был всего один глаз. Другой, поддавшись чудовищному скручиванию, находился на затылке. Грубая, местами похожая на иголки дикобраза шерсть покрывала тело

бывшего человека.

«Ганс 146». Таким было имя созданного монстра. Его отобрали из сотен других идеальных представителей арийской расы.

— Когда-то его руки ласкали женские груди, а теперь он не сможет даже нажать на курок, — сказал мужчина в белом халате, изучая пальцы монстра. Их фаланги были лишены плоти. Окаменевшие суставы превращали изогнутые внутрь кости в острые когти. — А ведь он, наверное, нравился женщинам.

— Не нужно сарказма, доктор Хирт!

— Как скажете, моя прекрасная Мадлен. Солдат!

— Слушаю, штурмбанфюрер!

— Сожгите эту неудачу!

Словно поняв, что речь идет о нем, монстр начал метаться по камере, ища выход. Его руки пытались разогнуть прутья решетки, когда пламя, вырвавшееся из огнемета, начало жечь его плоть. Кожа лопалась, мясо шипело, сворачиваясь и обнажая кости, жир капал на пол, а монстр все еще пытался разогнуть стальные прутья. Запах горелой плоти наполнил помещение.

— Сожгите все, — велел доктор Хирт солдату. — Остальное, с чем не справится огнемет,

отправьте в крематорий.

— И не забудьте навести здесь порядок, — напомнила ему Мадлен.

Жир растекался по полу, подбираясь к ее туфлям. Объятый огнем монстр не проронил ни слова. Его скрюченное тело корчилось в предсмертных конвульсиях, а солдат, просунув дуло огнемета между решеток, продолжал поливать его беспощадным пламенем.

2

Мадлен вернулась в свой кабинет. Запах горелой плоти стоял в горле. Скинув одежду, она встала под холодный душ. Мыльная пена была лучшим лекарством от событий прошедшего дня.

Доктор Хирт вошел в ее кабинет, когда она сидела за рабочим столом. Перед Мадлен лежало несколько открытых папок с фотографиями.

— Скоро их будет больше тысячи, — сказал доктор Хирт, беря в руки папку с надписью «Иван 897».

Поджав губы, он без особенного интереса разглядывал черно-белые фотографии. Изображенный на них уродец когда-то был человеком. Они все были когда-то людьми.

— Мой маленький хитрый шпион. — Доктор Хирт бросил папку на стол. Черно-белые фотографии выскользнули из нее, упав на бетонный пол. — Мне следовало сделать тебя одной из них. — Он провел указательным пальцем между лопаток Мадлен. — Янки номер первый. Как тебе?

— Мы всего лишь люди.

— Не все, моя прелесть. Не все. — Он потянул ее за волосы, заставляя запрокинуть голову. — Как ты думаешь, кто бы мог получиться из нас?

— Ты хочешь попробовать?

— Почему бы мне не начать с тебя, моя Мадлен?

— Не думаю, что ты захочешь спать с монстром.

— Ты права. Я велю Ульриху сжечь тебя, а себе подыщу какую-нибудь еврейку или славянку. Завтра я отправлюсь в лагерь и лично выберу новых подопытных.

— Я единственный химик, кто сможет работать здесь.

— Незаменимых нет, моя дорогая.

— Доктор Хирт…

— Тшш, — он приложил указательный палец к ее губам. — Просто молчи.

Потянув за волосы, он заставил женщину подняться со стула.

— Моя прекрасная Мадлен. — Его пальцы скользили по ее лицу. — Если бы я был антропологом, то счел бы за счастье иметь твой череп в своей коллекции. Твое лицо идеально.

Он неспешно расстегивал на ней халат. Мадлен молчала.

— Я любил тебя, Мадлен. Любил твое тело. Любил твой ум. А ты… Ты разбила мне сердце.

Доктор Хирт заставил себя оторвать взгляд от обнаженной груди и отойти в сторону. Незапертая дверь в кабинет открылась.

— Ты не сделаешь этого! — Мадлен смотрела на вошедшего солдата.

— Я уже это сделал.

3

Ремни больно впивались в кожу. Мадлен не могла пошевелиться. Ей было позволено лишь смотреть и слушать. Толстые иглы протыкали ее вены. Темная жидкость, струившаяся по капельницам, отравляла кровь. Яд, который она сама же и создала. Рецепты древних, помноженные на мудрость современной науки. Чудесные теории, ставшие чудовищной прак-

тикой. Они приносили жжение и боль. Кости. Мадлен казалось, что они теряют свою твердость, становятся жидкой, бесформенной массой. Кровь. Она заполняла ее желудок. Струилась по кишечнику, словно живое существо. Ее сердце. Мадлен слышала его удары. Теперь лишь они напоминали о времени. Изменения нельзя обратить вспять. Скоро она станет одной из тех, чья плоть сгодится лишь для огня. Ее жир сотрут с пола, а кости уничтожат в крематории, превратив в золу.

— Выньте ей кляп, — велел доктор Хирт наблюдавшему за происходящим врачу. — Сделай одолжение, моя прелесть, — сказал он, безразлично разглядывая обнаженное тело Мадлен. — Расскажи, что ты сейчас чувствуешь?

Его слова были далекими и лишенными смысла.

— Сделай это, ради нашей любви.

Один из лаборантов трясущимися руками поменял сосуд с темной жидкостью. Доктор Хирт нетерпеливо посмотрел на часы.

— Наблюдайте за ней, — велел он лаборантам и врачам.

4

Он вернулся через пять часов. Короткий сон прогнал усталость. Багровые пятна, покрывавшие кожу Мадлен, рассосались. Еще три подопытных, как и Мадлен пристегнутые к железным столам, негромко рычали. Это были уже не люди. Чудовищный состав, влитый им в кровь, изменил тела, деформировал мозг, приспособив его к новому образу жизни. Жизни монстра.

— Мадлен! — прошептал доктор Хирт.

Он смотрел на ее прекрасное обнаженное тело. Его врожденная красота, казалось, стала более чарующей.

— Ты меня слышишь, Мадлен?

Она открыла голубые глаза. Один из монстров на соседнем столе тревожно задергался — почуявший самку возбужденный самец.

— Кто-нибудь, уберите отсюда этих уродов!

— Прикажете их сжечь, штурмбанфюрер?

— Нет. Заприте в камеры и наблюдайте.

Когда суета вокруг закончилась, доктор Хирт снова обратил свой взгляд на Мадлен. Никогда прежде он не видел такой нежной кожи у взрослого человека. Она искушала желанием прикоснуться, ощутить ее бархат подушечками

пальцев. Это желание было сильнее здравого смысла. Тело Мадлен вздрогнуло, отзываясь на прикосновение.

— Ты прекрасна, — прошептал Хирт, проводя пальцами по ее приоткрытым губам.

Теплое дыхание обожгло его кожу. Волнительная дрожь всколыхнула тело.

— У нас получилось, Мадлен, — прошептал Хирт, борясь с желанием прикоснуться к ней губами. — У нас получилось.

5

— Почему ты молчишь? — доктор Хирт пытливо заглядывал в голубые глаза.

Камера, куда перевели Мадлен, была небольшой. Пара солдат непрерывно наблюдала за ней сквозь железную решетку. Вместе с ними неустанно дежурил один из лаборантов, записывая все, что происходит с новой подопытной. Иногда приходили врачи и брали на анализ кровь, кожу, слюну, ногти. Они измеряли ее череп, делали слепки лица, взвешивали… Их прикосновения причиняли боль. Их грубые руки, казалось, касаются костного мозга, терзают его. Их голоса были слишком далекими, а их мысли… О! Мадлен слышала все, о чем они думают, — непрерыв-

ный поток слов и фантазий. Они боялись ее. Сравнивали с тремя монстрами, заключенными в соседних камерах. Теперь это были братья Мадлен. Иногда их мысли долетали до нее. Такие кристально чистые! Они напоминали ей морозную свежесть, клубы пара, вырвавшегося из открытого рта.

Иногда Мадлен приходила в ярость. Она срывала больничный халат, терзавший жесткой тканью ее нежную кожу, и стояла посреди камеры, наслаждаясь прохладой каменных стен. Это было все, чего она хотела, — стать паром, вырвавшимся изо рта. Затем приходили лаборанты и снова облачали ее в больничные одежды. Снова брали анализы.

— Скажи, что ты помнишь меня! — шептал ей на ухо доктор Хирт.

Мадлен смотрела на него и видела лишь образ, лицо. Его плоть ничего не значила для нее. Лишь его мысли. В них он желал ее. Желал все сильнее с каждым новым днем.

6

— Останьтесь снаружи! — велел солдатам доктор Хирт.

Он провел Мадлен в свой кабинет и закрыл

дверь.

— Ты помнишь это место?

Он стоял за спиной Мадлен, пытаясь уловить запах ее волос.

— Этот стол? Эти картины на стенах? Подойди. Они всегда нравились тебе.

Мадлен бессмысленно смотрела на нелепое нагромождение разноцветных мазков.

— Что ты чувствуешь, находясь здесь? Что ты чувствовала? Вспомни!

Она молчала. Доктор Хирт осторожно взял ее за плечи. Мадлен вздрогнула.

— Не бойся. — Он подвел ее к кровати. — Ты помнишь это место? Ты помнишь, чем мы занимались здесь?

Мадлен снова перестала слышать его голос. Лишь мысли. Они стучали в его голове, пульсировали на гениталиях набухшей веной. Эти мысли… Им нужна была лишь плоть. Ее плоть. Тело Мадлен вздохнуло, ощутив свободу. Больничный халат упал к ногам. Доктор Хирт осторожно уложил ее на кровать. Его тело было холодным. Он прижимался к Мадлен, наслаждаясь ее теплом. Его поцелуи причиняли боль. Небольшая щетина царапала нежную кожу. Он что-то шептал. Гладил ее волосы.

— Мадлен!

Их тела дрожали. Одно от желания. Другое от боли. Голубые глаза были закрыты. Она больше не слышала его мыслей. Лишь жар его тела. Он проникал в ее плоть. Обжигал кожу соленым потом.

— Мадлен!

Он дернулся пару раз и затих. Затихла и Мадлен, чувствуя, как внутри ее осквернённого тела начинает зарождаться жизнь.

7

Глаза Мадлен были закрыты. Доктор Хирт лежал рядом, и она слышала его мысли. Они звенели удовлетворенностью, горделиво вознося свое «я» к вершинам сознания. Ее ребенок. Она чувствовала, как он начинает развиваться в ней. Это приносило смысл в ее доселе бессмысленное существование. Выворачивало наизнанку.

Доктор Хирт. Его покой и удовлетворенность сменились болью. Его кости. Они распадались, превращались в желе. Его рука. Он видел, как она, потеряв твердость, безвольно повисла, словно флаг, лишенный порывов ветра. Грудная клетка. Ее мясо и жир, утратив костный каркас, надавили на легкие. Бедра — их больше не суще-

ствовало. Так же, как и костей ног, ребер, ключиц. Лобная кость, превратившись в жижу, растеклась под облепившей мозг кожей. Его сердце какое-то время еще билось, заставляя вздрагивать прижатую к нему плоть.

Мадлен слышала последние мысли Хирта. В них был только ужас. И ни капли опасности. Таким она даже полюбила его. Полюбила на одно мгновение — ведь он был отцом ее ребенка, а затем, когда его сердце остановилось, забыла навеки.

8

Мадлен открыла дверь и вышла из кабинета. Солдаты. Ее обнаженное тело возбуждало их. Они боялись и желали ее одновременно.

Мадлен шла по коридору, слыша, как за ее спиной тела солдат падают на пол тряпичными куклами. Камеры. Она слышала голос своих братьев. Они звали ее. Их боль была понятна ей.

Монстры. Они бежали по коридору, расчищая дорогу сестре. Их челюсти разрывали глотки, их когти крушили кость.

Плоть. Ее рваные клочья устилали дорогу идущих к свету. Новая раса. Она выходила в мир, прокладывая себе путь сквозь кровь и крики.

Новая жизнь. Мадлен несла ее в своем чреве. Несла в старый, уставший мир. Еще не окрепшая и не набравшая сил. Эта жизнь обречена на скитания. Обречена скрываться в тени деревьев и в затхлости подвалов. Размножаться и ждать свой час. Свое будущее, чтобы прийти на смену уставшему человечеству.

Чужая кожа

1

Анна вздрогнула и открыла глаза. За окном лил унылый дождь. Встряхнув головой, она попыталась прогнать остатки ночного кошмара, но он настырно витал перед глазами, как наваждение.

— Что случилось? — сонно спросил Клив.

— Я видела сон.

— И что?

— Там была кукла, и я была в ее коже.

— Какой ужас.

— И она у меня с самого рождения.

— Кто? Кукла?

— Кожа, которую я никогда не замечала, надетая на меня матерью. Представляешь, я спрашиваю ее, зачем она это сделала, а она говорит: «Ничего страшного». Мы с тобой спали, а она вошла в комнату…

— И что?

— Да ничего.

— А кожа?

— Я ее сняла и надела обратно на куклу, которая стояла у спинки кровати. Самое интересное,

что это моя кукла, но я никогда ее не видела.

— И что потом?

— Потом я просто одеваюсь и мы вместе с мамой уходим.

— Куда?

— Не знаю. Мы просто идем по дороге, а под ногами бегут ручьи после дождя.

— Вот этого дождя? — Клив мотнул головой в сторону окна.

— Нет, дурачок, того, что был у меня во сне.

— Так ты сняла кожу?

— Да, и теперь я ощущаю свободу.

— Значит, это хороший сон, — Клив пожал плечами и подмял под себя горячее тело любовницы.

2

В подвале было темно и сыро. Бентли осторожно спускался по скрипучим ступеням. Затхлая вода, наполнявшая чугунную ванну в дальнем конце подвала, вздрогнула. Выбравшееся из нее существо напоминало творение скульптора, решившего вырубить из цельного куска свежего мяса фигуру в человеческий рост, с чертами, характерными для человека.

— Ты напугал мою жену, Рауль, — сказал Бент-

ли.

— Я всего лишь хотел напомнить, что приближается время.

— Я помню об этом, Рауль.

— Не забывай, кому ты обязан.

— И об этом я тоже помню… Уговор есть уговор. Осталось совсем немного. Поверь, я хочу этого так же, как и ты.

— Анна…

— Да, Рауль?

— Она сейчас с другим. Я чувствую, как он гладит ее кожу. Чувствую его жар.

— Я исправлю это, Рауль.

— Исправь, пока не стало слишком поздно.

— Я понимаю.

Существо снова скрылось в затхлой воде. Лестница заскрипела под тяжестью тела Бентли.

3

— Ты поговорил с ним? — спросила жена, когда он прошел на кухню.

— Да, Клэр.

— Я не хочу, чтобы он разгуливал по дому.

— Не будет.

— Он так и сказал тебе?

— Это и его дом, Клэр. Без него у нас ничего бы

этого не было.

— Слизняк! — она ударила Бентли по лицу. — Думаешь, я не знаю, чего он хочет?! Ему нужна Анна, а не этот дом!

— Я знаю, Клэр.

— Так сходи и скажи ему, чтобы подождал!

— Он беспокоится за нее.

— Беспокоится?! — Клэр громко рассмеялась. — Думаешь, он знает, что такое беспокойство?!

— Он чувствует, что Анна с другим.

— Он так и сказал?

— Да.

— Я поговорю с ней.

Клэр поднялась в комнату дочери.

— Анна! Анна, где ты? — кровать заправлена. Вещи прибраны. — Глупая девчонка! — Клэр вернулась к мужу. — Похоже, она не ночевала дома!

— Значит, Рауль был прав.

— Конечно, прав! — еще одна звонкая пощечина. — Это все из-за тебя! Слабохарактерная тряпка! — взвизгнула Клэр, но тут же попыталась взять себя в руки. — Ничего. Я найду Анну и поговорю с ней.

— Думаешь, она станет тебя слушать?

— Станет, — Клэр смерила мужа презрительным взглядом. — Слава богу, в ней больше

от матери, чем от отца.

4

Припав к окну, Клив пытался отыскать в хороводе гостей Анну. Это был ее праздник — восемнадцатый день рождения. Подарок был куплен. Он лежал в кармане Клива, но его никто не приглашал, чтобы он мог подарить его Анне. Вот уже три недели, как она не отвечала на его звонки, избегала с ним встреч… Наконец-то Клив увидел сквозь запотевшее стекло свою возлюбленную. Она вошла в свою комнату. Сердце Клива забилось в груди, и он уже готов был постучать в окно.

— Сегодня особенный день, — услышал он голос ее матери.

— Я знаю, мама.

— Сегодня твоя жизнь изменится. Ты понимаешь это?

— Да, мама.

— Так будет лучше, Анна. Рауль сможет позаботиться о тебе. Он много лет заботился о нас с твоим отцом, но теперь мы позволим ему заботиться о нашей дочери. С ним у тебя есть будущее. Он поможет тебе найти достойного мужа, родить здоровых детей, принесет благополучие

в твой дом.

— Я понимаю, мама.

— Я рада, что ты моя дочь, и я горжусь тобой.

5

Когда гости разошлись и почти во всех окнах погас свет, Клив пробрался в дом. Он хотел отыскать Анну, вручить ей подарок и спросить, почему она избегает встреч с ним, но вместо этого встретил ее мать.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, узнав его.

Клив промолчал.

— Ты должен уйти.

— Анна?

— Она не хочет тебя видеть.

— Я принес ей подарок.

— Можешь передать через меня.

— Нет.

— Тогда уходи и подари его другой девушке.

Где-то рядом хлопнула дверь.

— Анна!

— Ты ей не нужен, — Клэр подошла так близко, что он чувствовал ее дыхание.

— Анна!

— Уйди из ее жизни и из этого дома! — повыси-

ла голос Клэр.

Клив сделал шаг назад и посмотрел на входную дверь.

— Вон! — поторопила его Клэр.

6

— Мы пришли, Рауль, — сказал Бентли, остановившись возле чугунной ванны.

Кусок мяса, лишь отдаленно напоминавший человека, поднялся из темной стухшей воды.

— Я ждал тебя, — сказал он Анне, касаясь рукой ее щеки.

Его неуклюжие пальцы забрались ей в рот, растягивая щеки. Анна закрыла глаза. Из уголков рта потекла кровь.

— Не бойся, — прошептал Рауль. — Тебе не будет больно.

— Мама говорила мне.

— Да. Она тоже через это когда-то прошла.

Его пальцы потянули сильнее, растягивая щеки Анны. Ее кожа начала отделяться от плоти, обнажая мышцы, сухожилия, хрящи. Рауль неторопливо освобождал череп Анны от ненужного покрова. Ее кожа не рвалась, она растягивалась, подобно резине. Рауль потянул вниз, обнажая шею Анны, затем плечи — одно за другим, грудь,

руки.

Стоя в стороне, Бентли видел, как Анна сама начинает помогать Раулю освобождать ее от этой ненужной оболочки. Ее кожа упала к ее ногам, залив бурой слизью пол и белое праздничное платье.

— Я подарю тебе новую кожу, — сказал Рауль. — А эту… Эту ты наденешь на своих детей, чтобы, когда они вырастут, привести их ко мне. Ты ведь хочешь, чтобы они были так же счастливы, как и ты…

— Да, Рауль.

Анна перешагнула через край чугунной ванны и, обвив шею Рауля руками, прильнула к нему в безгубом поцелуе.

7

Бентли осторожно поднялся по скрипучей лестнице и закрыл за собой дверь. Рауль не любил, когда за ним наблюдают в подобные моменты.

— Анна? — Клив пораженно смотрел на окровавленные руки ее отца, которыми он незадолго до этого бережно сворачивал снятую с нее кожу, чтобы после передать родившимся у нее детям. — Где Анна? Что вы с ней сделали?

— Я велела тебе убираться! — закричала на него

Клэр. И уже мужу: — Не стой как истукан! Выкини этого мальчишку из дома!

Бентли молча смотрел то на Клива, то на свои руки.

— Чертов слюнтяй! — Клэр попыталась сделать это сама.

— Анна! — Клив отмахнулся от рук ее матери. — Где она? — он схватил Бентли за грудки. — Она там, да? В подвале? Черт!

Лестница жалобно заскрипела под его весом. Клэр что-то кричала вдогонку, но он уже не слышал ее.

— Анна? — шепотом позвал Клив.

Он стоял возле чугунной ванны, с трудом узнавая в одном из двух вырубленных из свежего мяса существ свою возлюбленную. То, чем они занимались, не укладывалось в его сознании. Это не был секс. Не мог им быть!

— Анна? — снова позвал Клив.

Повернув голову, она посмотрела на него.

— Скажи ему, чтобы он ушел, — велел ей Рауль, продолжая фрикции.

Она молчала. Ее лишенные век глаза смотрели на своего возлюбленного. Ее рот был открыт, и за рядом белых зубов Клив видел, как извивается язык, облизывая сухое нёбо.

— Сделай это! Иначе я оставлю тебя такой, какая ты сейчас, навсегда! — закричал Рауль.

В больших глазах отразился страх.

— Анна?

— Уйди, Клив. Пожалуйста, уйди. — Она обняла Рауля, прижимая к себе. — Прости меня, — эти слова уже предназначались Раулю.

8

Клив шел по улице, зная, что никогда не сможет забыть увиденное. Может быть, подобные Раулю существа живут в каждом доме? А может быть, и нет? Теперь он будет более осторожен в своих чувствах. В мире много вещей, о которых лучше не знать, а если и знать, то хранить молчание.

Маленькая ложь

История – это басня, в которую договорились поверить.

Наполеон

1

— А зачем вам моя старая заправка? — подозрительно спросил старик, прищуривая голубые глаза. — Надеетесь снова начать торговлю? Зря. После того, как проложили новое шоссе, никто не заезжает на эту заправку…

— Я не хочу начинать торговлю, — поспешил успокоить старика Фрэнк Девлин.

— Тогда в чем дело?

— Истории…

— Истории? — старик прищурился сильнее. — Те самые истории?

— Те самые истории…

— Вот как… — старик огляделся, словно боялся стать персонажем розыгрыша. — Вот уж не думал, что смерть смотрителя поможет мне сдать в аренду эту груду железа!

— Так смотритель умер? Кажется, тело его

не нашли.

— А кровь? — всплеснул руками старик. — Ни один человек не сможет выжить, если потеряет столько крови!

Пауза в разговоре. Девлин закурил.

— Кстати, после того случая там так и не навели порядок, — напомнил старик.

— Так даже лучше.

— Вот как… — старик огляделся и поспешил подписать необходимые бумаги, решив, что если этого не сделает, то Девлин либо проспится и сбежит, либо окончательно свихнется и попадет в сумасшедший дом.

2

Следом за арендой заправки в Неваде Девлин купил старую «Импалу» кирпичного цвета — точно такую же, как та, что принадлежала пропавшему сторожу. Купил он и бутылку виски, которую нашли в машине сторожа. Даже одежда и еда были выдержаны согласно протоколу полиции. Девлин знал, что от того, как пройдет первая ночь, будет зависеть все остальное — либо история зацепит его, либо снова придется высасывать сюжет из пальца. Особенно сейчас, когда хотелось побыстрее закончить очередной сбор-

ник страшных историй и забыться где-нибудь на Гавайях.

3

Он приехал на заправку вечером. Солнце висело в небе, пробиваясь своими лучами сквозь грязные окна. Старый замок открылся лишь с третьей попытки, и то после того, как Девлин хорошенько съездил по нему ногой. От удара тонкие стены конторы управляющего вздрогнули, звякнули стекла. Девлин толкнул дверь. Она распахнулась, ударилась о стену и медленно поползла на прежнее место. Девлин дождался, когда дверь закроется перед ним, затем снова открыл, на этот раз осторожно. Прошел внутрь. Под ногами скрипнуло разбившееся стекло. Взгляд зацепился за разломанный кассовый аппарат, разбитую витрину, где остались лишь ценники продаваемых товаров. Девлин подошел к двери в комнату, где был убит сторож. По фотографиям он знал, что там есть диван, стол, старый холодильник, громоздкий шкаф и старый ковер на полу. Тот самый ковер, на котором было больше всего крови сторожа.

— Ладно, давай теперь посмотрим на это живьем, — сказал себе Девлин, открывая дверь.

Старые петли заскрипели. В нос ударил резкий запах. Сквозняк поднял пыль, и теперь она кружилась в пробивавшихся сквозь грязные окна лучах заходящего солнца. Кровь высохла, потеряла цвет, сочность. Да и само место уже не пугало, не будоражило фантазию.

— Да, на фотографиях все это выглядело намного страшнее, — признался себе Девлин, однако решил не отступать от намеченного плана.

4

Он распаковал вещи и просидел за пыльным столом до поздней ночи, но в голову не пришло ни одной идеи.

«Может быть, нужно выпить?» — подумал Девлин, вышел на улицу, достал бутылку виски, попытался вспомнить, была бутылка сторожа открыта или нет, но так и не смог.

Впрочем, это уже была другая история. Его история. Он мог изменить детали, мог упустить ненужные подробности. К тому же убийство сторожа произошло более десяти лет назад и вряд ли кто-то сможет восстановить все детали. Да и кому они нужны?!

Девлин выпил, потратил пятнадцать минут на поиски идеи, выпил еще. Алкоголь подстегнул

воображение, вот только фантазии направились совсем не в ту сторону, на которую рассчитывал Девлин. Фантазии бежали в аэропорт, к пляжам.

Девлин встал из-за стола, включил свет и еще раз обошел помещение. В одном из шкафов ему удалось найти старое радио, работающее от сети. Заземления не было, и железные части радио били током. Несильно, но достаточно, чтобы стать осторожным. Девлин покрутил ручку настройки. Ничего. Лишь белый шум.

— Прямо как в голове!

Девлин вышел на улицу, убеждая себя, что бросать курить накануне завершения долгой работы было не очень хорошей идеей.

«Мне нужно всего недели две-три, не больше, — говорил он себе. — Что изменится, если я буду курить еще месяц? Верно — ничего».

Девлин почти убедил себя, почти забрался в старую «Импалу» и отправился в ближайший город, когда увидел разрезавший ночь свет автомобильных фар.

5

Машина кашляла, стреляла, дергалась. Старая, крохотная. Под капотом что-то грохнуло, когда она остановилась возле Девлина. Мотор заглох.

— Ну слава богу, добралась до заправки! — сказала девушка с густыми рыжими волосами, выбираясь из «Фиесты».

Она встретилась с Девлином взглядом и широко улыбнулась.

— Я Шарлотта!

— А я…

— Неважно, кто вы! — беспечно всплеснула она руками. — Главное, что я спасена, — на мгновение в ее взгляде мелькнули сомнения. — Вы ведь почините мою машину?

— Сомневаюсь.

— Но на вас комбинезон механика!

— Это просто комбинезон.

— Какая разница?! — Шарлотта закурила.

Сигаретный дым манил, притягивал.

— Могу я спросить… — начал было Девлин, решив, что сегодня точно не станет бросать курить, но девушка уже шла прочь к пыльной «Импале» кирпичного цвета.

— Это ведь ваша машина?

— Моя.

— Тогда если вы не можете починить мою «Фиесту», отвезите меня в ближайший отель.

— Нет.

— Почему?

— Потому что… — Девлин вздрогнул, услышав включившееся радио.

Белый шум сменился звуками музыки, затем начались новости. Девлин бросил взгляд на девушку. Она курила, разглядывая «Импалу», и, казалось, не замечала больше ничего.

— Продайте мне ее! — неожиданно предложила Шарлотта, продолжая стоять спиной к Девлину. — Если не хотите везти меня в отель, то…

— Не продам, — отказал Девлин, продолжая прислушиваться к экстренному выпуску новостей по радио.

— Думаете, у меня нет денег? — Шарлотта не смотрела на него. — У меня есть деньги. Сколько вы хотите?

— Дело не в деньгах.

— Тогда в чем?

— Если я продам вам машину, то как потом сам выберусь отсюда?

— Почините мою.

— Я же сказал, что не механик.

— Что же нам тогда делать?

Шарлотта наконец-то обернулась, бросила на землю истлевшую сигарету, достала новую, подошла к Девлину.

— У вас нет зажигалки?

— Нет.

— Жаль. — Она достала свою зажигалку, прикурила и, выпустив в лицо Девлину струю синего дыма, предложила сигарету.

6

На третьей затяжке Девлину показалось, что выпитое им прежде виски как минимум удвоилось.

— Что с вами? — спросила Шарлотта.

— Не курил три дня.

— Жестоко!

— Я тоже так думаю, — Девлин невольно улыбнулся. — Хотите выпить?

— Что?

— У меня есть виски.

— Вы очень странный механик.

— Я же сказал, что я не механик.

— Тогда кто? Сторож?

— Писатель.

— Писатель? — Шарлотта на мгновение задумалась, затем неожиданно рассмеялась.

— Что смешного? — обиделся Девлин.

Шарлотта не ответила, вместо этого вспомнила, что они находятся на заправочной станции.

— Ничего страшного, что мы курим здесь? Ни-

чего не взорвется?

— Здесь нет бензина.

— Вот как? — Шарлотта снова рассмеялась. — Что же это за заправка такая? Без механика, без бензина?

— Здесь когда-то убили человека. — Девлин увидел, как Шарлотта опешила, и поспешил сказать, что именно об этом он и пишет.

— Ах, я совсем забыла, что вы назвались писателем… — пробормотала она, словно только сейчас понимая, что самое время бояться.

— Не «назвался», а я и есть самый настоящий писатель.

— Известный?

— Достаточно.

— Почему же я вас тогда не узнаю?

— А вы знаете лица многих писателей?

— Нет, но… — она неожиданно снова улыбнулась, тряхнула головой. — Кажется, вы говорили, что у вас есть выпить?

— Виски.

— Пусть будет виски.

7

— Ну и где здесь убили человека? — спросила Шарлотта, после того как они с Девлином выпи-

ли и выкурили по сигарете.

Девлин указал на дверь в соседнюю комнату.

— И кто это был?

— Старик. Сторож.

— А убийца?

— Его не нашли. Ни убийцу, ни убитого.

— Вот как… — протянула Шарлотта, поднимаясь на ноги.

Она вышла на улицу. Девлин не окликнул ее. Достал из оставленной пачки сигарету, закурил. Музыка из динамика старого радио снова прервалась. В экстренных новостях говорили о рыжеволосой девушке на старой «Фиесте». Девлин пропустил первую часть и теперь знал лишь, что полиция разыскивает эту девушку. Девлин замер, ожидая, что экстренный выпуск новостей повторится, но вместо этого снова заиграла старая музыка.

8

Девлин осторожно подошел к окну. Шарлотты нигде не было видно. Он вышел на улицу. Старая «Фиеста» сутулилась недалеко от «Импалы».

— Шарлотта! — позвал Девлин.

Ему никто не ответил. Он вышел на дорогу, решив, что девушка ушла пешком. Висевшая в небе

серебряная луна освещала серое полотно дороги, но Шарлотты не было видно. Девлин вздрогнул, увидев девушку в пустыне. Перебравшись через дорогу, она шла по высушенной солнцем земле.

«Что, черт возьми, она делает?» — подумал Девлин, снова позвал ее, не получил ответа и пошел следом.

9

Ему удалось догнать Шарлотту только после того, как она остановилась. Дорога и заправка остались далеко за спиной. Девлин не оборачивался, стараясь не воспалять воображение.

— Почему ты ушла? — спросил Девлин. Шарлотта не ответила. — Ладно. Тогда куда ты идешь?

Она указала на старую, заметенную наполовину яму в земле. Девлин подался вперед, стараясь заглянуть на дно ямы.

— Что это? — спросил он, обернулся, не увидел Шарлотты и вздрогнул.

Теперь были только он и пустыня. Да еще, возможно, яма в земле. Могила, которую когда-то давно безуспешно пытались раскопать дикие звери. Девлин не знал, откуда пришло это знание, но он уже отчетливо видел эту картину. И тело старика-сторожа на дне, и девушку, которая от-

возит его сюда на своей машине, а затем мчится прочь, в неизвестность. И неважно, что большинство деталей оставались покрыты мраком. Все это придет. Нужно лишь вернуться в каморку управляющего и начать записывать то, что уже есть… Как и всегда… И пусть его снова обвиняют во лжи — неважно. Правды все равно никто никогда не узнает здесь: в этой пустыне… в этом мире…

Слуги чужого бога

Неизбежность — вот что было достойным финалом этой истории. Но вначале, как всегда, была надежда и была вера…

1

Джейк. Он родился в самый обычный день самого обычного года. Особенным было то, кем он родился. И то, кто его родил. Хотя о последнем мало кто знает. Даже сам Джейк. От воспоминаний ничего не осталось. От настоящих воспоминаний. Лишь иллюзия, вымысел. Он вырос в приемной семье, которая любила его как родного. У него были два брата и три сестры. Не по крови, а по праву нахождения в одной и той же семье. Но Джейк оставил их, как только представилась возможность. Покинул ставший родным дом и сбежал в большой город. Там ему удалось встретить девушку и стать отцом, но сны заставляли его оставить в прошлом и этот жизненный отрезок. Кровь рассказывала ему о чужом городе. О месте, где он никогда не был.

— Расскажи мне об этом, — попросила Мириам.

Они сидели на краю кровати и смотрели друг другу в глаза.

— Я не могу, — признался Джейк.

— Тогда расскажи мне о своей семье.

— Все в прошлом.

— И ты не жалеешь?

— Нет, — он закрыл глаза и долго сидел, ничего не говоря.

Он видел темный берег, желтый песок которого лизали океанские волны. Видел далекую луну. Слышал бой барабанов.

— Я знаю, что ты не такой, как все, — сказала Мириам.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — Джейк вздрогнул. Женская рука коснулась его щеки.

— Покажи мне, — Мириам прижалась губами к его шее. — Покажи мне, каков ты внутри.

Бой барабанов усилился. Разведенные костры жарили брюхо ночного неба.

— Не бойся, — шептала Мириам. — Я знаю, что меня ждет, — она разорвала ему рубашку и впилась ногтями в его грудь. — Сделай же это! — прорезал тишину ее крик.

Кровь заструилась по смуглой коже. Теплая. Свежая. Джейк не двигался. Сидел на кровати и смотрел, как Мириам слизывает кровь с его

тела.

— Ты сладкий, — прошептала она, улыбаясь окровавленными губами.

Теперь барабаны били для них двоих. Как и костры. Их жар проникал в самую плоть, и дикие пляски чернокожих тел сливались в дьявольский хоровод безумия и страсти.

— Позови его! — взмолилась Мириам. — Скажи, что я жду его!

— Нет.

— Тогда я сделаю это сама, — пальцы Мириам скользнули Джейку под кожу, отделили ее от мяса, словно ненужную одежду от желанного тела. — Скажи, что ты чувствуешь, — попросила женщина.

Теплая кровь струилась по ее рукам, лаская запястья. Обнаженная плоть согревала кисти рук. Жар костров и бой барабанов нарастали. Комната перестала существовать. Теперь их окружала ночь. Дикая, непроглядная ночь, сдобренная криками вышедших на охоту хищников и первородными инстинктами, которые горели в груди, разжигая животную страсть. И все уже не имело значения, меркло на фоне древних ритуалов и забытых богов. Абсолютно все…

* * *

Морг. Мириам открыла глаза, наполняя слипшиеся легкие холодным воздухом. Патологоанатом, женщина с холодными голубыми глазами и толстыми пальцами мясника, вскрикнула и тупо уставилась на ожившего мертвеца. В светловолосой голове лихорадочно роились мысли о подобных случаях. Желтая пресса, научные статьи, вуду, летаргический сон — да что угодно, лишь бы объяснить увиденное. Но объяснений не было. Лишь мысли в голове, кружащие роем всепроникающих мух. Сотни, тысячи черных точек… Женщина поняла, что теряет сознание, и подумала, что это, наверное, лучшее, что могло с ней сейчас случиться.

— Черт! — Мириам поднялась с анатомического стола.

Кровь снова начинала пульсировать, чувства возвращались. Немота проходила, сопровождая свое отступление невыносимым покалыванием во всем теле.

— Прости, но это мне сейчас нужнее, — сказала Мириам, раздевая патологоанатома.

Сиреневый свитер, черные брюки — все на пару размеров больше, но это лучше, чем всепрони-

кающий холод, призванный замедлить процесс разложения.

* * *

Дом. Горячая ванна. Ужин. Неудачный ужин, если быть точным. Мириам вырвало, и как бы сильно после ни урчал пустой желудок, она так и не смогла больше поесть. Спасла лишь бутылка «Woodford reserve», которую принес бывший ухажер. Они выпили и занялись любовью, а после, когда опьянение прошло, Мириам велела ему проваливать.

Ночь окружила ее: тихая, одинокая. Виски оказалось дешевой подделкой, и Мириам чувствовала, как у нее начинает болеть голова. Она вспомнила Джейка. Вспомнила проведенную с ним ночь. Вернее, не ночь, а то, куда они отправились с ним в безумном хороводе животных инстинктов. Дикие леса, дьявольские пляски, барабаны, костры…

Мириам осторожно запустила руку под левую подмышку. Плоть была мягкой и теплой. Никаких уплотнений. Никакой опухоли. Словно и не было конца света. Ее конца света. Мириам отыскала в темноте телефон и позвонила матери.

— Извини, что накричала на тебя, — сказа-

ла она, прикуривая сигарету.

— Ничего, я уже привыкла, — сонно сказала мать.

— Нет. Мне правда жаль, — Мириам выпустила к потолку струю синего дыма и пообещала, что приедет на день рождения отца.

— Мне его обрадовать или пусть будет сюрприз?

— Пусть будет сюрприз, — сказала Мириам, и мать где-то далеко тяжело вздохнула.

2

Друг детства — это всегда друг детства. Особенно если он жил напротив твоего дома. Ну, собственно, с одним из таких друзей Мириам и проснулась на следующий день после юбилея отца. Она соскользнула с кровати и собрала разбросанную на полу одежду. Секс был отвратительным, и громкий храп Майка усиливал чувство разочарования. Да. Похоже, иногда действительно лучше оставаться друзьями, не переступая эту тонкую грань.

Мириам оделась и подошла к зеркалу. В тридцать два бурную ночь сложно скрыть. Она топчется на твоем лице, оставляя неизгладимые следы, которые косметикой вряд ли удастся спря-

тать. Мириам вышла на улицу и закурила. День обещал быть жарким. День… В памяти родилось далекое эхо барабанного боя. Два месяца назад она спасла себе жизнь. Не Джейк, а она. Она нашла его. Она заставила его поделиться с ней силой… Жирная муха села ей на плечо.

— Пошла прочь, — отмахнулась от нее Мириам.

Муха взвила в воздух, немного покружила над растрепанной головой и снова опустилась на плечо. Мириам замерла, занесла руку и ловко прихлопнула надоедливую тварь. Кожа на плече лопнула.

— Это что еще за… — Мириам выгнула шею, пытаясь разглядеть небольшую язву на бледной коже.

Крашеный ноготь сковырнул гнойную корку. Желтая слизь тонкой струйкой скатилась по руке. Боли не было. Мириам погрузила ноготь в рану и ничего не почувствовала.

— Боже мой! — прошептала она, отгоняя еще одну муху.

* * *

Трупные пятна начали появляться на теле Мириам спустя месяц после того, как она обна-

ружила на плече язву. «Чертов Джейк!» — думала она, листая журнал приемов, когда началась ее смена. Три месяца назад его привезли в больницу. Она помнила тот день. Еще бы! Как такое забудешь. Пикап переехал его, раздробив кости, и группа медиков, выехавшая на вызов, сказала, что ничего от них не зависит. Они могли только ждать. Ждать, когда за Джейком придет смерть. Но смерть не пришла. Вместо этого сломанные кости срослись, а раны затянулись. В бреду он назвал адрес прежней семьи. Девушка и ребенок. Мириам нашла их, после того как узнала, что ей осталось не больше месяца. «А что, собственно, терять?!» — решила она.

Жули, высокая и худая, как страус, встретила ее на пороге обветшалого дома, укачивая на руках годовалого ребенка. Мириам дождалась, когда девочка заснет, и выслушала долгую историю Джейка.

— Вот возьмите, — сказала Жули, протягивая ей записи отца ребенка. — Он долгое время пытался разобраться в себе. Изучал, анализировал… А когда разобрался, то сразу ушел. Если бы я знала, что все будет так, то никогда не стала бы ему помогать, хотя, наверное, он все равно бы узнал. Узнал и ушел…

* * *

Мириам спустилась в морг, открыла холодильник и сбросила простыню с холодного тела молодой девушки. Бог Джейка не был добрым богом. Да почему Джейка? Теперь это был и ее бог. Достав нож, Мириам перерезала мертвецу яремную вену и, припав ртом к ране, попыталась высосать кровь. Ничего. Никаких барабанов, костров и буйства ночи. Открыв отстойник под анатомическим столом, Мириам сцедила скопившуюся в нем кровь. Вкус был отвратительным, и ее вырвало. Все стало только хуже. Она умирала. Разлагалась, продолжая существовать. Еще неделя. Еще месяц…

Бездомный вскрикнул, когда Мириам воткнула нож ему в сердце. На этот раз кровь была теплой. Она вырывалась толчками из раны, и Мириам жадно ловила ее открытым ртом. А после, опьяненная своим безумием, она шла, пошатываясь, по ночным улицам и пыталась сдержать рвотные позывы переполненного желудка. Какой-то мужчина остановился и предложил вызвать неотложку.

— Нет, — сказала Мириам и, обняв его за шею, предложила поехать к нему.

Он улыбнулся, оценивая ее словно скаковую лошадь, но, заметив запекшуюся на губах кровь, спешно ретировался.

«Пожалуй, я скоро сдохну, — подумала Мириам. — А если не сдохну, то сгнию заживо». Она проверила пульс. В последние дни он то появлялся, то пропадал. Она не чувствовала этого. Все тело сковывала странная немота.

— Мне нужен Джейк, — шептала Мириам, идя по ночной улице. — Только Джейк сможет мне помочь. Только Джейк.

* * *

Она нашла его в приюте для бездомных, потому что в своих дневниках он часто рассказывал об этом месте. Он посмотрел на нее и сказал, что она плохо выглядит.

— Ты не представляешь насколько, — сказала Мириам.

— Я предупреждал тебя, — сказал Джейк.

— Но это лучше, чем смерть, — сказала Мириам и предложила поехать к ней.

— Я не останусь с тобой, — шептал Джейк, наполняя ее рот своей кровью.

— Я не отпущу тебя, — шептала Мириам, проглатывая его кровь.

И барабаны снова били, разрывая ночную тишину. И костры горели, поджаривая брюхо неба. И чернокожие жрецы совершали свои старинные ритуалы… А после Джейк и Мириам лежали в постели и курили, строя планы на будущее. Странное будущее…

3

Они никуда не спешили. Особенно теперь, когда тело Мириам снова дышало жизнью и свежестью. Но барабаны звали их. И костры. И ночи. И чем чаще они отправлялись в этот мир, тем сильнее было желание найти его.

— Мы должны это сделать, — сказала Мириам, когда они шли рука об руку по залитой солнечным светом улице.

— Ты ничего мне не должна, — сказал Джейк. — К тому же если я когда-то и отправлюсь туда, то сделаю это один.

— Тогда убей меня, — Мириам схватила его руку и прижала к своей груди. — Убей, иначе я не отпущу тебя. Ты нужен мне. Без тебя… — Мириам услышала жужжание мух и вздрогнула.

— Ты боишься, — улыбнулся Джейк. — Боишься, потому что без меня ты — кусок гниющего мяса.

— Да, — тихо сказала Мириам и снова вздрогнула.

* * *

Они добрались до Северной Африки спустя два месяца. Морской бриз шелестел в кронах дубов и пальм. Оливки и лавры нежились в лучах раскаленного солнца. Где-то далеко племена туарегов и берберов погоняли вьючных верблюдов по великой пустыне в поисках подземных вод, подходящих близко к поверхности, образуя оазисы. Долина Нила была наполнена жизнью и криками торговцев. Арабская речь поставила Мириам в тупик, но на помощь пришел Джейк.

— Не знала, что ты говоришь на этом языке, — сказала Мириам.

— Да я и сам не знал, — признался Джейк.

Они остановились в Каире и долго привыкали к местным обычаям и нравам. На завтрак они ели бобы, приготовленные в оливковом масле, на обед — пшеничную кашу, заправленную рыбой и залитую острым соусом, на ужин — пресные лепешки и тушеное мясо. Ночью они занимались любовью. А утром, проснувшись, снова продолжали поиски, которые привели их из Каира в Тунис, а затем в его пригороды.

Здесь, на берегу Средиземного моря, они принесли жертву своему богу. Поклялись служить ему и окропили своей кровью землю, где некогда стоял великий город.

— Теперь пути назад не будет, — сказал Джейк, уходя в лесные чащи.

— Мне кажется, его никогда не было, — сказала Мириам, следуя за ним.

И цивилизация оставалась где-то далеко за спиной. Слуги шли к своему богу, надеясь на его щедрость, потому что им больше некуда было идти.

Дочери Евы

1

Машина неотложки. Шум дороги.

— Я одного не могу понять, Дэвид. Какого черта ты работаешь санитаром, когда мог играть квотербеком за профессиональную команду? — говорит Тони Лартер, продолжая ненавязчиво издеваться над другом, потому что сейчас середина ночи, он хочет спать, и жизнь кажется ему самым скучным, что может случиться с человеком, особенно в компании Дэвида Глена. — Ну давай, ответь мне!

— Что тебе ответить?

— Почему ты слил свою жизнь в унитаз?

— Я не сливал.

— Вот как?

— Да ты и сам здесь работаешь. Тоже считаешь, что твоя жизнь в унитазе?

— Нет. Моя жизнь и не могла стать другой.

— Моя тоже.

Машина подпрыгивает на ухабах. Слышно, как ветви стучат о кузов, мат водителя.

— Ты ведь никогда не станешь доктором, —

продолжает вредничать Лартер.

— Я знаю.

— Тогда кого черта не уйдешь?

Они останавливаются возле фермерского дома. Их встречает глава общины — высокая женщина лет тридцати. Черные волосы свисают ниже пояса. Ноги длинные, обнажаются в вырезе халата до бедер, когда она идет.

— Так что все-таки случилось? — спрашивает Тони Лартер.

Она оборачивается, смотрит на него, но не отвечает. Чувствуется запах свечей. Электричества нет. Цивилизация, кажется, осталась где-то далеко.

— Странное место, странные люди, — говорит Лартер своему другу.

Глен молчит. Они входят в просторную комнату. За открытыми окнами видны терраса и озеро. На водной глади отражаются звезды.

— Это что? — спрашивает Лартер, щурится, пытаясь привыкнуть к полумраку, видит человека в дальнем от окна углу, подходит ближе. Человек лежит на полу раскинув руки, не двигается. — Твою мать! — Лартер резко оборачивается к женщине, которая привела их.

— Это Фрида, — говорит женщина.

— Фрида? — Лартер заставляет себя снова посмотреть на человека без кожи, зовет Дэвида Глена.

— Я вижу.

— Мне плевать, что ты видишь! Неси носилки! — шипит на него Лартер.

Глен уходит. Коридор кажется неестественно длинным.

— Ну, что там? — спрашивает водитель.

— Девушка без кожи, — говорит Глен.

— Совсем?

— Совсем. — Он выкатывает из машины носилки.

— Помощь нужна?

— Кому?

— Откуда я знаю… — водитель нервно смеется.

Глен возвращается. Девушка без кожи лежит у стены напротив окна. Лартера нет. Главы общины нет. Тишина. Слабое дыхание, хриплое, предсмертное.

— Какого черта? — Глен недоверчиво идет вперед.

Глаза девушки без кожи вращаются. «Это Фрида», — звучит в голове голос главы общины.

— Фрида? — осторожно зовет девушку Глен.

— Она слышит тебя, — говорит глава общины.

Она стоит за его спиной, появившись словно из пустоты.

— Где доктор? — спрашивает Глен.

— Ушел.

— Он знает, что девушка жива?

— Сомневаюсь, что она жива.

— Но ведь…

Глен делает шаг вперед. Чувствует под ногами что-то мягкое, скользкое.

— Твою мать! Это что, ее кожа?!

Он оборачивается, глава общины смотрит на него большими глазами.

— Пожалуйста… — шепчет девушка без кожи.

Глен перешагивает, подходит ближе.

— Пожалуйста, прикоснись ко мне…

— Что? — он растерянно наклоняется ближе, считая, что ослышался.

— Прикоснись к ней, — говорит глава общины. — Я вижу, ты хочешь этого.

Глен молчит. Глаза девушки без кожи горят безумием. Или же нет? Страстью? На мгновение Глену кажется именно так.

— Прикоснись к ней, — снова говорит ему глава общины. — Разве ты не видишь? Она тоже хочет этого.

— Нет… — Глен пятится. — Где, черт возьми,

доктор?

— Прикоснись же ко мне! — кричит на него девушка без кожи.

Она поднимается, ползет к нему на четвереньках, оставляя кровавый шлейф.

— Пожалуйста, успокойтесь… — шепчет Глен, отступая к выходу на террасу.

Чувствуется запах свежести: ветер, озеро, ночная прохлада.

— Мы отвезем вас в больницу, — говорит Глен девушке без кожи, продолжая пятиться к выходу. — Мы спасем вас. Все будет хорошо…

2

Сознание отключается, а когда Глен открывает глаза, то видит улыбающееся лицо Лартера. Девушка без кожи лежит на носилках, укрытая простыней.

— Она была жива, — говорит Глен.

— Кто? — Лартер растерянно смотрит на пропитавшуюся кровью простыню.

— Она.

— Ну конечно! — Лартер снова начинает улыбаться.

— Но я видел!

— Ты отрубился!

— Я…

— Снова вернулся к прежнему? Что на этот раз? Кокаин? Крэк? Метс?

— Я не…

— Ну конечно, Дэвид! Ты всегда не виноват. Все это жизнь, верно?

Глен не отвечает, подается вперед, срывает простыню с лица девушки. На него смотрят черные мертвые глаза. Желудок сжимается.

— Значит, метс… — говорит Лартер и качает головой.

Они добираются до города молча.

— Знаешь что, — предлагает Лартер, впервые за вечер почему-то начиная жалеть старого друга, — иди домой, а мы тут сами справимся с телом.

Глен кивает. В голове гул, и он думает лишь о том, как добраться до кровати.

— Тяжелый день? — спрашивает сквозь сон жена.

— Скорее ночь, — шепчет Глен, закрывая глаза.

Ему ничего не снится. Ничего вымышленного. Все здесь. Все уже в нем. Девушка без кожи, ее просьбы, ее голос, взгляд…

Глен поднимается с кровати. В холодильнике

стоит бутылка водки, и он старается думать лишь об этом.

— Прикоснись ко мне! — звучит в голове женский голос… Или же не в голове?

Глен вздрагивает, оборачивается. Девушка без кожи лежит на кухонном столе. Мертвые глаза устремлены в потолок. Капли крови падают на пол. Глен слышит в тишине этот звук.

— Какого…

Он недоверчиво подходит к столу. Кажется, что это снова все у него в голове, как там, на ферме… Но что если нет? Глен подается вперед, пытается услышать дыхание девушки без кожи.

— Я Фрида! — говорит она и неожиданно обвивает его шею слизкими, лишенными кожи руками, тянет к себе.

Рот без губ открывается, готовясь к поцелую. Глен кричит, вырывается. Ноги скользят в луже крови. Он падает. Гремит посуда. Где-то плачет проснувшийся ребенок, суетится жена.

— Что случилось? — спрашивает она Глена, когда удается успокоить дочь.

Он молчит, пялясь на кухонный стол. Нет ни Фриды, ни крови.

— Дэвид?

Жена касается руки. Он вздрагивает, поднима-

ется на ноги.

— Мне нужно на работу.

— Что?

— Мне нужно снова вернуться в больницу!

3

Лартер встречает его, не скрывая раздражения, ворчит, ведя в морг.

— Послушай, если тебе нужна помощь избавиться от наркозависимости, то я, как твой друг, всегда смогу помочь…

— Нет никакой зависимости.

Глен открывает двери, проходит в морг. Стол, на котором должна лежать девушка без кожи, пуст.

— И где она? — спрашивает Глен Лартера.

— Может быть, санитары по ошибке в холодильник убрали? — пожимает тот плечами.

Они проверяют все холодильники, но девушки нет.

— Куда, черт возьми, она делась? — злится Глен.

— Не знаю, но уверен, все прояснится…

— Плевать я хотел на твою уверенность!

Глен не хочет, но рассказывает о том, что случилось у него на кухне. Лартер улыбается, гово-

рит, что это невозможно.

— Я сам зафиксировал ее смерть.

Глен не слушает, спрашивает про кожу.

— Что?

— Ее кожа, Тони! Где, черт возьми, ее кожа? Или ты хочешь сказать, что она тоже пропала?

— Я не знаю, — Лартер хмурится, растерянно оглядывается.

— Да что, черт возьми, происходит?! — психует Глен.

Он выходит на улицу, потому что в помещении его снова начинает тошнить.

Ночной воздух трезвит. Выкурить сигарету, собраться. Теперь за руль. Прочь из города. К загородной ферме.

— Я знала, что ты вернешься, — говорит глава общины.

— Где Фрида? — спрашивает Глен.

Женщина улыбается.

— Такие, как ты, всегда приходят.

— Я спросил…

Глен видит, как из дома выходит обнаженная девушка, поправляя кожу, словно платье. Голова начинает идти кругом.

— Я спятил, да? — спрашивает Глен Фриду.

Она улыбается.

— Я нравлюсь тебе?

— Мне? — Глен окидывает ее растерянным взглядом.

— Ты считаешь меня красивой?

— Возможно.

Фрида снова улыбается, берет его за руку и ведет в дом.

4

В общине тихо. Коридоры кажутся бесконечными. Утро не наступает. Свет дарят лишь толстые свечи. Пахнет ладаном, цветами и морским бризом. Где-то далеко поют птицы.

— Ты хочешь увидеть наш сад? — спрашивает Фрида.

Глен пожимает плечами. Они идут на террасу, к озеру. Белые лебеди качаются на черной глади. Персиковые деревья гнутся к земле ветвями с сочными плодами.

— Хочешь? — спрашивает Фрида, срывая один из них.

— Хочу знать, кто вы такие, — говорит Глен.

— Ты знаешь, — она улыбается. — Просто не помнишь. Как не помнил твой отец, твой дед… Но это всегда в вас было.

— Было что?

— Часть нас.

Фрида обнимает его за шею, целует в губы. Глену нравится жар ее дыхания, нравится ее гладкая кожа, которой так приятно касаться. Он ощущает, как обостряются все его чувства. Мысли бегут в голове сплошным потоком. Бегут назад, сквозь века, тысячелетия.

Глен видит дивные сады, обнаженных мужчин и женщин. И земли за этими садами. Видит грязных, голодных людей, увядших, безобразных женщин. Они умирают, рождаются, снова умирают. И за всем этим наблюдают бессмертные жители райских садов. Век за веком. Но рано или поздно они устают от своего бессмертия. Особенно мужчины.

Они смотрят на земли, вокруг садов, смотрят на новых женщин. И сначала уходит один из них, затем другой. И вот вскоре в садах остаются только женщины. Они следят за своими мужчинами, за своими возлюбленными, которые променяли бессмертие на минутную радость. И сбежавшие мужчины умирают, перерождаются из поколения в поколения, забывая, кто они, откуда. И женщинам в священных садах больно на это смотреть. Женщины одиноки в своей вечности. Поэтому они выходят к предкам тех, кто некогда

покинул дивные сады, очаровывают их, зовут к себе.

— Но ваше предательство никогда не будет прощено, — говорит Фрида. — Мы никогда не простим вас, но и никогда не забудем. По крайней мере, так будет в священных садах.

— Почему бы вам тогда не поселиться в нашем мире?

— В вашем мире? — Фрида смеется. — В этом грязном, никчемном мире, среди животных, лишь отдаленно похожих на нас?

— Так ты считаешь меня животным?

— Не тебя, а только тех, в ком не течет кровь наших мужчин. В них нет души, нет света. Они ничтожны. И их очень много. Здесь, на этой земле, — Фрида снова целует Глена, пробует его вкус. — Скажи, разве ты никогда не считал себя особенным?

— Возможно.

— Я знаю, что считал, — она улыбается. — А женщины? Вспомни всех, с которыми ты был. Разве ты хотел остаться хоть с одной из них? Разве ты не чувствовал, что это просто бездушные животные, отличающиеся от тебя?

— Я не думал об этом.

— Думал, — говорит Фрида. — Просто боялся

признаться себе в этом. Каждый раз, каждую новую ночь.

Она заставляет его опуститься на колени, отдается ему под нависшей ветвью персикового дерева.

— Скажи, что ты чувствуешь теперь? — спрашивает она.

Глен молчит. Его тело дрожит, мысли в голове летят где-то высоко.

— Ты ведь счастлив, не так ли? — спрашивает Фрида.

— Да.

— Все твои мечты. Все твои фантазии. Все здесь. Во мне. В таких, как я.

— Да.

— И так будет до тех пор, пока ты будешь служить нам, — она снова улыбается. — Ты ведь будешь служить нам?

— Да.

— Я так и знала…

Джей Арс

27 лет. Писатель хоррора, мистики, темного фэнтези и темной фантастики. Родился в Бруклине, живет в России, работает частным психологом. Первый мистический рассказ был написан в 7 лет от скуки на уроке математики. Но первые серьезные работы стали выходить после перенесенной клинической смерти во время сложнейшей врачебной операции, в годы

армейской службы (2010–2011). Первый такой мистический рассказ назывался «Разговор на вокзале» и был посвящен самым близким и дорогим сердцу людям. В разное время выходили публикации в журналах «Космопорт», «Фантаскоп», «Мир фантастики», «Bigital», «SFL (Science, Fiction & Literature)». Джей особо гордится своей работой «Дары змея», которая вышла в 166 выпуске альманаха «Фантаскоп», а также на радио Pod.fm. Автором озвучены несколько аудиокниг в рамках проектов «ПоSLесловие» и «СВиД». На данный момент увлечен созданием эзотерического хоррор-проекта «Архитекторы», а также созданием блогов, посвященных истории хоррора во всех его проявлениях.

Два в одном

У Бэйлы Гейл был довольно насыщенный день на работе: за довольно длинный период затянувшегося рабочего дня молодая 23-летняя девушка успела переделать кучу дел. Заправить картриджи, сделать и принять заказ на поступление новых канцелярских товаров в офисный центр. Заполнить документы за новый отчетный период (по идее, эту работу должна была сделать Элли Гейнер, она сбежала в декрет), и ответить на кучу входящих звонков, а также девушка не забывала снабжать свежими порциями кофе прозаседавшийся совет директоров, которые бог весть что делают столько времени в конференц-зале.

Однако когда Бэйла в очередной раз приходила со свежим кофейным подносом, все девять человек дружно что-то записывали за главным держателем акций Рональдом Бейкером. Приятный пожилой миллионер, занимающий в списке «Форбс» одно из довольно значительных мест в пределах Соединенных Штатов. А когда Бейла заканчивала расставлять чашки с горячими напитками и закрывала за собой дверь, дружные чирки ручкой тут же прекращались. Бэйла за всю

работу в компании не раз замечала этот престранный факт, но придавала ему не слишком большое значение, так как работала за троих человек (в том числе Лейлу Мартин, которая, надо не забыть сказать, чем-то очень сильно заболела, и только Бэйла прекрасно знала, что ее подруга виртуозно симулирует).

Подводя итоги этого горячего рабочего дня лично для Бэйлы Гейл, — она могла вполне похвалить себя за самоотверженность и долготерпимость. Девушка собиралась домой, когда уже половина сотрудников офиса покинула свои рабочие места раньше положенного срока. Бэйла искренне жалела, что не могла позволить себе такую вольность и уйти раньше времени, не предупредив об этом свое начальство. Попробовала бы она уйти раньше, как Митч Рейгандс тут же влепил бы ей какую-нибудь дисциплинарную санкцию в виде штрафа или занесение в личное дело. Митч занимал должность вице-президента компании, надо сказать, сволочной был тип, с крайне несносным характером; сотрудники, которым посчастливилось с ним пообщаться, долго потом обтекали, принимая новые порции успокоительного или сердечного. Бэйла Гейл же общалась с ним чуть ли ни каждый день.

Поначалу ей приходилось трудно. Но по мере ее с ним общения только крепчала закалка — спустя три года работы она пропускала его ругань мимо ушей. Его слова будто бы проскальзывали сквозняком мимо нее, она выделяла из его, так сказать, речи только самое необходимое, всегда вежливо улыбалась и, как бабочка, храбро отбившаяся от сетей жирного паука, упархивала прочь, выполняя очередное его поручение. Вот и сегодня она шла к нему в немой усмешке от того, что он придумает для нее в очередной раз, точнее, не придумает, а наверняка скажет (чаще это была какая-нибудь гадость).

Впрочем, для храброй и закаленной Гейлы это было вполне нормально и даже привычно. Девушка собрала необходимые документы в свою дежурную папку, стукнув ей о стол так, чтобы бумага вошла в папку ровно, без огрех. Мысленно заткнула уши невидимой ватой и спокойной, довольно мерной цокающей походкой направилась к бежевой двери с надписью «Митч Рейнгадс. Вице-президент компании Yello Publishing». Бейла поправила аккуратно уложенную прическу, осторожно постучала.

— Войдите! — раздался строгий делано-занятой голос начальника.

Бейла вошла, вежливо ему улыбнулась — тот даже не поднял головы, уткнулся носом в свой планшет, увлеченно водил по нему пальцем. Надо сказать, внешность Митча Рейнгдса была довольно неординарной — Бейла Гейл поначалу долго мучилась над тем, чтобы угадать его возможный возраст: она всегда колебалась между цифрами в 25 и 35. В один день он мог выглядеть на 25, в другой на 30 или 35 лет. Странный парень, с не менее странным характером. Однако некоторым сотрудницам (которые с ним не работали и лишь мельком видели, как он уходит или приходит на работу) он искренне нравился, девушки частенько подзывали Бейлу под предлогом вместе пообедать и мучили ее расспросами о том, женат ли Митч. Бейла не переставала им отвечать, что не знает, ибо ей все равно. Хотя у нее возникало смутное подозрение, что Митч пытается с ней заигрывать, особенно когда он смотрит не в глаза, а на выпяченную ее грудь. Да-да, Бейла была именно такой! Девушка любила подчеркивать свои достоинства, особенно те, которые так нравятся мужчинам. Но поскольку Митч Рейнгадс был человек крайне странного характера, она так и не могла толком понять его намерений, но все

равно не переставала думать о том, что настанет миг или час, когда Митч Рейнгдс созреет для первого предложения об интимном свидании с ней. Бейла давно уже придумала, что сказать ему при таком вот раскладе.

— Мистер Рейнгадс, — обратилась к нему Бейла, сделав несколько решительных шагов вперед в направлении большого квадратного стола, за которым Митч тыркался в планшете.

— Я принесла вам документы на подпись.

— Ага! А раньше не могла их мне сюда принести?! — раздраженно выпалил он, все еще не поднимая головы. — Почему я вечно должен тебя ждать?! Всегда так! Абсолютно всегда! Ты приносишь документы в одно и то же время, неужели это так трудно? Принести эти гребаные документы тогда, когда я этого хочу… — Митч поднял голову — в этот день он выглядел на все 35 лет. По крайней мере, Бейле так казалось, она спокойно стояла, сомкнув губы, ее глаза уже давно плавали в образах одной из его развешенных здесь дорогих картин (в основном Ван Гог). Бейла любовалась подсолнухами, когда Митч на нее кричал.

— И в этот раз вы уж, пожалуйста, постарайтесь, мисс Гейл, принести мне эти документы тогда,

когда рабочий ваш день не подходит к концу!

«Не подходит к концу? Это что же, можно уйти с работы раньше? Может, спросить у него? Ан нет, не буду… Лучше попробую».

— Хорошо, мистер Рейнгадс, как скажете. Разрешите мне положить эти документы вам на край стола… — Бейла сделала еще несколько осмелевших шагов вперед.

— Кладите и уходите! — прогремел начальник, и тут Бейла мысленно подловила его сальный взгляд на своей груди, как всегда, промолчала, сделав собственные выводы, может быть, даже ошибочные.

Бейла ответила ему своей дежурной сияющей улыбкой и, сделав свое маленькое дело, покинула его кабинет; прикрывая за собой дверь, она заглянула к нему — тот сидел, уткнувшись лицом в планшет, не открывая принесенной ему папки.

Бейла собиралась уходить, спустилась на лифте вниз с твердым намерением попробовать назавтра уйти с работы раньше времени (ибо «пунктик» с документами на подпись под конец рабочего дня у нее держался все время, пока она работала здесь). Подойдя к раздвижным дверям на выход, Бейла накинула на себя свой темно-красный осенний плащик до колен. Сегодня

поутру обещали сильный дождь и ледяной ветер — так и получилось. На улице воцарилась промозглая серость, люди торопливо шагали с открытыми зонтами, ветер шел встречный, так что, чтобы купол зонта не сорвало очередным несносным дождевым порывом, иногда приходилось его опускать ниже. Перед выходом на улицу Бейла открыла свой зонт и, выйдя в дождливую непогоду, повернула правее вдоль офисного центра, в сторону паркинга. Идя вдоль оживленной улицы, она привычно замечала на лицах прохожих серое безразличие и горячее стремление поскорее покинуть улицу и забиться в свои клети, туда, где дождь их наверняка не достанет. Как назло, паркинг такси был запросто расхватан такими же страждущими попасть домой или в какое-нибудь питейное заведение (последнее, конечно, чаще, погода, как говорится, шепчет). Не найдя ни одной свободной машины, Бейла разозлилась своей мысли о том, что домой придется ехать на общественном транспорте, толкаться в очередях за проездными билетами и в переполненном душном автобусе — самое начало часа пик. О! Она ненавидела это время! Она возненавидела общественную транспортную сеть и занятых таксистов, которые ради одной

Бейлы Гейл вряд ли высадят кого-то из пассажиров и довезут ее одну до дома — так не бывает! Прикинув в голове все возможные варианты, она выбрала альтернативу — переждать «бурю» в каком-нибудь близнаходящемся кафе. Она знала несколько таких заведений. Прошла мимо паркинга, оставив в стороне толпу нетерпящих добраться домой. Дальше паркинга тянулась Клайдекар-стрит, доходя до перекрестка параллельно Клайдекар, шла улица Роенгард. Каролина выбрала ее в качестве ведомого ориентира. Ушла правее. Толпа прохожих сильно мешала разглядеть окрестности, городской шум сбивал с толку. Конечно, Бейла помнила, где находилось кафе, но последние события буквально сбивали ее с толку, она была больше сосредоточена на своей обиде на таксистов, своей недавней беседе с боссом и ярой ненависти к тем, кто успел поймать такси первее, чем она. Идя вдоль оживленного шоссе, толкаясь в толпе торопливых безразличных прохожих, девушка вышла к указателю на Пирроуз-драйв — заведомо неверное направление. Она знала, что кафе находится на Роенгард и нигде больше (по крайней мере, до первого кафе идти было ближе). Со скандалом пробравшись на край обочины дороги, она вско-

ре увидела вывеску кафе, находившегося на той стороне дороги, — необходимо только перейти улицу, а дальше все будет схвачено. Дождавшись зеленого сигнала светофора, Бейла перешла по зебре на другую сторону. Нырнув в бегущую вперед толпу, Бейла все-таки добралась до дверей кафе. Однако хозяева его, скорее всего, уже съехали, ибо ранее (примерно две недели назад) кафе называлось «Чумовой Чарльстон», а теперь «Джон Мо».

«Что за дурацкое название — «Джон Мо», назвали бы еще «Писклявый Мо» или «Щедрый Мо», а тут какой-то дебильный Джон», — негодовала Бейла, но тем не менее делать было нечего, возвращаться на дождливую улицу ей не хотелось. Еще больше она не хотела толкаться среди прохожих. Не то чтобы она не любила людей — она ненавидела стадо, что вечно собиралось в финале рабочего дня и заполоняло и без того тесные улицы даунтауна. Однако при всем ее внутреннем несогласии со сменой названия внутри старого-нового кафе было довольно уютно и — что, несомненно, радовало — здесь было мало посетителей, хотя и у прежних хозяев не все было гладко с внутренним клиентооборотом. Впрочем, мало кому понравится, что вдоль стен

развешаны фотообои с пляшущими и пышущими радостью дамами, поднимающими подолы юбок и скачущими в ритме танца чарльстон.

«Хм, Джон Мо наверняка это снимет, заменит какой-нибудь мужланско-ковбойской тематикой, я почему-то в этом не сомневаюсь, а когда заменят — не удивлюсь, что была права», — усмехнулась Бейла, изучая новое-старое меню. Бейла никогда не расплачивалась наличными, у нее было правило держать наличные в банке, а банковскую карту (на которой они лежали) тратить как угодно. Подозвав официанта и расспросив его о возможностях безналичной оплаты, Бейла обрадовалась, узнав, что новые хозяева не брезгуют кредитками. Отпустив официанта, девушка уткнулась в меню. Разновидностям кофе здесь была посвящена целая страница, многие названия девушка даже не знала: все они были записаны мелким наклонным почерком так, чтобы все 120 разновидностей могли уместиться на одной заламинированной странице меню. Бейла хотела попробовать все сорта, но рассудок остановил ее спонтанный порыв желания. Ее выбор остановился на ванильно-банановом мокко, девушка рассчитывала получить от этого напитка хоть какую-нибудь, пусть даже малую, толику

радости, которая могла бы урезонить ее столь сильное негодование от этой мерзопакостной погоды дождливого Манхэттена. Подозвав к себе официанта, Бейла попросила к своему первому заказу добавить еще и овощной салат, заправленный винным уксусом. Подошедший к ней симпатичный мужчина лет тридцати с небольшим был крайне любезен и вежлив. В отличие от другого официанта, на входе, который просто подал ей меню и торопливо растворился в залах кафе, так же равнодушно обслуживая и других немногочисленных посетителей этого заведения. Обслуживающий ее официант ей сразу понравился. Как-то сразу в голову пришел вопрос: «Неужели этот приятный парень не нашел себе работы получше? Ведь с такой внешностью он мог бы стать лицом какой-нибудь рекламной компании, производящей элитный мужской парфюм». Официант будто бы услышал ее мысли, в очень деликатной форме он сказал ей:

— Работа в этом кафе здорово изменила мою жизнь! Своим служением людям я, можно сказать, возвращаю свой долг! — сказав это, он записал заказ Бейлы Гейл себе в блокнот и, откланявшись (что для девушки было так дико и непривычно, что от удивления ее глаза рас-

ширились, а рот самопроизвольно открылся), торопливо ушел.

Пока на кухне готовили ее заказ, Бейла думала о том, что могло бы быть, если бы Митч Рейнгадс не имел вредную привычку скрывать свое к ней вожделеющее чувство.

«Ведь имей он хоть малую толику смелости, он бы пригласил меня к себе домой… а вдруг любовница? Она может все испортить: если он ее еще любит, то о быстром взлете по карьерной лестнице можно и не мечтать… Или все-таки нет? А вдруг он сейчас в активном поиске? Хотя… нет… Взять на себя смелость воспитывать взрослого, да еще и капризного ребенка типа Митча Рейнгадса — выше моих сил. К тому же у меня нет особого на то желания заводить семью… Обуза — да и только», — пока девушка об этом думала, ее взгляд плавал по фотообоям, оставленным здесь еще от прежних хозяев. Яркие танцовщицы чарльстона привлекали ее своей веселой подчеркнуто-женственной игривостью; разливающиеся вдоль стен цвета их пышных платьев будто возвращали девушку в то далекое, безвозвратно утраченное прошлое, оставившее свой яркий след разве лишь только на старых фотографиях и не менее старинных кинопленках…

— Ваш заказ, мисс, — внезапный голос официанта отвлек ее от мыслей, девушка немного вздрогнула от столь неожиданного появления услужливого мужчины: в правой руке он держал серебряный поднос, на котором стояли горячая кружка с ванильно-банановым мокко и тарелка овощного салата. Все это официант с неподдельно-искренней улыбкой (словно страстно желал понравиться новой посетительнице) расставил перед Бейлой.

«Неужели он таким образом со мной флиртует?» — усмешливо подумала Бейла, однако эта мысль была ей очень приятна, девушка была бы не против ночного рандеву с этим молодым человеком.

Оттягивая наслаждение вкусом принесенного ей мокко и не слишком торопливо подъедая салат, Бейла и не заметила, как наступил вечер. Посмотрела в окно: дождя не было, улица почти свободна от прохожих, а шоссе не так загружено машинами. Расплатившись карточкой, Бейла собиралась уходить, как перед входом ее остановил тот самый официант, который обслуживал ее. Этот его порыв был скорее очередным актом вежливости, очевидно нарисованным на его приятном лице.

— Мисс, я прошу прощения, возьмите с собой наш рекламный буклет: взяв его и предъявив нам в следующий раз, вы получите от администрации нашего заведения хорошую скидку на все последующие посещения нашего кафе.

— Хм… — Бейла всегда относилась с сомнением ко всякого рода подобным акциям и раздаче рекламных листовок. Однако, услышав волшебное слово «скидка», девушка взяла буклет из рук симпатичного официанта, не став на нее смотреть, убрала к себе в сумочку. Остановивший ее официант удовлетворенно улыбнулся, открыл перед ней дверь и проводил ее взглядом на улицу.

Теперь Бэйла засомневалась, что обслуживающий ее официант всего лишь навсего лицемер, которому платят проценты, помимо обслуживания, еще и за раздачу листовок на входе. Впрочем, этот маленький инцидент был сразу же забыт. Бейла вышла на паркинг, где стояли такси, села в первую же свободную машину и велела водителю трогаться на улицу Роунвелл, в спальный район даунтауна…

По дороге домой девушка заказала по телефону доставку суши на дом; оператор обещал, что заказ с курьером будет доставлен не ранее чем через полчаса. Бейлу этот ответ вполне устраивал.

Добравшись домой, девушка сразу же переоделась во все домашнее, под звуки телевизора села за ноутбук. Спустя каких-то двадцать минут девушка открыла дверь суши-курьеру, расплатилась с ним картой… Сделав несколько мелких дел по дому, Бейла удовлетворенно уселась перед телевизором, рядом с ней лежала сумочка, в одном из открытых отделений которой торчал корешок от рекламного буклета «Джонни Мо». Бейла не ожидала увидеть там что-то сверхординарное, кроме обещаний о скидках, богатого и разнообразного меню и слов о качественном обслуживании и прочего рекламного бла-бла-бла. Однако девушка несколько удивилась тому, что прочитала в этом рекламном проспекте (как раз под строчками о высоком уровне сервиса). Небольшое, всего на пару строк, объявление было обведено яркой, режущей зрение рамочкой: «Доставка диванов, грузоперевозки и качественная курьерская служба доставки грузов любой сложности». Бейла убрала листовку обратно в сумочку, решив, что заглянет туда еще один раз завтра после работы…

Поутру Бейла проснулась от какого-то совершенно дикого сна — девушка не помнила, чтобы когда-либо ей снились подобные кошмары. Этот

был каким-то совсем уж настоящим, почти как в реальности, с теми же ощущениями, чувствами, правда, все же с одним нюансом — всегда можно проснуться и вернуться обратно в кровать, туда, где все эти ужасы уже не происходят. Бейле снилась страшная машина, которая ездит по ночным улицам города; ее огромные фары горят ярким желтым светом, а мотор жутко ревет от напряженной работы под закрытым ржавым капотом; лицо водителя сокрыто черным стеклом, видны только его одетые в перчатки руки. Бейле снилось, что она выходит на улицу необутой, в домашнем перевязанном поясом халатике. Ужасная машина подъезжает к порогу ее подъезда, дверь открывается, и девушка покорно залезает в запачканный черной золой салон. Водитель не оборачивается к ней лицом, сидит прямо, управляет баранкой руля. Подвозит ее к офисному центру (там, где она работает); машина паркуется на пустой автостоянке. Молча сидят, Бейла зачем-то смотрит в окно, наблюдает за размеренной жизнью ночного Манхэттена. Последним из офисного центра выходит Митч Рейнгадс, крайне хмурый и чем-то недовольный (впрочем, оно и не удивительно). Бейла указывает на него пальцем; водитель поворачивается

к ней безликим, абсолютно черным лицом: глаза его горят ровным желтым светом, он кивает, как будто соглашаясь с ее выбором. Выскакивает из машины, не бежит, но как будто парит по ровному асфальту, как какая-нибудь ужасная тень. Бейла наблюдает за всем со стороны, а спящей Бейле становится плохо, она слышит свое неровное, прерывистое дыхание, хочет проснуться, но не может — слишком это все затянулось. Бейла из сна видит, как водитель-тень залетает ничего не подозревающему Митчу Рейнгадсу за спину и уносит его высоко во тьму. Потом отпускает. Его громкий предсмертный крик обрывается на ровной поверхности асфальта. Бейла из сна удовлетворенно улыбается, даже смеется, черная тень тащит за руку мертвое тело Митча к машине, бесшумно кладет его в багажник, закрывает на ключ. Далее следуют какие-то формальности, тень просит Бейлу подписать какую-то бумагу, дает ей шариковую ручку, девушка подписывает не читая, отдает документ в руки водителя. Выходит из машины, провожает взглядом удаляющиеся в ночь желтые огни.

«Что за чушь мне приснилась?» — изумленно подумала Бейла, стряхнув с себя остатки сна. Девушка накинула на себя халат и отправилась

в ванную, привести себя и свои мысли в порядок под струями ободряющего чуть теплого душа. После ванной девушка наспех позавтракала, собралась на работу.

Этот день и правда был каким-то сумасшедшим и очень напряженным. Бейла Гейл не могла припомнить хотя бы одного случая за всю работу здесь, когда работала так интенсивно и тяжело, как это делала сейчас. Только за первые три часа за десять подходов на лифте она успела привезти и отвезти стопки папок с документами на 5 этаж, когда сама работала на 25-м. Потом срочный месячный отчет, который вдруг очень срочно понадобился ее несносному боссу, затем подготовка бизнес-презентации к предстоящей встрече с инвесторами из Франции, после презентации звонки, на которые требовалось отвечать оперативно и крайне вежливо (последнее у Бейлы получалось очень плохо под середину рабочего дня). Но «разбор полетов» в кабинете у Митча Рейнгадса доконал девушку совсем, и это при многолетней ее выдержке и терпимости. Она была готова хоть сейчас вызвать с преисподней приснившуюся ей черную тень, чтобы убийство босса повторилось на ее глазах: девушка была уверена в том, что после смерти Рейнгадса

она так же зловеще рассмеется и заулыбается. Но ничего такого не произошло (к сожалению), Митч Рейнгадс кипел от ярости, когда отчитывал ее за очередной (как ему показалось) промах в наспех принесенных ему документах, он отчего-то решил, что эти сильно не понравившиеся ему документы сделала именно мисс Гейл и никто иной из работающих вместе с ним сотрудников. Создавалось впечатление, что, опираясь сомкнутыми кулаками о тщательно отполированный стол, он сдернет с себя ремень и отхлестает им ее по заднице. Девушка сдержанно негодовала от его неконтролируемого ора, пыталась плавать взглядом в развешанных в кабинете картинах, но это, увы, не спасало.

«Он меня точно уволит, в этом нет сомнений… Он ненавидит меня так же, как я ненавижу его… Одним словом, истеричный ублюдок!» — зло подумала Бейла, злорадно представляя своего босса лежащим перед ней в луже собственной крови. Его голова, отделенная от тела, с кривой предсмертной гримасой царствовала на отполированном столе, рядом со включенным его любимым планшетом.

Однако девушку спасло неожиданное появление одной взволнованной сотрудницы, имя ко-

торой девушка в порыве с трудом сдерживаемого негодования забыла.

— Мистер Рейнгадс, простите, что без стука, — лепетала молоденькая сотрудница, — я всего лишь хотела уточнить у вас, не нужны ли вам эти стопки с документами?

— С какими еще документами? ЭТИМИ?! — босс грозно ткнул пальцем в лежащую перед ним стопку, которую буквально недавно принесла ему на стол Бейла.

— Да, мистер Рейнгадс, — сбивчивым, взволнованным голосом отвечала ему сотрудница; ее взгляд испуганно метался сначала на Бейлу Гейл, затем на взбешенного Митча. Лицо его побагровело настолько, чтобы признать его существом из неподконтрольной небесам преисподней. — Видите ли, произошла грубая ошибка, эти документы не должны были попасть к вам на стол именно сегодня.

— А я вам что говорила?! — взбешенно возмутилась Бейла. — Вы там все с ума посходили!

— Это не моя вина, мисс Гейл, — виновато оправдывалась девушка.

— Значит, это вина всего отдела! — воскликнул Митч Рейнгадс. — Вы меня все решили в могилу свести?! Вы хотите, чтобы я умер?!

«Лично я была бы не против такого поворота», — злорадно подумала Бейла; не исключено, что об этом же думала и внезапно появившаяся здесь девушка из финансового отдела «В».

— Нет, мистер Рейнгадс, конечно, нет… Я только… — сбивчиво произнесла девушка, сделав несколько неуверенных шагов к его столу, чтобы забрать документы.

— Забирайте свою писанину и убирайтесь обе! Вы, мисс Гейл, помните про вчерашний наш разговор? — Митч вышел из-за стола и подошел к окну.

Девушка виновато посмотрела на Бейлу, не увидев в ее глазах и малейшего сочувствия и тем более прощения (в общем-то из-за упертой невнимательности этой девчонки и начался весь этот скандал), забрала документы и поспешила удалиться из кабинета Рейнгадса.

— Вы еще здесь, мисс Гейл? Я что вам сказал? — сдержанным тоном произнес Митч.

— В общем-то виновата была не я, как вы уже догадались, — обидчиво начала Бейла.

— И что вы от меня хотите? Чтобы я ее уволил? Кто мне принес этот хлам?! Не вы ли, мисс Гейл? А?

Это последнее его «а» окончательно разозлило

девушку, она была готова прямо сейчас вытолкнуть этого мерзавца из окна, так, чтобы он долго летел и размозжился на асфальте, перед глазами сотен белых воротничков, торопливо снующих по тротуарам вдоль офисного центра.

Она промолчала на этот его грубый выпад.

— Не ждите от меня извинений — вы знали, на что шли, когда приносили мне этот бумажный мусор!

«Да, ты прав, от таких ублюдков, как ты, ничего хорошего ждать и не приходится», — она хотела это сказать, но сцеженно промолчала. Если бы Рейнгадс повернулся к ней сейчас лицом, он бы точно уволил ее — достаточно было увидеть ее ничем не прикрытую ярость в глазах и в выражении лица, чтобы понять, как она его сейчас ненавидит. С чувством ненависти она пришла в его кабинет, с чувством неконтролируемой ярости она из него ушла. Мысленно обещая себе, что обязательно ему отомстит, сразу за все! Прикрыв за собой дверь, Бейла сразу же подумала о своем недавнем сне (она больше не называла его кошмаром). О! Как же она мечтала, чтобы этот сон претворился в жизнь, и причем так, чтобы полиция не смогла ее ни в чем обвинить. Бесспорно, место Митча Рейнагдса займет кто-

то другой, лучше — другая, а еще лучше, чтобы это была она, во всяком случае, после его кончины дальше уже будет видно. Вернувшись на свое рабочее место, девушка вдруг вспомнила, что хотела сделать вчера, но в суматохе этого дня забыла о своем намерении — уйти с работы пораньше. Обдумав свое решение еще раз, Бейла поняла, что это не самая ее удачная мысль, по крайней мере, сегодня. И, подготовив «вечернюю» документацию, она вернулась с кипой бумаг на подпись в кабинет Рейнгадса. Постучав в дверь, она не услышала привычного ей раздраженного возгласа, никто ей не ответил. Девушка восторженно обрадовалась, ибо не хотела встречаться с Рейнгадсом еще один раз (хватило за сегодня!). Вошла самостоятельно, дверь, к счастью, была не заперта (если Рейнгадс и уходил из кабинета, то это надолго, он не имел привычки запирать дверь). Бейла быстро сложила кипы бумаг ему на стол, но прежде, чем уходить, полюбопытствовала оставленным у него в кабинете планшетом. Девушка изумилась, увидев у него на экране какую-то извращенную садомазохистскую игру, позволяющую мучить компьютерную девушку множеством самых изощренных и самых что ни на есть жестоких атрибутов БДСМ.

Разумеется, звук на планшете был выключен, чтобы стоны замученного компьютерного персонажа не покидали пределов его кабинета и извращенной фантазии Митча Рейнгадса. Бейла села за его стол и, взяв в руки чужой планшет, попыталась представить, что вместо закованной в цепях девушки закованным и голым стоит Митч Рейнгадс, а Бейла Гейл играет в этой игре роль изощренно жестокой госпожи.

«Жаль, что пол у персонажа нельзя поменять», — с сожалением подумала Бейла, апробируя в игре все возможные атрибуты пыток на воображаемом боссе. Она уже слышала его вопли и крики — и как же извращенно-сладко они ложились в ее разуме ровной и приятной для нее музыкой! Мысленно она уже подумывала прийти после работы домой и скачать в Интернете игру, похожую на это, но с каким-нибудь мужчиной в главной роли. А пока она зашла в Интернет на его планшете и, набрав в Googl слово «Fuck», выбрала знаковую фотографию со средним пальцем.

Сделав ее фоном для рабочего стола Рейнгадса, злорадно рассмеявшись, девушка положила планшет на свое прежнее место и поспешила удалиться отсюда, мысленно представив себе

выражение его лица, когда он зайдет к себе на рабочий стол и увидит там приготовленный ей ему подарок.

Часы в общем зале показывали 17.30. Бейла все-таки решилась. Не стала искать никого, кто мог бы прикрыть ее перед Рейнгадсом, и никому ничего не сказала, просто ушла. На улице стояла такая же слякоть, как и вчера. Рабочий день подходил к концу, но час пик еще не начинался. Тротуар был почти свободен от торопящихся с работы домой людей. Паркинг такси был заполнен желтыми машинами, можно было выбрать любую и добраться до дома, пока шоссе не заполонилось автомобильными пробками. Вместо такси Бейла ушла дальше, через улицу Клайдекар, а потом на Роенгард к кафе «Джонни Мо», где сидела вчера вечером. Пока шла к кафе, Бейла вдруг подумала о том, почему бы не взять в привычку посещать это кафе каждый рабочий день. Ее подкупала расслабленная и дружелюбная атмосфера этого заведения. К тому же у нее давно не было полноценного секса. Девушка мысленно прикидывала в голове возможные варианты знакомства с тем симпатичным официантом, который ей улыбался вчера, и вовсе не исключено, что он улыбнется ей и сегодня

той же фирменной и сексуальной улыбкой, растапливающей накопившийся в сердце лед.

Вывеска «Джонни Мо» приветствовала девушку еще на входе, к тому же новые хозяева (или хозяин, хозяйка) внесли в витрины некоторые новшества, а именно большущие фотообои времен Дикого Запада, и причем все это было сделано так натуралистично, что девушка невольно поверила в этот крайне заманчивый старинный антураж ковбойского салуна. Создалось такое впечатление, что кафе поменяло свой облик всего за одну короткую ночь, и причем без всякой на то халтуры. Теперь у Бейлы не поворачивался язык сказать, что новое название кафе чистой воды фуфло и безвкусица новых хозяев, — новый антураж «Джонни Мо» полностью затмил своим обликом старый «Чумовой Чарльстон». Девушка вошла внутрь. Удивилась еще больше. Потому что то, что ей казалось фотообоями, виделось ей на самом деле: в каждом новом поставленном здесь стуле и столе, старинной стойке бара, за которым стоял тучный бармен, протирающий салфеткой начисто отполированный стол, в старинных люстрах и деревянной в дырочку изгороди — все это только дополняли новое убранство кафе-салуна. Фотообои с улы-

бающимися девицами, весело задирающими ноги, конечно же, убрали. Стены приобрели истинно старинный западно-ковбойский манер. С развешанными здесь чучелами скалящихся животных (в основном койотов, бизонов и лисиц), колоритным оружием, длинными трубками индейцев, причудливыми коронами из перьев (опять же заимствованных у индейских племен). Людей здесь заметно прибавилось — конечно, не все столики были заняты, но от вчерашнего спокойного вечера не осталось и следа, здесь было достаточно шумно. Но это отнюдь не отменяло желания Бейлы посидеть здесь за чашечкой горячего мокко и закусить каким-нибудь легким низкокалорийным салатом. Ее место у окна, к счастью, никто не занял — девушка тут же заняла его, положив свою сумочку через стол на сиденье напротив, чтобы к ней никто не смел подсаживаться. Любуясь новым убранством, девушка даже не заметила присутствия здесь официанта, который молчал и терпеливо ждал, когда она вдоволь насмотрится на непривычно новую обстановку.

— Ой, — извинительным голосом произнесла Бейла, — вы меня ждете, да?

Вчерашний официант вежливо ей улыбнулся

и мягко произнес:

— Все поначалу теряются в нашей новой атмосфере, привыкают не сразу, так что ничего страшного, я могу и подождать…

— Вы, пожалуйста, еще раз меня извините, просто… новый облик так для меня непривычен, что… Ну, в общем, ладно… — замялась Бейла, чувствуя какую-то неловкость перед этим незнакомым ей молодым человеком.

— Что будете заказывать? — любезно спросил у нее официант, как бы сделав вид, что ничего не заметил в ее взволнованном лице.

— Мокко. В этот раз клубнично-апельсиновый. И овощной салат с курицей, заправленный не майонезом.

— Хорошо, — сказал официант, записав ее заказ в специальный блокнот. Перед тем как уйти, он как-то странно посмотрел на нее, (хотя это могло и померещиться). Бейла не придала бы этому никакого значения, если бы он к ней не подсел и, сложив руки пирамидкой, каким-то заговорщически загадочным голосом не задал ей вопрос:

— Вы ведь читали буклет, который вы вчера у меня взяли?

— Кхм… — девушка нервно кашлянула, зажав рот рукой, посмотрела на молодого человека

с нескрываемо настороженным подозрением. — Ну да. Я его вчера полистала немного, а что?

— Ничего, — коротко ответил ей молодой человек. — Извините, — дружелюбно откланялся и торопливо ушел в зал.

«Хм… Что это сейчас было?» — настороженно подумала Бейла, наблюдая за удаляющейся спиной того странного официанта. Надо признаться, она думала над его поведением почти все время, пока здесь находилась, ее глодали сомнения, хотя она могла бы их отпустить и не придавать им никакого значения — мало ли психов принимают сейчас на работу? Хотя этот парень на психа вовсе не был похож, он улыбался, был вежлив, дружелюбен, выдержан и спокоен, но вот этот его поступок полностью разрушал сложившееся о нем впечатление, добавлял в ее голову множество вопросов и немало загадок. В конце концов девушка не выдержала, во что бы то ни стало она решила лично у него узнать, в чем тут подвох, что он имел в виду, когда спрашивал, читала ли она выданный ей рекламный буклет или не читала. Хотя все эти мысли порождали в ней сомнения в собственной адекватности и нормальности.

«Обычный человек так думать не может — может, я схожу с ума?» — нечаянно подумала Бейла,

но, благо, вовремя себя остановила.

За окном близились сумерки, тротуары были почти свободны от торопливо снующих прохожих, оставляя на улицах лишь тех, кто любил пешие прогулки по вечерам. Бейла рассчиталась со выставленным ей счетом и терпеливо ждала, когда залы кафе окончательно опустеют, и тогда она сможет поговорить с тем показавшимся ей странным официантом. Примерно в 11 часов в кафе почти никого не осталось, разве что только паренек, который слишком заигрался с ноутбуком. До 11 Бейла заказала себе еще несколько закусок, заодно и поужинала. Того официанта она подловила у барной стойки: он остановился, чтобы обменятся с барменом парой слов.

— Извините, я могу у вас кое о чем спросить? — сказала она полушепотом, обратив на себя внимание бармена. — Наедине, — уточнила Бейла. Официант кивнул, уже вместе они сели за дальний столик, чтобы никто их не смог подслушать.

— О чем вы хотели меня спросить? — спросил официант, не проявляя к девушке никакого интереса.

— Весь этот вечер меня мучил один вопрос, о том, что вы конкретно имели в виду, когда сказали, читала ли я рекламный буклет или не

читала.

— Кажется, вы поняли мой вопрос уж слишком двусмысленно, — усмехнулся официант.

— Тогда проясните! Чтобы у меня подобных сомнений больше не возникало, — предложила ему Бейла.

— Прояснить? А вы разве не поняли? — улыбнулся официант.

«Он точно со мной флиртует! Может, я не заметила, что он написал мне свой номер телефона? Черт! А я дура не догадалась!» — подумала Бейла.

— Кажется, теперь начинаю понимать, — с кокетливым смущением произнесла она.

— Боюсь, что опять неправильно, — отрезвляюще громко отвечал ей официант. — Помимо кафе мы занимаемся еще доставкой грузов, подчеркиваю — любой сложности, то есть мы решаем проблемы, помимо утоления голода и жажды, удовлетворяем еще и другие потребности.

— В плане? — изумилась Бейла. — Вы меня спрашивали о том, не нуждаюсь ли я в грузоперевозках? Вы это имели в виду?! — девушка чувствовала себя оскорбленной.

— Ну наконец-то! — делано обрадовался официант. — А я о чем вам говорил? Так что? Вам требуется перевезти что-то, что для вас может быть

сложно или не по силам?

— Не нуждаюсь, — сухо ответила девушка, встала из-за стола. Ушла из кафе, хлопнув дверью.

— Как знаете, мисс! — крикнул ей вдогонку официант.

«Перевозки… Ха!.. Перевозить?! Вот же козел! Таких козлов надо поискать! А я-то дура, купилась! Нет, хватит тебе уже быть такой доверчивой идиоткой, надо их раскусывать сразу, а потом выплевывать… Так и буду делать! Хороший урок!» — злясь на себя, но больше на того официанта, девушка подсела в такси.

Этой ночью она не садилась за компьютер, ее спонтанное намерение найти игру, в которую намедни играл ее босс, улетучилась так же же быстро, как и пришла. В этот раз она оставила телевизор в покое, была слишком взвинчена, а последние новости из CNN могли ее накрутить еще больше, чем сейчас, — она бы не заснула. Бейла решила сразу переодеться в домашнюю пижаму и без перекуса уйти спать. Так и сделала.

Проснулась раньше, чем прозвенел будильник, выключила его, потому что спать дальше уже не хотела. В половине седьмого разогрела замороженную пиццу; пока та грелась в духовке, Бейла сделала свои дела в ванной и туалете. Впервые

за несколько лет она чувствовала себя предельно выспавшейся и отдохнувшей, радостно подумала о том, что этот день, может быть, будет самым что ни на есть удачным. Или, по крайней мере, принесет ее долгожданные позитивные эмоции, которых в последнее время ей не хватало. Принимаясь за пиццу, она вспомнила, что сделала вчера, громко рассмеялась. Представив себе, как смачно раскраснелся от злости Митч Рейнгадс, вот-вот лопнет, как помидор, в мякоть которого заложили горящую петарду. Смеялась еще громче, когда представила Митча Рейнгадса, который бешено метался по кабинету в поисках возможных виновников, которые, вероятно, спрятались где-то поблизости и тихо сейчас над ним ржут… и был бы прав только в том, что над ним действительно сейчас смеются. Но не в кабинете и даже не за спиной, а в домашних условиях. За утренней теплой пиццей и первыми утренними лучами солнца.

В общем, Бейла Гейл впервые за три года собралась на работу в ожидании приятного предвкушения от того, что ее босс будет вести себя иначе, чем всегда. Бейла сожалела лишь об одном, что не сфоткала эту картинку как доказательство и нераспространила ее среди коллег,

потеха была бы сильнее, а глаза Митча Рейнгадса не поднимались бы выше собственных ботинок.

Собираясь уходить, Бейла открыла входную дверь. Каково же было ее удивление, когда на коврике для ног она увидела глянцевый клочок бумаги, по форме похожий на старинный билет в кинотеатр. Все же она его подняла, держать его в руках было приятно, но вот послевкусие от прочитанного оставляло у нее внутри не то чтобы настороженность — скорее какое-то спонтанное беспокойство.

— Добрый день, уважаемая мисс Гейл! Пусть вас не беспокоит наше нечаянное вторжение в ваше личное пространство. Мы были бы искренне рады, мисс Гейл, если бы вы считали нас своими друзьями, которые рады помочь вам в тех делах, которые вам, к сожалению, неподконтрольны. Мы с радостью готовы услышать волнующую вас проблему и, оперативно решив ее, раскрасить вашу жизнь новыми позитивными красками. В связи с этим имеем честь пригласить вас на еженедельную закрытую конференцию, посвященную решению трудноразрешимых проблем, которая пройдет (по счастливой случайности) именно в вашем городе, Хорризард-стрит 24. Явка строго обязательна (вы ведь хотите, чтобы ваши

проблемы разрешились сами собой?).

«Какие еще проблемы?» — подумала Бейла, водя глазами по красиво написанным строкам этого странного послания, и, к своему искреннему изумлению, нашла написанный здесь же ответ:

— Какие проблемы? А вас разве не волнует вопросы вашей карьеры в компании «Ньютинорм-холдингс»? Или ваш босс Митч Рейнгадс вам больше не докучает? Не собирается вас уволить? Если вы ответили на эти вопросы в следующей последовательности: нет, нет и нет, тогда простите нас, что мы суем свой нос в чужие дела, совершенно не догадываясь о том, что вас все устраивает. Но если на все вопросы вы ответили в трех случаях тремя «да», тогда вы наш клиент! Мы вас будем ждать в эту пятницу в 19.00, убедительная просьба не опаздывать, конференция у нас закрытая и блюдем правила строгой пунктуальности. С уважением к вам, ваши друзья.

Бейла убрала письмо к себе в сумочку, странно, но это было на самом деле именно так. На розыгрыш это было не похоже (по крайней мере, так думала Бейла). Хотя поначалу и пыталась припомнить тех знакомых, кто вполне мог бы

так с ней пошутить. Однако девушка точно знала, что никому из коллег по работе не давала своего домашнего адреса и никто из ее немногочисленных знакомых не имел подобных привычек прикалываться таким негуманным способом.

«Из отдела кадров? Да нет… они бы не стали со мной возиться, ограничились бы какой-нибудь дешевой сплетней… Митч Рейнгадс? Ну нет! Это совсем нет! Если бы ему на меня кто-то настучал (и если исходить из того, что я знаю его три года), он бы ограничился просто моим позорным увольнением… Но тогда кто же мне это подкинул? За мной следят?! Кто?! Кому я нужна?! Ха… да кому я вообще понадобилась, чтобы подсовывать мне подобные вещи? А они обо мне, кажется, все знают… Надо будет спросить у Норма Вейнека, может, он знает, кто со мной так шутит…»

Норм Вейнек работал на ее этаже посыльным и, конечно же, был в курсе первых офисных сплетен — все последние новости Бейла узнавала от него. Девушки, что с ним работали, называли его своим ручным любимчиком: Норм любил угождать, по поводу и без повода. Так что Бейла на его счет была вполне спокойна — он ей все выложит как есть, с подробностями и прочими нюансами.

Добравшись до работы на такси, Бейла окончательно забила себе голову этим недавним подложенным ей под дверь посланием. Поднявшись лифтом на свой 25-й этаж, Бейла не могла не заметить выражение лиц работающих с ней коллег, смотрящих на нее с нескрываемым осуждением и неприкрытым негодованием. Озвучить общее мнение решилась Марта Геранж, что работала в финансовом отделе «А». Ее взгляд и выражение лица не сулили ничего приятного, кроме скандала. Бейла сдержанно села на свое рабочее место, морально приготовившись выслушивать, однако решила сама озвучить свой вполне справедливый вопрос:

— Марта, что случилось?

— Что случилось?! — с деланым громким удивлением на лице спросила ее Марта. — Спрашиваешь, что случилось? Ты вчера отпрашивалась с работы? Скажи мне это честно в глаза!

— Я не совсем понимаю тебя, Марта, с чего я должна перед тобой отчитываться? — сдержанно, спокойно парировала Бейла, сложив перед собой руки в замок.

— А не должна! — воскликнула Марта. — Ты никому из нас ничего не должна! Но обязана досидеть свой рабочей день на заднице ровно!

Мне-то, в общем, плевать, решишь ты уходить на час позже или на три часа раньше!

— Остановись, Марта, — строгим и резким голосом ответила ей Бейла.

— Это разницы не имеет, но то, что устроил нам, между прочим, твой начальник Митч Рейнгадс, не входит ни в какие рамки! Ты это вообще понимаешь?! Ты, стерва, нас всех подставила! Жди разноса, когда Рейнгадс придет, он тебя съест и не подавится, и поделом!

— Ты закончила? — ровным, безразличным голосом спросила у нее Бейла, вызвав в глазах Марты Геранж новые потоки искр ярости и негодования. — А теперь будь так любезна свалить к себе в отдел, я гляжу, у тебя нет работы?

— А ты та еще штучка, Гейл! — сцеженно отвечала ей Марта. — Будь уверена — когда тебя отсюда выпрут, мы будем ликовать всем отделом.

Бейла презрительно осмотрелась вокруг себя, не находя поддержки нигде, кроме разве что развешанных здесь картин-пейзажей (они действительно были спокойны и действовали умиротворяюще).

— Не сомневаюсь, что будешь, но ты пока попридержи лошадей, Геранж, праздник может

и не начаться или начаться, но на другой стороне улицы.

— Чьей же? — усмехнулась Марта, повернувшись лицом к подслушивающим разговор коллегам — они были солидарны с ее усмешкой. — Твоей?

— А ты умна, Геранж, очень умна, — делано циничным голосом отвечала ей Бейла, на том и расстались.

В половине десятого появился сам Рейнгадс, он остановился возле стола Бейлы Гейл и достаточно резкой и короткой фразой просил ее зайти к нему в кабинет.

Бейла этого не видела, но точно знала, что Марта Геранж была права, когда говорила о том, что весь отдел после ее увольнения будет радоваться ее уходу. Одним словом, она работала с офисными лицемерами, не упускающими удобного момента тихо, про себя, позлорадствовать, поплеваться за спиной ядом. Конечно, она не была готова к такому неожиданному раскладу отнюдь не в ее пользу. Она бы не успела подготовить оправдательную речь, хотя бы в устной форме — в голове творился сумбур из самых неприятных мыслей и самых скандальных сюжетов в будущем диалоге с боссом.

Она бы не могла спокойно парировать ни одну из его резких и крайне оскорбительных реплик или дать обратный пас, как в футболе или бейсболе. Она шла на его территорию, туда, где богом был он, а она — всего лишь очередной мелкой офисной рыбешкой, которую всегда можно проглотить, потом выплюнуть, а потом найти новую и уже измываться над ней (бедная девочка, если ей будет трудно выдерживать это три года кряду). В общем, Бейла стояла перед его дверью, с минуту не решалась постучаться, но потом собралась (мысленно она уже плюнула на все: и на свою карьеру, и на все эти три года, которые прошли для нее не слишком легко, чтобы говорить о них спокойным и ровным голосом в кресле за потрескивающим огнем камина). Постучалась.

— Это вы, мисс Гейл? Заходите! — можно было только догадываться, какую обвинительную речь он для нее подготовил. Бейла Гейл готовилась войти в огонь.

— Вы просили меня зайти, мистер Рейнгадс, — робким, почти извинительным тоном произнесла Бейла, сделав несколько неуверенных шагов вперед, руки завела назад, как делала всегда, когда ее ожидал разнос. Рейнгадс пил горячий кофе; через струящийся из чашки дым он смотрел на девуш-

ку как затаившийся в засаде шакал: такие же злые хищнические глаза, пристальный всматривающийся взгляд и застывшее выражение лица, холодное, но втайне источающее ярость. Рейнгадс разогревался. Встав с высокого кресла, он изящно поднял блюдце с горячим кофе, не глядя на девушку, подошел к окну. Эта томительная пауза между ними тянулась невыносимо долго, он знал, что сказать, но по-своему, с издевкой, тянул время, пока Бейла Гейл переминалась с ноги на ногу в ожидании какого-то чуда, которое могло бы ее сейчас спасти от морального разгрома.

— Вы ведь не маленькая девочка, мисс Гейл, чтобы я вот уже в который раз напоминал вам о внутреннем распорядке и поддерживаемой в нашей компании дисциплине? Вам ведь не надо все это слушать, верно?

— Мистер Рейнгадс…

— Ни слова больше! — воскликнул он, резко обернувшись к ней. Его лицо вспыхнуло, а глаза блестели как у сумасшедшего, однако он сделал небольшой чопорный глоток из своей удерживаемой на блюдце чашке. — Вы подвели меня, мисс Гейл, страшно подвели.

— Я не подводила вас, мистер Рейнгадс, — робко возразила ему Бейла, до конца не уверенная

в том, что правильно (к месту ли) она сейчас это сказала.

— Да что вы говорите? — злобно ухмыльнулся Рейнгадс. Отойдя от окна, держа в руках блюдце с кофе, он шел к ней. — Значит, вчера мне показалось, что я не увидел свою помощницу на рабочем месте? Вы, оказывается, сидели за столом ровно до шести часов, а когда я вас звал, вы просто не отреагировали. Я ничего не упустил?

— Мистер Рейнгадс, я всего лишь ушла на полчаса раньше. Вы же всегда злитесь когда я приношу документы на подпись под конец рабочего дня — я принесла их вам раньше…

— Но кто, черт побери, давал вам право уходить раньше времени?! — громким, надтреснутым от ора голосом прокричал Митч Рейнгадс. Последние два слова он сказал полушепотом, так что несчастная девушка испытала, наверное, самый вопиющий страх — не от крика, но от осознания того, что этот человек вполне может ее сейчас убить или что-нибудь с ней сделать — таким бешеным его еще не приходилось видеть. Девушка думала, как спрятать от него свои глаза — картины уже не помогали, теперь и подсолнухи смотрели на нее с укоризной и такой же потаенной злобой, словно живые и солидарные

с истеричным Рейнгадсом. Именно сейчас в ее голове созрел тот самый момент, когда Бейла мысленно разгадала сокрытую загадку вангоговских картин — скрытое в них зло пробуждается, когда Митч Рейнгадс, вице-президент компании «Ньютинорм холдингс», кричит на своих подчиненных. Он сейчас был как никогда к ней близок, стоял в полуметре от нее, а она не могла сделать и шагу назад. Боялась.

— Вот что, мисс Гейл, мы подошли с вами к финишной прямой, и на этой черте мы с вами и распрощаемся, точнее, я с вами распрощаюсь, без выходного пособия, по собственному желанию… — сказав это, он приблизился к ней настолько, что в голове девушки развеялись иллюзии насчет Рейнгадского к ней влечения: декольте не помогло, так же как и внешность, они сейчас проигрывали эту слишком неравную битву. Рейнгадс — псих.

— Тогда… разрешите мне идти… — тщательно скрывая свое негодование, Бейла пыталась быть сдержанной и такой же стойкой, как и всегда, но нервная дрожь в глазах и руках выдавала ее.

— Только с вещами, — злобно прошептал Рейнгадс, — на выход…

Бейла вспыхнула и, сделав над своей слабо-

стью почти нечеловеческое усилие, харкнула ему в лицо — надо было видеть его побелевшее изумленное лицо: нет, в нем был не страх, но закипающий гнев, который пока не проклюнулся наружу. В этот самый момент она бежала. Гнев Рейнгадса вышел уже за дверью, когда девушка бежала по коридору, собирая со своего рабочего стола то немногое, что принесла с собой, остальное оставила, в основном канцелярию.

— Лети, Гейл!!! Лети, тварь!!! Безвозвратно лети!!! А я прослежу, чтобы тебя не взяли даже уборщицей, по крайней мере, в этом городе уж ТОЧНО!!!

— Хрен тебе, Рейнгадс!!! — Гейл остановилась перед лифтами (не забыв нажать кнопку вызова, лифт начал движение с 20 этажа) и, злобно кривясь, выкинула ему средний палец.

Рейнгадсу только того и надо, ему был нужен повод, чтобы напасть, и пускай это все происходит на глазах у его подчиненных — он уже не остановится. Лифт был на 24 этаже, когда Бейла нервно дергалась от перевозбуждения и страха от того, что бешеный ублюдок Рейнгадс настигнет ее, вцепится ей в горло и непременно задушит, а эти, что смотрят, так и будут стоять, потому что он им платит зарплату, он властен

уволить их всех, не сразу, но по одному. Он бежал к ней, спотыкаясь о ковролин, был уже ближе, когда створки лифта открылись, а Бейла исчезла внутри кабины, но это его не остановило, а только раззадорило, разозлило еще больше, так что он был похож не на человека, но на что-то другое, очень темное и злое, будто все, что он вобрал в себе за эти три года, вышло из него за этот злополучный день. Бейла нажала на кнопку первого этажа, когда створки лифта уже закрывались, предательски медленно, словно все в этом здании в этот вопиющий черный для нее день подчинялось его воле, и только она была против, за что сейчас и расплачивалась. С секунду она слышала его громкое натужное дыхание, его быстрый бег по коридору, и ровно столько же времени прошло, когда он предстал перед ней. В его глазах горели угли гнева, рот кривился в злобной и крайне жестокой гримасе, настолько беспощадной, что именно сейчас ему не хватало только ножа, с которым он мог бы быстро с ней расправиться. Однако его единственным оружием были сильные руки, которые пытались удержать створки лифта, как металлические крюки жидкого робота в той жуткой сцене из второй части «Терминатора».

— Я тебя не просто уволю, я уничтожу тебя, дрянь!!! — истерично вопил Рейнгадс, силой пытаясь остановить закрывающиеся двери лифта.

«Давай, Гейл, больше такой шанс тебе уже никогда не преставится!» — дальше все прошло, как в каком-то невероятно напряженном сне. Бейла, сама того от себя не ожидая, врезала ему острым кончиком правой туфли промеж его ног, так что Рейнгадс загнулся от боли, выставив голову под закрывающиеся створки лифта (потом он понял, что это плохая идея, и решил оставить попытку догнать беглую секретаршу).

— СУУУУУКАААА!!!!! — сейчас он буквально выжимал из себя неестественно громкий крик. Она продолжала слышать его, пока лифт наконец не опустился на 5-й и не стал совсем тихим. Тогда она вышла из лифтовой кабины и в большой спешке покинула холл офиса, который уже наполнялся приходящими на работу сотрудниками.

Даже пройдя мимо паркинга вдоль Роенгард-стрит, девушка не остановилась; на перекрестке она повернула на Клайдекар и, спешно дойдя до середины, только тогда решилась вызвать такси. До последнего часа, пока ехала в машине, она напряженно думала о погоне, которую, веро-

ятно, послал за ней злопамятный Рейнгадс (по ее мнению, он вполне был властен так сделать). И только закрыв за собой общую дверь жилого многоквартирного дома, вздохнула спокойно, отдышалась и немного успокоилась, но даже успокоившись, девушка настороженным напряжением смотрела через приоткрытую щель на улицу, чтобы найти подтверждение ее домыслам. Не нашла. Добравшись до своей квартиры, Бейла закрылась на все замки, вечер и всю последующую ночь, не смыкая глаз и мучая себя новыми порциями растворимого кофе, смотрела в окно, выходящее на оживленную дорогу; с особым трепетом относилась к тем машинам, которые подъезжали к ее подъезду, следила за людьми, которые из них выходили и, держа под рукой трубку мобильного телефона и остро заточенный нож, нервничала, ожидая звонка в дверь. До самого утра никто не позвонил. В половине десятого Бейла окончательно вымоталась и уснула на полу под окном.

Проснулась только ближе к пяти, совершенно не отдохнув; поднявшись, она еще раз посмотрела в окно. Возле ее подъезда терлись пятеро каких-то подростков, о чем-то весело разговаривали, один из них все время смотрел вверх,

что-то или кого-то искал. Бейла подумала, что он ищет ее, и задернула шторы. Сегодня пятница, к семи ей надо было быть уже на Хориззард-стрит. Она точно собиралась туда поехать, даже вопреки тому, что Митч Рейнгадс будет ждать ее где-то поблизости от ее дома (он знал где она живет). Бейла попыталась привести себя в порядок с помощью косметики, мешки под глазами и уставшие заспанные глаза она подправила ярким макияжем, тусклое и бледное лицо подправила искусственными румянами, а спутавшуюся после короткого сна на жестком полу прическу заправила в пучок, как делала всегда, когда времени сделать с собой что-то лучшее не было. Перед уходом выпила еще одну кружку кофе, на этот раз без сахара. Ушла, прихватив с собой нож для разделки мяса, что дежурил вместе с ней еще со вчерашнего дня…

Бейла с подозрением отнеслась к стоящей возле ее подъезда группе подростков, однако ни один из ребят не обратил на нее и толики того внимания, которым так науськивала себя Бейла Гейл. С успехом она преодолела несколько ступеней вниз и, пройдя мимо освободившей ей проход группы молодняка, вышла к оживленному шоссе, где надеялась поймать такси, боясь других,

не желтых, машин. В каждом водителе она видела зловещее лицо Митча Рейнгадса, наверное, самого опасного и крайне мстительного человека в мире. Поймав наконец такси, Бейла велела водителю трогаться на Хорризон-стрит 24, туда, где, по ее сложившемуся мнению, ее с нетерпением ждали какие-то люди, представляющиеся ей «друзьями», решающими все проблемы на свете.

По прибытии на Хорризон-стрит девушка ожидала увидеть больше людей, но, наверное, здесь сыграл тот факт, что улица Хорризон находилась по большей части в спальном районе даунтауна, от этого жизнь на ней не кипела, но шла своим чередом, размеренно и неторопливо, в отличие от той же Роенгард, что пересекала обе стороны оживленного шоссе, вдоль которого тянулись бесконечные здания офисов, юридических, рекламных и прочих контор. Здесь же, на Хорризон, сплошь жилые кварталы. Бейла довольно быстро нашла нужный 24-й дом. Надо сказать, что это здание нуждалось в капитальном ремонте; конечно, передний его фасад был умело скрыт под горой свежей коричневой краски, однако частые трещины в облицовке все же проглядывались и давали понять, что если не сейчас, то уже довольно скоро это здание может рухнуть.

Не полностью, конечно, но что-то, да обязательно упадет. Впрочем, здесь, на улице Хорризон, таких домов было очень много. Стало совсем уж не похоже и как-то сомнительно, что по этому адресу решают проблемы, по крайней мере, Бейла уже начала жалеть о принятом решении приехать сюда. Однако достала из сумочки свое приглашение, еще раз сверилась с адресом, посмотрела на чуть покосившееся крыльцо подъезда, затем на часы — дорога в такси заняла примерно полчаса. До церемонии, установленной в билете, оставалось еще 15 минут. Бейла решительно поднялась по ступеням, какое-то время еще постояла перед дверью, думая о том, как было бы хорошо, чтобы все это действительно оказалось правдой, а не дурацким розыгрышем (хотя кому понадобилось ее рызыгрывать).

«Если только это не затея Рейнгадса», — только подумав об этом, Бейла приоткрыла сумочку с твердым намерением спрятать нож для разделки мяса где-нибудь в своем рукаве (ее одетый поверх офисной строгой одежды серый плащик вполне мог себе это позволить). Не успела. Дверь перед ней с заботливой и крайне вежливой, располагающей к себе улыбкой открыл молодой мужчина, именно тот, который работал офи-

циантом в кафе «Джонни Мо». Девушка крайне удивилась такому сюрпризу, забыла о ноже и о Рейнгадсе.

— Проходите, мисс Гейл, мы крайне рады вас видеть! Приятно, что вы не опоздали, церемония вот-вот начнется!

— Вы же… тот самый…

— Официант, — спокойным и мягким тоном мужчина закончил за нее фразу. — Знаю…

— Значит… это вы меня пригласили сюда?

— Нет, — резко возразил официант, изменившись в лице, так что глаза его больше не улыбались, а рот был сжат в напряжении. — Не я… но те, кто хочет вам помочь.

— Я их не знаю, да? — поинтересовалась Бейла и тоже напряглась, потому что лицо знакомого ей официанта стало каким-то уж очень отталкивающе холодным.

— Нет, мисс Гейл, никого из тех, кто пригласил вас сюда, вы не знаете. А теперь прошу, вас мисс Гейл, — официант приглашающе вытянул правую руку в сторону длинного коридора, вдоль которого тянулся сине-зеленый ковролин.

Бейла переступила порог, коротким кивком поблагодарила официанта за приглашение. Собираясь идти по коридору, она резко остановилась,

посмотрела назад.

— Вам прямо, в одну-единственную открытую дверь, — подсказал ей официант, запирая дверь на засов. Это ее довольно сильно встревожило, вмиг появилось желание уйти отсюда, страх читался в ее глазах. Но молодой мужчина, что стоял в дверях, медленно подошел к ней и успокаивающе мягко объяснил, что эта необходимость обоснована правилами этикета и распоряжений организаторов мероприятия, объяснил, что бояться здесь нечего, никто здесь против воли держать Бейлу не станет; также сказал, что в любой момент, если что-то не понравится в словах спикеров, что будут выступать на сцене, Бейла может подойти к выходу и свободно уйти.

Его слова и правда звучали несколько успокаивающе, в отличие от той недавней паники, что мучила ее буквально несколько секунд назад.

Все еще пребывая в сомнениях, Бейла прошла до конца коридора к открытой двери — свет оттуда выходил очень яркий. Заглянув туда, Бейла невольно удивилась, сколько же здесь все-таки собралось людей, заполонивших раскладные кресла, расставленные таким образом, чтобы каждому из слушателей было удобно смот-

реть на сцену, а не на головы впереди сидящих. В углах стояли большие аудиоколонки, как в больших залах кинотеатра, такие же огромные колонки были развешаны вдоль стен, таким образом, что от главной сцены висел белый экран, и уходили на возвышение вплоть до конца последних рядов кресел. Она не любила толпу, но по крайне мере такое количество людей (желающих уладить свои проблемы) подкупало ее в плане того, что если что-то случится, она будет не одна все это расхлебывать. Середина последнего ряда была свободна, так что особых проблем добраться туда у нее не возникло, разве что другим людям приходилось вставать, чтобы немного припозднившаяся незнакомка могла пройти. Плюхнувшись в кресло, Бейла изучающе рассматривала собравшихся здесь людей: в основном это были люди среднего достатка, одетые в вещи, купленные на дешевых распродажах; попадались и такие, кто был одет по последней моде, во все новое; видела несколько белых воротничков (которые пришли, наверное, после напряженной работы в офисе). Большинство собравшихся здесь сидели сосредоточенно-тихо, в напряженном ожидании.

Бейла вдруг подумала о том, что, возможно,

здесь сидят и ее знакомые. Ан нет, вглядываясь в многочисленные ряды кресел, она не нашла ни одного знакомого лица. Видимо, так уж было заведено изначально — организаторы этого мероприятия, может быть, нарочно (а может, просто совпадение) пригласили сюда людей, друг друга не знающих. Об этом можно было легко догадаться по осторожным перешептываниям людей, которым нетерпелось узнать, что в конце концов ожидать от этого вечера, однако их надоедливый гомон тут же пресекался осуждающим цыканьем и они замолкали, зал погружался в почти гробовую тишину. Ровно в 7 часов, как и было заявлено в приглашении, погас яркий свет софитов, освещающих потолок. Зал погрузился не только в тишину, еще более напряженную, чем раньше, но и во тьму. Белел только подвешенный на крючьях экран, на котором вскоре загорелась надпись «Спасибо, что пришли. Мы начинаем!»

В зале раздались громкие аплодисменты, но никто не рискнул свистеть в такт хлопанью: то ли боялись, то ли на это были свои причины. Бейла тоже хлопала, с искренним любопытством наблюдая за тем, что будет происходить дальше.

Громкая, но не раздражающая музыка выходила из аудиоколонок (Бейла вспомнила, где могла

слышать подобную мелодию: полтора года назад Элли Гейнер приглашала ее на семинар, который проводила компания «Алтикор». Вечер был просто сумасшедший, как и сами люди, которые ходили и скакали по сцене, скандируя в зал речевки, какая это хорошая компания, какой хороший продукт она предлагает и какие здесь большие финансовые возможности. В общем, Бейла в тот день зареклась ходить на подобные съезды и сомнительные сетевые МЛМ-семинары, но как бы, наверное, сейчас смеялась над ней Элли Гейнер, когда бы узнала, что Бейла Гейл все-таки решилась опустить свои принципы).

Вступительное слово взял четко поставленный голос диктора с приятным на слух бархатным тембром:

— Приветствую вас, уважаемые дамы и господа, мы начинаем наше скромное мероприятие. Пожалуйста, выключите ваши мобильные телефоны или поставьте на бесшумный режим. Благодарю за понимание.

После объявления зал зашевелился, вскоре на экране в том же музыкальном сопровождении загорелись слова: «Ни для кого не секрет, что у каждого из нас есть определенный груз проблем, который давит на вас и причиняет

боль и дискомфорт». Далее появилась картинка карикатурно сгорбленного человека, на спине которого лежит здоровенный валун с надписью «Проблема»; картинка исчезла, появилось новое предложение: «У каждого человека есть также определенный опыт решения тех или иных проблем, вопрос лишь в том, удачно или неудачно он умеет их решать». Появилась новая картинка — фото мужчины и женщины в солнечных очках, загорающих где-то на песочном пляже на фоне ласкового синего моря, а рядом с ней другая, на которой были изображены те же люди, но с уставшим видом, сидящие в грязной комнате и держащие в руках лист о досрочном выселении.

Бейла смотрела на все это с нескрываемым нетерпением — ей очень хотелось, чтобы вся эта информационная вода исчезла и организаторы этого мероприятия наконец уже озвучили суть их предложения. С ее нетерпением было солидарно большинство собравшихся людей: одни громко скандировали о том, чтобы кончали побыстрее и переходили к сути, другие негодовали от того, что те громко кричат, а третьи злились на тех и на других.

Но музыка тем временем не стихала, а экран

продолжал показывать презентацию, выполненную не без помощи PowerPoint.

Вскоре на экране появились такие слова: «Решение проблем зависит только от вас самих, у каждого собственный старт и свой отдельный финиш, кто-то бежит быстрее, кто-то медленнее, но каждый достигает по своей вере. Проблема — лишь небольшая преграда на пути к вашему финишу, одно дело, как быстро Вы к нему придете. Спасибо за внимание! Всего хорошего!» После этого мелькнула следующая картинка: спортсмен бежит по беговой дорожке в толпе других бегунов, кто-то запыхался, кто-то злится, а кто-то сохраняет кристальную невозмутимость. Другая картинка показывает радостного спортсмена, разрывающего торсом финишную ленту, его руки вздернуты вверх, а в глазах восторженное благоговение от достигнутого результата.

— Это что, все?! — воскликнули в зале, да так громко, что, наверное, было слышно на улице.

Прекратившаяся музыка и погасший экран красноречиво сказали собравшимся в зале о том, что продолжения им ждать не следует. После волны оскорбленных проклятий в адрес организаторов этого вечера люди стали расходиться, негодуя и злясь на то, что потратили свое дра-

гоценное время на такую очевидную глупость, не сулившую им ничего, кроме горькой обиды и искренней неприязни, в первую очередь к людям, которые устроили сей розыгрыш, и уже в последнюю очередь на себя и на то, что так глупо повелись на все это. Трудно объяснить внутреннее состояние Бейлы Гейл, оставшейся в зале и наблюдавшей за тем, как некогда переполненные людьми ряды кресел пустели, а она оставалась одна и все еще на что-то надеялась — ее не отпускала вера в то, что было написано в подложенном ей приглашении.

«Они же следили за мной, и, вероятно, неспроста, они не могут так со мной поступить! Не могут! Мне же, как никому другому, нужна помощь! Я не верю, что все это подлог!» — она произносила это как молитву в течение двух часов, пока сидела в кресле и смотрела на потухший экран, наблюдая, как гробовая тишина и темнота неосвещенного зала нависают над ней.

— Есть здесь еще кто-нибудь? Эгей… — послышался неуверенный женский голос, очень тихий и очень робкий, словно женщина извинялась за что-то.

— Я здесь, — отвечала Бейла немного взволнованно.

— Кажется, все ушли, да? — спросила женщина, уже более уверенно.

— Да уж… Скоро, наверное, и я пойду… — отметила Бейла.

— Почему, как думаете, они это сделали? Я имею в виду такую злую шутку. Это как-то связано с теми пранкерами, которые снимают приколы на «Ютуб»?

— Я думаю уже все что угодно, по крайней мере, пусть даже и снимают, мне от этого что? Вечер все равно потерян.

— Да уж да! — раздался недовольный мужской бас. Сидевший на первом ряду мужчина поднялся: был он довольно тучен, носил расстегнутый коричневый линялый пиджак и брюки, в лямках которых вместо ремня болталась веревка. Лицо покрывала многодневная щетина, а глаза отражали искреннее недовольство. Женщина же носила тусклое фиолетового цвета платье, поверх которого была красная двубортная куртка; на вид ей было лет сорок, не меньше.

— Думаю, надо уходить, все равно уже ничего не будет, — подытожил мужчина. — Меня, кстати, Унгер зовут, Унгер Прайтман, — мужчина протянул руку.

— Бейла Гейл, — представилась Бейла и кив-

нула, руку не подала. Однако руку Унгеру подала Сара Уитл.

Бейле пришло вдруг в голову, что эти двое могут быть вполне хорошей сформировашейся парой, может быть, самой счастливой в мире.

Стали двигаться к выходу, Бейла шла первой. Переступила порог.

— ПОЗДРАВЛЯЕМ!!! — хором воскликнули собравшиеся в коридоре мужчины, одетые в парадные черные смокинги с белой бабочкой поверх белой сорочки. Их лица буквально светились от счастья и искренней радости. А уж как удивились и обрадывались те трое, кто остался в зале, две женщины и один тучный мужчина с многодневной щетиной! Собравшиеся не только громко аплодировали вышедшей из зала троице, но еще и пускали конфетти, бросали вверх серебряный дождик, как если бы внезапно начался канун Нового года.

— Не понял, — изумился Унгер Прайтман, не сдерживая на лице искренней улыбки. — Что это все…

— Вы остались, — сказал знакомый Бейле официант из кафе «Джонни Мо», — а это значит, вам нужна наша помощь! И мы вам ПОМОЖЕМ!

— Эээ… — Бейла не знала, что ответить, она ви-

дела эти улыбающе-сияющие лица, искренне не понимая, как на это ей реагировать — радоваться или продолжать «втыкать»…

В таком же неопределенном состоянии пребывала Сара Уитл.

— Очередной розыгрыш? — Бейла все же отнеслась к этой внезпаной вечеринке с крайним подозрением, злость ее все-таки пересилила.

— Кроме шуток, мисс Гейл, — ответил за всех знакомый ей официант. Создавалось впечатление, что он лидирует в этой толпе собравшихся по такому случаю незнакомцев и, может быть, являлся если не единственным, то уж точно одним из организаторов Фонда по решению проблем — по крайней мере, такими были мысли у Бейлы Гейл. — Вам и мисс Уитл с мистером Прайтманам выпала уникальная возможность оценить наши возможности, и все это благодаря вашему настойчивому терпению и вере! — последнюю фразу он произнес как-то уж очень торжественно, как если бы вручал орден славы герою перед лицом президента.

— Я вот не понимаю, а зачем вот это все? — спросила его Сара Уитл, демонстративно разведя руками. — Зачем было собирать столько людей в одном зале?

— Чтобы прогнать не слишком нуждающихся — как вы видели, уважаемая мисс Уитл, их ушло достаточно много, — объяснил официант. — Как было указано в нашей предусмотрительно короткой презентации, у каждого свой личный финиш и свои способы решения проблем. Мы просто отсекли лишнее и, как видите, остались только вы… трое…

Бейла отнеслась к его словам уже более одобрительно, чем раньше, в ней вспыхнула гордость за себя и свою терпимость, она уже ни о чем не жалела, как, наверное, и те двое, что остались в зале.

— Как вы собираетесь нам помогать? — поинтересовался у него Унгер.

— О, поверьте! У нас есть свои методы, которые мы никому не вправе разглашать. Но будьте спокойны, мы решим любую вашу проблему! Любую! — на последнем слове он сделал наибольший акцент.

— Я все хотела спросить у вас…

— Теренс Лоранж, — представился Теренс, заранее предугадав ее вопрос.

— Отлично, Теренс, свои пожелания нам озвучить сейчас? Или позже? — спросила Сара Уитл.

— О своих пожеланиях вы, пожалуйста, не раз-

глашайтесь, информация и проблема каждого из вас троих уникальна и интимна, не так ли? Так что мы это с вами обсудим, но уже с каждым наедине, согласно, так сказать, индивидуальному подходу, — сказал Теренс. Его глаза как-то неестественно ярко сверкнули, но угрозы и лукавства в них не было — скорее, обман зрения или оптическая иллюзия, по крайней мере, так думала Бейла Гейл, когда ей показалось такое во взгляде Теренса Лоранжа…

* * *

Прошел день с момента озвучивания Бейлой Гейл своих пожеланий…

Звонок в дверь раздался рано утром. Бейла в очередной раз не спала, дежурила у окна, в ожидании появления Митча Рейнгадса, она была уверена в том, что тот появится на пороге ее квартиры. Ждала его с ножом. Тот, кто стоял за дверью, взбудоражил ее воображение и затаившиеся внутри страхи. Девушка сняла домашние тапочки, босиком пробралась в прихожую, спрятав нож для разделки мяса себе за спину. Посмотрела в дверной глазок, очень осторожно, так как думала что пуля разъяренного Рейнгадса (да, вот такая у нее была паранойя!),

выстрелит в него и тогда для бедной мисс Гейл, бывшей секретарши Yello Publishing, все будет кончено. Однако как ни странно, за дверью стояли несколько здоровых мужчин, одетых в синие рабочие комбинезоны, на лестничной площадке стояло что-то большое, судя по всему, мебель, девушка не могла до конца разглядеть, что эти незнакомцы приволокли на ее этаж и, самое главное, зачем.

— Кто? — спросила Бейла напряженным от волнения голосом.

— Мисс Гейл? — отозвался мужчина в комбинезоне, тот, что стоял перед дверным глазком: он выглядел каким-то уж очень озадаченным и немного взволнованным. Другие парни, что стояли за ним, выглядели уставшими и измотанными — все-таки пятый этаж, в местный лифт та бандура, что они принесли, точно не влезет.

— Да… это я… здравствуйте, — девушка продолжала говорить с ними через закрытую дверь, боялась открывать — это могли быть люди Рейнгадса (он мог заставить их переодеться в эту униформу), ей были нужны доказательства или какие либо подтверждения того, что эти люди за дверью не причинят ей вреда.

— Здравствуйте, — безрадостно отвечал ей

мужчина, — вам велено передать мебель.

— Какую еще такую мебель? — взбрыкнула Бейла, сжимая удобную рукоять ножа. — Я не заказывала никакой мебели, может, вы ошиблись?

— Ошибки быть не может, мисс Гейл, — отвечал ей мужчина, в то время как возле ее двери собралась целая команда парней, одетых в комбинезоны, и все с нетерпением ждали, когда же она соизволит открыть дверь и впустить их на свой порог…

— Я не буду ничего вам платить, так как ничего у вас не заказывала! — воскликнула Бейла. — Мне мебель дома не нужна, и тем более я не помню, чтобы заказывала что-то из Интернета или ходила в мебельный магазин и выбирала себе там что-то…

— Мисс Гейл, вам ничего оплачивать и не требуется, все уже оплачено, от вас требуется только подпись… И пожалуйста, мисс Гейл, не отнимайте у нас время, нам требуется объехать еще несколько точек по городу.

— Я не верю в благотворительность! — громко отвечала им Бейла. — Уходите!

— Меня, честно говоря, не волнует, верите вы или нет, подпишите бланк доставки, и мы уедем от вас, а с мебелью делайте что вам вздумается,

наше дело — доставка! — напористым голосом произнес мужчина, по интонации его голоса нетрудно было понять, что он дейтствительно торопится.

— Последний вопрос — и я открываю дверь, подпишу, что скажете.

— Задавайте, но только быстрее, у нас напряженный график!

— Кто вас подослал, что за фирма?

— Мы не разглашаем корпоративную тайну, однако могу вам сказать, что мы все представляем грузоперевозки от кафе «Джонни Мо», — объяснил бригадир.

— «Джонни Мо»? Хм… — Бейла открыла замки на двери и саму дверь. Нож все так же держала за спиной. Однако применять его ей не понадобилось, бригадир грузчиков натужно вздохнул, достал из нагрудного кармана комбинезона какую-то бумагу и шариковую ручку.

— Вот здесь подпишите, — попросил он.

Бейла заглянула ему за спину, на лестничной площадке, завернутый в полиэтиленовую пленку, лежал новенький диван, грузчики уже заранее приготовились его взять под днище и отнести в квартиру будущей хозяйки.

— Диван? — усмехнулась девушка, однако

не скрывала своей искренней радости, она уже придумала, куда его ставить — в гостиной ему самое место, взамен того старого дивана, который приобрела в магазине уцененных товаров. Бейла подписалась в двух местах, одну копию бригадир оставил себе, другую оставил ей.

— Заносите, парни! — приказал он, грузчики в комбинезонах повиновались, подхватили диван под днище, кряхтя понесли в квартиру. Бейла отошла подальше, чтобы не мешать, распорядилась, чтобы поставили его в гостиной. Грузчики так и сделали, с чувством выполненного долга они ушли к выходу, бригадир поторапливал их, будучи уже по ту сторону порога квартиры.

— Ну… спасибо… — произнесла Бейла.

— Не за что, — бесцветным голосом ответил ей бригадир. Ушли.

— Корпоративная тайна… ха… Зачем кафе «Джонни Мо» понадобилось доставлять мебель… Что за бред, может, ошибка? — подумала Бейла и, взглянув на бумагу, которую недавно подписала, вдруг поняла, что ошибки здесь быть не может. Девушка подошла к новенькому дивану, сняла с него полиэтиленовую пленку-мешок. Присела на него. Однако никакой мягкости ее попа не ощущала, так что с заменой старого дивана

она решила повременить. Мобильный телефон зазвенел во внутреннем кармане ее осеннего плаща, который висел в прихожей. Звонили с неизвестного номера, однако Бейла все-таки ответила на звонок.

— Алло… — вкрадчиво произнесла она.

— Здравствуйте, мисс Гейл. Сразу хочу представиться: меня зовут Марк Шапиро, полагаю, вам не нужно объяснять, кто я такой.

«Марк Шапиро? Тот самый пре-зи-де-нт и глава совета директоров… Вот же понесло…» — ее мысли нельзя было назвать восторженными и позитивными, если ей звонил сам президент компании Yello Publishing после происшествия с его любимчиком Рейнгадсом — не жди ничего хорошего. Бейла и не ждала, слушала осторожно, сбросить разговор тоже не могла, потому что боялась.

— Я…э…м-мистер Ш-шапиро, я… — Бейла впервые в своей жизни заикалась по телефону, теперь она почувствовала на себе как это, когда не можешь говорить, а выдаешь изо рта нечленораздельные звуки.

— С вами все в порядке, мисс Гейл? Вы говорить можете? — искренне поинтересовался Шапиро — в нотках его голоса слышалось волнение, а это

значит, что телефонный скандал, скорее всего, отменяется.

— Д-да, м-могу… — «Возьми себя в руки, Гейл! он не будет на тебя кричать! Может быть, не будет, но ты должна выдержать это достойно, как с той мразотой Геранж! Соберись, тряпка!» Она собралась. — Да, могу! — твердо сказала она.

— Это хорошо, потому что я звоню вам предложить должность вице-президента компании. Я не буду вдаваться в подробности деталей, но мне рекомендовали вас как стоящего специалиста, тем более что вы, мисс Гейл, как никто другой прекрасно знакомы с работой всех отделов.

— Я даже не знаю… что вам сказать, мистер Шапиро, я…

— Удивлены, — закончил за нее Шапиро. — Знаю, но обстоятельства внезапного исчезновения Рейнгадса меня удивили не меньше, чем собственно ваше назначение на такой высокий пост, честно говоря, я даже не знаю, справитесь ли вы с такой ответственной работой…

«Он еще сомневается! Вот же…»

— Справлюсь! — выпалила в трубку Бейла. — Можете быть в этом абсолютно уверены, я вас, мистер Шапиро, не подведу.

— Это приятно слышать, — холодно ответил Шапиро, повесил трубку, как раз перед тем, когда Бейла хотела у него спросить о том, когда же ей выходить на работу…

Прошла неделя…

Непонятно, откуда взялся этот запах! Придя с работы, Бейла проверила свой холодильник, открыла его: овощи и фрукты, которые она приобретала в супермаркете, сохраняли свежесть, недавний овощной салат, сделанный собственными руками, хранился в специальном контейнере «Тапервер», как и все скоропортящееся. Заглянула под раковину — ничего. В принципе, этот странный духман был слышен еще на второй день после звонка Шапиро, ранее ничего такого не прослеживалось и не чувствовалось. Бейла была намерена заново обследовать свою квартиру в поисках источника смрада. После долгих и нудных поисков Бейла остановилась возле новенького дивана (она сидела на нем только два первых дня, остальные дни предпочитала отдыхать на старом). Принюхалась.

«Оттуда сильнее, что они туда понапихали? Тухлятины?» — подумав об этом, Бейла попыталась выдвинуть диван на себя — что-то сильно мешало.

Мобильный телефон, лежавший на журнальном столике, зазвонил снова. Звонила Сара Уитл — перед тем как разойтись навсегда, Сара зачем-то попросила телефон Бейлы, но так ни разу ей за всю неделю и не позвонила. Бейла ответила на входящий.

— Сара?

— Привет Б-Бейла… — ее голос был каким-то взволнованным, обеспокоенным, читались нотки страха. — Я н-не з-з-зн-наю к-как с-сказать т-т-тебе…

— Что сказать? — теперь и Бейла «заразилась» — страх как вирус, легко передается по телефонной линии.

— У меня тут… т-те-тело…

— ТЕЛО? Что за тело?

— Ч-че-ч-человеческое… т-те-тело…

— У тебя дома труп? — изумилась Бейла. — Звони в полицию!

— Уже… п-п-позвонила… — сказала Сара и сразу после этого звонок был ею сброшен.

— САРА!!! САРА???!!! — тщетно, в трубке звучали короткие гудки.

«У нее труп… черт побери…» — трудно объяснить, откуда у нее взялись силы выдвинуть диван: навалившись и с силой дернув, она услы-

шала громкий треск и хруст. Очень громко. Ей показалось, что что-то в диване она сломала. Но не внутренний выдвижной механизм, она узнала об этом позже. Когда раздвинула руками нарезанные цветные ломтики бумаги, запах стал сильнее, и вскоре девушка поразилась, увидев источник зловония. Митч Рейнгадс изменился за долгое лежание на днище контейнера для постельного белья (такой в диване имелся, именно он был наполнен порезанной бумагой), его лицо сильно раздулось, белые стеклянные глаза все так же осуждающе смотрели на насмерть перепуганную девушку, рот кривился в застывшей гримасе, даже после смерти желая вдохнуть в себя живительный кислород (скорее всего, он умер либо от его нехватки, либо его кто-то задушил). Митч Рейнгадс был одет в тот же смокинг, в котором пытался бежать за Бейлой Гейл, когда та смачно харкнула ему в лицо.

— Бо-же! Т-труп у м-меня в к-квар-т-тире! — девушка вспыхнула, мысленно представив себе возможные варианты того, что с ней будет, когда полиция обо всем этом прознает. Она даже не представляла, как будет избавляться от трупа своего босса и что делать с насквозь провонявшим трупом диваном. У нее не было никак

мыслей по этому поводу, она зависла в оцепенелом неведении.

«Здравствуйте, мисс Гейл, и вот он я! Вы же меня ждали к себе? Я пришел!»

— Плохая шутка, Рейнгадс, очень плохая… По крайней мере, с твоей стороны, — сцеженно ответила Бейла, услышав в своей голове его внезапно злорадный голос. Его глаза стеклянные источали застывшее неконтролируемое безумие, не выплеснутое на нее до конца. Он не добрался до нее в лифте, но зато пробрался в диване, будучи холодным, источающим такую же вонь, как и при жизни, но этот духман был скорее скользкой аллегорией его жуткого характера.

Немного отойдя от эмоционального потрясения, Бейла все-таки попыталась вытащить его тело из контейнера для белья и спрятать в кладовке хотя бы до завтра — нужно было привести голову в порядок, прежде чем решать, что делать с мертвецом. Но сейчас она точно знала, что сделает!

В кафе-салуне «Джонни Мо» сидело достаточно много посетителей,

«Ох, если бы эти люди знали, чем занимаются эти ублюдки», — зло подумала Бейла, когда пришла сюда с твердым намерением разобрать-

ся во всем. Вошла внутрь, возле барной стойки увидела не только Сару Уитл, но еще и Унгера Прайтмана — они напряженно кого-то ждали, Прайтман так вообще кипел от ярости, но как-то все-таки умудрялся держать свой гнев в узде. Вскоре она к ним присоединилась. За разговором Бейла узнала много подробностей, например, Унгер Прайтман решил свою проблему с выселением из квартиры — кто-то из управляющей конторы позвонил ему и пригласил заселяться обратно, мол, документ, подтверждающий недееспособность жильца, каким-то образом был утерян, то ли ошибка канцелярии, то ли еще что-то, но в общем ситуация была такова, что Унгер Прайтман, будучи бывшим ветераном, получил в одной из военных кампаний, устраиваемых где-то в Сирии, тяжело ранен, в принципе, все обошлось, врачи его спасли, но выписали с диагнозом «контузия». Правительство дало ему квартиру, но работать Унгер Прайтман уже не мог, росли долги. И вскоре появились коршуны, подосланные тем же правительством, «объяснили», что в случае добровольного подписания бумаги о недееспособности долги с него спишут, но квартиру отымут, правда, с твердой гарантией заселения в одну из ночлежек, что на-

ходились не в самых благополучных районах большого города. Далее все шло очень плохо, скитания и бродяжничество, ни о какой ночлежке и речи быть не могло, правда, питание выдавали исправно: три раза в день. Прайтман был счастлив только первые несколько минут, когда переступил порог своей старенькой, но несомненно уютной квартиры на Пирруак-драйв. Пока не учуял трупный запах, доносящийся из кухни. Там за столом «спали» трое: двое мужчин и одна сорокалетняя женщина, которая перед подписанием бумаги о признании Прайтмана недееспособным представлялась как мисс Хловерс.

Сара Уитл рассказала историю много короче, чем Прайтман. Пару раз она обмолвилась о предательстве мужа, о том, что застукала его с любовницей, когда те протирали голыми телами паркет на кухне. Затем развод. Бывший муж поступил не по-джентельменски, отсудил себе все нажитое имущество, пустив свою бывшую «гастролировать» по миру. Сара остановилась у подруги, какое-то время жила у нее, не найдя себе подходящей работы, уехала к родителям в Омаху, затем снова вернулась, в надежде, что все образуется. Однако ничего не образовалось, она все так же

же жила у своей приятельницы на Глен-авеню. Но когда ей неожиданно позвонил нотариус с просьбой явиться на подпись каких-то архиважных бумаг, Сара не пожалела. Ее радости не было предела, когда она узнала, что дом после внезапной смерти мужа перешел к ней обратно, вместе с другими ее вещами. Она была готова целоваться взасос со стариком Уинфредом Помфри только за то, что он позвонил ей и сообщил такую радостную новость. Однако приехав обратно домой (имеется в виду обратно домой, где текло ее мнимое семейное счастье) под действием сладкой эйфории, Сара Уитл учуяла сладкий трупный духман в (теперь уже) своей гостиной. Чед Уитл разлагался в не до конца разобранном диване в контейнере для белья. После этого случая она и позвонила Бейле Гейл (трудно объяснить, почему именно ей, а не той подруге, с которой жила все это время — Бейла даже не догадалась у нее об этом спросить, потому что сама была так же взволнована, у нее самой лежал такой же труп, а у Прайтмана их было целых три).

— Пройдемте в зал, пожалуйста, — Теренс Лоранж все-таки появился, и не в форме официанта, каким его помнила Бейла, а в самой что ни на есть обычной одежде, линялых светло-синих

джинсах и красной кофте с желтой надписью «Как вам детки из клетки?»

Они прошли за ним через длинный служебный коридор. Затем ушли правее, в одну из больших комнат, — там стоял большой круглый стол, заранее были расставлены стаканчики с газированным напитком, в центре стояло хрустальное блюдо с конфетами, а дополняли этот натюрморт две большие бутылки с содовой.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Теренс, сам сел во главе стола, когда приглашенная сюда троица занимала места кто как хотел.

— К чему этот балаган, Лоранж? — с вызовом бросила Бейла, так как была из этой троицы, наверное, самой смелой. — Я не вызвала полицию только затем, чтобы самой убедится в том, что вы всего лишь шайка преступных мерзавцев, промышляющими убийством.

— И развозом мебели! — дополнила за нее Сара.

— Я действительно думал, что вы решаете проблемы! А вы делаете только еще хуже! — сказал свое слово Унгер Прайтман.

— Выпейте воды, успокойтесь, — размеренным тоном предложил им Теренс Лоранж. — Ваше негодование мне ясно.

— ЯСНО?! Да что тебе ясно?!! — возмутился Унгер, стукнув кулаком по столу так, что стаканы даже подпрыгнули, однако такой порыв на Теренса Лоранжа не подействововал, он сохранял на лице беззаботную невозмутимость, и это не могло быть нормально.

— Ясно, что вы злитесь, и кстати, абсолютно напрасно, — мягко улыбнулся Теренс. — Потому что озвучив свое желание, вы стали частью нашей большой и, так уж сложилось, очень дружной семьи.

— Какой-какой семьи? — делано переспросила его Бейла.

— Дружной, — сдержанно произнес Теренс. — Видите ли, господа и дамы, вы ведь не можете отрицать того факта, что все вы решили свои проблемы. Вот вы, мисс Гейл, вернули себе работу и, как было заявлено и озвучено вами же, стали вице-президентом компании. — Теренс вынул из кармана три маленьких клочка бумаги, демонстративно перед собой разложил их веером и отдал один из листков в руки крайне изумленной Бейлы. Та ничего не могла сказать против этой правды.

— Вы, мисс Уитл, — продолжал Теренс, — отбили собственный дом, теперь вам есть где

жить! — отдал клочок бумаги в ее руки, так что и Саре пришлось на время замолчать.

— Ну а вы, мистер Прайтман, чем недовольны? Вы избавились от безутешных скитаний, вернулись с грязной улицы в свою родную квартиру! — отдал последний клочок бумаги и ему.

Сам же сложил ладони в виде пирамидки, двусмысленно улыбнулся, изучающе всматриваясь в лица собравшихся здесь людей, все еще хранивших напряженно-взволнованное молчание.

— Помощь нужна не только вам, — мягко произнес Лоранж, — она нужна всем, кто в ней нуждается: скажите мне, разве мы отвернулись от вас, когда вы выходили из демонстрационного зала и мы устроили вам такой пышный прием?

— И что же вы хотите от нас? — сдержанно спросила его Сара Уитл, негромко, но голосом очень надрывным и жалостливым.

— Такой же помощи, — бесстрастно ответил Лоранж. — Мы организовали свои филиалы не только внутри этой страны, мы везде. И нам нужны люди, кто мог бы заниматься грузоперевозками, не зная о том, что он перевозит.

— Развозкой трупов? Нет уж, увольте! — возразила Бейла.

— Обязательно! На вас мы рассчитываем

в первую очередь, мисс Гейл! — зло усмехнулся Лоранж, так что уже не казался таким милым и красивым, как в тот первый день. — Вы единственная из этих двоих, кто получил максимум выгоды от смерти вашего босса! Откажетесь — будете объяснить полиции, почему в вашем диване лежит бездыханный труп Митча Рейнгадса, конечно же, ублюдка, согласно вашему мнению, но для кого-то очень уважаемого человека! Поймите, такое рекрутерство не доставляет мне радости, но что делать? Приходится… В общем, решайтесь! Завтра у вас первый брифинг — ровно в 20.00 по тому же адресу. Полагаю, объяснять вам, что будет, если вы вдруг не придете, не требуется, я не сторонник угроз…

* * *

— Зеленее уже не станет, — в негодующем нетерпении произнесла Бейла Гейл, наблюдающая за светофором, находясь на переднем сиденье небольшого грузового фургона. Марк Гиглз тяжело вздохнул, вдавил педаль газа; машина тронулась с места, пересекая оживленный перекресток дороги, он повернул левее, на Галсон-драйв.

— Почему именно диваны? Почему мебель?

Я задаюсь этим вопросом вот уже второй год! И никто мне не может внятно ответить! — сказала Бейла, повернув лицо к водителю.

— Не знаю, Гейл, по мне, так лучше свалить с этой «работы» поскорее, становится все хуже, — тяжело вздохнул, потом продолжил, но уже полушепотом: — Как думаешь, сможем сбежать от них, ну скажем, после того, как закончим с грузом?

— Думаю, да… — поддержала его Бейла. — Но на этот раз надо все спланировать получше — все-таки у нас с тобой уже по два предупреждения, на третий…

— Не хочу об этом слышать! — сказал Марк Гиглз, сворачивая с Галсон-драйв и поворачивая правее мимо E-mart.

— Значит, решено! Сегодня после работы, — заговорщически тихо сказала Бейла. Оба переглянулись. За этот день им предстояло развезти три раскладных дивана, завернутых в полиэтиленовый мешок. Их получатели только через неделю услышат трупный духман. Не исключена встреча с Теренсом Лоранжем — несомненно, этот человек, возглавляющий кафе «Джонни Мо», умеет решать проблемы…

Побег

За окном все так же уныло накрапывал дождь. Он не утихал с восьми часов вечера, барабаня по крышам. Когда сгустились сумерки, а серое небо превратилось в черный непроницаемый купол, Джек приехал на место преступления и нисколько не удивился двум трупам, лежащим перед ним с застывшими, ничего не выражающими лицами. Их тела были аккуратно обведены мелом.

«Боль — вещь относительная. Когда смерть наступает быстро, ее особо и не чувствуешь», — подумал Джек. Такая мысль пришла к нему неспроста: два год назад он в полной мере ощутил всю глубину своего высказывания. Бреясь новым бритвенным станком, он привычно нажимал им на кожу (пользуясь как старым) и случайно порезал себе шею. Все бы ничего, да только лезвие задело сонную артерию. Понадобилось немало сил, чтобы добраться до телефона и вызвать бригаду скорой помощи. Время ожидания затянулось, как растянулась грань между жизнью и нечаянной смертью — последнее ощущалось более явно.

В это время судмедэксперты носились со своими приборчиками и записывали свои наблюдения в блокнот (а некоторые и в планшет), полицейские неодобрительно косились на зевак, пока криминалисты пытались найти следы преступника.

Джек прошел через запретную желтую линию. Обойдя суетливых людей в униформе (некоторым пришлось показать свою комиссарское удостоверение), он встал чуть поодаль от толпы, и взгляд его зацепился на человеке, записывающем свой голос на диктофон. Тот стоял обособленно, чуть поодаль от всей этой сумасбродной суеты. Зализанные гелем черные волосы, круглые очки в уродливой роговой оправе и черный с медными пуговицами плащ сильно выделяли его из общей массы. Он как раз заканчивал свой монолог при включенном диктофоне, когда Джек подошел к нему и равнодушно спросил:

— Личность преступника установлена?

— Не так быстро, — задумчиво ответил Спенс. — Я над этим сейчас работаю.

— Советую поторопиться!

— Знаю, знаю! Из-за рекорда! Как раз сейчас тот самый случай, когда гонка за рекордами и признанием совершенно неуместна.

— Странно от тебя это слышать, — ухмыльнулся Джек, впервые увидев, что его друг — Спенс Морит — не реагирует на его искрометные замечания, и даже взгляд его изменился, стал каким-то тусклым и невыразительным. Перед ним стоял не тот Спенс, которого он знал, а какой-то другой: хмурый, угрюмый и задумчивый.

— Это, наверное, первый случай в криминалистике, когда я ничего не могу понять, — спокойно произнес Спенс.

Джек не услышал в его голосе ни нотки сарказма. Только истинное бессилие и сожаление. Он был искренне удивлен: таким он видел друга первый раз за весь десяток лет их плотного общения. Джек не стал, как обычно, шутить, он промолчал, хотя его прямо-таки распирало выпустить какую-нибудь колкость в стиле «дерьмо, случается». Вскоре вокруг Спенса собралось несколько групп полицейских и экспертов в гражданском. Все отчаянно желали получить из его уст какую-нибудь умную подсказку, которая наверняка помогла бы найти и задержать убийцу этих двух несчастных жертв. Но ответа никто не дождался. Они разошлись. Полицейские полагали, что Спенс искренне лукавит, выдерживая красноречивое молчание только с одной

целью: прославиться.

Впрочем, такое случалось довольно часто. Спенс Морит, «угадывая» убийства, карабкался вверх по служебной лестнице вместе со своим другом — Джеком Холивелом. Они теперь комиссары. Оба получают вдвое больше денег, чем их коллеги, а порой даже больше, чем начальник полиции Билл Уинфри, и это при том, что он майор.

— Это было красноречиво, — произнес Джек с улыбкой, видя, как его коллеги расходятся в крайнем раздражении, не получив от Спенса ответов на свои вопросы.

— Я впервые сталкиваюсь с преступлением, которое не могу разгадать. Джек, обрати внимание на гильзы, на них нет клейма. Эксперты сказали, что это первый случай, когда убийца тщательнейшим образом подошел к убийству, ювелирно стерев с патронов клеймо производителя, — Спенс огорченно покачал головой. — Я впервые не могу даже предположить, что стряслось с этими двумя бедолагами и почему их убили. Посмотри на них и скажи мне, что они чувствовали, когда умирали?

Джек бросил взгляд на холодные трупы: их лица были ровны и не выражали никаких эмоций,

словно они забыли о том, что значит то яркое и жестокое чувство насильственного расставания с жизнью. Их губы были расслаблены, глаза плотно закрыты, а лица окаменели.

— Надеюсь, только из-за того, что в них стреляли из безымянного оружия, препятствий для уголовного дела не будет?

— Все идет к препятствиям, я думаю, Джек, что это дело может сильно затянуться. Но я почему-то надеюсь, что убийцу все-таки можно поймать, даже при отсутствии прямых или косвенных улик.

— Очень похоже, что эти ребята просто легли прикорнуть и неслабо так заснули, попробуй добудись, — отшутился Джек, но только чтобы разрядить напряжение.

— Не смешно, — коротко отрезал Спенс. — Я кое-что собрал, поеду в лабораторию, постараюсь выяснить, что к чему.

— С тобой можно?

— Лучше иди домой. Завтра будет день, завтра будут разговоры, — бесстрастно произнес Спенс.

— Сегодня у меня будет бессонница.

— Уверен?

— Она была вчера, будет и сегодня. Так что я поеду с тобой. Все равно не усну. Может быть,

нудный треп патологоанатома меня усыпит. Или гудение компьютера. Последнее слышать гораздо лучше.

— Снотворное разве не помогает?

— Уже нет, — сказал Джек. — Ну так что, Спенс, ты не против, что я к тебе присоединюсь, пусть даже если придется настоять?

— Я хочу один во всем этом разобраться, лучше езжай домой…

Они расстались в половине двенадцатого. Когда Джек сел в свою машину, из окна автомобиля увидел, что Спенс задержался с кем-то из полицейских. Ранее он этого парня в участке не видел. Возможно, новенький, а может, из другого округа. Точно сказать нельзя, но факт в том, что на Спенса это не похоже. Он никогда не разговаривал с рядовым полицейским так долго. Его хватало разве что на пару коротких кивков и шаблонных фраз типа «привет-пока».

«По-моему, ты параноишь», — произнес безапелляционный голос внутри. С этой мыслью Джек уехал домой. Всю дорогу ему не давала покоя необъяснимая тревога. Ему казалось, что эта ночь не пройдет чисто и бесследно. Только закроются глаза, как целый вихрь злых и жутко искаженных безумным воображением образов

войдет в его голову и они закружат, завертят и запутают его, а после… придут долгие часы кошмаров, таких же жутких, как сама тьма. До своего дома он так и не доехал. Джек развернул машину. И даже то, что на перекрестке между Dixon Road и Roamer Street какой-то встречный автомобиль чуть не задел его, не изменило его решения вернуться, расследовать и разузнать об убийстве самому. Разумеется, он понимал, что трупы наверняка увезли в морг и только после работы патологоанатома можно будет разузнать подробности убийства, но это будет только завтра.

На месте преступления никого не было. Осталась только запретная желтая полоса и два очерченных мелом человеческих силуэта. Сначала Джек просто сопоставлял факты, которые успели собрать за сегодня, пытался думать абстрактно, то представляя себя на месте этих двух несчастных, то ставя себя на место убийцы, благо, в академии этому хорошо научили; пытался думать нестандартно, опрокидывая любые базовые шаблоны и представления о человеческом мышлении. В результате ему удалось вывести несколько самых невероятных версий произошедшего. Эти версии ему не нравились, и он попробовал сделать еще несколько предполо-

жений…

Джек несколько раз обошел очерченные мелом силуэты, пока не увидел, как человеческие контуры внезапно ожили. Они поднялись с асфальта и, двигаясь как люди, отправились в направлении верхней сорок третьей улицы. Джек побрел за ними; он был настолько поглощен этим действом, что уже не слышал ночных шумов мегаполиса, его волновало только преследование. Подобное фантастическое чувство происходило с ним раньше, когда он случайно порезал бритвой шею, задев сонную артерию во время бритья. Потеряв много крови, он слышал и видел то, чего не мог себе даже представить. В его квартире происходили странные вещи: потолок то приближался, то удалялся, словно бушующие морские волны. Раковина наполнялась кровью, а из крана выползало что-то черное и склизкое, за поверхность которого держались многочисленные отряды жутких маленьких человечков с вилами и копьями, безжалостно преследовавших его с дикими воплями. Джек с трудом выбрался из ванной и в каком-то жутком полусне добрался до сотового телефона, чтобы набрать 911. Находясь в ожидании службы спасения, он оказался в окружении злобных монстриков, угрожающих ему мини-

атюрным оружием. Кровавая вода заполняла квартиру, а мебель плавилась от оставшейся в голове жары. Громкий стук в дверь не дал ему впасть в беспамятство. Он успел доползти до входной двери и повернуть ручку, а дальше он ничего не помнил.

Джек не упускал ожившие контуры из виду. Они и правда ходили как самые настоящие живые люди, у них были такие же повадки и манера передвигаться. Они даже оборачивались назад, видимо, думая, что за ними следят. Джеку стало как-то неуютно оттого, что на него смотрят живые человеческие контуры, через которых можно просмотреть всю улицу и близстоящие дома. Джек не отставал от них. Когда эти двое резко свернули с главной улицы в ближайший переулок, мужчина прибавил шагу и свернул в их направлении, но было поздно: их и след простыл во тьме и смраде захламленной дороги.

Джек злился и негодовал, в первую очередь на себя. Он, словно девочка Алиса, повелся на белого кролика из страны чудес, поспешил и только потерял время. Драгоценное время, которое мог бы потратить на поиски преступника. Вдруг он увидел, как из окна пятого этажа в доме напротив прорисовалась высокая фигура — во тьме

она казалась размытой, но своей важности отнюдь не теряла. Незнакомец видел его, как и Джек незнакомца. Это взаимное переглядывание длилось минуту, пока неизвестный не написал что-то на запотевшем от холода стекле. Джек старался смотреть на это сдержанно. Второй ошибки он бы себе не простил (надо же, детектив высокого класса пошел на поводу у собственного воображения!). Он не уставал повторять себе, что это всего лишь еще одна иллюзия, пора уже уходить. Но любопытство возобладало. Он все равно бы не стал подниматься по пожарной лестнице, чтобы разглядеть, что написал незнакомец. Для этого у него был оторванный от винтовки оптический прицел, которым он пользовался вместо бинокля (он удобен в хранении и неприхотлив в уходе). С трудом разглядев надпись, Джек крайне удивился прочитанному: «Беги сюда, Джек!»

Поначалу Джек пытался переварить эту информацию. Он давно вырос и не верил в сказки, а тем более в мистику. «Горе полицейскому, который верит во всяких привидений и гадания на кофейной гуще», — Джек это усвоил хорошо. Поэтому он еще раз посмотрел через призму оптического прицела на надпись. Она оставалась

на месте и ввела его в полное замешательство. Как детектив он должен был следовать логике: «Какой человек будет писать мне такие вещи? Кого я вообще здесь знаю?» Однако в то же время видел в этом какой-то мистический шарм, будоражащий воображение и заставляющий его — скептика со стажем — верить в сверхестественное. Он принудил себя залезть в эту злополучную квартиру по пожарной лестнице, чтобы хорошенько там все рассмотреть (конечно же, и с целью доказать себе, что все это лишь иллюзия, следствие бессонницы и усталости). Но нет! Только прикоснувшись к стеклу, он увидел, что надпись реальна!

«Спенс мне не поверит, да и никто не поверит», — думал Джек, фотографируя текст на стекле и сохраняя в памяти телефона. Возможно, тот, кто это написал, еще в квартире?

Джек рискнул всем, когда бесцеремонно разбил ближайшее к нему окно (не то, что с надписью), открыл его с внутренней стороны. Когда он уже почти касался пола, его остановило что-то. Не понимая, что с ним творится, впервые за всю свою карьеру, он вернулся обратно и тяжело выдохнул. С минуту он пытался разобраться в себе. С одной стороны, он сейчас может ворваться в квартиру

и найти того человека, с другой — внутренний голос приказывает ему остановиться. Однако никогда бы не стал он хорошим детективом, если бы боялся так, как боится сейчас. Перешагнув через себя, Джек все-таки открыл окно и залез внутрь.

Мужчина застыл, когда чья-то высокая темная тень нарисовалась перед выходом из небольшой комнатушки. Он потянулся за пистолетом, благо, обладал невероятной, почти сверхъестественной реакцией.

— И все-таки ты здесь, Джек, — произнес незнакомец голосом Спенса Морита. — Я действительно рад, что ты пришел.

— Спенс?! — воскликнул Джек, убирая руку с пистолетной кобуры.

Это была невероятная встреча. Он ожидал увидеть здесь кого угодно, но только не Морита. Спенс должен был быть сейчас в лаборатории, искать в найденных трупах улики.

Может, это не настоящий Спенс? Не его давний друг, о котором он знает почти все? Но нет! Это все-таки он! Его голос, его манера появляться из ниоткуда… Так было год назад, когда Джек расследовал убийство одной семейной пары, живущей на Пристинвил-роуд! Громкое было

дело, да и почерк убийства был необычным. Так, например, Энрике Трагоне был обезглавлен и лежал на кровати, как мертвая морская звезда, а у его супруги Маргарет были выломаны суставы, ее руки торчали так, словно жили обособленно от хозяйки. Спенс пришел раньше всех, и раньше, чем судмедэксперты разобрались, в чем дело, он сообщил, что убийца четы Трагоне имеет фингал под правым глазом и хромает на левую ногу. Позже полиция задержала человека с похожими приметами, а затем подозреваемый во всем сознался. На вопросы, откуда Спенс узнал эти подробности, он ответил, что застал преступника за «работой», когда заходил к своей подруге Эмми Ноксвилл (так получилось, что девушка жила в этом доме, — время визита и убийства совпало с пугающей точностью). Он не успел вмешаться, зато хорошо врезал убийце, так, что тот опрокинулся навзничь и затылком ударился о подоконник. Если бы не окно, Спенс успел бы его схватить. Убийца скрылся, несмотря на то, что чета Трагоне жила на пятом этаже. От страха, что Спенс схватит его, преступник не побоялся выпрыгнуть из окна. Его спасла помойка под окнами, в которую тот свалился. Хромая на левую ногу, он скрылся в неизвестном направлении.

Лица подозреваемого Спенс так и не разглядел — было темно.

— Спенс?! Ты здесь откуда?! — изумленно воскликнул Джек.

— Пойдем в гостиную. Нам нужно многое обсудить, — хмурясь, произнес его друг и растворился во тьме.

— Подожди!!! ЭЙ!!! — Джек рванул за ним в темноту, пистолет он все же вынул, взвел предохранитель, готовый стрелять, в случае если что-то пойдет не так.

Он выбежал в коридор. В гостиной горел свет. Спенс ждал его в мягком кресле, полностью расслабившись.

— Спенс, что все это значит, черт побери?!

— Садись, Джек, — спокойно ответил Спенс, поглядывая куда-то в пустоту. Также он смотрел несколько часов назад, когда они встретились на месте убийства двух неизвестных.

Джек сел на диван, напряженно выпрямив спину и обняв руками живот. Он пристально смотрел на задумчивого напарника.

— Ты объяснишь мне, наконец, что значит твое появление здесь?! — требовательно спросил Джек.

Спенс посмотрел в его сторону довольно дву-

смысленно.

— Все очень просто, друг, — с этими словами он расстегнул свою куртку и медленно вынул из кармана пистолет, снял его с предохранителя. Джек зашевелился. Нельзя угадать, что предпримет Морит. Но на всякий случай палец детектива оказался на спусковом крючке. Дыхание участилось, виски сдавливало что-то невероятно тяжелое и липкое. «Неужели ты меня убьешь?» — подумал он.

— Не дури, Морит, не надо!

— А иначе ты мне не поверишь, — спокойным тоном произнес Спенс и поднял пистолет к своему виску.

Джек оторопел. Никогда прежде не приходилось видеть, как его лучший в мире друг, почти брат, собирается выстрелить себе в висок крупнокалиберным кольтом, выстрелить с такого близкого расстояния, что однозначно череп будет расколот, превратится в огромную кровавую дыру.

— Остановись! — воскликнул Джек и вскочил с кресла, надеясь, что успеет.

— Иначе ты мне не поверишь! — повторил Спенс.

— Я сейчас всему поверю! — хрипло рыкнул

Джек.

Не успел — прогремел выстрел. Мужчина наблюдал странное явление: голова Спенса разлетелась, но не в кровь, а в эфемерные маленькие крупицы, которые, полетав в воздухе с секунду, снова соединились в целое и чистое лицо Спенса Морита.

— ЭТО КАК?!!! — ошарашенно воскликнул Джек.

— Твоя очередь, — тусклым голосом произнес Спенс, направляя в друга ствол пистолета.

— Морит, не делай этого! Не делай! — протестующее воскликнул Джек. Он уже ни в чем не был уверен. Спенс вовсе не Спенс, а что-то похожее на него, что-то, что может вот так запросто выстрелить в себя из крупнокалиберной пушки и восстановиться за секунду.

Они выстрелили друг в друга. Джек попал в горло Спенсу, где сразу появилась черная зияющая дыра, а Спенс выстрелил Джеку в живот.

Джек не почувствовал боли, скорее наоборот, его неприятно защекотало.

— Вот же черт! — взревел Джек, нервно щупая свою затянувшуюся рану. — Как я?! Как ты это делаешь?!!

— Ты всерьез думаешь, что призрака вот так

просто можно убить?! — расслабленным голосом произнес Спенс.

— Призрака?! — это неожиданное заявление сильно обескуражило Джека на некоторое время. — Я не помню, чтобы я… чтобы ты умирал, — еще более удивившись тому, как рана в животе затянулась, как и рана в горле напарника.

— Не обязан помнить. Земная игра — воистину увлекательная штука. Никогда не знаешь, как начнется следующий день. У нас с тобой было одинаковое настроение, и я все время задавался себе вопросом, почему просыпаюсь в постели таким же, каким был вчера? По логике, с каждым днем я должен был меняться, хотеть утренний суп, в конце концов. Но выходило одно и то же. Всегда одно и то же. Даже церемония завязывания галстука проходила так, словно я следовал строго запланированному: шаг влево или вправо даже не рассматривался. Но меня взорвало не это. Я понял, что мертв, когда увидел того парня, с которым долго разговаривал.

— Это был рядовой полицейский, — напряженно произнес Джек. — Ты никогда прежде не общался с ними так долго.

— Да… — сказал Спенс. — Он умер вместе с нами. Правда, чуть раньше, поэтому прежде я

никогда с ним не сталкивался.

— Подожди! Как же остальные? Они нас разве не видят?

— Видят?! Джек, ты что?! Конечно же, они нас не видят! Ты бы видел призрака, ходящего рядом с тобой?!

— Но я показывал им свое удостоверение, — протестующе воскликнул Джек.

— Знаешь, не путая друг друга, мы бы ушли из этого мира гораздо быстрее и успели бы наконец на поезд.

— На какой еще поезд?

— Кстати, что там у нас со временем? — Спенс посмотрел на наручные часы Casio и, резко сорвавшись с кресла, рванул к выходу. — Только бы не опять!

Джек побежал за ним.

— Куда опять?! Какой еще к черту поезд?!

— Поезд в рай! — запыхавшись от бега, отвечал ему Спенс.

Надо заметить, что, пока они бежали, квартира, в которой они находились, стала зловеще дрожать, переливаться черными накатывающими друг за другом волнами, пузыриться и, взрываясь, разлетаться маленькими капельками эфира.

— Нельзя опоздать в этот раз! Мы успеем!

Должны успеть! — кричал Спенс, оборачиваясь к отстающему Джеку.

— У меня пол под ногами шевелится, — изумился Джек. Пол и правда шевелился, будто живой, но не пытался его поглотить. — Беги быстрее, Джек! Этот мир не хочет нас отпускать!

— Я тебя не понимаю!

— Если успеем, я объясню, — орал Спенс.

Стены уплотнялись, приближались к беглецам и суживались, превращая черный коридор в узенький и неуютный проход.

— Беги, Джек! БЕГИ! Иначе все повторится!

— Я не успеваю! Задыхаюсь! — дышать становилось все труднее.

Мешала рана в груди (следствие давнишнего выстрела из безымянного пистолета), которая напомнила о себе в самый неподходящий момент. Кажется, что и Спенс бежал медленнее обычного, держался за сердце. И у него старые раны вскрылись, причиняли не боль, а что-то более неуютное.

— Мы все равно вырвемся, — задыхаясь, кричал Спенс.

Не только Джеку предназначалось его обращение. Он выкрикивал это еще кому-то, тому, кто пытался их остановить.

Джек неожиданно почувствовал, что его спины касается что-то скользкое и плотное. Обернувшись, он увидел злые красные глаза, которые смотрели на него из коридора. Существо погналось за беглецами, и его мерзкие извивающиеся щупальца уже касались спины Джека.

— Что это за тварь?!!! — возопил он, никогда ранее не чувствовавший такого невероятно липкого страха.

— Беги, Джек! Продолжай бежать! Плевать на раны! Мы уже близко! — отвечал ему Спенс. — Еще чуть-чуть — и мы на свободе!

Джек прибавил скорости, чувствуя, что его ладонь наполняется теплой кровью, а рана обрастает болью. Коридор вибрировал волнами, со спины слышалось шелестение щупалец, очень похожих на черных червей. Страшное существо гналось за ними. Теперь стены коридора не просто дрожали — они содрогались от истошного рева.

Свет впереди был таким ярким, что если и можно было бороться, то только ради того, чтобы попасть туда, погреться в его теплых лучах и ощутить невероятную безопасность щита, укрывающего бежавших от липкой и злой черноты.

Появились силы и желание бороться, бороться вопреки боли. Свет поглотил Спенса, а Джек только приближался к нему. Оставалось немного, буквально несколько метров…

Щупальца схватили его за ногу, потащили назад. Джек слышал, как ликовал темный монстр. Он поймал его, пусть одного, но поймал! Джек пытался сопротивляться, кричал и призывал на помощь, пока щупальца обвивались вокруг него, превращая попытку бежать в ничто.

— СПЕЕЕНС!!! — кричал Джек. — ПО-МО-ГИ!!!

Его слова разбивались о волнообразные стены и поглощались светом, до которого он так и не успел добежать. Он понял, что не уйдет, хотя его пальцы продолжали отчаянно цепляться за волнообразный пол. Он все еще верил, что у него есть шанс, пускай даже один на тысячу! Чудовище ревело все громче, утаскивая отчаянно сопротивляющегося Джека. Вдруг чьи-то белые руки обхватили его запястья и потащили к свету, туда, где недавно исчез Спенс.

— НЕ УЙДЕ-О-О-О-ШЬ, — шипел монстр, обвивая тело. От него так просто никто не сбегал. У него огромный опыт.

Джеку стало страшно. Вдруг тот, кто его тянет к свету, проиграет, случайно отпустит. — «До-

верься мне, Джек», — донесся светлый и чистый голос. — Просто доверься.

Джек поверил. Закрыл глаза, расслабился. Он видел перед собой бездну и чувствовал боль, но только сейчас понял, как сильно себя обманывает. Прыжок будет долгим, но безопасным. Он знал, что упадет не на твердый асфальт, а на мягкую перину. И он себя отпустил.

Прыжок длился одно мгновение. Он не чувствовал ни боли, ни крови на своих ладонях, ни щупалец, обвивающихся вкруг него. Только свет и приятное покалывание во всем теле.

— Можешь открыть глаза, — сказал кто-то.

Джек осмотрелся. Он сидел на скамейке, вокруг ходили люди с чемоданами и без них, раздавался шум приближающихся и удаляющихся поездов. Чистое синее небо простиралось до самого горизонта, а теплая погода приятно согревала и рассеивала тот черный сгусток воспоминаний о невероятном побеге из темноты. Рядом сидел Спенс, но уже другой: опрятный, с зализанными назад волосами, его лицо светилось радостью и удовлетворением. Джек улыбнулся другу и обнаружил, что светится сам.

— Мы все-таки сбежали оттуда! Это было непросто, черт побери! — Спенс обнял друга

за плечи. — Но мы это сделали!

— Что же это было?!

— Я сам не знаю, но наверное, это было что-то, что заставляло нас оставаться в мире людей и думать, что мы живы. Неужели ты никогда не испытывал ощущения дежавю?

Джек задумался и повертел головой, хотя не мог ответить на этот вопрос совсем уж однозначно. Ему вспоминались только смутные фрагменты этого дня, когда он выходил из машины и, переступая через желтую предохранительную линию, шел мимо полицейских, показывая им удостоверение комиссара полиции.

— Дежавю? Да… кажется, было, и не раз… но я не обращал на эти мелочи внимания.

— Нет, Джек! Только из таких незначительных мелочей строится план побега! Кстати, этот план был самый успешный из всех, которые мы с тобой когда-либо проворачивали!

Теперь он вспомнил! Вспомнил все две тысячи сто тридцать семь попыток, вспомнил каждую деталь, вспомнил каждый первый диалог между ним и Спенсом, когда последний отказывал ему в поездке с ним в лабораторию. Первые сто попыток побега с Земли повторялись с невероятной точностью. Зачастую не видя выхода, Джек

и Спенс возвращались к точкам отсчета: к собственным телам, которые ни один из них узнать не мог — душа не должна помнить свою телесную тюрьму. И только перевалив за тысячу попыток, Спенс и Джек стали экспериментировать с воображением, оживляя вокруг неодушевленное, пытаясь следовать подсказкам нематериального. И тогда стало что-то получаться. Они встречались в одной и той же квартире, говорили одни и те же слова, стреляли друг в друга, доказывая себе, что мертвы. Но только Спенс знал чуть больше: он знал об отправлении поезда с Земли. И это мешало им победить липкую реальность земного пространства. Щупальца монстра возвращали их обратно. Проблема была только в Джеке: он не мог расстаться с тем, что прочувствовал на Земле, пока был жив.

— Это все из-за меня, — виновато произнес Джек, боясь смотреть в глаза своему лучшему другу. — Ты имел полное право оставить меня там, но не оставил. Я даже не знаю, как благодарить тебя.

— Ничего не говори. Я бы все равно без тебя не уехал. Смотри, вот наш поезд, — Спенс показал на ярко-синий состав с желтой полоской. — Пошли, у нас впереди долгая дорога наверх.

Они встали со скамьи, обернувшись, вздохнули: пережитое далось нелегко, как и борьба за покой…

В просторном и уютно обставленном вагоне-купе на две персоны Джек и Спенс думали о том, что их ждет в раю. Они мечтали о многом, например, о том, как будет приятно иметь свой уютный коттедж на каком-нибудь побережье, а после принятия солнечных ванн отправиться в путешествие на большой белой яхте, свободно порхающей по спокойным волнам небесного моря (если оно, конечно, там есть). Пока они мечтали, симпатичная проводница, случайно проходившая мимо, заглянула к ним и, улыбнувшись, спросила:

— Отдыхаете?

— Отдыхаем! — с энтузиазмом ответили друзья.

Она вошла к ним в купе, в руках у нее материализовались две прохладные кружечки пива.

— О! — воскликнул Джек. — Это как раз то, что нам нужно! Спасибо!

— Это подарок от наших небесных железнодорожных линий, — улыбнулась девушка.

— Мило, очень мило, — Спенс принял у нее обе кружки.

— Когда мы приедем? — спросил Джек. — Мне не терпится прокатиться на яхте!

— Скоро, — ответила проводница, закрывая раздвижные двери. — А пока наслаждайтесь поездкой.

— Поскорей бы уже оказаться в раю! — сказал Спенс, смачно отхлебнув пивную пену.

— Да уж! Движение здесь ну совсем как на Земле! Такое же обслуживание и почти такой же сервис…

Поезд остановился. Голос из громкоговорителя попросил всех пассажиров освободить вагоны.

Конечная станция напоминала крытый прозрачным куполом отель. Что тут сказать? Красивое место. Внутреннее убранство огромного комплекса просто шокировало своей сияющей роскошью. Переливающиеся золотым свечением статуи разных святых, архангелов стояли вдоль ослепительно белого пола, впереди виднелась статуя огромного золотого исполина, восседающего на троне, огромный посох которого был усыпан драгоценными камнями. По правую руку от него стоял красивый юноша, также весь в золотом, по левую — что-то абстрактное, не похожее ни на человека, ни на какое-либо другое существо. Голова исполина была скрыта высоким

тяжелым капюшоном.

Джек и Спенс поняли эту аллегорию без подсказок: Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух.

На выходе вновь прибывших встречали улыбчивые ангелы с белоснежными крыльями и золотыми нимбами над головами.

Душ собралось очень много, места всем едва хватало, вдали слышался шум еще одного поезда, подъезжающего к станции.

— И как же они все так не предусмотрели? Знали же, наверное, что будет толчея! — пробурчал Спенс.

— Да уж, — согласился Джек. — Неприятно получилось, и как мы все здесь уместимся?

Спенс спросил одного из ангелов, когда же будут распределять места, узнал от него, что сейчас будет говорить святой Петр, так что им нужно вести себя тише.

Вскоре к огромной исполинской статуе Бога Отца в сопровождении четырех архангелов с двойными крыльями и золотыми доспехами вышел черноволосый мужчина в ослепительно белых одеждах. Повернувшись лицом к собравшимся, с глубокой печалью он сказал:

— Уважаемые души! В последнее время участились случаи быстрого возвращения с Земли. Если

раньше это занимало у каждого новоумершего не один миллион попыток побега, то сейчас эта цифра пугающе сокращается до тысячи, а то и до сотни. Поэтому в раю высокое перенаселение. Железнодорожные линии едва справляются с наплывом желающих. Но вы, пожалуйста, не отчаивайтесь! Верховный небесный совет придумал, как решить этот вопрос. Места в раю теперь хватит всем! — торжественно закончил он. Речь его была ободряющей и многие души перестали так волноваться.

* * *

Джек и Спенс в сопровождении хмурых и вооруженных мечами архангелов шли через бесконечные поля и с ужасом наблюдали за добровольно-принудительным погружением душ в специально вырытые для них могилы. Перед глазами представала ужасная однообразная картина: души лезли в землю и уже не возвращались, ангелы закапывали ямы.

— Я не хочу туда! — воскликнул Джек, увидев в земле уготованный ему гроб со всеми удобствами.

— Вы не волнуйтесь, — любезно возразил ему архангел, опуская руку на рукоять пылающего ог-

нем меча. — В раю перенаселение, так что лезьте вниз. Ваша очередь обязательно придет.

— Когда? Когда она придет? — вмешался Спенс, видя свой гроб и совсем не желая спускаться туда.

— В свое время, — коротко ответил ему архангел и пнул Спенса ногой так, что тот свалился прямо на мягкую обивку гроба. Крышка его автоматически захлопнулась и больше не открылась, как Спенс ни стучал и ни кричал. Не действовали на архангелов ни угрозы, ни проклятья, ни требования.

Джека так же нагло спихнули вниз. Вскоре он присоединился к Спенсу в выкрикивании проклятий в адрес святых и ангелов. Друзья называли их бюрократами, а те спокойно засыпали их могилы землей. Один, правда, удосужился ответить:

— Мы обязательно учтем все ваши жалобы, вы сможете обратиться со своими требованиями в Верховный небесный совет, но только тогда, когда наступит ваша очередь выйти.

— КОГДА?! Когда это будет? — донеслись приглушенные голоса из могил.

— Ждите своей очереди, — бесстрастно ответили сверху.

Кофе – дело святое!

Первая кружка немного взбодрила, но не впечатлила. Вторая — была лучше, однако эффект все равно не тот. Третья — похожа на первую, правда, с нотками резкости и бодрости. Четвертая — как вторая. От нее эффект почти такой же, но хотелось бы большего. За пятой пришлось топать к соседской тумбочке, что стояла напротив его кровати. А тут и сам сосед вернулся с прогулки, довольный, сияющий. Он театрально подкинул руки под выбеленный потолок и сказал:

— О кофе! Слава великому кофе! Один пьешь? А меня че не позвал?

Я сконфуженно улыбнулся. Пришлось тратиться на кипяток!

Пятая кружка пошла тяжело: голова подурнела.

Сосед догонял. Счет должен быть равный. Он спер хрустальный графин, что бесхозно стоял возле сестринского поста, и мы пустили в ход упаковку растворимого.

— В палату не зайдут? — поинтересовался сосед, доставая припрятанную в тумбочке большую

синюю кружку.

— Не должны, — ответил я, — еще есть время.

— Отлично, — обрадовался тот.

Дальше все повторялось. Шестая кружка была подобна пятой, седьмая — шестой, восьмая — седьмой. Сосед едва успевал наливать кофе из графина. Мне же хотелось что-то делать: мастерить, бегать, играть, говорить, отгадывать, узнавать, шпионить, гулять, шептаться…

— А не вредно пить столько кофе?

— Я проверял, — ответил я очень быстро, будто бы предугадав его вопрос.

— Слышал, наверное, что Косматов из восьмой учудил? — спросил сосед, и его глаза забегали еще быстрее, чем у меня. Конечно, он пил уже четвертую кружку, а это его первый кофейный опыт, я же — ветеран.

— Что? Что? Что? Что он учудил?

— У него тоже кофе есть, но не такой, как у тебя. Да ты, я смотрю, готовый уже?

— Ничего, ничего. Я просто проверяю, исследую…

— В общем, — неугомонно продолжал товарищ, — Косматов в кофе еще что-то добавляет. Может, попробуем?

— Можно, можно, можно, но, но, но…

— Тогда пошли, — предложил мне сосед, поправляя свой больничный халат. Я застегнул свой и подполз к двери, приоткрыл ее. Дежурной медсестры на посту не оказалось. Я вышел первым, друг — за мной. Больничный коридор был пуст, но я все же предугадывал возможность появления других пациентов и врачей.

— Вот его палата, — заговорщическим шепотом произнес мой сосед.

Я постучал в дверь. Нам не открыли, но мы вошли. Палата Косматова была пуста, однако мы увидели большую дыру в полу. Я попробовал обследовать ее: нога не проваливалась — можно твердо наступать.

— Я проверил, — наигранно громким голосом доложил я, театрально салютуя изумленному соседу. Прошел вперед, наступая на черную дыру, сосед пошел за мной. На столе между кроватями стояла кружка Косматова с еще горячим кофе, рядом лежал кипятильник. Я подошел, отпил немного. Мне понравилось: прибавилось эмоций, появилось вдвое больше желаний, чем ожидал.

— Ну как?

— Можно! — сказал я, растянувшись в довольной улыбке. Сосед тоже отхлебнул.

— Пойдем обратно? Кофе стынет…

Я опять пошел первым и провалился. Падать одному мне не хотелось, и я схватил соседа за ногу.

Шлепнулись мы в какую-то черную лужу в кромешной темноте.

— Зачем тянул?

— За компанию, — отвечал я, вставая на четвереньки. — Думаю, Косматов тоже здесь…

* * *

Трое военных (один — майор, другой чином помладше и лейтенант) шагали в сторону палаты номер 12, как вдруг подбежала взволнованная медсестра:

— Вы за кем?

— За Долговым, Юркиным и Косматовым, — объяснил майор. И военную процессию проводили прямо до двери.

— Тут они?

— Были тут. Правда, Долгов куда-то уходил, но потом вернулся, — объяснила медсестра.

Открыли дверь — никого не видно. Прошли в палату и увидели: трое валяются на полу и увлеченно лижут его, при этом гавкают и играют.

— Это они?! — изумился майор. — Как вы могли допустить такое! — прогремел он, громко топнув

ногой, чтобы увернуться от моих приставаний. — Солдат Юркин! Пшел от меня! ФУУУ!!!

— Забирать будете? — невозмутимо осведомилась у него медсестра.

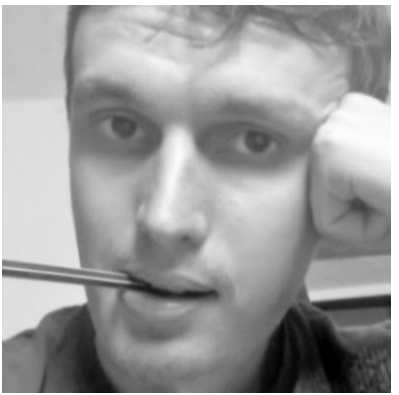
— С ума сошли?! Оформляйте документы на комиссацию! — рявкнул майор.

Медсестра устало и измученно вздохнула, наблюдая, как военные торопливо удалялись по больничному коридору.

— Совсем дебилы? — озлобленно крикнула нам.

— Мы еще толком не знаем! — отвечал я из дна черной липкой ямы, с завистью наблюдая, как она свободно прохаживается наверху, пока мы с Долговым тщетно пытаемся найти Космотова здесь, внизу…

Дмитрий Кеплер



Родился и живет на Украине. Пишет прозу с 2008 года, первые стихи написаны намного раньше. Автор сборника песен и стихов «Суд над клоунами». Номинант Национальной литературной премии «Писатель года 2012».

День, когда я умер

Все биографии обычно начинаются с рождения. Моя началась со смерти — вернее, вся моя бурная сознательная жизнь началась после довольно странного случая, о котором я никогда и никому раньше не рассказывал. То, что произошло со мной обычным пасмурным днем, полностью перевернуло ход событий, и биография моей настоящей жизни берет отсчет с того странного случая.

Это было приблизительно в пятнадцать часов дня, когда я, уставший от брожения мимо школы, пришел домой просто поспать, так как целую ночь перед этим, как обычно, что-то мастерил из подручных средств. Конечно, у меня плохо получалось, но все-таки это сильно увлекало — особенно делать кораблики из папиросной бумаги. Этих корабликов, наверное, была у меня не одна сотня, поэтому мать всегда грозилась выкинуть весь этот хлам на помойку. И тогда всю долгую ночь я только тем и занимался, что делал кораблики, а на следующий день решил просто не идти в школу. Будь неладна эта школа! Я долго бродил окрестностями, пока, наконец, у одно-

классников не кончились уроки и я не побрел домой, стараясь никому из знакомых не попадаться на глаза. Когда же приволок свои тяжелые от усталости ноги домой, просто прошмыгнул мимо гостиной в свою комнату, тем более что там сидел очередной «очкастый» психолог по поводу моей успеваемости в школе.

Не знаю, насколько хорошо я успевал в школе, но смываться из нее я успевал всегда. Зайдя в свою комнату, я просто завалился в одежде на кровать и закрыл глаза. Под тиканье старых настенных часов я будто бы куда-то провалился — меня обволокла глубокая дремота. Когда я открыл глаза, сразу же перевел взгляд на часы на стене, чтобы посмотреть, сколько времени я так пролежал. Они, будто назло, остановились, хотя до этого всегда шли без остановки и показывали точное время.

На этом странности не закончились, так как меня сильно потянуло выглянуть в окно, которое выходило во двор. Часто на лавочке у забора сидели две старушки незапамятного возраста, сплетничая и узнавая друг у друга, что передавали по сарафанному радио. На этот раз там их не было и только одинокий человек стоял и смотрел в окно, из которого я выглядывал. Это был

отец, и я сразу его узнал. Его желтая кожаная жилетка, усы и бейсболка сразу выдали его. Таким он мне и запомнился, когда ушел от нас с матерью, и я даже не думал, что придет снова. В руках он держал желтый сверток большого размера и, кажется, тяжелый с виду. Я выбежал из своей комнаты и заметил странную вещь — что ни в гостиной, ни в других комнатах уже не было никого. Значит, я так долго спал, раз ни гостя, ни матери уже не было дома. Я дошел скрипучими шагами до коридора и, обувшись, кое-как зашнуровав свои старые ботинки не президентского фасона, собравшись с духом, открыл входные двери.

Только я оказался на улице — уже никого не было. Улица была абсолютно пуста. Даже шумных детей, которые всегда играли с мячом на площадке, сегодня как ветром сдуло. С досады я хотел вернуться назад, но вдруг заметил, что на лавочке в нескольких метрах от меня лежит что-то желтое. Это был тот самый сверток, который держал в руках мой отец. Я просто подошел и взял его в руки. В нем было что-то тяжелое, завернутое в папиросную бумагу. Недолго думая, я просто разорвал бумагу и увидел старую книгу невзрачного зеленого цвета.

«Высшая математика», — прочитал я надпись на обложке. И что бы это значило? Тогда я просто взял и начал листать. Пожелтевшие страницы громко шелестели и чуть ли не рассыпались в руках. Можно было только догадываться, зачем отец оставил мне эту книгу, но даже капли сомнения почему-то не было в том, что она была предназначена именно мне. Я еще раз оглянулся — на улице по-прежнему не было абсолютно никаких признаков жизни. Все будто замерло, и только брошенный мусор носило по ветру, как будто не было ему пристанища среди пустых закоулков городской улицы. В придачу пошел мелкий дождь, назойливо осыпая все вокруг. Взяв учебник под мышку, я пошел назад в дом.

Когда я вошел в него, то в комнатах по-прежнему никого не было. Такое ощущение, что я попал в какое-то странное, никем не заселенное измерение. Все было в какой-то цветной дымке, она заволакивала мне глаза, даже на вкус она была горьковато-сладкой, и я решил как можно быстрее дойти до своей комнаты. По дороге, проходя мимо большого зеркала, на которое прежде имел привычку никогда не обращать внимания, я боковым зрением заметил, что не отражаюсь в нем. Это было начищенное до блеска антиквар-

ное викторианское зеркало, переданное нашей семье по наследству. Оно было сделано еще в то время, когда во все зеркала добавляли серебро, и, собственно, это была самая ценная вещь в доме. Но так как все, что со мной происходило, я видел будто сквозь дым, я не придал тогда значения, что все, находящееся в доме, отражается в нем, кроме меня.

Наконец, добравшись до своей комнаты, я переступил через порог и как обычно перевел взгляд сразу на часы, но стрелка как будто издевалась и никуда не двигалась. Потом повернул голову на диван и вдруг… Хрень какая-то! На моем синем диванчике с пружинами лежал мальчик лет десяти. Сладкий дурман сменился трезвостью. Сразу в голову пришла мысль, что мой гость вор, но я четко помнил, что когда выходил, то запирал входную дверь на ключ, и через окно не мог никто пробраться, так как оно вообще не открывается. Присмотревшись к его лицу, мне стало не по себе. На диване лежал я! Те же самые тонкие брови, те же самые грустные губы — и вообще все то же самое, только ужасная бледность и руки, крючковато сложенные на животе, выдавали его будто полумертвое состояние. И тело его по всем размерам точь в точь совпада-

ло с моим, но пребывало в каком-то непонятном анабиозе. Могли бы вы себе представить, чтобы на диване лежало ваше тело, которые бы вы наблюдали со стороны? Что оно в любой момент начнет двигаться без вашей воли? Я думал, что такое показывают только в фильмах после одиннадцати вечера, но когда понял, что все, что со мной происходит, очень похоже на реальность, меня бросило в ледяную дрожь. Я начал звать кого-то на помощь, хоть и понимал, что никого нет. Да если что-то и вырывалось из моих связок, то точно не звук. Я почувствовал, что просто беззвучно вожу губами, будто в моих легких вообще нет воздуха, словно кто-то надавил мне на грудь. И вдруг, в холодном ужасе от того, что ничего не могу поделать с ситуацией, в голову пришло осознание, что если на диване я, то этот второй я должен проснуться и все это окажется просто страшным сном. Но как это сделать? Все в действительности было еще труднее, чем на первый взгляд, так как я не мог до него дотронуться, потому что не мог ближе подойти к нему ни на шаг. Какая-то дистанция разделяла нас, будто стена из толстого корабельного стекла. И тогда я просто сконцентрировался на его свисающей с дивана костлявой пятке. Мы-

сленно я представил, как она дернется, и, когда она конвульсивно шевельнулась, в одну секунду я действительно проснулся, уже в своем родном теле. И часы, висевшие без движения на стене, пошли своим ходом, привычно оглашая свою работу на всю комнату. Внизу снова послышались голоса матери и психолога. Так, надо прийти в себя! Раз-два-три… Это был всего лишь сон, жуткий сон! Если бы только на полу я не заметил книгу, точь-в-точь такую же, как и в сновидении. Значит отец все-таки приходил! В голове роились противоположные мысли и сомнения. Сразу же захотелось выбежать из комнаты и все рассказать, но пришлось остановить себя. Я помнил, как не очень давно мне уже ставили диагноз «аутизм». Не хотелось, чтобы меня считали ненормальным, как детей из интернатов для умственно отсталых. Только потом я узнал, что мои переживания и недосыпания вызвали то, что ученые называют последним сном мозга. В таком состоянии кажется, что ты проспал очень долго, хотя, может, отключился лишь на несколько секунд. Время субъективно, и вот, наверное, поэтому мне казалось, что часы на стене в моем сновидении остановились. Когда мой мозг начал отключаться, за четверть секунды до конца он

создал то, что называют виртуальной вечностью. В это мгновение мозг включил все свои резервы, вызвав неимоверный всплеск мозговой активности. В нормальном состоянии мы используем мизерные возможности своего серого вещества, но во время этого сна он активизирует себя полностью. Что человек ждет в миг перед смертью, то он и получает. В детстве моими любимыми фильмами были картины на историческую тему, и теперь я понимал, почему солдаты, всегда вырываясь из своих окопов, так сильно кричали. В этот момент они настраивались на то, что попадут в рай воинов и будут снова погибать за свою землю. Я понял, что настоящие воины уходят в ликовании. И даже моджахеды-смертники не просто уходят — они действительно выполняют задачу их жизни. Не важно, когда ты умрешь, но важно как — эту фразу я запомнил навсегда. Но это все я узнал намного позже, в тот день я ничего не ждал, кроме как увидеть своего отца, — но эта мысль, наверное, всегда у меня была где-то в подсознании. Как я узнал позже, он умер три года назад до этого странного события, и, наверное, в его реальности он тоже приходил к нашему дому, не осмеливаясь зайти в него. Мой двойник был просто связующим

звеном между сном и реальностью — мы просто поменялись с ним местами. У каждого из нас есть двойники — это наши отражения с той стороны зеркала. Мы не догадываемся, что они существуют параллельно вместе с нами, и об этом позже я нашел множество свидетельств людей, которые видели своих двойников.

Только старая книга на полу никак не давала мне покоя многие годы, пока я, наконец, не достиг своего совершеннолетия. Мать часто говорила, что отец очень хотел, чтобы я получил высшее образование, так как сам он не закончил даже школу и рано начал работать. Только как эта книга появилась у нас в доме, так и осталось для меня загадкой. В ней было мое будущее, что-то такое, что я должен был сделать до настоящей смерти. И листая ее тогда, я знал точно — это только начало…

Григорий Неделько

Григорий Андреевич Неделько родился 23 января 1987 года в Москве, где по-прежнему проживает. Пишет с 7 лет. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «Газетная журналистика». До обучения, в процессе него и после познакомился с обязанностями корреспондента, журналиста, редактора, корректора. Любит *«экспериментировать, импровизировать, фантастику, рок, черепах и ежей, макароны и футбол, и еще, конечно, литературу»*. Работает в разных направлениях и стилях.

Финалист и победитель (как соавтор тоже) сетевых конкурсов. Публиковался в литературных изданиях («Мир фантастики», «Реальность фантастики», «Шалтай-Болтай», «Фантаскоп», «Уральский следопыт», «Пионер»); в СМИ («Аргументы и факты», «Российская газета», «За Родину!», «Московский университет»). Участвует как автор в сборнике «Аэлита». Опубликовал роман в сетевом издательстве. Выпустил сборник рассказов и миниатюр с помощью немецкой print-on-demand-организации. Некоторые рассказы были озвучены, часть находится в очереди на озвучивание. Сотрудничает с электронным издательством писателя-фантаста Бориса Долинго «Аэлита» как редактор, корректор и автор. На сайте проекта «Фантастика.рф» редактирует, корректирует и отбирает произведения для публикации и озвучивания альманахом «Фантаскоп». Уважает качественный труд, считает, что первостепенная задача автора — уделять наибольшее внимание своим произведениям, старается по мере сил помочь не очень известным, но талантливым авторам-фантастам, организует сетевые конкурсы — также и с помощью собратьев по перу, — любит хорошую шутку и уверен: *«Фантастика is not dead, ведь она еще*

«не выкурила свою последнюю сигарету».

Ни слова о призраках

В наушниках играли Def Leppard. Она не любила хард-рок, и даже баллады «леопардов» не резонировали с ее душой. Однако эта вещица, ритмичная, но при этом полная лирики — странное сочетание! — проникла к ней в сердце, уютно там расположившись. Это была ее песня. И мелодичные гитары Коллена с Кэмпбеллом, и мягкий, но вместе с тем драйвовый вокал Эллиота — они все пришли из ее мира. Стали его вестниками, оберегами. Она слушала музыку, и музыка защищала ее, дарила ей радость, согревала…

All my pain
All my fear
Disappears when you are here
I break through
To the sky
You are the reason why

«It's All About Believin'»… Новая песня… Слова становились чем-то большим, одновременно превращаясь в набор звуков, закодированных,

облеченных в тайный смысл. Странное и непередаваемое сочетание обыденного с волшебным.

Волшебство может быть разным. Одно вырывает нас из жизни, чтобы укутать в теплое, полное ночных фантазий покрывало. Другое страшно мстит за ошибки, не давая возможности оправдаться. Третье слепо, и эта слепота сродни безразличию великана, случайно раздавившего муравья.

Существуют и другие виды волшебного — ведь во что облечь магию, зависит от самого человека. Обычно есть выбор, даже если он очень хорошо запрятан. Только не у нее. Виновата ли в этом звезда, под которой она родилась, или дело в том, что течение жизни переменчиво и непредсказуемо? Кто знает… Однако она все равно оказалась проклята, заражена. Призраки. Бесплотные полупрозрачные видения поселились в ее быту, в ее мечтах, в ее надеждах. В квинтэссенции жизни. И это тоже своего рода волшебство, ведь никто не знал, как и почему начались беды.

Вроде бы обычная девушка. Темные короткие волосы. Чуткие, музыкальные пальцы. Милое личико со вздернутым носом. И удивительно красивые ушки, небольшие, округлые, оттенка нежности. Почти как у героини Харуки Мура-

ками.

Так получилось, что именно его книга, знаменитая «Охота на овец», лежала у нее на коленях. Вместо закладки между страницами — нераспечатанный конверт. К чему читать письмо, когда знаешь истину наперед?

За окном автобуса мелькали деревья — с пышной, летней листвой. Зеленая трава тянулась к небу. Яркий желтый карлик на кристально-синем полотне изливался лучами. И природа, дорога, машины искрились после недавнего дождя.

Люди в салоне молчали и не обращали на нее внимания. Как хорошо, что они не умеют читать мысли… Им нет дела до ее призраков, потому что они не знают. Великая сила несказанного! Если бы они пригляделись чуть лучше, то между строчек романа, написанного ее жизнью, могли бы прочесть много пугающего — для обычного человека. На ее песочных часах кто-то вывел затейливым почерком приказание. Так она превратилась в повязанную. Опутанную. Сплетенную. Призраки стали частью ее души. Она хотела — она страстно желала — вырваться, но кто-то наверху, видимо, вынес ей приговор.

Призраки гонялись за ней, безымянной, по-

добной персонажу из неоромантического произведения. Все тот же Мураками, все те же слова, все — то же… Поиск без смысла и предназначения. Без изменений и — на краю сознания. Разум против воли цеплялся за ужасы, за кошмары из повседневности, рожденные в прошедшем и растущие в будущем.

Где бы она ни появлялась… возвращалась ли она или уходила прочь… умалчивая суть либо высказывая потаенное… Неважно. Фигуры-тени, бледные, цвета разведенной в воде туманной дымки плясали вокруг нее. Пытались достать, укусить, захватить. Сначала — ее личное пространство, затем — тело, а после…

…Пришлось бежать, нигде надолго не останавливаясь. Одолевая дорогу без возврата. А через какое-то время она узнала, что есть другой человек. Тот, кто поймет, приласкает, защитит. И она опять бежала, теперь — мыслями. Забыв про дом, родителей, бросив друзей и подруг. Она стремилась к нему…

Автобус плелся по загородному шоссе.

Она осмотрелась. Пассажиры по-прежнему занимались своими делами: кто-то играл в стрелялку на ноутбуке, кто-то читал книжку, кто-то разговаривал. Взгляд цеплялся за толстую

женщину в круглых очках, за непричесанного, неряшливого мужчину, за переговаривающихся детей в пестрой одежде… Как и заведено в этом мире, никому не было дела до чужих проблем.

Прыщавый подросток уставился на ее высокие, проступающие под блузкой груди. Она посмотрела в глаза паренька, внимательно, предостерегающе. Хотела сказать: «Отвернись, пока призраки не увидели тебя!» Но тот, к кому она беззвучно обратилась, ошибся. Да, подросток отвернулся, только не страх, а стыд исказил черты его лица.

С каждым оставленным позади, в прошлом, километре усиливалось волнение. И, казалось, духота в салоне набирала в силе.

Она открыла окошко, позволив летнему ветерку ворваться внутрь. Освежить и попытаться ободрить.

Раскрыла книжку, но не для того, чтобы прочесть еще пару глав. Взяла в руки конверт и долго-долго смотрела на белую склеенную бумагу. Маленькая ручка гладила послание, взор был устремлен вдаль, а мысли наконец освободились от пугающих образов. Она не заметила, как задремала…

…И ей приснился он: красивый, высокий, статный. Будто эльф, сказочный, с волшебной

красотой. Со светлыми, бело-желтыми волосами. И, конечно, с голубыми глазами, которые уверенно смотрели на этот жестокий и радостный мир. Он носил синие джинсы, выглаженную стильную рубашку, чистые, темного цвета ботинки.

Ей вдруг стало жарко, и она сняла блузку, выставив напоказ белый лифчик, прикрывающий большую грудь.

Но он продолжал смотреть лишь ей в глаза — так, как умела она одна. До этого мига.

Она поправила юбку, хотя только что была в джинсах.

«Как все странно, — подумалось ей, а когда он взял ее за руку, почувствовала себя Алисой, падающей в кроличью нору. — Все страньше и страньше…»

Чудесатее и чудесатее…

Они шли под руку — и внезапно начался бег, гонки времени и пространства. Происходящее согнулось, завязалось в узел, растаяло и перенеслось в несуществование. Какая-то белая дымка покрывала ничто. Минуло несколько секунд или дней, и реальность — вернулась. Сконденсировалась из небытия, сотворив самое себя и их, лежащих на кровати, лишенных одежд и обретших счастье.

Ей вдруг стало безумно легко и хорошо, а внизу живота зародилось нечто неописуемо приятное. Волна тепла растеклась по телу…

— Конечная! — громко объявил водитель, вернув привычный мир на место.

Она проснулась. Закрыла книжку, убрала в сумочку, которую повесила на плечо, и вышла наружу, к солнцу.

Он уже стоял на остановке, ждал ее, точно такой, как во сне, — если только то был сон.

Впервые за долгое время почувствовав смущение, она опустила взгляд и протянула ему нераспечатанный конверт. Но гость из ее мечтаний не разозлился, не закричал: «Почему ты не открыла его?!» Тот, кто тревожил ее сны, все понял, потому что когда-то давно в каком-то ином мире их души сроднились.

Она пригладила блузку, коснувшись груди, небольшой и упругой. Кроме этого нашлись и другие отличия, но ничто не могло омрачить счастья. Исполнилась греза, мечтание, проникшее в реальность и растворившееся в ее лучезарных потоках. Обратившееся ей.

И вот, уже взаправду, взявшись за руки, они пошли по асфальтовой дороге. Он прижимал конверт к себе, к самому сердцу.

— Знаешь, а я до самого последнего момента не верила, — сказала она.

— Тш-ш, — отозвался он.

— И ты не боишься моих призраков? — она вдруг вспомнила о прошлом.

— Ни слова о призраках, — произнес он, и было понятно: он знает, о чем говорит.

Его дом, вынырнув, как из омута, из окружения однотипных построек, приближался, с каждым шагом становясь выше. И вместе с ним выросталo глубоко запрятанное, почти угасшее чувство.

Она сжала крепкую руку спутника еще сильнее.

— Как ты нашел меня?

— Неважно.

— Мне нужно знать?

— Сегодня все неважно.

— И даже ты?

— Даже я.

А потом — как во сне. Такой же разрыв реальности, свихнувшийся пространственно-временной континуум, попирание законов бытия — и, как финальная точка, ее крик. Наслаждение, достигшее апогея. Эндшпиль. Лезвие действительности, перерезавшее сонную артерию ужаса.

Обнаженные, сплетенные виноградными ло-

зами тела. Ощущение непередаваемости, невозможности, невыносимости счастья — это продолжалось почти бесконечно. Почти — но всегда есть грань, которую не перейти.

Фантазия…

Смерть…

Любовь…

Сброшенная в порыве страсти одежда усеивала пол ненужной трухой. Часы отсчитывали время. Квартира была пуста и пропитана полумраком. Картина как в фильме — но отнюдь не на экране…

Она повернулась к нему. Каштановые глаза нашли глаза цвета изначальной синевы.

«Все дело в вере, ведь когда ты веришь, ты претворяешь мечты в жизнь…» — пел глубокий, хрипловатый голос в ее голове.

— Любимый… милый… мой… — слетели опадающими лепестками слова.

Он тоже хотел что-то сказать, и она увидела это. Тихо проговорила:

— Прошепчи мне их на ухо.

— Три слова? То, что говорит мужчина женщине в такой момент?

— Да.

— Хорошо.

Он улыбнулся. Приподнялся, приблизил тонкие губы к прекрасному ушку и, словно летний ветер, холодный и горячий одновременно, зашептал мучительно медленно заветные слова:

— Я… тебя… обманул…

И призраки ворвались в открытую, неупокоенную безмятежность.

Август 2011 года

– Ну что ж, кайся, Тиктак… – предложил Паяц

В предисловии говорится о том, что текст, находящийся ниже, будет чистым вымыслом, не претендующим и на долю реализма. Засим, пожалуй, все.

«Всегда находятся те, кто спрашивает: «А о чем все это?» Так вот. Тем, кому вечно требуется интересоваться, кому вечно требуются все ударения и точки над і, всем тем, кому без конца требуется знать, что, куда и откуда, предлагаем прочесть рассказ Харлана Эллисона «– Кайся, Паяц! — сказал Тиктак». А это — совсем другая история, произошедшая в совсем другом времени при совсем других обстоятельствах, впрочем, с теми же героями. Однако новизна не отменяет подобия, верно?

Итак, Эверетт С. Марм, более известный окружающим как Паяц, вышел из Зоны, Клиники, Здания Фабрики, Компьютерной Системы, Переделкино — называйте как хотите — и вернулся обратно в ту же Систему, розовощекий, улыбчивый, полноценный, короче говоря, прежний,

но похожий на остальных. Паяц ровным счетом ничего никому не сделал, если не считать тех бесчисленных раз, когда он шутил, веселился и откалывал не со злобы разные прикольчики, да не над кем-нибудь, а над самой Системой и, больше того, даже над ее смотрителем-руководителем Тиктаком. Из-за такого безответственного поведения высчитанная жизнь сбивалась с ритма, теряла секунды и минуты и приводила в ступор окружающих. Мало кому в математическом государстве это понравится.

Тиктак отвечал за Время — главную движущую силу Всего, а Время отвечало за Тиктака. Если его стрелки отставали от окружающего, он просто их переводил. А что — должны существовать ответственные лица, которые ответственны и за саму ответственность. Да и не мог Тиктак ни опаздывать, ни делать что-либо неправильно.

И тем не менее он это делал. С того самого момента, как поймал Паяца. Точнее, с того самого момента, когда его сдала любимая девушка Алиса, разочарованная в добродушном насмешнике. И с того самого момента, как кто-то провернул шестеренки Пространства-Времени.

Найти бы этого кого-нибудь и тоже отправить на чистку, однако… всему свое время и всему

свои возможности.

Итак, покуда Паяц обитал в своей квартире, пил чай с вареньем, читал газеты, потом ходил на работу, а после занимался бытом и отдыхал, ну, в общем, жил самой что ни на есть нормальной жизнью, Тиктак стал замечать за собой странности.

Вначале это проявлялось в том, что он включал телевизор на пару минут позже запланированного; затем он стал забывать гасить свет в ванной; далее последовало абсолютно невообразимое — он опаздывал на работу не на малость, а на час и на два. Он пытался это исправить: давал команду разобраться со Временем и Системой, проверить, высчитать, поправить. Проверяли, высчитывали, поправляли — все оказывалось таким же, как было.

И Тиктак шел дальше. В конце концов у него отказали стрелки на часах. Он тряс прибор, открывал крышку, вынимал внутренности и вставлял обратно, то есть проделывал то же, что с не повиновавшимися ему людьми. Не помогало. Часы стали намертво.

Тогда он потерял счет Времени. Тогда он потерял счет сотрудникам. Тогда он потерял счет в банке. Тогда он потерял счет в жизни.

А тем временем Паяц приходил на работу вовремя. Он трудился у станка, вытачивал детали для часовых механизмов, что должны были помогать никому не сбиваться с ритма. По существу, эти железяки становились крошечными деталькими всей Системы, проворачивающейся, движущейся, цикличной.

Тиктак не знал одного-единственного, главного: когда он исправил Паяца, подогнал под норму, он стер часть своей личности, отвечающей за противостояние. Он потерял основную силу, толкавшую его вперед, — врага, а поскольку Паяц Тиктака врагом не полагал никогда, у Тиктака началось короткое замыкание. Впору обратиться к технику человеческих душ, о чем руководитель всеобщего механизма не подозревал. Он же обратился к техникам часов — часовым мастерам. Они починили непокорное, круглое, металлическое время устройства, стрелки вновь зашагали, бодро и уверенно, к конечной цели, а именно к бесконечному повиновению человеческого воображения, что выдумало их. Странным и непоправимым оказалось то, что шестеренка, выточенная Паяцем, попала в часы к Тиктаку.

Память Тиктака отставала от установленного им же времени, хотя он догадался о постигшей

его неприятности. Ну кто еще мог ставить ему палки в механические колеса? Конечно же, он. Оболтус, раздолбай, трепач и шутник, Паяц собственной дурацкой персоной!

— Подать его сюда! — крикнул взбешеный Тиктак.

Паяца застали ничего не понимающим за станком, скрутили и привели пред хладные ясные очи временного начальства.

— Ты?! — вскричал Тиктак еще громче.

— Я, — честно, по форме ответил Паяц. И затем уточнил: — А что я?

— Ты сломал меня!

— Позвольте, но каким образом?

— Не знаю! Это ты мне должен ответить. Копался в моих часах?

Паяц неподдельно испугался.

— Как я мог! Да и неоткуда мне было их взять.

— Ты, я знаю, это ты!..

— Хм-м. Разрешите, я взгляну на ваши часы.

— Еще чего! — взбеленился Тиктак.

— Да не бойтесь, — успокоил Паяц, а точнее, бывший Паяц — ныне же просто Эверетт Марм. — Я лишь взгляну. Может, что-нибудь увижу, смогу чем-нибудь помочь.

Тиктак запыхтел от натуги и ненависти,

но все же протянул непокорный механизм послушному Паяцу.

Марм осмотрел часы, перевернул, постучал по ним, и с другой стороны тоже. Открыл крышку, заглянул внутрь, потрогал-покрутил шестеренки.

— Вот эта заела, — наконец озвучил он результат осмотра.

— Что! Шестеренка?!

— Да, вот эта крохотная.

Марм поддел пальцем виновника Тиктаковых несчастий и передал ему.

Тиктак выдул воздух из легких, успокоился и поинтересовался почти без нервов:

— Теперь все будет хорошо, в смысле, правильно?

— Конечно. А разве может быть иначе? — ответствовал Эверетт С. Марм. И улыбнулся.

Тиктак был не в силах смотреть на эту улыбку: ни на поддельную, ни на подлинную — ни на какую. Его жизнь вскрыли и перекроили, к тому же случайно, а он и не подозревал о том.

— Ладно, иди, — подобрев, насколько умел, бросил Тиктак.

Паяц уже было повернулся, чтобы удалиться, как вдруг произнес:

— Кстати, к вам в часы угодила смастеренная мной деталь. Страннейшая штука, должен вам сказать, — я о том, что все мои детали сделаны верно, по схеме, так, как того требуете от нас вы. Неужели вы сами внесли ненужные изменения в шестеренку? Или не подозревали и я раскрыл вам глаза?

Паяц, или Марм, или черт его знает кто говорил честно, без насмешек и подтекстов, но Тиктак, приведенный в ярость проблемами, что на протяжении долгого времени чинил ему этот олух, отреагировал отнюдь не адекватно заведенным порядкам: разорался. Ему, однако, простительно, не правда ли?

— Да ты, говнюк, смеешь подшучивать надо мной?! После всего! Да я!.. Тебя!.. Сейчас!..

Он, разумеется, выполнил угрозу, как и предписано. И — он же Тиктак. Смущенного Марма-Паяца схватили и во второй раз отвели на Зону.

Лишне упоминать, что это ничего не изменило, потому что он уже был изменен. Тут следует понимать: это ничего не изменило в ту сторону, а про обратную сбитый с толку-времени Тиктак не подумал. Страшное дело: не подумал! Не воспользовался логикой, разумом, последовательностью!..

«Все этот мать его Паяц клятый Паяц чтоб ему гореть в аду Паяцу чтоб его жизнь превратилась в сцену театр карнавал мать его перемать ржавый прежавый карнавал так его и растак чтоб он кровавыми бабочками плевался чтоб его чтоб он гад ползучий чтоб чтоб чтоб…»

И так далее, и в том же духе, и практически до нескончания.

Тиктак бесился, Паяц лечился, Время шло.

Но график, распорядок: Время приказало отпустить Паяца, и его отпустили. К тому моменту нервы у Тиктака начали сдавать конкретно. А стоило ему догадаться, кто в том виноват, служитель и вершитель упорядоченности обезумел окончательно.

Он помешался на «клятом Паяце».

Тогда как Паяца-то в природе уже не было.

Тиктак перемкнул Систему, а Система перемкнула его. И начала давить. Тиктак угодил в свои же шестеренки, застопорил их ход, после чего… страшно рассказывать… механизм двинулся в противоположную сторону. Отправной точкой послужила вернувшаяся память Паяца; она же была первой линией, которую перешагнуло Новое Время.

— Привет, любимая, как поживаешь? — обра-

щался не-обычный-Марм к Алисе, чем приводил ее в бешенство.

— Люди, — говорил он, — хватит злиться — давайте веселиться! Меняйте стихию на стихи, — говорил он.

— Кто умен, тот обречен, — говорил он. Улыбаясь. — А рассказать анекдот про одноногую собачку?

И прочую чушь говорил он, и вещал, как тогда, в мегафон, и раскидывал бомбошки, как тогда, и распространял пропагандошки, и все страньше и страньше становился в глазах… нет, не окружающих — Тиктака.

А Тиктак менялся, безостановочно менялся, с точки зрения людей, которыми когда-то (да что уж там, давайте начистоту) безжалостно управлял. Окружающих, охватывающих, стесняющих людей. Тиктак попался в собственную ловушку — настроенной Системы; только вот настройки использовали непривычные, иные. Природные.

Колесо Природы тяжелее колесика Механизма.

И обратились взгляды на Тиктака. И обратился смех против Тиктака. И обратилось к Тиктаку общественное знание.

Самое интересное, что плохого-то тут ничего, обычное дело: одни разведали, передали другим.

Но каждый помнил, кто таков Тиктак, и уважал его — а он, вот беда, забыл. Возомнил себя черт знает кем, Марм знает кем…

…Следующая встреча Паяца и Тиктака произошла на Зоне.

— Привет, Тиктак, — сказал Паяц.

— Кто Тиктак? Я Тиктак? — сказал Тиктак.

— Естественно, ты. Ты — Тиктак. Ты пинаешь Время, чтобы оно летело, вперед и вперед. Разве нет?

— Нет?

— Я принес тебе бомбошки.

— Спасибо. И все?

— Еще благодарю тебя за удачно выстроенную стену — за ней не видно огрехов предыдущей Системы.

— Не понимаю.

— И еще предлагаю тебе покаяться.

Тиктак был несказанно удивлен.

— В чем? Я думал, я Паяц и мне не в чем каяться.

— Да. — Паяц кивнул. — Так оно и есть.

И он оставил Тиктака запертым внутри собственной головы, приведенной в негодность слишком большим количеством шестеренок, пытающихся навести порядок. Шестеренок,

уже неисправно мешающих друг другу. Не подлежащих починке… а там кто знает…

Осталось сказать про Алису: она вышла замуж, однако была несчастлива браке. Такое случается.

Вот, собственно, и финита ля опера. Только откуда же берутся болваны, вечно пишущие продолжения?

Мрр… мрр… мрр… мрр… — завел Паяц часы Тиктака. — Мрр… мрр… мрр…

Моему наставнику, другу и собрату,
Автору Персонажей и Самого Первого Рассказа,
великому писателю Харлану Джею Эллисону посвящаю.

Июнь 2014 года

Ваш выход, паяцы!
(Из цикла о персонажах Харлана Эллисона)

Смеются паяцы – любви им
не нужно;
И плачут паяцы – по карме,
по роли, –
Так каждый юродничать бу-
дет, доколе
Все люди в театре и в цирке все
дружно.

Паяц, он же Эверетт С. Марм, был занят привычным в последнее время делом — сидением в кресле. Самое интересное, что и понятие времени стало для него привычным, невзирая на коренные изменения, им же, Э. С. Мармом, внесенные… ну ладно, не в вековечную, но в довольно возрастную вещь.

Долго пересказывать, поэтому поверьте схематичности:

1. Миром заправляла Система, каковой он вообще-то и являлся.

2. Главным регулировщиком в Системе работал Тиктак.

3. Тиктак ненавидел Паяца за глупые, а нередко и вовсе бездумные выходки, которые стоили Системе драгоценных минут, порядка и прозрачности.

4. В течение одного длительного противостояния Тиктак успел победить, потом Паяц одержал верх, была раскидана чертова прорва листовок в окружении бомбошек, которые щедро рассыпал Марм, пролетая в своем автотранспорте: над Городом, Системой, Жизнью.

В данный же момент и в тот самый миг, когда вы читаете эти слова, Тиктак сидит на Зоне, поедает принесенные Мармом бомбошки и затуманенным мозгом безуспешно пытается осознать, что он не Марм. Сам же Паяц, фактически отошедший от революционно-юмористических дел, удобно расположившись в широченном кресле, по-прежнему не знает, как обращаться со свалившейся на него чудесатым образом властью над временем.

Ну вот в его руках часы Тиктака, да. Ну вот он их завел — и где-то там, на Зоне, или в Переделкино, или Называйте-Как-Заблагорассудится, Тиктак сделался чуть более подвижным. А еще

Паяц подарил ему лишние секунды жизни, потому что они лишними, и это известно со школы, никогда не бывают.

Но то в масштабе отдельной личности, Шестеренки. А как быть с Целой Системой? Паяц — вернее, теперь просто Э. Марм — занимал главный пост… давайте подсчитаем… 4 дня 11 часов 57 минут 36 секунд и сколько-то там минималистичного чего-то еще. Дурацкая привычка подсчитывать время, доставшаяся от предыдущего владельца часов, вот этих вот, круглых, с серебристой крышечкой и затейливыми шестеренками на ней. Открой крышечку — и… ничего интересного не обнаружишь. М-да, даже грустно.

«Тиктак заразен? — думал Марм. — Или только моя лень? А может, его… Ладно, о Тиктаке не стоит беспокоиться, пока: человек, вообразивший себя мной и напяливший мармские лицо и душу в неизвестно каком поколении, нескоро от них избавится — больно летуче-приставучие, хотя и безобидные. А вот Систему неплохо бы наладить: сам в ней живу, страшно сказать, почти четыре с половиной дня».

Почти четыре с половиной дня.

Что могло произойти за такой безудержно короткий и безумно длинный временной промежу-

ток после жуткого количества нестабильностей, привнесенных в Ядро и на Периферию Системы боевыми Тиктаком с Паяцем?.. Что могло произойти? Что угодно! Вплоть до полной аннигиляции Системы и замены ее Иллюзией.

Марм вздрогнул и поежился, а затем нажал кнопку интеркома. Работает, отлично! Значит, реальность на месте… вероятно…

— Кэтти, кисонька, будь добра… — начал он, не совсем готовый к диалогу, потому Кэтти и перебила:

— Сию секунду.

Интерком отключился, Марм закинул в рот (целиком) не подлежавшую подсчету карамельную «Мини-бомбошку», полюбовался из окна фабричным дымом. Затем открылась дверь и вошла — нет, вскочила, вспрыгнула, влетела — Алиса, его бывшая жена, ныне опять замужем, и плюхнула ему на колени мешок с чем-то нетяжелым, но увесистым и мягким.

Марм заглянул внутрь: маскарадная одежда.

— По какому поводу, моя экс-любимая-единственная?

— Давно на улицу выходил?

Он не нашелся, что ответить, кроме «М-м… я… я могу посмотреть в записях…»

Алиса пропустила беспомощное жужжание мимо ушей.

— Не помнишь, значит, каково это, на свежем воздушке? Ну так есть повод прогуляться!

Она схватила его за локоть и дернула на себя. Паяц вылетел из кресла, наткнулся на Алису, откатил назад и решил проявить «главность» (кто тут, в конце-то концов, руководитель?):

— Что же столь экстраординарное должно оторвать меня от срочных дел по управлению?

— Да ничего, — пожимая плечами, просто ответствовала Алиса. — Только Тиктак устроил мятеж на Зоне и вырвался на волю с сотнями шестертых и недостертых. Да, он все еще облачен в твой костюм Паяца.

Эверетту наступившая тишина почудилась не обычным отсутствием звуков, а полным их небытием в связи с поглощением звуковых волн какой-нибудь особо коварной (и привередливой в еде) черной дырой.

— А-а, — сказал он, и его можно понять: что тут еще скажешь. — А что в мешке? Костюм Тиктака?

— Мы развелись, а ты, когда не шутишь, при мне все равно строишь из себя глупца. — Алиса дважды глубоко вздохнула. — Костюм

Тиктака, как и был, на Тиктаке, а в мешке костюм Арлекина.

Марм снова заглянул в мешок, порассматривал одежды, вынул, повертел в руках.

— Это самое умное, что ты придумала?

— Держи карманы шире. Я взяла с собой одеяние Колумбины, оно дожидается на первом этаже, в камере хранения.

— И-и… — Марм поспешно увязывал точки друг с другом, — что… эм-м… Ладно-ладно, не кипятись: ты же не электрочайник. Только мгновеньичко, хорошо?

Нажатие кнопки интеркома.

— Китти, киска.

— У-угу?

— Файф-о-клок, похоже, отменяется. Только не обижайся, успеется. Окей?

— У-угу.

Алиса неодобрительно покачала головой.

— Система и тебя не пожалела: сделала послушным — это да, но еще и размазней.

— У меня такое лицо с рождения, — честно отозвался Марм.

— А у меня нет. — Алиса мотнула пепельными волосами. — Идем.

Узнать Тиктака — Марму, Алисе или кому-либо

другому — представлялось уравнением с тремя неизвестными, причем лишь из них задача и состояла. Что это за попрыгунчик среди исторгающей крики толпы? Почему на нем костюм Паяца, хотя сам Паяц-Марм — вот, рядом с Алисой, у входа в Здание Управления? И основное: куда, черт дери, подевался столь необходимый подлинный Тиктак?!

Марм нашел ответы достаточно легко, поскольку сохранил шпаргалку из прошлого; Алиса — также; но как быть с «беснующимися» горожанами, распевающими развеселые песенки, закидывающимися и перекидывающимися разнообразными сластями, и еще с военными и гражданскими машинами, перекрывшими подступы к Управлению, а кроме прочего, с сутулой фигурой в паяцевской одежде, однако совершеннейшим образом не паяцевского сложения, и, наверное, с назревающими интересными временами?

— Люди выражают эмоции, — заметил огорошенный Марм.

— Как ты когда-то, — подсказала Алиса.

— Но ведь Тиктак больше не у власти, он даже не Тиктак, говоря прямо.

Тот, кто изображал Паяца, взобрался на дуло

танка, перепрыгнул на палатку, где в более спокойные дни торговали конфетами, и, прокричав: «Никто, блин, не уйдет обиженным!», — вскинул руки из глубоких карманов, осыпая землю и занявший ее народ разнопестрыми мармеладками и шоколадками.

— Мармелад?! Ну, это уж чересчур! — Эверетт, не исключено, что впервые, проявил эмоцию наподобие отрицательной. — Этот парень, кажется, плохо на меня влияет. Где мой костюм героя? Где ближайшая подворотня? — он повернулся к Алисе, чтобы быть уверенным, она его слышит. — Я об одеждах Арлекина.

— Наконец-то дотумкал.

Алиса схватила Марма за рубашку и повлекла за собой, в узковатый, уставленный мусорными баками проулок. Там, освободившись от бренной в конкретной ситуации верхней одежды, они надели новые костюмы: кто до того был Паяцем, стал Арлекином; Алиса, ранее просто Алиса, превратилась в Колумбину.

— И ты намереваешься подобным смехотворным способом остановить мармо-шоковый бунт? — с сомнением произнес Эверетт, оглядывая себя, оглаживая обновки, критически осматривая получившийся результат в большой

луже — следствии прошедшего вчера обильного дождя.

— А что? — безразлично откликнулась Алиса. — Он же первый начал.

— Какие у него требования хоть?

— Вот и выясним заодно.

Она ладонями подтолкнула в спину Паяца… извините, с нынешней поры — Арлекина. А тот, увы, пока не успел войти в роль; к тому же ему мешали аж 4,5 дня крайне вредоносной власти.

— Эта толпень… пестрит, — попробовал выразиться иначе Марм.

— Привыкнешь, — по привычке сухо подбодрила бывшая жена. Наряд женщины выглядел более «строго», чем у него, однако и более блекло.

Э. С. кивнул, выражая готовность, Алиса прищелкнула пальцами, и двое вновь-одетых комедиантов вынырнули из проулка к третьему паяцу.

— Ага! — завидев их, провозгласил Тиктак, посыпая дорогу к себе шоколадом и конфетами: для этого пришлось изрядно попрыгать. — Смотрите, друзья! — затем прокричал он, разводя руки в стороны и обращаясь ко всем собравшимся разом. — Их я и пригласил на чаепитие! И они пришли, ура!

— Ура!!! — хором раздалось отовсюду.

— А давайте-ка троекратное ура.

И народ трижды приветствовал Арлекина с Колумбиной.

— Ну и? — шепнул Марм-Арлекин Алисе.

— Отвечай, — практически не двигая губами, произнесла та.

— Да? Ага. — Арлекин подбоченился и прокричал — громко, однако не слишком: — Пей свободу! Она вкусна, как чай.

— Нет-нет-нет, — остановила его Алиса. — Ты обязан сказать что-нибудь смешное, но колкое; забавное, но «черное». Понял? — Она заглянула в простые, добрые и честные глаза Марма.

Все ждали.

— Экхм… — начал переодетый Паяц, пытаясь войти в более чем неизвестную роль Арлекина. — Попробуем так? — и продекламировал:

— И тень твоя взмывает враном;

Встаешь ты после секса очень рано;

Тебе не выжить в этом мире странном…

Тебе не выжить — а миру и подавно.

Колумбина помяла губами воздух; то же самое сделал Паяц-Тиктак.

— Уже лучше, — сдержанно похвалила девушка. — Но давай в прозе: она понятней большин-

ству.

— Так убеги ж из размера сама, — резонно заметил Арлекин. И вдруг подался вперед, провозгласил: — Эй, Паяц! Где забыл ты пепелац?

— Скорее отлично, — оценила стоящая в сторонке Колумбина.

Паяц, перебежавший ближе к Арлекину, в долгу не остался:

— Безумный Шляпник дело говорил когда-то, и Кролик тоже, и Пернатый!

— Ах, чтоб тебя… Колумбина — моя! Уяснил? Можешь снимать необходимость за три цента, если отыщутся такие деньжищи в твоих дырявых карманах.

— Свобода, булочки, классно!

Битва то ли разгоралась, то ли переходила на иной уровень, то ли еще что. Все наблюдали.

— Классному научат тебя в классе, когда наряд позорный поменяешь свой!

— Уж лучше рубашом, чем с Колумбиной и тобой!

— Свои мозги оставил ты на полке, но мне не жаль: ты на словах лишь колкий.

— Картошкой рот займи, потом бомбошкой, потом, глядишь, обзаведешься и башкой.

Толпу чрезвычайно заинтересовала перепалка

пробел тире пробел ментальный бой. Чуть позже интерес превратился в заразительность, после чего заразительность, естественно, начала распространяться: пошли лозунги, старые и новые; побежали приспешники, проверенные и только что обращенные. Понеслись — люди, массы, волны.

А двое мужчин-комедиантов к тому Времени просто перекидывались безобидными шутками:

— Паяц ты, но внешне лишь — в душе Тиктак.

И как ты победишь? Конечно же, никак.

— Тебе велели переходить на прозу. Бомбошку съешь: она питательно богато. (Вот ведь! И я стихом сказал, пускай и белым.)

— Да-да, ты сам не очень перешел…

— Не очень и хотел, ты знаешь…

Колумбина постаралась вклиниться между двумя своими возлюбленными — устаревшим и модернизированным, — однако сделать это было так же легко, как, например, собственноручно погасить гейзер или одному, без помощи, на веревке протащить ледокол через Полюс.

— Ребя… — успела сказать она, прежде чем ее не услышали.

— Колумбина — нет, не ждет тебя.

— И от тебя уходит, не любя.

Паяц давно спрыгнул на землю, Арлекин подошел к нему. Экс-Тиктак, видимо, под завязку почувствовал себя в роли, и Марм, судя по всему, успешно перевоплотился. Алиса-Колумбина непонимающе взирала на происходящее. К счастью, когда развивалось нечто похожее, библиотека оставалась свободной, ведь вперед двигают не авторы и не фантазии, а устремления людей. И она, подобрав юбки, устремилась в Читальню, что на соседней улице.

В наполненном скучанием и ожиданием одинокой библиотекарши заведении Колумбина быстро припомнила нужное. Она назвала рассказ, после, по просьбе работницы храма книг, — и автора, получила на руки старое потертое издание и столь же скоро убежала.

Арлекин-Паяц и Паяц-Тиктак, совсем перестав бояться друг друга, вдруг принялись отпускать колкости нос к носу. Все шумели. Что-то назревало. Подбежала Колумбина-Алиса.

— Эй! — привлекла внимание противоборствующих фигура в цветастых платьях и, раскрыв книгу на определенной странице, вознесла сборник над головой. — Глядите сюда! Читайте сюда! Вы, дети трансляции!

Ну что ж, стоило Тиктаку взглянуть на рассказ,

и он узнал, что тоже «man». А Арлекин почитал, поскреб макушку и оказался правда Арлекином. Алиса же, перестав быть Колумбиной, сохранила себя как Алису.

— Мы — выдумка! — пронеслось над Городом.

Легким, изящным движением пальцы снимали маску за маской. Одна из них, спикировав на землю, по чистой случайности упала на тот самый рассказ, что вспомнила Алиса. Да, вот пухлый сборник лежит на тротуаре, снова немного подзабытый, страницы шелестят на легком ветру, однако книга не закрывается, и все расходятся по домам. Вселенная отдыхает…

Как непонятно, что случилось? Что тут может быть непонятного? Прочитайте рассказ «– Кайся, Паяц!..» на языке оригинала, и только — ведь все начинается там, где начали. Да и Эллисон трудился не зря, that's right.

А вот переводчики на русский, работавшие с первоисточником… Хотя ладно, и без них никуда.

Июль 2014 года

Одинокий в поисках неведомого

Среди раздумья стылых плит
Твоя душа себя узрит, –
Никто не внидет в сумрак ложа,
Твой сокровенный час тревожа.

Эдгар По

— Эй, Вард, куда собрался? — на лице Рэя, жившего в загородном доме по соседству, было написано привычное выражение всегдашней радости.

— Да надо кое-куда… по делам… — ушел от ответа Вард.

— Куда-то? Что-то ты темнишь.

Вард пожал плечами, закрыл прочную деревянную дверь на замок, убрал связку ключей в карман и закинул на плечо кожаную сумку. Спустившись по лестнице, чутко отзывавшейся на каждый его шаг, но, впрочем, не донимавшей скрипом, Вард прошел мимо Рэя, на всякий случай кивнул ему, подводя таким образом черту под разговором, и направился по дороге прочь от участков. Рэй посмотрел ему вслед, тоже

пожал плечами, но, понятное дело, с другими чувствами, и, забыв о минутной встрече, вернулся к оставленному делу — покраске забора зеленой краской. Его угловатые, ввиду неправильной комплекции, движения вызывали смесь сочувствия и добродушной улыбки…

Дорога, по которой шел высокий мрачный Вард, вела к старому парому. Поросший мхом и уставленный деревьями, он пользовался небольшой популярностью и малым авторитетом, однако все же периодически находились те, кому хотелось променять спокойную жизнь в поселке на два-три заметно более подвижных дня в городе. Но Варда манил не город.

Паромщик только-только причалил, когда Вард приблизился к крутому скользкому берегу. Стояла меланхоличная, серовато-приглушенная осень. Немного недовольный тем, что придется плыть вновь, паромщик тем не менее промолчал, принимая от Варда плату. Оно и понятно: если станешь демонстрировать свои чувства каждому встречному, можешь вообще лишиться денег; а к работе паромщик привык — просто кроме нее он ничем не владел.

Монеты упали в карман, паром оттолкнулся от берега, сыпля землю и камни, и заскользил

по темной водной глади к противоположной стороне.

— Куда путь держим, уважаемый? — чтобы развеять молчание — обыкновенную спутницу своей профессии — поинтересовался паромщик.

Вард помолчал; оглянулся назад, на удаляющиеся участки, спрятанные лесом, запахнулся, почувствовав нежданный порыв ветра.

— Вам тоже интересно? — наконец отозвался он.

Паромщик, уже успевший отвернуться, неопределенно хмыкнул.

— Не то чтобы… А как еще прикажете бороться со скукой? Вот вы чем занимаетесь?

— Трачу время впустую, — с совершенно серьезным лицом и абсолютно правдиво ответил Вард.

Паромщик рассмеялся.

— А мы, оказывается, с вами очень похожи! И я, можно сказать, безделицей страдаю.

Вард кивнул, хотя паромщик этого и не видел.

— Наверное, мы занимаемся не тем, чем нужно, — предположил он.

— Возможно. Или такова наша судьба… — поддержал беседу паромщик.

— Возможно… — не стал спорить Вард.

— А почему я вас раньше не видел?

— Мне думается, просто не обращали внимания: я раза два-три пользовался вашими услугами. Вероятно, затерялся среди прочих людей.

— Вероятно…

На этом интерес паромщика иссяк, и дальнейший путь прошел в молчании.

Причалив, паром вздрогнул, точно испуганное животное, и выпустил на волю Варда. Кратко попрощавшись с собеседником, он сошел на склон, поросший пожухлой травой поздней осени. Теперь его путь лежал в «Зажаренного хряка», самый большой бар в городе.

Внутри «Хряка», как всегда, было не протолкнуться. Ароматы табака смешивались с запахом пива, покруживая голову. Вард с порога оглядел заведение и решил подойти к бармену.

— Здравствуйте, — произнес он, — не подскажете ли одну вещь, любезный?

И он, достав пару монет, положил их на стойку. Деньги тут же исчезли в мощной руке бармена.

— С удовольствием, — откликнулся тот. — А что именно?

— Когда и какой именно корабль отходит в самое ближайшее время?

— Секунду.

Бармен оперся ручищами о стойку, выглянул

из-за плеча Варда и пробасил на все заведение:

— Эй, Билли, это к тебе!

На его окрик повернулся седоватый, несколько неряшливо одетый человек с округлым пузом и отдающими сединой волосами.

— А? — неохотно гаркнул он, отрываясь от полной кружки пива. — Что ты там говоришь, Джим?

— Побеседуй с человеком.

Вместе с этим бармен более ничего не сказал, да, судя по всему, того и не требовалось.

Вард поблагодарил и, минуя подвыпивших посетителей, подошел к столику Билла.

— Доброго дня, — поздоровался он.

— Приветствую. — Билл театрально отдал честь и продолжил: — Буду краток: куда? Зачем? Сколько?

Вард на мгновение замешкался, но потом совладал с волнением.

— В открытое море, — проговорил он, чуть понизив голос. — Зачем — объяснить не могу.

— Если это связано с контрабандой или чем подобным… — перебил капитан, но Вард поспешил заверить его, что ни о чем противозаконном речи не идет.

— Я… ученый, — сказал он. — И провожу

эксперимент. Но финальная часть должна завершиться в море, иначе никак. Что касается оплаты — вот.

Вард выложил на стол почти всю наличность, что прихватил с собой, оставив лишь полдесятка монет на обратную дорогу.

«Если она случится», — пронеслась неприятная, но неизбежная мысль.

Билл тем временем подсчитал сумму, лежащую на столешнице, довольно хрюкнул и смел монеты в широкий карман прямо со стола.

— Готов сейчас плыть? — прикончив пиво, осведомился он.

— Это было бы замечательно, — сдерживая рвущуюся наружу радость, ответствовал Вард.

— Тогда пойдем.

Они вышли на улицу, вдохнули влажный осенний воздух и зашагали к докам; те располагались неподалеку.

— Парень, а поподробнее не расскажешь, что за эксперимент? — заговорил по дороге Билл.

— Да пока… нечего рассказывать, — ушел от однозначного ответа Вард. — На месте все увидите. Если получится.

— Темнишь. — И капитан выразительно глянул на Варда.

— Да нет.

— Нет, темнишь. Впрочем, ты заплатил, я плату принял и слово брать назад не собираюсь. Отвезу тебя в море, чтобы ты занялся своими научными изысканиями или чем там… Дело в другом: очень уж ты скованно держишься, даже для ученого. Я всяких перевидал, и, откровенно признаться, ты самый загадочный тип из тех, кого мне приходилось встречать.

Билл подождал, однако Вард ничего не ответил. Тогда, достав из нагрудного кармана трубку, капитан закурил.

Через некоторое время впереди показались мрачные и пустынные, темно-серые на фоне надвигающегося вечера, доки. Корабли разных форм и назначения встретили пешеходов молчаливым приветствием, покачивая резными носами на бьющихся о пристань волнах.

— Наш — вон тот, — указал Билл.

Средних размеров корабль с именем «Оседлавший ночь» находился в самом дальнем углу доков. Подойдя к нему, Билл спустил трап, поднялся на палубу, проследил, чтобы и пассажир успешно взошел, и трап убрал.

— Подожди, скоро отчаливаем, — оповестил капитан, занимаясь приготовлениями перед

отплытием.

В ожидании Вард сел на палубу и, стараясь не обращать внимания на раскачивающееся под командами капитана судно, снял с плеча сумку. Осторожно оглянувшись, открыл ее, достал толстый фолиант и, положив на колени, распахнул на странице с закладкой. Перечитал про себя выученный наизусть текст, закрыл книгу, мысленно повторил прочитанное и, довольно кивнув (опасаться того, что книга потеряется, не надо!), вернул толстый том обратно. Как раз вовремя: в ту же секунду раздался оклик капитана «Отплываем!».

— Хорошо! — громко бросил Вард, поднимаясь на ноги и подходя к Биллу.

Они стояли у штурвала: Билл — за рулевым колесом, Вард — поблизости. То покато скользя, то плавно поднимаясь и мягко шлепаясь на воду, «Оседлавший ночь» отправлялся в сгущавшийся над морем мрак. Зажигались звезды.

— И что, парень, — не отрываясь от управления судном, заговорил капитан, — я так-таки больше ни слова из тебя не вытяну?

— Насчет эксперимента? — уточнил Вард.

— Угу.

— Скоро увидите… надеюсь.

Заинтригованный, Билл тяжко вздохнул.

— Ла-адно. Далеко хоть править?

— Пока пристань не скроется из виду.

Билл выразил понимание кивком и вдруг решил внести ясность:

— А ты нормальный вообще? Держишься скованно, ведешь себя странно, отмалчиваешься… Что у тебя в сумке, если не секрет?

— Не секрет, — эхом откликнулся Вард. — Книга.

— Какая?

— Толстая. И старая.

— Ну что ж… понятно.

Билл снова вздохнул и больше вопросов не задавал.

…«Оседлавший» добрался до нужного места под покровом холодной ночи — холодной даже для нынешнего времени года. Вард счел это своеобразным знаком, о чем, однако же, капитану не сообщил. Вместо этого он обронил: «Здесь», — и двинулся к борту.

— Эй, парень, осторожнее! Не вывались, — предупредил Билл.

Вард крикнул что-то неразборчивое и, с трудом дождавшись, когда корабль замедлит ход, прислонился к мачте, вновь извлек из сумки

толмуд. Корабль тряхнуло, и Вард чуть не уронил обитую кожей книгу в соленую воду. Он выругался, а капитан, сочтя, что у пассажира возникли проблемы, застопорил штурвал и направился к Варду.

— Все в поря… — подходя, начал он, но слова застряли у капитана в горле.

Вард стоял, опираясь спиной на мачту, его одежды трепал внезапно налетевший, все усиливающийся ветер. Сбоку корабля же, увеличиваясь в размерах, поднималась к небу водяная воронка, казавшаяся в ночи черной. Свет далеких звезд играл на гигантской трубе из воды, усиливая ощущение чего-то фантастического, даже фантасмагорического, непредставляемого. А Вард, ни капли не боясь и не глядя на разворачивающееся действо, читал что-то по открытой книге, то ли ломая глаза, то ли произнося заученный назубок текст.

— Черт подери! Что здесь творится?! — в страхе выпершил Билл, отступая спиной назад.

Вард никак не отреагировал — лишь продолжал произносить таинственные, пугающие своей непонятностью слова. Его речь уже начала теряться на фоне шипения трубки из воды, которая прекратила расти и теперь увеличивалась

вширь. Послышался неясный гул, стремительно нараставший, теребящий сознание, давящий на уши. Голос Варда вознесся, усилился и, врезавшись в морскую какофонию, соединился с ней.

Капитан, споткнувшись о канат, рухнул на палубу. В тот же момент корабль тряхнуло и колоссальная водяная труба разлетелась в стороны мириадами брызг, оказавшись вовсе не трубой. Теперь на месте тоннеля возвышалась кошмарная, непредставимая фигура: растекающаяся по пространству, цвета мокрой сажи, с десятками щупалец, словно бы в хаотичном порядке прикрученных к телу, жуткой пастью и горящими адским огнем глазами.

Капитан Билл, лежа на палубе, истово крестился, когда одно из щупалец выстрелило и, обхватив человека за лодыжку, повлекло к себе. Капитан заорал, цепляясь руками за палубу, за канат, и, не в силах сопротивляться чудовищу, в итоге лишь царапал палубу ногтями, ломал ногти в кровь.

Замолчавший было Вард прокричал новое, короткое заклинание:

— Ктулху схатн!

И ужасающая многометровая фигура тотчас оглушительно заревела; ее щупальца взвились

к небу, на которое успели набежать облака, а бездонная глотка продолжала открываться и закрываться, рождая в свете полной луны повергающие в шок картины.

Капитан на четвереньках юркнул за мачту и засел там, прижав ноги к животу, обхватив колени руками и дрожа всем телом.

Он не видел, как Вард, неспешно убрав «Некрономикон» в сумку, подошел ближе к древнему богу и, говоря слова слова очередного заклятия, заставил Ктулху успокоиться. Не стал насмерть перепуганный капитан и свидетелем того, как изо лба чудища, из самого его центра, ударил красноватый луч и, пробив мрачный воздух, вонзился в лоб самого Варда.

А потом все закончилось…

…Рука отложила ручку, положила последнюю страницу в общую стопку, погасила лампу. Затем писатель встал и, расправив затекшие плечи, покинул рабочий кабинет.

Тишина сопровождала Варда всюду, темнота скрывала его силуэт, и тайну, и само имя. Потому что звали его вовсе не Вард.

В напоенной безмолвием комнате на простом деревянном столе лежал только что законченный текст. Такое нельзя придумать — такое можно

только увидеть, не правда ли?

Рассказ назывался «Зов Ктулху».

Декабрь 2014 года

Сергей Капрарь

Родился 20 августа 1990 года в Кишиневе, Мол-

давия. В детстве увлекался приключенческой и научно-фантастической литературой, пока в пятом классе не познакомился с творчеством Эдгара Аллана По. В 15 лет стал читать Говарда Филлипса Лавкрафта. С тех пор тяготеет исключительно к психологическим, атмосферным ужасам. Первые попытки написать страшную прозу Сергей предпринял тогда же, в подростковом возрасте, но они казались ему неудачными, поэтому он забросил писательство на несколько лет.

Окончив 12 классов школы, уехал в Брянск учиться на журналиста. Тогда же вновь вернулся к литературе. К 22 годам в Сергее закрепилась любовь к тягучим, вязким историям, изобилующим экспрессией, декадансом, символизмом и эстетизмом. В эти годы он испытывает сильное влияние таких авторов, как Леонид Андреев, Валерий Брюсов, Александр Грин, Владимир Набоков, Борис Пастернак и малоизвестный современным читателям советский писатель Юлий Даниэль.

После университета вернулся домой, в Кишинев. Работает, в свободное время совершенствуется в английском, занимается спортом и пишет истории.

Сергей уверен, что находится в самом начале писательского пути. Во многом он продолжает вдохновляться произведениями вышеупомянутых писателей и поэтов. *«Я сознаю, что моя проза сегодня довольно интровертна, как и я сам. И потому читателям я предлагаю погрузиться в мой личный ад и коснуться моих собственных страхов. Добро пожаловать!»*

Сонечка

Даже обладая несколькими человеческими жизнями и познавая весь мир в мучительных поисках самого опасного врага, можно понять следующую простую мысль: самый коварный и жестокий враг сокрыт внутри нас. Кто может наиболее дерзким и ужасающим способом воспользоваться моими слабостями, как не я сам? И кто снарядит наиболее хитроумную ловушку для моей души — разве не мой собственный разум способен на подобное злодеяние?

Я оглядываюсь назад, на немногочисленные прожитые годы, резюмируя их и сводя их смысл к общему знаменателю: по всему выходило, что свою короткую жизнь я посвятил изучению и уничтожению духа, поддерживавшего огонь внутри меня. Тщательно всматриваясь в те или иные особенности характера, я тут же бессознательно составлял коварный план, призванный лишить меня того лучшего, за что я еще мог быть оценен; в сгущающемся мороке зла и небытия моя рука тянулась погасить последнюю свечу, безнадежно рассеивавшую призраков подсознания.

Осознав в себе эту тягу к саморазрушению как величайший акт существования, триумф эстетики и насилия над духом, я нахожу вполне логичным, почему судьба свела меня с Сонечкой.

До нее моя жизнь представляла собой жалкий набор дней, сравнимых по вкусу и насыщенности с выцветшими, потускневшими фотографиями, что изобилуют неудачными ракурсами и фальшивыми улыбками. Я жил на старой даче, построенной дедом еще до войны, перебивался случайным заработком и врал себе, что нахожусь в поиске своего пути. Бывали дни, когда я выходил на улицы города и бесцельно бродил весь день, не замечая жажды, голода и усталости. Я жалел о несовершенстве моего тела, неспособного воспринять окружающий мир глубже и точнее, — все из-за скованности и ограниченности пятью чувствами. Иногда, стоя в самой высокой точке города, я окидывал взглядом его одинаковые скучные дома — каменные островки посреди убогих деревьев, душимых смогом и грязью.

Если и существовал воплощенный на земле эдем, то здесь раскинулся его брат-антипод — он жадно ломал человеческие жизни и вечно требовал больше, не в силах утолить садистский

голод.

Как же сильно я ненавидел этот город той зимой!

Покрытый всюду то ли грязным снегом, то ли снежной грязью, весь в разводах луж и истерически вздернутых к небу пальцах веток — словно деревья безмолвно молились, — город жевал мои тело и душу, пытаясь найти слабое место и одним мощным движением переломить меня. И тогда я столкнулся с Сонечкой.

Я стоял, привычно погруженный в собственный ад размышлений, ожидая зеленого светофора. Память сохранила и назойливую мысль, не отпускавшую меня в тот момент. То было твердое намерение смириться с одиночеством, преследовавшим меня всю жизнь, посвятить себя творчеству — писать, пока дышу, больше, чаще, совершеннее, оставить след, прочертить его на челе мироздания и уйти в небытие замеченным — неоцененным, непонятым, непринятым — не имело значения. Мои рассказы заменили бы мне детей и внуков, моя призрачная муза — единственную любовь, преданную мне дыханием, телом, всем своим естеством. И, переживая апогей этой мысли, я словно с разбега вошел в холодные воды негостеприимного

омута, замедлившего восприятие действительности: на другой стороне стояла Сонечка, посреди снующей массы человеческих тел, не видимая никем, почти бестелесная, невесомая, хрупкая, как наваждение, бледная, словно призрак давно ушедшей мечты, в легком белом платье, Сонечка, с глазами, пробуждавшими невыносимое и сладкое страдание, — и они смотрели на меня. Жить, любить, погибать и возрождаться — с ней одной, рядом, и ничего больше — мой мир сжался до размеров Сонечки, обрел ее черты, ее мягкую полуулыбку, ее маленькие пальчики и густые волосы.

Сонечка говорила мало: туман в голове не дает вспомнить, как и почему мы стали жить с ней вместе. Казалось, что все происходило согласно своей скрытой логике, никому не видимой, кроме нас с Сонечкой. Она бродила из комнаты в комнату, иногда исчезая вместе с утренним солнцем, но неизменно возвращаясь с первыми сумерками. Я никогда не спрашивал ее, куда она ходит — да и мне было все равно. До ее прихода у моего обиталища не было души: я копошился в его останках, подобно трупоеду, паразитируя, пользуясь его защитой и теплом, но Сонечка вдохнула в него свою чарующую искру, а потому

каждый день внутренняя обстановка постоянно видоизменялась, подчиняясь воле новой хозяйки. Но я не мешал моей радости вносить частичку себя в это жилище — с детской наивной улыбкой и бесконечным обожанием в глазах я смотрел на мою Сонечку и не в силах был противиться ее таинственной, неумолимой силе.

Навсегда останется в памяти наша первая с Сонечкой ночь — я не переставал удивляться той легкости, той неосязаемости, словно в своих объятиях удерживал я лишь бесплотную мечту — хрупкий сон, едва коснувшийся моего сердца. И вместе с тем той же ночью другое чувство не давало мне покоя, и я напрасно тогда интерпретировал его не так, как следовало, но сегодня оправдываю себя тем, что был сражен удивлением: когда наши с Сонечкой тела слились в единое целое — так ярко, сильно и неотвратимо, — я даже перестал осознавать себя как нечто отдельное от того существа, в которое мы с Сонечкой претворились. В ту ночь я уснул, убаюканный приятной усталостью, и Сонечка ласково гладила мои волосы и молчала, а в том молчании можно было усмотреть гораздо больше, чем в ином множестве мудрых слов.

Стоит ли говорить, как велико было мое сча-

стье, сколь полной и прекрасной казалась мне жизнь на первых порах? Я черпал силы и вдохновение в окружающей действительности, а мои чувства были настроены на восприятие прекрасного даже и в самых малых формах его проявления; шел ли весенний утренний дождь, звонко и победоносно провозглашая свое присутствие, спал ли старый пес, согревая куцым телом беззащитных щенят, сталкивалась ли со мной незнакомка в парке, пока я по привычке бродил по аллее, полностью погрузившись в свои трогательные грезы, — во всем усматривал я если не великий Божий Промысел (ведь я не в силах похвастаться истовой верой), то некую непознаваемую тайну, намекавшую, сколь много прекрасного сокрыто в ткани бытия — протяни к нему руку и ощути его нежное родительское прикосновение, его бесконечную благодать! Однако я не мог не заметить и тревожной тени, чье присутствие угадывалось лишь до предела напряженным шестым чувством. Я, будучи безмерно опьянен долгожданным счастьем, отмахивался от него, пренебрегая настойчивым предупреждением. Но я видел — опять же, не глазами — ту смутную угрозу и не мог предугадать ни того, в чем она состоит, ни от кого или че-

го исходит. И всякий раз, когда я покидал дом для очередной прогулки и наслаждался той радостью, что простиралась передо мной, краем глаза или, быть может, краем сознания я выхватывал неуловимых призраков, внушавших тревогу тем сильней, чем явственнее я понимал, что местом своего сосредоточения они избрали наше с Сонечкой жилище.

И в самом деле, день ото дня мой дом претерпевал ускользающие от пытливого взгляда изменения — с новой силой я пропускал через себя воспоминание: *до Сонечки* я воспринимал дом не иначе как тюрьму. Вскоре я уже возвращался после прогулок с меньшей охотой, хотя и не находил тому объективных причин. Работа над новыми рассказами приостановилась, а присутствие Сонечки не только перестало вдохновлять меня, но, напротив, внушало теперь безотчетный и даже неуместный страх.

Не припомню уже, в какую из ночей, когда в нашей округе становилось непривычно тихо, а по комнатам сквозь старые щели сновали любопытные и докучливые сквозняки, я видел один и тот же повторяющийся кошмар, и не было во мне достаточно сил, чтобы прекратить его и проснуться. Нет, моему сознанию словно на-

шептывали безумный сценарий сновидческого действа, а я исполнял лишь роль марионетки в руках неведомого, но ощутимого зловещего кукловода. По его черной воле я направлялся во сне к пещере, один вид которой повергал душу в неизъяснимый трепет: я чувствовал внутри тьмы некое безымянное, безликое и бесформенное зло и его неутолимый голод — оно жаждало изведать моей плоти. Мне грезилось, как стенки входа жадно раздвигались, а сверху набухал отвратительного вида неизвестный нарост, тошнотворно колыхаемый конвульсиями. Ноги неумолимо несли меня к пещере, и всякий раз отвращение от прикосновения к ее влажным, липким, неестественно мягким стенам, будто рука касалась вовсе не каменной поверхности, пробуждало меня ото сна. Но даже и бодрствуя, я не мог забыть страха — той тревоги, что в глубине пещеры сокрыто нечто ужасное.

Долгое время я не замечал перемен, происходивших в Сонечке, и виной тому, конечно же, моя собственная слепота. Но все же от меня не укрылась явная связь между этими переменами в ней и метаморфозами, которые претерпевало не только мое отношение к Сонечке, но и я сам. Чем сильнее я усматривал пугающую взаи-

мосвязь наших изменений, тем могущественнее был страх внутри меня, разбавленный, однако, мучительными противоречиями. Я любил ее, я не чаял в ней души и к ее ногам готов был сложить всякое бесценное сокровище этого мира, принести в жертву все святое, что есть на земле, — ведь я так боялся потерять Сонечку! Но ее внутреннее существо, вся ее суть, пропитанная непознаваемой инаковостью и рожденная, безусловно, в загадочном и далеком от самых смелых человеческих представлений иномирье, — все это провоцировало тот ужас, изначальную природу которого я тщился опознать. И если сперва Сонечка, молчаливая, тихая, словно вочеловечившийся ангел-хранитель, была для меня манящей тайной, то теперь ее очевидная инородность по отношению к нашему материальному миру лишь сильнее отталкивала меня. Природа наших с Сонечкой взаимоотношений получала даже и заметное внешнее проявление — в тех самых изменениях, о которых я намекал выше. Сначала я слепо отвергал любую мысль о них, но ощутимый упадок физических и душевных сил, игнорировать который было бы верхом недальновидности, заставил меня задавать себе вопросы не самого приятного свойства. И я

спрашивал себя: почему моя Сонечка из едва осязаемого, буквально воздушного создания претворялась в существо сильное, полное жизни и (неужели я вынужден это признать?) *приземленное*, наполненное в то же время чем-то глубоко неправильным (*порочным? грязным?*), что сначала расценивал я как пикантную деталь в богатой палитре ее внутреннего мира, но теперь… И почему я после молниеносного душевного подъема, могучего глотка новой прекрасной жизни стремительно падал, и тонул, и задыхался в неуловимой тьме, но что важнее — почему мое собственное тело теперь мнилось мне неподвижной тонкой скорлупой, вот-вот готовой треснуть и разойтись, обнажая беспомощный дух перед лицом жестокого, неименуемого зла? Минуты близости с Сонечкой — я жаждал их и боялся их! — не могли теперь избежать пугающей ассоциации с *насилием*, когда вновь терял я осознание своего существования, а Сонечка — Сонечка *впивалась* в меня, брала в плен мое тело, а с ним — и душу, и пила, пила, пила все то, кем я был; в ее оплетающих объятиях я таял и дух истончался, оставляя лишь немощный хребет, а Сонечка, если бы только того пожелала, могла с легкостью переломить его одним усилием воли.

Я по-прежнему засыпал в ее руках, отдавая себя во власть ласки, но теперь чувствовал, что эта ласка дается жестокой ценой, — и все равно не мог отказаться от губительного наслаждения.

Я мог бы прогнать от себя Сонечку, мог бы обрести свободу, заставить мою любовь уйти, исчезнуть, забрать с собой всякое милое сердцу воспоминание, исполненное сентиментальной и чувственной поэзии. Но сама мысль о расставании с Сонечкой вызывала во мне необоримую слабость — и я падал без сил, без эмоций, без желаний, пренебрегая теми остатками души, которыми располагал, — падал в ее объятия, снова и снова, и благодарил Бога за то, что наградил меня ею, и проклинал дьявола — по той же причине. Слишком поздно я догадался, что эту душевную слабость, эту неспособность собрать всю свою волю воедино привила мне Сонечка: она прокляла меня презренной немощью, разрушила меня с той мучительной неспешностью, с каковой в старые времена умирали тысячи и тысячи посаженных на кол жертв, чьих имен не сохранила ни человеческая память, ни история. Так же медленно погибал я — безвестный, едва ли вспоминаемый немногочисленными старыми друзьями, и конец мой был неминуем,

как и у всего, что не вечно в нашем мире.

Мой дом теперь был ее домом, а я — не более чем тенью былого себя. Но даже и тогда свет надежды не угас во мне окончательно. Я стремился к свободе с той решимостью, которой еще обладал. Моя мысль отчаянно работала и цеплялась за любую тростинку, лишь бы я не тонул в сладком и ужасающем омуте Сонечки. Я понимал, что в одиночку не справлюсь с зависимостью, и когда в очередной раз увидел себя в зеркале — бледный, бесплотный дух, в чьих глазах едва угадывался пульс жизни и только слабый намек, что в стекле отражался человек, еще не мертвец, — тогда я решил обратиться за помощью к друзьям.

То был сияющий миг победы: под покровом густого тумана, раскинувшегося ранним апрельским утром, я ушел из дома и вместе с горсткой друзей отправился за город, к природе, чей оживляющий воздух был так мне необходим. И чем длиннее становилось расстояние до Сонечки (*прости меня*), тем больше была радость, сильнее упоение от пьянящей свободы, когда душа вновь предоставлялась самой себе, а судьба — моей воле. В тот день мы много рыбачили, пили, жгли костер и предавались веселью; я чувствовал себя

обновленным, восстановленным — и живым. И когда перестали тлеть последние угли, а голоса устали петь под гитару и вместо них затянули свою песню беззаботные сверчки, мы улеглись спать по палаткам, хотя вскоре я переместил свой спальный мешок наружу, чтобы уснуть под защитой седых звезд.

Но как только я остался наедине со своей свободой, меня обуял настолько мощный в своей иррациональности ужас, что после не приходилось и удивляться, почему я спешно собрал свои вещи и, будто подгоняемая призраками затравленная жертва, поспешил прочь от друзей — через ночной лес, сквозь цепкие деревья и едва ощутимый холод, быстрей и быстрей. Я летел к Сонечке, я хотел к Сонечке, хотел и не мог отпустить ее, спешил еще быстрее, боясь не обнаружить ее дома, боясь уснуть в невыносимом одиночестве, которое ненавидел всю жизнь. Я оказался слишком слаб — Сонечка по-прежнему удерживала меня незримыми оковами. И хуже то, что я страстно желал этого плена и теперь уже не мыслил жизни без него; лишь в той несвободе, которую подарила мне любовь, я чувствовал внутри гармонию, я был тем, кем должен быть, и вся моя внутренняя суть,

мечтавшая лишь о саморазрушении, ликовала от того, что мечта исполнялась.

Я явился домой под утро — выйдя из леса к дороге, мне удалось поймать пару попутных машин, а потому я добрался относительно быстро, хотя, признаюсь, ожидание в пути было невыносимым. Я буквально влетел в прихожую и не глядя покидал свои вещи куда попало, стараясь поскорее раздеться. А потом я бежал в гостиную, чувствуя нутром, что там меня ждут, — и не ошибся. Моя Сонечка сидела в кресле, глядя перед собой, не выражая ни злобы, ни радости, — сидела, словно затаившийся ночной демон в ожидании обреченной души. И я со стоном припал к ее ногам, покрыл поцелуями ступни и со слезами попросил прощения; я был червем, извивающимся перед ликом своего повелителя, своего Бога, и я молил о Его милости, о Его (*Ее*) благословении и любви, без которой мое тело тут же исторгло бы жизнь из слабеющих объятий. И не выразить словами той смеси ликования и ужаса, когда рука Сонечки коснулась меня и погладила голову: я закрыл глаза и заплакал от счастья. Я был прощен и принят обратно!

С того дня я уже никуда не убегал от Сонечки, и она безнаказанно *пила* меня каждую ночь. Я хи-

рел день ото дня, но уже не в моих силах было что-либо предпринять: ночи с моей любимой остались единственной, пусть извращенной, но радостью. В своих снах вновь и вновь я возвращался в пещеру, терпел ее неистовое зловоние и продвигался каждый раз глубже и глубже, аккуратно ступая по отвратительной влажной поверхности. Своды пещеры порой содрогались, словно предвкушая конец моего пути, где меня поджидал невыразимый бесформенный кошмар. Я не мог дать ему имени, не мог вообразить его воочию, и эта неизвестность заставляла меня цепенеть. Когда до столкновения с ужасом оставалось совсем немного, я с криком вырывался из липких лап сна и часто-часто дышал, долго не приходя в себя от увиденного.

Я уже был жалкой и безвольной пылью, когда в один день Сонечка подошла ко мне, молча взяла мою руку и приложила к своему животу: внешне я не смог выразить ни единой эмоции при катастрофическом отсутствии каких-либо сил, но внутри все во мне затрепетало, пришло в хаотичное движение. Когда я ощутил рукой толчок, сознание пронзила сильнейшая вспышка узнавания, будто существо внутри Сонечки было мне знакомо. Она ничего не говорила и только

улыбалась мне, а лицо мое все так же ничего не выражало, и лишь глаза округлились от испуга, выдавая меня с головой.

Я тщетно клялся себе, что убью Сонечку, но к действиям, естественно, так и не смог перейти. Меж тем ее живот рос быстро, чудовищно быстро, чему я даже не удивлялся — ни одна эмоция мне не принадлежала, все было выжато Сонечкой подчистую. Я не ужаснулся и тогда, когда она позвала всех моих друзей в гости и щебетала, как это будет чудесно и хорошо, если они навестят нас.

Она пылала жизнью — моей жизнью — и была безупречна в роли хозяйки. Стол ломился от разнообразных лакомств, вокруг царила атмосфера непринужденного радушия, а я — я лишь безмолвно наблюдал. Сонечка очаровала их всех: они пожирали ее глазами, совершенно не обращая на меня внимания. В их взглядах читалась безоговорочная любовь — настолько сильно мои друзья были одурачены. Безумный пир, в котором гости старательно не замечали болезненного, будто умершего за столом хозяина, длился целую вечность: я не мог плакать от бессилия, лишь смотреть, как вслед за мной мои близкие шагали, не колеблясь, в пустоту и та жадно пожирала

новые души.

Я обводил взглядом присутствовавших, примечая их тупую, покорную любовь, адресованную Сонечке, когда она взяла меня за руку и улыбнулась; наши глаза встретились: ее были спокойны, скрывая внутри едва угадываемое коварство, в моих же путались удивление со страхом. Предчувствие недоброго не подвело меня: Сонечка молча раздвинула ноги и исторгла нечеловеческий по своей природе вопль, от которого сердце мое едва не остановилось. Я знал, знал, что это должно было случиться, и не мог кричать, не мог остановить — не мог проснуться, хотя и понимал: вот он, вот он, бесформенный кошмар, что поджидал меня во тьме пещеры, он рвался на свободу, и его крик соединился с криком Сонечки. Последнее, что я видел, — медленно изменяющиеся лица моих друзей, сквозь рабское обожание проступали изумление, и ужас, и осознание неизбежного. Я закрыл глаза свободной рукой, не желая выносить разворачивающегося зрелища, но я слышал, я ощущал все вокруг. Эти звуки и ощущения подстегивали мое воображение, наполняя его картинами всесокрушающего кошмара, но реальность, безусловно, была куда более отталкивающей. Я дрожал, и комнату наполнили

крики и смерть — извращенное порождение нашего с Сонечкой союза беспощадно уничтожало моих друзей; крики слились в один всеобщий вопль, вокруг царил хаос, и жестокая расправа настигала каждого, терзая плоть и обнажая внутренности. Я дрожал, но держал глаза закрытыми, и лицо мое оскалилось, едва удерживая хрип, а от стен отражались отчаяние, и зловоние, и ликование нечестивого ужаса, жующего невинных жертв во славу неутолимого голода. Они все были мертвы. Моих ступней коснулось что-то жидкое, и вероятно, то была кровь — я с содроганием подтянул ноги к груди, все еще не открывая глаз. Теперь я слышал только голос, твердивший мне: «Ты достиг чего хотел, ты уничтожил их, ты уничтожил все!» А затем он засмеялся, и тогда я понял, что то был мой смех и мой плач. Я трясся всем телом, не переставая смеяться, пока шаткое сознание скользило к краю пропасти, в недрах которой безумие уже ожидало моего падения. И я соскользнул вниз, когда Сонечка заключила меня в холодные, пропитанные смертью объятия и тихо промолвила возле уха:

— Милый, я сегодня очень устала. Давай ложиться, завтра все уберу.

Наслаждение
Исповедь смиренного Божьего раба

Никогда не знаешь, когда прошлое может настигнуть тебя. Подобно незваному гостю, оно стоит во мраке дверного проема, скрестив на груди руки, и немигающим взглядом смотрит тебе в спину, ожидая, когда холодный укол пронзит сердце и ты нехотя обернешься назад. И тогда с новой силой воспоминания, обретающие физическую форму, охватывают тебя, сковывая движения и лишая возможности сбежать. В звенящей тишине ты смотришь в глаза призракам, безмолвным и эфемерным, лишенным того осуждения, что ты ожидал. Напротив, их лица безучастны к тому, что ты испытываешь, и безразличие это пугает еще сильнее и душит умоляющий крик, зародившийся было в горле. Я слишком слаб. Господь отвернулся от меня. Минуло десять лет; я смиренно молил о забвении, но прихотливая и неподатливая память издевательски сохранила каждую деталь в нетронутой достоверности. Я в мельчайших подробностях помню лето 2003 года, и, по всей видимости,

только смерть отделит мое сознание от гнетущих воспоминаний.

Мое имя затеряется в лабиринтах времени, обо мне не вспомнит ни одна живая душа. Лишь история имеет значение, и мне осталось ее рассказать.

Я ценил их обоих, моих университетских друзей, Сашку Игнатьева и Лию Ушатову, — ценил каждого по-своему. Сашка — замечательный рассказчик, вечно улыбчивый и неунывающий, весь исполненный живой энергии, заряжающей всех вокруг. Можно было часами слушать его рассказы, но самое важное — он был надежным и преданным товарищем. Лия импонировала мне сочетанием несовместимых на первый взгляд качеств, присутствовавших в ее характере в идеально выдержанных пропорциях. Ее цепкий ум соседствовал с необоримой ленью, озорной нрав — с серьезностью жизненной позиции, лихая бесшабашность — с непрошибаемой стеснительностью. Для нас с Сашкой она была девчонка что надо, так что мы все трое отлично ладили.

Как вы понимаете, подобное счастье недолговечно и полагать или надеяться на противоположное — непозволительная роскошь.

Рано или поздно наш поезд товарищества должен был сойти с рельсов, неизбежно приведя к катастрофе. Не нужно гадать о вероятностях или предполагать случайности — внезапная любовь являлась вполне прогнозируемым фактором, а ее последствия мог бы предсказать любой человек, обладающий ясным мышлением.

Мы с Сашей безнадежно влюбились в Лию; Лия в итоге выбрала моего друга. Я и сейчас помню день, когда их отношения вышли на новый уровень, а мои опасения из области предположений перенеслись в область очевидного. Их счастье отдавало болью в голове, в сердце, в душе; их смех оглушал меня раскатистым громом; их чувства, каждый день их встреч заряжал воображаемый пистолет новой пулей, а та в свою очередь с гулким выстрелом жадно вонзалась мне в висок. Эти дни отпечатались на языке терпким портвейном, размазались и растеклись, вымоченные в обильных слезах, тайных и никем не виденных. Для окружающих ничего не изменилось в моем поведении: я сохранял сдержанную радость за друзей, всячески пытаясь как можно спокойнее пропускать мимо ушей шутки по поводу нашего мнимого любовного треугольника — мнимого для всех, кроме меня. Саша с Лией ни о

чем не подозревали, а я в своих мыслях, пустых и никчемных, представлялся себе жертвенным агнцем, ушедшим на заклание во имя счастья других. Моя жертва была тем значительнее, что являлась тайной, не оцененной другими. Пролистывая страницы прошлого, с тоской я понимаю: я вел себя как самый настоящий дурак.

Безответная любовь — яд, существующий взаправду, и врачам бы стоило всерьез задуматься о том, чтобы классифицировать его как токсин — он явно смертоноснее некоторых из них! Восемь месяцев, девять дней, семь часов (приблизительно) прошло с начала моего кошмара, когда наступило жаркое, липкое лето, предвещавшее разлуку с друзьями — долгожданную и нежеланную в равной степени. Все это время мое сердце в изобилии цедило смертоносную отраву, из-за которой душа атрофировалась и стала безразличной к самой себе. Я носил в себе гнойник, с которым не желал расставаться, а боль при каждом его неосторожном вскрытии теперь была неотделимой частью моей сущности. Я не мог представить себе никакого выхода. Более того — не хотел: я так сильно любил Лию — и так сладостно ощущал ничтожество внутри себя, жалкое, глупое, презренное, не отпускаю-

щее желание линчевать себя! Я гнил изнутри и улыбался своему страданию разлагающимися губами, зная, что не заслуживаю ничьего снисхождения или понимания. Прояви ко мне кто-либо сочувствие, он бы скорее замарал себя моим внутренним миром — зловонно-грязным болотом, где смерть и любовь плакали в обнимку, как пьяные старые подружки.

Да, так я встретил то лето: Саша и Лия уезжали в родной Мглин, предоставляя меня самому себе. Я мог спокойно воспринимать их обоих рядом, под присмотром, под якобы контролем, жадно пытаясь припасть губами к их недосягаемому счастью, но, находясь в другом городе, далеко от меня, они лишали меня и этой ничтожной нити, связующей нас.

Теперь же я усматриваю в этом усмешку Господа, которому усердно посвящаю свои тело и душу. Я пытаюсь уверовать в Его любовь, но, возможно, ненависть к себе не дает мне этого сделать, или же все дело в том, что я так и не сумел очиститься от жалкой, мазохистской любви к одиночеству, которое делало меня таким исключительным, значительным в собственных глазах. Винить Бога или слепой случай? Решать вам: в конце июня ребята позвонили

мне и предложили пройти университетскую практику с ними. Сложно забыть этот разговор, возбудивший во мне множество неоднозначных эмоций: «Привет! Как поживаешь? Давай с нами в Тещу махнем!» (бодрый, приятный Сашин баритон, как же ему сложно в чем-то отказать!), «Приезжай обязательно! Ждем!» (ее, ее голос!), «Да, в Тещу, чего смеешься? Через е, а не через ё!» (не Лия, Саша, чтоб тебя, дружище…), «Иначе я обижусь!» (Лия…). Я не мог отказаться — это была решимость, вскормленная обреченностью и пропитанная желанием видеть, слышать, чувствовать невыносимую боль, ведь с ней — я чувствовал себя живым, становился тем мотыльком, что родился для пламени, терпеливо ожидавшего своей жертвы.

В Тещу мы собрались на диалектологическую практику: будучи студентами-филологами, мы должны были общаться с местными, преимущественно почтенного возраста, и собирать диалектизмы — слова да местные выражения. Иначе говоря — скука смертная, а для нас, людей далеких от науки и от диалектологии в частности, это предприятие и вовсе казалось делом бесполезным.

Как я и думал, Теща оказалась жалким умира-

ющим поселением, безвольной жертвой разлегшейся в паре десятков километров от Мглина. Ее дни уже были сочтены, но несколько жителей еще оставалось — им либо некуда было уезжать, либо вовсе не хотелось. Второе относилось в основном к старикам, чей интерес составляло лишь доживание последних лет на бренной земле, на родной земле, а потому склонить их покинуть дом не представлялось возможным. Множество домов Тещи пустовало и пребывало на различных стадиях разложения. Заброшенные, неухоженные участки выглядели уныло, словно все их разом поразило проклятие. Причины запустения, впрочем, достаточно прозаичны — разруха девяностых не знала жалости, особенно к слабым. В шестидесятые в Теще занимались рыболовным промыслом — в начале нулевых здесь остались одни только грязные, уродливые руины, лишенные собственной памяти и предназначения.

Не знаю, о чем я только думал, согласившись приехать сюда — преследовать Сашу и Лию, словно полночный призрак, — безумие! Разговоры с местными ради выполнения никчемной работы грозили мне пустой тратой времени — а я это ненавидел. Настоящее наслаждение я получал, отлучаясь на уединенные прогулки по лесу,

застывшему в вековой дреме вокруг Тещи. Он потихоньку завоевывал назад свои земли — жителям же уготовано было лишь забвение.

Я любил листву старых деревьев, сверкавшую изумрудами в лучах страстного полуденного солнца. Мне нравилась симфония леса, лишенная ритма, но полная мощной внутренней жизни: я сливался с криками птиц, хрустом веток, стрекотом любопытных насекомых, влажным ковром трав, хозяйничавших на полянах, запахом мхов, то тут, то там облепивших мощные стволы деревьев. В размеренной, почти недвижной пустоте лесного инобытия я терял связь со всем человеческим, отделял от себя невзгоды того, другого мира, что за окраиной леса. Однако, освобождая дух от тягот обыденной жизни, обнажая изнанку своего внутреннего существа, я находил не желанное забвение, да и не смысл сущего. Мне открывалась истина, которую я отчаянно хоронил в потаенных местах души, — я видел улыбающихся Сашу и Лию, таких солнечных, таких невозможных в своем счастье, и черное желание коснуться их своими недостойными руками, дотронуться — разок! — до их блаженства, взять немного — малость! — себе — все это лишало покоя, провоцируя лишь рождение тщательно

удерживаемой ярости. Как же я их ненавидел! И как сильно я желал подарить Лии хотя бы малую толику счастья — такого, в котором она бы нуждалась!

Все указывало на то, что меня ожидали две недели бессмысленных мучений благодаря моей бестолковости. Мы поселились у Сашиных дальних родственников, тро-, а то и четвероюродных дяди и тети, а первые четыре дня употребили на банальную чепуху. С местными говорили мало, нехотя, не заботясь о выполнении задания. Иногда ребята отлучались под каким-нибудь предлогом — то высмотреть что-то, то в пруду поплавать, то якобы поспать (спать-спать-переспать!). В такие моменты боль напалмом выжигала изнутри плоть, но снаружи я лишь улыбался и понимающе-пошло подмигивал Саше. Внешне холодный и равнодушный, я раз за разом умирал и возрождался, восстанавливая свой разрушенный мир, ожидая, как Прометей, следующей нестерпимой пытки.

Однажды, правда, все переменилось. В пятый день нашего пребывания в Теще мы познакомились со слепой старухой, бывшей фельдшерицей, о которой говаривали, что она давно рассталась со здравым умом. Именно такое впечатление

она и произвела на нас в первый раз, однако рассказ ее, не лишенный сверхъестественных деталей, на тот момент обманчиво неуместных, показался нам стоящим внимания. Старуха знала многое, и чувствовалось в ней сожаление об определенных воспоминаниях — ею двигало желание расстаться с ними, но она могла лишь облегчить ношу, разделив ее с нами — единственными, кто готов был выслушать невероятную повесть.

В войну в Теще жила женщина, чье имя было стерто из людской памяти впоследствии, а потому нам троим стало известно лишь, что она работала учительницей, была замужем и жаждала иметь ребенка. Однако муж ее погиб едва ли не в самом начале войны, а вдову немцы чуть не убили. Она выжила и, как говорили, крепко спуталась с офицерами вермахта, потому солдаты ее не трогали, а местные люто возненавидели. Ей приходилось оправдываться, что она выпрашивала для тещинских еды и одежды, жертвовала своим телом ради односельчан, но люди скоры к расправе, а не к милосердию. С окончанием войны вдова избежала расстрела; неизвестно, что уберегло ее, и говаривали, что она забеременела от одного из нацистов, хотя утверждала

иное. Так или иначе, но трогать ее, беременную, не стали, предпочли заняться насущными делами — восстанавливать разрушенное. А вдову заклеймили позором и подвергли своеобразному остракизму. Что и говорить, жить проклинаемой одиночкой в маленьком поселении — незавидная участь, а кроме того ребенок так и не родился — выкидыш едва не убил несчастную, и местный врач с большой неохотой и презрением принял истекающую кровью женщину. Она выжила, пыталась уехать из Тещи, но в итоге у нее не оказалось возможности сделать это.

Прошло несколько лет, она все еще оставалась узницей в родном поселении, гонимая и проклинаемая. И однажды случилось следующее: несколько местных мужланов, напившись до беспамятства и войдя в пьяный раж, вломились к вдове и жестоко над ней потешились. Никто не стал ее защищать — тещинские будто не заметили произошедшего. А вдова тем временем в результате этого бесчеловечного насилия забеременела вторым ребенком. Она балансировала на грани между рассудком и безумием, и было неясно, как ей удавалось выживать в таких немыслимых условиях отчуждения и презрения. Сегодня я спрашиваю себя: зачем Господу причи-

нять человеку столько зла и есть ли в том смысл? Сказано, что если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас. Но сострадание к чужой боли не дает спокойно принять зло и не утешает меня самого — мог ли Господь, вера в которого не всегда незыблема у каждого из нас, утешить эту женщину Своей любовью? Не знаю, ударов для нее еще достаточно было уготовано — так, она не смогла выносить и второго ребенка. И даже тогда ей не выказали снисхождения — напротив, говорили, что поделом ей и плевали в лицо при встрече. Забавно, что деревенские и сельские жители, более религиозные в массе своей, нежели городские, хранящие у себя дома по несколько икон и усердно молящих Бога о прощении, забывают дарить таковое своим ближним за их грехи. И больше им по душе воздаяние и поспешный кровавый суд.

После второго выкидыша вдова не смогла оправиться: искалеченная морально и физически, она ушла в лес, предпочтя отдать свою судьбу в руки Всевышнего. Но путь ее на этом не закончился; спустя короткое время в Теще заговорили, что она поселилась на одной из лесных полян, известных своей дурной языческой славой, и, к удивлению жителей, проживала теперь в неиз-

вестно кем построенном деревянном домике, аккуратном и ухоженном. Старики крестились, упоминая то место, и ни под каким предлогом не ходили туда. Молодые же обормоты, привлеченные манящей тайной, решили разведать и разузнать, в чем секрет вдовы, но возвращались они отмеченные глубокой печатью мрачного молчания — что-то тяготило их, не оставляя в покое. Долгие годы люди, следуя своей немудреной природе, и игнорировали ненавистную женщину, и гадали о том, какую жизнь она ведет. Фельдшерица не могла теперь точно сказать, когда в сознании деревенских проклинаемая вдова обрела черты ведьмы, внушающей страх. Различные слухи ползли вокруг ее обиталища, подогреваемые редкими вылазками смельчаков и дураков — все они в течение времени менялись, спешно покидая Тещу, будто спасались от чумы. И совершенно непонятно, когда и каким образом вдова забеременела в третий раз: кто-то из жителей однажды заметил ее на лесной поляне, задумчивую и отстраненную от внешнего мира, с округлым животом под бедной одеждой. Время шло своим чередом, и, когда, казалось, ведьма должна была родить дитя, она исчезла в своем зловещем доме. Кривотолки о ее жизни

не утихали, любопытство не угасало, но узнать что-то новое не удавалось в течение долгих лет. Все стремительно изменилось в один день, когда несколько ребят решили сходить к дому ведьмы, на тот момент почти полузабытому. Их ужас нельзя было передать словами: там, в глубинах проклятого логова, рождавшего вместе со своей хозяйкой самые разные жутковатые слухи, молодые люди обнаружили двух существ, едва ли похожих на людей. Преодолевая отвращение, ребята сумели разглядеть в двух комках плоти жестоко истерзанную ведьму и чудовище, соединенное с ней пуповиной, восседавшее на груди своей жертвы и рвавшее на куски ее тело, — и тем сильнее была мерзость монстра, чем яснее угадывалось в нем сходство с человеком, изуродованным давно не упоминаемым архаическим злом, пропитавшим собой все место. Испуганные и взбешенные жители Тещи, узнав об этом, сделали то, на что единственно были способны: не пытаясь разобраться и проникнуть в суть загадочных событий, они решили сжечь дом, дабы, как им казалось, очистить землю от присутствия дьявола. И не могли они спокойно наблюдать сожжение и слышать предсмертные вопли еще живого запертого существа. А когда

увидели, что жилищу ведьмы нипочем жестокое пламя, то и вовсе ужаснулись и в страхе бежали к родным очагам молить Бога о спасении душ, а долгий и тревожный покой, воцарившийся в Теще, был воспринят ими как знак Его благоволения. И хотя разговоры о погибших не велись, некоторые не переставали думать о матери, пораженной безумием — безумием, породившим желание никогда не отпускать единственное выжившее дитя, оставляя самую физическую связь с ним посредством пуповины даже и после родов, всю его короткую жизнь. Рожденное в искалеченной сумасшествием любви, оно выросло злобным и жестоким — а как иначе можно было объяснить его желание убить собственную мать?

Поверили ли мы тогда рассказу слепой старухи? Приняли ли на веру фантастические, нелепые и вместе с тем пугающие россказни? Мы были молоды: я прекрасно помню усмешку сомнения на Сашином лице, отвращение вкупе с недоверчивостью и шоком у Лии. Мы переглядывались, будто переспрашивая друг у друга: «А ты, ты в это веришь?»

Не знаю, много ли дорог есть у человека на выбор или же ему уготована лишь одна, предначертанная Богом. Казалось, поиск проклятого

жилища ведьмы был неизбежен и предопределен.

Что мы хотели найти? Какова была наша цель? Сложно сказать, и, вероятно, цель — это не про нас, тогдашних молодых и беззаботных. Теперь мне кажется, что нас вела злая воля, — десять лет я вздрагиваю, когда мне кажется, что она все еще держит власть надо мной. Нам не указывали дорогу, не объясняли, с чего начать поиски, но мы и не могли утверждать, что бесцельно бродили в лесу в поисках зловещей долины. Вспоминая те ощущения во время нашей разведки, я думаю, что более всего походил на сверхчувствительную мембрану, улавливающую тончайшие колебания не описанных ни одной наукой волн: что-то в дыхании леса, движении сотен потоков воздуха указывало мне, подсказывало, куда идти. Я видел лес не глазами, но всем своим существом проницал его, чувствовал, а потому, как ни странно это могло показаться, мы довольно быстро нашли дом вдовы.

Помню, как небо испуганно роптало, не в силах остановить наших шагов; земля выжидающе притаилась, удивленная приходом незваных гостей. Трава вздыбилась и зашипела под преду-

преждающим порывом ветра. Но мы оставались слепы и глухи к явленным знакам.

Я испытывал неизъяснимую неловкость, глядя на дом, более-менее пощаженный временем. Внешний его вид, вкрадчивый и безыскусный, таил в себе неуловимую, едва ли ощутимую угрозу. Для здания, пережившего пожар, дом выглядел неуместно хорошо. Его не ограждал забор, дверь была не заперта, словно в гостеприимном ожидании уставших путников. И мы вошли.

Не помню более отвратительного убранства и вместе с тем более сильного чувства уюта, вопиюще нелепого в открывшейся нам обстановке. Внутри смрад пропитал каждый сантиметр, но я оставался спокоен, даже равнодушен к этой явной омерзительности предбанника: благодаря неведомому колдовству я перенесся в волшебную страну, где меня ждали удивительные открытия, исполненные самых сокровенных, тайных желаний.

Мы не произносили ни слова, но нечто из глубины дома говорило с каждым из нас, ощупывая сознание и пробуя на вкус самую душу. Не помню, как и почему, но спустя считаные мгновения я потерял ребят из виду.

Да, там определенно было что-то не так: как я

мог понять, почему ничто вокруг не внушало трепета, будучи внешне неправильным, неуютным, даже невозможным? Совершенно немыслимым образом, следуя чужой воле, комнаты сменяли друг друга, появлялись, исчезали — как будто двигался не я, но они вокруг меня. Я мог войти в одну комнату, но, выходя обратно, попадал затем совсем в другую — и это обескураживало, заставляло нервничать, но — не пугало. Напротив, в голове зародилась непостижимая мысль, от которой нельзя было избавиться: я чувствовал, искренне доверяя одурманенному рассудку, что здесь мое место.

Логика не помогала постичь сверхъестественность происходящего, мне оставалось безропотно принять свою судьбу в зачарованных стенах; среди них я не нашел ни единого намека на существование прежних обитателей — ни фотографий, ни старой одежды, ничего. Что и говорить, следов пожара и разрушительного времени тоже не было, однако куда бы ни заносил меня прихотливый дом, в каждом помещении я угадывал что-то неуловимо родное, будто знакомое. Испугался я отнюдь не этого.

От наваждения меня отвлек скрип двери и едва пойманное боковым зрением чье-то быстрое

движение. Задержав дыхание и повернув голову, я увидел что-то темное, в человеческий рост, шевелящееся за дверью. Мне и в голову не пришло окликнуть того, кто скрывался в дверном проеме, я напрягся и медленно зашагал к темной фигуре. Она не шевелилась. Я знал, что мы смотрим друг другу в глаза; с каждым шагом я ощущал нарастающее беспокойство, хотя заставлял себя быть готовым ко всему. Дверь приоткрылась сильнее, когда я подошел и протянул руку навстречу мраку. Не знаю, почему, но спустя мгновение я вскрикнул и упал на пол, когда коснулся скрытой во тьме холодной поверхности. В комнату с другой стороны вбежали запыхавшиеся Саша и Лия, обнаружив меня, бледного и задыхающегося, на полу. Свет забил за их спинами: зловещие тени прятались в многочисленные щели, тьма дверного проема рассеялась, и я увидел, что сижу с округленными от страха и удивления глазами перед собственным отражением в массивном старом зеркале.

Нет, нами не владел безудержный страх, и желание покинуть эту проклятую обитель неведомого также не охватывало наши сердца. Несмотря на происходившее с нами таинство зла, мы были скорее сбиты с толку и очарованы

темной аурой дома, а потому желали проникнуть в его глубинные тайны. Ребята не могли объяснить, каким образом им удалось обнаружить меня, равно как и не могли объяснить невероятных трансформаций и перемещений комнат. Их особенно заинтересовала бедно обставленная комната, в центре которой располагался закрытый спуск в подвал или погреб. По разговору моих товарищей я сделал вывод, что их находка чрезвычайно взволновала обоих, пусть они и не сознавали настоящих причин для волнения. Когда мы решили отправиться к запертому подвалу, дом ведьмы уже не играл с нами — мы легко обнаружили нужную комнату. Да, здесь определенно скрывалось нечто чарующее и отталкивающее — всякий мой шаг отдавался беспричинной волной гальванизирующего предчувствия опасности, охватывавшего все мое тело. Любопытство, однако, заставляло меня, трепеща, опуститься перед крышкой спуска и коснуться ее грубой поверхности. Краем сознания я чувствовал всеохватывающее возбуждение ужаса, пока приоткрывал перед собой путь в многолетнюю, а то и в многовековую тьму. С громогласным в царившей тишине грохотом крышка от моего толчка упала на пол, и нашему взору открылся

густой, непроницаемый и недвижимый мрак, исторгнувший из своих внутренностей редкую в своей тошнотворности вонь. Мы отпрянули от смрадной бездны, подавленные и ошеломленные; тьма внутри подвала казалась реальной и физически ощутимой. Молча тянул я руку к ней, но безотчетный ужас от столкновения с липкой неизвестностью заставил меня остановиться и отказаться от первоначального намерения. Разум взял над нами верх, и мы решили поскорее убраться отсюда.

В тот день мы не обнаружили никаких следов вдовы и ее ребенка. Проклятый дом словно существовал вне времени, а сама поляна, где он располагался, казалось, напрочь выбивалась из привычной действительности, рождая причудливые ощущения в восприятии, словно мы вернулись из некоего инобытия. Многие вопросы остались без ответов: так, например, мы не смогли понять отсутствие признаков перенесенного домом пожара. Но, конечно, больше всего мы думали о темном спуске и о том, что скрывалось в его вечном мраке. Перед сном Лия решила помолиться — мне тогда показалось, что она сильнее нас с Сашей восприняла довлеющую ауру неизвестного, пропитавшую насквозь жи-

лище вдовы: ни с кем из нас она не говорила о том, что ее волновало, и я был расстроен тем, что мне не доверились. Я же уснул под конец дня в разнообразных раздумьях, возвращаясь мыслями к привычной боли от неразделенных чувств. Перед закрытыми глазами за миг до падения разума в мир сновидений промелькнули лица моих друзей, искаженные плотоядной чувственностью, отчего мое сердце в который раз заныло в болезненном томлении.

Утро не принесло мне ни грамма облегчения: сон нисколько не освежил тело, и я снова вернулся к размышлениям о легенде и о ребятах. Когда же ближе к полудню они пожелали уединиться, я в который раз, словно побитый пес, зашагал в сторону леса, подавляя в себе постыдное желание разреветься. Ноги сами несли меня, пока я парил и падал в мире недостижимых идей и желаний; я не заметил, как вернулся к жилищу вдовы, и в сердце затрепетала тяга немедленно спуститься во мрак подвала и узнать то, что он тщательно прятал. Подобно герою мрачной баллады, я остановился перед спуском во тьму, бросая взгляд на меркнущий свет солнца за окном. Безумие решимости владело мной, когда я опрометчиво нырнул вниз и проголодавшаяся тьма

сомкнула надо мной свою зловонную пасть. Приземлившись на что-то мягкое, я тотчас пожалел о том, что не захватил фонарика, однако не позволил даже и тени страха овладеть сознанием. Я не мог разглядеть что-либо внизу и потому тщетно ждал, когда глаза свыкнутся с отсутствием света. Пошарив вокруг руками, я обнаружил, что нахожусь в узком коридоре, ведущем лишь в одном направлении. Подавив всякое волнение, я решительно двигался вперед, вдоль стен прохода, постоянно ощупывая и проверяя путь впереди. Многообразие испытываемых ощущений четко представлялось мне в воображении в виде причудливо оформленных алхимических уравнений, в которых присутствовала лишь одна переменная — я сам. Волнительное погружение в нечистоплотную неизвестность едва не лишало меня самообладания, но я с завидной стойкостью продвигался вперед, а меж тем подземный коридор, то и дело искривляясь под немыслимыми углами и в немыслимых же направлениях, все более походил на массивную кишку чудовища, в недрах которого я жаждал найти все что угодно — даже и самый смысл жизни. Здесь ничто земное не имело значения, а микрокосм моих мыслей становился краеугольным камнем миро-

здания, первичным принципом, управлявшим логикой существования этого царства под землей. Все чаще путался я в чувствах, страдая от дезориентирующего отсутствия привычных пространства и времени, иногда не понимая, принадлежат ли мне мысли и воспоминания или же нечто во тьме незаметно нашептывало их моему возбужденному рассудку. Однако и в этой бесконечности, оказавшейся мнимой, я обнаружил наконец то, что показалось мне выходом: путь во тьме привел меня к слабо различимой двери, словно бы вырезанной в пустоте. Успокоив взволновавшееся было сердце, я неслышно подкрался к двери и так же, как нежный ночной любовник обнимает в жарких руках истомившуюся жертву, обхватил ручку. Я остановился, услышав за дверью множество звуков, тотчас возбудивших во мне серию быстро сменяющих друг друга картин — спятивших кадров выцветшего диафильма. Затаив дыхание, я осторожно опустился на колени и прильнул к замочной скважине, не в силах более совладать с пробуждающимся трепетом.

Даже спустя все эти годы я отчетливо помню все, увиденное мной в тот волнительно-постыдный день. Все запахи, все ощущения

и образы сохранились в нетронутой и истинной последовательности, нисколько не замутненные дыханием времени. Я спрашивал себя, почему я не был ошеломлен увиденным и стоило ли мне удивляться, когда мой соскользнувший в замочную скважину взгляд остановился на Саше и Лии, самозабвенно преданных любовной игре на старинной широкой кровати с массивными резными ножками, в томном освещении нескольких пузатых оплавленных свечей? Конечно, намного важнее другой вопрос: почему, почему, когда была возможность отвернуть взгляд от бездны, я с жадным любопытством и отчаянием нырнул в самое ее жерло? Что тогда творилось в моем истерзанном сознании! Руки требовательно впились в дверь, глаза расширились от боли, безумия, страдания… и интереса. С каждой секундой я мыслил себя неким сверхчувствительным прибором, фиксирующим с осторожной тщательностью всякое движение Саши и Лии. В их движениях я находил необъяснимую и увлекательную гармонию, верх эстетической выверенности, идеал и математически просчитанное совершенство. Безупречными я находил положения их рук в заданных координатах; прекрасным и обворожительным был градус

изгиба спины Лии; захватывающими казались фрикции, подчиненные синкопированному ритму двух возбужденных, юных и сильных тел. Я слышал небесное пение в прерывистых вздохах и всхлипываниях, жадно впитывал исторгаемые в воздух эмоции, паразитируя на расползающемся вокруг наслаждении. В Лии читалась доселе не виданная мной двойственность благочестия и чувственности, тесно переплетенные эмоциональность, страстность, порочность, обнимавшая еще не ушедшие невинность и чистоту, неведомо каким образом сохранившиеся в этом милом, прелестном, желанном, божественном извивающемся теле. В ее ослепленных желанием глазах я читал отражение лучших моих надежд — и худших моих страхов! Она была Евой — и она была Лилит: чувственная, близкая, недосягаемая, понятная и непознаваемая, продающая свою честь и красоту жрица Астарты на улицах умершего Карфагена — пречистый небесный ангел, подернутый вселенской скорбью о судьбе невинных, грязь под ногами страждущих бедняков, хлеб для голодных и униженных, безумие отчаявшихся, надежда, ниспосланная вышними силами, слабость моего тела, сила моего духа — все это была она, Лия, и я повторял ее имя пересохшими

губами, словно целуя ее великую душу — Лия, Лия, Лия, Лия! Когда же умолкли последние аккорды их чувственной сюиты, я совсем сполз на пол, лишенный сил и желаний, и только тьма нежно ползала рядом, принимая в свои объятия мое податливое тело. Я сладострастно отдавал душу в пользование разрушительному декадансу, не помня пути назад — к чужому, неестественному свету того мира, что все мы привыкли считать реальностью.

Я ничего не говорил Саше и Лии, не отягощал себя никакими вопросами, принимая это новое свое существование безропотно и отчаянно радостно. Могу лишь сказать, что теперь каждый день я несся очертя голову к убийственной пропасти, хранившей мой маленький нескромный секрет. Все, что происходило в той комнате, принадлежало лишь мне, принадлежало без остатка. Я убедил себя, что Саша и Лия ходят туда предаваться любви потому, что того требует моя воля. Я не мог обладать Лией — но обладал ее страстью, ее дыханием, ее наслаждением и муками. Я не оправдываю своего безумия — напротив, я описываю его во всем неприкосновенном и порочном великолепии. Доводы рассудка заглушались бесконечной властью обладания

любовью двух моих друзей — моих лучших и единственных товарищей. Я не догадывался, по чьей прихоти изменялся характер их неистовых ласк: испытывали ли ребята неуловимое влияние чужой сущности, царившей в том месте, либо непостижимым образом откликались на мои непроизнесенные желания — кто знает? Однако в симфонию их любви вскоре вплелись новые фразы, и я ощущал их возникновение как нечто естественное, как логически оправданное развитие первоначальной темы. Я не заметил, как в движениях Саши и Лии все сильнее выпячивалось что-то животное, создавая диссонанс в общей чувственной картине. Ребятами в равной степени завладели либидо и деструдо — особенно заметно это было у Саши, чье желание доставить удовольствие необъяснимо срослось с желанием причинить боль. Исходная соната страсти мутировала в извращенные дикарские мотивы, лишенные высокой поэтики и совершенной динамики. Тщательно скрываемое мной удовольствие от созерцания их страсти постепенно угасало — от елисейского блаженства наблюдения я пришел к опустошающей неудовлетворенности; меж тем в повседневной жизни мы продолжали вести себя как ни в чем не быва-

ло, и вскоре Лия уже не могла скрывать синяков и царапин на теле, а я не мог делать вид, будто не замечаю их. Мне необходимо было умело играть роль преданного товарища, но сам я внутренне постоянно трясся от ужаса, боясь, что мои постыдные действия будут раскрыты. Спустя полторы недели, в течение которых мое стремительное грехопадение совершенно лишило меня спокойствия, я решил все же поговорить с Лией, признаться ей в своих омерзительных подглядываниях и начистоту обсудить отупляющее воздействие проклятой обители, сказывающееся и на беспокойно-раздражительном поведении ребят. Улучив момент, когда Лия находилась одна в своей комнате, я подошел к ней, чтобы завести разговор, но в тот самый миг, когда с моих губ едва не сорвалось признание, Лия остановила меня, прикрыв их ладонью, и чуть слышно промолвила только одно слово: «Приходи». А после — была яркая вспышка, когда клубок не связанных стройной цепочкой фактов внезапно обрел логическую последовательность, ужасающую воображение масштабной картиной морального растления и упадка. Как глубоко, как долго, неявно, неуловимо мы падали! И как же яростно потрясало меня озарение произошедшей траге-

дии! Едва Лия обронила то единственное слово, как все встало на свои места — как же глупо было предполагать, что тайна подвальной комнаты принадлежала мне одному! Я не смел догадываться, что разлагающее влияние проклятья коснулось не только моего тонко чувствующего естества: я, Лия и Саша — все трое попали в ловушку своих темных, грязных, греховных желаний, и комната умело манипулировала нашими страстями, наслаждаясь тем, как затягивает нас сладкая и горькая пучина кошмара! Я понял, что Лия с самого начала знала о моем присутствии за дверью — потому что желала этого, глубоко внутри наслаждалась тем, что я все вижу, пусть и пыталась первоначально отрицать это чувство. Да, да, даже такой чистой душе втайне нравилось, что ее, обнаженную и облаченную в покровы страсти, наблюдают чужие глаза! А Саша, верный друг и замечательный человек, не мог долго обманывать себя, отрицая, что ему доставляет презренное удовольствие делать другу больно, показывать ему, сколь сладостно обладание телом той, которую я любил и боготворил. Грех мой уже был известен — и все вместе мы составляли отталкивающую, мерзостную картину пороков. Остановило ли это нас?

Нисколько: в тот же день я снова бежал к дому ведьмы, снова плелся по извилистому коридору, столь символично ведущему сквозь тьму в самое сердце наших прегрешений.

Но все изменилось после того дня. Если раньше существовала призрачная возможность притворяться, что ничего не происходит, то теперь мы словно носили плохо державшиеся, потрепанные маски, едва скрывающие наше истинное уродство. Все сильнее была жестокость Саши, все меньшее удовольствие я испытывал — и все большая тревога охватывала Лию. Мучительно было наблюдать, сколь быстро прогрессировала бездна отчаяния внутри нее — она ярче и болезненнее нас с Сашей воспринимала тяжесть своего греха. Она не могла более обманывать себя, а потому все чаще обращалась к Богу с молитвами, перемешивая их со слезами обреченности. И так прошла для нас неделя — в молитвах перед сном и в оргиях днем, пока наша история не подошла к чудовищной развязке. Окончательно потеряв способность наслаждаться наблюдением, я тем не менее по устоявшейся привычке спускался в подвал и продолжал подглядывать, пока однажды не увидел особо жестокий акт любви и злодейства. Даже кожей я ощущал наси-

лие, совершаемое над Лией, и приходил в ужас от грязного торжества плоти, столь далекого от первых поэтически безупречных постельных игр. Нет, теперь будто сам Вельзевул разрывал тело Лии, комкая и деформируя его, пока оно не стало походить на фарш, нежели на изысканное произведение искусства. Пораженный, я не смел вмешаться в эту вакханалию, в эту нечеловеческую бойню, и не мог успокоиться даже тогда, когда Саша закончил и уснул без сил на кровати. Заметив это, Лия едва слышно пролепетала мое имя. Не сразу я сообразил, что она зовет меня, и, повинуясь рефлексам, я неспешно открыл дверь.

В комнате выжидающе сосредоточился ужас, когда мои вкрадчивые шаги нарушили гнетущее безмолвие. Глаза скользили по тому, в чем угадывалось тело Лии, некогда прекрасное и волнующее (как мне забыть эти золотистые волоски в ложбинке над позвоночником, которых я ласково касался в своих самых невинных фантазиях?). Ее грудь прерывисто поднималась и опускалась, ее глаза не замечали чего-либо вокруг, из ее рта доносился хрип. Было очень много крови — на кровати, постели, кровь на маленьком округлом животике, сильных, сводящих с ума

бедрах, нервно сжатых пальцах, искалеченной шее и плечах, надкусанных губах, разодранных щеках и бровях — всюду кровь, соленая кровь, чистая кровь, выдававшая тайный грех, ставший явным. Я подошел к Лии, впитывая запах этой крови — к нему примешивались ароматы телесного пота и недавно совершенного сладострастия. Я опустился на колени перед кроватью, как перед алтарем, на котором Лию принесли в жертву моему порочному безумию. Я продолжал вдыхать ее кровь, пот и утомленное тело, не произнося ни слова, а она сбивчиво просила прекратить ее страдания, освободить душу от грехов, лишить ее телесной оболочки. Я впитывал ее страдание, спрашивал, зачем ей это, — ведь можно убежать, уйти, убраться отсюда, заглушить проклятый голос этого места, что лишило нас человеческого обличья; я плакал, не в силах сдерживать себя, ощущая неминуемость катастрофы, а Лия отвечала, что спасения от зла нет — проклятье не породило наши грехи, но лишь развило те, что хранились глубоко внутри наших сердец. И бегство бессмысленно — ведь от себя нельзя никуда убежать. «Я пропала, пропала, пропала, — шептала она. — Спаси меня, освободи меня, убей, убей, убей меня!» Ее слова истерически раздража-

ли меня, я молил ее одуматься и уверял, что могу спасти, лишь бы мне дали такую возможность. Но Лия только вложила мне в руку нож, заготовленный ею, видимо, заранее, и сказала напоследок лишь одно: «Пожалуйста». Мои слезы, падавшие на ее грудь, мешались с кровью, когда нож ласково скользнул меж ребер, проникая в сердце, разрушая его неприкосновенность, прерывая священное биение: так близко от меня погибала Лия и я смотрел ей в глаза, чтобы мой исполненный любви и боли взгляд был последним, что проведет ее душу в иной мир. Я пил, пил чужую жизнь, захлебывался и задыхался, и вопил внутри себя, что так нужно, что я совершаю благо, пока холодное лезвие очищало мою единственную радость от остатков бренного мира. Все это длилось недолго: когда дыхание моей любви остановилось, я молча встал и вышел из комнаты, навсегда оставляя душу в этом склепе, упокоившем все то, что я любил.

Из этой истории мы с Сашей вышли искалеченными до неузнаваемости. Мой друг лишился остатков разума и был помещен в лечебницу. После пережитого я ощущал себя нечистым — Лия была права, и от грехов я не смог убежать, ведь они изначально обретались внутри меня.

Для всех наших знакомых остался тайной весь ужас произошедшего — никогда они не узнают об этом, если только их взгляд не коснется этих строк. Также не поймут и жители Тещи, что вдову, столь яростно ими презираемую, настигло древнее зло — оно извратило ее сокровенные мечты о любимом ребенке и привело к чудовищной и гибельной пропасти. Что ж, даже в самых невинных из нас сокрыт корень зла, тропинка к черным помыслам и гибельным слабостям. Если хаос сумел расправиться с матерью и ее священной любовью — разве были шансы спастись у нас?

Я бросил учебу и с тех пор храню молчание в уединении своей кельи, потеряв самую способность общаться с людьми. Однако, посвятив себя Богу, я так и не смог очиститься, а потому в своей непрекращающейся скорби я спрашивал, почему Господь допускает существование проклятых мест, чей яд разъедает самые праведные души? Или же прав был Августин, когда полагал, что все мы греховны от самого нашего рождения? И что если подобные места многочисленны и покрывают тело земли подобно раковой опухоли? Иногда я вижу, как дьявол, устав от путешествий по свету, ложится отдохнуть от творимых козней,

чтобы набраться сил, и земля вокруг него пропитывается до основания греховной сущностью змия, чтобы потом отравить души смертных, имевших несчастье нечаянно забрести в подобное место.

Времени остается мало: совсем недавно я узнал от своего посетителя, что Саша погиб необъяснимым образом в лечебнице, выкрикивая перед смертью одно имя — Лилит. А это значит, что моему затворничеству приходит конец. Я попытался целостно поведать бумаге о грязных деяниях души, но насколько же это слабая попытка исповедаться! Не могу молчать о том, что чувствую себя обманутым: что если, полагая смерть Лии ее избавлением, я совершил самый тяжкий в жизни грех? Сказано: «И узнаете грех ваш, который настигнет вас», — а потому я не надеюсь вернуться в свою келью после поездки в лечебницу, где я хочу разузнать все обстоятельства гибели моего друга.

Покоя никогда не было — и не будет.

Ведь как бы я ни обманывал себя размышлениями о том, что освободил Лию, я все равно помню и не могу отделаться от того чувства, когда нож проник в ее сердце, — то было счастье, *счастье, что я, именно я в итоге стал последним, кто во-*

шел в нее!

Андрей Миля

Андрей Милюков (Андрей Миля) родился

в 1992 году в селе Карыж Курской области. После окончания школы поступил в колледж, где получил среднее профессиональное образование по специальности «Управление государственными муниципальными учреждениями». Отслужил в армии. В настоящее время проживает в Москве. С четырнадцати лет Андрей увлекся творчеством Стивена Кинга, хотя любовь к хоррору появилась у него еще в раннем детстве. Главные увлечения на сегодняшний день — литература, музыка и кинематограф. В данном памятном сборнике будет первая публикация. В планах издать жанровый роман, над которым Андрей сейчас трудится.

О ангел мой, омытый кровью

О ангел мой, омытый кровью,
О ангел мой, ты вся в крови,
И мой бокал наполнен болью
Убитою тобой души…

Сказать по правде, я не являюсь почитателем какого-либо искусства и никогда таковым не был. Однако эта картина покорила мое сердце, лишь стоило мне коснулся ее взглядом.

Дело обстояло так…

В канун дня святого Валентина я занимался поиском подарка для Светы, моей девушки. Обошел уйму палаток, магазинов и торговых центров, надеясь найти что-то подходящее, но мне попадалась исключительно всеми заезженная банальщина. Купите своей девушке мягкую игрушку, большую музыкальную валентинку, косметический набор, фен, плойку, сережки и колечки, брошки и рожки, платье и тому подобную всячину, которую я и так мог подарить ей в любой день. В одном месте мне, правда, предложили хороший подарок — набор «Госпожа» — ну, там плеть, наручники и остальное (сами знаете

что), однако Света, к моему сожалению, не являлась любительницей ролевых игр. В итоге, потратив полдня на беготню по всем этим бесполезным местам, я ни с чем вернулся домой.

ИНТЕРНЕТ!!!

Все можно найти, купить, заказать в Интернете не выходя из дома, достаточно просто вбить в строку поиска название вещи и посетить несколько сайтов. Вот и все! И не нужно мотаться по всем этим торговым центрам и часами стоять в длинных очередях. Хм, почему я сразу так не сделал?!

Уже через десять минут я подобрал для Светы подходящую безделушку (причем по приятно низкой цене), отправил ее в «корзину» и хотел проследовать по очередной ссылке, когда мой взгляд зацепился за одну картинку. На ней была изображена работа неизвестного художника. Она называлась «О ангел мой, омытый кровью». Честно говоря, я и сам не понял, как так получилось, но картина тоже отправилась в «корзину».

И тут же время замедлило свой бег, словно дразня меня, пытаясь растянуть момент ожидания доставки заказа по максимуму.

Желание поскорее увидеть картину сжигало меня изнутри. Такого со мной раньше не слу-

чалось. Может, это сказывалось недельное сексуальное голодание, которым меня наказала Света? А наказала она меня за то, что чья-то девушка прислала ей фотки с мальчишника моего друга. И вот как ей объяснить, что те стриптизерши и проститутки были предназначены для жениха? Просто одна из них приняла меня за него, а кто-то некстати заснял это недоразумение на мобильник.

* * *

Выйдя из ванной комнаты, я услышал долгожданный звонок в дверь. К сожалению, это оказался не курьер, а продавец, смысл жизни которого заключается в том, чтобы ходить по квартирам и впаривать дешевые безделушки втридорога. Вот и сейчас на меня камнепадом обрушилась информация о чудесном наборе из пяти ножей всего за десять тысяч рублей. Я не стал слушать дальше, а просто захлопнул дверь у него перед носом.

Не успел я дойти до кухни, как в дверь снова позвонили. С моих губ сорвалось ругательство, а руки сами по себе сжались в кулак. Но как же я обрадовался, когда, открыв дверь, увидел курьера — парня в красной куртке.

Он занес картину и шкатулку для Светы в квартиру, засунул в карман протянутые мной деньги и ушел. Даже нигде не пришлось расписываться. Как ни странно, меня это не насторожило.

Закрыв дверь, я отнес картину в спальню, где она должна была украшать одну из стен. Положил ее на кровать и сорвал полиэтилен, в который она была обернута. У меня закружилось в голове, а по коже пробежал холодок. Картина оказалась еще прекрасней, чем я ожидал. В ней чувствовалась… душа.

На коричневом (то светлом, то темном) фоне была изображена обнаженная девушка лет двадцати. В прекрасных карих глазах точно теплилась жизнь, которую вытеснял страх. На ресницах висели чистые как хрусталь слезы, а в волосах были запутаны бутоны роз. Руками она прикрывала грудь, словно не хотела, чтобы художник полностью созерцал ее прекрасное тело. За это, видимо, он и омыл кровью ее манящую кожу. Я не могу описать всего того, что чувствовал, глядя на картину. Но мне точно казалось, что девушка жива, что она смотрит на меня и просит ей помочь.

Я взял картину в руки, чтобы повесить на заранее вбитый в стену гвоздь, и тут заметил записи

на обратной стороне. Предположив, что это слова автора, в которых он говорит о своем шедевре, я положил картину на стол, включил настольную лампу, направил свет на писанину, и начал читать:

В этой картине есть душа –
Я заковал ее сюда.
В этой картине боль и муки
Того, кто краскою измазал руки.
Кто ото сна тебя разбудит –
Безумным станет навсегда,
И он любовь свою погубит,
Как погубил и я тебя.
О ангел мой, омытый кровью!
Мое разбила сердце ты,
Играла ты с моей любовью
И обратила в прах мечты.
Знай, ангел мой, омытый кровью,
Знай, это я омыл тебя,
Когда коснулся тонкой кистью,
Подаренного злом холста.

Первое, что мне пришло в голову, так это то,

что художник был немного того — чокнутым. Подумайте сами, сколько раз вам доводилось сталкиваться с картинами, обратная сторона которых была исписана подобной ахинеей? Впрочем, это не столь важно. В этой картине и вправду чувствовалась душа, и оставалось только надеяться, что она принадлежала не этой очаровательной натурщице.

Я задался вопросом: а кто он вообще такой? Как его имя? Может быть, у него имеются еще такие восхитительные творения? Например: «О демон мой, слюной забрызган». Или «О человек, упавший в грязь».

Шучу.

Повесив картину на стену и заварив чашечку кофе, я уселся за компьютер. Загуглил название картины и стал открывать ссылку за ссылкой. Везде было только по несколько строк о шедевре, но ни слова о самом авторе.

Спустя два часа я все же смог собрать всю полученную информацию воедино.

До меня картина как минимум украшала дома десяти человек. Восемь из них теперь покоятся на кладбище, а двое — в психушке. Помимо картины всех десятерых объединяло то, что они были мужчинами, убившими своих жен.

И он любовь свою погубит,
Как погубил и я тебя.

Может, это просто совпадение? В конце концов, нельзя же сойти с ума из-за картины, какой бы восхитительной она ни была. Зато можно лишиться рассудка, если внимательно изучать всю эту бредятину, которую я прочитал. Возможно, это была клевета, написанная тем, кто просто хотел купить ее, но не успел.

Я посмотрел на часы. 22:04. Рано, конечно, но беготня по магазинам изрядно меня вымотала.

Я включил присланную другом скандальную запись последнего выпуска телешоу «Путь к звездам», где одна из участниц устроила перестрелку в прямом эфире (и убила мою любимую телеведущую Елизавету Брун).

Плюхнулся на кровать.

Куда катится этот мир? То эта женщина из телешоу, то парень влез на крышу и тоже начал стрелять по людям. Секта фанатиков, совершивших массовое самоубийство. Ужас. Просто ужас.

Проснулся я около восьми утра. За окном порхали белые хлопья снега. Встав с кровати, я обнаружил отсутствие левого тапка, за кото-

рым пришлось лезть под кровать. Как же хорошо, что сегодня суббота и у меня выходной…

Посмотрев на картину, я замер. Что-то с ней было не так. Хотя нет, скорее всего, я еще просто не отошел от сладких снов.

После душа я пошел на кухню, отварил сосисок, облил их острым кетчупом и съел вместе со сладким перцем. А потом с чашкой кофе вернулся в спальню, сел за компьютер и снова начал перебирать всю информацию о картине.

В 1993 году она была у некоего Любимцева Степана Анатольевича, который через две недели после ее покупки зарезал жену и вскрыл себе вены. Его дочери продали картину Троицкому Семену Андреевичу, который в том же 93 году повесил супругу, а потом повесился и сам. И все это на глазах четырехлетнего приемного сына.

В 96-м «О ангел мой, омытый кровью» оказывается на торгах, где ее приобретает Макеев Дмитрий Александрович. Через три дня после этого к нему в гости приезжает теща и обнаруживает в холодильнике разложенную по полочкам дочь. Милиции так и не удалось найти трех ее пальцев. Сам мужчина по сей день находится в психиатрической лечебнице.

Не прошло и месяца, как новый владелец кар-

тины застрелил свою жену, затем любовницу, после чего принял смертельную дозу снотворного. И так с каждым владельцем картины вплоть до меня. Мой предшественник омыл свою жену, но только не кровью, а серной кислотой…

Но почему всеми владельцами картины были исключительно мужчины? Почему нет ни одной женщины?

Я посмотрел на девушку, омытую кровью. Она смотрела на меня. Хм. Разве вчера ее губы растягивались в тонкой застенчивой улыбке? Бутоны роз в волосах были, так сказать, свежие, я даже чувствовал их запах, а сейчас лепестки потемнели и чуть завяли. И… и слезы, я ведь помню, что вчера они были.

Нет! Нет! Нет! И еще раз нет! Я же не мог сойти с ума! Наверное, вчера я просто-напросто был слишком уставший, вот мне и запомнилось то, чего не было. Чего гадать? В Интернете ведь есть изображения картины.

Но… нет! Этого не могло быть! Сейчас на мониторе я видел то, что вчера было изображено на картине. Хм. А может, я просто насмотрелся в Интернете фальшивок, да так, что и не признал оригинал? А затем я увидел еще картины с таким же названием. На них были изображены

разные девушки, но чувствовалось, что написаны картины были рукой одного гения…

Через минуту я засунул себе подмышку градусник.

36.8.

Здоров. Но мне от этого легче не стало. Если не болезнь, то что со мной происходит? Я схожу с ума подобно прежним владельцам картины? Нет. Этого не может быть, по крайней мере, со мной. Ничего. Через три часа придет Света, и мы пойдем куда-нибудь погулять. Мне просто нужно развеяться, и все снова станет на свои места.

Я подошел к картине. Снизу на рамке висело несколько прозрачных капель. Может, для этих красок здесь слишком высокая температура и они потекли? И снова неверный ответ, ведь эти капли были чистые, как слезы, висевшие вчера на глазах девушки. Я снял указательным пальцем одну из них и попробовал на язык — соленая.

Но ведь этого не может быть… Нет…

В комнату царской походкой вошел кот. Признаться, каждый день, уходя на работу, я мечтал поменяться с ним местами. Я бы четко выполнял все его кошачьи обязанности: спал, ел, для разнообразия иногда ходил в лоток (а так

гадил бы исключительно на коврик в прихожей) и каждую весну сутками орал, требуя кошку. А он бы зарабатывал деньги, с головой зарываясь на работе в горы бумаг, и, возвращаясь домой, покупал мне куриное мясо. Но судьба распорядилась так, что ему посчастливилось родиться сиамским красавцем, а мне — человеком и пять раз в неделю полировать бритвенным станком лицо, чтобы угодить начальнику.

Сегодняшняя ночь была тем редким исключение, когда он не спал со мной на кровати. Обычно он запрыгивал ко мне, просовывал мордочку под одеяло, залезал туда полностью, разворачивался и высовывал наружу только голову. Свету это забавляло, по крайней мере, первое время, когда она оставалась ночевать у меня. Однажды она ворочалась во сне и придавила его. Тот, недолго думая, исцарапал ей щеку. С той самой ночи они стали немного недолюбливать друг друга. Васька теперь постоянно метит ее обувь, а однажды он даже залил ей кошелек, который она оставила на тумбочке.

И как бы Светка ни бесилась, этот красавчик все равно будет жить у меня и я его никуда не отдам.

— Василий Котович, — с добродушной улыбкой

сказал я. Черт, а ведь он своим появление заставил меня отвлечься от начавшейся паранойи.

Васька издал непонятный, но забавный звук, подбежал ко мне и стал тереться о ноги. Я взял его на руки. Кот положил свои передние лапки мне на грудь, вцепился когтями в футболку и довольно замурлыкал.

— Ну что, Васька, готов зассать новые Светкины сапожки?

Он мяукнул, словно понял вопрос, и повернул голову к картине. Острые когти прошли сквозь футболку и впились мне в кожу. Васька зашипел. Шерсть на загривке привстала.

— Дурачок, это просто картина.

Я протянул руку, чтобы погладить его. Но Ваську точно бес попутал. Он стукнул лапой по протянутой руке, спрыгнул на пол и пулей вылетел из комнаты.

— Что за черт?

Я взглянул на картину и обомлел.

Теперь был виден сосок девушки, хотя еще минуту назад его закрывали ее тонкие пальцы. Нет, рука по-прежнему лежала на груди, просто она съехала чуть ниже. Может, Вася увидел это движение? Да какой к черту Вася?! Что здесь происходит? Это же безумие! Это обычная картина!

Или все же нет? Что? Что за черт?..

Рука девушки медленно заскользила по груди. Нет, я этого не видел… Я не мог видеть это! Ее голова чуть-чуть наклонилась влево, из волос выпал бутон розы и почти беззвучно упал на пол. Девушка улыбнулась и провела острым кончиком языка по верхней губе. Капли крови потекли по ее телу, оставляя за собой алые полосы. Мне стало тяжело дышать, словно кто-то набросил удавку на шею. Маленькие красные ручейки уже бежали по стене, сливаясь в красную лужу на полу. Из картины высунулась рука девушки…

* * *

— Это стиральная машинка гудит? — спросила Света, слегка неуклюже стягивая новые сапожки.

— Да. Я думал, что успею закончить стирку до твоего прихода, но, как видишь, малость не уложился в сроки, — солгал я, а она, естественно, поверила.

— А где эта пушистая скотинка?

— Вася? — я выдержал паузу, натягивая на лицо маску грусти. — Его больше нет, он вчера выпал из окна. Тринадцать этажей вниз и прямо на тротуар…

— Ой, да ладно? — Света удивилась. Либо она хорошо притворялась, либо ей и вправду стало жалко Ваську. Скорее всего, второе, хотя по своей натуре она была бессердечной сукой, вы уж мне поверьте на слово.

— Угу, — выдохнул я. — Он был хорошим котом, умным. Хм, давай не будем портить этим наш с тобой день. Иди в спальню, там тебя ждет сюрприз, а я сейчас подойду.

— А куда ты? — спросила она, словно почуяла что-то неладное.

— На кухню, одну вещь захватить надо, — ответил я сквозь улыбку и пошел.

* * *

Света стояла перед картиной, а слезы так и текли по ее щекам (хотя их я тогда еще не видел). Я подошел к ней сзади и поцеловал в щеку. Света резко обернулась, едва не выбив бокалы с вином из моих рук. Она обняла меня и прижалась что было сил. Повторяя одни и те же слова о том, что я самый лучший, она расцеловывала мое лицо.

— Это самый прекрасный подарок, который я когда-либо получала. Спасибо. Спасибо. Спасибо! Ты самый лучший в мире!

— Правда? Самый-самый? — я протянул ей

бокал с вином.

— Да, самый-самый!

— Я писал ее втайне от тебя почти два месяца. Хотел, так сказать, чтобы в этой картине чувствовалась… душа.

— Ты сам написал ее? — Света в очередной раз удивленно округлила глаза, а слова о душе, разумеется, пропустила мимо ушей.

— А ты думаешь, что я позволил бы кому-то писать столь откровенную картину? Разве что женщине, да и то не факт.

На картине была изображена обнаженная Света. Она робко прикрывала руками грудь. В волосах красовались бутоны роз. А на гладкой коже еще не было ни единой капли крови.

— А почему фон такой? — она наконец-то обратила внимание на серые краски. Хотя краски эти были еще не столь темными, как задумывалось, но это ненадолго.

— Наверное, последняя неделя сказалась, — улыбнулся я. — Но знаешь, картина еще не закончена, в ней нет души.

— А что ты еще хочешь… Хотя нет… Стой! Не говори! Пусть это будет сюрпризом. — Эта сучка точно пропускала все мои слова мимо своих эльфийских ушей. — А как она называется? Или это

я должна назвать ее?

— Нет, у нее уже есть имя.

— Какое?

— «О ангел мой, омытый кровью».

— Что? — улыбка мигом сошла с ее лица.

На ресницах рисованной Светы выступили слезы. А это значит, что пришло время закончить картину. Нужно бросить душу любимой на холст и омыть ее тело кровью.

Я уже замахнулся рукой, но эта сучка бросила мне в лицо бокал с вином и выскочила из комнаты.

Бабий мозг — странная штука. Она ведь могла выбежать из квартиры, но вместо этого закрылась в ванной комнате. О чем она думала? О маникюре?

Не прошло и десяти секунд, как я услышал ее визг. Судя по всему, Света узнала, что в барабане стиральной машинки вращалось не белье, а Вася. Честно, я очень любил этого кота, но после того, как в мое тело вошла девушка с картины, Вася начал шипеть на меня, не признавая хозяина. Глупый кот.

Я взял в руки молоток и отправился губить свою любовь. Дверь открылась после третьего удара. Света схватила мой бритвенный станок,

словно им можно было отбить удары молотка. Бабий мозг. Она бы еще за шторкой спряталась, чтобы я ее не нашел…

Головка молотка однотонно опускалась ей на голову. Череп трещал и становился мягким. Капли крови омывали нарисованное мною тело. Я этого не видел, но знал, что это происходило. Это всегда так происходит, когда ты губишь свою любовь.

Разобравшись со Светой, я выключил стиральную машинку, в последний раз посмотрел на кровавую кашу (Васю), вышел из ванной.

Лишь через полчаса, сидя за столом и попивая кофе, я понял, почему почти все убившие своих жен мужчины покончили с собой. Невозможно жить, понимая, что кровь твоей любви навсегда останется на твоих руках, а ее душа сойдет с холста лишь тогда, когда следующий безумец повестит картину у себя дома.

Осознав все это, я поставил на стол чашку и вышел на улицу через открытое окно. Тринадцать этажей вниз и прямо на тротуар.

Апокалипсис666

Его взгляд был прикован к монитору компьютера. К разноцветным огонькам, которые, как могло показаться, хаотично мерцали то тут, то там, закручивались во вращающуюся спираль и снова распадались на бесформенные пятна. Гул в голове напоминал рев турбины самолета. Артериальное давление росло с каждой секундой. Пульс учащался. Кровь синхронно бежала из обеих ноздрей. Он сознавал, что происходит, но паралич сковал его тело, отняв какую-либо возможность пошевелиться или хотя бы просто отвести глаза в сторону. Голова раскалывалась от боли. Ему представилось, что дух Йозефа Менгеле явился к нему и начал делать лоботомию точно так же, как когда-то сделал ее его деду. Потом началось жжение. Жгло опять же в голове. Он больше не мог думать. Мысли расплавились, сгорели, выкипели из раскаленного мозга. Кровь продолжала течь носом. А потом все закончилось. Исчезла боль. Пришла тишина. Голова разорвалась, залепив монитор компьютера кусочками черепа, мозга и кожи. Но об этом никто не узнал, так как загорелся системный

блок, став причиной пожара и еще двух смертей. Но главная беда заключалась в том, что он успел отправить видеофайл своему сообщнику.

* * *

— Да я тебе говорю, мы на этом столько бабок срубим! — заявил Олег, пытаясь убедить младшего брата в беспроигрышности дела.

Они сидели на кухне. Сигарета дымилась в пепельнице у края стола. Холодильник молчал, словно ему было интересно выслушать предложение Олега. Кошка мяукала, нарезая круги вокруг пустой миски, но Андрей пытался не обращать на это внимания. Его нынешнее финансовое положение оставляло желать лучшего. У него не хватало денег не то что на мясо для кошки, он даже не мог купить ей маленький пакетик сухого корма. Ему приходилось делить с ней свой суп, который и без того растягивал уже третий день.

Но не смотря на черную полосу в жизни, на эту нищету, которая трясиной засасывала его все глубже, ему не хотелось становиться соучастником этого дела. Один раз он уже послушал сказку брата о легких денежках. Тогда их обоих чуть не посадили за хранение и распространение

сами понимаете чего. Андрей вовремя учуял, что там запахло жареным, и спустил в унитаз сто граммов, прежде чем Госнаркоконтроль вышиб дверь и ворвался к ним в квартиру. Тогда они попали на деньги, но это было лучше, чем провести годы в местах не столь отдаленных.

Вот и теперь Андрей ощутил призрачный запах жареного, а возможно, и чего-то прогоревшего до углей. Деньги, конечно, были нужны как никогда, но вот-вот должно было получиться с работой, хотя и временной.

— Не думаю, что это хорошая идея, — наконец-то ответил Андрей.

— Братан, ты не понимаешь, от чего отказываешься. Мы с Жекой уже по пятьсот штук на рыло заработали. Причем вся самая грязная работа позади, так что ты вообще ничем не рискуешь.

Вся грязная работа уже позади. Андрея насторожила эта фраза.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь «грязная работа»?

— Ну, там пришлось завалить одного дядьку. Братан, честно, мне не хотелось этого делать, и более того, это Жека пристрелил его. Но ты пойми, Жека тоже не хотел его убивать. Клиент — это все его требования. Он заплатил нам

по сто тысяч и сказал, что остальное заплатит после того, как мы выполним работу.

— Работой было убийство того человека? — Андрей понял, что непутевый братец снова во что-то влип, но еще не мог понять, во что именно.

— Это последний пункт. Первым делом нам нужно было заполучить флешку, на которой хранилась какая-то важная хрень, раз заказчик не пожалел за нее миллиона.

— То есть работа уже выполнена?

— Та работа — да, но мы с Жекой, знаешь ли, тоже не пальцем деланы. Если наш заказчик отбашлял такие бабки за флешку, то есть и другие потенциальные клиенты, которые заплатят не меньше.

— Хочешь сказать…

— Да, — перебил его Олег, — Жека скопировал файлы.

— И что это за файлы? — Андрей почувствовал, как от его брата завоняло жареным, словно тот сидел на электрическом стуле или на раскаленной печи. *Да, братец, ты вляпался как никогда.*

— Пока еще не знаю. Там все закодировано, но у Жеки есть знакомый программист, который по дешевке все сделает, не задавая лишних вопросов.

— А если он не сможет сделать этого?

— Программист? Братан, я тебе больше скажу, он сделал это еще вчера вечером. Жека мне их уже, наверное, на «мыло» скинул. — Олег облизнул губы. — Собственно, теперь мое предложение. За каждого клиента, которого ты сможешь отыскать, мы отдадим тебе двадцать процентов от той суммы, за которую он купит у нас те файлы.

— Что? Да пошел ты в жопу, братан! — взбесился Андрей. — Ты меня берешь в дело, чтобы я искал вам клиентов, потому что, я просто уверен, у вас самих не хватило мозгов на это, и при этом собираешься платить двадцать сраных процентов?

— Братан, не кипишуй. Просто все по справедливости. Мы с Жекой замутили это дело, поэтому нам положено больше.

— Олег, а знаешь, что я тут подумал?

— Кажись, смекаю, — ответил тот, но ошибся.

— Иди-ка ты отсюда по-хорошему.

— Чего?

— Вон из моего дома говорю!

* * *

Дверь хлопнула у Олега за спиной.

— Ну ничего, братан, — процедил он сквозь

зубы, — приползешь ты еще ко мне на коленях и будешь молить, чтобы я тебе хлеба бросил, как собаке бездомной.

Олег спустился в метро и поехал на Тульскую, где жил Жека. Приехав на место, он начал рвать волосы на голове, потому что его сообщник погиб ночью во время пожара, а экспертам еще предстояло узнать, от чего у него разорвало голову. Олег же быстро убедил себя, что это дело рук их клиента, который узнал об афере.

* * *

Андрей разогрел суп. Два половника себе, один в миску Бродяги. Кошка с урчание принялась лакать бульон.

Ее хозяин открыл ноутбук, и пока тот загружался, успел проглотить полтарелки. Андрей был признателен соседу из 49 квартиры за Wi-Fi без пароля — впрочем, не только он.

— Ну-ну, братишка, посмотрим, что тебе там прислал твой Жека.

Олег неоднократно проверял свою электронную почту с его ноутбука. И так как Андрей и вовсе не пользовался «мылом», его брат даже не выходил из своего.

Входящие — одно новое. Отправитель:

xyliganiopta@mail.ru. Говорит само за себя. Если это не Жека, то Болт, Хрыщ, Псих или кто-то еще из его корешей-бандитов.

Андрей открыл письмо:

Братан, все пучком. Осталось дело за твоим братцем. Пусть поторопится с клиентами, а то хрен ему а не пять процентов. А будет бузеть, я его еще и на счетчик поставлю. После прочтения скинь файл на комп, а письмо удали. В идеале конечно файл на флешку скинуть, потому что могут не только мыло хахнуть, но и комп. Мне об этом програмист сказал. А он плохого не посоветует, я ручаюсь.

— Бродяга, твоего хозяина хотели поиметь против его воли, причем не писаные красавицы с упругими попками, а два омерзительных тролля. Пять процентов. Ну Олег! Ну скотина!

Мысль о том, что это Жека ошибся с цифрами или Олег стал бы остальные пятнадцать процентов давать ему из своей доли, не имела места быть в его голове. Он, к сожалению (и в тоже время к счастью), знал своего брата как облупленного. Скорее всего, ему бы просто называли меньшую сумму, за которую клиент соглашался бы покупать товар.

Что касается этого самого товара, то Андрей

удивился, увидев прикрепленным всего один файл — видео с названием «Апокалипсис666» и длительностью 1:43. Любопытство тут же проникло в его сознание своими тонкими щупальцами.

«А что это за видео такое, что оно стоит миллион рублей и жизнь человека? Может, это развод? Или там серьезный компромат на высокопоставленного чиновника? Нужно посмотреть!»

— Нет. Не нужно! — заверил себя Андрей, мысленно стукнув по щупальцам плетью. — Меньше знаешь — крепче спишь. За это видео убили человека и заплатили большие деньги. И наверняка не остановятся перед убийством еще одного катящегося вниз по социальной лестница неудачника, которого к тому же родной брат решил оставить в дураках.

Удалить.

Андрей задумался. «И что удаление мне даст? У Жеки есть этот файл». И тут в его голове созрел опасный план, как насолить брату с его сообщником.

Он скачал видео на ноутбук.

— Ладно, братишка, видимо, иметь друг друга — это у нас семейное.

Андрей зашел на свою страницу «ВКонтакте»

и загрузил «Апокалипсис666» в «Мои видеозаписи».

— Пусть меня пристрелят за это, но я и вас тогда сдам с потрохами.

«Группы». Так-так-так. Вот эта должна подойти.

Он зашел в группу «Ужасы. Мистика. Триллер». 587 331 подписчик. «Предложить новость». Готово.

Андрей прекрасно понимал, что из того огромного числа подписчиков видео посмотрит в ближайшее время, скорее всего, лишь несколько сотен, но и это являлось уже хорошим началом.

«Зона Ужасов — интересное и страшное». 2 779 подписчиков. «Предложить новость».

«Черный юмор». 1 686 359 подписчиков. «Предложить новость».

В левом нижнем углу всплыло окно: «Зона Ужасов — интересное и страшное», опубликована предложенная вами новость.

Очередной паблик — 1 292 095 подписчиков.

В течение десяти минут Андрей отправил это видео восемнадцати сообществам, у пяти из которых была открытая «стена», что позволило ему лично разместить «Апокалипсис666». Но и этого ему показалось мало.

Всплыло еще два оповещения, что предложенная им новость опубликована.

Бродяга прыгнула на колени хозяина, где приступила к кошачьему таинству умывания. Кошка вылизывала себе бок в то время, как хозяин обрекал на смерть сотни людей.

Андрей начал набирать сообщение на «стене»:

УДАЧА!!! УДАЧА!!! УДАЧА!!! УДАЧА!!!

ОТПРАВЬ

ЭТО СООБЩЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ДРУЗЬЯМ, ПОСЛЕ ЧЕГО ПОСМОТРИ ПРИКРЕПЛЕННОЕ ВНИЗУ ВИДЕО И ТЕБЯ ОБЯЗАТЕЛЬНО ПОСЕТИТ УДАЧА. А ЕСЛИ ТЫ ЭТОГО НЕ СДЕЛАЕШЬ ИЛИ СДЕЛАЕШЬ НЕ ПРАВИЛЬНО (СНАЧАЛА ПОСМОТРИШЬ ВИДЕО, А ПОТОМ РАЗОШЛЕШЬ ПИСЬМО), ТО ДО КОНЦА ДНЕЙ ТЕБЯ БУДУТ ПРЕСЛЕДОВАТЬ НЕУДАЧИ И ВСЕ ТАКОЕ. ПРИЗНАЮСЬ, Я САМ В УДАЧУ НЕ ОСОБО ВЕРЮ, ЗАТО ВОТ УБЕЖДАТЬСЯ В ПОДЛЕННОСТИ ПОЖИЗНЕННОЙ НЕУДАЧИ ОЙ КАК НЕ ХОЧЕТСЯ.

Затем он прикрепил видеозапись «Апокалипсис666». Отправлять это кому-нибудь из своих друзей он не решился. Для распространения такого письма нужны малолетки 14–16 лет. Как отправить его людям, которых не было у него в «друзьях» или подписчиках, Андрей не разобрался. Не отчаиваясь, он просто скопировал

текст и начал отправлять его случайным людям, не забывая к каждому сообщению прикреплять видео.

Часы в соседней комнате показывали 15:31.

* * *

Администратор группы «Зомби» устал пересматривать все то, что прислали подписчики, поэтому он не глядя выложил 23 картинки и четыре видеозаписи, одна из которых не имела к зомби даже отдаленного отношения.

В новостной ленте Игорь Матюхин увидел видео с привлекшим его внимание названием: «Апокалипсис666». Студент навел на него курсор мышки и щелкнул левой клавишей.

На мониторе завращалась цветная спираль.

Игорь застыл, уставившись на нее как баран на новые ворота. Он не мог понять, что с ним происходит. Тело отказалось подчиняться. Теперь парень стал заложником своей плоти. Мыслей было много, но ничего сделать он не мог. Глаза — и те отказывались оторваться от цветных пятен на мониторе. В висках застучало. Череп сдавило, словно он нырнул слишком глубоко. Из носа брызнула кровь. Гул в ушах не мог сравниться ни с чем из всего, что Игорь когда-либо

слышал. Во лбу начало жечь, словно добрый банщик решил устроить там хорошую парилку для дембелей.

Светлана Николаевна зашла в комнату сына именно в тот момент, когда его голова взорвалась.

В это же самое время аналогичным образом погибло еще двадцать шесть человек. Один из них включил «Апокалипсис666», едя в метро и довольствуясь бесплатной Wi-Fi-сетью. В вагоне началась паника. *ТЕРРАКТ* – было единственным звучащим в головах пассажиров словом. Женщину с грудным ребенком зажали со всех сторон. То, что ее малыш не мог дышать, она узнала на следующей остановке, когда он был уже мертв.

Четырнадцатилетняя Оля из Липецка витала в каком-то далеком от окружавшей ее реальности мире. Она грезила о мальчиках, которые будут бегать за нею везде и всюду, разбивать друг другу носы за право проводить ее до дома. Присланное от незнакомого, но весьма симпатичного мужчины сообщение заставило Олины зрачки расшириться, узурпировав территорию радужной оболочки.

УДАЧА!!! УДАЧА!!! УДАЧА!!! УДАЧА!!!

Для нее эти слова значили:

СЧАСТЬЕ!!! ВОПЛОЩЕННЫЕ В ЖИЗНЬ МЕЧТЫ!!! МАЛЬЧИКИ!!! ЛЮБОВЬ!!!

Прочитав сообщение, Оля разослала его пятнадцати подружкам, каждая из которых в свою очередь отправила его еще пятнадцати. Некоторые сообщения приходили к одним и тем же получателям, поэтому оказалось не 225 потенциальных жертв, а 179, причем 16 из них проигнорировали сообщение (хотя двое из интереса все же открыли видеозапись). Итого: уже 163 человека отправили письмо со смертью — конечно, не 2 445 людям, но около того.

И такое распространение получило только то сообщение, которое Андрей отправил Оле. Всего таких Оль он нашел восемьдесят две. Плюс сообщества.

Тело Оли свалилось на пол. В квартире кроме нее никого не было. Поэтому компьютерный стол разгорался в свое удовольствие, щедро делясь языками пламени с занавесками.

В Омске четыре подростка смотрели приколы в «ВКонтакте», когда владельцу страницы пришло сообщение от знакомой девчонки из Сургута.

— Апокалипсис три шестерки. Хм. Что-то зна-

комое. А ну щелкни его, — пробормотал парень с проколотой бровью, а уже через минуту и сорок три секунды стены комнаты были украшены четырьмя разными группами крови и мыслями, которые, наверное, в неизвестном нам фантомном состоянии еще какие-то секунды хранились в разлетевшихся в разные стороны клетках мозга.

В Сургут в свою очередь это сообщение пришло из Курска. В Курск из Воронежа. В Воронеж из Астрахани. В Астрахань из Тулы. А вот Аториной Юле из Тулы смертоносное письмо прислал неизвестный ей Савин Андрей из Москвы.

В 15:58 «Апокалипсис666» стал причиной смерти 824 человек, 699 из которых еще не отметили свой шестнадцатый день рождения. Сообщение с видеозаписью тем временем множилось уже едва ли не в геометрической прогрессии.

В период с 15:59 до 16:03 число просмотревших видео в группе «Зомби» составляло 382 человека. «Ужасы. Мистика. Триллер» — 129. «Черный юмор» — 430. 17 000 пользователей «ВКонтакте» за эти четыре минуты прочитали присланное им сообщение. 15 458 умножили «Апокалипсис666» в несколько раз.

В московском метрополитене взорвались еще

тридцать голов, из них восемнадцать — из-за любопытства, которое заставило их подсмотреть в планшет соседа.

* * *

В 16:06 Андрей услышал грохот и крики в соседней 49 квартире. Бродяга зашипела и бросилась прямиком под кровать.

Кто-то затарабанил в дверь. Андрей был уверен, что это Олег, поэтому открыл, не глянув в глазок. Брат мог его кинуть, но не убить. И даже если с ним пришел Жека, то Олег не позволил бы ему поднять руку на поимевшего их Андрея. Но ни Олега, ни Жеки за дверью не оказалось. Там стояли крепкие ребята в омоновской форме, которые тут же скрутили Савина и ворвались в его квартиру.

— Товарищ капитан, это он! — крикнул один из них, заглянув в ноутбук.

Амбал вцепился Андрею в плечи. Он затряс его, как ребенок трясет киндер-сюрприз, пытаясь по звуку определить, что за игрушка находится внутри.

— Придурок! Что ты наделал?! Мразь! Да тебя расстрелять за это!

В соседней комнате у старшего лейтенанта

Безрукавникова зазвонил мобильный телефон.

— Я, товарищ майор… Так точно, товарищ майор… Есть, товарищ майор. — Он, лавируя между омоновцами, скользнул в прихожую. — Товарищ капитан, по приказу майора Лебедева командование операцией… Короче, Сереж, езжай домой, я тут все доделаю.

— Что? Это почему? — какое-то мгновение на его лице читалось непонимание, которое затем сменилось паникой. — Что-то с Машей? Что-то с моей дочерью?

Безрукавников опустил глаза в пол. Он не знал, что ответить. Да, с Машей кое-что случилось. Твоя жена сейчас плачет над ее трупом. Девочке снесло крышу. Ее голова взорвалась, как новогодняя хлопушка. А знаешь, что в ней оказалось вместо конфетти?

Никто ничего не успел предпринять. Сергей вынул из кобуры пистолет, сунул ствол Андрею в рот, выбив пару зубов, вжал его в мягкое небо и нажал на спусковой крючок.

В любой другой ситуации это могли бы замять. Сказать, что Андрей напал на него или выхватил пистолет и сам накормил себя разовой порцией свинца. Но на этот раз все было куда проще — о смерти Савина их никто не спросит. Теперь

не до этого.

В 16:20 общая численность жертв превысила 30 000. Через две минуты к ним присоединилось еще 5 000.

В 16:26 спецслужбы отключили социальную сеть. Но было уже поздно. «Апокалипсис666» покинул «ВКонтакте». Теперь «письмо удачи» стремительно завоевывало электронную почту, чаты, другие социальные сети, включая «Фейсбук». Шестнадцатилетняя Оксана перевела текст на английский язык и отправила нескольким подругам в далекую Америку. Англия оказалась первой из Европы, потом Германия и Италия.

К 17:48 у пятидесяти одной с половиной тысячи жителей планеты Земля головы лопнули, как мыльный пузырь.

В 17:23 Гордеев Семен Анатольевич включил Первый канал в тот самый момент, когда там начался экстренный выпуск новостей. Молодой диктор с округленными от страха глазами и мертвецки бледной кожей — видимо, проснувшись утром, он не подозревал о сегодняшнем дебюте — говорил:

— Видео «Апокалипсис шестьсот шестьдесят шесть» унесло около миллиона жизней по всему миру. Спецслужбам уже удалось установить лич-

ность террориста, выложившего созданную им видеозапись в Сеть. Напоминаем еще раз: для вашей личной безопасности и безопасности ваших родных и близких воздержитесь от посещения любых интернет-ресурсов и в первую очередь оградите от этого своих детей…

Изображение исчезло. Вместо него в ряд выстроились цветные полосы. Семен подошел к телевизору. Он хотел стукнуть по нему, но в последний момент передумал — импортная техника, с ней такое не всегда прокатывает. Полосы исчезли. Экран стал черным.

— Твою дивизию! Неужели сгорел? Вот же…

Спираль медленно начала вращаться. Семен не мог точно определить, какого она цвета или хотя бы в какую сторону вращается. Его сердце заколотилось сильнее. Спираль распалась на пятна, кляксы, которые всплывали то тут, то там на черном фоне, вызывая необратимые химические реакции в мозгу. Капилляры на глазах лопались один за другим. Семен хотел закричать, но у него не получилось, как и у одиннадцати миллионов смотревших Первый канал.

— Господи, что это? Что, твою мать, мы наделали? — спросил Илья, бог хакерства, который до сих пор не мог поверить в то, что ему удалось

на три минуты взять Первый канал под свой контроль. Но в то же время он начинал проклинать себя за видео, которое пустил в эфир.

Однако вместо ответа он получил пулю в затылок.

— Мы отомстили, — ответил выстреливший мужчина. Им не стоило увольнять такого ценного сотрудника, как я. — После этих слов он застрелился сам.

Сергей сидел на пассажирском сидении, когда его мозг закипел, разорвав голову. Осколок черепа как штык проткнул сонную артерию водителя — его отца, после чего тот на скорости протаранил первый взвод второй стрелковой роты, когда солдатики переходили дорогу, возвращаясь в воинскую часть. Автомобиль влетел в автозаправку.

16:48. Общая численность погибших составила двадцать четыре миллиона. Узнав об этом, генерал-полковник Щербаков заперся в кабинете. Он достал из сейфа подаренный ему на пятидесятилетие специально сделанный по этому поводу револьвер. Слоновая кость, серебро, платина. Но главное, что он стрелял. Валентин Петрович вставил в барабан всего одну пулю.

Он руководил проектом по разработке «Апока-

липсиса666» и чувствовал себя ответственным за происходящее вокруг. Щербаков лично пригласил на работу Румянцева Павла Анатольевича, который оказался продажной тварью и украл смертоносное оружие массового поражения. Отправленная им группа нашла Румянцева застреленным в подъезде собственного дома. Ни при нем, ни в его квартире съемного носителя с «Апокалипсисом666» обнаружено не было. А потом оказалось, что «Апокалипсис666» имеет уже сотни копий в социальной сети «ВКонтакте».

«Утка» о террористе — сколько времени люди в нее будут верить?

Щербаков нажал на курок. Щелчок.

Он думал, сколько в этот момент людей по всему миру смотрит видео. Сотни? Тысячи? Сотни тысяч?

Щелчок.

Интернет — плод цивилизации. «Апокалипсис666» — удар по этой самой цивилизации через Интернет.

Бах! На этот раз револьвер выстрелил.

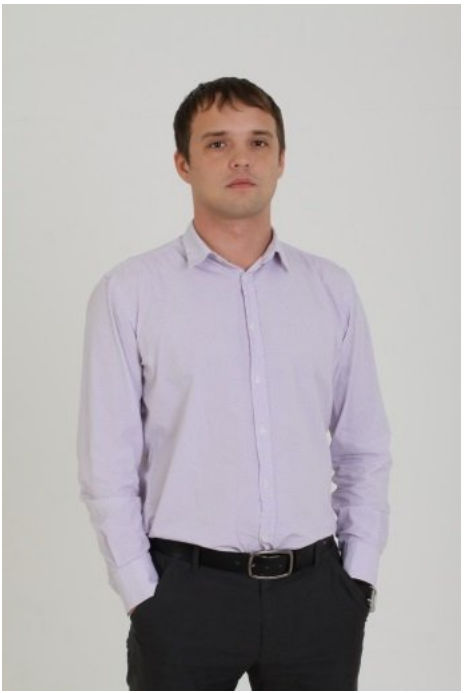
Миллионы звонков обрушились на больницы, полицию, пожарных. Телефонные линии в момент оказались перегружены. Начался апокалипсис.

Москвичка Лиля выскочила на улицу. Ее дом был объят огнем, так же как и несколько соседних зданий. На ее глазах автомобиль влетел в автобусную остановку. Небо затягивало дымом.

Не веря в услышанное, пермский продавец-консультант быстро отыскал видео в Интернете, скачал его и скинул на флешку. Несколько привычных для него действий — и на всех телевизорах в магазине бытовой техники одновременно появилась цветная спираль. 1:43. И в магазине прошел дождь из крови, мозгов, клочков кожи, волос и осколков черепов. Восемь покупателей и два продавца-консультанта присоединились к миллионам жертв «Апокалипсиса666».

К девяти часам вечера, человечество лишилось Интернета, а население Земли сократилось на девятьсот восемьдесят два миллиона триста тридцать четыре тысячи семьсот двенадцать человек.

Григорий Андреев



Андреев Григорий Александрович. Родился в 1985 году в городе Новосибирске. С жанром

хоррор познакомился очень рано, буквально с начальных классов начал облюбовывать на первом видеомагнитофоне фильмы ужасов, ставшие на тот момент уже классикой. Полюбил данный жанр раз и навсегда, оригинальный фильм Сэма Рэйми «Зловещие мертвецы» и по сей день является его фаворитом. В 2010 году Григорий создает интернет-блог veryscary.ru (Очень страшный портал), который со временем перерос в сайт, и тогда же начинает писать для него истории. На этом сайте по сей день собирает коллекцию фильмов ужасов, а также все, что связано с жанром хоррор. Пишет нечасто, ибо работа несовместима с данным хобби. Сам себя писателем не считает, его творчество — это *«скорее выплеск каких-то фантазий или снов, поэтому рассказы скорее любительские, чем профессиональные»*.

Сезон дождей. Забытые

Эту историю поведал мне мой дед. В 80-х он работал в каком-то военно-политическом блоке. История эта дошла от его коллеги, служившего в 60-х советчиком во вьетнамской войне. Собственно, во Вьетнаме ему и поведали данную историю о пропавшем взводе американских солдат, которых отправили на спасательную операцию в гущи вьетнамских джунглей.

Дошла она до меня в таком состоянии, что какие-то факты я могу исказить, а какие-то уже искаженные до меня. Поэтому я решил попробовать изложить ее в художественном стиле.

1965 год. Северный Вьетнам. Район Дананга.

Меня зовут Лэнс Прайд, рядовой Лэнс Прайд. Вот уже 2 месяца моя рота пребывает в этой чудной стране, мы бродим по прекрасным солнечным джунглям и нет-нет да и встречаемся с доброжелательными жителями северного Вьетнама. Но на самом деле все гораздо… гораздо хуже. Бродим мы по мокрым джунглям и болотам Вьетнама, дождь не прекращается уже несколько дней, встречи с теми самыми «доброжелательными» вьетнамцами не проходят бесследно,

и нас остается все меньше и меньше, некоторые просто сходят с ума. Да я и сам, наверно, скоро сойду, а может быть, я уже псих. Да, скорей всего, я сумашедший, просто умалишенный.

Сегодня мы остановились в небольшой деревушке где-то на севере Вьетнама, в районе Дананга. Наш капитан Карл Брамс с радистом Генри Марина ждал приказов сверху. Ближе к вечеру дождь стих и стало как-то намного спокойней, но спокойствие это длилось недолго. Капитан Карл Брамс собрал нашу роту и огласил, что нужна дюжина добровольцев на спасательную операцию, на поиски пропавшего 3-го батальона 3-го полка морской пехоты США. Добровольцев Брамс нашел быстро: под его горячую руку попал я и еще 8 бравых солдат во главе с самим Брамсом — так вот решило командование. На следующий день мы двинулись на высоту 55 южнее Дананга. Именно в той степи не вышел на связь 3-й полк.

В 6 часов утра мы уже выдвинулись на высоту 55. 10 человек, из которых я хорошо знал только капитана Брамса — 30-летнего заправского вояку, который за 2 года службы превратился в машину для убийств гуков, но довольно доброго на вид человека. К обычным солдатам он,

в принципе, так и относился, а вот с вьетконговцами — отнюдь, расправлялся крайне жестоко, причем не только из войск СВА, но и с гражданскими лицами в частности. И еще я знал троих своих сослуживцев: это Майк Райз по прозвищу Красавчик — миловидный парень, который постоянно хвалился подвигами завоевания барышень в родном штате Оклахома; Брендон Карлсон — пухловатый 20-летний белобрысый парень, вызвавшийся добровольцем во Вьетнам, дабы избежать тюрьмы из-за торговли марихуаной; и мой лучший на тот момент друг, который спас мне жизнь, обезвредив мину, на которую я наступил пару недель назад. Остальных парней я знал по именам, но не более того.

Через пару часов нудного и тяжелого прохождения через джунгли начался ливень. Казалось, будто сверху нас поливает самолет-амфибия, который тушит лесные пожары. Ливень шел еще около часа. Когда мы вышли на реку Хан, он немного успокоился, но его заменил мелкий дождь, который моросил практически до обеда. Перебираясь через реку, один из наших солдат — по-моему, звали его Бруно — потопил свой М-16. Тогда капитан отломал какую-то ветку от дерева и сказал, что теперь он будет воевать палкой

против армии Вьетконга.

Где-то во второй половине дня мы попали под обстрел гуков. Стрелять начали внезапно, к тому времени моросящий дождь вновь перерос в постоянно поливающий ливень. Мы пробирались через поле к густым джунглям, которые вели на ту самую высоту 55, охранявшуюся небольшой частью армии СВА. Я, капитан и Брендон укрылись за небольшим пригорком, чуть дальше скрылась остальная часть нашего отряда.

В том месте видно было, как метался Бруно с палкой-автоматом, кэп наказал беречь ее до возвращения. Радист Дэрэк Юанстон оказался по другую сторону нашего укрытия, а нам во что бы то ни стало нужен был удар с воздуха для зачистки охраны высоты 55. Пули бесконечным градом летали над головой, а сверху лил непрекращающийся дождь.

Я запустил дымовую гранату посередине нашего расположения, и кэп двинулся к радисту, чудом избегая пуль. Через мгновение он уже скрылся в тумане серого дыма, а еще через несколько секунд вместе с дождем на нас посыпались заряды косоглазых гранатометчиков. Херачило так, что в ушах стоял только свист и гул, куски земли летали повсюду, глаза застилало дождем с гря-

зью, дикое сумасшествие творилось в голове, хотелось плакать и тут же смеяться, в душе творилась дикая истерика. Еще мгновение и — БАХ!

…Очнулся я от ударов по щекам Красавчика Райза. В ноздри ударил тяжелый запах гари. Голова шла кругом, меня стошнило прям на ботинки Райза. Вокруг меня столпились 6 человек во главе с капитаном Брамсом. Наконец я пришел в себя и начал трезво оценивать ситуацию. Я посмотрел на точку, откуда шла пальба, — она была полностью выжжена. Неужели удалось? Но 4 из нас уже не вернутся домой. За пригорком, где укрывалась пара наших ребят, пал заряд и разорвал их на куски. Недалеко от воронки я увидел ботинок с обгорелой оторванной ногой. Еще двух ребят прорешетило пулями. А ведь разведка перед нашей операцией пообещала капитану, что по заданному пути мы максимум можем столкнутся с мирными гражданами Вьетнама.

Капитан Брамс дал время немного перевести дух, и уже в поредевшем составе мы двинулись на высоту 55. До наступления ночи мы постигли сложный путь: мы пробирались в гору через дикие джунгли, разрубая мачете заросли зловещего леса, дождь сопровождал нас почти весь путь, изредка затихая на короткое время. Где-то около

часа ночи, изможденные, морально и физически уничтоженные, мы уперлись в небольшое селение. Там было 4 или 5 домиков-землянок с соломенными крышами, из них пара домов были более-менее целыми, остальные — обвалившиеся и разломанные. Брамс дал команду на ночлег.

Вчетвером мы расположились в одном из уцелевших домиков, укрывшись от проливного дождя. Райз и толстячок Карлсон остались на улице нести вахту.

Мы решили меняться каждые 2 часа. На следующий караул должны были выйти я и рядовой Борендау, худощавый паренек с тоненькими усиками на лице. Его я знал очень мало, он был этаким молчаливым пареньком в нашем взводе.

Капитан, разглядывая карту, обнаружил точное место, где была прервана связь с 3-м полком. Оказалось, что в этом радиусе мы и находимся. Попытка связаться с командованием не увенчалась успехом: рация отказывалась работать, из трубки слышались только слабые трески и помехи. Было решено остаться до утра. Может быть, этот гребаный дождь, наконец, утихнет и появится надежда на более-менее хорошую связь с базой.

Мне удалось быстро заснуть, так как усталость

просто валила с ног. Но как только я закрыл глаза, тут же почувствовал толчок в плечо. Пришло время смены караула, но вставать не хотелось. Райз еще пару раз пихнул меня в плечо. Я повернулся. Борендау не спал. Бездонным взглядом он посмотрел на меня, и мы вышли на улицу.

Почти за час времени, проведенного на улице с Борендау, мы не промолвили друг другу ни слова. Дождь то затихал, то начинал с новой силой, мокрым было все и насквозь. От таких водных процедур кожа побелела и сморщилась. Вокруг была глубокая темнота. Дождь перешел в грозу. Электрические разряды озаряли ночное небо, бросая на землю мрачные тени, и от этого было еще больше не по себе. Сквозь шум дождя где-то в кустах послышался шорох. Довольно близко. Словно по команде, мы щелкнули затворами от М-16 и переглянулись. Мы не могли понять, с какой стороны донесся этот звук, и пытались разглядеть пространство вокруг себя, когда молния бросала яркие вспышки. Что-то хлюпнуло за спиной, но не успел я обернуться, как получил удар в затылок и отключился.

Когда я начал приходить в сознание, в нос ударила резкая вонь. Я успел различить едкий смрад застарелой мочи, фекалий и тухлого мяса.

Эти «ароматы» мигом привели меня в чувства. Я резко поднял голову, от пронзившей ее боли потемнело в глазах. Хотелось свалить оттуда побыстрее, но я не мог пошевелиться — руки и ноги были крепко привязаны. Туманным взглядом я окинул помещение, но не смог определить, где нахожусь. Везде были грязь и обшарпанные стены, у самого потолка висели и торчали в разные стороны какие-то провода. Напротив себя я увидел деревянную рассохшуюся дверь с огромной трещиной, а слева в углу лежал Борендау.

Из его виска торчало мачете, всаженное наполовину. Кровь струйкой стекала в ухо, в приоткрытый рот, уже наполненный кровью, и капала с подбородка на голое тело бедняги Борендау. Сам я был раздет до пояса. Ужас, охвативший меня в тот момент, не имел предела. Я не чувствовал своих конечностей из-за перетянувших их веревок. Теплая струйка крови стекала с затылка. Из оцепенения меня вывел оглушающий крик. Даже не крик, а визг. По-моему, это был голос Райза. Через мгновение я снова потерял сознание.

На этот раз я пришел в себя от страшных стонов. Посмотрев на пол, я увидел Красавчика, лежащего на полу. Его тело было все в крови и в

ранах, почти до таза не было левой ноги, а обрубок был небрежно перемотан какой-то грязной тряпкой. Его лицо было все в ожогах, а глаза выколоты и тоже будто прижжены. Он стонал негромко, но казалось, этот стон проникает прямо внутрь меня. Я пару раз его окликнул, и Райз тихим голосом пробормотал:

— Они жрут нас, — сказал он. — Они нас жрут!!!

От этих слов я снова откинулся в забытье. Сколько висел в отрубе, не знаю, счет времени был утерян. Очнулся от удара в лицо. Я поднял глаза и увидел перед собой… монстра. Нет, не такого, как пишут в книгах и про которых снимают фильмы ужасов. Это был человек! Узкоглазая мразь, с худым сморщенным лицом, — он смотрел на меня с озлобленным оскалом, его огромный рот с гнилыми зубами, заточенными и острыми, как у акулы, был весь в крови, а с губ свисали ошметки мяса. Он что-то прокричал по-вьетнамски и снова ударил меня кулаком в висок.

Через секунду отворилась дверь и еще один гук затащил тело капитана Брамса. Он был в отключке. Они натянули веревки на полу и привязали Брамса за руки и ноги. Тела Борендау уже не бы-

ло. Райз лежал, похоже, уже мертвый. Привязав капитана, один из них взял Райза за плечи и уволок в другую дверь, почти ничем не отличающуюся от первой.

Рук я уже не чувствовал до плеч. Плечи же болели с такой силой, что мне хотелось снова отрубиться и не чувствовать боли, а главное — не видеть всего этого безумия. Дверь захлопнулась, но я видел через расщелину, как они грохнули тело на пол и напали на него, как голодные койоты на падаль. Я видел, как они раздирают зубами его плоть, отрывая своими гниющими клыками куски мышц с тела бедолаги Райза. Они пожирали его. Я видел, как рука Райза еще дергается. Господи, хоть бы он был уже мертв! Но я услышал его слабые стоны, а значит, он жив. Черт возьми, он еще жив! От безысходности я начал рыдать.

— Заткнись, — пробурчал хриплым голосом Брамс. — Надо выбираться отсюда. Их там человек 10, они едят нас вживую, чертовы психи. Тупые ублюдки отрубили мне кисть и сожрали у меня на глазах.

Дверь вновь отворилась. Обглоданную плоть Райза проволокли к выходной двери, оставив шлейф крови на полу, и выбросили на улицу. Дверь захлопнулась. Я слышал, как они раз-

говаривают между собой и злобно хихикают. И конечно, дождь, стучащий по крыше, по стенам, по земле… Он был повсюду.

Капитан дернул руку — ту, что без кисти (из нее все еще хлестала кровь), и веревка слетела. Я видел, как он сжал зубы от боли, но не проронил ни звука, лишь слегка всхлипнул. Затем тряхануул тазом, и из кармана выпал перочинный нож. Он толкнул нож культей к левой, здоровой руке, которая была еще привязана. С трудом схватив нож, Брамс начал резать веревку.

— Есть! — через несколько минут, показавшихся мне вечностью, веревка была перерезана. Он быстро освободил ноги и принялся освобождать меня.

— Нужно бежать, нужно срочно валить отсюда… Мне страшно, Лэнс, мне очень страшно, — шептал Брамс, быстро работая лезвием.

Он еще ни разу не называл меня по имени. Наконец мои руки упали вниз. Первые несколько минут я не мог ими двигать. Когда я был полностью освобожден, мы рванули к двери, где они жрали Райза. Я тихо открыл дверь, и перед нашим взором предстала небольшая комнатушка. На полу вперемешку с грязью была кровавая жижа с кусками человеческих останков. В углу

комнаты я поймал взгляд толстячка Брендона Карлсона. Его глаза смотрели на меня, наполненные ужасом, как будто он еще жив, но он не мог быть жив — в углу лежала лишь его окровавленная голова, небрежно отрубленная от его пухловатого тела. Еле сдержав рвотный порыв, я аккуратно прикрыл дверь. Одна из стен была застелена листьями пальмового дерева, Брамс плечом протолкнулся в нее, и стена рухнула. В этот момент он подскочил и крикнул: «БЕГИ!»

Я рванул, что было сил. Я слышал, что Брамс бежал за мной, слышал крик гуков-каннибалов, слышал, что они бежали за нами. Я бежал не оборачиваясь, бежал, как никогда не бежал, через густые заросли, падая в грязь и подымаясь. Я не думал ни о чем, просто бежал и бежал… Вскоре под ногами почувствовал пустоту. Я помню, что летел куда-то вниз, ударяясь о мокрую землю. Еще несколько мгновений, удар и темнота.

Уже в госпитале мне рассказали, что меня нашли в овраге полумертвого, чуть ниже 55 высоты, что я что-то бормотал, кричал и плакал, нес бред про каких-то монстров. Меня сочли невменяемым и отправили на базу в госпиталь, а оттуда — домой.

Вскоре после этого был нанесен авиационный

удар с воздуха по 55-й высоте.

С тех пор я каждую ночь вижу ребят, оставшихся на той зловещей высоте, я вижу, как их души бродят по джунглям и не могут найти покоя. Всех девятерых человек, во главе с капитаном Карлом Брамсом. И дождь. Не переставая, идет дождь.

Моя последняя охота

Сегодня я наточил нож сильнее обычного, лезвие стало идеально острое, при надавливании на него большим пальцем руки оно как по маслу вошло в подушечку пальца и уперлось в кость. Боль дала мне порцию адреналина, и я на время отвлекся от голода. Голод пожирает меня изнутри, злоба уже вырвалась наружу, я готов выйти на охоту, осталось подождать пару часов: как только стемнеет, я выйду на улицу, найду какую-нибудь невинную жертву и выпотрошу из нее весь ее невинный внутренний мир и голод исчезнет.

Небо потихоньку затягивает, видимо, дождь окутает и без этого мрачный город — самое лучшее время для охоты. Я прижал кровоточащий палец ко рту, кровь обволокла ротовую полость; немного насытившись собственным нектаром, я перемотал небрежно его тряпкой, которая в одно мгновение окрасилось в темно-красный цвет. Громкий стук в дверь привел меня в чувство: неужели снова они, снова хотят забрать меня, проклятые твари? Я схватил нож и аккуратно подобрался к двери, с осторожностью

посмотрел в глазок: на лестничной площадке стаяло гадкое чудовище. Голова была покрыта гниющими гематомами, на которых пульсировали коконы с опарышами, длинные руки тянулись к полу, бесформенное тело обтекало зеленой слизью. От омерзения и дикого страха я обмочился в штаны (ничего страшного, такое со мной часто случается). Нет, только не сегодня, у меня еще есть дела… Я резко открыл дверь и с размаха ударил твари ножом в глотку — тварь с грохотом свалилось на пол и начало захлебываться собственной кровью. За ноги я затащил тело в ванную, за это время монстр превратился в полную тетку, которая живет этажом ниже — меня не так просто провести, они все сделают, чтобы забрать меня к себе. Повалив тело в ванну, я включил воду; тетка еще была жива, кряхтя и булькая кровью, с ужасом в глазах она смотрела на меня. Нет, не дождетесь — резким взмахом ножа я вспорол ей брюхо.

Все, пора, я должен идти на охоту, пока они снова не пришли за мной — я чувствую, что сегодня они заберут меня. Я накинул плащ и шляпу и отправился на улицу. Запах мочи и крови ударил мне в нос. Дождь… он все смоет. На улице очень опасно, они идут за мной по пятам.

В глазах все плыло, порезанный палец дико нарывал и кровоточил. Земля, словно ожившая, кипела под ногами, деревья тянулись ко мне, будто хотели схватить меня. Нужно срочно поесть, возможно, в последний раз. На мгновение я отключился, в глазах потемнело, дождь окрасился в кроваво-красный цвет, я упал на колени, из земли вырвались огромные гниющие трупные руки и схватили меня за ноги. Я не могу встать. Они тянут меня к себе.

— С вами все в порядке? — я поднял глаза. Молодая девушка с зонтиком в руках склонилась надо мной.

— Теперь да, — ухмыльнулся я. — Теперь да…

Щелкуны

Вьюга застилала глаза. Не было видно даже вытянутой руки, не говоря уже о ногах… Она выла, протяжно и горестно. Все вокруг было холодным и неприветливым.

Третий день побега из зоны дался нам особенно тяжело. Нас было пять человек, Корю и Ленивого мы оставили замерзать еще часов 5 назад, они нас тормозили. Только сейчас меня начала мучить совесть, когда я уже начал думать и о своей смерти, ведь можно было остаться с ними и спокойно уснуть в холодном сне… и не париться в этом снежном аду.

Холод пронзает до костей — да что там до костей, чувство такое, что мои кости вот-вот треснут от холода. Я больше не могу. Помру… Как пить дать… Прям вот сейчас свалюсь в сугроб и к черту все.

Гульден и Шайба ушли чуть дальше от меня. Я попытался их окликнуть, но ветер с крупным снегом унес мой еле выдавленный крик куда-то в гущу тайги. Еле передвигаясь, я попытался ускорить шаг, но мои усилия были напрасны, я только еще больше погружался в снег, утопая

почти до живота.

Два уже еле видных силуэта отдалялись от меня все больше и больше. Вонючие урки, даже не обернулись. Да и хрен с ними, я все… Я больше не могу. Снег, как болото, затянул меня по грудь, я достал руки из верхонок: пальцы уже не сгибались, с мизинца слезла кожа, но я не чувствовал боли — я вообще ничего не чувствовал, кроме дикой усталости и леденящего холода.

Надо идти, не хочу умирать, не для того я проделал этот путь, чтобы вот так замерзнуть по шею в снегу. Скоро стемнеет, один я не протяну, надо догонять своих. Рывком вынырнув из снега, я начал усиленно бороздить сугробы. Своих уже не видел, шел по почти занесенным следам. Начало темнеть, вьюга немного стихла. По следам я вышел на пригорок и увидел небольшую избушку — следы вели к ней. О боже! Спасибо! Я не верил своему счастью. Эндорфин ударил мне в голову и придал силы, я кубарем скатился вниз. И почапал к избушке. В окне еле горел тусклый играющий свет свечи. Завалившись на дверь, я прокричал:

— Гульден!!! Шайба!!! Это я, Коля, открывайте, черти!!!

Дверь приоткрылась, и я замертво упал в про-

ход. Шайба, схватив меня за ворот, протащил к печи.

— Грейся, Коля, грейся, пес. Живы будем — не помрем, — хриплым голосом промямлил Шайба.

Я лежал на полу и не верил своему счастью — жив… еще жив. Немного придя в себя, я встал на колени.

— Колян, давай сюда, — гундосым голосом сказал Гульден.

Шайба и Гульден сидели за столом. Скинув бушлат, я присел к ним.

— На, пей, — протянул кружку Шайба.

Вдохнув пары спирта, я залпом выпил целую кружку ядреной самогонки.

— А где хозяева? — поинтересовался я.

— Да хрен их знает где. Да какая к черту разница! — весело пробормотал Шайба.

За окном окончательно стемнело. Употребив почти всю бутыль сэма, Шайба решил пройтись по хате. И через минуту мы услышали его ор.

— Пацаны, тут жмур!

Мы зашли в комнату: вонь ударила в нос, запах аммиака и тухлятины проник в меня струей. Меня вырвало на пол. В углу лежала мертвая старушка, обглоданная почти до шеи. Мы выбежали

из комнаты и захлопнули дверь.

— Мож, медведь схавал? — спокойным голосом ляпнул Шайба.

Не успев Гульден открыть рот, как мы услышали скрежет под ногами. Мурашки пробежали с пяток до макушки. Шайба ринулся к ведущей в погреб дверце возле печки. Спустившись вниз, Шайба крикнул:

— Парни, помогите! Тут дед живой.

Мы вытащили еле дышащего деда из погреба и положили его на кушетку возле окна.

— Дед, ты чего там делал, что произошло-то? — тряхнул его Гульден.

— Щелк… Щелкун… ны, — прокряхтел еле слышным голосом дед.

— Че бормочешь, дед? — испуганным голосом проронил я.

— Заткнись, Колян! — ткнул меня в плечо Шайба. — Не видишь, помирает старый. И тут как по приказу Шайбы дед двинул концы.

— Да что тут, в конце концов, случилось? — не сдержался я.

— Ладно, до утра отлежимся и попрем дальше — к рассвету могут менты заявится, на месте лучше не стоять. Шайба, тащи деда к бабке, будет тут вонят, да и не люблю с мертвяками спать! —

скомандовал Гульден.

— Вон пусть Коля тащит, я больше к бабке не пойду!

Схватив с шайбой деда, мы перетащили его к бабке в комнату и положили на пол. Я снова чуть не блеванул.

— Все, спать! — буркнул Гульден. — На заре двинем.

Шайба затушил свечу, и мы кто где разложились на покой. Вырубился я моментально: видел свой дом, жену Ирку, сына, бегающего босиком по огороду.

— Колян, проснись!!! — растолкал мой сладкий сон Шайба. — Ты слышишь?

— Слышу что? — еще в дреме прошептал я.

— Тихо! Слушай!

Гульден спал на кушетке у окна и кряхтя сопел через нос.

— Иди сюда, — подозвал к двери у выхода Шайба.

Я на карачках подполз к нему и прильнул к холодной двери выхода.

Щелк… Щелк… Щелк… Щелк… За дверью действительно слышались странные звуки, будто человек пять столпилось на улице возле хаты и щелкают зубами, причем щелканья настолько

сильные, что у нормального человека от таких ударов челюстями зубы повылетали бы к чертям собачьим.

Щелк… Щелк… Щелк… Щелк… Звуки не стихали, а нарастали раз за разом. Стало, мягко сказать, не по себе.

— Мужики, за окном кто-то есть! — проснулся Гульден. — Черт, у него глаза горят, что за херня!!!

Щелк… Щелк… Щелк… Щелк… Звуки нарастали со страшной силой — казалось, они вокруг, и сверху, и снизу, и за спиной.

Я подбежал к окну. Гульден сидел на кушетке и не отрываясь смотрел в окно, за которым стоял длинный человекоподобный силуэт с горящими, как у кошки в ночи, глазами. ЖАХ!!! Вылетело стекло, из разбитого окна потянулись длинные руки с пальцами, как щупальца у медузы. Мы отпрыгнули назад. Нашему взору предстала ужасающая картина: через оконный проем лезло неведомое существо, со склизким туловищем и вытянутой овальной головой, с круглыми кошачьими глазами; рот у него был без губ, с огромными деснами, кривыми и прямоугольными зубами. «Щелк… Щелк… Щелк… Щелк…» — отщелкивало чудовище, проскальзы-

вая в окно.

Мы ринулись к выходу, где стоял Шайба, держащий дверь, которую пытались выбить с другой стороны.

Послышался треск еще одного разбитого окна. Гульден рванул к комнате, в которой лежали трупы стариков, но по дороге его схватил монтстр и облепил его лицо своими щупальцами. Гульден начал биться в бешеной конвульсии. Чудовище разжало руки, и тело бедолаги упало на пол, на лице его были огромные гематомы от убийственных присосок щелкуна; монстр накинулся на бездыханное тело и начал пожирать его.

— КОЛЯ, ПОМОГИ!!! — еле удерживал дверь Шайба.

Но я не мог. Я оцепенел. БАХ!!! Дверь вылетела вместе с шайбой. В дверной проем потянулись щелкуны, отщелкивая свои зловещие мелодии. Двое из них не задумываясь накинулись на Шайбу. Его крик на момент заглушил щелканье, хриплый и еле слышный голос Шайбы превратился в дикий и невыносимый ор. Отойдя от оцепенения и ужаса, я ринулся в комнату, где лежали старики, щелкуны последовали за мной. Я захлопнул дверь и прижал ручку рядом стоящим стулом. Щелкуны начали долбить

дверь; проследовав к окну, я запнулся о тело деда и рухнул на пол. Стул под дверью хрустнул, и щелкуны начали прорываться через проем, создавшийся в двери. Резким прыжком я нырнул в окно и с треском вывалился из избы в сугроб. Еле как выбравшись из-под снега, я побежал в сторону леса. Кровь от осколков окна застилала глаза, я слышал зловещие щелканья за спиной, но я не поворачивался, я бежал, бежал как никогда не бежал, проваливаясь в снег, вставая и вновь убегая от той избушки.

Менты схватили меня поутру, нашли съежившегося в сугробе — думал, умру, замерзну, даже не думал, а надеялся. Но судьба распорядилась иначе. Никому ничего не говорил, просто молчал. Били сильно, но я молчал, лишь изредка пощелкивая зубами. Щелк… Щелк… Щелк… Щелк… Насмехался, не знаю над кем, может, над собой. К моим восьми впаяли еще 10 лет строгача. Уж лучше в тюрьме — тут спокойней, лучше, чем на воле. Не хочу туда, они там найдут и придут за мной. Щелк… Щелк… Щелк…

Вы въезжаете в Городок Страхов

История случилась в сибирской провинции.

Около года назад работал я водителем на «Газельке», развозил алкогольную продукцию по сибирским регионам. Был это обычный осенний день, немного пасмурный, но ничем не отличающийся от остальных. С утра на складе, как обычно, получил путевой лист, загрузился и отправился в небольшой поселок N, в котором еще ни разу не довелось мне побывать. Но со мной всегда есть верный помощник — GPS-навигатор, на котором я указал свой пункт назначения и отправился в путь. Ни много ни мало заняла дорога — около пяти часов. После трех часов езды по шоссе GPS отправил меня налево, по убогой дороге, то из щебенки, то из убитого в хлам асфальта, и наконец на чисто деревенскую земляную дорогу, прокатанную здешней сельскохозяйственной техникой — в общем, плакала моя и так неживая ходовка и ругалась на каждой выбоине.

В общем, с горем пополам попал я в это богом забытое место. Хочу сказать, положение у данного поселка удручающее. Проезжая по узким

улочкам между старых как говно мамонта домов, разбитых заборов, лающих собак, бабулек на лавочках, провожающих взглядом мое корыто, и шатающихся алкобратьев, наконец выбрался по навигатору к небольшому павильону с обшарпанной и обесцветившейся табличкой с надписью «Продукты». Встретили меня, мягко говоря, не ахти: продавщица советской закалки, с пышными формами и таким же животом, что-то пробурчала зловещее и пошла искать грузчика-синяка для разгрузки зеленого змия. В общем, по времени ушло на сие занятие около двух часов. Ведьма-продавец за это время настолько вынесла мне мозги, что я незамедлительно после ее росписи и выдачи наличмана покинул адское логово под названием «Продукты».

Время близилось к шести вечера. Отъехав недалеко от магазина, я наконец решил перекусить домашней «хаванины», заботливо наложенной моей женой в двухлитровую банку. Набив желудок, решил передохнуть полчасика и отправиться обратно «на родину». После выкуренной сигарки и выпитого из термоса кофе меня немного сморило и мои глаза, не спрашивая меня, захлопнулись, а мозг приказал организму отбой. Проснулся я уже в девятом часу. Не знаю, как так

получилось, — обычно если отключусь на работе, то не больше получаса, а тут, видимо, здешняя унылая жизнь подействовала и на меня. Почему-то только сейчас до меня дошли мысли, почему ни разу не звонил телефон, ни от жены, ни с работы звонков не поступало. Взглянул на монитор мобилки — как, в принципе, и ожидал, связь отсутствовала. Надо было срочно выбираться из этого богом забытого места. Недолго думая, завел свою «шушлайку» и отправился обратно домой.

Без того пасмурная погода превратилась в жуткую мглу. GPS-помощник начал глючить и никак не давал мне назначить обратный маршрут: плутая по разбитым улицам, я не раз возвращался к обители зла под названием «Продукты». Никак не укладывалось в голове, как я мог заплутать в четырех улицах, на которых не было ни души. Причем во всех окнах домов не было света, как будто все вдруг испарились. В общем, покружив полчаса по безлюдным улицам, я уткнулся в старинную, наполовину утопленную в землю избушку с проблеском света в окне. Остановившись, я заглянул в окно и увидел, что этот проблеск есть обычная свеча, она одна-единственная в доме стояла на старом столе, и больше

внутри ни души. Пока я разглядывал кого-нибудь живого в окне, сзади тихим старым голосов проскрипела старуха:

— Ты что здесь высматриваешь, ирод?.. Мляяяя…

Я чуть в штаны от страха не описался. Бабулька была низкого роста, горб чуть ли не выше ее головы, от морщин почти не видно глаз, ни дать ни взять Баба-яга. Немного отойдя от страха, рассказал бабульке, что заблудился. Поворчав, бабка направила меня восвояси, перед этим показав дорогу из поселка и сказав, что в такое время тут лучше не ошиваться, дабы не навлечь на себя беду. Делать нечего, надо было как можно быстрее выбраться отсюда, уж не домой, но хотя бы выйти на шоссе. Бабка не соврала — дорога вывела меня из этого местного Сайлент Хилла.

Не знаю, той ли дорогой я приехал сюда — видимость была нулевая, шел по приборам, свет фар освещал пару метров гребаной земляной дороги. Проехав километров пять, я наткнулся на лесную чащу. Между деревьев была узкая дорога, заросшая травой, время было уже половина двенадцатого, навигатор ругался, что я покинул маршрут. Делать было нечего, другой дороги нет — закурив, я продолжил движение;

проехав несколько метров, я увидел ржавую, криво прибитую длинными загнутыми гвоздями табличку на дереве с надписью, намалеванной бордовой высветившейся краской: «Вы въезжаете в Городок Страхов». Черт, подумал я, наверно местные пацантрэ поприкалывались. Времени на размышления не было, поэтому я продолжил путь в сей «городок». Проехав немного, электрика в машине начала просто сходить с ума — фары то тускнели, то светили ярче яркого, GPS-навигатор то потухал, то рябил, как телевизор без антенны; страх поступал к желудку все ближе и ближе.

Промчавшись по ухабистой дороге, я выехал на огромную свалку и просто обомлел. Большие, просто огромные кучи мусора, высотой метра по три, располагались между узкими проездами, как будто это не мусор, а дома со своими переулками и проездами. Меня пробил холодный пот, но я продолжил движение — обратно ехать смысла не было. Продолжив движение по прямой сквозь громадные кучи мусора, я медленно давил на газ. Электрика в моем авто просто сходила с ума. Мысли лезли самые страшные, а ночь только началась. Блуждая по чертовой свалке, я вдруг услышал громкий стук в кузове «Газельки», как будто кто-то внутри кулаками

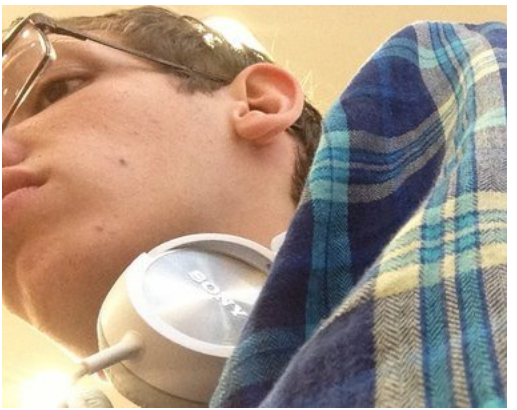
долбит по бортам кузова. Меня снова обдало холодным потом. Автоматически я повернул голову за сидушку, прислушавшись, что происходит, не останавливаясь. Страх уже подобрался к прямой кишке. Стук усиливался с каждым разом. Наехав на кочку, «Газелька» подпрыгнула, я вернул голову в обратное положение к дороге, и страх вырвался наружу! За лобовиком прямо мне в лицо уставился кривой овал какой-то страшной рожи. Перекошенный рот с пустотой внутри, громадный и кривой нос и узкие без зрачков глаза. От страха я не мог толком разглядеть, что же это за существо. Меня схватил ступор, руки как вросли в руль, я не мог пошевелить и пальцем. Оно смотрело прямо мне в глаза. И через несколько секунд я на скорости въехал в громадную кучу мусора и ударился головой об руль.

Очнулся я часов в пять утра, солнце уже нагревало мою макушку. Я поднял жутко болящую голову на жутко болящей шее и увидел щебенистую дорогу, по которой проезжал вчера в поселок. Лобовик был треснут, и на капоте были видны громадные вмятины. Из машины я не вышел. Проскрипев стартером, завел машину и автоматически поехал к шоссе. Через часов

пять я был на базе. Сказав, что попал в аварию, и отдав наличку и документы, я направился домой; в моей голове не было совершенно никаких мыслей, просто какое-то тупое безразличие. Через пару дней я написал заявление на увольнение.

Работаю в частной фирме, развожу стройматериалы по городу, в незнакомые места больше не суюсь — у меня на этот счет развилась своя фобия. Эту историю я не рассказывал никому. Только водилам с базы наказ дал на данный объект не соваться, мол, дорога говно, из-за нее я машину убил. А вот сейчас решил написать. Простите за мой диалект и возможные ошибки в орфографии и пунктуации, я ведь простой водила старенькой разбитой «Газельки».

Илья Розов



Розов Илья Юрьевич родился в городе Ашхабад. Его семья переехала в Брянскую область, когда ему не было еще и трех лет. Писать Илья начал рано. Пробами пера были стихотворения, но позже появились и рассказы. Перед читателем первая работа автора в прозе — «Джек». Вторая часть произведения написана уже после того, как у Ильи были выпущены в свет «Арена Москоф», «Грех», «Суп из земли».

Автор был номинирован на премию «Поэт года

2011».

Джек

«После первого приема наркотика в тебе поселяются как бы две личности: одна твоя, а вторая циничная наркомана. И после каждого укола эта животная личина становится все сильней твоей истинной жизнерадостной личности. Не опускайся до того момента, когда эта личность станет капитаном вашего корабля, а твоя жизнь станет жизнью наркомана, который не имеет ничего общего с тобой».

Глава 1. Сонные кумары[1]

Я очнулся в холодном поту. Сердце бешено стучало, меня всего колотило. Это означало лишь одно: скоро придет ломка. Депрессия навалилась камнем. Мне не хотелось жить. По мышцам пошла ломота. Я кинулся к шкафу, но на полпути споткнулся о спящего на полу Джека. Пес поднял на меня свои серые глаза и гавкнул.

Открыв шкаф, я обнаружил, что дозы нет. «Черт!» — выругался я и пнул ногой Джека.

---

[1] Примечания: 1

Кумары — наркотическое похмелье, синдром отмены наркотиков, который проявляется в виде физических и психических страданий.

В ту же секунду мне стало жаль пса, и я извиняющим тоном сказал: «Прости меня». Джек вильнул хвостом.

Меня начало трусить, в разных частях тела запульсировала боль. «Нельзя терять ни минуты, нужно бежать к барыге», — решил я. Надевая куртку, я стремглав вылетел на улицу.

Погода тоже не радовала. На улице моросил дождь, дул ветер. Было очень прохладно. Хорошо, что продавец смерти/счастья/радости жил недалеко.

Трижды нажав на звонок, я еще и постучал три раза. Продавец не заставил себя ждать.

— Чего приперся? Деньги есть? Ты мне за прошлый раз должен, — пробурчал он.

— Мне нужна срочно она. Дай дозу. Я на все готов, — сказал я, чувствуя, что ноги и руки выворачивает, а под кожей зашевелились жуки. У наркоманов действительно при ломке появляется ощущение жуков под кожей, и многие даже, обдирая кожу до крови и мяса, ищут их.

— Я дам тебе дозу, — сказал барыга, — если ты перевезешь один товар. Прямиком из Италии сюда. Договорились? — и протянул мне пакет. Мое сердце стало стучать все сильнее.

Я, хватая воздух ртом, выхватил пакет из его

руки и ответил: «Договорились».

Тогда продавец счастья сказал: «Я сам тебя найду. И без кидалова. Не кинешь — получишь еще один презент», — и захлопнул дверь.

Ложка. Огонь. Трясущимися руками варю ханку[2]. Руки опять трясутся, не дай бог опрокину свое счастье на пол. Со стороны можно подумать, что я так делал тысячи раз, но сегодня первый раз в своей жизни я готовил себе ханку. Готово, жгут на руку, укол в вену, дрожащими губами ловлю приход. Вмазал[3]. Тепло расползается по всему телу. Боль, ломающая мое тело, исчезает. Руки расслабляются, шприц падает на пол с таким звуком, будто бы упало что-то тяжелое. Приход[4].

Яркий свет. Он впился в мой мозг, сверлил мою голову. Нет, я вернулся в этот дурацкий мир, скоро боль вернется. Почему счастье все короче, а боль все длиннее, острее? Прикрывая лицо от яркого безжалостного света, я встал с пола. Сегодня — это еще сегодня? Или новый день?

---

[2] Примечания: 2

Ханка — особый вид накротика опиумного происхождения.

[3] Примечания: 3

Вмазать — принять наркотик (сленг).

[4] Примечания: 4

Приход — период очень сильной психической стимуляции, наступающий после принятия наркотика, чаще всего опиатов или первитина, и длящийся короткий промежуток времени.

Неважно, от этого ничего не изменится. Надо к другу (хм, другу — самому не верится), может, есть что вмазать у него, а то в кумарах лазить нельзя. Все равно я долго не протяну, ломка не за горами. И эту собаку (как ее зовут?!) взять с собой, может, у него хавка есть. Хотя бы хлеб, а то вообще подохну. Ну и черт! Свистнув Джека, я вышел на улицу. Пес послушно потрусил следом.

Глава 2. Мой друг

В подъезде невыносимо воняло мочой, блевотиной, сигарами. Смрад стоял ужасный, но за последние три наркоманских года мой нос и не такие запахи выдерживал. Тем более что в загаживании этого подъезда сам принимал участие. Поднявшись на третий этаж и изрядно запыхавшись, я постучал. Три коротких удара, один длинный. Этот пароль Руслана — вряд ли он защитит его от рейдов, но прокуренный мозг не способен заучить более сложный.

— Заходи, браттелло! У меня что-то есть для тебя, — сказал он и захихикал противным смехом.

Я зашел.

— Здоров, Руслан. Что ты там нарыл?

Вонь в квартире стояла хуже, чем в подъезде, к запахам постоянных варок примешался запах

гниения. Оно-то и понятно: наркоманы — живые мертвецы, особенно стимульные, такие как Руслан. Стимульные наркоманы — сидящие на винте, первитине[5]. Руслан был не один, с ним была, как их называют, «приходная девушка», Олеся. У них что-то вроде любви, хотя не знаю, у наркомана может ли быть настоящая любовь? Они вместе из-за секса, который под наркотиками доставляет великое удовольствие.

Руслан держал на руках статуэтку — золотую кошку. Я удивился:

— Откуда у тебя такая прелесть?

— Из дома стибрил. Мать деньги дома совсем не оставляет, хорошо, что замок не сменила. Тварь, — усмехнулся Руслан.

У меня кровь в жилах закипела, и я ему вмазал. «Ты скотина, это же твоя мать!»

Олеся завизжала, Руслан встал, держась руками за нос: «Смотри-ка, какой правильный! Скоро сам таким будешь. А мать, эта старая тварь, мне смерти желает. Говорит, когда ты уже умрешь, мне легче на могилку твою приходить. И это моя мать. Как я должен был с ней после этого поступить?» Он внезапно повернулся к Олесе

---

[5] Примечания: 5

Первитин — это уличное название метамфетамина. Метамфетанин — это белый кристаллический наркотик.

лицом и толкнул ее: «Замолчи, сука, он думает, что он еще не с нами, что он не такой. Но какого черта он сюда приперся? Ему нужна книжка, хорошая книжка, иначе его будет кумарить, а это ох как нелегко». Я оторопел: «У меня все под контролем, я управляю собой, в отличие от некоторых. И смогу остановится, когда мне это нужно будет. Но я никогда не опущусь до кражи и убийства. Никогда не стану животным, готовым ради дозы на все, на любую подлость».

Олеся посмотрела на меня своими мутными глазами:

— Да, хорошо. Только нас уже не исправить. Мы уже дно этой поганой жизни. Ты еще барахтаешься, но скоро тоже пойдешь вниз, в самое дерьмо.

Руслан рассмеялся.

— Хватит философствовать, не пугай парня, который балуется. Тем более коксом,[6] он не опасен. Помогает думать.

Руслан не знал о моем приобретении ханки. Во мне проснулся наркоман: вспомни, там остался второй пакетик. Надо вернуться к нему. Уходи от этих друзей, иначе они узнают о твоем сокро-

---

[6] Примечания: 6

Кокс — уличное название кокаина.

вище. Ты не хочешь делиться, правда?

— Да, пошел ты к черту! — крикнул я на Руслана. — В этот дом я больше ни ногой. Ты уже опустился до воровства, ты не хочешь ли остановиться? Посмотри на себя, ты гниешь изнутри, у тебя зубов почти не осталось, вместо вен одни синяки и дорожки. Надеюсь, что ты не начал в пах колоться, иначе твоя дорога прямиком в землю.

Я, разозлившись, вышел и со всей дури хлопнул дверью. Воровство — это уже последний шаг, ну уж нет, я сильнее наркотика, тем более кокса. Да уж, далеко он зашел, а еще два года назад был нормальным парнем, спортом занимался. Я затянулся сигаретой. Вот черт его дернул познакомиться с этой Олесей. Она его и подсадила на винт. Страшная штука. От него со второго укола уже не слезешь, дальше — хуже. Причем делают его из всякой дряни: бензина, спирта, спичечных головок. Мрак. Я помотал головой, выкинул бычок и вышел на улицу. Дождь закончился, приближался вечер. Ветер обдувал мне лицо. Дрожь. Только от холода или нет? Я двинулся домой и вспомнил, что брал с собой Джека. И где эта собака? Паршивый пес. Он даже к Руслану не пошел. Пусть до утра погуляет, мо-

жет, поест где-нибудь.

Глава 3. Реквием по мечте

Джек ждал меня возле подъезда. Виновато виляя хвостом, он пару раз тявкнул и посмотрел на меня своим преданным взглядом.

— Эх ты, псина, — я подошел к нему и потрепал по голове.

Джек высунул язык и часто-часто задышал от радости. Он попытался меня лизнуть своим мокрым и розовым языком, но я отвернулся.

— Ну хватит, хватит с тебя извинений. Ты прощен.

Дом, милый дом. Точнее, квартира, милая квартира. Я скинул куртку на диван, Джек сразу улегся на нее. Порыскав в холодильнике, нашел два яйца и одну сосиску. Немного, но для перекуса хватит. Пожарил себе яичницу, поставил чайник и, глотая слюну, сел на диван рядом с Джеком. Пес моментально проснулся. Его глаза так и просили: «Дай кусочек». Я расщедрился и отрезал ему кусочек яичницы с сосиской.

Попивая чай и поглаживая свой живот, наполненный (не полностью, но и не пустой), я думал, что еще для счастья надо. Снова во мне проснулся наркоман: белый порошок. Пакетик

на столе. Рука так и тянется к нему. Продли себе удовольствие. Раскрась этот прекрасный вечер. Мой мозг отключился, и, вскочив на ноги, я схватил пакетик со стола. «Мое сокровище, моя прелееесть!» — захохотал наркоман внутри меня. Ложка, огонь, белый порошочек, вена, жгут. Вздох облегчения. Волна тепла распростерлась по всему телу. Бабочки в животе. Как-то слишком хорошо стало. Очень хорошо. Темнота и блаженство. Серый мир исчез. И я потерял последнюю нить с реальностью.

Вот я в квартире. Стены украшены какими-то фотографиями. Я беру одну из них. На ней запечатлен мой день рождения. Мне тогда исполнилось 12 лет, и родители преподнесли мне щенка, Джека. Моя великая радость, счастье плескается в глазах. Джек такой неуклюжий. Тут фотография потускнела, стала черно-белой. Я от удивления выронил ее на пол. Она разбилась. Я беру следующую фотографию. На ней изображена моя мать. Она такая красивая, такая родная… Внезапно фотография стала тускнеть, светлое лицо матери, выглядевшее молодым, осунулось, она постарела лет на десять. Фотография рассыпалась в прах. «Что за черт?» — пронеслось в моей голове. Тут я заметил какую-то странную фотографию. Она пе-

реливалась. На ней была изображена вечеринка, точнее, ее конец, когда одни трахаются, а другие блюют. Я в дурацком колпаке держу две бутылки пива в руках. Лицо идиота. Именно на этой чертовой вечеринке я познакомился с тетей Норой[7]. Первый раз. Игра чувств, всплеск эмоций, прилив энергии. Счастье в одном миллиграмме. Его принес Руслан — я тогда не знал, что он уже сидит на наркотиках. Внезапный порыв ветра сметает фотографии со стола, они в круговороте улетают в окно. «Что происходит?» — думаю, а ноги меня несут к окну. Я прыгаю вниз и приземляюсь на ноги. Идет сильный дождь, капли бьют меня по лицу, но я иду следом за фотографиями. Они потихоньку исчезают, растворяются в воздухе. Я выхожу на полянку. Мое внимание привлекает человек, копающий яму. Он орудует лопатой, комья земли летят в разные стороны. Тут начинается самое странное: он простирает руки к небу и к нему опускается звезда. Она светится серебряным светом. От этой красоты нельзя оторвать глаз. Человек берет ее и кладет в яму. Начинает закапывать. Свет звезды угасает. Человек бросает лопату и начинает руками, своим

[7] Примечания: 7
Тетя Нора — кокаин.

руками, закапывать звезду.

— Что вы делаете? — закричал я. — Зачем закапывать такую красоту?

Человек перестал закапывать, встал и обернулся. Его лицо оставалось в темноте:

— Нельзя закапывать эту красоту? Почему? Это моя мечта, моя жизнь, но она потеряла смысл. У меня есть прелесть, всего остального мне не надо.

Он протянул мне какой-то пакет. Это была кока. Тут его лицо осветила луна и я снова закричал. Это было мое лицо, но оно было какое-то безжизненное, серое. Я, не в силах выдержать этот страх, побежал. Дождь все сильнее стал хлестать меня по лицу. Капли стали холоднее. Мою щеку прорезала боль, и я очнулся. Из щеки шла кровь, сверху лилась холодная вода. «Что за черт?» — подумал я. Джек прыгал вокруг винтика с холодной водой. Он пытался пастью его покрутить, и вода шла от его стараний все сильней.

— Что на тебя нашло? — спросил я, и тут меня вырвало.

Мне было так плохо, живот крутило, тело тру-

сило. Передоз[8]. Небольшой, но передоз. Если бы не Джек, я мог бы умереть. Главное — не заснуть, главное — не потерять связь с реальностью. Еще нужно пить. Я прильнул к льющейся воде. Меня снова вырвало. Интересно, это само пройдет? Я мотнул головой, пытаясь не потерять связь с реальностью. Мне становилось холодно от душа, я потихоньку приходил в себя. Если очнусь, выживу, то обязательно куплю Джеку самую большую косточку. И брошу… Нет, не спать! Джек гавкнул, отрезвляя меня. Я снова наклонил кран и попил из него. Дыхание, главное, не сбить.

Через полчаса я был уж в норме. Холод, вода и, главное, Джек сделали свое дело. Никогда больше не прикоснусь к этой гадости. Но у меня одного не хватит сил, надо бросать вдвоем. Буду Руслана просить, надеюсь, он не хочет так быстро умереть.

Глава 4. Это не больно

Осень. Увядающая природа радует глаз, шелест сухих листьев под ногами, игра красок, серость

---

[8] Примечания: 8

Передоз — передозировка, медицинский термин, описывающий случай приема лекарственного или наркотического препарата в дозах больше рекомендуемых или обычно применяемых.

успокаивали мою душу. Но сегодня осень была еще одной причиной для депрессии. Утро, встретившее меня, было ужасным. Боль распиливала мое тело, мышцы ломило. При каждом малейшем моем движении в тело впивались тысячи тоненьких иголок. Я хотел остаться в кровати на весь день — организм устал от вчерашней передозировки. Но меня что-то гнало к Руслану, я понимал, что с каждым днем у меня все меньше шансов выбраться из этого болота, у Руслана счет шел на часы. Понимая безысходность этого положения, я встал с кровати и заорал от боли. Но стиснув зубы, я начал одеваться. Джек, увидев меня, радостно завилял хвостом. Мы вышли на улицу. Погода была хорошей, светило солнце, но мне казалось, что свет от него исходил какой-то тусклый. День, несмотря на солнечную погоду, был какой-то серый. Наркоман во мне очнулся: «Не хватает красок? Ты знаешь, что нужно делать. Барыга[9] живет недалеко». Но я не поддался провокации, мне хватало вчерашнего баланса на грани между жизнью и смертью, я и продолжил путь.

Дверь у Руслана была открыта, что очень стран-

---

[9] Примечания: 9
Барыга — продавец наркотика (сленг).

но, учитывая постоянные шмоны притонов. В квартире была Олеся, она стояла, наклонившись, возле дивана и шептала: «Дыши, дыши, дыши». Промелькнувшая в моей голове догадка заставила меня вбежать в квартиру. На диване лежал Руслан. Казалось, он спит, но что-то настораживало в его ангельски спокойном лице.

— Что с ним? — заорал я.

— Передоз. Он уже мертв, — и продолжила как ни в чем не бывало: — Дыши, дыши, дыши.

Так, с Олесей все ясно: она в заморочках[10]. Я схватил холодную руку Руслана и пытался нащупать пульс, но тщетно.

— Дура, он умер! — заорал я на Олесю. — Надо вызывать скорую. Пусть труп заберут.

— Если вызывать скорую, то нужно называть причину — узнают о передозе, вызовут ментов. Начнут шмонать,[11] и нас загребут, особенно увидев наши дорожки[12].

— Что же делать? — отозвался я. Перспектива

---

[10] Примечания: 10

Заморочки — состояние, когда наркоман повторяет одно и тоже действие, одну и ту же фразу.

[11] Примечания: 11

Шмонать — обыскивать (сленг).

[12] Примечания: 12

Дорожки — следы от уколов.

оказаться на нарах совсем меня не радовала. Но и друга (точнее, его труп) оставлять тут нельзя.

— На кухне мешки для мусора были, — безучастно ответила Олеся.

— Олеся, очнись! Ты совсем свои мозги прокурила? Он жил вместе с тобой, помогал тебе. Я знал его с самого детства. Хоть он и наркоман, но его нужно похоронить по-человечески, гроб, похороны, отпевание, — пытался я образумить Олесю.

Но она лишь пожала плечами:

— Был человек, нет человека, но труп-то остался. Если мы будем хоронить по-человечески, то опять скорая, плюс у тебя есть деньги на гроб и всю эту лабуду? Он уже мертв, а мне этих денег хватит, знаешь, на сколько минут счастья?

— Олеся, ты же с ним жила. Ты не чувствуешь боли утраты, горечи? В тебе хоть что-то осталось человеческое? — возмутил меня ее спокойный тон.

— Ты скоро поймешь, что это не больно. Наркотик уже у руля. Нет боли, нет печали, нет чувств. Это не больно. Но ты же такой человечный, поможешь мне убрать труп? — спросила она.

Я понял, что Олеся стала дном наркомании, до ее души невозможно достучаться. В который

раз себя проклял, что попробовал кокс. Не хочу стать циничным животным, безжалостной машиной, которой нужна жизнь лишь для кайфа, в постоянной погоне за счастьем я не хочу потерять свою душу.

— Страшно — вмажься, станет легче, — по-своему восприняв свою задумчивость, предложила Олеся.

Нет, только не наркотики. Но тут во мне проснулся наркоман: «В тебе остались человечность, доброта, душа. Давай, ширнись, я встану у руля. Я все сделаю за тебя. И тебе легче, ведь ты не будешь принимать в этом участие, ВСЕ СДЕЛАЮ Я».

— Так ты мне поможешь? — снова спросила Олеся.

Помимо моей воли вырвалось:

— Да, но я не смогу в трезвом сознании. Иди, приготовь мне винт.

«Зачем мне наркотики? Тебе вчерашнего было мало?» — спросил я сам себя. Но ответ был уже заранее подготовлен: он встанет у руля. Ты ничего не будешь делать. Это будет в последний раз. Потом ты бросишь, но сейчас мне необходимо принять, иначе ты не сможешь помочь Олесе, соседи узнают про труп, вызовут ментов,

начнут нас искать. Тебе это нужно? Аргументы весомые, но это в последний раз я принимаю. И боль, сверлящая меня, исчезнет. Только нужно сходить за шприцами. Не хватало мне и гепатита со СПИДом, а то и так слишком далеко зашел». Крикнув Олесе, что пошел за шприцами, я вышел из квартиры.

На улице мне представилась странная картина: Джек притаился в кустах и за чем-то внимательно наблюдал. Проследив за его взглядом, я увидел большого, жирного и вполне аппетитного голубя. Стараясь не спугнуть добычу пса, я на цыпочках направился к аптеке. Но не прошел я метров десяти, как раздался шум и я обернулся. Весь в голубиных перьях и держа барахтающегося голубя в зубах, стоял Джек. «У голубя не было ни малейшего шанса выбраться», — подумал я, зная сильную хватку пса. Зато он хотя бы поест, в отличие от хозяина.

Когда я возвращался к Олесе, Джека на улице не было. Опять, наверно, погнался за кошкой или пошел домой. Поднявшись в квартиру, я зажал нос: невыносимо воняло бензином. Это означало лишь одно — джеф[13] готов.

---

[13] Примечания: 13
Джеф — иное название первитина.

Олеся была уже упоротая. Заплетающимся языком спросила:

— Ты впервые винт пробуешь? Тебе пять точек?[14]

— Да, давай, — сказал я.

Небольшая боль в области вены. Приход. Теплая волна, начиная снизу живота, распространяется по всему телу. Яркость красок заполоняет мир, он становится красивым. Даже уродливое серое лицо Олеси стало казаться мне привлекательным, и мы начали целоваться. Но она меня оттолкнула:

— Потом, пока кайф не кончился. А то ты не сможешь убрать труп. Ты готов?

Я не счел нужным отвечать на вопрос. Готов убрать труп? Да я готов горы свернуть, не то что тут тушу выкинуть.

Нужно труп расчленить и в разные мешки положить. Сверху шмотки — за мусором приедут завтра-послезавтра и заберут. Мусороуборщики. Она рассмеялась, и я вместе с ней. Мне было так хорошо, что я сказал:

— Тащи топор, пилу, все что есть. Будем рубить

---

[14] Примечания: 14

Пять точек — доза для неподготовленного или ослабленного передозировкой организма, подразумевающая догонку без риска передозировки.

и пилить. Лесоруууубы.

Мы снова начали смеяться. Потом Олеся пошла за инструментами. Она принесла топор, ножовку и мешки для мусора. Мы принялись за дело. Труп Руслана кинули на пол, я взял топор, вдохнул и нанес первый удар по ноге. Там у него был развитый некроз, мышцы уже сгнили. С двух ударов кость разрушилась. Олеся вовсю орудовала ножовкой. И все это было прекрасно: мне нравился запах, исходящий от трупа, чавкающие звуки, бурая кровь. Мне все это нравилось.

— Джеф, хорошая штука, — сказал я, и мы засмеялись. Словно это была какая-то шутка. И так продолжалось — мы рубили, пилили и смеялись, смеялись, смеялись.

Олеся сказала:

— Что-то таска кончается, надо догнаться.

И я согласился.

Мне было страшно возвращаться из этого прекрасного мира в ужасную квартиру Руслана. Тем более ужасным было осознание того, что мы сделали. Надо поскорей бы закончить с этим и убраться отсюда. Олеся принесла еще дозу винта, и мы продолжили. Смеяться и рубить.

Я рубил не переставая, не чувствуя усталости, Олеся тоже не отставала. Мы закончили очень

быстро (я думал, что прошло полчаса, на самом деле мы потратили на это тело/дело более трех часов). Пораскидав куски Руслана по мешкам и смешав их с его шмотками, мы вышли на улицу.

Уже вечерело. Красивое серое небо над нашими головами, прохладный ветерок ласкает наши лица. И тишина. Но непоколебимость этого мира разрушил голос:

— Граждане, стойте. Почему вы все в крови? И что это у вас в мешках?

Я от ужаса обернулся. Это был молодой парнишка, лет девятнадцать, от силы двадцать три, в милицейской форме. «Черт, да это же мент», — дошло до меня. Олеся даже не повернулась.

— Гражданка, стойте! — крикнул милиционер и попытался ее остановить.

Видя его замешательство, я схватил кирпич (откуда он там взялся?) и ударил его по голове со всего маху. Парнишка вскрикнул и начал оседать.

— Видишь, это не больно, — захихикал наркоман.

Олеся обернулась и захихикала:

— Он такой мертвый.

Я тоже засмеялся:

— Он такой убитый.

Мы взяли и труп мента и понесли его к мусорному контейнеру.

— Место мусора в мусорке, — сказала Олеся, и мы опять захихикали, выбросили тело милиционера в контейнер.

Следом полетел Руслан, а точнее то, что осталось после Руслана. И все это время мы смеялись. Я понял одну важную вещь: наркотик разрушает границы, которые тебе насаждает чертово общество, ты не обязан им подчинятся. Убивать не больно. Хоронить не больно. Терять друзей не больно. Осталась лишь одна боль — физическая. Все остальное не больно.

Глава 5. Джек

В жизни каждого наркомана есть очень опасный момент: пошатнувшаяся нервная система от каждой дозы тяжелых (читайте «внутривенных») наркотиков может резко сломаться в любой момент. Наркоманы этот момент называют изменой, когда человек под воздействием наркотиков теряют последнюю нить с реальностью, то есть они остаются в мире иллюзий навсегда и выбраться самостоятельно не могут. Но это иллюзии страха, паранойи. Жизнь ста-

новится бесконечным кошмаром, днем сурка, где опасность на каждом шагу, и в лучшем случае все кончается в сумасшедшем доме, в худшем — на кладбище. Хотя кто знает, что в данном случае лучше?

Ночь оказалась самой ужасной в моей жизни. Я не мог заснуть: сначала из-за действия джефа, потом из-за ужасов вчерашнего дня. Кровать казалась мне камерой пыток — то холодная, то горячая, то колкая, то мягкая. Мне все не нравилось. Воздействие винта стало угасать, и в мой мозг, словно осы, впились воспоминания: кровь, убийство, топор, мешки с кусками друга, это не больно. Я заорал от нахлынувших чувств. Что я наделал?! Джек подпрыгнул с коврика от моего крика и подбежал ко мне. Он пытался лизнуть мне руку, но я его оттолкнул: «Не до тебя сейчас».

Мне нельзя оставаться в этом холодном, бездушном мире, хочу туда, где цветочки. Тут мой коварный мозг подкинул еще одно неприятное воспоминание: дозы нет. Я все употребил. Ноги сами понесли меня к выходу.

— Наплевать на время суток! — захихикал мой наркоман. Джек побежал за мной.

Ночная улица оказалась еще одной камерой

пыток: луна слепила меня, каждый шаг отражался гулким эхом. И холодно, очень холодно. Дом барыги словно светился изнутри. Сначала я подумал, что мне привиделось, но оказалось, хозяин не спал. Я забарабанил кулаком в окно, дверь отворилась, и раздался хриплый голос:

— Кого еще черт принес?

— Это я, — дрожащим от волнения голосом ответил я.

— На ловца и зверь бежит, — наконец увидев меня, сказал продавец. — А ты почему голый?

Тут только до меня дошло, почему мне было холодно. Одни трусы навряд ли согреют.

— А зачем вы меня искали? — пытаясь понять его пословицу, спросил я.

— Полет в Италию. Помнишь? Я до тебя дозвониться не мог, а ты тут как раз вовремя, только голый и с собакой. Сейчас что-нибудь придумаем, — сказал он. — Билет на шесть часов утра, сейчас три. Так, помоешься в тазу на улице, потом вынесу тебе одежду. Дозу, как я понимаю, сейчас давать.

— Да, и как можно скорее. Джефа, — я начал наглеть, но винт — единственная штука, которая меня может спасти.

— Хорошо. Джеф так джеф, — ответил прода-

вец.

Через полчаса я плескался в тазу, в теплой воде. Джеф скоро должен был появиться. Пытаясь расслабиться, я окунал голову в эту теплую воду. Вскоре появился ОН. Он вошел в мою вену нежно, наполнил мое тело собой. Вены набухли, тело стало расширяться. Но тут что-то лопнуло, что-то пошло не так. Мой хрустальный мир резко рухнул, треснул. Я оказался опять в настоящей реальности. Я мотнул головой, пытаясь вернуться назад. Ничего. НИЧЕГО. Я заорал:

— Шеф, еще джефа!

Шеф вышел, но что-то в нем изменилось: его маленькие крысиные глаза наполнились кровью, руки в кулаках. «Он хочет меня убить», — пронеслось в моей голове. Продавец приближался, злая ухмылка на его лице становилась все шире. Тут мой взгляд ухватил вилы, стоящие возле ворот. Быстро вскочив из таза, я крикнул:

— Джек, фас.

И побежал за вилами. Джек накинулся на продавца, схватил его за ногу. Он заорал. Мои руки схватили вилы, и с криком: «Хрен ты меня убьешь!» я пригвоздил его к земле. Продавец скорчился от боли, кровь мелкими ручейками потекла из дырок.

Понимая, что тут нельзя оставаться, я выбежал на улицу. «Нужно найти место, где меня никто не найдет, никто», — лихорадочно соображал мой мозг. Память вежливо подкинула воспоминания: подвал в моем районе. Там точно никто не найдет. «Прямо не пойдем, там за деревом кто-то стоит», — решил я. Машины пытались меня задавить. Водители следили за мной взглядом и по рации передавали мои координаты. Они, скорей всего, вызовут вертолет. Быстрей нужно добраться, за мной следят, идут. Джек, быстрей, быстрей! Пес словно услышал меня и действительно побежал за мной. К подвалу мы прибыли быстро. Надежно затворив дверь, я огляделся. Хоть и в подвале должно быть темно, но там по какой-то причине мерцала лампа. Никого. Я один.

Джек заскулил и улегся на пол. Мой взгляд переместился на него. Как я мог забыть! Пес. Чертов пес. Я прямо слышу, как они говорят: «Давай пришлем этому придурку собаку. Он ее к себе подпустит, а у нее жучок в животе. Мы его найдем и убьем. Убьем!» Шепот все возрастал в моих ушах: «Собаку, он нам поверит, пес ему поможет с продавцом, а потом мы его убьем». Я схватил пустую бутылку со стола. Джек поднял

на меня свои глаза и вздохнул. Ударив стеклянную бутылку об каменный пол, я сделал розочку и подошел к псу.

— Все хорошо, — потрепав его шкуру, воткнул ему розочку в живот.

Джек заскулил, начал лизать мне руку. Я все сильнее вдавливал розочку в живот. Теплая кровь хлынула мне по руке. Пес заскулил и поднял на меня свои чистые серые глаза.

— Меня жалостью не возьмешь! — вскрикнул я и резко распорол брюхо.

Голова пса опустилась на пол. «Последний враг повержен», — подумал я и засмеялся. Наркоман подкинул дельную мысль: «Нужно уничтожить улики, собака была у них главарем. Знаешь, что с тобой сделают за главаря?»

Я окинул взглядом подвал. Тут спрятать нельзя, на улице тоже. «Тогда съешь ее», — захихикал наркоман.

Точно — съесть. Я приблизился к собаке и прильнул к зияющей ране на животе. Потом неспеша засунул руку и что-то достал. Какой-то орган, почка или селезенка. Поднес ко рту и начал жевать. На вкус горчит немного, теплая. Я облизал себе пальцы. «Ну как тебе хот-дог?» — захихикал наркоман.

И я вместе с ним захихикал. Джек-хот-дог был ничего на вкус.

— Только майонеза не хватает, — сказал я, снова захихикал и продолжил есть.

Джек. Вторая часть. Тени
Под редакцией ЛСА

Oh When they come for me
Come for me
I'll be gone.
Linkin Park

Глава 1. На обломках прошлого

Она лежала на протертом диване. Ее мутные глаза были направлены в потолок. Из горла донесся хрип и полилась рвота. Олеся передозну-лась. Я должен был ринуться к ней, поднять ее голову, скинуть ее с кровати или хотя бы просто разбудить, но вместо этого я стоял и наблюдал.

Я никогда не видел, как умирает человек.

Сначала ее вырвало. Рвота фонтаном выплеснулась из полуоткрытого рта. Она зашлась в кашле, но не очнулась.

Она не боролась за свою жизнь. Может, смерть — это спасение для нее? Она захрипела — рвота затрудняла дыхание, еще чуть-чуть — и она умрет. Я потихоньку подошел к ней и закрыл пальцами нос. Ее в последний раз вырвало, рвота

даже пошла носом, но я не дал ей выйти. По телу пробежали конвульсии, ее трясло. А потом наступило спокойствие. Она покинула этот мир, и я ей помог.

Олеся всегда была мной желанна. Помню, как увидел ее впервые. Черные большие глаза, легкая улыбка. Она мне тогда крышу снесла, я втюрился. Ее легкий, непринужденный смех, ее открытость притягивала, но ей нравился Руслан.

Теперь я перестал что-то чувствовать к этому человеку. Я просто видел ее смерть, как заход солнца — завтра будет новое. Нет незаменимых людей, и от нее рано или поздно пришлось бы избавляться.

«В убийстве человека нет ничего плохого, если оно помогает ему выбраться на новую ступень развития», — подумал я, закрывая за собой дверь. Ее тело все равно найдут через неделю, не раньше. Или даже месяц форы. Но это был единственный человек, который мог мне помочь, но мог меня и сдать. Кто этим наркольшам доверяет?

На лестнице раздались шаги. Я натянул капюшон на голову и стремглав вынесся на улицу. За мной спускались сверху, надо вернуться в под-

вал. Там тишина, там гармония, там мой храм.

Я бежал не останавливаясь. Те, кто меня преследовал, — у них была выдержка, у них были связи и деньги, так что время было терять ни к чему. За мной могли и не гнаться, но рисковать я не хотел. Олеся была единственной ниточкой, ведущей ко мне. Теперь я свободен, только надо чуть-чуть подождать.

Глава 2. Мой бог

«Жизнь — кинопленка, за кадрами кадрфищущ[15]», — кассету зажевало. Руслан не стал выключать магнитофон. Для него песня продолжала звучать, и его голова кивала точно в ритм музыке. Он уже тогда закидывался потихоньку, чтобы жить было легче. Я пока только наблюдал и гладил Джека, собаку-предателя, по его жесткой шерсти. Он лизал мне руку. Я потрепал его, и Джек, весело тряся ушами, спрыгнул с дивана. Я встал, похлопал ладонями Руслану по щекам:

— Очнись, очнись, вернись ко мне.

Он пробормотал что-то непонятное, и я пошел на кухню ставить чай.

На столе лежал косяк. Он еще дымился. Я его

---

[15] Примечания: 15
Слова из песни «Тебе будет легче» группы «Рабы Лампы».

боялся и одновременно хотел попробовать. Как это — потерять связь с реальностью и отключится от мира? «Всего один раз, даже не затягиваясь», — наркоман в моей голове прошептал. Он появился, как джин из бутылки, лишь только я дотронулся до косячка. Я, переборов свой страх, закурил. Первый приход. Он был как весенний дождь, все тело покрылось приятными мурашками, вены набухли, квартира стала ярче, словно свет шел от каждой из вещей: от тумбочки, стола, стен, обоев. Воздух становился прозрачнее, всякий цвет был насыщенней. Мне хотелось жить.

Я проснулся. Мое тело уже знобило — земля была слишком холодной и сырой. Мои ноги пробирала сильная дрожь, но я встал. Пора искать новую дозу.

В кармане потертых джинс лежал чудесный пакетик джефа. Он был моим спасением на черный день, моим средством от боли и страданий, и более того, он заставлял мозг работать на полной скорости, — я смогу избегать встречи с НИМИ, пока у меня есть джеф. Он мой ангел-хранитель. Мой покровитель. Мой бог.

Глава 3. Поискуха

Чтобы найти новую дурь, нужно найти барыгу. Старый меня предал, нужно было найти что-то новое и без палева. Их наверху много скорее всего, но пока ни один не приблизился к месту моего пребывания. Я начал судорожно обыскивать свои карманы, ища дурь, но ее не оказалось. Джефом на черный день я ширнулся вчера. Может, в этом подвале кто-нибудь ее спрятал?

Я лихорадочно бегал от стены к стене, ощупывая каждый кирпичик. В моем мозгу всплывали воспоминания о фантастических фильмах, где нажимаешь на нужный кирпич и получаешь желаемое. Я их все ощупал — холодные, жесткие. Ни один из них не продавился внутрь, чуда не произошло.

Наркоман в голове прошептал: «Вспомни: особый кумар, ладан, чад. Таинство и магия. Вспомни...» В моем мозгу забрезжила мысль, а через мгновение все просветлело и осталось одно слово — «шаман».

Шаман в нашем мире — это человек, занимающийся галлюциногенными наркотиками. Его дело покрыто мистикой и чудесами, — скорее всего, из-за свойств самих наркотиков. Картин-

ки, рисуемые мозгом под ними, неповторимые и увлекающие за собой.

Теперь осталось собраться и выйти на улицу. К ним. Тихо, неприметно, обдумывая каждый шаг, не попадаясь.

Мое сердце сильно колотилось, пот прошиб. Меня снова знобило — ломка приближалась с каждой секундой, с каждым вздохом, с каждым ударом моего сердца. Я схватился за дверь двумя трясущимися руками и дернул ее на себя. Солнечный свет ослепил меня.

Мой план по обдумыванию каждого шага сломался на первых минутах. Я первого заметил сразу же, он делал вид, что заходит в дом. Как бы не так. Сейчас зайдет в лифт, поднимется на последний этаж, оттуда на крышу, достанет из ящика, стоящего возле антенны, снайперскую винтовку и подстрелит меня.

Второй торчал в машине, синяя «БМВ», ему поручено следить за мной. Может, приведу к месту своего пребывания, если первый выстрелить не успеет. Он меня и заставил побежать. Я было завернул за поворот, как «БМВ» тронулась со своего места пребывания, шурша колесами по асфальту.

Нужно запутать следы. Особой опасностью бы-

ло потерять дорогу к шаману. «Вдохни глубоко. Свежий воздух поможет взять контроль над мозгом», — прошептал треснутым голосом наркоман в голове. Видимо, ломка у него уже началась, а меня еще только знобило.

Дорога вывела меня уже к магазину. Еще чуть-чуть — и я дойду до заветной серой многоэтажки. Но тут до боли знакомый голос окликнул меня: «Сынок, что с тобой? На кого ты стал похож?» Это была моя мать.

Глава 4. Мать

Мой мозг в спешке заработал, пока язык, словно паук, стал выпускать потихоньку липкую паутину лжи.

— Да, мам, просто упал неудачно. Дико спешу, — я попытался обнять ее трясущимися руками. Но мать меня оттолкнула.

— От тебя сильно воняет, ты весь грязный, поцарапанный. Куда спешишь в таком виде?

Я мотнул головой, словно говоря: «Не твое дело». Но тут наркоман в голове оживился: «Шаман — это, конечно, хорошо, но что ты ему дашь взамен?! У тебя пустые карманы, а мать идет в магазин».

Мама заметила что-то в моих глазах, ибо она

прошептала: «Ты же не мог пойти на поводу у Руслана. Не мог стать наркоманом. Покажи свои чертовы руки». Она схватила меня за правую руку. Левая на автомате превратилась в кулак и ударила ее по лицу. Мать вскрикнула и упала на землю.

Наркоман прошептал: «Даже мать тебя предала. Она верит, что ты уже изменился, что ты наркоман. Но ты же не такой». «Конечно, не такой», — прошептал я ему в ответ. А кровь уже закипала от ярости. Как она, моя мать, могла подумать обо мне такое?! Я схватил ее левой рукой за волосы, а наркоша слабым голосом произнес: «Проучить нужно старушку». Мама смотрела на меня мокрыми глазами, ее рот открылся, и я со всей силы приложил ее об асфальт. Раздался треск, потекла кровь.

«Скорлупа разбита, — захихикал наркоша, — сейчас выпрыгнет птенчик». Я еще раз ударил ее головой об асфальт. Но это не возымело никакого эффекта, мать была уже мертва.

Я обшарил карманы, достал зеленый кошелек. Открыв его, я вытряс все, что там было. 150 рублей бумажками и мелочь. Должно хватить, если не на марки, то на грибочки точно.

Нужно было убираться с этого места. Горо-

дишко хоть и тихий, но труп могут заметить, тем более возле магазина. Хорошо, что никого нет.

Я оттянул то, что осталось от моей матери, в кусты. Поверить не могу, что все меня предали — сначала Джек, потом мать.

Я остался один.

Глава 5. Клондайк

Шаман долго не открывал дверь, пока я не ударил по ней со всего маху ногой. Выглянув в щелочку и увидев меня, он распахнул ее. Его стеклянные глаза впились в меня, говоря одно: парень ловит галлюны. Он попытался что-то произнести, его губы вытянулись трубочкой, и тут он облевался. Я поспешил зайти в квартиру, прикрывая за собой дверь. Все же, несмотря на все меры предосторожности, меня могли выследить. С закрытой дверью безопаснее, а шаману все равно пока домой не стоит заходить.

Квартира была вся в кумаре. Легкий дым шел от всего — начиная от недокуренных косячков и заканчивая варочными кастрюлями. На диване спали трое шаровых: двое парней и одна девушка. Похоже, их унесло, когда они занимались любовью — рука одного осталась на ее груди,

а другой пытался, видимо, снять с себя штаны. Надо будет узнать у шамана, что это их так унесло, и самому попробовать.

Тут в моей голове к микрофону подошел наркоман и произнес: «Сейчас ты в клондайке. Массы тебе хватит надолго, и ты деньги можешь сохранить. Главное — действуй быстро, собирай все, что может дать тебе приход, и уноси отсюда ноги. Мы снова выйдем победителями». Наркоман говорил всегда умные вещи, он был мудрее. Словно старший брат, который учит маленького жизни. Я был ему благодарен.

Мои глаза лихорадочно стали отмечать то, что я мог принять. Нужно заглянуть в холодильник. Мои руки сметали все — косячки[16], фольгу, снаряды[17], баяны[18] — все, что могло быть связано с наркотиками. Порывшись в мусорке, я достал пару использованных баянов. Там могло что-нибудь сохраниться. Теперь к холодильнику; ожидания меня не обманули — он был весь завален лекарствами. Я схватил пакет, лежавший

---

[16] Примечания: 16
Косячок — самокрутка или папироса с марихуаной (сленг).

[17] Примечания: 17
Снаряд — шприц, заряженный наркотиком.

[18] Примечания: 18
Баян — шприц.

на столе, и сгреб все туда. Я мог себе сварить джеф, и одна эта мысль меня окрыляла.

Я вышел из квартиры осторожно, стараясь не нарваться на шамана. Но это было безосновательно — он сидел на корточках возле стены и указательным пальцем водил по своей блевотине. Его губы издавали протяжный звук: «Мммммм».

Глава 6. Долгая дорога в подвал

Моя душа ликовала. У меня получилось взять дурь, оставить себе деньги, при этом без жертв. Шаман навряд ли вспомнит, кто к нему приходил, а других свидетелей не было. Для меня это значило то, что отношения с шаманом не потеряны, следовательно, когда закончится это сокровище, я знаю, где взять новое.

Но особенно меня грела одна вещь. Даже не вещь, — бриллиант, реликвия моей добычи — джеф. Его можно было сварить или просто уколоться уже баяном с остатками волшебного джефа. От одной мысли об уколе по моей спине, рукам пробежали приятные мурашки. Я любил джеф, как любил когда-то Джека, Олесю, мать. Он один остался со мной несмотря на все дерьмо, один меня не предал.

Как ни странно, на улице было пустынно. Даже подозрительно тихо — ни машин, ни людей, ни вертолетов. Что-то изменилось, исчезло. Я напрягал все свои чувства, и вскоре нашел недостающее звено. Мир словно потерял свое звучание: ветер не гонял листву, птицы не пели, везде воцарилась полная тишина. Наркоман в моей голове прошептал: «Это затишье перед бурей».

Мое радостное настроение вмиг улетучилось. Нужно было добраться до своего безопасного места. Мне резко стало холодно, а живот скрутило от страха. Тишина не исчезала, она словно огромным колпаком накрыла наш городишко. Я закричал что было мочи. Это не было фразой, это был сильный и протяжный крик буквы «а». Но дело в том, что его никто не услышал, даже я. Я только открывал рот, выдыхал воздух, и ничего не происходило.

Я ударил себя ладонью по щеке. Почувствовал боль, но шлепка не было. Все звуки словно что-то поглощало, вбирало в себя. «Они построили огромную машину, питающуюся энергией звука. Чтобы выследить тебя, ей нужно много энергии, поэтому она все поглощает. Зато работает с великой точностью, до миллиметра. Сканирует все

подряд», — произнес умным голосом наркоман. Действительно, он прав — я не мог сойти с ума, гуляя по улице. Это все они, мои преследователи. Мне нужно срочно попасть в подвал.

Я поднял голову и тут понял, что потерял путь в подвал. Я не узнавал ни дорогу, ни дома, ни деревья — абсолютно ничего. Мои глаза метались в спешке, хватали объекты, но не находили ориентир. «Они, скорее всего, воздействуют на мозг, на глаза. Постарайся меньше дышать — скорее всего, газ в воздухе», — удивил меня своими мыслями наркоман. — «И если ты не можешь узнать, то постарайся вспомнить в голове все это. Прокрути свои воспоминания, и скоро будешь в подвале». Наркоман был действительно здравомыслящим человеком.

Я стал перебирать свои воспоминания: шаман, мать, погоня, подвал. Вот я выхожу из подвала, мне в глаза бросается дом, многоэтажка. Она выкрашена местами в белый, местами в желтый цвет. Рядом с ней растут кусты, на которых есть розовые цветочки. Около дома есть зеленые скамеечки, на которых почему-то обычно никто не сидит. Я открыл глаза и увидел этот дом. Он стоял от меня шагах в трех. Пока я вспоминал, мои ноги сами меня привели к данному месту.

— Преследователи меня никогда не поймают, — усмехнулся я. Действительно хороший день.

В моем животе заболело от голода. «Хм, что у меня сегодня на ужин?» — задал себе я риторический вопрос. В подвале были остатки Джека, — надеюсь, они не испортились.

Я побежал к подвалу.

Глава 7. Тени

Никто не знает, сколько их. Они сами не знают точное количество таких как они, но их больше, чем горожан.

Люди цепляют их взглядом, скользя по их одежде, по их лицам, и быстро отводят свои глаза, поспешно выдыхая, словно боясь заразиться. Они словно призраки: все их не замечают, брезгуют, не слышат — и все же в глубине души боятся. Мало ли что придет бомжу в голову?

А они живут своей жизнью, изредка вторгаясь в нашу. Да и то чтобы получить халяву или поспать в теплом месте. Но если они захотят, то они могут взять все.

Как попадают в эту группу людей, тоже не слишком понятно. Эта тема окружена ореолом непосвящения, туманом тайны, которой никто

не интересуется, пока они не выберутся на свет.

Но они и не думают нападать. Они даже не думают попадать в нашу жизнь, у них это происходит чисто случайно — как только они получают желаемое, они снова исчезают.

И город дышит спокойно.

Город живет двумя жизнями: жизнью людей и жизнью теней, и никто из них не хочет, чтобы две эти линии пересеклись.

Глава 8. Одна из теней

Ирину город давно вышвырнул за грань, к теням. Ее благосостояние резко ухудшилось, кредиты, потом алкоголь, поперли с работы — и вот она здесь. Эта жизнь дает свободу и запах смерти. Каждодневный запах смерти: кто-то замерзает, кого-то избивают подростки, а кто-то устает от романтической жизни — правда, таких не очень много. Теней обычно что-то держит, что-то заставляет цепляться за такую жизнь. Возможно, они романтики, как и крысы из эксперимента.

Ирина пыталась выжить любыми усилиями — здесь был естественный отбор в прямом эфире. Бомжи замерзали, грызли друг другу глотку за выпивку, умирали от болезней или от

побоев. У Ирины был иной путь — она сыграла на инстинктах их главного, Михея. Она была женщиной, и в свою очередь пустила обаяние и страсть, немного таинственности, и он был у ее ног. Это не давало ей привилегий, но она была под защитой и могла работать на него. Михей трахал всех, и поэтому удержать его было делом непростым, но она уже который год справлялась. Ее единственной проблемой была беременность. Ирина уже беременела в четвертый раз. Видимо, у ее организма и у организма Михея невзгоды жизни бомжей лишь увеличивали плодовитость. Она понимала, что беременность — это ее плата за безопасность, которую предоставлял Михей.

Она решала ее совсем необычным способом — рожала и ударяла головой о кирпичную стену подвала.

Ребенок не выживет в данных условиях, а отдавать в детдом или еще куда-либо она не решалась — жизнь ребенка будет сломана в любом из этих случаев. Лучше уж забрать жизнь сейчас, чем подарить ее без будущего.

О беременности она узнавала сразу — токсикоз из-за неправильного питания будил ее по утрам лучше любого будильника. Ровно в семь утра все, что не переварилось, или даже пустой желу-

дочный сок просились наружу. Ирина вполне спокойно уходила к своему месту, возле городского фонтана. Она там отпивалась, приходила в себя. В это время было пусто: люди или спали, или шли сонные на работу — им не было ни до чего дела, а уж до бомжихи тем более.

Ирина сразу от ребенка не избавлялась. Это было намного сложнее в данных условиях жизни, зато живот давал козырь — ей подавали везде и все. Она была сытой, приносила Михею хороший хабар, ее положение улучшалось. И беременную бомжиху никто не решался трогать; лишь один раз в ее жизни избили беременную, и она тогда потеряла третьего ребенка. Пьяные школьники решили позабавиться и хорошенько над ней поиздевались. Но все же в остальных налетах били всех, кроме беременных. Так что беременность была не таким уж и плохим поворотом в ее жизни.

Но сегодня все изменилось. Она стояла в метро, просила милостыню, когда по ее ноге потекло что-то слизкое, скользкое. Оно шмякнулось на пол, обрызгав кровью коричневые плиты.

Низ ее живота неумолимо болел, ее накрывали судорожные тиски родов — схватки. В который раз она уже беременела и ей приходилось их

убирать. Пока он был в животе, она спокойно просила милостыню и пыталась отодвинуть этот день как могла. Но видимо, лимит времени был исчерпан.

Ирина рожала в подвале, это было проверенное место: им никто не пользуется, от жилых домов далеко — можно было хоть на сутки уйти, не то что на пару часов, криков никто не услышит.

Главное теперь — дойти до подвала. «Держись, малыш, — мысленно сказала она. — Скоро ты увидишь свет. Хоть и ненадолго. Потерпи чуть-чуть».

Глава 9. Встреча

Когда я вернулся в подвал с улицы, в нем появился смрадный запах — мясо Джека испортилось. Вместо тишины меня встретил жуткий шум, создаваемый мухами.

— Мерзость, — выругался я.

Мало того, что мне нечем было заполнить пустой желудок, так еще и с этим трупом стоило что-нибудь сделать. Запах трупа, конечно, их приведет к подвалу. Джек сумел меня подвести даже после смерти. «Ладно, сейчас главное — закинуться, а потом, с наступлением темноты, допереть его до мусорного бака», — решил я. «Молодец, ум-

ница, — ласковым голосом прошептал наркоман в голове. — Только лучше не до мусорного бака возле этого дома. Можешь просто его отнести к матери в парк. Пускай знают, что ты делаешь с теми, кто за тобой охотится. Кто тебя предает».

Я открыл пакет, посмотрел на свою добычу. Поверить не могу, что это все МОЕ! Баяны, таблеточки, марочки. Тут мне на всю жизнь хватит и даже больше. «Будешь с Иисусом Христом в раю колоться, и рай станет лучше», — захихикал наркоша. Я лишь глупо улыбнулся. Я никогда в жизни не чувствовал себя настолько счастливым.

Мои руки достали баян, наполненный джефом. Я протер свою левую руку, вена набухла, стала заметна даже в сумерках подвала, и я коснулся иголкой ее. Укус бабочки — так называли проникновение иголкой в вену — немножко щекотный, с капелькой боли, переплывающей в состояние полного блаженства. Я присел на корточки и медленно наполнял свои вены, свою кровь джефом. «Не вливай весь. Оставь, у тебя давно не было дозы», — прошептал наркоман. Я достал аккуратно шприц, положил рядом с собой и закрыл глаза.

Приход.

Дверь подвала внезапно отворилась. Яркий свет пробился через закрытые веки. Я вскочил на ноги с мыслями: «Они меня нашли. Сволочи. Выследили». Я краем глаза уцепился за розочку, лежащую на столе. Резко ее схватил и отпрянул в темный угол подвала, куда не доставал свет от дверей. Но это было лишним, так как дверь подвала закрылась и снова наступила темнота.

Глава 10. В подвале

В подвале стоял отвратный запах, но нос Ирины выдерживал и не такое. Боль гнала ее все сильнее, схватки сковывали каждую мышцу. Ирина кинулась на пол, к стене. Ее ноги уперлись в твердую кирпичную опору.

Ирина вдохнула, но резкие схватки вытолкнули воздух. Боль пронзила тело, Ирину скорчило. Ирина все же постаралась втянуть воздух и пришла в себя. «Главное — напрячься, потужиться, не впервые же».

Я стоял и наблюдал, как странная женщина вбежала и легла на пол. Что она делала, мне было не очень понятно, да и не слишком видно из-за отсутствия света. Я сжимал розочку в руке и ждал подходящего момента. Женщина издавала звуки, похожие на стон. Возможно, ей сильно плохо,

даже больно. Она даже может не догадываться, что я здесь. Иными словами, я решил подождать и понаблюдать за процессом.

Ирине даже в голову не пришло, что за ней мог кто-то следить. Схватки сделались уже послабее, боль не корчила тело. Ирина взяла под контроль свои роды, и ребенок потихоньку выходил.

Еще последние толчки.

Прошла минута, вторая. Ребенок не закричал — он родился мертвым.

Ирина с облегчением вздохнула. В этот раз ей никого не пришлось убивать, природа решила все сама. Она мысленно поблагодарила за этот подарок судьбу. Ирина опустила ноги, приподнялась. Она прислушалась к себе: тело немного болело, она чувствовала разбитость, слабость. Ноги еще немного дрожали.

Она левой рукой пыталась нашарить пуповину, в темноте ее совсем не было видно. Боль то накатывала, то отпускала, поэтому Ирина боялась резко нагнуться и отрезать пуповину.

Ирина резко выдохнула и полностью легла на пол. Сейчас рано для активных действий, нужно немного прийти в себя. Холодность земляного пола подвала потихоньку стала обволакивать ее разгоряченное тело.

Вскоре дыхание стало успокаиваться, тряска стала отступать, Ирина чуть не уснула. Она наконец собралась с мыслями и попыталась сесть. Живот не издал никакого сопротивления, даже боли как не было. Ирина левой рукой нащупала скользкую, продолговатую, похожую на мокрый пакет кишку и перерезала ее.

Правая рука уже нашарила пакет, торчащий из ее пояса на халате. Тело ребенка стоило забрать и выкинуть по дороге. Она его взяла на руки, приподняла к свету, исходящему из двери подвала, чтобы увидеть своего отпрыска. Он был в красной жиже, лысый, кроха. У Ирины из глаз брызнули слезы. Ей осточертела эта жизнь: все, что она совершает, — все ради животного выживания. Первому самому ребенку повезло больше всех, он остался с отцом, в нормальном мире, где не преследует ни голод, ни нищета. Наверное, он счастлив и совсем не вспоминает про мать. У Ирины защемило в груди так резко, противно и грустно стало — раньше она была мамой, женой, а сейчас она убивает собственных детей. Ради чего?! Зачем ей жить? Она прислонила тело ребенка к своей груди, сильно прижала. Слезы из глаз горячим потоком обжигали щеки.

Я видел, как женщина выволокла из темно-

ты маленькое существо и подняла его к свету. У него что-то болталось, похожее на провод. «Эти изверги засунули ей робота, и она его убила», — пронеслось у меня в голове. Она мой спаситель, еще один ополченец. Я сильно обрадовался, но тут наркоман прошептал: «Очнись. Вразумись. Они специально это сделали. Они подослали ее. Убили одного, чтобы поймать тебя. Видишь, у нее нож. Видишь, она плачет. Она жалеет о том, что убила своего. Убей ее. Пусть все плачут». Наркоман как всегда был прав — нельзя верить этому лживому миру.

Глава 11. Спасение

Я ступал осторожно, тихо, еле поднимая свои ноги. Никто не должен был услышать — это был вопрос жизни и смерти. Мои глаза четко сфокусировались на объекте — можно обойтись без крови, если свернуть шею. Мое лицо скривила улыбка, даже, скорее всего, усмешка. Я опять умнее корпорации, я опять их всех обошел. Мои шаги стали быстрее, я уже чувствовал вкус победы. Правая рука подняла розочку для удара.

Ирина вздохнула. Нужно было собираться и идти к Михею, иначе он заждется. Она попыталась встать, но ноги еще не слушались ее.

Правая рука занеслась для удара, когда женщина приподнялась. Но тут она снова присела, и я замер. Нельзя было допустить ошибку.

Ирина закрыла глаза. Ей нужно было собраться с мыслями. Эта беременность не должна была ее разбить, уже четвертый ребенок. Когда она уже наконец привыкнет хоронить своих детей?! «Если я их спасаю — то почему мне так плохо?» — подумала она. Но от мысли о спасении своих детей ее стало отрезвлять. Слезы потихоньку отходили, чувство вины куда-то исчезло. Она старалась дышать полной грудью — холодный воздух подвала приводил ее в чувство. Она попыталась встать, и в этот раз у нее получилось. Ноги ее слушались, дрожь унялась. Но резкая боль пронзила ее голову, и она упала.

Я ударил ее. Немного промахнулся, и удар пришелся ей прямо в голову. Голова у нее крепкая, мою руку сразу же окрасила в ярко-красные тона боль. Розочка выпала из рук на пол, а я выругался: «Черт! Она железная у тебя что ли?»

Ирина не сразу поняла, что происходит. Удар был сильный, голова даже вибрировала до болезненных ощущений, но вроде ничего серьезного. Ирина мотнула болящей головой и попыталась встать, но тут ее вырвало. Человек, стоящий

сзади, ударивший ее, вновь что-то произнес нечленораздельное. «Вроде бы он один», — пронеслось в голове у Ирины. В глазах у не рябило, но тошнота стала отходить. Ирина потихоньку отползла от блевотины и снова легла. Не стоило делать резких движений. Тем более непонятно, чего хочет от нее этот человек.

Я видел, как она наблевала. Все-таки зарядил ей я великолепно. Может, заставить ее, чтобы передала по рации своим — такое будет с каждым из их корпорации.

Я никого не пожалею.

Ирина услышала, как человек к ней подошел. Он шумно присел, взял ее за волосы и потянул к себе. Ее ухо оказалось возле его рта, она слышала его дыхание. Человек произнес:

— Доставай рацию.

Может быть, ей послышалось? Она залепетала:

— Что вам нужно? Какую рацию?

Ее рука уже нащупала на полу нож. Человек снова произнес:

— Рацию. Не издевайся, я знаю, кто ты. — Он опустил ее волосы, встал, обошел вокруг и присел уже прямо перед лицом Ирины. — Ну, где твои дружки? Они тебя все покинули. Кинули, как последнего врага. Сюда, без рации.

Это же смерть. Или ты смертница?

Он глупо захихикал. Ирина присмотрелась — это был паренек, исхудавший и, скорее всего, сумасшедший. Он ее убьет после того, как посмеется. Паника из маленького шарика в животе уже холодом распространилась по всему телу. Ирину пробила дрожь. Парень все смеялся, время замедлялось. Он медленно привстал, взял что-то с пола и снова присел. Он держал в руках битую бутылку. Его большой палец проехал по острым ее краям, и он вроде порезался, потому что выматерился, а палец засунул в рот. Парень с пальцем во рту прошептал:

— Ну давай же, доставай рацию, иначе я такими темпами убью себя.

И засмеялся.

Его смех словно заморозил Ирину. Руки и ноги не двигались, а тело обмякло — Ирина чувствовала, что ее полностью парализовало. Сердце билось с удвоенной частотой, она хрипло, тяжело дышала, но не могла пошевелиться.

Я смеялся. Моя шутка была великолепной — если я не достану рацию, я убью себя. Но тут всякое веселье прекратил наркоман: «Обыщи ее. У нее или жучки, или рация. А может, что-нибудь получше, в виде табельного оружия. Ммм, какое

вкусное словечко — табельное оружие».

Ирина увидела, как парень встал, подошел ближе. Его руки стали гладить по ее телу, по ее животу. Ей стало сильно страшно, и тут оцепенение спало. Ноги и руки налились кровью, она чувствовала горячее покалывание в них, похожее на маленькие фейрверки.

Правая рука Ирины с ножом резко взметнулась вверх и полоснула парня по горлу. Кровь полилась красной рекой, смех прекратился, парень схватился за горло, издавая хрипы. Ирина вне себя от ужаса вскочила на ноги и побежала к выходу.

Я не мог поверить. Она меня убила. Я пытался дышать, но воздуха не было. Мои руки были в крови, и она не останавливалась. Я упал на пол, мои глаза устремились за женщиной. Она уже была у выхода.

Дверь резко отворилась, и свет прорезал подвал. Женщина выбежала. «Корпорация празднует свою победу», — пробило в моей голове. А я дальше продолжал смотреть на свет, идущий от открытой двери…

Звонок в дверь. Мама говорит:

— Сынок, открой дверь. К тебе пришел подарок!

Я радостно бегу к двери, шлепая босыми ногами по голому полу, тяну большую дверь на себя. «Тяв-тяв», — щеночек, высунув зык, смотрит на меня черными глазами. Мне?! Щеночек?! Я вне себя от радости, беру его на руки, глажу, он мне лижет лицо и дышит так быстро-быстро на ушко. Я поднимаю свои мокрые от счастья глаза и вижу папу. Он счастливо улыбается и спрашивает:

— Ну как тебе подарочек? Уже придумал имя?

Я мотаю головой, все сильнее зарываясь в мягкую шерстку. Сзади меня тихонько обнимает мама, и я шепеляво произношу:

— Я назову его Дзек.

Мария Иванова

Родилась в 1986 году в Москве. Закончила Московский педагогический государственный университет им. Ленина с красным дипломом по специальности «Журналист».

Работала в издательстве «Народное образование», которое выпускает одноименный журнал, являющийся одним из старейших в России — из-

дается более 200 лет. Сотрудничала с различными журналами и газетами; занималась оригинальным проектом, связанным с традиционным напитком древних майя — горячим шоколадом. Последние несколько лет работала в информационном агентстве «РИА Новости».

Несколько раз была в археологических экспедициях: лично раскапывала золотоордынский город Сарай-Бату под Астраханью, греческий некрополь в Тамани и храм Деметры в Краснодарском крае.

Писать стихи и рассказы начала в школе, однако все они уходили «в стол». Хоррор-литературой заинтересовалась в 2005 году, когда познакомилась с книгами Стивена Кинга. Впоследствии король ужаса стал одним из ее любимых писателей, наравне с Федором Достоевским, Эрнестом Хемингуэем, Уильямом Голдингом и Хантером С. Томпсоном.

Рассказ Марии Ивановой «Человек в черной шляпе» занял второе место на конкурсе фэнфиков по произведениям Стивена Кинга «Форнит 2014».

Брошенный карандаш

Так случилось, милая.

Так случилось, что деньги перестали быть для нее проблемой. Так случилось, что ей было не к кому и некуда пойти.

— У вас есть багаж?

— Нет. Только ручная кладь.

Темно-зеленая сумка с парой молний скрылась за резиновыми зубами рентгеновской камеры. Она рассеянно посмотрела ей вслед. Мерцающий монитор с забитыми черной пылью углами высветил сквозь грубую ткань сумки толстую тетрадь и странноватый карандаш, катавшийся на дне. Больше ничего не было.

Работница аэропорта удивленно вскинула брови:

— У вас есть багаж?

Девушка в длинном грязно-синем плаще перевела взгляд, и женщине — крашеной блондинке с ядовито-розовыми губами — стало не по себе. Очень даже не по себе. Потому что глаза девушки, устало и ровно выглядывающие из-под копны темных растрепанных волос, были настолько глубоки и темны, что пробирала дрожь. Вокруг

них легла несмываемая тень трагедии, отчего глаза казались еще глубже, еще темнее. Впрочем, они не были черными. Это-то и заставило блондинку вздрогнуть. Они были синие. И работница аэропорта не могла понять, как такие глаза могли тревожить и пугать, хуже того — отталкивать.

— Я же сказала — нет, — глухой голос. — Только сумка.

Синие глаза с расширившимися зрачками смотрели на блондинку, и та вновь уставилась на монитор. Стала усиленно вглядываться в изображение, лишь бы не встретиться вновь с этими глазами. Боже, ведь сегодня был такой хороший день! Ну что ей нужно? Стоит, пялится…

Ничего нового в сумке не обнаружилось. Даже бумажника.

— Это что, все ваши вещи? — спросила женщина, не глядя на девушку.

— Да.

На даму нахлынул непонятно откуда взявшийся ужас, и внезапно проснулась злоба. Эта девчонка стоит тут и всех задерживает! Откуда такие берутся? И заладила свое «только ручная кладь» да «только ручная кладь»!

— Что, это весь твой багаж, да? — женщина больше не могла скрывать агрессию. — Что,

сумка, книга и карандаш? И это все? И с этим ты собралась лететь через океан?!

— Да, — снова этот голос с хрипотцой, снова эта невозмутимость и снова эти глаза.

— Проходите, — буркнула работница аэропорта и протянула посадочный талон.

Девушка забрала документы и подхватила лежащую на резиновой дорожке сумку. Не сказала ни слова. Ее синий плащ пролетел по залу и скрылся за дверью зала ожидания.

В воздухе запахло полынью — так показалось блондинке. Она вдруг качнулась, вздохнула и упала без чувств. Два охранника в светло-голубых рубашках кинулись к ней, третий недоверчиво посмотрел по сторонам. Несколько человек приостановили свой бег, мальчик лет десяти рассмеялся: низ коротенькой бледно-голубой юбки блондинки расплывался темным влажным пятном. Из носа женщины хлестала кровь. На полу четко проступили все царапины и щербинки — красное заливало их и высвечивало.

Один из охранников побежал за врачом; мальчик лет десяти получил подзатыльник и замолчал. По залу еще витал запах полыни — так кому-то показалось.

* * *

— Джин-тоник, пожалуйста.

Она опустила на барную стойку несколько монет. Молодой человек в белой рубашке и синем фартуке сгреб их в руку, подозрительно взвесил и, усмехнувшись, протянул:

— Ну-у, даже не знаю. У нас алкоголь вроде как только с восемнадцати лет. А ты… вы, девушка…

Она поняла, что он сидел на наркоте. С богемных таблеток перепрыгнул на уличную дрянь, и понеслась. Она поняла, что как-то раз он резал вены. Она поняла, что это из-за девушки в красной юбке и ее удаляющихся шагов.

— Дело дрянь, — сказала она и продемонстрировала развернутый паспорт. — Ноль пять джина с тоником. Ледяного. Не задерживайте очередь. Не следует тратить мое время. И свое — его у вас не так много.

Бармен застыл, вздрогнул и потянулся к холодильнику. В ее ладонь легла ледяная банка, моментально покрывшаяся влажной пленкой.

Было жарко.

Она поплелась между рядами пластиковых кресел. Люди изредка поднимали на нее взгляд,

но она на них не смотрела. Синие глаза остановились на темном уголке — туда еле-еле дотекал мертвенный свет электрических ламп.

Смеркалось. Большие окна — настоящие стеклянные стены — подернулись синеватой дымкой.

Она стояла, прислонившись плечом к стене, и пила холодный шипучий джин-тоник. Вот и мысли у нее такие же: шипят и колются.

Черт. Тупой аэропорт. Тупая жизнь. Тупой мир.

Ты так думаешь?

Да, я так думаю.

Она смотрела вглубь зала ожидания, сквозь людей, томящихся там, коротающих — кто как умеет — бесконечно долгое время. Иногда они отрывались от своих газет, кроссвордов и дешевых детективов и напарывались на застывшее в дальнем углу изваяние — на бледную девушку, на ее синий взгляд. И тут же отворачивались. Но она не обращала на это никакого внимания. Она пила джин с тоником большими медленными глотками.

Банка опустела. Она постояла секунду без движенья, а потом, даже не моргнув, не переводя глаз с невидимой точки в зале, стала сжимать руку. Сильнее, больше. Жесть хрустела и трещала,

привлекая людей с их удивленными и недовольными взглядами. Банка сминалась под напором тонких пальцев. На пол упала капля крови, и еще одна — поменьше.

Люди смотрели на нее. Некоторые — с недоумением, другие — почти с гневом. А кто-то — с жуткой смесью восхищения и панического ужаса.

Банка скрежетала и сминалась, как бумага. Кровь капала. Она задумчиво глядела вглубь зала. Ни одна черта бледного лица не дрогнула. Жесть взвизгнула в последний раз и прорвалась в нескольких местах. На руке осталось несколько глубоких порезов.

Кажется, все люди в зале зло посмотрели на нее. Но тут объявили посадку, и они стали в беспорядке сгребать свои бессчетные сумки, чемоданы, кульки из дьюти-фри. Все понеслись к гейту. За стеклом стоял большой белый самолет с четырьмя турбинами.

Вдруг электронный голос сказал:

— *Ты же знаешь, что будет дальше. Глупая. Не противься. И не надо никакого геройства. Увидишь, что станет с этим чертовым самолетом, если только ты подумаешь о том, чтобы…*

Она с недоверием глянула на динамики.

— Отстань. На самом деле ты всего лишь…

— Слушаю и повинуюсь.

Она отошла от стены и не глядя бросила бесформенный ком жести в мусорный бак. Он попал точно в цель. На пол упали несколько капель крови. Она посмотрела на них, а потом на ладонь — ран не было.

— Только попробуй — увидишь, что будет. Милая.

Она нырнула в свежесть вечера и последней вошла в самолет. Кровь на полу выкипела с шипением и легким дымком.

* * *

Капли дождя лениво садились на стекло иллюминатора. Сонное небо начало хмуриться. Сизые облака затянули весь небосвод. На юго-западе они громоздились фиолетово-бурыми воронками, пожирающими темно-синее небо. Иногда по этим фантастическим гроздьям пробегали нитки молний, но грома слышно не было — слишком далеко. Казалось, вечерний воздух утратил легкость и превратился в тяжелое липкое марево.

В салоне работал кондиционер, но все равно было душно. Она не обращала на это внимания; задумчиво водила тонким пальцем по стеклу. Капель с другой стороны становилось все больше.

Она вздохнула.

Ненавижу дождь.

Люди шумели и толкались, искали что-то, пытались распихать свою так называемую ручную кладь по верхним полкам и под креслами. Кто-то громко звал кого-то — наверное, сбежал непоседа-ребенок.

А на улице стремительно мрачнело. Сиренево-серые тучки насупились, выросли, превратились в большие мутно-багровые тучи.

Ее место располагалось слева по ходу движения, и если прижаться щекой к иллюминатору и посмотреть назад, то увидишь белое крыло. Так и делали дети, заполонившие чуть ли не половину салона: тыкались носами в стекло, щебетали, выглядывая разные интересности.

Ненавижу.

Кого ненавидишь?

Ненавижу дождь.

Один из сорванцов улизнул из-под присмотра. Он подумал, что неплохо бы пробраться в кабину пилота. Желая исполнить свой хитроумный план, парнишка шмыгнул в проход. И был почти у цели! Но путь ему преградила тележка с напитками. Стюардесса отвернулась буквально на секунду. Мальчик выдохнул — чтобы сде-

латься тоньше — и предпринял смелую попытку протиснуться. Зря. Бутылка газировки качнулась и спланировала вниз. Тонкое горлышко откололось, красная шипучка вмиг была повсюду — на коврике, на сорванце и на белых брюках одного из пассажиров. На то, чтобы успокоить раскричавшегося обрызганного бизнесмена и замять произошедшее, понадобилось время. Маленький хулиган отделался тумаком и выслушиванием нотации. «В другой раз», — решил он.

Небо наклонялось все ближе к самолету и хмурилось, хмурилось.

Наконец люди расселись по своим местам и угомонились, капитан по громкой связи поприветствовал всех и начал читать обычные данные — о погоде, о самолете и о предстоящем полете. Потом три стюардессы синхронно продемонстрировали спасательные жилеты.

— На всякий случай, — с улыбкой сказала одна из них. — Они вам не потребуются! Счастливого пути!

— Хочется верить, — буркнули сзади.

Самолет въехал на взлетную полосу и покатил по ней, минуя метры бетона, кажущегося коричневым в этих странных сумерках. Быстро набрав обороты, он легким толчком оставил землю

внизу. Капли на стекле стали косыми — почти параллельными накренившейся линии горизонта.

По правде сказать, даже в современном мире еще остались те, кто задается вопросом: как такая куча железа вообще летает? Ладно какой-нибудь крейсер или даже бронированная подводная лодка — то все-таки плавать… Но летать? Она начала размышлять об этом и быстро оборвала свои мысли. Ни к чему это.

Остались позади и внизу мелкие огоньки, они быстро пропали в мутном воздухе.

— Мама, мама! Почему лампочек больше не видно, мы в космосе, да? Я не хочу в космос! Там холодно и при… при… при-шлель-цы! — раздался плач, и женщина начала успокаивать крошку.

Она горько прищурилась. Теперь ее ничто не связывает с тем, что было. Ничего и не было.

Ты опять врешь сама себе.

Заткнись!

Лампочка «Пристегните ремни» погасла, и дети устроили бедлам. Только короткий момент взлета заставил их примолкнуть, и то не всех. Взрослый громко рассказывал что-то из географии, но чихали они на него. Такие глупости — не для их семи-восьми лет! Пацаны, конечно же, уже швы-

рялись скомканными салфетками, девочки обсуждали наряды и любимые мультики. Одна девочка достала из кармана зеркальце и стала пускать солнечных зайчиков (ну, электрических). Один мальчик пробежал по салону и дернул понравившуюся девочку за косу. Другой проверял, насколько прочны иллюминаторы.

Взрослые пытались, как водится, урезонить детишек, но куда уж там. Два пассажира — один в идеально выглаженной футболке-поло, другой в мятом костюме — принялись изливать возмущение по поводу шума. «Дурдом!» — сказала девушка в пестром жакете и, откинувшись на сиденье, сделала погромче музыку в плеере.

А она глядела в сумеречную синь — там, за стеклом. Темно-зеленая сумка лежала у нее на коленях. Она вздохнула. Длинные ресницы дрогнули. У нее нет прошлого. Больше нет.

* * *

Тогда был обычный серый день. Дождь лил стеной, капли плясали по лужам. Весь народ попрятался под козырьками подъездов, на автобусных остановках, в подземных переходах и магазинах. Но никто — под зонтом. Потому что завеса дождя рухнула совершенно неожиданно

прямо с ясного неба, которое моментально превратилось в кипящий тучами котел.

Она не любила толчею, поэтому предпочла людскому скопищу на остановке общество длинных капель воды, падавших отвесно вниз. Синий плащ промок вдрызг, вода пропитала всю одежду, и она кожей чувствовала холодные прикосновения дождя.

Люди бранились на непогоду и брезгливо морщились, но она подставляла дождю лицо и улыбалась. Она любила дождь, он всегда поднимал ей настроение. Скоро она будет дома — вот только дождется маршрутку. Скоро, скоро она будет дома, а там — теплый плед и горячий чай. Она вздохнула в предвкушении.

По дороге неслись машины, маршрутки все не было. Ее взгляд упал вниз и наткнулся на белый карандаш. Он лежал в грязи, потерянный или выброшенный кем-то — художником? Студентом?.. Она вдруг наклонилась и подняла его, удивившись своему поступку. Стерла грязь.

Обычный чертежный карандаш.

Нет, совсем даже не обычный. А какой-то странный, как будто фальшивый. Он казался нереальным. Она удивленно вскинула брови.

Брошенный карандаш.

Подъехала маршрутка, и она, сжав странную находку в руке и перепрыгнув через лужу, открыла дверь. Улыбнулась водителю, протянула деньги и устроилась у окна.

Брошенный карандаш.

Она покрутила карандаш в руках, усмехнулась и сунула его в карман плаща. Стала глядеть на мелькающие мимо дома, деревья, автомобили.

Зачем я его подобрала?

* * *

Самолет разрезал сизые тучи.

Серо-серебряный грифель карандаша замер в нескольких миллиметрах над чистым листом. Рука немного подрагивала, карандаш отбрасывал причудливую тень на бумагу. На листе лишь отпечатки нечитаемых фраз от прошлых записей. Но это — первая страница. У корешка видны клочки вырванных предыдущих первых страниц.

Она сидела, наклонившись над раскрытой толстой тетрадью. Сумка и колени служили ей столом. Можно было воспользоваться откидным столиком, но она решила по старинке.

Перед ней белела пресловутая первая чистая

страница.

Она сидела, сидела нагнувшись и, казалось, напряженно думала, с чего начать. Глупости! На самом деле в ее голове не было ни одной связной мысли. Все они рассыпались в прах, сталкиваясь друг с другом — и с реальностью.

Все рассыпалось.

Грифель мелко-мелко дрожал.

За иллюминатором сверкнула голубая молния — да так близко, что многие пассажиры вздрогнули, кто-то даже вскрикнул. Дети выдали новую порцию шума. Спать они явно не собирались.

Почти сразу грянул гром. Удар прошел по пространству, заглянул во все уголки и смолк. Все притихли. Слишком громко — слишком близко.

Ближе.

Она оторвала взгляд от тетради и посмотрела на кроваво-фиолетовое густое небо. Молнии пропарывали мглу, их становилось все больше и больше. Вокруг самолета носился неприятный гул грома. Она вскинула брови. Тотчас же полыхнула молния, и не стих еще возглас нервной дамы, как ударил гром.

Еще ближе.

— Мы летим прямо в грозу! — провозгласил мальчик в очках, дернув за рукав сидящего рядом взрослого. В уголках его глаз блестели слезы, он прочел в одной книжке, что может случиться с самолетом, попавшим в грозу. — Мы влетели в грозовую тучу, мы разобьемся! — всхлипнул он.

Маленькая девочка заревела в голос, заплакал сидящий рядом с ней парнишка. Сверкнула еще одна близкая молния — очень яркая. Гром зазвучал тут же.

Она вздохнула.

Посмотри, что теперь будет.

Молнии вспыхивали постоянно, из-за грома было трудно что-либо расслышать. Она огляделась вокруг. Все напуганы. По детским лицам размазаны слезы. Вот какой-то пожилой мужчина шепчет своей спутнице слова ободрения, а та кивает головой и пытается улыбнуться. Вот девушка в пестром жакете — она вцепилась в подлокотники, костяшки пальцев побелели, наушники перекосились, цепляясь пластиковой перемычкой за волосы. Рядом с ней — брюнетка в деловом костюме, она прикусила дрожащую губу, макияж начал подтекать. Вот льноволосая девочка прижала большого плюшевого зайца

к груди.

— Я не хочу на каникулы! Я не хочу на дурацкие каникулы! — кричал мальчик, разбивший в начале полета бутылку с газировкой.

Удар молнии. Гром.

Посмотри, что теперь будет — с ними.

Она вздохнула. И вновь наклонилась над чистой тетрадью. Лист ходил ходуном, но не потому, что дрожали ее руки, — нет, это затрясло весь самолет. Молнии сыпались с неба, посылаемые чьей-то невидимой рукой.

Несчастья — я приношу несчастья? Разве я приношу несчастья?

Она вспомнила, что эта мысль уже мучила ее. Давно. Нет, совсем недавно.

Грянула тройная, как трезубец Посейдона, молния. Она обняла маленький беленький крестик-самолет, затерявшийся в хаосе фиолетово-багровых туч. Схватила своими электрическими щупальцами и тряхнула — зло, жестоко забавляясь.

* * *

Я приношу несчастья? Разве я приношу несчастья?!

Она ждала своей очереди на почте, чтобы

купить конверт. Больше ничего не смогла придумать, кроме как написать подруге. Она далеко, они давно не общались… Но ведь подруга всегда так хорошо понимала ее, так что, может быть, возможно…

Рядом девушка пыталась справиться с банкоматом. Тот зажевал карточку и явно не собирался ее отдавать.

Все будто с ума посходили! Двери заклинивает. В супермаркетах падают полки. Парень прыгнул на роликах и сломал руку — открытый перелом, крови было море. Автомобили сталкиваются. Все не так. Все не так!

Да, но я выполняю желания.

Девушка у банкомата вскрикнула. Дернула рукой, но пальцы будто попали в капкан. Она попыталась освободиться, взвизгнула, стала звать на помощь. К ней бросились работники почты. Банкомат взбесился: он выдавал бессвязный поток цифр, мерзко пищал и все глубже засасывал пальцы плачущей девушки. Показалась кровь.

Ты выполняешь не-желания!

Она выбежала на улицу. Солнце и легкие облачка не радовали ее. Что-то происходило — что-то нехорошее. И еще этот голос в голове! Он говорит с ней. Он дразнит ее. А разве не так

сходят с ума?

Твои желания?

Нет, не хочу!

Как пожелаешь.

Не хочу с тобой говорить!

Разве не так начинается шизофрения? Со слуховых галлюцинаций? Как бы она хотела, чтобы все это действительно оказалось только выдумкой, наваждением.

Ты не знаешь, чего хочешь. И чего не хочешь — не знаешь. Это не шизофрения, если тебе интересно. Милая.

Ты просто…

С того злополучного дня, как она подобрала брошенный карандаш, все пошло кувырком. Сначала она получала из ниоткуда все, что только пожелает. Цветы, крутые наряды, редкие книги, еду из дорогих ресторанов, билеты в кино и самый модный телефон. Весь этот мелкий, ничего не значащий мусор. Она была счастлива. Собственная волшебная палочка с неограниченным количеством желаний! Вау!

Но потом стали происходить странные вещи, плохие вещи. Она стала получать все, чего не хочет, совсем не хочет. А вернее, то, чего хочет карандаш. Это звучит как бред. Это и есть бред.

Ты просто дурацкая деревяшка! Кусок дерева, покрытый белой краской!

— Ты просто карандаш! — крикнула она. Прохожие смерили ее неодобрительным взглядом.

Это ты просто…

— ОТСТАНЬ!

Люди на улице снова оглянулись на нее. И подумали: что за сумасшедшая? И она поняла, как устала. Эти мысли, этот голос, эти несчастья… Она пошла быстрым шагом — почти побежала — вдоль проспекта.

Надо домой, надо… что-то придумать. Избавиться… Избавиться от него.

Ты что, все забыла?

Она почувствовала, что сейчас упадет. Села на лавку напротив пешеходного перехода. Может, это от голода? Она весь день ничего не ела — настолько завертелось все в ее жизни.

И сейчас же на асфальте слева и справа от нее выстроились две очереди ее любимых блюд: картошка фри, бутерброды с сыром, овощной салат, лазанья, пицца. И все это на издевательски красивых тарелках. Рядом хрустальные бокалы с газировкой, тончайшие фарфоровые чашечки с кофе… Кружевные салфетки чуть ли не ручной работы дополняли этот диковинный уличный

парад еды. Блюда так и манили, чуть ли не придвигаясь к ней ближе.

Прохожие с удивлением поглядывали на нее. Да, чего только не бывает! Один мужичок с портфелем отпустил колкость по поводу того, что кое у кого денег куры не клюют, а мозгов-то нет. Она подняла на него глаза, вынырнув из своих мыслей. Ручка портфеля оторвалась, будто кто-то вытащил из нее все нитки за раз. Портфель шлепнулся на асфальт, раскрылся, ветер зашевелил выпавшие бумаги.

Я… Разве я приношу несчастья?

Она не знала, что делать, чтобы ничего не случалось. Устало закрыла глаза.

Сама посмотри.

Она открыла глаза. Только потом поняла, что это было страшной ошибкой.

Светофор горел зеленым, машин не было — и женщина с коляской, в которой забавлялся погремушкой малыш, переходила дорогу. Она уже прошла большую часть зебры, когда колесо коляски непостижимым образом застряло в выемке. Женщина дернула коляску, наклонилась, снова дернула, пытаясь высвободить колесо. Но оно как будто еще глубже запало в асфальт.

Она не сразу поняла, что к чему. Услышала глу-

хой рев мотора, посмотрела вбок. Вторая роковая ошибка. Оттуда несся грузовик, у которого — она знала — отказали тормоза.

Что ты творишь? Нет! Останови это!

Водитель грузовика — бледный и весь в поту — не мог свернуть в сторону, руль заклинило. Он зажмурился.

— Останови это! — крикнула она, вскочив с лавки.

Женщина с коляской обернулась. Ребенок хихикнул и потряс погремушкой. Глаза у женщины стали огромными, она приоткрыла рот. И закричала. Нет, это не она. Закричала девушка на противоположной стороне улицы. Парень, который шел с ней рядом, успел прижать ее к себе — чтобы она ничего не видела и не слышала. Мужчина в красной бейсболке бросился к женщине с коляской, но не успел. Старушка с овчаркой охнула и схватилась за сердце.

А она просто остолбенела. К ее ногам прикатилась желтенькая погремушка с красными брызгами и прилипшей прядкой светлых волос, и она не могла оторвать от нее взгляд. Но потом она посмотрела на то, что сейчас было на дороге.

Я не хотела этого… Нет. Нет. Нет. Нет. Нет. Нет!

Ямка, в которой застряла коляска, наполнилась кровью, из нее торчал кривой обломок колеса. Мужчину, собиравшего разлетевшиеся бумаги, вырвало. Девушка на противоположной стороне улицы сорвалась на хриплый крик, ее парень дрожал и набирал на мобильном номер скорой.

А мне показалось, ты сказала ДА.

Прибежало еще несколько людей. Старушка с овчаркой выла. Собака рвалась прочь и задыхалась в ошейнике. Лапой она задела кровавую погремушку, и та отлетела с перезвоном. Где-то завыла сирена.

Хуже всего была ее реакция.

Ты сама это придумала.

Господи. Я же сама это придумала.

* * *

Она не хотела ничего вспоминать. Ни тот день, ни все последующие. Ни произошедшее дома — когда она все рассказала, искала помощи, совета, а ее не поняли. И где-то у нее в голове родилась злая мысль. Всего одна незаконченная, случайная, ничего не значащая злая мысль…

Молния обняла потерявшийся в небе крестик-самолет. Гром захохотал. Несколько пассажиров вскрикнули, завизжали дети. Замигал, забился

в истерике свет в салоне, на секунду он выключился совсем. Самолет еще раз тряхнуло, он выровнялся, снова дернулся.

Раздался еще один крик — но это уже не внезапный испуг, а осознанный крик осознанного ужаса. Кричала стюардесса. Из кабины пилотов. Запахло горелым.

— Мы горим! — неслось по салону. — Мы разобьемся! Мы горим!

— Успокойтесь! Сохраняйте спокойствие! Мы не горим, все будет в порядке, — громко сказал мужчина в темно-зеленой клетчатой рубашке, встав со своего места и крепко держась за кресла. Несколько человек согласились с ним и постарались успокоить соседей.

Действительно, это не был запах горящей пластмассы или проводки. Горело что-то другое. Что-то… живое?

— Здесь есть врач?! — крикнула стюардесса, пробираясь между рядами. — Пожалуйста! У нас несчастный случай!

Врач нашелся. Он прошел в кабину, мужчина в клетчатой рубашке поспешил следом. Через минуту они бережно вынесли и положили в проход дымящееся тело пилота. Сквозь возгласы тех, кто увидел черные клочья одежды и прикипев-

шую кровь, были слышны путаные объяснения второго пилота — он поддерживал голову своего коллеги.

— Она выскочила прямо из приборной доски! Эта молния! Монитор радара вдребезги… Он и вскрикнуть не успел — а будь я на его месте…

Сидящие рядом с жадным ужасом рассматривали тело. Одно хорошо — дети сидели достаточно далеко, чтобы ничего не видеть. Но настырные шепотки уже поползли по всему салону.

Она сидела дальше и ничего видеть не могла. Но она видела, не глазами, но видела. Она все знала.

Что ты опять натворил?

Я? Я — ничего. Это ты.

Кажется, пилот был жив. По крайней мере, он дышал.

— Вы сдурели?! Идите в кабину и ведите этот чертов самолет! — крикнул лысый мужчина второму пилоту, который переминался в дверях, пока врач занимался пострадавшим. — Мы падаем!

— Немедленно успокойтесь! — одернул его мужчина в темно-зеленой рубашке, поднимаясь с колен.

— Самолетом никто не управляет! — закричал лысый. Люди подхватили эту мысль и понесли ее дальше, раззадоривая панику.

— Самолет на автопилоте, перестаньте пугать пассажиров, — громко сказал мужчина в рубашке. Он снова склонился над раненым и спросил у врача, чем помочь. Тот дал ему нехитрые указания. Второй пилот взял себя в руки и вернулся в кабину.

Стюардесса — та, что демонстрировала спасжилет и с улыбкой говорила «он вам не потребуется» — прошла к микрофону и попросила всех сохранять спокойствие.

Но короткое затишье вдруг закончилось.

Голос стюардессы по громкой связи исказился, поплыл и сменился треском. Свет на мгновенье загорелся ярче и погас. Самолет начал трястись, как лист на ветру, а пассажиры — ясно, что было с пассажирами. Две новых молнии — одна за другой — ударили в корпус. Кажется, заискрила турбина.

Паника с плотоядной ухмылкой вылезла из складок длинной юбки одной истерички в огромных очках и, злобно хихикая, поползла по сидениям, раскинула свои рваные крылья, обвилась вокруг каждого дрожащего человека,

подступаясь к тем, кто еще держал себя в руках.

Она не двигалась. Перед ней был чистый лист бумаги. В руке — карандаш. Грифель мелко-мелко дрожал.

Вздохнула, шарахнула молния, свет включился и выключился. Кажется, весь разумный мир рухнул в небытие. Ужас висел на каждом бледном лице. Вопли, всхлипы людей и визги детей витали вокруг, бились в стекла, катались по полу. Нет, это кто-то просыпал орехи в шоколаде… Салон будто пульсировал в голубых вспышках, врывающихся сквозь иллюминаторы. А все звуки подъедал хор грома.

Она сидела без движения над тетрадью, отблески ложились на бумагу. Молнии высвечивали ее белое лицо, завешанное растрепанными темными волосами, и они казались седыми. Нахмуренные брови, тяжелая складка между ними… И молнии падали в ее огромные глаза, застревали там. Она не двигалась.

Ты погибнешь. Ты ведь погибнешь, милая.

Паника смеялась и глумилась над беззащитным страхом людей. Когда самолет дернуло и понесло вниз и влево, она посмотрела затуманенным взглядом на панику. Прямо ей в глаза. В облаках распахнулся гибельный зев — как раз

для самолета со странной девушкой на борту, девушкой, у которой в руке зажат странный карандаш.

Пусть.

Пусть? Как это так — пусть?

Дети плачут, кто-то из взрослых читает молитвы, а самолет рушится в пропасть. В этом небе нет Бога.

В этом небе я — Бог!

Нет. Ты просто-напросто глупый карандаш. И я тогда сказала НЕТ!

Она закрыла глаза и написала строчку. Ее будто током ударило. Тетрадь захлопнулась и завалилась в щель между сидениями, сумка упала с колен. Она отпихнула ее ногой, рывком освободилась от ремня безопасности, перебралась через потерявшую сознание соседку и оказалась в проходе — прямо посреди царства хаоса и криков.

Молния, грохот, новый рывок, но она устояла на ногах. Подняла голову. Глаза горят, из губы — то ли прокушенной, то ли разбитой — сочится кровь.

Ну и посмотрим, кто кого!

Вот она стоит, подняв руки, и в одной из них зажат белый карандаш.

Этим ты ничего не добьешься, ничего не ис-

правишь. А я исполню твое желание! Любое твое желание!

Вспышки молний осветили ее лицо и отступили, напугавшись глаз.

Конечно, исполнишь.

Нет, ты не можешь! Ты не сможешь! Ты не имеешь права!

Ослепительная вспышка, гром, рывок. Самолет тряхнуло. Она упала на колени, больно ударившись о подлокотник, вскрикнула и вдруг вспомнила, как впервые захотела это сделать.

* * *

Теперь я — твой лучший друг. Ты молодец, что пошла на это. Совсем забыл: не пытайся меня уничтожить. Даже попытка избавиться от меня приведет тебя к гибели. Как того беднягу, который бросил меня в грязь у остановки. Я не желаю быть брошенным карандашом.

Ты лжешь.

Тебе — никогда, милая! Помнишь, шел дождь? Ты подобрала меня, очистила от грязи. Ты мне нравишься. Мне нравится, что ты ненавидишь людей. Мне нравится, что ты ненавидишь меня. И при этом миришься со мной, используешь — ты слабенькая. Я люблю таких. С ними хорошо.

Ты лжешь!

Теперь я — часть тебя. Ты можешь ненавидеть меня. Но уничтожить — нет. Еще никто не смог. Мы поняли друг друга? Вот и славно. Добро пожаловать в мой мир, милая.

* * *

Она поднялась с колен и взялась за карандаш второй рукой.

Ты не можешь! Я приказываю тебе! Я…

Она переломила карандаш пополам: щелк.

Время остановились и снова пошло. В салоне зажегся свет и больше не мигал.

— Это я приказываю тебе, — хрипло сказала она, отбросила обломки и стерла кровь с губы. Пробралась к своему креслу, села, прислонилась пылающим лбом к иллюминатору. Холодное стекло показалось ей обжигающим. Посмотрела на свои ладони: в кожу впились деревянные щепки, вокруг которых наливались алые капли.

Гром гремел все дальше, самолет миновал грозовую тучу. Почти не трясло. На лица пассажиров возвращалась краска. Они перестали напоминать жертв монстров из старых черно-белых ужастиков. Страх сменился возбуждением, люди начали переговариваться, обсуждать произошед-

шее. Кое-кто нервно причитал, еще не все дети успокоились, но паника отступила.

Самолет восстановил высоту, лег на правильный курс. Стюардесса объявила, что чрезвычайное положение снято, что сейчас все в порядке. Она пожелала всем спокойной ночи и пошла к загоревшейся лампочке вызова. Пострадавший пилот пришел в сознание. Врач и мужчина в клетчатой рубашке сидели рядом с ним на освобожденных креслах.

Половинки белого карандаша подрагивали на полу. Казалось, они кровоточили. Разве такое бывает? Но никому не было дела до двух странных деревяшек.

Она смотрела на свои ладони и улыбалась. Все было хорошо.

Хорошо и правильно.

Дети опять загалдели. Еще бы: такие приключения! Кто-то из взрослых начал рассказывать им сказку. Она слушала вполуха о том, как жила-была в бедной семье девочка и у нее совсем не было игрушек, а платье — только одно. И однажды добрая фея подарила ей волшебную палочку…

Какая чушь! Волшебных палочек не бывает.

Самолет плыл по спокойному небу. Ночь вышивала звездами причудливые узоры. Далеко

внизу вздыхал океан. По салону разливалось умиротворение. Успокоившиеся пассажиры готовились ко сну, несколько детишек уже сопели под монотонную сказочку.

Я посплю…

* * *

Потом выяснится, что один человек все-таки погиб во время бедствия — девушка в синем плаще. Вроде как сердце не выдержало, умерла от испуга, бедняжка. Ужасно, просто ужасно! Только почему на ее губах застыла такая счастливая улыбка?

Мужчина в темно-зеленой клетчатой рубашке так и не сможет объяснить — ни окружающим, ни себе — что же все-таки произошло. Это он первым подойдет к странной девушке — ведь он видел, как в самый отчаянный момент катастрофы она что-то делала в проходе… что-то держала в руках. Он задумается над этим. Он поймет, что она погибла не от страха. Он найдет половинки карандаша и толстую тетрадь с выдранными листами. И прочтет на первой странице: *«Я желаю, чтобы этот чертов самолет спасся».*

Июль 2004 – август 2006 – июнь 2014

Комната

— Чувствуй себя как дома. Принесу пиво.

Как классно снова сбежать с уроков, чтобы встретиться с Вольдемаром! Смешное имя — наверное, ненастоящее. И все равно Алиса без ума от него. Да, он сильно старше, да, он довольно скрытный… но какой же крутой! Пусть одноклассницы удавятся от зависти!

Сегодня Вольдемар впервые пригласил ее домой, и девушка вся дрожала от предвкушения, но внешне оставалась холодной и саркастичной. Так круче.

— Ниче так хибарка! — кинула она через плечо, заходя в комнату.

Секретер, шкаф, стеллаж с книгами, кровать. Ни одного окна. Странно.

И тут Алиса увидела, что вся стена покрыта фотографиями. Ее фотографиями. В школе, на улице, в клубе, даже дома. Множество интимных моментов, когда он не мог, просто не мог ее сфотографировать! И все же вот они, снимки: она раздевается перед сном, она моется в душе…

Алиса попятилась к двери.

— Чувствуй себя как дома, потому что теперь это — твой дом, — сказал Вольдемар и захлопнул железную дверь.

Сентябрь 2014

Детская клятва

Машке. Ей и только ей.

1

— Да, но… — после получасового Сашкиного объяснения у нее задрожали губы. Ей стало больно оттого, что все, что он говорил, было так правильно и так логично. — Но мы поклялись… Поклялись, что никогда не предадим это место.

— Конечно, поклялись. Мы же были детьми! — засмеялся голос из трубки. — Все эти торжественные слова, клятвы, опасности понарошку и спасение мира, игры в героическую смерть… Да, дорогая, салат тоже буду, — сказал Сашка на том конце в сторону. — Ника, ты что, забыла, сколько всего мы тогда напридумывали?

— Сколько всего мы напридумывали, — она не могла не улыбнуться, хоть на душе было не очень.

— Ну вот. Так что не занимай голову всякими глупостями, передавай привет мелкому, а я ужинать побежал.

— Ладно. Пока.

Сначала ей показалось, что она стоит у деревянного забора и смотрит вслед только что отправившемуся домой Сашке. Пели сверчки, перекликаясь с далекой грозой. Воздух был свеж и приятен. Она слышала удаляющиеся шаги по камушкам на песчаной дорожке. Но потом она осознала, что она в помещении, и под потолком сияет люстра, и на столе стоит компьютер. И она в квартире, и телефонная трубка в ее руке исходит частыми гудками. Она опустила ее на рычажок.

Ника встала с дивана и, так и не найдя второй тапочек, босиком подошла к окну.

Темно. А она было и позабыла, как быстро смеркается поздним летом. Наверное, это из-за огней. Городские огни всегда немножко сбивают с толку. Надо же… А она ведь помнит то время, когда их не было, когда ночи были черными. Помнит, как эти кирпичные дома были ей по колено, как они были всего лишь началом стройки, невыполненным планом. О, сколько всего она помнит! И сколько всего уж не вернешь.

Она разглядывала аккуратную улицу за окном. Деревья и фонари по обочинам, зебра для пешеходов, чистые тротуары. Просто мечта. Ко всему этому, как, впрочем, и к другим кардинальным

изменениям, она привыкла. За столько лет и не к такому ведь привыкнешь, так?

«Но ведь можно еще что-то сделать», — подумала она и пошла в комнату к сыну — передать привет. А потом на кухню — ждать мужа.

Может, можно еще что-то сделать.

2

— Привет, как ты? — Сашка чмокнул ее в щеку.

— Ничего. А ты?

— Никогда не чувствовал себя лучше! — он вздохнул полной грудью. — Пойдем, покажу тебе все. Это будет грандиозно. Да что там, это же уже грандиозно! — и он засмеялся на высоких нотах. Ника с детства знала, что этот смех — показатель крайнего волнения Сашки.

Они пошли по скверику.

— Когда нам было по восемнадцать, здесь была пустошь, — сказала Ника.

— Когда нам было по восемнадцать, мы жили в захолустье. А теперь мы живем в цивилизованном городе.

— Цивилизованном, — вздохнула Ника.

— Ты снова куксишься, — Сашка подтолкнул ее локтем, как в старые добрые времена. —

Что стряслось? Господин с усиками снова ревнует?

Господин с усиками — это муж Ники. Ему да Сашкиной жене нужно основать клуб профессиональных ревнивцев. Эти двое периодически закатывают прелестнейшие сцены. Они никак не хотят понять, что Ника и Сашка дружат всю жизнь, причем в прямом смысле этого слова: они помнят друг друга ровно столько, сколько помнят себя. И в этом шумном мире нет молекулы прочнее, чем Сашка и Ника. Они лучшие друзья! Друзья — да. Любовники — нет. Никогда. Скорее звезды сдвинутся с орбит. Однако господин с усиками и Сашкина «дорогая» не понимают этой простой истины и частенько устраивают бурю в стакане воды.

Ника покачала головой:

— Не-ет.

— А что тогда?

— Понимаешь, у меня такое чувство… — Ника не могла подобрать слов. Она покраснела и потупилась. Как же так? Она не может сказать Сашке то, что думает? Сашке?! Нонсенс. Так не бывает. И она покраснела еще сильнее.

— Вот, глянь-ка на эту прелесть! — они как раз подошли к стройплощадке. Несколько домиков

для рабочих жались по краям огромной, почти законченной коробки.

— Это супермаркет, Ника, — с гордостью сказал Сашка. — Мой супермаркет! Смотри — само здание почти готово, осталось совсем…

Ника не слушала его. Она автоматически переставляла ноги — шла вперед. Шла туда, куда не осмеливалась заглянуть с тех самых пор, как Сашка купил этот участок земли. Будто он не принадлежал ему до этого, ему и ей.

Она не видела рабочих, сонно перетаскивающих какие-то железяки, не видела грузовик, свернувший с дороги и придавивший куст шиповника. Нет уродливой недоделанной коробки, и нет всего этого! Ей не двадцать восемь. Даже не восемнадцать. Ей восемь, и она сидит под большим деревом — под Старым Мудрым Дядюшкой Дубом. Она сидит под деревом, а вокруг нее раскинулся пустырь, обрамленный несколькими кустами душистого шиповника — того самого, что так вкусен, когда созреет. Эти кусты отделяют весь цивилизованный мир от пустоши, от нее и от ее мыслей. А вот и Сашка. Ему тоже восемь. И никому еще и в голову не пришло называть его Александром Александровичем. Они весело смеются, едят конфетки из затис-

канного свертка и выдумывают, на что похожи облака.

— Ника! Тебя снова унесло в область запредельного! — она услышала голос Сашки. Взрослого Сашки.

— Помнишь Старого Мудрого Дядюшку Дуба? — спросила Ника, глядя на мыски своих туфель. Она говорила тихо, будто боялась разбудить ребенка.

— Что? А, дуб… Ты любила его.

Ника кивнула.

Когда дуб срубили лет пятнадцать назад, она плакала и говорила, что ничего хуже вообще не придумаешь. После истерики с ней сделалась сильнейшая простуда — прямо посреди жаркого июля. После этого Ника долго не приходила, но потом все же пришла к огромному пню. И, погладив рукой еще влажный спил, приняла горькую реальность. И позже стала сюда приходить — как и раньше. И Сашка стал приходить — как в старые добрые…

— Пойдем поближе к этой твоей коробке, — резко сказала Ника и зашагала быстрее.

— Эй! Ну ничего себе «коробка»! — догнал ее Сашка. — Какого черта, Ника? Это самое замечательное, что происходит в моей жизни, — он взял

ее под локоть и дернул.

Этот жест, отработанный за два десятилетия на каждой мелкой двухминутной ссоре, вернул ее к реальности. Ника остановилась и посмотрела на Сашку.

— Это очень важно для меня, ты ведь знаешь. Ты ведь помнишь, как все начиналось, — сказал он как бы извиняясь, но на самом деле уже признав свою абсолютную правоту.

Ага. Она помнила его супергениальную идею, раскладной столик на обочине, громкую рекламу, намалеванную на ватмане, и первый Сашкин бутерброд. Первый проданный бутерброд. Потом, несколько лет спустя, был торговый лоток, потом — палатка, потом — магазинчик, потом — магазин… И вот пришло время для следующего «потом» — для супермаркета. Первого в обновленном городке. И так, как повезло Сашке, не везло никому — ему запросто продали участок на пустыре. И именно сейчас, когда у него есть мечта и есть деньги для ее воплощения.

— Такая возможность выпадает раз в жизни, — кивал Сашка и вел Нику мимо стройки. — Здесь вход. Ну-у, будет… И кстати, как тебе сочетание белый-зеленый в равных пропорциях плюс красная каемка? Приятно для глаз и привлекает

внимание.

Ника послушно шла рядом, кивала. Задавала вопросы, одобряла ответы Сашки. Смеялась… Ох, как было паршиво на душе! Ей так хотелось сесть в длинную мягкую траву (под ногами поскрипывала бетонная крошка), положить руки на плечи Сашке и все-все рассказать. Рассказать все свои печали, все свои мрачные мысли, весь свой страх того, что так часто стали подкатывать видения из прошлого — лучшие моменты, счастливые, счастливые до приторного привкуса в горле, до слез… Ей хотелось забраться в старый дом Сашки посреди ночи и выплакаться в его теплую подушку, уснуть счастливой в его нагретой кровати, взяв с него обещание, что он будет караулить ее сон.

И параллельно этому потоку мыслей где-то в висках стучали недружественные молоточки: вы не дети, не вернешь, ничего не вернешь, ничего: и у него жена, и у тебя муж — муж, забивающий на годовщины вашей свадьбы вот уже восемь лет, и твой родной город стал другим, и твой город стал цивилизованным, и он больше не твой родной город, город больше не твой, и ты ничего не вернешь…

Они подошли к огромному потемневшему

пню. Толстая кора изрезана старыми морщинами, срез с четкими кольцами дал трещину, и кто-то написал на шероховатой поверхности непристойность.

Я так хочу все рассказать ему! Все. И выплакаться, позорно выплакаться — как девчонка выплакаться. И мы бы вместе… Но нет же!

Она опустилась на краешек пня, сжала руками виски и зарыдала. Крепилась сколько могла — и вот. Вокруг была мягкая трава, и по небу плыли веселые облачка. Она сжала руками виски и уткнулась лицом в белую рубашку Сашки. И плакала, плакала… «Он забыл о годовщине нашей свадьбы! Не вспомнил! О первой годовщине! О нашей первой годовщине!» И она прижала к груди цветы, которые ей подарил Сашка пару минут назад, когда они встретились на волшебном месте — там, где жило и цвело в кустах розового шиповника их детство. Сашка стоял на коленях и гладил ее по светлым волосам, утешая. А потом она вытерла слезы. Сашка отпустил колкость по поводу умненьких и разумненьких муженьков, и они пошли праздновать великий вчерашний день — день, когда Сашка стал владельцем торгового лотка. Настоящего, понимаете?

Она очнулась. Наткнулась глазами на непристойность, въевшуюся в старое дерево. Прошлое схлынуло, как морская волна.

— Теперь здесь нет нашего пустыря, понимаешь? — она сморгнула и серьезно и очень грустно заглянула в глаза Сашке. — Понимаешь, мы поклялись тогда. Мы с тобой поклялись тогда… Нет, я все понимаю — я знаю, как это важно для тебя. Только обещай, что старый пень — все, что осталось от старого дуба — что старый пень… Что ты не…

Сашка коротко кивнул. Ей очень хотелось верить, что это значило «конечно», а не «как уж выйдет».

Нет. Я ему не расскажу. Я… Я — эгоистка. Эгоистка самого отвратительного толка. Я только и способна думать о себе и о своих чувствах, когда у моего лучшего друга сбывается мечта. И я буду радоваться вместе с ним. Как лучшая подруга, как самый близкий ему человек. Я буду радоваться с ним — с самым близким мне человеком.

— Ага! Белый и зеленый плюс красная кайма — отлично! — Ника так неожиданно повеселела, что это могло бы показаться фальшивым. Кому угодно, но только не Сашке: он-то знал все тонкости ее взбалмошной натуры. — Пойдем!

По мороженому! — она взяла его под руку. — Как в старые добрые времена!

3

— Послушай, но ведь ты тоже когда-то кричала, что никогда в жизни не подойдешь к компьютеру. А теперь ты директор нашего интернет-клуба!

Да, Сашка прав. Прав, как всегда. Все правильно и логично.

Ника стояла и смотрела на грузовик, в который пятеро рабочих заталкивали только что выкорчеванный огромный пень. С тонких беззащитных корешков сыпалась земля. За что их так? Рабочий схватил топорик и двумя ударами отрубил непокорный корень, и еще один, и еще. Пень наконец затолкали в кузов, и грузовик укатил, оставив лишь следы от толстых шин и огромную яму. Как воронка от бомбы. Как могила.

— Да, конечно, — сказала Ника. — Но мы ведь…

— Ника, в жизни ничего нельзя строить на «да, но ведь»! Помнишь, ты сама втолковывала мне это, когда я напивался из-за той Катьки.

Сашка еле-еле выполз из-за огромного старого пня. От него несло как из помойки, а выглядел

он еще хуже, чем пах. И он промямлил Нике, что она может его стукнуть каблуком в челюсть. Вместо этого Ника забрала у него водку и прочитала лекцию о том, что нечего гробить себя из-за несчастной любви, когда тебе всего пятнадцать. Сашка пытался ее прервать своими «да, но» и «да, но ведь», но Ника и на них нашла управу.

Она отогнала воспоминание и спросила:

— А что тут будет — тут, вместо нашего старого доброго пня?

— Подъездная дорожка к супермаркету — вернее, к стоянке. Я ведь решил, что тут будет бесплатная стоянка, как и принято в цивилизованных странах. Выхожу на мировой уровень! — было видно, что Сашка предан своему делу. Кажется, он лично каждый гвоздь проверяет. Этот супермаркет — его детище, и он любит его всей душой.

«Цивилизация! Ненавижу ее! Цивилизацию!» — кричал маленький Сашка свежевыученное слово, когда его ударило током из розетки. Он ведь просто хотел проверить, откуда в ней электричество. А потом он долго хвастался своей подружке — во какой ожог остался на руке! Ее звали очень забавно — Ника. Как земляника.

— О-о, к автостоянке… — протянула Ника. Нет,

она не скажет ему, тем более ей уже легче. И на все его расспросы за последние несколько дней она исправно уверяла — все в порядке. Она умела говорить так, чтобы Сашка ей верил.

— Высший класс, — Ника подняла два больших пальца вверх. И зябко повела плечами, хотя вокруг пылала жара. Стоял первый августовский день — жаркий день уходящего лета.

4

Ника не любила, когда уходило лето.

Провалялась весь день дома. Послала работу к черту. К черту! А надо было всего лишь разобрать кое-какие бумаги и наладить барахлящий компьютер № 5. А потом — куда угодно, свободна, как птица на ветру. А она продинамила. Ведь и чувствовала себя вполне нормально — пока не свернулась под пледом на диване. Только мягкая ткань коснулась ее голых ног, она почувствовала себя совсем больной, ощутила свое горячее дыхание.

А день, как нарочно, вдрызг промок дождем и серым низким небом. И это после вчерашней жары и ослепительного августовского солнца.

— И хуже всего этот физкультурник! — пыхтел Сашка. Они с Никой сидели на старом мосту,

свесив ноги. Мороженое называлось «Аугуста». Был август. И было тридцать первое.

— Он заставит меня подтягиваться, а ты знаешь — я этого страсть как не люблю, — буркнул он.

— Да ладно тебе! — Ника болтала ногами и искала свое отражение в тонюсеньком ручейке. — Ты мыслишь узко, — она слизнула сливочную каплю с вафельного рожка и повернулась к расстроенному мальчику. — Думаю, в шестом классе учителя найдут и другие способы тебе досадить.

Сашка надулся и грубовато толкнул Нику локтем. Та весело засмеялась и толкнула в ответ. Сашкино мороженое вывернулось из его пальцев и полетело в траву, Сашка вскрикнул. Ника указала на мороженое и сказала: «Это был твой учитель физры», — Сашка рассмеялся. Никино мороженое они доели на пару. Но и тогда ей было не очень-то весело — Ника не любила, когда уходит лето.

Она, кажется, заснула.

Ника до сих пор не любит, когда уходит лето. Ненавидит. И этот дождь, этот блестящий асфальт, этот Сашкин звонок рано утром…

«Супермаркет готов! Его построили, Ника! Ника!!! — у Сашки сердце выпрыгивало из груди,

он тараторил. — Я же говорил — я нанял лучших ребят! Раскошелился на строителей — ну и что ж! Такое качество! И за такое время! А ведь это ты их нашла в Интернете! Спасибо-спасибо-спасибо-спасибо! Ника! Супермаркет готов!»

Этот звонок…

Ника глянула на часы. В пять они должны встретиться. Она первая увидит его детище.

«Ник, забегай после работы! Ты в полпятого уже все, освободишься? Я тебя встречу… Что? Не надо? А, хорошо. Хорошо. Тогда в скверике? В пять? Окей!»

Наврала — теперь вертись. Жди, когда часовые стрелки доползут до четырех сорока.

Ника пошарила рукой по тумбочке, завела будильник. Все окно было в подтеках, дождь услужливо предоставлял тонны депрессивной серости, подмешивая в воздух тоску. Она откинулась на подушки и натянула на голову плед.

5

Супермаркет готов.

Готовы автоматические двери, готовы новенькие тележки, готовы шкафчики для вещей. «Ника, смотри! Как в цивилизованных странах!» Стеллажи и полки пока пусты, в кассах пока

нет денег, но они тоже уже готовы. Подъездные дорожки блестят влажным асфальтом. Белый-зеленый плюс красная каемка — все готово. Скоро открытие. Скоро исполнится Сашкина мечта.

Она пришла одна. Вернулась — после того, как Сашка все ей показал-рассказал, после того, как сводил ее в ресторанчик (что-то среднее между обедом и ужином, господин с усиками и «дорогая» были бы в шоке). Вернулась — после того, как они с Сашкой сходили в кино на неплохой фильм с претензией на интеллектуальность. Потом он проводил ее до дома, и по дороге они весело обсуждали кино и — еще веселее — скорое грандиозное открытие и исполнение Сашкиной мечты.

И вот она вернулась к супермаркету и час простояла под холодным вечерним дождем. Просто глядела, без мыслей. И ей не нужно было прикрывать глаза, чтобы увидеть яркие картинки из прошлого. Раньше она перелистывала их, как антикварный журнал, как старый гербарий, не потерявший свежести красок и тонкости ароматов. Теперь она просто смотрела перед собой — они сами перелистывались.

Они с Сашкой смеются и лакомятся зрелыми ягодами шиповника.

Они с Сашкой играют в спецназовцев.

Они с Сашкой пугают друг друга, пересказывая фильмы ужасов и добавляя престрашные детали.

Они кружатся рядом со Старым Мудрым Дядюшкой Дубом и клянутся никогда не предавать это место.

Они кружатся рядом со старым пнем, Сашка поставил на него Нику, и ее длинная юбка летит синим кругом.

Они с Сашкой репетируют, как признаются в любви: он — Катьке, она — Вовке.

Они с Сашкой украшают шиповник хеллоуинскими гирляндами, а на старом пне красуется тыква с вырезанными глазами и ртом.

Они с Сашкой играют в пиратов, и, упав с «мачты», Ника ломает ключицу.

Они знакомятся после того, как подрались из-за найденной денежки, которая оказалась всего лишь пивной крышкой.

Они с Сашкой хвастаются друг другу и соревнуются — у кого больше шрамов, у кого шире ладошка, кто дальше плюнет, кто громче крикнет.

Они сооружают театрик с одним актером и одним зрителем.

Они продают первый Сашкин бутерброд.

Они с Сашкой сидят, прислонившись к старому пню, и смотрят на звезды.

Они с Сашкой сидят, прислонившись к старому пню, и не желают взрослеть.

Нику била дрожь.

Дождь, холодный вечерний августовский дождь, закончился.

Она стояла перед новеньким супермаркетом вся промокшая — до белья, до костей.

— Я мужу ужин не сделала, — сказала Ника и повернулась к дому. Проходя мимо пожухлого куста шиповника, она набрала горсть спелых красных ягод — каждая с растрепанной сухой короной. Ника стала осторожно обгрызать с ягод сочную мякоть дрожащими фиолетовыми губами. Ей было холодно в этот последний день лета.

6

Ника сидела на краешке Сашкиной кровати. В комнате темно, совсем темно, и она включила настольную лампу. Сашка спал на боку, подложив ладонь под щеку. Порыв ветра за распахнутым окном дернул тюлевые занавески, и они заплясали, отбрасывая квадратики.

Какая удача — Сашкина квартира на первом

этаже, но на окнах нет решеток, и они не запираются на ночь. Какая удача — «дорогая» спит в другой комнате, ловя чутким слухом матери каждое движение маленькой Сашкиной Ники. Как мило, он назвал своего первого ребенка — хорошенькую голубоглазую девочку — в ее честь. Впрочем, ее мелкий тоже носит имя ее лучшего друга.

Ника сидела на краешке кровати и улыбалась. Снова порыв ветра, снова встрепенулся тюль. Окно тихонько хлопнуло, и Сашка открыл глаза.

— Привет! — шепнула Ника с улыбкой и помахала рукой.

— Ник, ты? — Сашка поморщился спросонья, провел рукой по глазам и приподнялся на локте. Наконец он осознал, что проснулся, что сейчас ночь и что рядом сидит его лучшая подруга.

— Ника, ты что тут делаешь? — прошептал он. — Света проснется, заглянет, что я ей скажу? — и Сашка увидел странную улыбку на губах Ники, и странную складку у нее на лбу, и странное выражение глаз.

— Ник? Что случилось? — он коснулся рукой ее плеча. — Все в порядке?

— В полном, — Ника улыбалась, и глаза ее блестели, блестели, как будто переливались в по-

лумраке. — Все. Кончилось лето. Уже две минуты как осень, — сказала она, взглянув на часы.

— Лето кончилось, — шепнул Сашка. — Кончится и осень, и зима, кончится и весна, и снова наступит… — он с нарастающей тревогой глядел на нее. Что-то в ней не так –…наступит лето.

— А помнишь, как я к тебе так же пришла? — протянула Ника. — Выговориться надо было. — Он успокаивающе погладил ее по плечу. Сквозь легкую блузку пробился лихорадочный жар, и он подумал, уж не заболела ли она.

— Ох Сашка… — ее шепот стал как расплавленный металл, зрачки дрожали. — Давно это было! И вот сейчас — как в старые добрые…

Она запнулась.

— Я… Я тебе…

— Ты хочешь выговориться? Рассказать мне что-то? — Сашка глянул на закрытую дверь в комнату маленькой Ники. Темная щель говорила, что его жена Света спит.

Ника молчала.

— Что случилось? Ну что, что? — Сашка пытался поймать ее взгляд своими верными, добрыми, встревоженными глазами.

— Я тебе сказать что-то хочу, — Ника отвела взгляд, помолчала. — Тринадцать.

— Что? — резким шепотом переспросил он, нахмурившись.

— Тринадцать лепестков у цветка, — она указала на обои, где красовался неведомый науке цветок. — Ты что так нервничаешь?

Сашка и вправду занервничал. С Никой что-то стряслось. Что-то серьезное. Что-то не очень… хорошее.

— Ника? — ему удалось заглянуть ей в глаза, в дрожащие зрачки. — Что случилось?

— Да ничего не случилось, — уставшим голосом сказала она. — Просто понимаешь…

Она протянула к нему правую руку. Руку, до этого не попадавшую в поле зрения Сашки. Руку, в которой блестела раскрытая опасная бритва — такими уже давно не пользуются, такие сегодня найдешь разве что в музее или на чердаке. Несмотря на несколько ржавых пятнышек, лезвие было очень острым. По нему скользнул желтел блик от лампы и лег на удивленное лицо замершего Сашки.

Ника закончила фразу, четко проговаривая каждое слово:

— В детстве мы с тобой поклялись, что никогда не предадим наше волшебное место.

— Да, но… — сказал Сашка.

И Ника наотмашь полоснула бритвой.

Август 2006 – май 2014

Хюльдра

На фоне ярких полотен лицо казалось восковым. Художник лежал среди разбросанных кистей на полу, покрытом разноцветными пятнами — старые краски, новые краски. И кровь. Его губы слабо дрожали.

— Они добрые, светловолосые… И только коровий хвост…

С мольберта сияла незаконченная картина: обнаженная женская спина, изгиб талии, тонкая рука подняла копну волос наверх, хитрые глаза зеленеют из-за плеча.

Рядом с его лицом тяжело ступила лапа монстра, когти заскребли по щербатому паркету.

— Такая красивая… Ты была такая красивая…

На его вспоротую грудь упала жесткая метелка — это хвост больно стегнул по ранам. Спутанные волосы пахли не фьордами и северными лесами, а гиблыми болотами и затхлостью мертвых чащ. Зеленые глаза хищника загорелись в сумраке.

— Я люблю тебя… даже такую…

Хюльдра наклонилась к умирающему художнику и начала слизывать с его лба крупные капли холодного предсмертного пота.

Сентябрь 2014

Дом без окон и дверей

1

— Может, не надо? — спросила Вика, поправляя аккуратное темное каре. Модный жакет и черные туфли смотрелись диковато на фоне заросшей тропинки и расшатанного забора. Казалось, она совсем не готова ворошить прошлое. И все же Вика отправилась с друзьями на любимую дачу, где не была столько лет.

— Да ладно тебе! Мы же все детство мечтали пролезть к старой колдунье, — ответила ей Элька. Вылинявшие джинсы, красная рубашка в клетку, разбитые кеды — полный боевой комплект.

— К какой еще колдунье? — дернул ее за рукав темноволосый парень.

— Николай, не дрейфьте-с! — ткнула его локтем Элька и поправила очки.

— Да нет никакой колдуньи. Просто в детстве мы дурью маялись: рассказывали друг другу страшилки про то, как в этом доме колдунья живет, людей ест и кровью запивает, — сказала Вика.

Кольке оставалось только улыбаться в сторонке: он был не из их дачной компании. Он уже

год встречался с Викой, их познакомил Пашка. Колька бы многое отдал за то, чтобы быть на месте своего друга, чтобы у него тоже были яркие детские воспоминания, связанные с Викой. Неужели этот раздолбай Пашка, который до сих пор не пришел, был так близок замечательной девушке с красивыми серыми глазами? Колька старался не думать об этом.

— Ладно, полезли. Пашка пусть догоняет как хочет! — скомандовала Элька и первая перемахнула через хлипкий забор.

2

Дом был очень старым и действительно навевал мысли о бабке-людоедке — такой, какая бывает в страшилках про красные пирожки или красное мороженое. В этих историях колдунья ловит людей, перемалывает их в огромной мясорубке и делает всякие вкусности. Причем это всегда подчеркивается: пирожки были *очень* вкусными, мороженое было *очень* вкусным.

Старый дом стоял, как нарочно, на самой окраине дачного поселка, почти в лесу. Десять лет назад он был таким же покосившимся, таким же заброшенным, таким же стремным. Понятно, что он манил развеселую троицу — Эльку, Вику

и Пашку, которым тогда было лет по восемь. Но они так и не решились залезть внутрь: то ли слишком правдивыми казались байки о колдунье, то ли их не радовала перспектива схлопотать от председателя Федора Борисовича, который неустанно следил за порядком на дачах.

Колька поймал спрыгнувшую с забора Вику и чмокнул ее в губы, та ответила легким поцелуем.

— Вот мы и здесь, — сказала Элька, стоя прямо под балконом, заросшим плющом.

Смеркалось. Близкий лес начал шуметь по-особому — совсем не как днем. Улыбка вдруг сползла с губ Эльки: этот шелест, эти темные тени деревьев на фоне мрачного неба напомнили ей о чем-то неприятном, но давно забытом. Девушка тряхнула головой.

— Эй, любовнички! — повернулась она к подруге и ее парню. — Идем?

Вика, Колька и Элька обошли вокруг старого дома. Весь участок зарос высоченной — по пояс — травой, лопухами и крапивой. Две кривые яблони лепились к одной из стен, уродливый пень раскидал корни у другой. Везде валялся неопределенный хлам — обычное дело на заброшенных дачах. Ребята вернулись под балкон.

— Эля? — нахмурилась Вика. — Но ведь тут нет двери. — Девушка взяла за руку Кольку и зябко повела плечами. Элька кивнула.

— Что за глупые шутки? — Колька быстрым шагом пошел вокруг дома.

— Как это так? — спросила Вика.

Элька прищурилась и смяла в руке лист полыни. Знакомый запах щекотал ноздри.

— Может, он таким и был всегда. Мало ли какие причуды были у его хозяев.

Вернулся Колька и не стал ничего говорить — у дома действительно не было двери.

— А как насчет окон? — Вика указала на горизонтально прибитые доски. Именно эту стену видели любопытные дети и все, кто проходил мимо.

Элька и Колька схватились за доску, и она отскочила с глухим треском.

— Но… Но как же так? — Элька покачала головой. И, поправив очки, взялась за еще одну доску. — Давай-ка, Коль.

Вика присоединилась к ним, и втроем они отодрали еще две доски. И отступили. Смысла продолжать не было: и так ясно, что тут нет окна. Кто-то удачно пошутил… или расчетливо придумал — для отвода глаз.

— Глупость какая-то! — выдохнул Колька.

— Не знаю… Мне это не нравится, — сказала Вика.

Элька только вскинула руки ладонями вверх — мол, даже не спрашивайте. Она вспомнила детскую загадку: *дом без окон, без дверей — полна горница людей.* И недетский ответ: презерватив.

Дом без окон, без дверей… Но ведь в нем когда-то жили люди. Что они, через балкон что ли лазали?

— Балкон! — очнулась Элька. — Ну конечно!

Она подошла к стене, покрытой плющом, и посмотрела вверх.

— Ты что, он тебя не выдержит! — предупредила Вика.

— Плющ — нет, а вот деревянные опоры — еще как, они не выглядят гнилыми. Тут какие-то резные украшения, почти как ступени, — Элька уже лезла наверх. Через несколько мгновений она ступила на заветный балкон — о, каким желанным он казался им в детстве! Перед ней белела дверь.

Вика с легкостью догнала подругу, чем удивила Кольку. Она будто переменилась. Куда делась рассудительная студентка с ее выглаженными блузками и строгими юбками? Она теперь боль-

ше напоминала прежнюю Вику, Вику, какой ее с детства помнила Элька. Для Кольки же эта сторона ее личности была в новинку, и она ему нравилась. Он быстро залез на балкон.

— Не могу поверить, что мы все-таки это делаем, — улыбнулась Вика.

— А теперь — барабанная дробь — пошли внутрь, — глаза Эльки так и сверкали за линзами очков.

— Куда Пашка запропастился? — сказала Вика. И вдруг ее сотовый пропиликал о том, что пришло СМС. Девушка пробежала глазами по экрану и сдвинула брови.

— От Пашки. Но… сообщение пустое.

Она протянула телефон Эльке, но он снова пиликнул. И снова, и снова.

3

От Пашки сыпались пустые СМС — одно за другим. Электронные звуки казались неестественно громкими в наступившей тишине.

— Звони ему, — нарушил молчание Колька. — Он опять забыл залочить свой допотопный телефон, и тот шлет эсэмэски из кармана. Потом орать будет, что деньги кончились.

Вика набрала номер.

— А вам не кажется, что он как-то светится… изнутри? — спросила вдруг Элька, кивнув в сторону двери. Вокруг была почти ночь, но возле дома было светло.

— Шшш! — Вика прислушалась к гудкам. Ответа не было. Шестой гудок, седьмой… Пашка не поднимает трубку. Десятый гудок. Вика сбросила звонок.

— Попробуй еще раз, — предложила Элька. — Тут связь плохая.

Вика снова нажала кнопку вызова. Ничего. Пашка не отвечает. Вика хотела снова сбросить, но ее остановил Колька.

— Подожди-ка, — он прислонился ухом к двери и прикрыл глаза. — Послушайте!

Вика включила громкую связь, чтобы услышать, если Пашка все же соизволит ответить. Девушки тоже припали к доскам. Сначала они не поняли, о чем Колька. А потом…

— Это же… «Призрак Оперы»? — прошептала Элька.

— Да, это Пашкин рингтон! На прошлой неделе мы фильм смотрели, он все напевал эту мелодию приставучую и звонок себе такой скачал, — сказал Колька.

— И что же это значит? — спросила Вика. Ей ни-

кто не ответил.

Гудки оборвались, раздался странный рев, переходящий в шипение, а может быть, в шепот. На том конце дали отбой, и «Призрак Оперы» по ту сторону белой двери смолк.

— Я ничего не делала, клянусь! — Вика чуть не выронила телефон.

— Ладно, — сказала Элька, нервно поправив очки. — Наверное, Пашка просто залез туда раньше, чтобы попугать нас.

— Идем внутрь, — решила Вика.

Колька поднял большой металлический фонарь, повернулся к двери и взялся за ручку… Его рука прошла вниз.

— Что за…?

Ручки не было, только круглая дыра диаметром сантиметра два.

— Мне кажется, она слишком велика для ключа, — сказал Колька и постучал пальцами рядом с отверстием. Он толкнул дверь плечом, но она, конечно же, не поддалась.

— Может, это что-то вроде кнопки? Отпирающего механизма? — сказала Вика. Ей было тревожно: все в этом проклятом старом доме не так.

Элька хотела сунуть в скважину палец, но Коль-

ка опередил ее.

— Ничего там не нажимается, — сообщил он. Глупо, наверное, он выглядит — стоит, согнувшись, у белой двери, тычет пальцем непонятно куда.

— Попробуй повернуть, — сказали девушки хором и заулыбались. В детстве они часто произносили одну фразу в унисон.

И Колька повернул. Внутри что-то сместилось и пошло в сторону, его кисть описала полуокружность, ладонь со сложенными пальцами теперь смотрела вверх. Он нажал. На этот раз раздался громкий щелчок и… Он вскрикнул и отдернул руку, Вика подпрыгнула.

— Что? — забеспокоилась она и осмотрела его пальцы. На самом кончике указательного блестела маленькая треугольная ранка. — Больно?

— Пустяк, — сказал Колька и сунул палец в рот. — Дверь открыта.

— А вот это дело! — сказала Элька, но в ее голосе больше не было уверенности. Она толкнула дверь, и та с тихим скрипом пропустила троих друзей внутрь старого дома.

4

Колька включил фонарь и тут же выключил — какой в нем смысл, если вокруг светло как днем.

Во всем остальном комната была абсолютно обычной. Диван с мягкими подушками, стол с белой скатертью, два стула, книжный шкаф с рядами разноцветных корешков. Старый сундук, и какой огромный! Большое зеркало в резной раме, старомодные часы с гирями, видавший виды телевизор. На стенах — репродукции известных полотен, а еще детские рисунки.

Элька прошла в центр комнаты и огляделась. Ее удивили идеальный порядок и полное отсутствие пыли — нет даже паутины. Никакого хлама, никаких поломанных бесполезных вещей, которые так любят накапливаться в старых домах. Как будто хозяева отлучились на минутку и сейчас вернутся. Она направилась к книжной полке.

Колька сначала удостоверился, что дверь не захлопнется за ним, как только он отойдет от нее на пару шагов. Так всегда и бывает в фильмах ужасов! Спасибо, сюрпризов не надо! Поэтому он прикрыл ее и зафиксировал фонарем.

— Подстраховка никогда не повредит, — с улыб-

кой сказал он Вике.

А Вика тем временем разглядывала детские рисунки. Их прикрепляли к стенам четырьмя железными кнопками — с любовью и гордостью.

— Здесь хорошая библиотека, — заметила Элька и показала томик Шекспира в старинном переплете с золотом. — Полное собрание сочинений. А еще немецкие классики, Байрон и лейкисты, русский XIX век… А вот античная литература. Круто! — она поставила книгу на место.

— Как странно! Это же твой рисунок, Эль! — сказала Вика.

— Что? — Элька подошла к подруге, Колька встал рядом.

Бумага пожелтела и, казалось, сделалась хрупкой, цвета поблекли, по краям мутные разводы. На рисунке был страшный диван — он напоминал раскрытую пасть, и торчащие пружины были хищными зубами. На бежевой обшивке расплылось несколько красных пятен, в кровавой луже перед диваном лежал башмачок.

— Черт! — вздрогнула Элька. Теперь она вспомнила. — Это и вправду мой рисунок! Меня сильно впечатлила рассказанная Пашкой страшилка. Там было про колдунью, у которой был диван-людоед. Я нарисовала его, а потом закопала рисунок.

Я верила, что так избавлюсь от страха, — усмехнулась она.

Кольку вдруг прошиб пот. Диванчик на рисунке выглядел скорее смешным, чем страшным, но было в нем что-то зловещее. Он покосился на диван у дальней стены, но тот выглядел вполне безобидно.

— А ведь рисунок и вправду выглядит, будто его закапывали. И края подмочены, — Вика показала пальцем на темные разводы. — Мне очень не нравится все это. Надо быстрее найти Пашку и сматываться.

Элька и Колька кивнули. Но комната была как на ладони, и никакого намека на Пашку.

— Здесь тоже пусто, — сказал Колька, заглядывая в огромный сундук.

— Где же он? Или его телефон, по крайней мере? — прошептала Вика. Она достала мобильный и снова позвонила Пашке.

5

Несколько мгновений было тихо, но вот из трубки донеслись редкие гудки, и тут же заиграл «Призрак Оперы» — где-то у них под ногами.

— Это внизу! — ахнула Элька. Она вышла в центр комнаты и увидела люк. — Ну конечно!

Люк! Мы же на втором этаже!

— Две секунды, — Колька уже достал из кармана швейцарский нож и подцеплял крышку. Девушки опустились на пол рядом с ним.

Колька откинул крышку в сторону и наклонился к квадратному лазу. Там, внизу, тоже было светло.

— Мы до сих пор не знаем, откуда идет этот свет. Люстры нет, светильников, лампочек тоже нет, — сказала Элька и протерла краешком рубашки очки.

— Главное — светло, а как и почему — это уже дело десятое, — сказал Колька и спрятал нож обратно в карман джинсов. — Тут невысоко, я спущусь первым.

И он спрыгнул в люк.

— Как думаешь, это опасно? — спросила Вика.

— Нет, — сказала Элька. Ей очень хотелось в это верить.

— Ого! Скорее спускайтесь сюда! — крикнул Колька.

Элька повисла на руках и спрыгнула. Вика колебалась:

— А вы уверены, что мы сможем вернуться?

— Еще как сможем, — сказала Элька, голос звучал удивленно. — Давай к нам!

И Вика спрыгнула.

— О боже! — вырвалось у нее. — Но ведь это та же самая комната!

6

Они снова оказались в просторной светлой комнате. Диван, книжный шкаф, стол с двумя стульями, сундук, старенький телевизор — все на своих местах. И люк посередине комнаты — как раз под люком в потолке.

— И как это понимать? — спросила Элька.

Вика обошла всю комнату, поглядывая то на рисунки, то на мебель. Остановилась у большого зеркала в резной раме и посмотрела себе в глаза.

— Просто у хозяев были причуды. Мы это уже выяснили, когда не обнаружили окон и нормальной входной двери, — сказала она.

— Да нет, это *та же самая* комната! — крикнул Колька. Он стоял у белой двери. — Не такая же, а *та же*! Смотрите, — он указал на свой фонарь, которым подпер дверь там, наверху, чтобы она не захлопнулась, как в фильмах ужасов. Из щели тянуло ночной свежестью.

— Даже не знаю, — поежилась Вика.

— Теоретически мы можем предположить… — начала Элька и замолчала. Она подошла к своему

старому рисунку. Страшный диван скалился с листа. Глупая байка, подумала Элька, глупая и страшная. Она боялась. И ругала себя за это.

Колька приоткрыл белую дверь и поглядел на темные завитки плюща. Он был готов к тому, что дверь не откроется, или окажется иллюзией, или еще что-то… но не к тому, что он снова сможет выйти на балкон и без проблем войти внутрь. Колька вернул фонарь на прежнее место и подошел к Вике.

Та разглядывала белую скатерть на столе. «Мне показалось, — думала Вика. — Нет тут никакого темного пятна».

— Давай-ка еще разок! — кивнул Колька Вике, и она набрала Пашкин номер. Гудки из трубки, «Призрак Оперы» снизу.

— Хорошо. Пусть это первый этаж дома эксцентричных хозяев, — отрезал Колька и подошел к люку в полу. — Тогда там — подвал, и в нем — Пашка. Так? — он откинул крышку и не раздумывая спрыгнул вниз.

— Коль! — крикнула Вика. Ей было жуть как не по себе, она разрывалась между жаждой убежать отсюда и желанием найти Пашку и убежать отсюда вместе с ним. Она последовала за Колькой.

Элька еще раз оглядела комнату, посмотрела

наверх — ничего, кроме открытого люка, — и спустилась к друзьям.

— Я так и знала, — процедила она сквозь зубы.

7

Комната была та же, Колькин фонарь остался на месте, улица с прохладной ночью тоже никуда не делась.

Ребята примолкли. Элька просто бродила кругами, Колька начал простукивать стены, Вика примостилась у стола. Она снова разглядывала скатерть.

— Тут как-то… туманно что ли? — сказала наконец Элька.

— Протри очки, — буркнул Колька.

— Уже. Идите сюда!

Все встали у одного из стульев.

— Вот, — Элька указала пальцем. — Какое-то большое темное пятно, будто кто-то сидит на стуле.

— Ты права, — ответил Колька.

— На столе тоже тень, — сказала Вика. — В первой комнате ее не было.

— И здесь! — Колька указал на два неясных пятна на полу.

Ребята оглядели комнату и обнаружили еще

дюжину странных теней: на книжном шкафу, на старых резных часах, возле сундука, на столе, даже под потолком.

— Это ведь не предметы отбрасывают тени, свет рассеянный, — сказала Элька. — Может, что-то прояснится, если мы снова спустимся вниз?

Колька открыл следующий люк.

8

Тени стали четкими, когда они оставили позади еще три люка и оказались в шестой комнате-близнеце. Вика снова позвонила, а Колька и Элька подошли к столу. На белой скатерти лежал Пашкин телефон. Корпус, кнопки и экран с мигающей надписью «Incoming call: Vika» просвечивают, а «Призрак Оперы» все еще доносится снизу. Колька попытался взять телефон, но его рука прошла сквозь него.

— Эль! — взвизгнула Вика, и Элька вздрогнула.

— Пашка! — крикнул Колька.

Девушка указывала дрожащим пальцем на стул. Элька посмотрела и застыла. На стуле сидел темный силуэт. Казалось, кто-то уснул за чтением: голова склонилась на грудь, руки сцеплены. Черты лица расплывчатые, но сомнений быть не могло — Пашка.

— Он не слышит, — сказала Вика, вытирая глаза. Ее очень пугало то, что на темной Пашкиной тени было несколько красных полос.

— Нам нужно еще ниже! — кивнула Элька. — Вик, продолжай звонить. Давайте спускаться до тех пор, пока не зазвонит телефон на столе!

9

Телефон на столе зазвонил еще двумя уровнями ниже, но друзья не обратили на него внимание. Они бросились к стулу, на котором сидел Пашка.

Деревянные перемычки спинки — по четыре с каждой стороны — впивались в его бока. Они глубоко пропороли плоть и добрались до легких. Парень тяжело дышал, со всхлипами и свистом, иногда он стонал и вздрагивал, и тогда из рваных ран вытекали струйки крови. Штаны цвета хаки стали бордовыми, пол вокруг был залит кровью. Удивительно, что он был еще жив.

— Пашка… — выдохнул Колька. Его мутило.

Вика заплакала навзрыд, и побелевшая Элька взяла ее за плечи.

— Пашка! — крикнула девушка. — Пашка!

И тут он вздрогнул, застонал и приподнял голову. Кожа почти прозрачная, светлые волосы слиплись от пота, из носа тоже течет кровь.

— Это мы, Вика и Эля. Мы поможем тебе, Пашка, слышишь? — зашептала Элька. — Не теряй сознание, скажи что-нибудь.

Она больно ущипнула себя за руку, чтобы не упасть в обморок, и опустилась на колени. Пашка разлепил губы и сказал:

— Эля.

— Мы поможем тебе, ладно? — Элька заплакала.

— Я вас… решил… напугать.

Колька тоже встал на колени, чтобы осмотреть деревянные шипы, которые держали Пашку. Как чертово насекомое в чертовой коллекции! Вика ходила от одной стены к другой и, прижав руки к лицу, плакала. Элька положила руку на сцепленные пальцы Пашки, и тот вскрикнул — из запястий тоже торчали деревянные зубы.

— Скважина… — хрипел он.

Элька пододвинулась к Кольке. Тот покачал головой — ничего с этими деревяшками не сделаешь. Элька упрямо замотала головой и дернула одну из них в сторону. Пашка изогнулся и закричал, из ран брызнула кровь и залила Эльке очки. Кольку вывернуло наизнанку — он еле успел отвернуться.

Элька мелко задрожала, поднялась. Машинально сняла очки, начала вытирать их о рубашку. На красном кровь не видна. Она терла их и смотрела широко раскрытыми глазами на стонущего Пашку.

— Кто уколется… о треугольное лезвие… — сказал он, задыхаясь.

10

Вика отняла руки от лица, открыла глаза, огляделась. И закричала.

Полна горница людей…

То, что она мельком приняла за пучки лечебных трав, когда кинулась к Пашке, оказалось совсем не травами. Это были волосы, человеческие. Целые пряди, вырванные с мясом и любовно перевязанные ленточками, висели под потолком.

На столе, на шкафу, на тумбочке с телевизором, даже на пустом стуле выстроились десятки баночек — больших, и поменьше, и совсем крохотных. У стен, группками на полу — везде, везде! Баночки с вырванными глазами, с отрезанными носами и языками, с фалангами пальцев, с кусками кожи — на одном из них красовалась татуировка. Домашние заготовки бабки-людоедки! Чертовы баночки!

Старый обитый железом сундук багровел подтеками крови. Из-под крышки торчал свежий скальп со сгустками крови. Рядом стояли две банки: в большой белели выломанные зубы, в маленькой сухо блестели вырванные ногти.

Метрах в двух от люка наверху висела кованая люстра. Со свечками. Свечки толстые и кривоватые, какие-то странные. Таких не купишь в магазине или хозяйственной лавке. Запах от них сводит с ума.

— Эти свечи… из… человеческого жира… — сказала Вика, глядя на люстру. Растрепанная, бледная, с остановившимся лицом, она напоминала зайца, завороженного фарами мчащегося на него автомобиля. Ее шатнуло, и она оперлась рукой о стену — как раз о старый Элькин рисунок. Вика вскрикнула и сползла на пол.

Элька озиралась, почему-то закрыв уши руками, хотя вокруг было тихо, даже Пашка не стонал. Она смотрела то на один, то на другой чудовищный экспонат. Вика беззвучно рыдала у ее ног, рукой она задела банку с ушами, и та выкатилась на середину комнаты.

Колька решил пробираться к двери. Плевать на все. Он отказывался что-либо видеть, кроме фонаря. Фонарь подпирал спасительную дверь

и манил Кольку. Он стер пот со щек и губ, даже не подозревая, что это текут слезы.

Вдруг Пашка обезумел. Он дернулся всем телом, зарычал, замотал головой и заорал:

— Стул! Он забирает всех, кто отмечен треугольником! Стул! Красный треугольник!

— У него бред, у него бред, — запричитала Вика. Ее глаза, казалось, остекленели.

— Пашка, ты что?! — подбежала к нему Элька.

— Скважина! — орал Пашка. — Стул забирает всех!

У него изо рта хлынула кровь, он снова дернулся, раздирая бока, захрипел, выплевывая красные брызги, съежился и затих. Больше не двигался. Только кровь стекает вниз.

— Ты что, Пашка? — упавшим голосом прошептала Элька.

— У него бред! У него бред! — не унималась Вика. Она поднялась на ноги, но была вынуждена держаться за шкаф, чтобы не упасть.

— Пашка? — позвал Колька. Когда его лучший друг кричал в предсмертной судороге, он не мог отвести от него глаз. А теперь его как молнией ударило, он посмотрел на свои руки и показал девушкам подушечку указательного пальца. Элька увидела на ней красный треугольник.

11

Ее тут же сбило с ног — что-то неведомое, сильное, зверское метнулось по полу.

Колька закричал. Тонко, оглушающе. Два деревянных щупальца воткнулись ему в запястья. На лицо брызнуло теплым, и он, слыша свой собственный крик, почувствовал, как его тащат — тащат за раны, зияющие в руках. Одним махом его втащили на стул, и восемь острых перемычек вонзились между ребер. Он рвался, колотил ногами, кричал, потом стал хрипеть. Бесполезно: деревянные путы сжимали его все сильнее. Стул-скелет замер. Колька отключился, голова его безвольно запрокинулась. На полу начали собираться красные лужицы.

Эльке показалось, что все произошло за секунду, и сразу раздался новый крик. А потом хруст, сдавленный визг утонул в глухом урчании. И тишина. Элька почему-то сразу поняла, что произошло. Сложно знать наверняка, как диваны съедают людей, но ей все так и представлялось.

Когда щупальца взволокли Кольку на стул, с него грохнулись две банки с неопределенными останками человеческого тела, плавающими в слизи и крови. Вдребезги! Содержимое вы-

плеснулось на пол, на угол шкафа и на черные туфли Вики. Девушка отшатнулась, попятилась и наткнулась на банку с ушами, которую сама же и свалила раньше. Потеряв равновесие, она с размаху села на диван…

— Вот так диван и съел мою лучшую подругу, — сказала Элька. — Как в старые добрые времена, — и хихикнула.

Все мысли ушли, в голове будто образовалась брешь. Она посмотрела на диван. Из-под подушки торчит окровавленный рукав Викиного жакета, в выбившихся пружинах застряли пряди темных волос. Элька подошла к дивану, посмотрела на туфлю в луже крови, погладила рукой бежевую обшивку. И села.

— Мягкий, — сказала она и покачалась. На подушках проступили новые кровавые пятна.

— Не хочешь больше? Ну как хочешь. — Элька встала, поправила очки. Подошла к зеркалу, наклонила голову вправо, влево. Улыбнулась.

— Право руля! Есть, капитан! Полный вперед! — прокричала она и подошла к двери. Отбросила ногой Колькин фонарь. Оглянулась, чтобы посмотреть на два стула-скелета, на страшный диван и на свой детской рисунок, который теперь казался мрачной карикатурой на реальность.

— Очень даже похоже, — сказала Элька. И шагнула за белую дверь.

12

Светила луна, было тихо и свежо. Ночь была просто супер! Элька гуляла по темным дачам до утра. Так весело!

Когда рассвело, люди начали выходить на свои дачные участки, а Элька подбегала к их калиткам и тараторила:

— Дом без окон, без дверей, полна горница людей! Отгадайте!

И смеялась.

Прохожие сторонились ее. А потом кто-то позвонил в скорую.

13

К старому дому подошли трое ребятишек с корзинками. Лето, дача, грибы! О чем еще можно мечтать?

— Дом с привидениями, — сказал один из них.

— С дубу рухнул! — засмеялись его друзья. — Это же дом старой колдуньи-людоедки! Это все знают!

— А-а… — протянул мальчик и подошел к расшатанному забору. — Интересно, а что там внутри? Вот бы взглянуть… хоть одним глазком!

Август 2006 – май 2014

Георгий Захаров

Родился в городе Новосибирске, окончил Сибирский государственный университет путей сообщения, факультет «Мосты и тоннели».

В настоящее время работает инженером-проектировщиком в крупном проектном институте. Творческую карьеру начал в 2007 году. Публикуется под псевдонимом Джордж Захаров на тематических интернет-ресурсах, пишет в жанре ужасов и научной фантастики. Несмотря на выбранный жанр, является большим поклонником творчества А. С. Пушкина.

Улица Трех Магнолий

Юрист из округа N спешил к своему клиенту, проживающему на улице Трех Магнолий в особняке викторианского стиля. У молодого юриста без богатых папы или мамы не бывает лишних денег. Поэтому сначала он воспользовался городским рейсовым автобусом. С набережной пересел на речной трамвай, идущий до острова N. По самому острову молодой человек передвигался на видавшем виды кэбе, все еще ведомым маленькой старенькой лошадкой. Попал на улицу, без сомнения, с глупым названием — улица Двух Магнолий; эти цветочные названия возбуждали в его памяти воспоминания о уже вышедшей из моды песенке «Танго магнолий» — так себе песенка. Сам же юрист из цветов предпочитал чайные розы, непременно купленные в китайском квартале — там они были дешевле и пахли значительно лучше роз, выращенных местными фермерами.

Достав из кармана пиджака аккуратно сложенный листок бумаги, он развернул его, сверился с названиями улиц, перевернув листок, посмотрел на схему, начертанную от руки.

— Сэр с улицы Трех Магнолий.

Многозначительная пауза.

— Он очень стар, я был мальчишкой.

На лице начальника промелькнула улыбка.

— А мой отец уже называл его стариком. Достопочтенный сэр, наверно, уже выжил из ума. Нашим лучшим парням нет больше дел, как выслушивать стариковские байки.

Мужчина быстро встал и, грозно склонившись над сидящим на стуле молодым, прорычал:

— И не смей грубить достопочтенному сэру!

Молодой человек свернул с дороги и окунулся в тени развесистых дубов. Воздух наполнился запахами, свойственными лишь пригородам больших городов. В нем причудливо смешивались терпкий аромат полевых цветов и запах тлеющего мусора, приносимый ветром с улиц бедняков. Кое-где ему чудилась вонь, исходящая от тухлой рыбы.

— А вот, кажется, и тот дом. Трех Магнолий 12-бис — где же тут магнолии? — улыбнувшись, произнес молодой человек.

Он прошел через маленький сад перед домом, чрезвычайно запущенный и напоминавший фермерские грядки: из всего великолепия остались лишь пеньки от фруктовых деревьев и куст

смородины, на котором ягоды пожухли, а листья окутала паутина.

Дверь была приоткрыта, но рука все же потянулась к звонку, как позади него послышался скрипучий женский голос:

— Вы к старому господину? Мистер…

— Моя фамилия Андерс.

— Да, я предупреждена о вашем визите, называйте меня мисс Девиле, я сиделка. Впрочем, пройдемте в дом.

Он думал, что, войдя в дом, почувствует запахи увядающей жизни, свойственные глубокой старости и старым домам. Запах мокрой штукатурки, мочи, фекалий, запах грязной одежды. Его ожиданиям не суждено было сбыться: в доме пахло свежим хлебом, и к этому аромату примешивался едва ощутимый запах тухлой рыбы. Среди мебели попадались старинные экземпляры, но не более того — это свойственно всем пригородным домам. Прихожая была наполнена тусклым светом, и ничего не указывало, что здесь доживает свой век древний как мир старик.

— Сэр наверху, он ждет вас.

Он было хотел поблагодарить ее…

— Но куда исчезла сиделка? Должно быть страшно, холодок должен пробежать по жилам,

только почему-то я улыбаюсь.

Лестница не скрипела, подъем наверх не украшали картины или семейные фотографии, стенка была окрашена скучной бежевой краской. Он постучался, услышал «войдите», произнесенное немощным старческим голосом.

Ко всем запахам в доме, в спальне, судя по богатому секретеру, когда-то кабинету, добавился запах лекарств, и рыбой тут пахло сильнее. Хозяин лежал на огромной кровати, занавешенной белым тюлем, через ткань едва было можно увидеть его изнеможенное, прорезанное глубокими морщинами лицо и глупый ночной колпак на голове.

— Здравствуйте, сэр, я…

— Да, да, я знаю, кто вы.

Хозяин перебил вошедшего и разразился глухим кашлем.

— Присаживайтесь… пожалуйста, на стул, что подле секретера, я имею желание видеть, с кем разговариваю.

Молодой юрист бодрым шагом, не подавая вида стеснения болезнью хозяина, прошел через всю комнату к секретеру и сел на винтовой стул из-под пианино.

— Кто додумался поставить его сюда, как мож-

но за таким работать? — про себя продумал он.

— Я пригласил вас подвести часы.

— Простите?

— Вы не знаете, что такое часы?

— Достопочтенный сэр, вы, должно быть, шутите.

— Не надо, вы еще молоды, вы мало что понимаете.

— Я юрист, а не часовщик, я отучился шесть лет…

Старик снова перебил его.

— Вам наверняка сказали мне не перечить, сказали не грубить мне.

— Но…

— Вам же сказали не грубить мне?

Голос старика сорвался, и он снова глухо закашлял.

— Простите, сэр.

Он хотело было спорить, но успокоился — ему и до этого доводилось выполнять унизительные поручения, он даже выносил кошачьи лотки. Шесть лет обучения…

— Шесть, — это слово он произнес вслух.

— Вы что-то сказали? — произнес закашлявшийся старик.

— Нет, сэр, где часы?

— В крайне правом ящике секретера, наверху.

Старик протянул руку с вытянутым указательным пальцем. Ссохшийся, костлявый палец проник сквозь занавешивавший кровать тюль и указал на верхнюю полку секретера.

— Они там, кхе-кхе-кхе, — глухой кашель старика.

Он держал в руках карманные часы, изящные, выполненные из меди и серебра; крышку часов украшало чудовище с кожистыми крыльями за спиной, как будто человечьим телом и головой спрута, покрытой отвратительными щупальцами, закрывавшими ротовое отверстие. Заводное колесико было выполнено в виде когтистой лапы демона, сжимавшей надкушенное яблоко. Работа была настолько тонкой, что на яблоке был виден след от зубов.

— Заведите их… Ну же! — в голосе старика он услышал нотки детского нетерпения, наигранную ласковость.

Он сдвинул механизм, повернул заводное колесо.

Один оборот.

Краски померкли.

Два оборота.

Окружающий мир наполнился тишиной.

Третий оборот.

Пол под ним разверзся, и он рухнул в преисподнюю. Его падение едва задерживали руки чертей, торчащие из стен бесконечного тоннеля в бездну; стенки тоннеля пульсировали, когтистые руки хватали его, отрывая от одежды лоскуты ткани вместе с кожей, торчащие из стен волчьи головы на длинных жирафовых шеях откусывали от него куски плоти…

Тюль распахнулся, с кровати встал молодой человек в белой викторианской пижаме и глупом ночном колпаке, венчавшем голову.

Он подошел к сухому, как мумия, телу старика, застывшему в позе мыслителя на стуле для игры на пианино.

Молодой человек улыбнулся и одним щелчком костлявого указательного пальца разбил череп трупа на множество осколков, посыпавшихся на пол.

Очень злой гей

Я стоял посреди своей кухни — у меня маленькая квартира, одна комната, совмещенный туалет с ванной и совсем крошечная кухня — посреди нее я и застрял с пистолетом в руке. Мне было интересно разглядывать его, было интересно лизнуть краешек ствола, почувствовать кислый привкус оружейной стали на языке.

Я смотрел в ствол то одним глазом, то другим, крутил оружие в руках, не опасаясь уронить его. Это был не самый лучший месяц в моей жизни. Отца упекли в тюрьму. Кто бы мог подумать — попытка изнасилования малолетней девочки. Я с пунцовым лицом ходил на судебные разбирательства. Прятал от отца взгляд, дабы не увидеть, как сильно похожи наши лица.

Процесс шел быстро, адвокат, забравши деньги, сделал нам ручкой, родители потерпевшей от денег отказывались, но, когда взяли, последовали примеру нашего адвоката — сделали ручкой. Оставив меня не только без средств к существованию, но и без возможности спасти единственного родителя.

На работе… на моей бывшей работе прознали,

что я гей: системный администратор решил провести внеплановый осмотр наших компьютеров, вуаля — вскрылась моя переписка на тематических форумах, распространившись, впрочем, не только за пределы кабинета начальника, но и за пределы нашего офиса. И стала предметом насмешек надо мной, главной темой послеобеденных разговоров, шуток наших клиентов.

Мне не привыкать к тычкам и оскорблениям — со школы приходилось сидеть от хулиганья подальше, на первой парте, и бегать в учительскую. Там прятаться за юбкой своей покойной матери — она умерла, когда мне было семнадцать. В то время я не любил ее — именно ее я винил в своем одиночестве. Винил в своей порочной любви к мужчинам. Отцу ее было жалко, я никогда не видел, чтобы он так плакал, даже в тот день, когда ему вынесли приговор, он так не рыдал.

Проблемы на работе не ограничились раскрытием моей сексуальной ориентации — все же меня подкалывали и до этого, правда, по другому поводу. Только тогда не приходилось находить сигаретные бычки, затушенные в моей чашке с кофе (я обожаю холодный кофе, поэтому наливаю напиток с утра, а к обеду он остывает). Дело

в том, что в банках — а я банковский служащий… бывший банковский служащий — очень сильна служба безопасности, и эта служба обращает особое внимание на тех людей, у которых есть хоть какой-то доступ к хранилищу или, как у меня, к конфиденциальным документам. Вторая проблема — это родители пострадавшей. Взяв деньги, они не постеснялись дать на меня показания — «попытка подкупа». Естественно, служба безопасности банка все пронюхала, и это была последняя каля. Меня попросили покинуть офис.

Я шел к месту, где я оставил свой автомобиль. Машину я увидел не сразу — коробки, что я нес в руках, мешали обзору. Но когда я его увидел, они все повалились на землю, я издал истошный крик.

У моей кредитной машины были разбиты стекла и фары. Изрезаны ножом колеса. Из крыши торчала отвертка. На водительской двери — надпись баллончиком «ПИДОР». Они открыли капот — лучше бы я туда не смотрел: аккумулятор разбит, все доступные взгляду провода выдернуты, все залито машинным маслом…

Я стою посреди своей кухни, рассматриваю пистолет, а в ногах у меня лежит АК и пара гранат. Вы думали, что я хочу совершить самоубийство?

Вот уж нет — увольте меня, но просто так из жизни я уходить не хочу.

Оружие было достать просто, особенно если ты сын прапорщика, служащего на военном складе, — тут причина даже не в том, что отец воровал, а в охране склада: любой в него может проникнуть, охраны либо нет, либо это ленивые солдаты, бухающие у себя в дежурке, бери все что хочешь, вся безопасность держится на одном лишь мифе и незнании, куда сунуться. Я знал.

Я знал об этом так же, как о неработающем металлодетекторе на входе в банк, и рассказал мне об этом сам банк — вернее, мой бойфренд занимался этим, он много чего рассказал о системе безопасности банка, когда я его насаживал на свой член.

Они даже не подозревают, что я не единственный пидор в «системе» — ха-ха-ха! Завтра я совершу к ним визит: в моей сумке будет оружие, под пиджаком бронежилет, а в руках последняя стопка бумаг и бланков, которые мне необходимо вернуть, перед тем как меня уволят окончательно, то есть когда я сам их всех уволю…

Дориана Грей

Солистка группы «Асванга». Творческий путь писателя начала в возрасте 14 лет, создавая короткие зарисовки о «лишних» людях. В 16 под влиянием творчества Достоевского перешла к попыткам создавать морально-нравоучительную прозу. Два рассказа — «Тихая ночь» и «Бабочка», — написанные в этот период, были опубликованы издательством DIZZASTER (г. Санкт-Петербург). Спустя несколько лет застоя писательской деятельности по причине полной отдачи музыке Дориана понимает, что любовь к ужасам определила жанр, в котором стоит двигаться.

Осознанное желание связать свою жизнь с писательской деятельностью пришло только к 20 годам. В данный момент Дориана публикует рассказы на своем сайте mysli-grej.ru и является автором статей и рецензий вебзина DARKER. В писательстве видит своеобразный метод психотерапии: герои автобиографичны в сфере чувств и эмоций, их попытки справиться с мистическим злом являются попыткой самого автора справиться с личными земными проблемами. «Кто не боялся — тот не сможет напугать» — вот, по признанию Дорианы Грей, девиз, помогающий ей понимать выбранный жанр и развиваться

в нем.

1551

Каждая ночная поездка превращалась в полную жопу и всегда заканчивалась мысленным обещанием больше не поддаваться бредовым идеям брата. Но всякий раз, когда он вновь говорил родителям, что берет старую машину отца для того, чтобы катать наших подружек (у меня и подружки-то в ту пору не было!), я брел следом за его тощей, желающей гребаных приключений задницей и мысленно проклинал сдвинутого засранца.

Как назло, даже сложился определенный ритуал, повторяющийся из вечера в вечер. Спускаясь с крыльца под наставления матери, мы подходили к старенькому пикапу, и брат выпускал на волю свою любимую хохму насчет последнего девственника Галактики и моих вымученных историй о нереальной девице, которые я придумывал для родителей перед этими поездками. Самое забавное, что шуточки у брата были каждый вечер свежими, а вот мои россказни тухли прямо в голове, и вымышленная Наташа либо говорила каждый вечер одно и то же, либо меняла свой рост (мамам всегда надо знать как выглядит

«та самая девочка»). А я либо путался в собственной лжи, либо, не сумев придумать никакого продолжения несуществующему роману, говорил что-то из уже сказанного (произошедшего). Вы спросите меня, почему я так докладывался своим родителям о личной жизни? Не дело, конечно, 18-летнему жеребцу делиться подобным со своей матерью (отца это не интересовало, более того, он считал меня инфантильным сосунком и любил поговаривать, что юбка матери всегда будет для меня самой надежной крышей), но никаким жеребцом я не был и в помине — в словах отца была доля постыдной правды.

Так вот, ночные поездки (на которые безвозвратно уходили наши стипендии, бесценные часы сна и мои нервы)… Все они совершались с четкой, одному Кириллу известной целью. Вернее, знал о ней и я, но осмысленной и важной она была только для брата — он искал пространственные дыры, места, где, по его мнению, есть вход в другие миры, проходная дверь для неизведанных инфернальных созданий. Лучше бы он поискал дыры в своей голове.

В тот вечер мы загрузились и, выехав с подъездной площадки, зашуршали по асфальту засыпающей тихой улицы. Я смотрел в боковое

стекло на чернеющее небо, и тоскливая тревога начала занимать все мое существо. Начиналась одна из тех ночей, в которую лучше было остаться дома и не дать своим глупым страхам выйти дальше комнаты. Но видно, сегодня был не тот случай. Вокруг громоздилось черное небо, впереди струилась дорога, и все мои бесконечные фантазии насчет грозивших нам опасностей смешивались с прохладным ночным воздухом. Они вылетали через приоткрытое окно со стороны Кирилла (мое всегда было закрытым!) и попадали в пространство, соприкасаясь со всем, что встречалось им на пути.

По городу мы ехали молча. Кирилл был явно напряжен и время от времени нервно постукивал пальцами по рулю, словно мысленно досадуясь чему-то. Когда мимо окна забелели поля, он неожиданно обратился ко мне:

— Именно сегодня нам повезет, я точно знаю, куда мы едем. Это место пока еще не обросло идиотскими легендами.

— Откуда же ты о нем узнал?

Кирилл мельком взглянул в мою сторону:

— Провел некоторые вычисления и смог добыть несколько интересных фактов.

— Надеюсь, в этот раз нам никто не помешает.

Брат усмехнулся и прибавил громкость магнитолы. Послышалось бодрое гитарное соло, и звуки «старого доброго рока», сопровождающего нас каждую вылазку, заметно расслабили Кирилла:

— Ты теперь всю жизнь будешь тот случай вспоминать?

Я не ответил, засмотревшись на голые сучья деревьев, пестрящие капиллярным узором по ночному небу.

Мне было что вспомнить.

* * *

Осенью мы вновь совершали одно из своих бредовых путешествий (причину того, почему я все-таки езжу с братом по маршруту его параноии, объясню позже). В тот раз нашей целью был недостроенный коттедж на окраине города. По слухам, строительство дома приостановили по просьбе самого заказчика, утверждавшего, что с момента покупки участка его стали мучить вкусовые галлюцинации: так любая вода казалась ему жгуче-соленой, кроме той, что была действительно таковой. Родные недоумевали, видя, как он мучается, пытаясь пить чистую воду. Но ужаснее было наблюдать за тем, как несчастный высыпает в стакан добрые две столовые

ложки соли и жадно пьет. Походы к врачу, предостережения о смертельном вреде частого употребления такого напитка и попытки вводить жидкость через капельницу заканчивались жуткими истериками заказчика. Он кричал, что его истязают, хотят уморить и что хищные чайки выклюют ему глаза и утолят свою жажду их влагой. Во все время душевной болезни этого парня (имя в статье с одного из сталкерских сайтов не указано) строительство шло полным ходом. Тем самым отмечалась жуткая закономерность: чем больше работ велось над новым домом, тем хуже становилось его хозяину. В итоге, сложив 2+2 и поверив в проклятое место, заказчик отказался от своей идеи поселиться в живописном и, как ему казалось, спокойном месте. Как по волшебству, помешательство оставило несчастного. Он вновь мог пить любую жидкость, не сдабривая ее солью, но протянул недолго. Он умер спустя всего неделю после заморозки строительных работ — доза соли, пришедшая на его обезумевший организм, все-таки оказалась смертельной. Строители, как ни странно, не пострадали.

Кирилл сразу уцепился за эту историю и тут же нашел еще немало интересных фактов о недостроенном коттедже. Осенью прошлого года

несколько подростков решили совершить экскурсию по проклятому месту. Один из них даже осмелился спуститься в подвал и обнаружил там чертову гору дохлых чаек. С тех пор коттедж окрестили Птичьим Моргом, и интерес у «бесноватой» молодежи возрос еще сильнее. К сожалению, мой старший брат был тем еще бесноватым парнем, искателем приключений, смельчаком и параноиком, свято верившим во все мистическое. В один из ветреных осенних вечеров мы направились к заветному месту.

Отчего-то в тот день тревога насчет поездки мучила меня меньше обычного. (Глупо отрицать, мы с братом оба ненормальные, только вот паранойя у нас разная: его она толкает на поиски неизведанного, меня же чаще всего мучает бесконечными страхами и скверными мыслями, начинающимися примерно так: «А что если…», «А вдруг…»).

Я был расслаблен, фантазия не рисовала мне угрозы за черными, костлявыми силуэтами деревьев и не подбрасывала страшных сценариев очередного приключения. Наслаждаясь скоростью и свободой, за разговорами мы чуть было не проехали поворот на скрытую под сухостоем подъездную дорожку.

Кирилл выключил фары, осветившие кирпичный бок заброшенного дома, и вышел из машины. Прихватив фонарик, я вышел следом, и тут дремавшие весь вечер страхи налетели на меня с удвоенной силой. Злые и голодные.

— Так вот какой этот Птичий Морг, — задумчиво (и конечно, с восхищением) протянул мой брат и тут же поспешил искать вход. Я нехотя поплелся за ним, освещая фонариком свой путь и стараясь не смотреть по сторонам, — ночь начинала давить на меня своей непроглядной, густой неизвестностью.

Парадный вход был забит досками. Освещая свой путь, Кирилл двинулся за угол дома. Когда я свернул, следуя за ним, то обнаружил открытую дверь, очевидно, запасной выход. Темнота и неизвестность, томящиеся за ней, теперь просачивались в пространство, окутывая меня, играясь с моими страхами.

— Осторожно, тут высокий порог, — голос брата прозвучал гулко и отдаленно — этот псих уже разгуливал по дому.

— Учту, — проворчал я и осторожно шагнул за дверь.

Изнутри дом казался больше. Вокруг стояла такая пыль, что было трудно дышать. Я посве-

тил фонариком под ноги, опасаясь оступиться на каком-нибудь мусоре, но пол был чистым. Неужели такое место еще никто не облюбовал для посиделок? Луч фонарика прорезал пыльный воздух и время от времени натыкался на стенные перегородки. Осветив потолок, я также не обнаружил ничего интересного. Какого черта мы сюда приехали, это ведь даже не покинутое обжитое здание, хранящее какую-то энергетику! Это всего лишь пустая кирпичная коробка с оштукатуренными стенами.

— Кир, ты где? — мой голос эхом раздался по пустому помещению, и ответом мне был только еле слышный шорох. Брат молчал.

— Если ты решил меня попугать, то зря стараешься, я знаю, что все это твои глупые шут…

Я не успел договорить, как меня оглушил пронзительный, резкий крик. Я вздрогнул и побежал в ту сторону, где, по моему мнению, должен был быть брат. Крик повторился снова. Я замер — похожий звук издавали чайки.

— Вот придурок, Кир, выходи! — к моему удивлению, брат вышел мне навстречу, жестом приказывая замолчать.

— Ты это слышал? — в его глазах горел огонь. — Нам надо спуститься в подвал, проверить.

— Ты что, совсем? — шепотом возмутился я. — Пойдем отсюда.

— Нет, это ты совсем, зачем, по-твоему, мы сюда ехали? — усмехнулся Кирилл и, осторожно ступая, двинулся в глубь дома. Давящую тишину вновь прорезал крик.

Я решил идти за братом — оставаться одному было куда страшнее. Но спускаться в подвал я не планировал. Лучше дождаться его у люка.

Кирилл не без труда открыл крышку и начал медленно погружаться в темноту подвала. Сквозь удушающий пыльный воздух прорезался отвратительный запах чего-то затхлого… и гниющего. Я быстро шагнул в сторону проема окна, чтобы ощутить ночной освежающий ветер.

Все окна в доме были неровно забиты нестроганными кривыми досками. Изнутри. Я приблизился к небольшой щели и жадно вдохнул прохладу осенней ночи. В доме вновь воцарилась тишина, только снизу доносилось приглушенное копошение брата. Закрыв один глаз, я выглянул сквозь щель на улицу и вдруг заметил черную тень, мелькавшую между деревьями. Я резко отпрянул от окна, опасаясь того, что меня заметили. А вдруг этот коттедж охраняется и у нас будут проблемы? Как только я об этом подумал, раздал-

ся оглушительный крик. Если это действительно долбаная чайка, то, вероятно, она кружила снаружи, возле того окна, у которого я стоял.

— Кирилл, — позвал я шепотом, присев возле края люка. Мой фонарик осветил деревянную лестницу, ведущую вниз. Я немного замешкался, но, как только крик снова повторился (ей богу, он становился все ближе! чертова чайка словно была в соседней комнате), я чуть ли не кубарем спустился к брату и закрыл за собой крышку.

— Ты слышал? — мой голос дрожал.

— Слышал, — недовольно ответил Кирилл. — Лучше посмотри, в какую гадость я вляпался.

Фонарик Кирилла осветил непонятный пригорок какого-то мусора. В узком луче света я различил мятые перья и множество тонких четырехпалых лапок.

— Что это за дерьмо? Это от этой кучи такая вонь?

— Это дохлые курицы, — задумчиво ответил Кирилл, доставая свой полупроф. Несколько ярких вспышек на миг осветило небольшое помещение. — Ладно, пошли наверх, надо выяснить источник криков.

— Ты с ума сошел? — я не поверил своим ушам: в доме творилось неизвестно что, а он предлагал

выйти и проверить.

— Ты предлагаешь сидеть здесь до утра и нюхать вонь от дохлой птицы? Пошли, всему есть объяснение.

Я не успел ничего ответить, как сверху раздались громкие торопливые шаги. Судя по звуку, кто-то остановился прямо на крышке люка.

Мы переглянулись, Кирилл прижал указательный палец к губам, но это было лишним: я боялся дышать, не то что говорить. На несколько минут все смолкло. Внизу в куче дохлятины замерли два придурка, наверху… А наверху кто-то тоже молчал и не двигался.

В душном подвале, наполненном отвратительным запахом, находиться долго было невозможно. Но звук удаляющихся шагов все никак не хотел развеять обстановку в чертовом Птичьем Морге.

Еле слышно, почти одними губами, Кирилл прошептал:

— Вероятно, это какой-нибудь бездомный, может, рискнем вылезти, а не будем ждать чего-то как два трусливых недоумка?

Я не успел ответить, как у самой крышки подвала раздался все тот же крик. Наше деревянное небо сотрясалось от горловых звуков непонятно-

го существа. Создавалось впечатление, что кто-то (кто бы, черт возьми, он ни был) кричал прямо в узкую щель между крышкой и полом. Следом за этим раздался грохот.

— Прыгает на крышке, — задумчиво сказал Кира, глядя на то, как с потолка сыпется грязь. — Над нами кто-то подшучивает, пошли! Нас двое, а он один.

— Ты уверен? С чего ты взял, что он один?

— А ты слышишь еще шаги? — брат начинал злиться. — Я пошел.

Как только Кирилл ступил на последнюю ступеньку и уже собрался толкнуть крышку, послышался хрипловатый смех и торопливые удаляющиеся шаги. Кирилл обернулся в мою сторону:

— Видишь, он свалил.

Я не стал докучать брату своими «А что если…» и нехотя забрался по лестнице.

Крышка со скрипом выпустила нас на волю. Комната, в которой находился вход, была пуста.

— Возможно, он прячется где-то в доме. Ладно, поехали домой, — сказал Кирилл, осторожно заглядывая за угол соседней комнаты.

Мы вышли из дома через черный ход, свернули за угол и вдруг увидели, что от нашей машины

резко отпрянула лохматая тень.

— Какого черта? — крикнул Кирилл и бросился к пикапу. Включив фонарик, я поспешил следом, и луч выхватил из темноты обросшего старика в рваном пальто. Как только свет скользнул по его лицу, тот дико расхохотался и закричал. Этот крик мы слышали в доме.

Через секунду старик скрылся среди деревьев.

— Мда, стоило его бояться, — усмехнулся Кирилл и открыл машину. — Твою ж мать!

Я удивленно взглянул на него и подошел посмотреть на то, что его так возмутило: на наших сиденьях лежало по скрюченной куриной тушке.

* * *

— Ну, если честно, мне тогда тоже не до смеха было, — сказал Кирилл, прикуривая, — но видишь, место то действительно странное, раз оно таких психов привлекло.

— Это ты о нас с тобой? — усмехнулся я.

Кирилл хлопнул меня по плечу и рассмеялся:

— Обещаю, сегодня все будет по-другому.

— А куда мы едем? Ты так ничего толком и не объяснил. — Горьковатый дымок приятно защекотал ноздри. Я наблюдал за тем, как ярко

загорается огонек от каждой затяжки брата, и почувствовал, что сам непротив хоть раз в жизни затянуться.

— Мы едем в лес. — Кира выбросил окурок в окно и поднял стекло. — Холодает.

— Это я уже слышал, а что в нем необычного?

Кирилл молчал и сосредоточенно смотрел на дорогу. Неожиданно мы свернули на обочину:

— Мне надо отлить, — коротко бросил Кира и вышел из машины. Фары осветили его высокую худощавую фигуру в длинной тряпичной куртке. Я откинул голову на мягкое сиденье и закрыл глаза. Загадочность и молчание брата напрягали меня. Почему просто не ответить на вопрос? Почему я всегда ведусь на все его идеи, хотя порой приходится жалеть об этом? Наверное, потому что в этих безумных поездках я могу ощущать себя тем, кем так хочу быть. Отвязным, смелым парнем с сигаретой в зубах и кучей острот в голове. Я хочу быть парнем с яйцами, долбаными мужскими яйцами, а не «мамочкиной радостью» и «примером непутевому сорвиголове-братцу». Я хочу быть как Кирилл (а ведь он старше только на 2 года!) и только в его компании я могу дышать тем воздухом, которым хочу наполнять свои легкие. Воздухом свободы. И в первую оче-

редь от самого себя. Порой я кажусь себе таким жалким червем, что не могу совладать с отвращением. В такие моменты меня начинает тошнить от образа, к которому я так стремлюсь, потому что я понимаю, насколько же я далек от него. Меня начинает выворачивать от собственных мыслей, внутренних диалогов, пестрящих словами: «долбаный», «гребаный», «чертов», «задница» — всех тех, что живут в голове, но никогда не вырвутся наружу. «Маме не понравится, если губки младшенького будут запачканы бранными словами, крошки от непристойных выражений так испортят их вид». Вот таким инфантильным дерьмом я являюсь.

— Слушай, — от неожиданности я вздрогнул. Кирилл уселся на свое место и включил печку: — Помнишь Стаса, с которым мы дружили в детстве?

— Того, который пропал осенью 98-го? — я сразу понял, о ком спрашивает брат. Тот парнишка исчез во время игры в прятки. Спрятался так, что его не смогли найти. Да и сам он свое убежище не спешит открывать вот уже 14 лет. — А причем тут он?

— Мы едем на его поиски, — по голосу Кирилла невозможно было понять, шутит ли он.

От неожиданности и абсурдности ответа я растерялся:

— Ты с ума сошел? Прошло более 10 лет, мы тело едем искать? — Тут до меня дошло: — Почему мы едем в лес? Мы ведь играли тогда на своей улице, а до леса больше 15 км! Кир, ты окончательно чокнулся или прикалываешься?

Кирилл продолжал молча смотреть на меня, словно о чем-то раздумывая. Казалось, что он просто выключился. Неожиданно он тряхнул головой (словно кто-то поковырялся в щитке безумия и лампочка в воспаленном мозгу моего брата вновь ярко засветила) и наклонился к бардачку.

— Посвети сюда, — Кирилл извлек сложенную вчетверо карту и аккуратно распластал ее на руле. Карта была самодельной, но потрясающе прорисованной и подробной. На ней обозначалась часть нашей улицы, дорога, ведущая к лесу, и сам лес.

— В тот вечер мы бегали вот по этому участку, — ноготь провел неровный круг. — Стас спрятался здесь — в колодезной будке. Но когда я открыл ее, там было пусто.

Брат замолчал и снова закурил. Услышанное не казалось мне удивительным, ведь тогда мы

решили, что Стас успел перепрятаться. Я помню тот вечер. Кирилл тут же указал взволнованным взрослым на будку, потому что подглядывал, желая разыскать всех пораньше. Это место было одним из наших любимых. Круглый каменный колодец, находившийся прямо у изгороди одного из домов, был закрыт небольшой постройкой во избежание несчастных случаев. Длинные дверцы располагались под откосом, так что внутри вокруг колодца было достаточно места, чтобы спрятаться семилетнему ребенку.

Первым делом проверили дно, но все было чисто. Решили, что мальчик успел перейти в другое место, но Кирилл настаивал на том, что это невозможно — он следил за будкой с того момента, как ее дверцы закрылись за Стасом. Поиски продолжались несколько месяцев, но были безуспешными. Он просто растворился в той чертовой будке, и сейчас, спустя столько времени, мой чокнутый брат собирался его искать. В лесу.

— Кирилл, тогда все хорошенько прочесали, даже лес, что ты сегодня там собрался искать? — я не мог понять ни логики брата, ни смысла этой поездки.

— После его исчезновения я как-то подошел к этому колодцу и бросил на дно машинку, ко-

торую Стас давал мне поиграть. Игрушка тогда сразу ушла на дно. Почему-то тогда я думал, что она отправилась вслед за Стасом, и где бы он ни был, он получит ее там и будет рад.

Не думал, что мой брат мог быть таким сентиментальным. Обычно он высмеивал подобное, особенно когда замечал это за мной.

Будто прочитав мои мысли, Кирилл поспешно ответил:

— Я до сих пор чувствую вину за тот вечер, ведь я был последним, кто его видел.

— Глупости, ты…

— Дело не в этом, — грубо перебил меня брат, — а в той машинке. Спустя много лет после того случая я как-то ездил в лес с ночевкой. Девчонка спала в палатке, а я вышел отлить. В ту ночь было полнолуние, к тому же мы остановились на полянке — земля была хорошо освещена. Я начал свое дело и тут заметил в кустах что-то блестящее и красное. В лесу бывает много хлама, но почему-то эта вещь заставила меня наклониться и подобрать ее. Это была та самая машинка.

— Бред — как будто кто-то не мог потерять в лесу такую же машинку. — Кирилл все больше казался мне ненормальным.

Брат молча наклонился к заднему сиденью

и, достав небольшой бумажный сверток, передал мне.

Я открыл его. Машинка выглядела как новая. Но такого не могло быть, прошло слишком много лет, это не та игрушка.

— Посмотри на заднее стекло, — Кирилл направил фонарик на мои руки, а я не верил своим глазам: изнутри на меня смотрела бумажная улыбающаяся мордашка, чем-то напоминающая Стаса. Когда-то мы все вместе клеили этого пассажира и смеялись над тем, что Стас боится «сесть за руль».

— Это его игрушка, — голос Кирилла дрожал от возбуждения. — Знаешь, что это означает? Что в той будке или самом колодце есть портал, мы едем к другому его выходу. Когда я обнаружил машинку, я сразу понял это и решил найти какие-нибудь подтверждающие факты. Оказывается, когда колодцем еще активно пользовались, в лесу, на том же самом месте, стали появляться ведра. Никто, разумеется, не придавал этому значения, просто злились на то, что на лесной полянке скапливается мусор. Но ведь ты понимаешь, что тогда происходило?

— Я понимаю, к чему ты клонишь. — Меня начали одолевать сомнения. С одной стороны,

можно возразить, что ведра оставляли грибники, рыбаки — кто угодно, но только не портал, выплевывающий их за 15 км. Но с другой… машинка Стаса была у меня в руке.

— А ты не думаешь, что кто-то просто подшутил? Сделал такую же машинку и оставил ее в лесу?

— Ага, и следил за мной все это время от того момента, когда я размазывал сопли лицу, кидая подарок в воду, и до того, как трахался в лесу с подружкой. Нет, это та самая машинка, я уверен в этом.

— Почему тогда мы не ищем у колодца? — я не знал, откуда взялась во мне эта дотошность, обычно я не задавал лишних вопросов и просто наблюдал за тем, как брат пытается доказать очередную легенду. В некоторые из них я верил и до ужаса боялся их подтверждения. Но обычно все заканчивалось находкой всего сверхпроблемного, нежели сверхъестественного.

— А ты разве видел у колодца какие-то посторонние вещи? На той полянке часто останавливаются, пьют и веселятся, а значит, мусорят, забывают что-то, но у колодца ничего не появляется. Получается, что он — вход, а поляна — выход.

— Может, тогда логичнее зайти через вход

или мы собираемся ждать возвращения Стаса у выхода?

— Я пробовал пройти через колодец.

— ЧТО?

— Я оставался на ночь в той будке, еле втиснулся, но ждал, что вот-вот произойдет перемещение. Вылез на рассвете, чтобы соседи не решили, что я псих.

Чтобы соседи не решили, что он псих… А кто же он тогда? Странно, все эти годы я считал, что в семье не без нервозного урода, и относил это на свой счет, но истинным параноиком был мой брат.

— В другую ночь я спускался по тросу в сам колодец, но тоже безрезультатно. Вход больше не работает.

— Тогда почему ты решил, что работает выход?

— Не знаю.

Мы замолчали. Я еще больше удостоверился в бесполезности этой вылазки. Предположим, мы приедем на то место, а что дальше? Будем ждать, что Стас вылезет из кустов, такой же не поношенный временем, как его машинка? Бред. Искать того, на чьих костях вместо живой плоти теперь земля и мох, — верх абсурда, даже

для Кирилла.

— Мы попробуем узнать, может ли выход служить входом и что вообще может дать нам это место. — Кирилл завел мотор. — Хоть какая-то наша поездка должна принести результат.

Я промолчал и отвернулся к окну. До леса оставалось минут десять езды, равнинная местность заканчивалась. Глядя на массив неба, я пытался представить, каково это: залезать в темную старую будку, не зная о том, что ты больше из нее не выйдешь.

* * *

Машина остановилась почти у самого въезда в лес.

— Та полянка недалеко, пойдем пешком — дороги здесь нет, — пояснил Кирилл, кладя в свой рюкзак карту и фонарик.

— Зачем тебе карта? Мы же на месте.

— Эта карта содержит нужные мне расчеты, смотри, — ему пришлось вновь достать сложенный листок и осветить бумажную копию местности фонариком. — От колодца до выхода в лесу должно быть строго определенное расстояние. Оно ровно 1551 метру. И это не случайно. Число 15 обладает особым значением, в ок-

культной философии оно имеет двойственную природу — выбор путей между добром и злом. В арканологии…

— Что это?

— Я сам путем не понял, — смутился брат, — это что-то имеющее прямую связь с картами таро. Вроде как каждый аркан — это система идей, которую символьно выражают сами карты. Так вот 15-й аркан — аркан дьявола.

— Причем тут таро, дьявол и портал? Ты просто насобирал все мистические факты и выстроил систему, только тебе понятную.

Кирилл сохранял поразительное спокойствие. В другой ситуации он бы уже вспылил, обозвал меня тормозозависимым и не стал больше ничего объяснить. Но этот случай отличался от всех (неужели и этот вечер будет другим?), словно Кирилл уверился в том, что напал на след истины и ничто не сможет его смутить и разубедить в своей правоте.

— 15-й аркан — один из самых противоречивых, — невозмутимо продолжил он, — как и само число 15, которое, я уже говорил, имеет двойственную природу. Одни культуры его почитали и считали священным, другие видели в нем источник зла.

— Так почти с каждым числом, — возразил я.

— Но от колодца до того места именно 1551 метр, значит, мы берем именно это число! — баста, брат начинал злиться. — Так вот, сам видишь, что это число — перевертыш. Первая его часть и равна, и одновременно обратна второй, что само по себе уже олицетворяет вход и выход. Две стороны чего-то общего. Опять же двойственность. Если ты напряжешь свои полные тормозной жидкости мозги, то ты вспомнишь и сопоставишь некоторые факты, указывающие на то, что колодец в разное время требовал разного рода жертв.

— Ничего не понимаю, каких жертв? — меня задело едкое замечание брата. Придумал себе «одинокую легенду» и орет на меня за то, что я не хочу быть ее приверженцем. Все по-старому, а я уж было испугался перемен.

— Помнишь, на нашей улице некоторое время жила молодая беременная женщина? Только вот ребенка ее так никто и не увидел, да и сама она после родов исчезла. Я думаю, что она родила и сбросила плод в колодец.

— Глупости, тогда им еще пользовались. Вода бы запахла от гниющего тела.

— Ты точно по утрам чай пьешь? — брат усмех-

нулся и сделал небольшую паузу. — Там ведь портал. Ребенок угодил прямо в дыру искривленного пространства.

Тот случай произошел, когда мы еще были маленькими. Как-то мы подслушали разговор матери с соседкой об этом, но, разумеется, никто не предполагал, что ребенок был сброшен на дно колодца. Просто исчез, как несколько дней спустя исчезла его вдвое уменьшившаяся мать. Говорили, что она пьет и что у нее уже есть ребенок, которого она отдала в детдом. На нашей улице она поселилась в одном старом доме, куда ее любезно пустила хозяйка. Дом готовился под снос, а участок — к продаже, но к доброй женщине пока не спешили покупатели. Беременная прожила в нем только месяц, но за это короткое время успела родить и избавиться от ребенка. На вопросы забот… — простите, любопытных — соседей она не отвечала.

— Я вспомнил об этом, когда пропал Стас, — продолжил Кирилл, — я уверен, что и младенец, и наш друг проделали один и тот же путь.

Я все равно не видел в этом связи, но решил промолчать.

— Это был случай темного подношения, мой подарок пропавшему другу — светлого. Вот о чем

я говорю.

— Ладно, пойдем уже, — я сдался, не желая более продолжать бесполезный спор. — Чем быстрее мы там окажемся, тем быстрее оттуда уедем.

Мы вышли из машины и двинулись в самую чащу леса. Казалось, что ночь стала еще темнее. В ее чернильной густоте зловеще возвышались черные силуэты деревьев. Я с детства не люблю леса — мне тревожно находится там, где мое воображение делает опасной каждую самую безобидную тень. Вы можете счесть меня ничтожным трусом, но у всякого страха есть свои корни, которые прорастают из реальности прямо в наше сознание и возносятся засохшей кроной в глубокое небо бессознательного. «За деревом кто-то есть, мама, за деревом кто-то есть»…

В тот день мы были на пляже, отмечали шестой день рождения Кирилла. Родители подарили ему двухколесный («Это же почти мотоцикл, врум-вруууум!» — орал потом хвастливый рот Кирилла) велосипед. Отец вместе с братом отправились опробовать подарок, я же, выведенный из строя кровоточащими царапинами на коленках («Мишенька, осторожнее, здесь полно сломанных кустов, не бегай так быстро!») сидел вместе с матерью на клетчатом покрывале и ел

фрукты. Папа и брат находились от нас в паре десятков метров на аккуратной тропинке, ведущей из густых посадок к самому пляжу. Я пересел поудобнее, чтобы наблюдать движение брата с самого старта, и вдруг заметил тень, колыхнувшуюся меж деревьев неподалеку от тропинки. Поначалу я решил, что мне показалось, но когда я начал всматриваться, то уже отчетливо увидел, что непонятный черный силуэт словно быстро переходит от одного края дерева, за которым он стоит, к другому.

— За деревом, кто-то есть, мама, — шепнул я матери, которая с безмятежной улыбкой наблюдала за сыном и мужем.

— Что, милый? Где? — мама посмотрела по направлению моего пальца, совершенно забыв о том, что «показывать пальцем неприлично». Тут же она поднялась со своего места и стала махать рукой отцу, подзывая его.

— Ритик, что случилось? — отозвался отец, занятый двухколесной игрушкой.

— Идите сюда оба, — голос мамы дрогнул. Когда отец с Кириллом наконец двинулись нам на встречу, она подхватила меня на руки и прижала к себе так сильно, что я животом ощутил ее колотящееся сердце.

— Что случилось? — запыхавшись, спросил отец.

— Посмотри в ту сторону — ты видишь то же, что и я? — голос мамы прозвучал так, будто за одним вопросом она прятала еще несколько.

— О боже! — выдохнул папа. — Оставайся здесь с детьми.

Он поспешил в сторону странного силуэта, Кирилл сделал шаг, чтобы бежать за отцом, но мама вовремя поймала его за плечо:

— Милый, лучше помоги мамочке собраться и отнести все в машину.

— Мы что, уезжаем? — Кирилл сразу надул губы и так нахмурился, что на его лбу образовалась смешная складка.

— Да, Кира, продолжим праздник дома, там нас ждет тортик. Мои мальчики ведь хотят торт? — говоря это, мама даже не взглянула в нашу сторону, она напряженно наблюдала за отцом, который уже приблизился к нужному месту.

Я заметил, что силуэт стал медленнее переходить из стороны в сторону.

— Мама, это человек? Он что, не знает, куда ему идти? — спросил я.

Мама резко повернулась ко мне, затем так же резко опустила взгляд на Кирилла, который тоже

смотрел в сторону посадок:

— Идемте в машину, я… Я думаю, этот человек уже пришел туда, куда хотел.

Вместе с мамой мы уселись на заднее сиденье. Она поочередно поцеловала наши макушки и прижала к себе покрепче. Когда папа вернулся и сел за руль, она убрала руки и подалась в его сторону. Папа говорил тихо, прямо на ухо маме, но мы смогли расслышать:

— Он не так давно там висит. Сук, на который была привязана веревка, надломился, поэтому он пришел в движение. Как приедем, позвоним в милицию.

Он завел мотор, и мы поехали домой. Всю дорогу родители молчали, а я пытался понять смысл маминых слов: «Я думаю, этот человек уже пришел туда, куда хотел». Не выдержав, я спросил:

— Мама, этот человек хотел висеть на дереве?

* * *

Мы пробирались сквозь мокрые от вчерашнего дождя ветки, и я старался не смотреть по сторонам. В лесу было тихо. Если не считать наших шагов и чертыханий, никаких посторонних звуков не было. Кирилл шел впереди и время от времени оборачивался, чтобы узнать, как у

меня дела. Заботливый братец. Он знал, что я боюсь лесов и что страх этот поселился во мне после того случая. Как ни странно, сам он тогда среагировал спокойно и даже пытался подробнее расспрашивать об этом родителей, которых подобный интерес настораживал.

— Через минуту будем на месте, — сказал он, когда мы вышли к широкой полянке, где еще белел снег. Ночью он выглядел светлым островком — представляю, какой грязной кучей он смотрелся при дневном свете.

— Разве это не та самая поляна? — удивленно спросил я.

— Та. Но НУЖНОЕ место еще надо найти. — Кирилл достал свою карту. — Черт, кусты разрослись, я этого не учел.

— Ты разве не был здесь после того, как нашел машинку?

— Нет, тогда я решил сильно повременить с последующим визитом. Мне кажется, что этот портал открыт не все время, и чем чаще я бы сюда наведывался в надежде застать его открытым, тем больше разочарований могло бы быть.

— Почему мы приехали сюда именно сегодня?

— Я не знаю, — просто и немного смущенно ответил Кирилл.

Я не стал изводить брата недоверчивыми вопросами. В конце концов, всем людям хочется во что-то верить. Скажи мне, во что ты веришь, и я скажу, будешь ли ты желанным гостем в Бедламе. Шутка. А если серьезно, то вера человека — как цветное стеклышко: именно она определяет, в какой цвет будет раскрашен его мир.

Кирилл стал медленно приближаться к кустарнику, пытаясь сохранять одинаковую длину шагов. Я остался на месте и, присев на корточки, достал из своего рюкзака двойной бутерброд с сыром, зеленью и колбасой.

— Миш, ты жрешь? — с усмешкой спросил брат, оборачиваясь в мою сторону и резко осветив меня фонариком.

— Угу, — пробурчал я жуя и через секунду громко рыгнул. В этот момент где-то над нами, рассерженно каркая, вспорхнула ворона.

Мы расхохотались, вспугнув еще парочку крылатых старух, и вдруг услышали шорох. Он доносился со стороны кустов, около которых стоял Кира. Брат резко перенаправил луч фонаря и осторожно раздвинул рукой голые ветки.

— Что там? — мой голос так дрожал, что сквозь страх, в мгновение занявший все мое существо, вылезло еще и чувство стыда за свою идиотскую

пугливую натуру.

— Не знаю, может, зверь какой мелкий. Я ничего не вижу здесь, — Кирилл продолжал осматривать кусты, — успокойся. Я не думаю, что тут раскачивается повесившаяся белка.

— Придурок, — буркнул я, на что Кирилл лишь нервно усмехнулся. Неужели он тоже боится? Хотя чего здесь удивительного: шорох не прекращался ни на секунду, он становился все громче и настойчивее. Словно кто-то целенаправленно двигался к нам сквозь эти гребаные кусты.

Я не знал, где безопаснее: стоять на месте становилось жутко. Я только сейчас понял, насколько близко деревья подошли к моей жалкой, дрожащей спине. Интересно, если бы сегодня была луна, какие тени бы они отбрасывали на меня? Только от своих ветвей? Или от того, что иногда висит и раскачивается на этих самых ветвях? Тише, тише. Я ощущал, как меня охватывает паника. Идти к брату — значит идти на источник чертова шума. Как же меня бесит, когда я не могу понять, что именно меня пугает!

— Кирилл, — позвал я брата. Тот даже не обернулся, продолжая рассматривать кустарник, тем временем шорох стал превращаться в треск.

— Кир, поехали домой! — голос дрогнул и со-

рвался.

— Иди сюда, — шепотом подозвал меня брат. — Твою ж мать…

Пока я шел к нему, он уже успел достать свой фотоаппарат, и резкая вспышка на миг осветила пространство под кустарником. Мне показалось, что я увидел там нечто белое и скомканное, похожее на старую тряпку.

Как только я приблизился к брату, тот резко обернулся и воскликнул:

— Они исчезли! — Кирилл упал на колени прямо под кустарником и стал истерично раздвигать мокрые ветки. — Я же видел! Куда они исчезли?

Я посмотрел туда, где пару секунд назад белел странный предмет.

— Постой, ты же успел сделать снимок!

Не вставая с колен, Кирилл включил свой фотоаппарат. Яркий дисплей осветил вытянувшееся от удивления лицо брата.

— Он здесь есть! Я почему-то сразу решил, что снимок исчезнет, как в долбаных ужастиках, но он здесь есть!

Как же я надеялся, что это нам показалось или что это был обычный целлофановый пакет, который унес из нашего поля зрения ночной ветер, но, судя по реакции брата, находка была

чуть ли не инопланетной утварью.

— Черт меня дери! Ты только посмотри на это!

Я подошел к Кириллу и взглянул на маленький экранчик. Снимок был смазанным — вспышка осветила что-то белое и довольно крупное, показавшееся из зарослей кустарника. Но понять, что это, я не мог.

— Это же чьи-то ноги, замотанные в тряпку! — Кирилл даже осип от возбуждения. Его безумное лицо озаряла улыбка.

Мне показалось, что в моем горле образовался плотный, увесистый ком. Вдох, возникший где-то внизу живота, так и застрял, не наполнив легкие кислородом. В ушах зазвенело, я с трудом перевел взгляд на кустарник. Ничего. Пусто. В одну секунду я отпрянул на пару метров назад.

— Кирилл, если ты решил так подшутить, то это… (я не мог подобрать слова: жестоко, глупо, некрасиво, как тогда?!)

— Я не шучу, я успел их разглядеть! — Кирилл приблизился ко мне и протянул фотоаппарат:

— Увеличь и посмотри внимательнее!

Я вгляделся в смазанное изображение, и сознание тут же дорисовало нелепое пятно до нужных деталей. Но это ничего не значит! Если бы я увидел снимок, не зная про то, что на нем должны

быть ноги, то пятно осталось бы просто пятном.

— Теперь мы должны дождаться их следующего появления! — Кирилл забрал свой полупроф и направился к кустарнику.

— Да пошел ты! — страх тут же смешался со злостью. Я злился на брата за то, что он решил так жестоко подшутить надо мной (пусть это будет всего лишь шутка!), и оставаться с ним в лесу не собирался.

— Куда ты? — Кирилл поспешил мне вдогонку. — Я могу проводить тебя до трассы, там поймаешь попутку и уедешь домой, но я останусь здесь.

— Давай вместе уедем! Или вызовем полицию. Ведь если ты прав, то мы нашли труп!

— Где? Ты его видишь? — Кирилл явно к чему-то клонил. — Из пустого пространства показалась пара ног и вдруг исчезла, что сможет полиция?

— А что сможем мы? Или ты думаешь, что это и есть портал?

Кирилл не ответил. Что ж, похоже, он в этом уже уверен. Самое бесполезное дело — уговаривать его покинуть это место. Но остаться ли здесь мне?

— Миш, пойдем, я дождусь с тобой попутку и вернусь сюда. Родителям скажешь, что я остал-

ся на ночь у своей.

Я действительно не знал, как поступить. С одной стороны, остаться в этом чертовски загадочном лесу — значит каждую секунду ждать появления нечта, которое на деле должно быть замотанными (в гребаный саван?!) ногами. С другой… ну, вы сами понимаете, если у вас, конечно, есть брат и вам вобщем-то не за что его ненавидеть.

— Кирилл, мы можем подогнать машину ближе к этому месту? Я никуда не поеду, но и караулить с тобой здесь не буду.

— Если бы было можно, мы бы сразу подъехали ближе! Никаких объездных путей к этой поляне нет. Мы можем взять из машины палатку. Закроешься изнутри, обставишься фонарями и так переночуешь.

Я согласился.

* * *

Мы провозились с установкой палатки около часа. К ночи поднялся такой сильный ветер, что пришлось обкладывать штормовую юбку старым кирпичом, который пригорком громоздился у самого въезда в лес. Как он сюда попал и каким целям служил, история умалчивает, но в эту вет-

рену, холодную ночь он пришелся кстати.

Разложив спальник и установив газовый обогреватель, я вышел к брату. Кирилл сидел на небольшом складном стуле и пил кофе. Он смотрел в сторону кустов как в экран телевизора. Такая одержимость брата всегда меня настораживала.

— Ты собираешься до утра так сидеть?

— Я собираюсь сидеть до открытия, а когда оно произойдет, я не знаю. — Кирилл взглянул на меня. — Не волнуйся, утром мы уедем и вернемся домой как обычно.

— Ладно, пойду спать, — похлопав брата по плечу, я двинулся к палатке.

— Тебя разбудить, если ноги снова появятся? — послышался вдогонку насмешливый голос.

— Иди в жопу!

Оставив ботинки в тамбуре, я закрыл вход и сел на спальник. Ночь обещала быть долгой и, скорее всего, бессонной. Хорошо еще, что она была снаружи. Здесь, в небольшом пространстве, в котором постепенно набиралось тепло, я чувствовал себя в относительной безопасности. Интересно, сколько продержится этот придурок? Не раздеваясь, я прилег на бок и стал прислушиваться к ночному лесу. Ветер заметно усилился,

где-то слева от меня скрипело старое дерево. Оно скрипит потому что… Стоп!

Наверное, лучше постараться заснуть: если мне повезет, я проснусь уже утром, растолкаю спящего рядом брата, и мы свалим домой. Но что будет, если повезет Кириллу? Если посреди ночи меня оглушит радостный вопль сумасшедшего брата: «Да, я нашел долбаную дыру! Теперь я смогу ночами трахаться со спокойной душой, а не морозить задницу на складных стульях, пялясь в долбаные кусты!»

Вряд ли, решил я, стаскивая с себя куртку и забираясь в спальник. Образ ликующего одержимого брата настойчиво стоял перед глазами. Если эти (какие к черту?) ноги вновь покажутся, готов поспорить, он кинется их целовать. Черт с ним и его идеями! Я с облегчением почувствовал, что мысли затормаживаются и постепенно уступают место беспорядочным видениям, которые теснятся в сознании перед чертогами сна. Вытянувшись во весь рост, я потянулся, последний раз напрягая тело перед его полным расслаблением. Мышцы приятно заныли. Чудесное ощущение, которое сполна оценишь лишь тогда, когда познаешь его противоположность. Что ж, несколько часов — и весь этот кошмар

закончится…

* * *

— Кирилл, если ты сейчас выскочишь с криком, я обижусь!

Пустой склад держал в своем дырявом чреве такие страшные звуки, что пятилетний ребенок вряд ли бы узнал в них свои гулкие шаги. Весь пол был завален железками и большими кусками плотного картона. Свет проникал лишь в неровные отверстия под самым потолком, и чернильные живые тени скапливались в неосвещенных углах помещения. Где-то за таким углом должен прятаться его брат, но Миша боялся его искать. Боялся приближаться к плотным теням, боялся узнать, что именно скрывается под их черным покрывалом. А вдруг не брат? А вдруг это… Сзади что-то скрипнуло. Уверенно и резко. Тишина.

— Кирилл, где ты? Пойдем домой! — крик улетает в тот же угол, в котором скрылся предыдущий. Ведь мальчик не двигается с места, а теперь еще боится повернуться — вдруг это…

Скрип повторился. На этот раз он не затих. Он стал равномерно звучать в огромном пустом помещении. Ведь мальчик стоит на месте неподвижно, а дырявое чрево не может существовать

без страшных звуков. Поэтому появился скрип. «Мама, он что, хотел висеть на дереве?» Но в пустом складе нет деревьев. Здесь нет ничего, кроме хлама и жестокого старшего брата, который сейчас наблюдает за Мишей. Быть может, это он скрипит?

«Если я решусь повернуться, все закончится, я увижу Кирилла, и мы пойдем домой!» — думает мальчик, вслушиваясь в то, что происходит за спиной. Скрипит где-то слева.

Миша почти уверен, что это шалости брата, но все равно поворачивается с закрытыми глазами. Он откроет их только тогда, когда почувствует, что источник скрипа находится напротив него, чтобы не примерещилось ничего лишнего.

Это действительно скрипит Кирилл. И здесь действительно есть дерево. Его толстый сломанный сук раскачивает брата на грязной белой тряпке, подвязанной прямо под подбородком. Миша понимает, что Кирилл мертв, и испытывает облегчение, а он-то думал, что это тот человек из леса. Надо пойти домой и сказать маме, что Кирилл тоже пришел туда, куда хотел попасть. Миша делает шаг и нечаянно оступается о какой-то предмет. Из-под большого листа картона торчат голые ноги. На них нет белой ткани,

она теперь на шее брата, который…

— …так хотел туда попасть, — я просыпаюсь от собственного голоса и спустя мгновение осознаю, что все произошедшее — лишь сон. Реальным в нем был только скрип старого дерева, томящегося под ночным ветром. Включив мобильный, я посмотрел время: «3.15». Отлично, хоть какую-то часть ночи я сумел скоротать сном. Несмотря на укрепление кирпичом, снизу все равно сквозило, я плотнее укутался в спальник и закрыл глаза. К сожалению, сон пропал. Голова посвежела и вновь пустила в себя крикливые толпы мысленных образов. Мне вспомнился тот день, когда Кирилл спрятался от меня в заброшенном складе и напугал так сильно, что я ревел до самой ночи. За это родители наказали его домашним арестом, а сам он отплатил мне бойкотом. Странно еще, что мне не начали сниться кошмары после того случая. Странно, что все это всплыло в моем подсознании именно сейчас. Хотя… Иногда после пробуждения я записываю свои сны и стараюсь анализировать их. Я не опираюсь ни на какие известные толкователи, вместо этого сопоставляю эмоции и символы снов со своей жизнью, нахожу совпадения. Делаю выводы.

В этом сне я наблюдал за собой со стороны,

но ощущал тот же страх, как в детстве, и не мог пошевелиться. Что напугало меня тогда, в тот летний день? Я, кажется, услышал скрип (или скрипа не было?) и замер на месте. Меня пугали тени, прятавшиеся в каждом углу этого большого помещения. Я постоянно ждал, что Кирилл выскочит и напугает меня. Но все равно это произошло слишком неожиданно — я не сумел приготовиться. Так все и было тогда: темный склад, парализующий страх, и брат, набросивший на меня белую грязную ткань. А в моем сне он сам качался на ней. Или на тряпке, в которой были замотаны эти гребаные ноги? Интересный поворот, я не мог понять, от какого именно воспоминания шел этот образ. Если от первого, то во сне я просто возжелал брату смерти от той самой вещи, которой он меня напугал. Все естественно, каиноавелевоэдипово и логично. Но если брат висел на куске ткани, который мы видели под кустами, то, вероятно, это предостережение. Подсознательно я чувствую, что Кириллу угрожает опасность. От этих мыслей мне стало не по себе. Тревога сразу повлекла за собой еще одну забытую деталь — во сне я споткнулся о голые ноги, значит, ткань была с них…

Набросив куртку и наскоро обувшись, я вы-

брался из палатки.

— Кирилл!

Брата не было на месте — может, он пошел отлить, или зачем-то вернулся к машине, или опять собирается меня напугать? Что угодно, только бы не признавать тот факт, что кругом лес, ночь и мой брат пропал. От палатки до того места, где теперь пустовал складной стул, было около 10 метров. Кустарник рос не по прямой линии, за его ветками вполне можно было спрятаться.

— Кирилл, если ты решил подшутить надо мной, то ты мудак! — я повернулся к палатке, чтобы взять фонарик, и тут услышал треск со стороны кустов. Мне показалось, что на дно моих легких кто-то сбросил здоровенный булыжник. По телу словно прошлась незримая волна, от которой сразу взмокла спина и одеревенели…

— …ноги, — язык оттолкнулся сначала от верхних, потом от нижних зубов и помог сдавленному шепоту выдать мне эту прекрасную версию происходящего. Хотя возможно, это шутки Кирилла и никаких ног не было и в помине. Лучше узнать наверняка, неизвестность хуже любой реальности. Или нет?

Когда я медленно побрел к кустарнику, треск прекратился. Луч фонаря дрожал, освещая землю.

Я шагнул вправо, чтобы посмотреть с другой стороны, и черное пространство под кустами тут же заполнилось. В зарослях кустарника на земле лежал человек, тело которого было почти полностью скрыто за ветками — видимыми были только ступни и икры, перемотанные тканью, и голый участок чуть ниже колен. Я подошел немного ближе, чтобы лучше видеть: холодный свет фонарика заскользил по разбухшей серо-зеленой коже. Ночной лес наконец показал всю свою истинную суть и выпустил из своего чрева то, что и должен был. Ведь там, где много деревьев, всегда много трупов, которые должен обнаруживать один любопытный мальчик. На какой раз происходящее считается закономерностью? На третий? Пожалуй, мне хватит и двух раз. Чувство отрешенности и досады неожиданно притупило страх. Когда Кирилл утверждал мне, что видел ноги, я не поверил, но тогда нас хотя бы было двое. Теперь вместо бесстрашного братца мне подсунули гниющий труп — это подло. Со мной играли: с одной стороны натянутой сетки подавали мои страхи, с другой — принимала подачу реальность. Я же был мячом. Хорошо, что меня это злит, а если злит, значит, уже не так пугает. Я наклонился, чтобы подсветить про-

странство под кустарником. Луч света путался в черных блестящих ветках, опускался на землю, но не мог выхватить остальную часть тела.

— Господи, — меня словно пригвоздили к месту. — Ки… — воздух не шел, звук застрял в пересохшем горле, и я закашлялся. Страх снова поборол все чувства, выбрался наружу и накрыл меня огромной волной, желая утопить, разорвать мои легкие. Я не знал, что пугает меня больше: наконец дошедшее до меня осознание того, что в паре метров разбухший труп, или то, что у этого трупа нет «начала»? Неожиданно треск снова возобновился, и я заметил, что ноги пришли в движение. Они продвигалось вперед, оставаясь в горизонтальном положении, словно ехали на каком-то адском конвейере. Словно кто-то выталкивал их из кустарника. Еще минуту назад выше колен была пустота, теперь я мог видеть чернеющие от гнили бедра. Когда следом показались кисти рук, я не выдержал. Я заорал так, что горло расцарапала резь. Долгожданный гость с обмотанными грязной тряпкой ногами прибывал. Но откуда? Если поверить в бред Кирилла, то все происходящее — это открытие портала. Если следовать бреду Кирилла, то… Я начинал понимать, куда делся мой брат.

* * *

Если бы кто-нибудь сказал мне, что однажды я решусь на подобное, я бы не поверил. Мысленно возгордился, удивился такой оценке своих несуществующих качеств, но не поверил. Глядя на продвижение трупа, я понял, что сам смогу попасть туда, откуда он движется (очевидно, какое-то время назад Кирилл тоже это понял). Нужно просто ползти вдоль тела, вдоль гребаного гниющего тела, по направлению, противоположному его движению.

Чем больше я буду медлить, тем больше появится ненужных мыслей и сомнений. Даже если это всего лишь безумие, оно должно поскорее закончиться. Я почти подбежал к телу. Оно успело вылезти из кустарника по самую грудь и все еще продолжало медленно продвигаться вперед. Теперь я мог рассмотреть его ближе и понять, что долбаным гостем из другой реальности была старуха. Значит, какую-то жертву колодца Кирилл все-таки упустил.

Я присел на корточки на уровне худых плеч, кожа на которых местами почернела и отвратительно забугрилась. Как ни странно, мертвое тело не источало зловонья. Спасибо хоть на этом.

Когда показалась шея, я понял, что начинаю мешкать и тем самым рискую опоздать. Наклонившись, я всмотрелся в пространство под кустарником: головы не было. На земле валялись прошлогодние листья, мокрый кусок целлофана и коробок спичек. Можно было подумать, что тело обрублено, но тут из ничего выплыли очертания подбородка. Старуха продолжала свое движение, она ускорила его.

Максимально отогнув упругие ветки, я осторожно пополз мимо тела. Главное — не задеть, главное — не задеть… Я протянул руку перед собой, пытаясь нащупать впереди хоть какое-то изменение пространства, но кожа ощущала лишь сырые ветки и холодный ветер. Черт! Мне показалось, что я ощутил это даже через толстую подошву утепленных ботинок: я наступил на седые спутанные волосы старухи и с ужасом понял, что смотрю на ее черные веки. Еще чуть-чуть — и она вылезет вся, и то место, откуда ее вытолкнули, окажется недосягаемым.

Чем быстрее, тем лучше. Я с силой раздвинул кусты в разные стороны и протолкнул свое тело в образовавшееся пространство. Старуха осталась позади. Вокруг меня плотным кольцом сомкнулись мокрые ветки; теряя равновесие,

я постарался удержаться за них, но гибкий прутик выскользнул из моих пальцев. В итоге я оказался на коленях в густой кашице лесной грязи. Отлично. Неужели я вообще мог поверить в то, что это сработает?

— Гадость, — я оттолкнулся руками от земли и выпрямился во весь рост. То, что я увидел прямо перед собой, было настолько неожиданным, что я сразу решил, будто какой-то большой и значимый кусок этого долбаного вечера мастерски скрылся от моего внимания. Иначе как объяснить то, что я стоял посреди кустарника, растущего возле Птичьего Морга?

Такого не может быть. Это не портал. Пространственных дыр, соединяющих разные места, не существует. Возможно, я… Но объяснений и догадок у меня не было. Я залез в кусты за десятки километров от этого места, а выбрался уже здесь. Так в детстве, забираясь в домик из стульев и наброшенного на них одеяла, я думал, что попадаю в волшебную страну. Я создавал собственные порталы, в которые верил, несмотря на то, что где-то снаружи продолжал бубнить старый телевизор. Значит, кто-то тоже решил создать свой портал. Все просто.

Подходить к заброшенному зданию было

страшно. Его остроконечный силуэт отбрасывал такие густые тени, что казалось, будто в их черноте копошилось нечто пугающее, готовое в любой момент разрушить все мои теории о безопасности. Я постоянно твержу себе, что в окружающем меня мире нет ничего сверхъестественного. Монстры — в голове, а реальность понятна и однослойна. Кто бы мог подумать, что в ее слоях можно запутаться?

Если мы с Кириллом проделали один путь, то, очевидно, он находится здесь. Я позвал его, вглядываясь в заколоченный дверной проем, и вдруг заметил луч света, скользнувший внутри. Я невольно отступил назад. Нет гарантии, что это фонарик брата, — быть может, по дому ходит тот чокнутый старик, подкинувший нам дохлых птиц.

Сверху раздался шорох, я резко поднял голову (чем быстрее, тем лучше — будет меньше мыслей) и увидел брата, высунувшегося из окна:

— Зайди через дверь с другой стороны, я тебе кое-что покажу.

Он даже не удивился моему появлению. Но как же я обрадовался его!

* * *

Старик сидел на старом деревянном ящике и увлеченно рассматривал красную машинку, когда-то принадлежавшую Стасу. Он крутил ее в своих грязных пальцах и издавал непонятные звуки. Судя по интонации, радостные. Кирилл подошел к нему и неожиданно задрал драную штанину, обнажив худое старушечье колено.

— Помнишь, однажды Стас упал на осколки пивной бутылки, когда мы играли? Остался шрам.

Я не мог поверить в то, что с такой уверенностью утверждал мой брат. По его словам, безумец, обитавший в Птичьем Морге, был пропавшим Стасом.

— Ты бы видел, как он отреагировал на машинку.

— Старик сумасшедший, а такие, как он, иногда бывают слишком инфантильными, вот и обрадовался игрушке. А шрам… При таком образе жизни его можно заработать где угодно. Кир, не сходи с ума. Если бы это был Стас, то он был бы нашим ровесником. А этому старику под 70!

— Миш, ты ведь тоже полз через ту старуху. Не догадываешься, кто она и почему у нее ноги

перевязаны тканью?

Я не понимал, к чему клонит брат. Но образ спутанных седых волос, которые утоптал в грязь мой ботинок, сразу поспешил занять голову и принялся давить своей мерзкой навязчивостью.

— Ну и кто? — я присел на корточки, не отрывая взгляда от старого безумца. Почему-то мне казалось, что он в любой момент может вскочить со своего места и забить нас до смерти красным автомобильчиком. Вот такой я параноик.

— Это младенец, брошенный в колодец той несчастной дамочкой. Тряпка — пеленка, в которую он был завернут. Как видишь, родила царица в ночь все таки дочь, — Кирилл усмехнулся. — Ты с собой рюкзак не прихватил случайно? Там бутеры, Стаса бы угостили.

Брат вел себя так, будто все происходящее было настолько обычным, что даже заморачиваться не стоит. Подумаешь, портал и младенцы, становящиеся старухами в его коридорах. Кирилл каждый день с подобным встречается. Ему-то не привыкать, а вот младший брат явно не догоняет.

— Ребенок не мог выжить после падения. Это понятно. Значит, наш чудесный портал еще и ускоряет время, дорабатывает то, что не успело

произойти естественным путем.

— Но ведь вход в колодце, а выход в лесу, почему мы оказались здесь?

— Значит, есть ответвления. И еще… Миш, я не уверен, что после всего этого нас с тобой не затронут какие-нибудь изменения. Все-таки мы прошли сквозь нехилую дырищу.

Глядя на старика, я с ужасом представил, что могу стать таким не через полвека, а спустя пару месяцев, дней, часов. Черт возьми, я уже не знал, какими мы встретим рассвет.

— Мы отвезем его в город?

— Думаю, нет. Его родители вряд ли во все это поверят. Еще нас окрестят чокнутыми. А Стасу, похоже, здесь нравится. Мы оставим все как есть и будем его навещать иногда.

— Кирилл, поехали домой, — мне не хотелось думать о том, как весело мне будет ездить в гости к сумасшедшему старику вместе с сумасшедшим братом. Больше всего на свете мне хотелось оказаться дома, в своей постели.

— А вот с эти проблемка у нас. — Кирилл размял рукой затекшую шею. — Машина далеко. Мы рискнем второй раз пройти через кустарник?

Я задумался. Интересно, Стас сразу стал таким

или прошло какое-то время? Может, на нас все это не подействует, ведь изменения уже, вероятно, должны были начаться.

— Давай рискнем, — азарт, всегда бывший инородным телом в моей трусливой натуре, на этот раз принял за меня решение (его первое решение, дамы и господа, еще немного — и он станет самостоятельным и сделает меня чертовски отчаянным парнем.) Хотя, вероятно, я просто хотел побыстрее оказаться дома, а идти естественным путем — это значит торчать на трассе долбаное количество времени и ждать психов, которым срочно нужно в лес в 4 часа утра.

Кирилл задумался:

— Он может быть уже закрыт. Давай лучше поймаем попутку и поедем домой? Скажу отцу, что машина заглохла и мы оставили ее там, где была вечеринка. Потом я съезжу и заберу ее из леса.

— Давай.

Азарт недовольно покинул свой пост. Уже засыпая в машине (простояли на трассе около 15 минут) по дороге в город, я подумал о том, что быть рискованным — не мое.

* * *

Брат не вернулся. Добравшись до дома в тот день, мы выспались, и Кирилл отправился в лес. Когда время его отсутствия дотянуло до позднего вечера, в дом степенно зашла тревога. Ее сопровождал бесстрастный голос, обладатель которого понятия не имел, где находится парень, и лишь постоянно твердил: «Абонент не отвечает или временно недоступен». Начались расспросы. Меня просили дать адрес девушки, у которой мы веселились, но врать я умел еще хуже, чем рисковать, поэтому поведал родителям путаную историю о том, почему мы провели эту ночь в лесу. По моим словам, мы решили устроить мальчишник с палаткой, пивом и неповторимой атмосферой ночной безлюдной природы.

Уже наступила ночь, когда мы выехали из дома и направились к лесу. Машина стояла там, где мы ее и оставили. На заднем сиденье небрежно валялись наши рюкзаки, в кузове — сложенная палатка, очевидно, Кирилл успел собрать вещи, до того как… (неужели по местным новостям через какое-то время скажут «пропал без вести»?).

Мы пришли к месту вчерашнего лагеря. Луч моего фонарика скользил по грязной земле. Как же

я надеялся обнаружить хоть какой-то след брата! В это время до меня снова донеслось: «Абонент не…» Голос прервался, уступив рыданиям матери.

Я направился к кустарнику, совершенно позабыв о том, что вчера там находился разбухший труп старухи. Вспомнил об этом только тогда, когда шагнул в сторону, чтобы обойти кусты кругом. «Вот сейчас я ее снова увижу», — мысленно твердил я себе, силясь придумать, как именно объяснить это родителям. Сказать, что мы пили пиво, а телек на природе отлично заменяет вздутая старушка? Или, подходя к кустам, удивленно заорать, сделать вид, что впервые вижу этот труп: какой шок — обнаружить такое! Но все мои сомнения тут же смолкли, когда я увидел абсолютно пустое пространство. На земле под кустами валялось немного сломанных веток. Если честно, я давно догадался обо всем. Просто не хотел в это верить.

— Я знаю, где сейчас Кирилл, — пройдя мимо родителей, я двинулся в сторону машины, — поехали, я покажу, как туда добраться.

— Какого черта ты столько молчал? Что у вас за гребаные секреты? — в злобном рыке отца неумело маскировались слезы.

— Просто поехали, — я сорвался, закричал. Внезапно меня захлестнула такая злость, что на бесконечные всхлипы матери захотелось отреагировать пощечиной. Родители понятия не имели о том, что могло произойти с их сыном. Я же предчувствовал и опасался того, что нам предстояло увидеть в Птичьем Морге. Они плакали от неизвестности, я же терзался правдой. Может, иногда неизвестность лучшее, что может получить человек?

Отец знал, где находится недостроенный коттедж, но никак не мог взять в толк, почему мы едем именно туда. В машине удушливо-сладко пахло корвалолом. Видит бог, мы хотели отвезти мать домой, но она не согласилась. Пришлось заехать в аптеку и купить ей капли и воду.

Когда мы остановились на подъездной дорожке, отец рывком сорвал с себя ремень и поспешно выбрался из машины. Я хотел предупредить его, попросить не делать необдуманных действий, но это было не в его натуре.

Когда я догнал его, отец уже с остервенением отрывал доски, освобождая главный проход. Вместо того, чтобы указать ему на запасной вход, я сам поспешил туда, надеясь оказаться в доме раньше.

Густую пыльную темноту помещения прорезал мерцающий свет фонаря. Батарейка садилась, но углы, освещаемые из последних сил, все еще оставались пустыми.

Шорох на втором этаже не испугал меня. Я должен добраться до Кирилла быстрее отца.

Перепрыгивая через ступени, я оказался на площадке, ведущей сразу в несколько комнат. Внизу послышались шаги — папа вошел в дом.

Шорох доносился из последней комнаты по правую сторону широкого коридора. Когда я вбежал туда, фонарик окончательно сдался. В темноте небольшого помещения чернел худощавый силуэт. Я замер в нерешительности, уверен ли я в том, что это мой брат? Безумный старик, обитающий здесь (согласно всей этой портальной теории, наш пропавший друг), был крупнее того, кто сейчас стоял передо мной. Или впереди мой брат, или… кто-то третий.

— Кирилл, — тихо позвал я. Глаза постепенно привыкали к темноте, и невнятная тень стала обретать знакомые детали. Старые обвисшие джинсы, серая тряпичная куртка, закрывающая колени. Только почему-то брат стал меньше ростом, или мне только так казалось из-за того, что он ссутулившись стоял спиной ко мне

в углу?

— Кир, это я, — мой голос дрогнул. Кирилл оставался неподвижным. В это время в комнату вбежал отец, за ним послышались торопливые шаги — мама еще поднималась по лестнице.

— Сынок, слава богу, — отец подбежал к безмолвному силуэту и резко развернул его к себе лицом.

Несмотря на все свои приготовления к этому моменту, я невольно отпрянул на шаг, когда увидел того, кого собирался обнимать отец.

— Что это? — папа сдавленно выдохнул и неловко отбросил Кирилла к стене.

В одежде брата прятался высохший лысый старик. Он поднял руки, закрывая рябое безумное лицо, и снова отвернулся в угол.

— Какого черта ты, сука, сделал с моим сыном? — отец пришел в себя и с силой швырнул старика на пол. Мать, вбежавшая в этот самый момент, бросилась на мужа, увидев, как тот с силой ударил ногой ее любимого сына.

— Что ты делаешь? — кричала она, пытаясь оттащить его. Я поспешил ей на помощь.

— Это не наш сын! — голос отца дрожал от злости. — Посмотри сама!

В один момент он поднял за шиворот скор-

чившегося старика. Я не знал, что делать: либо приводить в чувства мать, упавшую на мои руки, либо пытаться успокоить отца.

— Папа, это Кирилл! — заорал я.

Отец бросил старика на пол и обернулся в мою сторону:

— Ты, маленький сосунок, поиздеваться над нами решил! Почему ты привел нас сюда? Где твой брат? Чем, черт возьми, вы занимались этой ночью?

В этот момент мама начала приходить в себя. Она с трудом подошла к забившемуся в угол старику и присела возле него:

— Где наш сын? Почему на вас… — мама судорожно глотнула воздух, пытаясь побороть слезы, — его одежда?

Отец тяжело дышал, молча наблюдая за происходящим. Я же приблизился к матери на такое расстояние, чтобы в любой момент успеть закрыть собой старика.

Ответа не последовало.

— Где мой сын? — мама резко схватила человека за грудки и принялась трясти его.

Я сразу кинулся в угол, но меня опередил отец. Он поднял обезумевшую женщину и с силой прижал к себе.

Подойдя ближе к старику, я помог ему приподняться. Что делать? Рассказать родителям правду, в которую они не смогут поверить? Я рисковал навлечь на себя такой гнев отца, который окончательно сорвал бы ему крышу. Но другого выхода у меня не было. В углу заброшенного проклятого дома дрожал от страха мой старший брат, обменявший жизнь на доказательство своей правоты.

— Я просто прошу вас поверить! — нужные слова не хотели складываться во что-то связное и убедительное. — Мы с Кириллом обнаружили портал в лесу, но прохождение через него делает с человеческим организмом страшные вещи. Этот старик на самом деле Кирилл. Поверьте мне!

В комнате повисла гнетущая тишина. Я чувствовал, как старик взял меня за руку и сжал ладонь. Сделав шаг в сторону, я полностью закрыл собой его беспомощное тело.

— Я все понял. — Отец оставил маму и двинулся в мою сторону. — Вы дурь какую-то принимаете? — он намотал на кулак воротник моей куртки и резко вытолкнул из угла. — Веди мать в машину. Дома мне все объяснишь.

Я отшатнулся, еле удержав равновесие,

и тут же снова бросился к старику, тем самым приняв под дых тяжелый ботинок отца.

— Щенок! — взревел человек, которого я с детства боялся. — Я вытрясу из этого старого ублюдка правду, если ты не захочешь мне ее говорить!

— Я сказал тебе ее! — слезы комом застряли в горле, мешая мне говорить. — Но ты не веришь, потому что ты идиот, не видящий ничего дальше своего носа! Если ты притронешься к Кириллу, я тебя возненавижу!

— Не трогай их, — услышал я голос матери, копошащейся возле разъяренного отца, — прошу тебя, не трогай!

— Этот сукин сын городит гребаную чушь, я и из него все вытрясу!

— Это НАШ сын! — мама сорвалась на визг и попыталась оттолкнуть отца в сторону. Послышался хлесткий удар, и она тут же замолчала.

— Отведи ее в машину, — заорал отец, швыряя меня к ней, — и ждите там.

Подхватив рыдающую мать под руку, я как можно быстрее повел ее к выходу.

Мы выбрались на улицу через пробитый отцом дверной проем и двинулись к машине.

— Сыночек, скажи хоть мне правду, — причитала она всю дорогу, — где наш Кирочка?

Я молчал, не собираясь больше пытаться убедить ее в правдивости своих слов. Твердить убитой горем матери, что старый бродяга, прячущийся в заброшенном доме, — ее молодой здоровый сын, озаначало… Отец прав, это было равно издевке.

Усадив маму на заднее сиденье и захлопнув дверцу, я помчался в сторону недостройки.

Оказавшись внутри, я услышал хриплые выкрики отца, сопровождающие страшные звуки наносимых брату ударов.

Перепрыгивая ступени, я вбежал на второй этаж и бросился на отца, который с неистовой злобой избивал Кирилла на площадке.

— Успокойся, — орал я, всеми силами пытаясь оттащить его от неподвижного маленького тела.

Когда мне это удалось, было уже поздно.

* * *

С той ночи, когда я потерял старшего брата, прошел месяц. Все это время я жил с тяжелым осознанием того, что не смог защитить его от собственного отца. Чувство вины не давало мне спокойно спать, есть и вообще вести какой-то нормальный образ жизни. Но как бы плохо ни было мне, родителям было хуже. Месяц на-

зад они объявили Кирилла в розыск и с тех пор каждый день терзались бессмысленными надеждами. Я знал правду и день за днем приходил к осознанию потери, учился мириться с ней. Родители же ждали невозможного, то предаваясь сокрушающей тоске, то вновь неистово веря в то, что любимый сын вернется.

Мои отношения с отцом дали такую трещину, что оставаться в родительском доме с каждым днем становилось все тяжелее. По просьбе мамы отец не стал настаивать на том, чтобы я был свидетелем по делу об исчезновении брата. Версия для полиции была сокращена и более-менее натянута до логичной правдивости. Я не собирался врать и отказываться от своих слов, а такую правду говорить опасно. Нас с братом могли обвинить в использовании наркотических веществ (тогда дело приняло бы совершенно другой оборот) или же могли настоять на серьезном медицинском исследовании моего психического здоровья. Мама хотела уберечь хотя бы одного сына.

Но было ли это возможно? Несколько дней назад я стал замечать, что мое тело начинает меняться. В 18 лет я ощущаю ужасную усталость даже после небольшого физического напряжения, зрение резко упало, на макушке появилась

залысинка. Я знал, что прохождение через портал оставит свои последствия, но упорно верил, что смогу их избежать. Мне не посчастливилось появиться на свет красным игрушечным автомобильчиком, обычной вещью, которая не подлежала уничтожению после познания страшной тайны. Я родился человеком, а наш род не вызывал приятия и жалости у тех, кто обитал по ту сторону. Хотя чему тут было удивляться? Слабые, трусливые создания, которыми мы являемся, непригодны для того, чтобы нести на себе ответственность за посвящение в тайну. Мой отец лишь доказал это. Понимаю, поверить в рассказанное мной было сложно, но не давать воли своему безумию и гневу — вполне возможно. К сожалению, отец пошел по пути меньшего сопротивления и в тот вечер уверился в том, что имеет право «вытрясать правду из гребаного ублюдка». Он настолько крепко держался за привычное мироощущение, что ради этого готов был уничтожить любого, лишь бы остаться в знакомой реальности. «Мой сын пропал, наверное, он был наркоманом. Я убил старого бродягу, наверное, он и снабжал его наркотиками. Я отомстил ему за сына». Как просто разлеглось по гнилым полочкам все произошедшее.

Я не собирался продолжать дело брата. Конечно, я записал все то, что с нами произошло, сохранил фотографии. На основе анализа всех фактов я смог сделать некоторые выводы. Например, понял, откуда в Птичьем Морге появлялись мертвые птицы — портал был обширнее, чем казался сначала. В любом уголке мира мог скрываться вход — пространство пронизано дырами, в которые, как оказалось, очень страшно угодить.

Если быть честным с самим собой, я и не мог продолжать все это, даже если бы захотел. Мой организм с каждым днем менялся согласно новой вирусной программе, запущенной во время моего путешествия.

Также неотвратимо менялось и мое сознание. Я отказался от глупой идеи стать «крутым парнем», когда осознал, что это может сделать меня похожим на отца. Ведь грубость и прямолинейность была истинно его природой, природой, лишенной главного — способности видеть мир глубже.

Я знаю, что скоро меня покинет здравый смысл и тело мое неотвратимо изменится. Будет ли это смертью? Не знаю, как решат мои родители.

Июль – август 2014 года

Слышу звон…

Тропинка живописно петляла вдоль заросшего ряской пруда. День был жарким, и я ловила себя на мысли, что готова искупаться даже в этой зеленой стоячей воде. Дорожная сумка неприятно терла вспотевшую под ее тугой ручкой кожу. Я остановилась, поставив сумку подле ног, — на внутреннем сгибе локтя остался мятый красный след, в узорах которого за время дороги успела набиться пыль. Идти оставалось всего 7-10 минут, но мне было до того противно ощущать себя грязной, перегретой и вымотанной, что я осторожно спустилась к самому пруду. Оживив цветущую воду ладонью, я зачерпнула немного и освежила руки по локти. Все же надо немного расслабиться. Я на месте — и спешка больше не нужна. Как только я осознала это, усталость и раздражение немного спали — я решила отдохнуть возле пруда, ощутить прохладу, идущую от воды, полюбоваться знакомым пейзажем. Но от вида ивы, растущей на противоположном берегу, мне стало тоскливо. Я вспомнила, как в детстве мы с братом любили сидеть под ее раскидистыми ветвями,

как играли возле пруда, окруженные природой и тишиной. Тогда все было по-другому — город шумел за полсотни километров от нашего уютного домика, и мне казалось, что так спокойно и хорошо, как мы, больше никто не живет. Папа настоял когда-то, незадолго до нашего с братом рождения, приобрести дом вдали от «душного каменного муравейника». Мама поддержала его, ослепленная радостью от того, что УЗИ показало двойню и что она сможет воспитывать здоровых, розовощеких от свежего воздуха малышей. Но прошли годы, и сосны, окружавшие наш дом, превратились в глухую стену, извилистые тропинки — в грязное унылое бездорожье, а тишина и спокойствие природы — в «душащую скуку безлюдной глуши». Было много споров, убеждений и шелестящих среди безмолвной ночи кухонных разговоров, которые мы с братом подслушивали, затаившись на верхних ступенях лестницы. Когда среди монотонных ответов сдержанного отца проступали резкие нотки решительного маминого голоса, мы невольно вздрагивали и мысленно умоляли ее отказаться от намерения переехать в город. Но наши мысли не долетали до сознания матери. Их перехватывали короткие волны ее мечтаний, в которых шуршали шины

бесконечных машин и озорно стучали каблучки ее новеньких серых туфель (после переезда я вовсе не могла смотреть на эту пару, почему-то считая именно их повинными в том, что мама соскучилась по ровному асфальту и взбунтовалась против уютных, местами прорастающих тропинок).

В городе мы поселились в большой, светлой двухкомнатной квартире, окна которой выходили на оживленную площадь. Мама была в восторге.

Дом, к счастью, мы не продали и пару летних месяцев проводили там, теперь уже именуя его дачей. Мы с братом расселялись по своим бывшим комнатам, довольные тем, что нам не нужно, как в городе, делить на двоих одно небольшое помещение.

Каждый год в самом начале июня мы приезжали сюда всей семьей, пока не случилось это…

* * *

Я ступила на гладкие доски крыльца и воспоминания ревниво затеснились в голове. Сердце учащенно забилось — я мысленным взором наблюдала за тем, как, словно по конвейеру, память проносила передо мной разные сюжеты и образы,

когда-то бывшие настоящим. Но вот механизм угрожающе заскрипел и остановился, раскрывая передо мной панораму того дождливого февральского дня, который я тщетно стараюсь стереть из памяти уже два года.

Я обнаружила Игоря, когда вернулась из школы. Он откинулся на спинку своего компьютерного кресла и, казалось, просто о чем-то задумался. Машинально поздоровавшись с ним, я прошла в ванную, даже не обратив внимания на то, что он мне не ответил. Когда молчание последовало и за моим предложением выпить чаю, я насторожилась. Уже на пороге нашей с ним комнаты меня охватила непонятная тревога.

— Игорь, — еще раз позвала я, и снова тишина. Хотя нет. Абсолютной тишины в комнате не было — мерно шипело и иногда потрескивало оборудование брата, которое он с трудом собрал ради опытов с так называемым феноменом записи голосов с того света.

Неясное предчувствие как размытый силуэт в темной комнате, в которую ты так боишься зайти. Ты знаешь, что там есть нечто страшное и что это тебя напугает, но черное пятно в углу комнаты так неразличимо, почти невидимо. Но можешь быть уверен — оно там есть, и, когда

твои глаза привыкнут к темноте, ты его увидишь. Я стояла на месте, ощущая, как это предчувствие во мне обретает форму. Мысли о том, что брат просто спал, у меня тогда не возникло. Отчего-то я была уверена в том, что произошло что-то страшное. Еле переставляя ноги, я приблизилась к креслу и неожиданно для самой себя резко повернула его за подлокотник. В глазах потемнело, словно из какого-то кошмарного сна до меня донесся гулкий стук падения небольшого пластмассового предмета (как потом выяснилось, упаковки снотворного). Бледное лицо Игоря было пугающе расслабленным — глаза закрыты, рот немного приоткрыт, на нижней губе и подбородке подсыхала пена. Я не смогла закричать, горло сдавило так, что я боялась задохнуться.

«Оно не зря здесь, оно все объяснило», — пронеслось в голове, словно кто-то выкрикнул это в мои мысли, выкрикнул и сразу убежал, испугался того, что я стану спрашивать. Но я и не собиралась — тот крик улетел не до конца осознанный, бесплотный, как бывает, когда перед сном слышишь бессвязные фразы, видишь неясные образы. Точно — перед сном… Реальность постепенно ускользала от меня. Медленно оседая на пол, я впервые ощутила, как отдельные

мышцы мои натянуто замирают и становятся тяжелыми и неподвижными.

Я не помню того момента, когда вернулись родители. Очнулась я лишь через несколько часов в постели. Сквозь стремящееся защититься сном сознание я услышала незнакомые уверенные голоса, звучащие на фоне сдавленных рыданий матери:

— Причина смерти установлена, о каком вскрытии может идти речь? Зачем? Оставьте его в покое! — подвывала мама.

— Поймите, мы должны это сделать. Сейчас среди подростков его возраста, — человек смущенно закашлялся, — повысились случаи употребления запрещенных наркотических веществ.

— Он же снотворное принял! Неужели непонятно?! — не выдержал всегда спокойный отец.

— Там могло быть не снотворное, — после долгой паузы прозвучал сухой, уверенный ответ, — и мы должны это выяснить.

Тяжелые шаги тревожно и страшно зазвучали по направлению к комнате родителей, в которой я находилась. Я зажмурила глаза и даже хотела скрыться под одеяло, но тут хлопнула входная дверь и звенящую тишину «проклятой квартиры» (которую родители тут же выстави-

ли на продажу) сотрясла новая волна рыданий и крика.

На следующий день, как раз когда мы паковали вещи для переезда к бабушке, раздался телефонный звонок. Эти звуки были привычны и обыденны для уха на протяжении стольких лет, но именно сегодня, в этот самый момент, они зазвенели тревогой и смертельной пустотой. Я знала, что звонят из морга, чувствовала это кожей, и мне казалось, что если кто-то поднимет трубку, квартира наполнится едким запахом чужих мертвых тел, среди которых сейчас лежал мой брат.

— В его желудке не обнаружены таблетки. В его крови вообще не обнаружены посторонние препараты, — еле выдавил отец и, беззвучно сотрясаясь, ушел в ванную.

Смерть брата осталась тайной. Вскрытие не показало никаких серьезных нарушений в организме, и определить конкретную причину смерти так и не удалось. Меня долго мучило навязчивое чувство вины, мне казалось, что, если бы не мой обморок, брат был бы жив, ведь я могла успеть вызвать скорую. Эти мысли не покидали меня ни на секунду, даже несмотря на то, что я знала — смерть Игоря наступила примерно за час

до моего возвращения. От этой изматывающей паранойи мое здоровье серьезно пошатнулось, что стало для мамы двойным ударом. Ночные кошмары, сменяющие бессонницу на посту моих мучителей, казались лишь досадной неприятностью по сравнению с тем, как на полученный стресс отреагировало мое тело. Время от времени все мышцы сотрясали ужасные спазмы, после чего они деревенели и я некоторое время оставалась в той позе, в которой меня заставал приступ. Единственной положительной стороной было то, что психиатр, наблюдавший тогда мое состояние, порекомендовал родителям не продавать дачный дом, чтобы оставить для меня единственную ниточку, связующую с самыми счастливыми воспоминаниями.

Действительно, пребывание в этом доме давало мне необходимый покой и чувство безопасности. Приступы здесь случались реже. В первое лето после трагедии мама отказалась ехать сюда и после семейного совета (в котором я, разумеется, не участвовала) было решено продать этот дом, чтобы достать деньги на новую квартиру. Но мое состояние летом и осенью того года заметно ухудшилось, паралитические приступы накрывали меня чуть ли не через день, я отказывалась

от еды, и меня постоянно рвало по утрам. Тогда после очередного сеанса с врачом выяснилось, что необходимо моей несчастной поломанной психике, и все зимние каникулы мы провели в домике.

Планы на это лето тоже выстраивались согласно программе моего выздоровления. В этот раз мы не смогли приехать все вместе: именно в день, когда был запланирован отъезд из города, к бабушке напросились родственники, и так как вся семья их давно не видела, решено было отложить поездку на пару дней. Я и представить не могла такого подвоха в виде непрошеных, ненужных мне людей. Пришлось поднять бунт. Мама долго не хотела отпускать меня одну раньше времени, но в конце концов согласилась с тем, что мне просто необходимо оказаться в любимом месте. Они с отцом собирались приехать только через день.

* * *

Входная дверь приятно скрипнула, и дом тут же окутал меня родными запахами. Я поставила дорожную сумку рядом с диваном и решила пройтись по всем комнатам. Была ли реальность так чудесно раскрашена мечтой в тот день или же

мое сознание насытило краски, чтобы помочь мне вдоволь ощутить счастье от долгожданной встречи, но дом сиял неправдоподобным совершенством. Солнечный свет узорчато проникал в гостиную сквозь ветки винограда, привязанные вдоль окон. Я медленно обходила комнату за комнатой, любуясь каждой незначительной деталью: стопка книг на круглом деревянном столике возле дивана, приоткрытый коробок спичек, оставленный на каминной полке, запыленные перила лестницы, ведущей на второй этаж — все казалось мне каким-то нереальным, сотканным из нежной материи воспоминаний и надежд на лучшее.

Поднявшись на второй этаж, я замедлила шаг, приблизившись к комнате брата. Ощущение покоя и легкости покинуло меня, безропотно подчинившись нарастающей тоске и печали. Дверь орехового оттенка с темным матовым стеклом будто таила за собой все то, что я пыталась спрятать в сознании подальше от самой себя. Простояв в нерешительности пару минут, я все же повернула дверную ручку. В конце концов, Игорь умер не здесь, а обычная комната не может держать меня в непонятном страхе.

Уже оказавшись в комнате, я поняла, что шаг-

нула в нее с закрытыми глазами. Теперь на счет раз, два…

Здесь ничего не изменилось, только немного выцвели обои и скопилась пыль, а так… даже темно-бордовая толстовка осталась висеть на стуле с того дня, как ее рассеянно определил сюда хозяин. Я сделала несколько неуверенных шагов вглубь комнаты и осмотрелась внимательнее. Весь письменный стол был заставлен оборудованием брата, на котором он когда-то пытался ловить призрачные голоса. Если честно, меня всегда пугало это его увлечение. В городе нам приходилось делить одну комнату на двоих. Вечерами, когда я уже собиралась ложиться спать, Игорь настраивал свои приборы на «охоту». Помню, как сквозь сон до меня доносился хрип и треск, не такой громкий, чтобы мешать уснуть, но достаточно пугающий, чтобы укрываться с головой и пытаться чем-то занять свои мысли. Теперь, глядя на запыленное оборудование, я терзала себя несбыточными мечтами вернуть те вечера. Мама, в свое время считавшая занятие сына глупой забавой, все же не смогла избавиться от приборов — посчитала, что это будет неуважением к памяти об Игоре. Кассетный магнитофон, старое радио и еще один неизвест-

ный мне предмет, напоминающий упрощенный микшерский пульт (откуда он только все это достал?) покрывал мохнатый слой пыли. Я присела за стол и осторожно провела ладонью по панели радио, расчистив окошко с обозначением настройки частот. Работает ли оно? Мне не хотелось признаваться самой себе, но я немного боялась ночевать здесь одна. Людские голоса и музыка пришлись бы кстати. Придется спуститься вниз и включить электричество. Радио я захватила с собой, так как собиралась провести вечер и заночевать внизу. Главное — вернуть его на место до приезда мамы — неизвестно, как она среагирует на то, что я взяла вещь брата.

Проверив выключателем наличие электричества, я поставила приемник на кухонный стол. Немного покрутив колесико настройки, я наткнулась на одну из популярных, но не любимых мной станций. Когда я слышу идиотский смех ведущей этой волны, мне кажется, будто эта ироничная затычка всех бочек постоянно все высмеивает. Ей в этом всегда поддакивает какой-то студентик (так и вижу сероватые зубы под пушистым навесом горделивой бородки). В общем и целом, их дуэт занимал большую часть эфирного времени. «Радиоироничнойсу-

киисосунка» FM! Не перекючайтесь! Настроение немного отяжелело — первоначальный восторг от встречи сменился мутноватым ощущением обыденности. Неуютной обыденности. Я продолжила поиски, блуждая вдоль резких шумов, неразборчивых обрывков фраз и треска. Будто тоже вышла на охоту… От этой мысли мне воовсе стало жутко. «А если я сейчас услышу голос Игоря?» Тревога, заставшая меня еще у входной двери комнаты брата, поспешно и уверенно (словно только того и ждала) вернулась на законное место. Дом, казавшийся мне райским садом моих воспоминаний, теперь стал скрытным и коварным. Будто за то время, пока я не была здесь, что-то изменилось. Но могло ли? Нет, главное — не придумывать, не накручивать. Ведь мои мысли тоже поддаются настройке — нужно только провернуть колесико. Когда радио стало выдавать равномерные, не режущие слух шумы, я вдруг почувствовала, как же сильно хочу в туалет. Это отрезвило меня. Оставив поиски, я направилась в ванную.

«Все-таки нос обгорел», — с досадой подумала я, рассматривая свое отражение в подвесном зеркале. Забавно: когда мы здесь жили, это зеркало отражало только мою макушку, теперь я вижу

свое лицо прямо перед собой. Думала ли я тогда, с трудом приподнимаясь на цыпочках, что через несколько лет буду бояться взглянуть в глаза своему отражению. Увиденная мною смерть застыла как картинка, и теперь в любой момент может проявиться там, обрести свои контуры в черных зрачках, в светлой радужке. Чего я только не передумала за все это время! Меня мучили такие страшные фантазии, что казалось, будто голова, раскаленная до предела моими мыслями, скоро взорвется и выпустит их все наружу, покажет реальности! Каждый день как сыпучая тропинка над пропастью, и вот мне начало казаться, что все это наконец-то позади, но…

На протяжении всех этих лет мне приходилось выполнять колоссальную работу по поддержанию своих мыслей в нормальном состоянии. «Подальше от пропасти», — твердила я себе в те моменты, когда чувствовала, что тщательно запрятанные мысли вот-вот вновь с грохотом и криками вырвутся наружу. Я не могла допустить этого снова.

Склонившись над раковиной, я зачерпнула пригоршню холодной воды — это поможет мне прийти в себя. Пару раз плеснув в лицо, я замерла, подставив ладони под успокаивающе

шелестящий поток. Тревожные мысли постепенно исчезали, и я уже собиралась выйти из ванной, как неожиданно услышала торопливые громкие шаги и голоса. В доме кто-то был.

* * *

Сначала я подумала, что это родители все-таки решили приехать пораньше. Я уже собиралась открыть дверь и выйти к ним навстречу, когда услышала пронзительный визг и грубый мужской голос: «Заткнись, дрянь!»

Что происходит? Мое сознание путалось и не могло выдать мне разумного объяснения. Я стояла, прижавшись ухом к двери, и чувствовала, как бешенно колотится сердце, как стучит в висках и как страх начинает завоевывать все мое существо.

«Только не это, только не сейчас», — умоляла я неизвестно кого, растирая ладонью уже успевшие до предела напрячься мышцы правой руки. В глазах защипало; испугавшись выдать себя, я зажала рот ладонью и перехватила жалобный всхлип. Тем временем к двери в ванную кто-то подошел. Я сильнее прижала ладонь к губам, боясь даже вздохнуть. Дверь угрожающе громыхнула, но задвижка не позволила ей приоткрыться ни на

миллиметр. Я закрыла глаза, чувствуя, как горло сдавливает крик.

— Что ты там возишься? — рявкнул кто-то (судя по звуку, из кухни).

— Я думаю, здесь кто-то есть, — второй голос зазвучал совсем рядом, — потому что дверь закрыта изнутри, а замок в ней не встроен.

— Черт, — голос прозвучал с кухни, но звук шагов начал приближаться. Неожиданно дверь опять громыхнула. И опять.

— Почему ты был так уверен, что в доме никого нет, когда мы тащили ее сюда? — обладатель этого голоса был значительно моложе того, что подошел только что.

— Не знаю, — пауза, за ней опять остервенелый рывок за дверную ручку, — я наводил справки, говорили, что тут давно уже никто не живет. Заброшенное место.

— Будем ломать? — молодой голос сочил нетерпением и жаждой что-нибудь разрушить и обеспечить себе больше впечатлений.

Тот, что постарше, долго не отвечал. Я прижалась ухом к двери насколько могла, чтобы не пропустить ни одного их решения и движения. Я не знала, что буду делать, если они действительно сломают дверь, но догадывалась,

что будут делать они. Меня убьют.

Секунды напряженной тишины нарастали, через какое-то время я четко услышала глубокое и немного хриплое дыхание — казалось, что дышат прямо мне в ухо. Я отпрянула от двери — ведь если я так слышу его, значит, он так же слышит меня.

— Ломаем, — последовал короткий тихий ответ. Я зажмурилась и сразу ощутила, что щеки обжигает поток слез. Сквозь раздирающий сознание страх я почувствовала, как ноги, превратившиеся в два деревянных столбика, уже не хотят меня держать. Я что есть силы схватилась за ручку двери, стараясь сохранить тело в вертикальном положении. Не хватает еще упасть! Где-то внутри еще теплилась надежда остаться здесь незамеченной. И она оправдалась!

В тот момент, когда дверь вновь откликнулась тяжелым грохотом, с кухни раздался крик и топот двух пар ног направился в его сторону. Я стояла, облокотившись всем телом о дверь, и слушала то, что происходит в доме. Крик повторился, но тут же сменился сначала плачем, а потом сдавленным мычанием и всхлипами. Меня прошиб пот — крик принадлежал ребенку.

* * *

Я держалась за дверь, мысленно умоляя свои мышцы расслабиться. Мое каменное тело в любой момент могло выдать меня грохотом своего безвольного падения. Тем временем голоса немного стихли, судя по всему, эти люди осели на кухне и о чем-то негромко переговаривались. Ребенка не было слышно. Мне следовало напряженно вслушиваться, но все мои мысли занимал лишь страх того, что я могу упасть.

Надо сосредоточиться на ощущениях. Я вспомнила, как однажды при таком приступе я заставила себя успокоиться, закрыть глаза и постараться представить, как я себя чувствую в нормальном состоянии. Мои мышцы послушны и упруги, они расслабленны. Мое сознание рисует образы моего свободного движения: вот я иду, то ускоряя, то замедляя шаг, в икрах чувствуется приятное натяжение. Натяжение, но не напряжение. «Натяжение, но не напряжение», — мысленно твердила я и к своему великому облегчению почувствовала, как мышцы ног начинает отпускать. Постепенно расслабились руки — я вновь могла ощущать свое тело подвластным мне. Никогда еще прежде у меня не получалось так

быстро вернуться в нормальное состояние, словно само подсознание запрограммировало меня на спасение. Мысли, какое-то время идущие в спокойном медитативном потоке, снова лихорадочно засуетились в голове: «Насколько опасны эти люди? Как мне отсюда выбираться? Впрочем, не только мне — ребенка тоже нужно спасать».

Затаив дыхание, я прислушалась. Со стороны кухни доносились сдавленный плач и шаги.

— Да сядь ты и успокойся, — донесся голос того, кто старше, — нас не вычислят, мы сможем получить деньги и свалить из страны. Я продумал эту схему более чем детально, объективно нам ничего не угрожает.

— Ты не мог предусмотреть все! Всегда есть место случайностям!

— Заткнись, сука! — я вздрогнула от неожиданности, так и не разобрав до конца, к кому это было обращено: к нервному напарнику или же к ребенку. Во всяком случае, замолчали оба.

Я осторожно опустилась на пол и села на невысокую ступеньку около ванны. Как могла разрешиться эта ситуация, я не могла представить. Оставалось только надеяться на то, что они на какое-то время покинут дом. Но будет ли причина

для этого? Если кто-то из них и отлучится, второй явно останется на посту. Я закрыла глаза и облокотилась о холодный край ванны. Оставалось только ждать.

Неожиданная мысль заставила мое сердце биться такими ударами, что я даже побоялась выдать себя этим. Около дивана стоит моя дорожная сумка! Если они заметят ее (как еще не заметили?!), я пропала. К тому же в сумке остался мобильный, который в любой момент может зазвонить. Осознав все это, я поняла, что ждать мне остается не спасения, а своего неминуемого конца. От этой страшной мысли захотелось выть, звать на помощь, успеть умереть раньше того, как меня обнаружат. Все что угодно, главное — не допустить момента, когда с той стороны откроется дверь в мое убежище.

Не сумев совладать с собой, я тихонько заплакала. Слезы лились нескончаемым потоком, не сдавливая горло, не сжимая грудную клетку. Я беззвучно рыдала — мое тело еще не осознало того, что «режим спасения» уже можно выключить, и старалось не выдать меня ни всхлипом, ни кашлем.

Не знаю, сколько я проплакала, но горло начало жутко саднить. Я подняла тяжелые распухшие ве-

ки и взглянула на кран — безумно хотелось пить. Несмотря на охватившее меня отчаяние, стараясь вести себя как можно тише, я поднялась с места. В нерешительности повисла над раковиной. Как только этот кран поворачивался, он издавал глухой трубный звук и иногда просто выталкивал воду, лишь со временем превращавшуюся в равномерную тихую струю. Я рисковала.

Прежде чем попытаться открыть его, я вновь напряженно вслушалась в происходящее в доме. До меня долетел хрипловатый смех старшего, порой прерывающий голос молодого, очевидно, он что-то рассказывал. Я перевела взгляд на раковину и потянулась к ручке крана. Крепко схватив ее дрожащими пальцами, я начала медленно проворачивать. Несколько секунд уходило у меня на то, чтобы сдвинуть механизм хотя бы на миллиметр, и после каждого такого поворота я вслушивалась в звуки из крана, готовая в любой момент резко закрыть его. Но пока шум, воспроизводимый им, был допустимым — еле уловимое шипение. Когда первые капли упали на пожелтевшую поверхность раковины, я ускорила поворот и шипение немного усилилось, сопровождая тонкую струйку воду. Я наклонилась, чтобы поймать ее пересохшими губами, и в этот момент

мой латунный медальон неожиданно звякнул об раковину. Я зажмурилась, готовясь услышать шаги по направлению к моей двери, и с силой сжала подвеску в ладони. Прошло несколько секунд, но смех и голоса не прерывались. Я смогла бесшумно наклониться, и холодная вода приятно защекотала губы. Дождавшись, когда во рту будет достаточно жидкости, я судорожно сглотнула. Хотелось включить напор сильнее, но я не могла так рисковать, поэтому мне приходилось ждать какое-то время, прежде чем влага остужала горло.

Осторожно закрыв кран, я вернулась на место. Интересно, что будет, когда в дом приедут родители. Буду ли я жива к тому времени, и если да, то сумеют ли они меня спасти… и сами остаться живы. От этой мысли меня вновь одолело отчаяние. Страх за родных и вовсе обесточил мои внутренние ресурсы, из которых я черпала надежду, чтобы держать свой организм в «режиме спасения». В любой момент у меня мог начаться новый приступ.

Я закрыла глаза и постаралась остановить поток своих мыслей, чтобы сохранить спокойствие. Как ни странно, уже спустя пару минут я ощутила приятную тяжесть в голове. Навалилась дремота,

сквозь тяжелое покрывало забвения долетали обрывки разговоров (только разговоров, шаги бы сразу встревожили меня). В голове закружились самые неожиданные образы, какие бывают, когда сознание неуверенно балансирует на грани яви и сна. В какие-то моменты мне казалось, что всего этого кошмара нет — передо мной вставали сцены моей обыденной жизни, мелькали лица друзей, слышались отдельные голоса и целые диалоги. Откуда-то издалека зазвенел телефон.

Первые пару секунд я не придавала этому значения. Подсознание всеми силами защищало меня от пробуждения, и этот звон в голове обрастал все новыми фоновыми картинками. Когда до меня все-таки дошло, что это в гостиной звонит МОЙ МОБИЛЬНЫЙ, сердце тут же болезненно ухнуло и истерично забилось. Трель звонко оповещала весь дом о том, что я где-то прячусь. Трель звонко приглашала всех его обитателей к новой интересной игре. Я зажмурилась. Черт возьми, какая же все-таки странная это привычка — закрывать глаза, когда страшно. Будто если мы будем видеть только созданную нами темноту, кошмары из внешнего мира не смогут до нас добраться. Каждое мгновение расширилось настолько, что уже должно было в конце концов

впустить в себя гулкие шаги, приближающиеся к ванной. Но этого не происходило. Затаив дыхание, я вслушивалась в происходящее за дверью: телефон разрывался своей веселой мелодией на фоне двух спокойных голосов и сдавленного плача. Неужели они его не слышат? Мысль о том, что это мог быть телефон кого-то из тех, кто находился в доме, мне не приходила: этот рингтон когда-то по моей просьбе написал для меня Игорь в одной из своих программ. Сомнений не было — звонил именно мой мобильный. Тогда почему они никак не реагируют на него?!

И тут я поняла: все они прекрасно слышат, просто решили поиграть со мной в игру. Они уже знают, где я, и с минуты на минуту дверь слетит с петель от их удара. Я сжала волосы у корней с такой силой, что мне стало больно. Когда же это мгновение наступит, пусть уже все закончится. Но телефон продолжал звонить, а незнакомцы — спокойно о чем-то переговариваться. Время от времени даже слышался смех. Наконец мелодия оборвалась, и следом за ней раздался характерный звук, оповещающий о разрядке телефона. Теперь он будет выдавать такой сигнал каждые 5–7 минут, пока не отключится совсем. Неужели они и его проигнорируют?

Наверное, прошел час, и телефон, обиженно пискнув, отключился совсем, так и не сумев привлечь ничьего внимания.

* * *

Стемнело. Через окошко вентиляции в мою клетку сочился серый вечерний свет. Скорее всего, будет дождь — обычно солнце окрашивает мутную клеенку на решетке окошка алым огнем, а сегодня нет. Я сидела на холодной, обитой пожелтевшим кафелем ступеньке, и вдруг с досадой поняла, что хочу в туалет. Мочевой пузырь сразу заныл, требовательно и больно — организм не понимал, что я не могу рисковать лишним шумом. У него была потребность облегчиться, у меня — выжить, кто прав? Я прислушалась к голосам за дверью: по-прежнему мерное гудение диалога двух двинутых ублюдков. В доме слишком тихо, меня услышат: слив унитаза расположен так, что мой поход по-маленькому мог обернуться большой бедой. Тем не менее ноющая боль внизу живота нарастала. «Господи, помоги мне!» Пересохшие губы трескались, надорванные связки делали вдох болезненным и жгучим. «Господи!» До меня не сразу дошло, откуда раздался этот шум. Все нарастающий

и массивный, он прятал за собой голоса непрошеных гостей, а значит, смог спрятать меня. Пошел дождь. Крыша дома покрыта металлочерепицей, поэтому даже несколько неуверенных капель превращались внутри в сокрушительный ливень. Вода застучала по металлу, как топот сотни маленьких солдатиков, спешащих ко мне на помощь. Я с трудом поднялась и, поспешно стянув с себя шорты, села на унитаз. В этот момент, в этот самый момент, когда я, скрываясь за дождем, пыталась облегчиться, меня накрыла волна такого страха и жалости к себе, что я, давясь судорожными всхлипами, разревелась. Я приехала в дом, где прошло мое детство, где мне всегда было спокойно, и попала в ловушку! Я не знаю, доживу ли я до утра и что будет эти утром. Не знаю, погибнут ли мои родители, переступив порог этого преступного логова. Не знаю, насколько дождь сейчас смог спрятать мое существование за своим грохочущим массивом. Не знаю, через сколько минут слетит выбитая с той стороны задвижка и…

Смывать не стала. Встала, застегнула шорты и прильнула к двери. Дождь постепенно затихал (словно и налетел только для того, чтобы ко мне не прибавилось еще одно нелепое страдание).

Люди на кухне продолжали вести неспешный разговор, но, как я ни вслушивалась, различила лишь:

— Пить хочешь? — голос того, кто старше, судя по всему, обращался к ребенку, потому что спустя пару секунд раздался пронзительный визг, который тут же оборвался после хлесткого звука удара и резкого скрежета, какой обычно издает отрываемый скотч.

— Ты… потише, это ведь ребенок, — неуверенно вмешался второй голос, — может, просто завяжем рот — ей, наверное, больно от липкой ленты.

— Заботливый какой. Может, и тебе еще заодно? С лентой надежней, не так сильно этот скулеж слышно.

У меня сжалось сердце. Если они способны ударить ребенка, то что они сделают с 17-летней девахой, которую обнаружат в доме?

— Может, прошарим тут все? Вдруг найдем что-нибудь ценное? — неожиданно предложил тот, что моложе.

Второй презрительно фыркнул:

— Локализация твоих мозгов, очевидно, в заднице. В этом доме самым ценным могут быть только мыши и паутина, но если тебе нужен затхлый мусор, вперед на поиски.

Я опешила. В смысле «затхлый мусор»? Дом пустовал без нас полгода, но он не выглядел запущенным. Тем более отец приплачивал одной женщине, живущей неподалеку, за то, что она пару раз в месяц проверяла состояние дома и проветривала его. Странно, если бы я в тот момент обиделась на эти слова, скорее меня охватило смятение: эти люди не замечают моих вещей, не слышат телефонного звонка и называют обжитой ухоженный дом пристанищем мышей и пауков. Что вообще происходит?

— Пойду об… сле… ду… го, — голос странно прерывался. Может быть, молодой просто кривляется. Но его напарник ответил так же:

— Ост… ж… но ходи… имо… око… — тут я обратила внимание на то, как свет в ванной часто заморгал, тихонько затрещала лампочка.

Только еще не хватало, чтобы она лопнула от скачка напряжения! Свет продолжал моргать, а голоса прерываться, словно они зависели от электричества. А что если? От неожиданной догадки у меня подогнулись ноги, я медленно осела на пол: неужели все это время я боялась радиопередачи? Сердце радостно и облегченно ухнуло, разум, уцепившись за спасительную соломинку, отказывался принимать все логич-

ные доводы насчет шагов и попыток выломать дверь. Может, мне просто показалось это? Ведь я так пострадала после смерти брата — я могла и дорисовать в своем воспаленном мозгу недостающие до реальности моменты. Уходя в ванную, я оставила включенное радио на кухне, скорее всего, оно поймало какие-нибудь волны, и все, что я слышала, было не более чем трансляцией. Настоящий анекдот, стыдно будет рассказать кому, что я несколько часов провела взаперти, испугавшись радиоспекталя. Поднявшись на ноги, я уже собиралась повернуть ручку двери и выйти из своего заточения, как неожиданно стали отчетливо доноситься все приближающиеся ко мне глухие удары. Скачки напряжения прекратились — лампочка спокойно горела, освещая небольшое пространство ванной, и вдруг резко потухла. Я осталась в кромешной темноте — лишь бледно светлело заклеенное пленкой окошко вентиляции. Когда глаза постепенно привыкли и стали выхватывать очертания комнаты, мне показалось, что рядом со мною кто-то стоит. Прямо около ванной высилась тень. Нет… Я не могла отвести взгляд от этого наваждения, неужели я схожу с ума? Здесь никого нет, это просто страх, и я полностью ему подчинена. Здесь

не может никого быть! Неожиданная вспышка — комната вновь озарена светом. Пустая комната. Я подняла глаза на лампочку — потом зажмурилась — заиграли цветные круги. Затем резко открыла глаза — круги не исчезли, они потемнели и кружили на фоне крашеной двери. Мне все показалось. Вздох облегчения получился громче и свободнее, чем я могла себе позволить, и в этот самый момент по двери хлопнула чья-то ладонь. Этот резкий хлесткий звук выключил «режим спасения». Я взвизгнула от неожиданности и ужаса. Все! Теперь все! Меня вытащат отсюда и убьют! Но реакции не последовало — удары постепенно отдалялись, словно кто-то просто лупил по стене, сопровождая каждый свой шаг.

У меня перехватило дыхание. Я почувствовала, как тело вновь наполняется свинцом, и поспешно села на пол возле самой двери. Облокотившись о косяк, я максимально удобно вытянула ноги, которые, к моему великому облегчению, неожиданно отпустило. Надо мной слышались быстрые шаги — очевидно, тот, что решил прошарить наш дом, сейчас был в комнате Игоря (она располагалась в аккурат над ванной). Сомнений не было — в доме находились реальные люди, и мое странное предположение о радиопере-

даче показалось настолько нелепым, что мне стало стыдно. Сверху послышался грохот, словно на пол что-то уронили. Вероятно, старый магнитофон Игоря… Эта сволочь роется в вещах моего мертвого брата, ломает то, к чему даже мы не прикасались. Меня вдруг захлестнула волна такой злобы, что захотелось закричать, выдать себя, выбежать и причинить этим ублюдкам боль, бить, царапать их. Какого черта мне должно быть страшно находиться в собственном доме? Когда он перестал быть моей крепостью? Я до боли сжала кулаки, пока ногти не вонзились в ладони. Костяшки пальцев побелели, заныло в запястьях, я продолжала давить ногтями в мягкую кожу, и эти ощущения немного отвлекли меня. Всю злость, которую я хотела выплеснуть на них, пришлось стерпеть самой.

— Суки, — прошипела я, и какая-то часть моего сознания возжелала, чтобы они это услышали.

Неожиданно с кухни раздался крик:

— Придурок, не высовывайся, оставайся там же. Я сейчас поднимусь вместе с девчонкой — тут патрульная машина мелькнула.

Мимо моей двери пронеслись гулкие торопливые шаги:

— Тише ты, не дергайся! Не дергайся, я сказал!

Прижавшись максимально близко к двери, я различила сдавленные всхлипы ребенка.

Звук шагов отдалялся, и спустя мгновение тяжелые ботинки сотрясали ступени, ведущие на второй этаж.

Я замерла, оставшись в полной тишине. Ведь это мой шанс. Я смогу добежать до входной двери и позвать на помощь. Тем более по улице проехали участковые! Может, их вызвал кто-то, заметив в доме незнакомых мужчин? Тогда еще лучше — полицейские, очевидно, находятся возле самого дома.

Не было времени для раздумий. Я старалась не думать о том, что будет, если меня перехватят до того, как я окажусь на улице. Дверная щеколда с железным грохотом оповестила весь дом о том, что все это время прятала свидетеля. Услышали! Меня, несомненно, услышали! С бешено колотящимся сердцем я распахнула дверь и выбежала в дом. Взгляд судорожно скользил по окнам в надежде заметить патрульную машину, но на подъездной дорожке никого не было. Неужели они уехали? Когда до входной двери оставалось около четырех метров, сверху послышался приближающийся топот.

— Помогите! — заорала я и неожиданно… упала.

Ноги одеревенели мгновенно, я даже не смогла осознать, когда начался приступ. Я больно ударилась головой об пол. В глазах тут же потемнело, меня оглушали звуки приближающихся ко мне шагов и голосов.

— Не трогайте меня, — хотела закричать я, но горло настолько сдавило от волнения, что я даже не могла дышать. Я с трудом приподняла голову, пытаясь разглядеть тех, кто ко мне приближался. В гостиной никого не было. Шаги сотрясали пол, на котором лежало мое неподвижное тело, но я не могла увидеть их обладателей.

— Они уходят, стреляй! — сквозь топот, казалось, тысячи пар ног, раздался оглушительный выстрел. Затем еще один. Я вскрикнула, ощутив в горле режущую боль. Глаза застилали слезы, я не могла смахнуть их, поэтому, сильно зажмурившись, я открыла глаза как можно шире и до ломоты начала скашивать взгляд в разные стороны, пытаясь увидеть тех, кто находился в комнате. Я была одна.

— Де… ч… ка… ме… тва… — прозвучал надо мной новый голос, который так же странно прерывался.

— Я не мертва, — прошептала я сквозь слезы, — помогите мне.

— Пе… зали… горл… — вновь прозвучало где-то надо мной. — Вы… зы… ва…

Неожиданно раздался треск, и все тут же разом смолкло. Краем глаза я заметила яркие, мелькающие в воздухе огоньки — заискрил щиток. Ни шагов, ни голосов не было — за окном угрожающе шумел ветер и раздавались раскаты грома.

«Надо бежать отсюда», — мелькнула мысль, которой так и суждено было остаться в моем немом теле. Я ощущала себя грудой камней, и, как ни силилась представить движение и свободу своих мышц, тело отказывалось подчиняться. В доме стояла полная тишина — все исчезло так же неожиданно, как и появилось. В какой-то момент я поверила, что это все лишь привиделось мне.

Наступила ночь. Ветер продолжал неистово бушевать за окном, и вскоре его гул дополнил шум ливня. В комнате стало совсем темно. Я неподвижно лежала посреди этой пугающей пустоты и ощущала себя прибитой к полу. Надо готовиться к худшему — возможно, ночь мне предстоит провести именно так.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть окружающей меня темноты. Моя тьма была предсказуемой и безопасной. В ней кружили цветные круги и возникали размытые образы. Если я смогу

уснуть, это спасет меня от страха.

Пережитый стресс и убаюкивающий шум дождя сделали свое дело — приятно отяжелели веки, успокоилось дыхание. Я уже находилась на грани сна, когда сердце вновь раздалось в тишине глухими взволнованными ударами. Наверху кто-то заплакал.

Ужас, который охватил меня, казалось, обрел плоть и теперь сдавливал мою грудную клетку, словно стараясь проломить ее и вытащить колотящееся сердце.

— Не надо, мне больно! — голос сорвался на визг, и снова раздался плач.

«Но ей же перерезали горло, я слышала разговор (теперь я поняла, что он был не обо мне и что они вообще меня не видели). Но чей разговор я слышала? — сознание пыталось подобрать более-менее разумный ответ, но в конечном итоге выдало: Ты сошла с ума. Ничего не было, и этот плач тебе мерещится».

Но как такое может быть? Я слышу его настолько отчетливо, как слышу гром и ветер. Если сейчас ко мне подойдет этот мертвый ребенок — я не выдержу. Хорошо, что я хотя бы могу закрыть глаза — тело не слушается меня, но послушны веки. Моя темнота — ничего в нее не впущу!

Стоп! Мне кажется! Где-то слева от меня раздаются торопливые шаги и снова плач. Я могу не видеть, но я слышу. «Не подходи!» — я кричу, и горло тут же отзывается режущей болью. Даже зажмурившись, я вижу, что комната вдруг озарилась ослепительной вспышкой. Я открыла глаза. Непроизвольно. Расплескала густые чернила, защищающие меня от этой комнаты, от убитой девочки, от этой чертовой ночи. Свет оказался страшнее любой темноты — я увидела над собой нечто объемное и бесформенное. На фоне освещенной холодной синевой стены чернела масса. Не человек, не убитая пару часов назад девочка, а именно масса. Бесформенная и живая, потрескивающая в образовавшейся тишине.

Я попыталась шевельнуться, но тело по-прежнему отказывалось подчиняться. Словно я находилась в тесном гробу, который постепенно заваливают землей, не оставляя мне шанса на спасение.

Комната вновь погрузилась во тьму, и как я ни вглядывалась, не смогла разглядеть этого черного облака. Смолк плач, затих гром — тишину нарушал лишь ветер. Тут я почувствовала, как ступня левой ноги безвольно отклонилась вперед — приступ начинал отступать. Через пару

минут я уже могла чувствовать свои ноги. Неловко оперевшись носками в пол, я приподняла тело и тут же ощутила, как по спине пробежал приятный холодок. Я осторожно привстала и закрыла глаза — закружилась голова. Но долго отдыхать нельзя, приступ мог начаться опять, а мне нужно бежать из этого дома и как можно скорее оказаться среди людей, иначе я рискую вовсе лишиться рассудка. Когда я, придерживаясь об пол, уже вставала на ноги, снова раздался оглушительный раскат грома. И в его гуле я расслышала плач… Через несколько секунд сверкнула молния, освещая пространство передо мной. Лучше бы мне оставаться в темноте. И мне, и тому, что так заботливо прятало от меня подсознание. Прятало с того дня, как я обнаружила Игоря.

* * *

Родители обнаружили меня утром. Со слов мамы, я лежала посреди гостиной, закрыв лицо руками, и, казалось, плакала. На самом деле я спала в этой неестественной защитной позе. Но все попытки разбудить меня были тщетны. Проснулась я лишь спустя пару часов в городской больнице. Диагностировали нервное истощение, поназначали витаминов, «поменьше компьюте-

ра и побольше свежего воздуха». Через пару дней я уже вернулась домой. Я не решилась рассказать родителям о том, что произошло в тот день и что случилось ночью. Но, к сожалению, я все прекрасно помнила. Перед моим внутренним взором намертво застыл момент, когда молния второй раз осветила дом. Облако замерло на расстоянии вытянутой руки от меня (оно не зря здесь, оно все объяснило!!!), и его черный массив стал постепенно обретать форму — через считаные секунды надо мной высилось существо, походившее на невероятно уродливого человека. Его повисшие до колен руки рябили мельчайшими кратковременными вспышками. На месте, где должно было находиться лицо, мерцали телепомехи. И в их беспорядочном мельтешении я увидела Игоря. Его черты кривились в очертаниях головы непонятной твари: глаза были закрыты, рот же открыт в беззвучном крике, который вырывался лишь усиливающимся треском. Я закрыла лицо руками и попятилась назад. Мне казалось, что если я просто зажмурю глаза, то это существо заставит меня открыть их и смотреть на все то, что оно собиралось мне показать. Сделав несколько шагов, я упала — тело застыло в новом приступе, до того сильном, что мне

казалось, будто мои мышцы рвет некая сила, желающая окончательно уничтожить меня. В этот момент разум сжалился надо мной — я отключилась.

* * *

По моем возвращении домой родные тут же постарались окружить меня заботой и вниманием. Разумеется, поездка на дачу отменилась, непрошеные гости уехали, и я всеми силами пыталась создать внутри себя ощущение покоя и защищенности. Но страх не отступал ни на минуту. Мне постоянно казалось, что в любой момент, даже при ярком солнечном дне неожиданно наступит тьма, которая будет озаряться яркими белыми вспышками, таящими в своем свете трещащих черных существ.

Однажды вечером мы с отцом играли в гостиной в шашки. В комнате работал телевизор, транслирующий очередное ток-шоу об одиноких женщинах.

— Не могу этот бред слушать! — не выдержал отец и переключил канал.

«И о жестоком убийстве, произошедшем в пригороде в ночь на 24 июня. Двое мужчин с целью выкупа в течение суток удерживали

на заброшенной даче Софию Изотову 2010 года рождения. Оперативники не успели спасти девочку: преступники перерезали ребенку горло и попытались скрыться. На оказанное сопротивление оперативной группе пришлось применить огонь на поражение».

На экране замелькали кадры съемки — дом, в котором произошло преступление, выглядел довольно заброшенным. Камера запечатлела на захламленном полу одной из комнат два накрытых простынями тела. Следующий кадр потряс меня настолько, что я побоялась выдать себя: полиция обыскивала дом, и несколько человек выломали одну из дверей, за которой находилась кладовая. Внутренняя задвижка присохла к разъему в косяке, и оттого комнатка казалась закрытой изнутри. Значит, они дергали именно эту дверь…

— Пап, сегодня какое число? — мой голос прозвучал гулко и сдавленно.

— 24-е, — ответил он и поспешно переключил канал. — Давай какой-нибудь концерт послушаем что ли, — папа виновато улыбнулся и с тревогой взглянул на меня.

— Все в порядке. Я лучше пойду спать.

— Отправляйся, милая, ты бледненькая, тебе

нельзя переутомляться.

В ту ночь я не могла уснуть, перед глазами маячил расплавленный на кухонном столе приемник, красноречиво говорящий о том, что мой брат был хорошим охотником.

Юлия Беанна

Родилась в 1989 году в Москве. С детства испытывала тягу к мистическим произведениям и страшным сказкам, а повзрослев, решила и сама взять в руки перо. Занимается писательской деятельностью два года, за это время было написано несколько повестей и больше десятка рассказов. Рассказ «Повторюша» был опубликован в сборнике «Писатели-мистики XXI века»,

выпущенном издательством «Союз писателей», а также в онлайн-альманахе издательства «Снежный ком». Недавно участвовала в конкурсе «Чертова дюжина» с произведениями «Сказка про зайку, лисенка и медвежонка» и «Кап-кап».

Гостья по имени Д.

Она не приходила ко мне уже давно. Очень-очень давно — настолько, что в последнее время я даже позволила себе питать иллюзии насчет того, что она полностью забыла обо мне. Это было так глупо… но мне просто страшно осознавать, что когда-нибудь все начнется заново. Что она снова подкрадется ко мне сзади и тихонько дернет за рукав, призывая пойти с собой — туда, где вечный мрак и холод. А затем возьмет меня своей невидимой рукой за мою и поведет куда ей угодно, как маленькую девочку. Странно, что когда я ухожу с ней, на самом деле я не трогаюсь с места — а быть может, так и есть? Да, скорее всего, темный коридор со стенами, покрытыми изморосью, существует лишь в моем воображении. А точнее, в моей душе. Она забирается в мою душу как маленький черный паучок и начинает впрыскивать в нее парализующий яд. Раньше я пыталась бороться с этим пауком — отвлекалась на то, что дарило мне позитивные эмоции. С каждым лучом солнца, который я видела, хватка паука слабела, а на его яд свет действовал как спасительная вакцина. И все бы-

ло бы хорошо, если бы однажды она не схватила меня за горло так крепко, что у меня не было сил повернуть голову, чтобы увидеть солнце. Я тянула к нему руку, но оно казалось далеким и отчужденным. Оно как будто равнодушно смотрело на нас, сцепившихся в смертельном поединке, разводило руками и говорило: «Жаль, но я уже ничем не могу помочь». Тогда я начала сдаваться — а ей ведь только того и надо было — поставить меня на колени, а затем пнуть под живот, чтобы окончательно сломить. Поначалу я хотела встать и пойти, размахивала руками, несмотря на то, что она скрутила их за спиной — я барахталась, как лягушка в кувшине с молоком из сказки, а она захлестывала меня собой, и я тонула в бездонном сером море. Я молилась и кричала: «Отпусти! Уйди!» — но она лишь висела у меня на плечах и продолжала душить.

Я не видела, как она выглядит на самом деле — потому что каждый раз, когда я чувствую, что она с минуты на минуту войдет в мою комнату, я забираюсь в постель и сворачиваюсь калачиком. Затем я накрываюсь с головой одеялом и тихо-тихо лежу, стараясь даже не дышать. Я наивно полагаю, что она не заметит меня, свернувшуюся

клубочком и не подающую признаков жизни. Но это бесполезно — ее шаги становятся все громче, и наконец я отчетливо чувствую, что она склонилась надо мной. Я никогда не видела ее истинное лицо: паук, мрачный коридор, холодное море — все это лишь образы, и я полагаю, что у нее еще множество ликов. Когда-нибудь я наберусь смелости и взгляну на нее, когда она приходит ко мне в человеческом облике. Я думаю, что она худая, и бледная, и холодная, как лед. Одета она, должно быть, в длинное черное платье, напоминающее монашеское. Да ведь и правда — в этот раз я обязательно осмелюсь и посмотрю на нее. А пока что я слышу лишь биение своего сердца, прерываемое ее топотом по комнате.

Одно я знаю совершенно точно — ее имя. Оно длинное, давящее, и мне даже не хочется произносить его полностью. Могу лишь сказать, что оно начинается на букву «Д». Я так и зову ее — просто Д. Она страшная, очень страшная, отвратительная. Когда она проникает в мою душу, та начинает задыхаться. Я теряю способность радоваться чему-то — хоть чему-то, — весь мир кажется мне черным, беспросветным. Этот мрак сжирает меня изнутри — ах да, вот и еще

один ее образ — ночь. Моя душа пытается сопротивляться, но ее движения скорее напоминают предсмертную агонию. Ее спасли бы электрические разряды, и люди говорили, что мне надо найти тот источник электроэнергии, который будет мне их давать. Но ненавистная Д. так подчинила меня себе, что я уже не в состоянии найти для себя то, что хоть как-то радовало бы меня.

Сейчас я повернулась на спину и чуть приоткрыла глаза — краем глаза я заметила, что она и правда одета во все черное. Ее лицо я не смогла разглядеть, но по-моему, оно абсолютно неприметное и как будто размытое. Она подходит все ближе и ближе — я уже начинаю ощущать ее дыхание. Я знаю, что однажды ко мне придет и другая гостья — та, чье имя начинается на букву «С». Она тоже одета во все черное и, по слухам, носит в руке остро наточенную косу. Плоти на ее костях нету — она представляет из себя лишь белоснежный скелет. По логике, я должна бояться ее больше, чем свою Д., так как она приходит ко всем только один раз. Но мне было бы нестрашно уйти вместе с ней, хотя я не знаю точно, куда она меня поведет, насколько далеко это находится и что я буду делать там, когда мы придем. Мысль, что она избавит меня от Д., даже

греет меня — возможно, когда-нибудь я приду к ней добровольно, если Д. однажды доведет меня до такого состояния, что я уже не смогу все это выносить.

Да, Д. уже совсем близко — она положила руку мне на плечо. Своим худым телом она заслонила мне весь мир — я нестерпимо хочу закричать и позвать кого-нибудь на помощь. Но я знаю, что никто не в состоянии мне помочь — нестерпимая тяжесть наваливается на мое сердце. Кажется, что оно сейчас остановится. На улице утро, а может быть, день — когда она держит меня в своих цепких объятиях, у меня возникает ощущение, что время останавливается, просто наступает ночь, которая может длиться и несколько недель, и несколько месяцев. Как ни прискорбно об этом говорить, но каждый ее последующий визит длиннее предыдущего — и в один скорбный день она точно поселится у меня навсегда.

А я ведь даже не помню, когда она пришла ко мне впервые, — лишь знаю, что в детстве я и не подозревала о ее существовании. Впрочем, смутные воспоминания проносятся в моей голове — кажется, это произошло лет в пятнадцать. Да, точно — именно тогда я внезапно утрати-

ла вкус к жизни. То, в чем я находила раньше удовольствие, внезапно рассыпалось в прах: общение с друзьями стало нагонять на меня скуку, учеба начала казаться тяжким бременем, а музыка, в которой я до этого черпала вдохновение и силы — лишь набором звуков. Я две недели практически не вставала с кровати, мне не хотелось есть, я не могла спать. А она сжимала мою душу тисками и выкручивала ее наизнанку. В ту пору врач прописал мне таблетки — и они прогнали ее. Ее мертвая хватка ослабла, и вскоре она покинула меня. Я с радостью проводила ее и думала, она больше не вернется. Но прошел месяц — и я снова ощутила неприятное тянущее ощущение в груди — зубастая крыса начала рвать душу на части. Она отщипывала от нее маленькие кусочки, очевидно, желая продлить пытку и сделать ее как можно более мучительной. Крыса — вот еще одно лицо Д. Я снова начала принимать таблетки, надеясь вытравить ими эту крысу, но в этот раз они помогали мне уже куда меньше. Лишь через месяц серое существо нехотя удалилось, всем своим видом давая понять, что в самое ближайшее время снова вернется. Надо сказать, что Д. отличается пунктуальностью — действительно, совсем скоро она

навестила меня опять. В тот раз она приняла образ змеи, ледяным клубком сдавившей мою грудь и не дававшей сделать глоток свежего воздуха. До сих пор у меня в глазах стоит ее блестящая шкурка, черная в серую полосочку. Она вонзала в меня зубы и отравляла — этот яд, в отличии от паучьего, не только парализовывал меня, но и причинял невыносимую боль телу: каждый день моя голова разламывалась от боли, она долбила в виски, словно молоток. Да, значит, Д. может являться и в виде змеи.

Д. опустила руку ниже и со всей силы давит мне на ребра. «Пожалуйста, уйди», — молю я ее. Раньше я пыталась молиться высшим силам, но, очевидно, им абсолютно все равно, так как они и не думали прогонять ее от меня. Так что я не знаю, кого мне молить о помощи — очевидно, только ее саму. А она не уйдет, как ни проси, я это точно знаю. Мне хочется плакать, и когда-то мне это помогало — такое ощущение, что она вытекает вместе со слезами, во всяком случае, на какое-то время после того, как я плакала, мне становилось легче. А теперь… Теперь я не могу выдавить из себя ни слезинки — я полностью окаменела изнутри, Д. сделала свое дело. Она выпила из меня все соки, высушила и растерла

в порошок. Во мне не теплится ни единого теплого чувства — внутри я ощущаю только тьму, пустоту и холод.

Д. уже не дает мне дышать — сейчас она проломит мне грудную клетку. Да, лучше бы мне нанесла визит гостья по имени С. Хотя порой у меня возникают сомнения, что она сможет полностью избавить меня от Д., ведь если я оставлю физическое тело, Д. потеряет интерес к нему — ей же нужна именно душа, а душа останется со мной. От души я никогда не смогу деться, а значит, никогда не убегу от Д. Она найдет меня везде — даже на краю света. А когда-то мне удавалось убежать от нее: я постоянно меняла место жительства, и Д. не сразу могла найти меня в новом месте. Я так научилась запутывать следы, что ей требовалась неделя-две, дабы найти меня и снова начать душить. Но потом она изучила все мои маневры и стала угадывать, куда я отправлюсь на этот раз. Думая, что сбежала от нее, я расслаблялась, но стоило мне лечь в кровать и остаться в тишине, как я слышала стук в дверь. Затем дверь открывалась, она садилась на краешек моей постели… и все… Все начиналось заново.

Мне кажется, что я схожу с ума — перед мо-

ими глазами как будто стоит черная пелена. Неужели она может становиться такой большой и заслонять собой все пространство? Наверное, она бессмертна и бесконечна — будь моя воля, я бы никогда не заводила с ней знакомство. Мне хочется убить ее, зарезать, задушить… Но я понимаю, что это невозможно. Во мне кипит желание мести, я так хочу ударить ее по голове чем-нибудь тяжелым, а когда она упадет на пол, начать душить ее, так же, как она сейчас душит меня — я бы так давила руками на ее горло, что на нем оставались бы темные синяки. Она бы хрипела и сдавленным голосом молила меня о пощаде, но я осталась бы непреклонной и со злорадной торжествующей улыбкой сидела верхом на ней, дожидаясь момента, когда она испустит дух.

Интересно, ко скольким людям она приходит? Быть может, по необъяснимым причинам она проявляет интерес только ко мне? Впрочем, вряд ли — читая статистику самоубийств, я убеждаюсь в том, что я не единственная ее жертва. А может, она не одна, а их много? Худых женщин в черном, которые заключают людей в свои ледяные объятия и давят на них до тех пор, пока из тех не вытечет вся энергия и жажда жизни

не исчезнет насовсем.

«Уйди!» — закричала я сейчас на всю комнату. Она лишь тихо хихикнула мне в ответ. Я нашла в себе силы полностью открыть глаза и взглянуть ей прямо в лицо. Дрожь пробежала по моему телу, хотя я увидела то, что и ожидала увидеть. У Д. нет лица — она безликая. Вместо него лишь смутные, размытые очертания, напоминающие сморщенное старушечье лицо.

Мне страшно, паника охватывает меня. На сей раз я точно не вынесу всего этого.

Она наклонилась к моему горлу и вцепилась в него зубами. У меня перехватывает дыхание — я отчаянно машу руками, но чувствую, что сознание покидает меня. Я пытаюсь оттолкнуть ее, вскакиваю с кровати и выбегаю из дома. Оглядываюсь по сторонам — вокруг меня ходят люди, все они улыбаются и разговаривают между собой. Неужели и я скоро стану такой же счастливой, как они? Да, я делаю глоток свежего воздуха и ощущаю, как наполняюсь жизнью изнутри. Сейчас я вернусь в дом, и обнаружу ее лежащей на полу мертвой, и тогда с аппетитом поем, а потом пойду встречусь с друзьями и забуду о ней, как о кошмарном сне. Свобода — она так близко, я буквально чувствую ее привкус на кончике язы-

ка. Делаю еще один глубокий вдох… Как вдруг… легкое прикосновение холодной руки к спине заставляет меня застыть, как парализованную. Она снова рядом. И больше никогда меня не покинет. У меня начинается звон в ушах, и я падаю на асфальт. Провал в памяти…

Я прихожу в себя. Обнаруживаю себя лежащей на больничной койке. В мою вену воткнута капельница — прозрачная жидкость медленно, капелька за капелькой, втекает в меня. Я в панике оглядываюсь по сторонам — хоть бы она не нашла меня здесь. Но по мере того, как сознание возвращается ко мне, я ощущаю, что моя душа сжимается в крохотный комочек. Где она, моя ненавистная Д.? Ее нету вокруг.

Никто не стоит в палате, тем не менее я четко чувствую, что она рядом. И только теперь я понимаю — она не вокруг меня, а внутри, я все-таки впустила ее. Хотя… могла ли я сопротивляться?

По прошествии последующих лет я успела смириться с мыслью, что она постоянно будет со мной. Врачи пытались как могли, но им так и не удалось разлучить меня и Д. Единственное, что они смогли сделать, — это чуть-чуть ослабить натиск ее объятий. А я уже привыкла к ней, и мне даже не верится, что когда-то я жила и не была

с ней знакома. Может быть, когда меня наконец-то заберет гостья по имени С., я тоже превращусь в худую женщину со стертыми чертами лица и буду стучаться в чью-то дверь. Несомненно, мне доставит удовольствие высосать из молодого и свежего человека все силы, заставить его упасть на колени, наблюдать за его жалкими попытками бороться… А в конце концов он непременно сдастся — просто ляжет в постель, как я когда-то, и перестанет шевелиться. И я восторжествую, и так будет вечно. Да, мне не терпится стать чьей-то гостьей по имени Д. И пусть только кто-нибудь попробует мне не открыть.

Я улыбаюсь своим мыслям. А Д. свернулась змеей вокруг моего сердца и хихикает в ответ. Наконец-то мы с ней поняли друг друга. Я завидую ей — я очень хочу стать такой же, как она. И я точно знаю, что буду ей. Может быть, через двадцать лет. Может, через десять. Или уже через год-два. Или даже завтра. Но уж скорей бы… Я просто не могу дождаться. Кажется, я уже готова к тому, чтобы приложить к этому усилия. Да, однозначно — я хочу этого. Хочу, чтобы ко мне пришла та, чье имя начинается на букву С. Решено — зачем ждать?

* * *

Змея с полосатой черно-серой шкуркой медленно проползла по холодному трупу молодой девушки, ненадолго задержалась на ее стянутом петлей горле и, издевательски хихикнув, прыгнула на пол и прошмыгнула за дверь. Ей пора отправляться дальше — пришло время навестить еще одного человека. А на сей раз она добилась того, чего хотела, — впрочем, как и всегда…

Пальчики

Я шел по недавно заасфальтированной дороге. Асфальт под моими ногами был еще темно-серым и выглядел так, будто намок под проливным дождем.

Воздух пропитался его запахом — сложно описать запах свежеположенного асфальта: терпкий, горьковатый, чуточку отдает запахом клея для обоев — в общем, вы меня поняли. Многие не любят этот запах; помню, когда в последний раз мы гуляли с Марией и прошли на проспект с только что уложенным тротуаром, она закашлялась и побежала вприпрыжку, чтобы поскорей преодолеть расстояние до конца дороги. Ну а мне он нравится — нравится настолько, что я даже приостановился и вдохнул его всей грудью. Справа от меня призывно мигнула витрина продуктового универсама — захудалый магазинчик отчаянно пытался привлечь покупателей фантастическими ценами. На мгновение и мне его предложение купить цыпленка за полцены показалось заманчивым, к тому же мать все время ругается, дескать, я затариваюсь только в супермаркетах и не умею экономить. Впрочем,

какая ей разница, ведь я сам зарабатываю на еду. Я отвернулся от витрины и, достав из кармана сигарету, закурил. Куда отправиться, чтобы как следует отдохнуть в этот пятничный вечер? У меня было три варианта: кинотеатр, боулинг и бильярд. Совсем неподалеку расположен бар, но я дал слово больше не увлекаться спиртным. Стоит пропустить хотя бы бокальчик пива, и гульба может затянуться до позднего воскресенья. Огни вывески бара весело мигали, как будто танцуя задиристый танец. Наверное, сейчас там шумно и жарко во всех смыслах. Я докурил и бросил бычок в урну. Он упал мимо, и, чертыхнувшись, я отпихнул его ногой. Окурок покатился по асфальту и закончил свое увлекательное путешествие в ближайшей лужице. По грязной луже растеклось несколько кругов. Я глупо посмотрел на них, так, будто видел круги на воде впервые. Почему-то вспомнилось, как в детстве я пускал по лужам кораблики, — в то время любая лужа казалась мне морем, в котором можно утонуть. Когда кораблик переворачивался, я переживал за него всей душой, как если бы на его палубе находились живые люди. Мне пришла в голову дурацкая идея: смастерить кораблик и запустить его в лужу. Я посмотрел по сторонам, стыдясь

своего замысла и боясь, что кто-то застанет взрослого дяденьку за столь несерьезным занятием. Из продуктового магазина постоянно выходили покупатели — в основном ими были старушки с авоськами и молодые мамы с детьми.

Мне не захотелось привлекать их внимание, и, отбросив в сторону странную идею, я двинулся в направлении к торговому центру, в котором располагался кинотеатр. В последний раз здорово было смотреть блокбастер про роботов в 3D-очках — мне казалось, что я стал частью этого фильма и нахожусь в эпицентре событий. А о чем был сам фильм, я толком и не помню — нынешнее кино не рассчитано на то, чтобы пичкать зрителя тонной смысла и запутанным сюжетом, главное — навертеть побольше спецэффектов и страстей. Но неважно — иногда просмотр таких зрелищ является идеальным способом расслабиться, не прибегая к помощи бутылки. Я остановился перед перекрестком. Светофор уныло отсчитывал оставшиеся до зеленого света секунды. Я засунул руки в карманы и погремел лежавшей в них мелочью. В нынешнее время монеты, равно как и купюры, становятся чем-то раритетным, ведь все заменили пластиковые карточки. Мои старенькие родители до сих пор

не могут понять, как одной карточкой можно оплачивать многочисленные покупки, им эта система кажется слишком сложной. Зажегся зеленый свет — сквозь призму редкого дождика он показался расплывчатым и уставшим. Я внимательно посмотрел по сторонам — никогда не знаешь, чего ждать от пьяных водителей с купленными правами. Однако машины стояли как вкопанные, и на горизонте не виднелось едущих автомобилей. Я спешно перебежал многополосную дорогу. Все-таки здесь слишком много полос — пора строить подземный переход. Достав еще одну сигарету, я поднес к ней зажигалку и поджег, с удовольствием наблюдая за возникшим пламенем. Как возникает этот огонь? Когда я учился в школе, я так и не понял природы возникновения обжигающей субстанции. Опять же, неважно — главное, что за ним так приятно наблюдать.

Я шел и курил на ходу — говорят, это признак дурного тона, но мне хочется побыстрей попасть в кинотеатр и курить тоже хочется сильно. Старик в клетчатом берете проводил меня долгим осуждающим взглядом. Хорошо, что ничего не высказал, иначе я не удержался бы от того, чтобы нагрубить в ответ. А может, он на всех так

смотрит и сигарета в моей руке не имеет к этому отношения. Дождь хоть и был редким, но успел неприятно намочить мои волосы — я провел рукой по голове и пригладил спутавшиеся пряди.

Монотонный шум города нарушился капризным криком — визгливый голосок требовал купить ему новую игрушку. Посмотрев вперед, я увидел неподалеку от себя молодую пару с ребенком. Ребенок быстро шел и пытался пританцовывать прямо на ходу. Его маленькие ножки, обутые в яркие резиновые сапоги, топали по тротуару и создавали диссонанс со звуком капающего дождя. Я вспомнил себя в детстве — у меня ведь тоже были яркие резиновые сапожки, в которых я обожал бегать по лужам. Интересно, я был таким же шумным и избалованным?

В моем кармане завозился телефон. Этот виброзвонок когда-нибудь сведет меня с ума — почему я никак не уберу его? Посмотрев на дисплей, я увидел имя своего коллеги по работе. Ненавижу, когда в выходной приходится обсуждать рабочие дела. На то он и выходной, чтобы отдыхать ото всех дел. Я убрал телефон обратно в карман. Пусть думает, что я занят, или сплю, или чего-нибудь еще. На моем пути возник еще один магазин, предлагающий продукты по де-

шевке. Супермаркеты словно соревнуются друг с другом, играя в аукцион наоборот — кто предложит дешевле. Однажды, последовав совету матери, я приобрел там безвкусную переморо-женную рыбу со скидкой. Так что спасибо, пусть едят свой дармовой корм сами.

Ребенок, шедший впереди меня, перестал играть в танцора. Теперь он прыгал и с каждым последующим прыжком стремился подняться все выше. Должно быть, он хочет взлететь. Время от времени он оглашал сумрачный вечер довольными криками — видно, прыжки получались именно такими, какими он хотел.

Я чуть не споткнулся об сидящего на асфальте голубя. Эти наглые птицы уже совсем не боятся людей. Неудивительно, что в городе их частенько давят машины. Я взмахнул ногой, чтобы согнать его с дороги, но похоже, голубь был болен, и он даже не отреагировал на мое движение. Мне пришло в голову, что у него орнитоз, и я поспешно отбежал от пернатого болвана, чтобы не заразиться самому. В этот момент ребенок воскрикнул нечто вроде «Там птички!» и помчался к противоположному концу тротуара. На какое-то время он скрылся из моего поля зрения, и я поневоле вернулся к мыслям о работе и размыш-

лениям о том, почему коллеге потребовалось звонить мне во внеурочное время.

— Не беги так быстро! — озабоченным тоном прокричала мать малыша. Прошло несколько секунд, и я вновь увидел маленького непоседу на горизонте. Он повернулся к матери и улыбнулся полубеззубым ртом.

— Птички… — невнятно повторил мальчик. Речь у него была совершенно смутной, и даже это слово я разобрал с большим трудом. Мать подлетела к сыну и взяла его за руку. Я пригляделся к ее фигуре и вынес вердикт, что она очень даже ничего. Будь она одна, я бы предложил ей чем-нибудь помочь — ну например, усадить ребенка в коляску. Или поднести до дома тяжелые сумки. Но рядом с ней муж — я не видел его лица, но в глаза мне бросилась бритая голова и толстенный зад. Типичный диванный увалень, шастающий на унылую работу, а вечерами не отрывающий филейную часть от компьютерного стула.

И почему симпатичные молодые девушки выходят замуж за таких никчемных персонажей?

Девушка подошла к мужу и что-то сказала ему. Мужчина кивнул головой и достал из увесистой сумки небольшой пакетик. Ребенок радостно взвизгнул и неуклюжими движениями распеча-

тал упаковку. Я не мог разглядеть, что он оттуда достал, но предположительно это была продолговатая чипсина. Они кормят свое дитя чипсами? Неужели они хотят, чтобы к пяти годам он стал таким же увальнем, как его папаша?

Мужчина достал из другой сумки пакетик с трубочкой и протянул его малышу. Тот жадно втянул в себя находившуюся в пакетике жидкость. Как хорошо, что я был на достаточно почтительном расстоянии, чтобы не услышать чавкающие и хлюпающие звуки, наверняка издаваемые им. Все дети такие неопрятные… Если они едят суп, то обязательно выльют пару ложек себе на штаны, если им пожарить куриную ножку, то они до ушей измажутся в жире. А то еще и истекут соплями во время еды.

Молодая пара продолжила прогулку. Теперь ребенок пританцовывал и прыгал не так отчаянно, как прежде, но вместе с тем умудрялся параллельно доставать из пакетика еду и пить из коробочки с трубочкой. Признаться, я не люблю детей, но сейчас у меня возникло легкое беспокойство относительно того, не подавится ли он, если будет есть на ходу. Девушка, словно прочитав мои мысли, прикрикнула на ребенка и сказала, чтобы он шел спокойно, и пусть либо

танцует, либо ест. Малыш смиренно послушался мать и начал идти совершенно спокойно. Мое инстинктивное волнение улеглось и вновь уступило место раздражению. Ненавижу, когда детей кормят прямо на улице! Ну неужели они не могут потерпеть до дома?

Телефон снова зашуршал в моем кармане, но теперь совсем тихо. Значит, пришло сообщение. Я не стал извлекать гаджет из сухого теплого места навстречу дождю и решил, что прочитаю СМС тогда, когда окажусь в торговом комплексе. Почему меня никак не могут оставить в покое? То сотоварищ по офису, то это сообщение. Скорее всего, СМС-сообщение пришло от него, может, он заболел и теперь по уважительной причине переложит всю работу на мои плечи? Еще и компьютер на работе стал барахлить — в пятницу он упорно отказывался открывать мне «Мозиллу», и в Интернет я смог зайти только с «Хрома». К тому же в последнее время он повадился в самый неподходящий момент радовать меня синим экраном. Сейчас экран смерти не так страшен, как несколько лет назад, и его даже снабдили смайликом, чтобы не так расстраивать пользователей. А синий экран с многочисленными рядами букв (я так и не запомнил, что на нем

было написано) попросту сводил меня с ума. Каждый раз казалось, что после него компьютер уже не включится. Недаром его называли «экраном смерти».

— Пальчики! — промямлил малыш с набитым ртом. Что у него с пальчиками? Замерз, наверное. Вечно этим детям то холодно, то жарко. Тут я понял, что у меня самого настолько продрогли руки, что я поспешил убрать их в теплые карманы.

Ребенок стал громко напевать песенку. Медведь явно наступил ему на ухо, потому что я не смог разобрать мало-мальски понятного мотива. Кажется, это было что-то из мультика. Но самым раздражающим фактором являлось не столько само пение, сколько то, что одновременно с ним ребенок продолжал жевать. Как хомяк, и куда в него столько лезет? Мои волосы окончательно промокли под дождем, и я замучился приглаживать их и стряхивать с них капли. К тому же я порядком продрог и несказанно обрадовался, когда увидел, что добираться до развлекательного центра мне уже недолго. Осталось перейти еще одну широкую дорогу. И тут тоже нет подземного перехода. То, что за прошлый месяц под колесами машин здесь погибли как минимум три человека, никого не настораживает — в мэрии

считают, что гражданам достаточно и светофора. Пара с ребенком замедлила шаг и остановилась рядом с переходом. Я вплотную приблизился к ним и, как обычно, огляделся по сторонам. Мальчик затопал так, что мне показалось, будто асфальт под ним вздрогнул. Мне становится неприятно, когда дети находятся совсем близко от меня, и я пытался не смотреть в его сторону. Снова раздалось чавкание и хлюпание — этого сорванца точно следует научить хорошим манерам. Страшно представить, как он ест у них дома. Наверное, уляпывает едой весь пол.

Боковым зрением я поймал на себе пристальный взгляд ребенка — ну почему, почему дети все время пялятся на взрослых? Я напрягся и стал насвистывать под нос спонтанно придуманную мелодию. Ребенок недовольно заверещал и топнул еще сильнее. Нехотя я перевел взгляд в его сторону. Как я и предполагал, вся его мордашка была перемазана. Похоже, он пил томатный сок, поскольку его рот был испачкан темно-красной жидкостью. Малыш ехидно улыбнулся и запустил пухлую ручку в пакетик. В моем животе свело, а сердце подскочило к горлу — я бросился наутек и опомнился лишь после того, как оказался на обратной стороне перехода. Какая-то

машина просигналила мне вслед. Очевидно, я рванул прямо на красный. Я побежал и не замедлял бег до самых дверей торгового комплекса. Оглядевшись вокруг, я обнаружил, что пара с ребенком осталась где-то позади. Я прислонился к стене и нервно засмеялся. Я всегда знал, что дети отвратительны. Мне всегда было неприятно ощущать их присутствие, и я четко осознавал, что от них можно ожидать чего угодно. И я не ошибался — ведь я совершенно отчетливо увидел, как этот непоседливый карапуз доставал из пакетика отрубленные человеческие пальцы.

Александр Сидоренко

1984 г.р., г. Калининград (РФ), писатель, поэт. Творческие ориентиры: Кормак Маккарти, Рэй Брэдбери, Йохан Ван Рой, Дэн Симмонс, Роберт Рождественский. За перо взялся в 5 лет. Первые произведения: «Филька в космосе» (повесть) и «Маяк» (стихотворение) сохранились лишь частично. Повесть «Филька в космосе» была лично зачитана автором знаменитому советскому и российскому фантасту, лауреату премии «Аэлита» Сергею Снегову. Корифей оценил работу

высоко для столь нежного возраста писателя.

Активная творческая деятельность началась в 2000 году, когда Александр с двумя лучшими друзьями основывает школьную рок-группу, для которой впоследствии он пишет около 100 песен, сохранившихся на различных аудионосителях. Тематика текстов постепенно эволюционирует от юношеской романтики к магическому реализму и критике человеческих заблуждений.

Параллельно Александр создает ряд небольших рассказов, которые с разной степенью успешности представлены на различных интернет-конкурсах. С 2005 года совмещает творчество с работой в сфере среднего образования. Выступая со стихотворениями Александра о Великой Отечественной войне, его подопечные школьники не раз поднимались на высокие места в конкурсах чтецов. В текущем году готовится к завершению дебютный роман в жанре «мальчишеские ужасы», выполненный в ностальгическом духе советского детства.

Бутылка Пандоры

Вот она — лучший ботаник университета Беркли Лиса Далматова. Она сидит в грязном баре большого Понтуса и крутит стакан виски то посолонь, то противосолонь, как говорят на ее родине. Я никак не могу смириться с ее утонченной фигурой и аристократическими чертами лица в этом скотном дворе. Нужно признать — мало кто сумел выбраться из логова старого шведа, хотя бы однажды попав в его цепкие пальцы. У завсегдатаев бара Большого Понтуса было два пути — либо в меблированные комнаты на втором и третьем этаже притона, где люди постоянно употребляли дрянную выпивку, удовлетворяли низменные желания и постепенно деградировали, либо на кладбище в результате алкогольного отравления или пьяной драки. Заведение Понтуса представляло из себя замкнутый мир, где деньги перемещались определенным образом — новые посетители привозили какую-то сумму с собой и уверенно спускали ее на выпивку и секс. За секс здесь принято платить, что удивительно, учитывая полное отсутствие проституток. Просто спивающимся постоялицам Понтуса нужно было

чем-то оплачивать выпивку — вот они и предоставляли свои скромные услуги тем, у кого деньги еще сохранялись. Так же поступали и мужчины, если находились женщины при деньгах. Понтус щедро платил выпивкой за доставленное ему удовольствие и тем, и другим. Я не мог представить Лису в этом порочном круговороте — умная, воспитанная, одухотворенная, она не могла отдавать себя за бутылку виски и кусок хлеба. Мне даже не верилось, когда поиски привели меня в эту дыру, но потом я увидел ее вращающей бокал виски.

Я сидел в слабо освещенном углу и выковыривал первую сигарету из пачки Lucky Strike. Справившись с задачей, я сильно втянул в себя дым и медленно выпустил его в прокуренный зал. Легкий самообман, вызывающий короткое головокружение. Но нет, esto no pasará[19]. Мне нужно то, что есть у нее. Она посмотрела на меня, и я отсалютовал ей двумя пальцами. Помнила ли она меня — я не знал, но мне показалось, что в ее взгляде промелькнуло осознание того, зачем я здесь. Я еще раз повторил свой самообман с сигаретой, и она достала пистолет — шестизарядный

---

[19] Примечания: 19
Это не пройдет (исп.).

культ. Оружием в баре Большого Понтуса сложно было кого-то удивить — здесь патроны порой становились средством оплаты выпивки и секса, но ее жест удивил даже забулдыг у стойки, которым по здешней иерархии не доставалось места за столиками. Барабан кольта нырнул в сторону, а Лиса разжала кулак, скрывавший пять патронов. Я не шелохнулся, пока она один за другим отправила маленьких гонцов смерти в барабан, а затем погладила единственный пустой глазок. Бросив на меня быстрый взгляд, бывший профессор Беркли привела револьвер в боевую готовность, а затем сильно крутанула барабан. Вконец озадачив забулдыг, Лиса вставила дуло себе в рот. Удивление на их лицах быстро сменилось волчьей жаждой наживы — обобрать, раздеть и пить, пить, пить, а может, и сношаться! Неужели Лиса решила сыграть в кавказскую рулетку?! Похоже. Я вскочил с места и кинулся к ней. Щелчок — не может быть, ей попался единственный пустой глазок, невероятно! Я застыл на полпути. Дуло револьвера повернулось в мою сторону, и раздался выстрел. Схватившись за грудь, я упал на колени, перед глазами все быстро расплывалось. Вот, кажется, и конец

фильма — bon voyage, monsieur DeLeon[20].

* * *

Нет, еще не конец, еще не титры — я открыл глаза, тут же прокляв дневной свет. Резь в глазах обернулась головной болью. Я сжал зубы и попытался зарычать.

— Тише, vivaracho[21], — услышал я женский голос. Попытка повернуться на звук ничего не дала — я был привязан. — Не напрягайся, а то опять вызовешь кровотечение.

— В банде иа? — я сам не понял, что произнес вместо простого «где я?».

— Когда ты был в бреду, тебя проще было понять, — хихикнула женщина. По голосу ей было около сорока.

— Donde mí, el diablo de ti tira?[22] — родной язык мне давался легче.

— Ну-ну, не ругайся! — женщина говорила мягко и ласково. — Ты все там же, у дяди Понтуса.

---

[20] Примечания: 20
Хорошей поездки, господин ДеЛеон (фр.).

[21] Примечания: 21
Живчик (исп.).

[22] Примечания: 22
Где я, дьявол тебя дери? (исп.)

Я наконец сумел сфокусировать взгляд. Девушка, сидящая рядом со мной, своей молодостью не соответствовала зрелому голосу. Она была полна контрастов: давно не мытые пакли волос ниспадали на милое личико, которому было не больше двадцати двух лет от роду, красивые длинные пальцы были обтянуты грубой кожей, под наманикюренными ногтями лежала грязь.

— Ты счастливчик, мы с трудом выходили тебя. Думали, ты помрешь первой же ночью.

— Cómo mucho tiempo mí aquí?[23]

— Три дня. Ты лучше переходи на английский — я простые фразы понимаю, но скоро, возможно, не смогу тебе отвечать.

— Труда нана запала? — я никак не мог правильно выговорить слова, мое подсознание играло с английским, который я выучил к восемнадцати годам, как хотело.

— Ты очень забавный, — девушка снова хихикнула.

— Donde la bala?[24]

— Где — что? Я же сказала, испанский не мой конек. Лучшее, что я могу, — это договориться

---

[23] Примечания: 23
Как долго я здесь? (исп.)

[24] Примечания: 24
Где пуля? (исп.)

о сексе с латиносом или впихнуть ему выпивку, но ты пока не готов ни к тому, ни к другому.

— Дуля, дуля, — я начал злиться.

— Тебе лучше поговорить с дядей, он поумнее меня.

Я кивнул, ровно настолько, чтобы не вызвать боль, которая расколет мою голову. Девушка встала и через пару секунд выпала из моего поля зрения. Боль в голове переросла в подобие пароходной сирены, мне пришлось закрыть глаза, потому что из них ручьями хлынули слезы. Долгое время вокруг не было слышно ничего и только сирена продолжала рвать мой мозг, но вдруг раздались приближающиеся шаги — похоже было, что кто-то поднимался по лестнице. Стук железных каблуков по дереву превратил сирену в вой африканских вувузел — я потерял сознание.

— Oye, el muchacho![25] — хриплый голос вторгся в мир моего беспамятства. — Хватит спать, у меня есть дела и кроме тебя.

Я открыл глаза и увидел над собой небритую рожу старого шведа. В ноздри ударила смесь перегара и дешевых сигарет.

---

[25] Примечания: 25
Эй, парень! (исп.)

— Каждый лишний день в моей таверне будет стоить тебе дорого!

— Tengo dinero.[26]

— Да?! Вот это новость! Где? — Понтус заржал во всю глотку.

— La perra! El ladrón![27] — конечно, старый прохвост обобрал меня, когда я был без сознания.

— Ну-ну, зачем так?! У тебя есть друзья, которые привезут деньги?

Приступ ярости доконал меня — я снова провалился в темноту.

* * *

Есть я смог через пару дней, тогда же смог и сидеть. Меня отвязали от кровати. Лив-Грет — племянница Понтуса — объяснила, что привязали меня, потому что в бреду я крутился и рисковал порвать швы. Обращались со мной хорошо, так как я обещал щедро расплатиться с хозяевами по приезде моего друга. Мне просто ничего не оставалось — я был практически беззащитен. Я позвонил из бара в гостиницу Альгамбра

---

[26] Примечания: 26
У меня есть деньги (исп.).

[27] Примечания: 27
Сука! Вор! (исп.)

и оставил сообщение для моего друга Феликса, появлявшегося там время от времени. Я просил его как можно скорее приехать в притон Понтуса и привезти побольше денег. Этот звонок, естественно, влетел мне в копеечку. Феликс был для меня кем-то вроде банкира, я полностью доверял ему, в том числе и в вопросе хранения моих денег. Временами я даже считал его братом. В этом была доля истины — сын пуэрториканских эмигрантов был мне наполовину земляком.

— Послушай, латинос, у тебя странное имя — Паскаль. — Лив-Грет сидела рядом и играла прядью моих волос.

— Моя мать была француженкой, — фыркнул я. Воспоминания из детства не были мне приятны.

— Так кто же ты после этого? Латинос? Лягушатник?

— Считай как хочешь. — Она начала меня прилично раздражать еще день назад, или просто мне необходимо было следующее путешествие.

— Будешь чупакаброй, — она противно заржала.

— La putain sale![28]

— Что? Это на каком языке?

---

[28] Примечания: 28
Грязная шлюха (фр.).

— На французском. Означает «как будет угодно».

Она снова заржала, грозя мне пальцем.

Еще через три дня я стал спускаться в бар. Ранение все меньше беспокоило меня. Слабость ушла, осталась только зудящая боль. По соседству с притоном жил доктор-индеец. Он задолжал Понтусу, и тот использовал его для своих целей. Жильцы шведа в наших пивных беседах рассказывали, что однажды этот лекарь спас парня, которому Большой Понтус наложил жгут на пенис, чтобы порадовать свою племянницу — единственного человека, в котором он души не чаял. Что касается меня, то врач сказал, мне повезло, пуля не задела ни одного важного органа. Что ж, может быть, и повезло. Хотя как знать… Я не знал, чем обернется для меня следующее путешествие, не подойдет ли хищник настолько близко, чтобы прыгнуть мне в объятия и сойтись в смертельном экстазе.

Мой долг перед Понтусом рос в геометрической прогрессии, но меня это не беспокоило. По меркам этой части Канады я был состоятельным человеком. Может быть, мои деньги и пахли кровью, как не уставала мне повторять Дениз, но они позволяли мне жить, как я хотел. Как бы

ни называли на американском континенте подобных мне, мы во многом были правы. Чаще всего нас называли террористами, но мы считали себя экзистенциалистами — знающими науку выживать. Представьте себе наполовину пуэрториканца наполовину француза в нью-йоркском латинском гетто… Вы скажете, латинский квартал? Нет! Для меня это было гетто! Местные подростковые банды меня не принимали, они считали меня чужим из-за того, что я приехал из Франции. Мне часто приходилось драться в школе, используя любые подручные средства, чтобы склонить преимущество на свою сторону. Надо мной издевались, ведь мой отец был танцором в дешевом клубе с «крейзи меню»[29], а мать трудилась в прачечной и за небольшую прибавку к зарплате делала минет хозяину по любому его требованию. Эти интимные подробности из жизни моей семьи я узнал довольно рано — помогли старшеклассники. Я даже не стал пытаться заткнуть их грязные рты — я не сомневался в их правоте. Стоит ли говорить, что мои родители так и не получили грин-карт? Ее получил я, потратив кучу денег на взятку.

---

[29] Примечания: 29

Опция в развлекательных заведениях, позволяющая за определенную плату заняться сексом с любым работником.

Первую зарплату я получил, разгружая короба с рыбой. Я быстро понял, что эти копейки меня не удовлетворят. Я даже не называл такие подачки деньгами. А вот первые деньги я заработал, когда мы с другом похитили заносчивую дочку хозяина рыбных магазинов, куда мои наниматели привозили товар. Мы спрятали ее в подвале доходного дома, которым владел вечно потный еврей Бахман. Там мы с Чико и снимали крохотную каморку. Чико был мексиканцем-нелегалом, он пек лепешки в местной тошниловке, которую лестно называли «мексиканским кафе». Бахман догадывался о том, чем мы занимаемся, но боялся что-либо сказать, считая нас членами банды. Он никогда ни во что не вмешивался, боясь потерять право спокойно жить в латинском квартале. Его все считали отличным хозяйственником и управляющим, поэтому закрывали глаза на его происхождение.

Дочку богатея звали Кендис, словно какую-то pindonga[30]. Первое время она орала на нас, ругая на чем свет стоит, потом поняла, что мы не шутники с балагана, и начала рыдать. Пока ее папаша собирал выкуп, она провела с нами

---

[30] Примечания: 30
Шлюха (исп.).

довольно много времени. Мы никогда при ней не снимали полицейских масок и не называли настоящих имен. Под конец нашего совместного времяпровождения она стала совсем безвольной. Привело это все к тому, что Чико трахнул эту perras[31] под Hasta Siempre Comandante Che Guevara в исполнении Карлоса Пуэблы. Поговаривали, что потом она даже делала аборт. Мы хорошо нажились на ней, это помогло нам поверить в себя. Потом были другие похищения, кражи и даже одно ограбление банка. За это время мы не убили ни одного человека, и, возможно, поэтому Бог берег нас от провала. Кончилась моя штатовская одиссея тем, что на петушиных боях в гетто Чико схватился с каким-то especulador[32] на ножах и проиграл в первый и последний раз. Погоревав, я решил перебраться в более спокойную и медленную Канаду. А именно, памятуя о моих французских корнях, в Квебек. Там я приобрел небольшой магазинный бизнес. По иронии судьбы я стал торговать рыбой. Свои темные делишки я не бросил — я стал так называемым «подглядывающим». Услышу что-то то

[31] Примечания: 31
Сука (исп.).

[32] Примечания: 32
Спекулянт (исп.).

тут, то там, приду подсмотрю, сфотографирую, а потом выжму грешника до последнего цента. Свою деятельность я на время прервал, когда встретил Дениз. Маленькая, изящная, утонченная франко-канадка так глубоко проникла в мое прожженное сердце, что я решил вести честную жизнь. Но привычка взяла свое, и я продолжил — доил людей и складировал нечестные доходы у Феликса, которого волею случая занесло в Квебек. Нас было двое пуэрториканцев на многие мили вокруг, и мы инстинктивно держались друг за друга. Этому не помешал даже тот факт, что через некоторое время Дениз ушла от меня и стала спать с Феликсом. Я все понимал — Феликс работал на интернет-бирже и никогда не лез ни во что противозаконное. Она считала, что он не знал о моих делишках, и была не так уж и далека от истины. В то время я впервые попробовал зелье, которое вывела Лиса Далматова. С тех пор я превратился в гончую, идущую по следу вожделенного растения. Каждый раз во время курительных галлюцинаций, играя с хищником, который следил за мной откуда-то из глубины, я точно узнавал, где найти следующую порцию. Мои аппетиты росли, и в конце концов мой астральный нюх привел меня к самой Лисе. И вот

я здесь — в притоне Большого Понтуса, жду Феликса, чтобы продолжить погоню, ведущую меня в никуда.

* * *

Феликс появился, когда я почти совсем оправился. Я сидел и пил пиво недалеко от выхода и сразу увидел вошедшего друга.

— Hola! El amigo![33] — Феликс весь сиял. Видимо, дорога сюда из Квебека далась ему легко.

— Hola. Быстрее ты, конечно, не мог?! — Феликс, как ни странно, не был особо силен в испанском, он родился в Денвере, и я перешел на английский.

— И так еле смог объяснить все Дениз.

— El amor es un veneno.[34]

— Решил рассчитаться, мучачо? — рядом образовался Понтус.

— В точку! Пройдем в мою комнату.

Лив-Грет уселась на мою кровать, а Понтус довольно потирал руки, стоя над колдующим со спортивной сумкой Феликсом.

---

[33] Примечания: 33
Привет, друг! (исп.)

[34] Примечания: 34
Любовь — это яд (исп.).

— Ты очень приятный клиент, мучачо! Я подумываю, чтобы сделать тебе постоянную скидку.

— Tu m'as amené l'arme?[35] — я давно понял, что ни Понтус, ни его племянница не знают по-французски ни слова.

Феликс незаметно сунул руку в боковой карман сумки, и через секунду браунинг оказался у меня в руке. Щелкнул затвор, Понтус вздрогнул, а Лив-Грет стала отползать от меня по кровати.

— Спокойно, это не по ваши души! — я опустил пистолет.

Я мог бы убить обоих, чем немало порадовал бы многих обитателей притона. Особенно восторгался бы Гаррет — бывший жестянщик, а ныне законченный алкоголик, которого Понтус особенно часто трахал за достаточно скромные дозы виски. Но во всем были свои нюансы. Даже в грязном мире канадского захолустья есть свои правила и понятия. Понтус делал деньги как мог, не переступая грани дозволенного. В том, что он сумел меня облапошить, больше моей вины и стечения обстоятельств, мне нечего было ему предъявить.

Рассчитавшись, я сел на кровать и снял ру-

---

[35] Примечания: 35
Ты привез мне оружие? (фр.)

башку.

— Не хочешь меня бесплатно? — Лив-Грет подползла ближе.

— Да что-то не очень. Иди вниз к дяде!

— Как знаешь, зови если что.

Я аккуратно распорол шов на воротнике рубашки и достал оттуда самодельную сигарету — последний наркотический заряд, последняя ниточка, связывающая меня с моей доброй феей Лисой Далматовой.

— Опять в погоню? — Феликс грустно посмотрел на меня.

— Ты сам все знаешь.

— Я больше не нужен?

— Я бы не стал желать тебе такого.

— Сколько раз мне еще вытаскивать тебя из неприятностей? Может, мне пока остаться здесь?

— Этот притон даже у меня вызывает тошноту. Возвращайся к Дениз, ни о чем не думай! Я совсем близок к цели, твоя помощь мне уже вряд ли понадобится, и я боюсь, мы больше не увидимся. Ты же все знаешь!

— И я ничего не могу сделать?

— Глупый вопрос. Остатки денег можете забрать, если что.

— Знаешь, Дениз беременна.

— Поверь, хорошо, что не от меня…

Феликс развернулся и вышел из комнаты, не было нужды в словах. Через пару секунд послышались его быстрые шаги на покосившейся деревянной лестнице.

— Adiós, el compañero![36] — я чиркнул спичкой у самокрутки.

* * *

Я никогда не мог вспомнить даже примерно, что я видел или чувствовал во время наркотического прихода, зато я отлично помню, что творится, когда меня начинает отпускать. В этот момент хищник смотрит на меня из засады. Первый раз, когда я познакомился с хищником, это было забавно и даже возбуждающе. Меня занесло на чердак моей квартиры в Монреале. Я лежал на матах, оставшихся от предыдущего хозяина, и смотрел в скошенный потолок. Мне казалось, где-то там под крышей, рядом с высохшим осиным гнездом ждет мой хищник. Я представлял его как гибрид льва и саблезубого тигра. Его присутствие возбуждало и пугало,

---

[36] Примечания: 36
Прощай, напарник (исп.).

грело сердце и холодило кровь. Я словно поднимался над матами, двигался к логову хищника. Его присутствие манило, мне казалось, я должен слиться с ним, стать одним целым. Потом все кончилось и пришел голод. Голод, который поднял меня и бросил в улицу, бросил искать. И я нашел, через неделю я отыскал следующую дозу. Ею торговал пожилой алжирец. Мне не хватило денег — он просил слишком много. Он начал смеяться надо мной, называть меня нищим. Тогда я первый раз убил человека. Проклятый торгаш долго кашлял и харкал кровью, а из пробоины в легких лезли красные пузыри. Он подыхал у моих ног, а я раскуривал самокрутку.

В этот раз хищник стал ближе. Я умышленно не называю его зверем — он гораздо больше, чем зверь. Его величие и опасность придает мне сил. Сколько раз после заочной встречи с ним у меня случались поллюции! Это не сексуальное влечение, это миг блаженства — единства опасности и неизбежно растущей силы. И голод, голод, голод после. Голод и жажда охоты. Украинская проститутка с вырванным горлом, похотливая домохозяйка с ножом для колки льда во лбу, хоккейный тренер со вспоротым брюхом — вот неполный список тех, кто встал между

мной и зельем Далматовой. Конечно, случалось, я покупал свою прелесть и не убивал продавца, им просто не стоило завышать цену!

В притоне Понтуса я наконец встретился с хищником. Сначала я почувствовал его дыхание, пьянящий запах свежего мяса и крови. Он дышал мне в лицо, а мне казалось, что вот-вот меня не станет. Казалось, он щелкнет клыками — и мое лицо превратится в кровавое месиво, но этот момент все никак не наступал. Мы стояли лицом к лицу, ожидание искрило — оно было прекрасно. Каждая клетка моего тела приятно вибрировала, меня тянуло к нему. Кожа словно отслоилась от живота, груди, лица — она тянулась к нему. Вот, вот, еще, еще, чуть-чуть… И вот мы закружились в бешеном танце. Меня не пугали преграды, мы порхали, разрушая, круша, уродуя. Это был танец-борьба, танец-огонь. Он клацал челюстями совсем рядом с моей шеей, но я плотно вцепился ему в глотку, я боролся, пока мышцы мои не ослабли, а ребра не были отбиты о стены. Тогда я выпустил его глотку, моя рука сползла, вымокшая от пота. В лицо ударило обжигающее дыхание, и я ослеп, а потом и отключился.

Сознание вернулось, а зрение оказалось непо-

терянным. Я сидел, прислонившись к шкафу. Вокруг царил полнейший бедлам: разломанные вещи, окровавленные тряпки, разбитая посуда, но это не шло ни в какое сравнение с Лив-Грет, распластавшейся на темно красной кровати. Она была абсолютно голой, ноги и руки раскинуты в разные стороны, голова неестественно повернута, язык вывалился наружу. Я поднялся, опираясь на постель, она хлюпала под моей рукой. На мне тоже не было одежды, кровь была по всему телу, лобковые волосы можно было выжимать. Что же это было? Неужели хищник вырвался наружу?! Я перевернул Лив-Грет и отскочил к шкафу — ее живот был разорван, синие кишки разбросаны по кровати. Я закрыл рот рукой, но тут же отвел ее, почувствовав вкус крови на ней. Что он наделал?! Шаг в сторону — и нога попала на кучку использованных презервативов. Реальность все дальше отходила от меня. Что здесь было?! Не было времени размышлять. Положение вещей, правила, понятия — все было нарушено. Мне нужно было убираться подальше, и, черт возьми, я знал куда!

После скрытной вылазки в душ я вернулся в комнату и аккуратно, стараясь не запачкаться, оделся, взял рюкзак, любезно не разграбленный

Понтусом, и вышел в коридор. По лестнице я спускался не спеша, чтобы не вызвать подозрений. На Большого Понтуса я наткнулся только у самого выхода.

— Погуляли вы там с моей племянницей, как я слышал, — Понтус противно заржал. — Укатал девку?

— Еще как укатал, — я оскалился в ответ. — Спит. Приду — разбужу!

— Ну-ну, — он продолжал ржать, обнажая гнилые зубы.

* * *

Мы сидели на проваленном полу друг напротив друга, из разбитых губ Лисы сочилась кровь. Я почти застал ее врасплох в охотничьем домике. Она пыталась сыграть в свою любимую кавказскую рулетку, но я выхватил у нее револьвер и им же разбил ей лицо.

— Вот ты и добился чего хотел, amigo! — она смотрела, как я пересчитывал пакетики с высушенной травой. — Здесь запас на год, который ты вряд ли протянешь. Твое внутреннее зло поглотит тебя, как поглотило всех моих коллег, пытавшихся с ним играть. Этот гибрид растений нес только смерть, но правительство все равно

сохранило плантацию в Беркли. Они даже не гонятся за мной — у них есть все.

— Зачем же ты бежишь? — я положил пакетики в рюкзак. Нужно будет купить прочный мешочек.

— Я не бегу от коллег, я бегу от таких, как ты. Тех, что, словно вампиры по линии крови, ищут все большие дозы этого курева.

— Так выбросила бы его!

— Тебе не понять.

— Ты сама зависишь от него, la vil falsa[37].

— Не так, как ты, я просто стараюсь выжить, чтобы вернуться в свою страну и со всем покончить. Я не даю злу выйти наружу!

— Это не зло, это скорее нежданное счастье, как выпустить джинна из бутылки.

— Скорее из шкатулки. Ну да пусть будет, как удобно тебе… бутылки… Пандоры. Кем ты был до встречи со злом?

— Хищником!

— Пусть хищником. Сомневаюсь, что ты был объектом для подражания, но был ли ты таким ублюдком, как сейчас?

---

[37] Примечания: 37
Лживая стерва (исп.).

— Ti simplemente la tonta[38], — я начал раскуривать наспех свернутую сигарету. — Жаль, тебе не суждено ничего понять, — затянулся полной грудью.

Лиса покачала головой, а затем закрыла лицо руками.

* * *

Сознание реальности ворвалось в мою жизнь. На этот раз все было по-другому. Я не испытал страха, увидев размозженную голову Далматовой, ее язык, высунутый через горло и болтающийся на груди. Она больше не волновала меня. Теперь все было в моих руках, точнее, в рюкзаке. Мне предстоял длинный и интересный путь рука об руку с хищником, и я всерьез подумывал о том, чтобы заглянуть в веселенькую таверну Большого Понтуса.

---

[38] Примечания: 38
Ты просто дура (исп.).

Конвой новой Спарты

Максим ехал по проселочной дороге, казалось бы, с каждой секундой отдаляясь от мегаполиса. На деле же все было иначе, он направлялся в Минск, одну из самых развитых мировых столиц Конфедерации. Оставалось всего пятьдесят километров, а вокруг царило убожество и запустение времен Советского Союза. Грязь, ямы, заросли травы по колено и ни одного дома на мили кругом. Максим даже думал, что заблудился, так ему не верилось в скорую встречу с технополисом. Он видел много запустевших мест во время своих путешествий по миру: безлюдные пригороды Лондона, Нью-Йорк — город-призрак, Берлин, вернувшийся в состояние весны сорок пятого года. Все эти картины угнетали его, живо напоминая о просмотренных когда-то апокалиптических кинофильмах, но Белоруссия… Здесь все было по-иному. Окраины страны представлялись агенту конвоя новой колыбелью цивилизации. Не было видно ни сожженных домов, ни брошенной техники, ни испуганных твоим появлением людей, старающихся быстрее скрыться с глаз. Была лишь природа, нетронутая,

первозданная, готовая приютить своих сыновей, покинувших города и ищущих здесь покоя.

Максим с тоской смотрел на окружающую картину. Как бы хотелось и ему вот так сбежать от своей работы и жить по-эпикурейски незаметно. Тоска накатила на него вместе с огромной усталостью, в глазах зарябило, шум в ушах был просто невыносим. Раздался визг тормозов, и лицо конвоира уткнулось в подушку безопасности. С трудом борясь с бессилием, Максим открыл дверь и буквально вывалился из кабины. Он поднес руку как можно ближе к глазам — шесть минут седьмого, он опять забыл про препарат. Рука едва нашарила внутренний карман, времени на то, чтобы отпилить горлышко капсулы, не было, пришлось его откусить. Горьковатая жидкость привычно обожгла язык, теперь ждать. Пара секунд — и слабость пройдет, можно будет ехать дальше.

Пикап агента конвоя вновь двигался по просторам Белоруссии, только теперь в нем сидел другой человек. От сантиментов не осталось и следа. Максим сосредоточенно смотрел вперед, не отвлекаясь ни одной посторонней мыслью. Совершенный солдат снова в строю.

* * *

Пристав смотрел на сурового агента поисково-конвойной службы с явной опаской. Рыжеволосый юноша, наверное, впервые видел представителя легендарного подразделения. Можно представить, какие сказания ходили об этих людях по внешнему Минску. Да еще вполне может быть, что с парнем не все гладко: врожденные болезни, скрытые в роддоме за некоторую плату, или сомнительные связи в трущобах, кто знает! Максим не останавливался на таких мелочах. Будь у него время, он прочитал бы парнишку как отрытый лист, но не сейчас. Сейчас важен лишь его груз.

— Вам нужен сопровождающий? — робко спросил пристав.

— Нет необходимости.

— Хотите отдохнуть с дороги?

— Нет, я хочу забрать груз.

— Как вам будет угодно.

Юноша нажал кнопку на своем пульте, и через минуту двое огромных охранников вывели на площадку человека в серой тюремной форме. Мужчина еле передвигал ноги, следы побоев на лице и руках говорили о радушном приеме

белорусских тюремщиков.

— Он вообще до места доедет? — невозмутимо спросил Максим.

— Да, конечно, — немедленно заверил пристав. — Он такое сопротивление охране оказывал, что, наверное, силен он как бык.

— Этот сопротивление оказывал? — едва заметная усмешка мелькнула в голосе конвоира.

— Да, не сомневайтесь. Они такие черти эти.

— Ладно. Давай проверим все.

— Все как есть. Порохов Кузьма Николаевич, знахарь. В розыске уже пять лет. Вот и отпечатки, и сетчатка тут.

— Грузите. — Максим дождался, пока охрана посадит знахаря в «Додж», затем пристально взглянул на рыжего, заставив сердце парня сжаться в комок, и после, не промолвив ни слова, сел в пикап.

Автомобиль конвоира быстро удалялся от терминала, а рыжий пристав еще долго стоял, не в силах уйти, и смотрел вперед, туда, где уже даже осела пыль, поднятая колесами «Доджа». Руки его дрожали, мысли путались. Пристальный взгляд окончательно выбил из колеи и без того испуганного парня. Если он вернется, если он когда-нибудь вернется, лучше молодому приставу

оказаться подальше отсюда.

* * *

Мелкий дождь бил в ветровое стекло, затрудняя видимость. У Максима начали слипаться глаза — недобрый знак. Нужно немедленно принять препарат, но нельзя этого делать в присутствии груза. Знахарь молчал всю дорогу от Минска до Берлина, казалось, он впал в спячку. На лице его не было и следа паники, оно было неподвижно, за исключением тех случаев, когда его взгляд впивался в зеркало заднего вида. Встречаясь взглядом с преступником, Максим не показывал никаких эмоций, но даже под действием препарата он ощущал необъяснимую тревогу, будто невидимый охотник следит за ним и лишь ждет момента, чтобы напасть и получить свою добычу. Дополнительную глубину взгляду знахаря придавали большие черные глаза, сильно выделяющиеся на необыкновенно худом лице. Его глаза поглощали все внимание смотрящего, не позволяя сфокусироваться на любой другой черте. Преступник явно чего-то ждал, копил для чего-то силы, а для конвоира ожидание броска становилось все более тягостным.

Максиму становилось хуже, сложно было скон-

центрироваться на дороге, в горле пересохло, глаза болели. Нужно было срочно остановиться, пойти в туалет, опустошить очередную ампулу, но по дороге не встречалось ничего подходящего. Пейзажи Берлина вообще навевали тоску: руины домов, покосившиеся рекламные щиты с полинявшими объявлениями, грязные безлюдные улицы. Чтобы добраться до какой-либо цивилизации, нужно было проехать еще много километров вглубь мегаполиса, а здесь могут встретиться лишь мелкие поселения, в которых точно не будут рады агенту поисково-конвойной службы. Скорее в них найдет приют и понимание его спутник, по роду своих занятий активно общавшийся с людьми из трущоб. Зачистка Берлина стала первоочередной в программе правительства Конфедерации, возглавляемого Петром Дубровским, на ряду с аналогичными мероприятиями в Париже и Лондоне. Сначала была проведена поголовная перепись населения, затем принудительное медицинское обследование и, как итог, постепенное переселение нежелательных элементов на африканский континент. В результате этих мер было разрушено множество семей, дети были разлучены с родителями, те, кто не хотел уезжать, вынуждены были

прятаться на окраинах, жить в подвалах и катакомбах. Многие беглецы умерли, не выдержав суровых жизненных условий, и немудрено, ведь выселению подлежали люди со слабым здоровьем, различными патологиями, врожденными дефектами. Те, кто выжил, голодали, скитались и постепенно опускались морально. А потом пришла поисково-конвойная служба, чьей работой стала охота на беглецов и сочувствующих им.

Останавливать было нежелательно, но Максим был совсем плох, он сбросил скорость настолько, что «Додж» можно было догнать пешком. Конвоир рыскал глазами по обочинам, но не находил ни одного подходящего для стоянки места.

— Вам нужен стимулятор, пейте. Не обращайте на меня внимания. — Максим вздрогнул, услышав голос знахаря. — От меня этого уже не скроешь. Пейте, или мы разобьемся.

Максим сомневался, но, похоже, выбора у него не было. Он остановил пикап, достал пистолет, положил его на колени и потянулся за ампулой.

— Зачем вам пистолет, я при всем желании не выберусь из кандалов?

Максим слегка повернул голову в сторону знахаря, но промолчал. Разговаривать с грузом было не в его правилах. Главное сейчас — не показать

ему минутную слабость, возникающую после приема препарата. Преступник не должен знать уязвимых мест конвоира. Он как можно более незаметно отпилил горлышко ампулы и опрокинул содержимое в рот. Теперь нужно сделать вид, что разминаешь лицо — отвлечь знахаря. Движения давались с большим трудом, голова кружилась, а потом и вовсе накатила ужасная слабость. Максим, не выдержав, опустил руки.

— А, цена вашей сверхъестественной силы, — усмехнулся знахарь. — Не удивляйтесь, я знаю и это. Сейчас вы абсолютно беззащитны. Интересно, насколько вы защищены во внешнем Берлине, даже под действием стимулятора? Для здешних вы злейший враг, живая мишень. Зачем мы едем здесь? Не безопаснее ли было через Россию, для вас особенно?

Максим понемногу приходил в себя, ему не очень хотелось разговаривать с попутчиком, но он чувствовал необходимость выдавить из себя хоть слово.

— Вам не все равно, куда вас везут? Ваша участь все равно будет невеселой.

— Мне ничего не остается, кроме как интересоваться всем, что происходит вокруг меня. Я не думаю, что ваше начальство отпустит меня

или подарит легкую смерть. Думаю, они всенародно унизят меня и сделают шоу из моих мучений.

— Вы драматизируете ситуацию. Вас будут судить, у вас будет адвокат, вас, скорее всего, сошлют на континент.

— Молодой человек, вы сами не верите своим словам. Ваше правительство, а особенно Дубровский, ненавидит таких, как я. Ведь я здоров, у меня нет врожденных дефектов, я могу производить здоровое потомство. И при этом я помогаю тем, кого вы считаете недолюдьми. Я больший враг для Дубровского, чем любой больной ДЦП, неиродермитом или эпилепсией. Мы могли бы быть равными, но я повел себя как один из убогих. Помните, как там, у Эверса, — как повел себя представитель высшего класса по отношению к солдату, который увел у него одну из жен?

— В этой новелле говорилось не о превосходстве, а о варварском к нему отношении. Восточный князек, о котором вы говорите, распял своего приятеля-европейца из-за того, что тот задел его больное самолюбие. Любой босяк, спавший с его женами, был ему безразличен, так как являлся для него низшим существом, хотя на деле в сравнении с европейцами, даже легионерами,

они находились на одинаково низкой ступени развития.

— А разве вы не варвары? Вы собрали сотни талантливых и честных людей и выдворили их на этот аду подобный африканский континент. А тех, кто боролся за свою свободу, просто уничтожили, оставив для себя быков-производителей.

— Спасение людской цивилизации — это не варварство. Мы не потеряли позиций ни в области науки, ни в культурном потенциале. Мы просто удалили опухоль, порожденную западной культурой. Убрали тех, кто производил гнилое потомство: глупых, уродливых, не приспособленных к жизни детей.

— У моей двоюродной сестры была врожденная болезнь щитовидной железы. Теперь она жарится в ЦАР. Там у нее появилось еще очень много болезней, на сей раз действительно опасных.

— У ее детей болезнь развилась бы еще сильнее. А еще прибавьте болезни возможного мужа, а наследственные болезни, передающиеся в третьем поколении. Что бы она произвела на свет? — Максим закончил свою пылкую тираду и вдруг почувствовал всю бессмысленность спора. Эмоции покинули его, тело налилось силой, сердечный ритм пришел в норму.

Знахарь продолжал что-то доказывать конвоиру, но тот не обращал на него никакого внимания. В конце концов он понял, что потерял собеседника и снова впал в ступор. А пейзаж за окнами «Доджа» не менялся — все та же унылая местность и надоедливый мелкий дождь.

* * *

Дождь все больше усиливался. Максим не мог разобрать, далеко ли еще до условных границ внутреннего Берлина. Указатели на трассе были убраны, скорее всего, изгнанниками, поэтому агент конвоя ехал наугад. Знахарь, как и в самом начале пути, не подавал никаких признаков жизни, но продолжал пристально следить за Максимом в зеркало заднего вида, ловя каждое его движение. Бензин подходил к концу, необходима была короткая остановка, чтобы достать из багажника новую канистру и заправиться. Но вдруг машину сильно повело, Максим на короткое время потерял управление. Огромных усилий стоило ему удержать «Додж» на дороге и затормозить, не вылетев в кювет.

— Что случилось? — знахарь выглядел напуганным.

Максим не стал отвечать, а просто вышел

из машины. То, что он увидел, подтверждало самые худшие его опасения — все четыре колеса были проколоты. Это означало одно — «лежачий полицейский». Поставить такую примитивную ловушку могли лишь изгнанники, техническая мысль Конфедерации давно шагнула вперед. Конвоир не боялся преступников, по своим характеристикам он намного превосходил самого сильного и умелого из них. Любой агент его службы легко совладал бы со взводом повстанцев. Проблема состояла в том, что машина была нейтрализована, а добираться до места пешком можно сколь угодно долго, учитывая погодные условия и слабое знание местности. Необходим был новый транспорт. Груз мог значительно уменьшить скорость передвижения Максима и стать обузой при общении с местным населением.

Максим вернулся в салон и достал из-под сидения непромокаемый рюкзак. Первым делом он извлек из него помповое ружье, затем бросил на сидение куртку.

— Мы идем пешком? — знахарь начал разминать конечности.

Максим снова не ответил и начал заряжать ружье.

— А у вас нет чего-нибудь, что можно надеть на голову?

Максим молча вышел из машины. Держа ружье в руке, он открыл заднюю дверь. Знахарь подался вперед, намереваясь выйти из машины, но в ту же секунду получил сильный удар прикладом в лоб и потерял сознание. Конвоир достал из рюкзака веревку и связал пленника, так что тот при всем желании не смог бы пошевелить ни рукой, ни ногой. После этого он запер машину и отправился вперед по дороге в поисках любых признаков цивилизации.

Идти пришлось долго. Ничего похожего на людские поселения по обочинам видно не было. Опасность заблудиться удерживала от спуска с дороги. Через пару километров пути Максим увидел недалеко от дороги тусклые огни. По всему похоже, что это была хижина. Серьезной опасности люди, жившие там, представлять не могли. Воинственные повстанцы всегда уходили дальше от основных дорог, чтобы копить силы для террористических нападений на крайние поселения конфедератов. Близ магистралей внешних городов обычно жили либо бедняки, либо ждущие депортации. По сути, участь и тех, и других была одинаковой. Бедняки быстро под-

хватывали хронические заболевания и попадали в категорию подлежащих депортации.

Измазавшись в грязи по колено, Максим добрел до ветхой, покосившейся хижины. Окна ее сильно запотели от парового нагревателя, и разглядеть хозяев не представлялось возможным. Конвоир постучал в дверь. Послышались шаркающие шаги, и через минуту дверь открыл сгорбленный старик. При виде Максима дед вытянулся в струнку, лицо его выражало полнейший ужас.

— Здравствуйте, — промямлил он.

— Мне срочно нужна машина, — приказным тоном сказал конвоир.

— Я бы очень хотел вам помочь, но у меня нет машины. Я старый человек, мне не нужен автомобиль.

Максим пристально смотрел в глаза старику. Его взгляд был холодным и безразличным. Под этим годами выработанным взглядом хозяин хибары таял как лед весной. Он переминался с ноги на ногу, чесал подбородок и тщетно пытался отвести взгляд.

— Ты не впустишь меня, старик?

— Мое жилище слишком убогое, вы не найдете здесь уюта для себя.

Максим не стал спорить, а просто отодвинул

старика в сторону. В хижине было тяжело дышать, пар заполнил одну из комнат, и зайти в нее было невозможно. Оставшееся помещение напоминало гостиную. Посередине стоял стол, накрытый дырявой скатертью, и три стула. Конвоир оглянулся и вопросительно посмотрел на семенящего сзади старика. Тот замер в ожидании вопроса, но агент только приподнял бровь.

— Стулья эти со старых времен остались. Дочь с мужем в город перебралась, а мне убрать недосуг.

Максим подошел к настенному ковру и остановился, разглядывая этот раритет. Такие ковры давно вышли из моды, в больших городах все перешли на футуристическое оформление помещений. Да и сам ковер опасно было вешать в таких условиях. Постоянная сырость не шла вещам на пользу. Максим резким движением дернул ковер вниз. Он не ошибся, за ним скрывался стенной проем, ведущий в темное, душное помещение. Из мрака послышались быстрые шаги. Конвоир рванулся вперед и очень скоро повалил кого-то на пол. Быстрым сильным ударом он заставил тело под собой обмякнуть. В этот момент раздался выстрел и зажегся свет. Стреляли явно наугад, поэтому и результат ока-

зался соответствующим. Максим развернулся и увидел в проеме старика с двустволкой старой модели. Он не стал медлить и выстрелил в него из пистолета. Агенты поисково-конвойной службы не промахивались. Старик покачнулся и упал замертво. Максим лежал на женщине, рядом валялась переносная кроватка, из которой слышался детский плач. Конвоир поднялся и подошел к ребенку. Все было понятно: старик прятал дочь, подлежащую депортации с заведомо больным ребенком. Он, конечно, рассчитывал, что дом у дороги не вызовет никаких подозрений, тем более что у него наверняка есть сертификат о здоровье.

Женщина на полу еле заметно зашевелилась. Максим два раза легонько пнул ее ногой. Она тяжело перевалилась на спину и с ненавистью уставилась на обидчика.

— Все-таки вычислили.

— Рано или поздно вас бы нашли.

— У моего ребенка только порок сердца, это можно лечить. Почему вы не оставите нас в покое?

— Вы мне и не были нужны. Мне нужна машина.

— Зачем же вы…

— Благодарите отца, он отказал мне. Подходя к дому, я заметил на заднем дворе автомобиль. Не нужно было врать. Он и сейчас мог бы жить.

— Вы убили отца? — женщина молча заплакала.

— Мне пришлось. А теперь мне придется забрать и ребенка.

— Что?! — женщина попыталась вскочить, но нога конвоира надежно прижала ее к полу. — Прошу вас, нет!

— Это моя работа. Я не отступаю от правил, так спокойнее спать.

— Тогда убейте меня. Вы разом отняли все. Мне незачем больше жить, — на сей раз она зарыдала в голос.

Максим поднял кроватку и направился к выходу. Мать ребенка, не желая смириться с потерей, на коленях ползла за конвоиром, в бессилии протягивая к нему руки. Максим уверенно двигался ко входной двери, но дойдя до нее, неожиданно остановился и оглянулся. Женщина, истекая слезами и не в силах издать ни звука, простирала к нему руки. На лице мужчины не дрогнул ни один мускул, и только в глазах на секунду мелькнула едва заметная печаль. Он постоял пять секунд неподвижно, затем достал пистолет

и выстрелил женщине в лицо.

* * *

Мелкий дождь превратился в ливень, Максим весь промок, как и кроватка с ребенком, который кричал не переставая. Конвоир не обращал на его страдания ни малейшего внимания. Машина разрушенной им семьи так и не завелась, по всему похоже было, что сел аккумулятор. Вариантов не было, нужно было идти назад к машине, чтобы взять груз с собой, в надежде на то, что вдвоем завести машину будет проще.

Приближаясь к «Доджу», Максим почуял неладное. На первый взгляд все оставалось по-прежнему, но выработанное годами чутье не могло его подвести. Он осторожно приблизился к пикапу, держа пистолет наготове. Темнота и мокрые стекла не давали разглядеть происходящее в салоне. Максим рывком открыл заднюю дверь и в ту же секунду рухнул на колени, получив сильный удар по затылку. Последней его мыслью перед потерей сознания было недоумение, каким образом к нему смогли подкрасться — его обостренный слух должен был уловить малейший звук. Так и не разобравшись в случившемся, конвоир провалился во тьму.

* * *

— Агент, у тебя вообще совесть есть? — этот вопрос стал первым, что услышал Максим, придя в себя.

Он огляделся. Его окружало помещение, похожее на тюремную камеру, не было только унитаза и умывальника. Похоже, это была переделанная комната, из которой убрали всю мебель и врезали решетку вместо двери. Максим лежал на импровизированных нарах, основой для которых и послужила ненужная дверь. Окон в помещении не было, а подсветкой служила тусклая лампочка. Напротив решетки сидел знахарь и, как всегда пристально, смотрел на пленника.

— Я многое могу понять, — продолжал Порохов, — но красть ребенка! У тебя что, другой работы не было? Или ты постоянно проявляешь инициативу? Не кажется ли тебе, что ты слишком увлекся своей вероломной работой?

Максим быстро оценил ситуацию: действие стимулятора еще не закончилось, он мог бы попытаться вырваться, но решетка отнюдь не выглядела хлипкой. Оставалось ждать, прикидывая, зачем его оставили в живых. «Лежачий полицейский», конечно, не был случайно забыт

на дороге. Удивительно, почему он сразу не принял этого в расчет. С другой стороны, их маршрут был засекречен. Он и сам не знал, зачем нужно было ехать в Берлин. Ни одному здравомыслящему человеку не могло прийти в голову, что груз может направляться куда-либо, кроме Москвы. Или могло?!

— Надеюсь, ты не собираешься броситься на меня, ломая решетку, — знахарь, безусловно, угадал первую мысль Максима. — Здесь все сделано на славу. Кстати, тебе не интересно, почему мы не оставили тебя умирать на дороге или вовсе не убили? Молчишь? Ну, это не удивительно, ты еще под действием стимулятора. Ничего, скоро это закончится и у тебя не останется выбора. Ты снова станешь человеком, как мы. Со всеми нашими слабостями и физическими недостатками. А пока послушай. Ты, как и любой конвоир, не осведомлен о сложившейся сейчас ситуации. Ты маленький человек, которому и знать нужно мало. Именно поэтому твоя смерть нам не нужна. В отличие от вас, мы стараемся сохранить жизнь, когда это возможно. Те преступления против человечества, которые совершались твоими руками, имеют к тебе лишь косвенное отношение.

Порохов прокашлялся, вытер руки платком

и приподнялся. Было видно, что его до сих пор мучили боли, вызванные долгим пребыванием в кандалах. Он старался активнее разминать конечности.

— Не скрою, — продолжил знахарь, расхаживая по небольшому коридорчику перед камерой, — ты для нас интересен. То, что с вами делают ваши стимуляторы, может пригодиться и нам. Если ты не заметил, тебя вырубил тебе подобный. Никто из простых смертных не смог бы подойти так аккуратно. Ведь так? Не удивляйся, твои собратья уже давно работают на нас, правда, еще в недостаточном количестве. Ты просто должен понять, что мало чем от нас отличаешься. Ведь не секрет, что стимуляторы не способствуют хорошему здоровью. Помнишь слабость, когда препарат перестает действовать? Ты ведь ни на что не способен в эти минуты. Твое сердце сильно сдает, и когда-нибудь оно остановится. Ты болен, как и мы.

Максим сразу понял, чего от него хотят. Большая часть речи преступника была лишней для его ушей. Его вербовали. Не было смысла отмалчиваться, шанс выбраться был, нельзя было его упускать.

— Вы что-то путаете. Конвоиры изначально

не были больны. Мы шли на риск сознательно. Каждый из нас перед переходом на стимуляторы успел произвести здоровое потомство. Наши беды — плата за дальнейший прогресс человечества.

— Ты заговорил! Неужели препарат отпускает? — знахарь улыбнулся. — Считаешь свою службу благородной? Это далеко не так! Сама история вашего ведомства порочна. Ты знаешь истинную причину создания службы поиска и конвоя?

— Мне это преподавали в учебном центре.

— Сомневаюсь! Ты никогда не задумывался, зачем, имея хорошо оснащенную армию, создавать отряды заведомо обреченных солдат?

— Наша служба более эффективна, чем армия.

— Разве? Чтобы уничтожать разрозненные отряды изгнанников, не нужно иметь сверхчеловеческие способности. Для этого достаточно направить к ним спецназ. Но ведь должна же быть логика в вашем существовании! Ты помнишь, кто был первым конвоиром?

— Антон Дубровский, сын нашего лидера.

— Да, а я в свое время был личным врачом семьи Дубровских. Моя безупречная репутация не давала повода усомниться в моей надежности.

Я один знаю тайну Петра Дубровского. Его сын был неизлечимо болен с рождения. Порок сердца. По закону он должен был быть изгнан в Африку. Но диктатор не мог этого позволить. Это бросило бы тень на него самого. Поэтому в секретных лабораториях был разработан препарат, компенсирующий недостатки сердечного здоровья человека. Именно он и послужил основой для вашего стимулятора. Но рано или поздно стимулятор убивал того, кто его принимал. За короткое время он вызывал необратимые сердечные процессы. Принимающий переставал быть здоровым индивидом. Многим это было понятно сразу, и никаких вопросов по поводу исходного состояния солдата не возникало. Проблемы с сердцем являлись закономерностью.

— Это ничего не меняет. Был найден простой выход из положения. Появилась возможность использовать потенциального врага в своих целях.

— Хорошо, можно спросить? Ты родился здоровым?

— Да.

— Получается, не было необходимости сажать тебя на препарат.

— Я пошел на это добровольно.

— Естественно! Добровольность стала частью

системы. Тебя убедили, что ты берешь на себя почетную роль. А на деле Дубровский обрек на смерть многих тебе подобных, чтобы сохранить тайну своего сына. Он обеспечил систему избыточной долей расходного материала, которым можно пренебречь. Борясь с патологиями, он сам плодил больных людей, — Порохов улыбнулся, он был доволен той логической конструкцией, которую смог выстроить перед пленником.

Максим не спешил обрадовать знахаря своим удивлением. Он никогда не задумывался над тем, зачем была создана его служба, да это было и не важно. Главное, что конвоиры могли обеспечить достойную жизнь своим детям. Без этих преимуществ Максим обрек бы сына на бедность. Долгое время опальный журналист вообще не мог найти работу. Гордость не позволяла идти в чернорабочие, а копившаяся злость могла утонуть только в алкоголе. У него не было выбора, ему пришлось пойти в конвой.

Порохов заметил, что пленник равнодушен к его доводам, что немало расстроило его. Он постепенно начинал злиться, и оттого речь становилась все более эмоциональной.

— У тебя же есть ребенок?! Ты давно его видел?

— Он живет на попечении государства.

— Да, и тебе запрещают с ним видеться. А знаешь почему: ты больной, и не только сердцем. Стимуляторы расшатали твою психику. Ты много спишь? Думаю, нет. Пару часов в день, да и то не спишь, а будто сознание теряешь. Ты не видишь снов. Да ты и не человек в полном смысле этого слова.

— Это не имеет значения, я сделал для сына все.

— Что — все, отобрал у него отца? Или нет, отобрал не ты, а Дубровский.

Максим улыбнулся, он видел, что Порохов выходит из себя. Только этого он и ждал. Теперь он должен допустить ошибку, нужно только ждать.

— Значит, Дубровский диктатор и преступник, — Максим смотрел в глаза знахарю, взгляд которого потерял свою пристальность. — Вы при этом представляетесь святым борцом за счастье людей?! Но основным вашим преступлением является кража человеческих органов. Вы режете здоровых, спасая больных. Сколько людей обрекли вы? Думаю, не меньше Дубровского.

Порохов замялся, он явно ожидал меньшего сопротивления от конвоира. Бросив напоследок, что придет позже, он удалился. Максим не смог

удержать его на близком расстоянии. Он упустил шанс, который может больше не представиться.

* * *

Максим не спал. Он не отрываясь смотрел в потолок и покорно ждал, пока действие стимулятора прекратится. Недостаток движения продлевал действие препарата и давал надежду на спасение. Весь запас стимулятора у него изъяли, оставалось лишь две капсулы, о которых они не могли знать. Препарат был вшит в мягкие ткани, но достать его возможности не было. Нужен был любой острый инструмент, но в камере не было ничего подобного. Поэтому когда решетку, наконец, откроют, у него будет крайне мало времени на действия.

Неожиданно тишину потряс истерический женский крик. Затем поднялся такой шум, будто рядом пробегало стадо гигантских муравьев. Максим напрягал слух, чтобы разобрать хоть что из нечленораздельных криков, доносящихся снаружи. Звуков перестрелки не было, не похоже было и на шумы борьбы. Что же происходило? Отчетливо слышался только грохот и редкие короткие команды. В конце концов в коридорчик перед решеткой вбежал Порохов. Он был весь

в поту, лицо измазано в саже, в глазах полопались сосуды.

— У тебя есть шанс, — с ходу закричал он. — Наш бункер горит, там люди — помоги, и мы отпустим тебя.

— У меня мало времени, препарат отпускает.

— Значит, нужно действовать быстрее. Это в твоих интересах.

— Хорошо, я могу попробовать.

— Только помни, агент, у нас хватит сил совладать с тобой.

— Я это уже понимаю.

Порохов открыл решетку, и Максим спокойной походкой вышел.

— Быстрее, мало времени, — заорал знахарь.

Они спешно вышли из полуразрушенного здания и спустились в низину, из которой валил едкий черный дым. Бункер представлял собой подвал, вход в который находился на поверхности земли. Верхнюю балку дверного проема, явно из последних сил, удерживал от падения мускулистый мужчина. Судя по тому, что он продолжал выдерживать сильнейшее давление, это и был конвоир-перебежчик, так обидно доставший Максима.

Решение пришло незамедлительно — Максим

увидел лежащее недалеко бревно и рванулся к нему. Чувствуя, что сил осталось немного, он, как мог быстро, потащил массивную деревягу к подвалу. Пристроив бревно как подпорку рядом с опальным конвоиром, Максим сам что было сил уперся в балку.

— Держи, я помогу вытащить детей, — крикнул ему на ухо предатель и скрылся в подвальном дыму.

Максим подождал несколько секунд, а затем ударом ноги вышиб бревно из-под балки. Козырек входа обрушился, отрезав путь отступления пленникам горящего бункера. Голова агента кружилась, напрягая зрение, он рыскал взглядом по земле. На глаза ему попалась острая арматурина, годившаяся для дела. Максим быстро вспорол себе ягодицу и вытащил окровавленные капсулы. Не теряя времени, он откусил горлышко одной из них и проглотил содержимое. Через несколько секунд начался привычный прилив сил, агент пришел в норму.

— Что ты наделал?! — растрепанный знахарь быстро приближался к бункеру. — Чертов кретин! — Порохов потянулся к кобуре с пистолетом.

Максим легко преодолел разделявшее их

расстояние и мощным ударом отправил преступника в нокаут.

* * *

Неофициальная граница внутреннего Берлина была уже совсем близко, Максим, не торопясь, вел фордовский фургон, совсем недавно принадлежавший группе повстанцев. Ребенок, кричавший всю дорогу от сгоревшего бункера, наконец успокоился. Опасность миновала, изгнанники никогда не подходили так близко к владениям Конфедерации. Можно было расслабиться, если это вообще было возможно под действием стимулятора.

— Бессовестные сатрапы! — стонал знахарь на заднем сидении. — У вас вообще не осталось ничего человеческого! Там же были дети! Да что я говорю, ты был самим собой. Только вот те, за кого ты сражаешься, хотели тебя списать.

Максим поднял бровь и посмотрел в зеркало заднего вида, давая понять, что знахарь может продолжить.

— Тебе приказали отвезти меня в Берлин. Не странно ли? Думаешь, хотели сбить моих людей с толку? Нет! Они хотели, чтобы мы сгинули в одной из «неспокойных» зон. Нельзя допустить,

чтобы я слишком разговорился, это может подвигнуть людей к невеселым размышлениям. А вот если мы с тобой погибнем — ты героически, а я позорно, — то можно будет сказать, что я погиб от рук собственных подопечных. Красиво бы это звучало: здоровый помогал неполноценным и погиб из-за их природной неблагодарности.

Максим усмехнулся и промолчал. Может быть, знахарь был прав, но это ничего не меняло. Матерый конвоир при любых раскладах мог выбраться из потасовки. Никто бы ничего не сказал, если бы у него были доказательства смерти преступника.

— Сам посуди, — не унимался Порохов, — вся Конфедерация строилась на базе тоталитарных столиц: Минск, Белград и так далее. В них легче навести порядок, а еще легче его поддерживать. Берлин постоянно лихорадит, доехать до него целая проблема. В добавление ко всему ваша служба не воспользовалась самолетом. Не слишком ли много странного?

Максим слушал доводы груза вполуха. Главное было добраться до условленного места и передать преступника из рук в руки.

— Странно, что ты еще ребенка с собой взял, а не оставил там умирать. Вообще откуда он

у тебя? А в общем, не важно. Ты везешь его не от того, что любишь детей. Ты и сына своего не любишь, раз отдал его в Приштинский интернат. Думаешь, о нем хорошо заботятся?

Максим вновь приподнял бровь. Он никогда не слышал о Приштинском интернате, да и не интересовался он судьбой сына. Не было необходимости знать это. Ясно было одно: он никогда не увидит своего ребенка. Память много раз возвращала его в те дни, когда он менял сыну пеленки, качал его на руках, фотографировал его первые шаги. Эти воспоминания оставались тем немногим, что связывало его с прошлой жизнью, совершенно отличной от той, что он проживал сейчас. Под действием стимулятора память становилась короче, и он незаметно забыл имя сына, и в те недолгие секунды после приема препарата часто горевал об этом. Отрывочные кадры из жизни с сыном стали последней его святыней, которую он из последних сил держал в памяти, вместе с тем, что слишком поздно опомнился, спешно теряя большую их часть.

Максим удивился: ностальгические мысли на пару мгновений охватили его, несмотря на то, что он совсем недавно принял препарат. Необходимо срочно проконсультироваться с медиками.

А может, и не стоит, он и так не потерял сноровку.

* * *

— Спасибо за работу, — старший пристав пожал Максиму руку. — Теперь ему несдобровать. Жалкий человечек, — он указал на знахаря, — я думал, он поздоровее.

За время пути Порохов действительно заметно осунулся и исхудал. Его проницательный взгляд исчез совсем. Казалось, за несколько дней он превратился в старика.

— Вы можете выбрать отдых на Кубе или в Венесуэле в качестве награды. Все как обычно, — продолжал пристав.

— Благодарю вас, — начал Максим, — но я бы предпочел посмотреть суд над Пороховым в Белграде.

— Это ваш выбор, — пристав пожал конвоиру руку на прощание и дал знак охране вести его в терминал аэропорта.

Неожиданно знахарь встрепенулся.

— Хочешь в Белград?! Да к чертям тебя, — на секунду он замер. — Черт, Белград, Приштина, СУКИН СЫН!

От истеричного крика преступника дрогнули

даже охранники, но Максим продолжал невозмутимо идти, даже не обернувшись. Он уходил все дальше, а Порохов продолжал оборачиваться на каждом шагу, в надежде хоть на секунду встретиться взглядом со своим конвоиром, этим, казалось бы, воплощением жителя древней Спарты.

Владимир Чакин

Закончил МИФИ по специальности «Физика

металлов и металловедение», кандидат технических наук. С 2007 года живет в городе Карлсруэ, Германия, работает в международной команде над проблемой создания материалов для термоядерного реактора будущего. Является автором и соавтором примерно сорока статей в зарубежных научных журналах, таких как «Fusion Engineering and Design», «Journal of Nuclear Materials», «Physica Scripta» и других.

Художественной литературой интересовался с детства, занимал призовые места в конкурсах юных поэтов, на которые за руку водила Вову мама. Наиболее «тонизирующими» для Владимира являются научная фантастика и литература мистики и ужасов, хотя «Доктор Живаго», «Герой нашего времени», «Война и мир», «Идиот», «Мертвые души», «Тихий Дон», «Алые паруса» — «вне всякой конкуренции». Собственные литературные публикации до последнего времени ограничивались региональными газетами и журналами, однако в настоящее время ситуация меняется к лучшему. В частности, готовятся к печати сборники рассказов «Заброшенное кладбище» и стихотворений «Возвращение к себе». Кроме того, исследуются возможности жанра Fan fiction быть конкурентоспособным

в литературе: написаны три из шести задуманных повестей-сказок серии «Черный Эдельвейс» как продолжение и развитие мира «Волшебная страна» писателя А. М. Волкова. В планах также научно-фантастический роман о будущем человечества и автобиографический роман-воспоминание.

Шайтан придет

1

— Мама, что ты хочешь? Попить?

Мира наклонилась к женщине с изжеванным желтым лицом, которая распласталась на кровати, чуть поворотив голову вправо, к стене.

— И-и-и, — раздалось в ответ.

Голос неестественно тонкий, неприятно режет слух, не иначе сдает щитовидная железа. Но Мира все-таки поняла, мать действительно хочет пить.

— Сейчас, подожди.

Прошла на кухню и набулькала минералки в чашку. Вернулась и, приподняв голову матери, влила в рот несколько капель. Женщина, не открывая глаз, жадно сглотнула первую порцию влаги, но тут же слегка отшатнулась.

— Напилась?

Женщина еле заметно кивнула. Она часами лежала с безучастным видом, закрытыми глазами и практически без движения. Лишь иногда дергалась под одеялом левая нога — и не то чтобы дергалась, а лишь немного сгибалась в колене,

оставаясь в этом положении несколько секунд, затем возвращалась в исходное состояние. Как будто женщина проверяла себя, не потеряла ли она полностью способность двигаться. До восьмидесятилетия оставалось три дня, а женщина поставила себе целью дожить, обязательно дожить до славного юбилея. А это было отнюдь не безусловным в ее сегодняшнем положении.

Звонок в дверь. Мира открыла.

— Мама, это врач.

Высокая женщина с миловидным лицом и плоской, сельдеобразной фигурой скинула плащ и осталась в белом халате, аккуратно выглаженном, халате, который она всегда надевала при выездах к больным на дом. У нее есть два халата для таких выездов, она надевала их по очереди и никогда не надевала один халат два раза подряд, обязательно стирала в тот же день, сразу после возвращения с выезда. А больных, в основном лежачих, на один выезд приходилось, как правило, не менее десятка.

— Как вы себя чувствуете, Антонина Пафнутьевна?

Вопрос остался без ответа, и врачиха обратилась к Мире:

— Как ваша мама?

— Без изменений. Слабенькая, кушает с ложечки, порой приходится уговаривать. Подгузники каждое утро меняю. Сегодня, кстати, остался сухим. В туалет по-большому уже неделю не ходит.

Врачиха кивнула, достала из ранца стетоскоп, прибор для измерения давления.

Выполнив процедуры, обратилась к Мире:

— У вашей мамы хорошее сердце и легкие в норме, никаких посторонних шумов. Вижу пролежни на спине у шеи с правой стороны, регулярно обрабатывайте их камфорным спиртом, не запускайте. Да, слабительное, удвойте норму. В целом состояние стабильное, причин для беспокойства пока нет.

Мира кивнула, отвела глаза. Врачиха внимательно взглянула на нее и спросила:

— Вам пора возвращаться? Вы, кажется, из Омска?

Мира вздохнула.

— Не то чтобы пора… Муж справляется, но…

— Понимаю, семья. Дети есть?

— Дочь, студентка, взрослая, живем в клетушке однокомнатной. Трудно им без меня…

Врачиха поднялась, поманила Миру за собой и прошла на кухню.

— Вот что я вам скажу. Мама ваша безнадежная,

но сердце здоровое, поэтому прогноз благоприятный. Такое состояние может длиться месяцами и годами.

Мира охнула.

— Я приехала месяц назад, когда мама отключилась. До этого соседки помогали, хорошие женщины, а сейчас нужен постоянный уход.

— Да, у нее был микроинсульт. Сейчас сознание сужено, она почти ничего не чувствует и не понимает.

— Не знаю, что делать, я не смогу здесь долго находиться, все бросить там…

— Понимаю. Наймите сиделку…

— Сиделку? С мамой нужно находиться постоянно, а социальные работники могут заехать лишь на пару часов в день. За постоянного человека нужно платить бешеные деньги, откуда они у меня?

— Ну не знаю, думайте, здесь все в ваших руках. Только имейте в виду, если мать останется без ухода, брошенной, я отправлю ее в дом престарелых, а эта квартира отойдет государству в счет оплаты содержания вашей матери.

Врачиха распрощалась и ушла, оставив за собой легкий запах жимолости.

2

Ближе к вечеру позвонил Виталий.

— Как ты там?

— Все по-прежнему, без изменений. Сегодня врач приходила, говорит, еще долго…

— Что долго? Ты же говорила, что плохая теща.

— Говорила, но сердце у мамы здоровое, так что как теперь будет…

— Погоди, ты что же, там остаешься? А мы, а работа твоя?

— Виталик, я понимаю, но что же делать, за ней нужно постоянно смотреть, нельзя бросать. Врач сказала, что квартиру эту можно потерять.

— Как потерять?

— Государство заберет, если маму отправят в дом престарелых как нуждающуюся в постоянном уходе.

— Как это заберут квартиру, что за ерунда?

— Закон такой, в счет платы за содержание в доме престарелых.

В трубке повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь сухим треском далеких разрядов.

— Виталик…

— Что Виталик, что Виталик! Ты понимаешь, ведь нам нужна эта квартира? Машке уже два-

дцать, а мы живем втроем на двадцати метрах в одной комнате! Она не ночевала дома два раза, пока ты там прохлаждаешься! Взрослая дочь уже, опомнись, дорогая!

— Виталик, погоди, что ты кричишь, конечно, все так, но что мне-то делать, что я могу?

— Что хочешь, то и делай, а я пошел за водкой.

— Постой, Виталик, тебе же нельзя, опять сорвешься! Ты же два года как закодированный, сколько делов было!

— Да плевать я хотел на всех вас, одна болтовня! Люблю, люблю — что ты мне лапшу вешаешь? Одна у мамы осела, все бросила, другая по ночам где-то шатается, в гулящие записалась.

— Не надо, Виталик, не пей, я что-нибудь придумаю!

— Что ты можешь придумать, сидишь там, сопли жуешь. Ну и сиди дальше, кому ты нужна, курица долбаная.

Виталий бросил трубку, а Мира еще несколько минут смотрела в пустоту. У нее все спуталось в голове, она никак не могла сориентироваться, прийти в себя. Кухонный шкаф, плита, раковина то теряли резкость, расплываясь в тумане, то вновь обретали четкие границы и становились овеществленными предметами.

Что, что он говорит, как это все неправильно, несправедливо! Она же и приехала к матери в расчете на то, что конец не задержится, у нотариуса подать заявление о вступлении в наследство, потом через полгода продать мамину квартиру и с этой доплатой купить в Омске двухкомнатную. Разве она виновата в том, что у мамы здоровое сердце, что она будет еще долго жить?

Машинально Мира потянулась за бутылкой с минеральной, хлебнула из горлышка, да неудачно, и страшно закашлялась, мотая головой и долбя себя кулаком в грудину.

3

Около восьми вечера зашла соседка, живущая двумя этажами выше, татарка Дина. Эта пожилая сухонькая женщина в возрасте далеко за шестьдесят после выхода на пенсию отчаянно ударилась в религию, посещала мечеть, читала Коран, учила арабский язык и вообще пять раз в сутки молилась, совершала намаз по всем правилам, то есть перед каждой молитвой принимала душ и переодевалась в чистую одежду. Ко всему три года назад Дина в составе организованной группы из Казани совершила хадж в Мекку и Медину, где проживал когда-то пророк Мухаммед.

— Здравствуй, Дина.

— Здравствуй, Мира. Как у вас дела?

— Что ты, Дина, спрашиваешь, что тут может быть нового? Приходила участковый врач, сказала, сердце здоровое, состояние стабильное.

— Вот и хорошо, значит, поживет еще Пафнутьевна. А я зашла по дороге, кошкам еду носила.

— Молодец, Дина, ты так за ними ухаживаешь, каждый день кормишь.

— А что мне, все равно еда остается, хватает на всех.

— Сколько сейчас кошек в подвале?

— Пятнадцать. В прошлом году кто-то всех отравил, все передохли, а сейчас опять собрались. Эта красавица трехцветная окотилась, подросли уже котята, молоком отпаивала.

— Возьми у меня, там котлетка осталась, суп какой-то, отнеси кошкам. Мама ведь не ест почти ничего, да и у меня нет особо аппетита.

— Корми маму, через силу заставляй. Вся сила от еды получается.

— Кормлю, вкусненькое когда приготовлю, что всегда мама любила. Вчера вот супчик грибной сварила из сушеных опят, сегодня омлет покушала. Только ведь съест три ложки и не хочет больше.

— Лежит, вот много организму и не требуется.

— Дина, а правда, что мы для вас неверные? Что же ты ходишь к нам, маме помогаешь?

— Помогать нужно всем нуждающимся людям, какой бы веры они ни были. Аллах все видит и все поймет.

— А вот у вас, чтобы в рай попасть, что нужно сделать?

— Нужно хорошие дела делать для людей и животных всех, нужно молиться…

— Так значит, ты себе место в раю зарабатываешь, когда кошек кормишь и к маме по-соседски заходишь?

Дина косанула на Миру, но сдержалась и ответила спокойно:

— Можно и так сказать, если хочется. Аллах Всемогущий во всем разберется и оценит всех по заслугам их. Нужно жить по совести, не делать зла, а то шайтан придет.

— Шайтан? А кто это такой?

Дина смутилась, поправила платок на голове.

— Ох, зря я это сказала, нельзя вообще упоминать про него, не было бы худо.

И Дина в расстроенных чувствах ушла, бормоча под нос молитву.

4

Засыпала Мира здесь всегда трудно. До двенадцати бубнило радио, которое всегда слушала мама. Сейчас слышит — не слышит, а традиция сохранилась, выключить Мира не смела.

В комнате темно и тихо. Вещи как будто затаились. Ни звука не доносится со стороны, противоположной от окна, где мамина кровать. Мира лежит прямо под окном, на стареньком диване со скрипучими острыми пружинами, впивающимися в бок при каждом неосторожном движении.

Из окна чуть сочится рассеянный лунный свет, от которого в комнате появляется какая-то зыбкость, неустойчивость.

Мира прикрыла глаза и попыталась припомнить что-нибудь приятное из своего детства. Как назло, в голову лезли всякие дурацкие мысли. То вспомнилось, как за ней гонялся с кочергой в руках в стельку пьяный, слетевший с катушек отец. Это он рассвирепел за то, что она защищала мать, задержавшуюся с какой-то очередной общественной гулянки. То вдруг всплыла сцена из школьной жизни, кажется, шестой класс. Учителка истории говорит ей в лицо при всем классе,

какая она уродина и кому она будет нужна, если еще и учиться хорошо не будет. Почему уродина, никакая она не уродина, а вполне нормальная внешне, пусть и не красавица. За что она меня так — кажется, не выучила что-то про Средние века. Да, историчка была не подарок. Мира вздохнула и повернулась на правый бок.

И вместе с мерзким скрипом пружины услышала какой-то посторонний звук со стороны материной кровати. Как будто кто-то шлепнул голыми ногами о деревянный пол. Так отчетливо и звонко прозвучало это в тишине комнаты, что Мира невольно вздрогнула, приподнялась на руках и бросила туда взгляд. И даже как-то поначалу не слишком удивилась, увидев, что мать сидит на кровати, спустив ноги на пол, и даже силится подняться. Попытки встать на ноги, видимо, требовали от нее огромных усилий, мать фырчит от злости, но не сдается, пробуя подняться снова и снова.

— Мама, как ты, как смогла сесть?

Мира не верит своим глазам. Месяц с лишком без движения, а тут вдруг взять и самой подняться с кровати?! Это похоже на чудо!

Мира хотела вскочить с дивана, подойти к маме, обнять, помочь ей подняться. Бескрайнее

ликование охватило ее душу, ведь маме явно лучше, она даже пытается встать на ноги!

Но что-то во всем этом было не так, неправильно, не по-настоящему что ли. Дело в том, что Миру саму как будто сковало морозом в одну ледяную глыбу. Как ни старалась, она не могла шевельнуть и пальцем. Смотрит на руки, а они как не свои, не хотят ничего делать, не подчиняются — и все тут, будь они неладны! И ноги, и все тело, и голова — в странном оцепенении. Только и можно что смотреть вперед, на маму.

А у мамы все выходит гораздо лучше. Вот она, наконец, поднялась во весь рост, пошатываясь, шагнула, еще раз, еще. Вот она уже в двух шагах от дивана!

Остановилась. Смотрит.

— Мира, — и голос-то у нее почти такой, каким был раньше, никакой не тонкий и не противный, каким стал после инсульта.

— Что, мама? — Мира говорить может, но не знает, что говорить. Что тут скажешь, когда на твоих глазах происходит этакое диво?

— Доченька, прости меня, я так виновата перед тобой.

— Что ты, мама, — Мира в крайней растерянности. Она видит, как мать осторожно наклоняется,

медленно опускается на колени. Потом протягивает руки. Они почти касаются лица Миры.

— Прости меня, Мира, за все прости. Моя бесконечная общественная работа — это неправда, у меня был другой человек, я его любила, а не твоего отца. Я наплевала на семью, бросила вас. Потому отец и пил, что догадывался обо всем. И это именно я виновата в его ранней смерти. Ты была тогда совсем ребенком, многого не понимала.

На глазах у матери блеснули слезы, слезы в лунном свете, лунные слезы.

И тут по всему телу Антонины Пафнутьевны сверху вниз пробегает крупная дрожь. Такие устойчивые всегда, предметы в комнате вдруг сдвинулись с места и медленно пошли по кругу, центром которого была Мира. Шкаф, телевизор, окно, дверь, снова шкаф — величественно проплывают перед ее затуманенным взором, постепенно набирая скорость и деформируясь, искажаясь, теряя устойчивость формы. Шкаф прогнулся в немыслимо прекрасном па а-ля Нуриев, окно теперь больше напоминает изящную угловатую бессмыслицу на картине Кандинского, телевизор — поросший бархатно-зеленым мхом валун в отрогах Урала. Все быстрее и быстрее про-

носятся перед ней преобразившиеся, заигравшие неземными красками, такие знакомые когда-то вещи, и уже как будто начинают стираться границы между материальными формами, и все окружающее начинает переплетаться в изящной, таинственной вязи.

Мира постепенно оказывается в центре удивительной воронки с бешено вращающимися, расцвеченными неземной гаммой цветов стенками. Она как будто свободно парит в пространстве, но что-то становится не так, ее неотвратимо тянет вниз, где в туманном, шевелящемся сумраке прячется бесконечно отвратительный и ужасный некто. Ее охватывает животный страх, она не хочет вниз, она сопротивляется, но все напрасно, ведь нет никакой опоры вокруг, все такое воздушное, скользкое, гладкое. Мира извивается всем телом, напрягает все силы в агонии желания жизни, тянет руку к руке матери, которая оказывается рядом, касается ее! И тут же все исчезает.

Мира приоткрыла глаза. В комнате рассеялся мрак ночи, посерело, за окном тусклый осенний рассвет. Мать лежит на своем привычном месте, на кровати напротив, немного повернув голову вправо, к стене.

5

Про сон, приснившийся прошедшей ночью, Мира так и не вспомнила, хватало текущих забот. Она варила манную кашу и вспоминала вчерашний разговор с мужем. Положение отчаянное: и уезжать, бросая беспомощную мать, нельзя, и оставаться нет больше никакой возможности — муж срывается, дочь пропадает. Может, все пока еще совсем далеко не зашло, но без хозяйского надзора в семье уже наметился явный разлад, какой-нибудь еще месяц, и дальше осколков от былого семейного счастья уже не соберешь. Так дальше продолжаться не может, ясно как день, но что делать, как найти выход из этого явно безвыходного положения?

Мира доварила манную кашу, добавила в нее побольше сливочного масла, как мама всегда любила, подошла с тарелкой к матери. Взглянула ей в лицо. Равнодушное, отсутствующее выражение, как будто она вообще здесь ни при чем, посторонняя, чужая. Мать часто и в прошлом надевала эту маску отчуждения, когда хотела отдалиться, абстрагироваться от происходящего вокруг. Возможно, это была простая защитная реакция от преследований ревнивого мужа,

но Миру всегда сильно задевала эта странная манера поведения матери. В эти мгновения девочка казалась сама себе брошенной, беззащитной, никому не нужной. А сколько было в прошлом еще всего такого, которое хотелось бы скорее забыть, вычеркнуть из памяти навсегда, но которое назойливо и услужливо почему-то лезет и лезет из памяти, обдавая холодом ненависти и злости на незаслуженные прошлые обиды!

Мира смотрела на холодное лицо матери и недоумевала. Что ей еще надо? Могильный холод уже дышит в затылок, а она все пыжится, что-то кому-то доказывает, никак не уймется. Правильно говорят — горбатого могила исправит. Но где она, где эта такая желанная сейчас могила, сколько можно бесконечно терзать и мучить окружающих? Какая-то неведомая струнка тоненько тренькнула в Мириной душе и оборвалась навсегда.

Мира судорожно вздохнула, зачерпнула полную ложку каши, изливающейся растаявшим сливочным маслом, медленно понесла ко рту матери. Но остановилась на полдороге, замерла на мгновение, а потом живенько отправила содержимое ложки себе в рот. Не выдержала и бросила быстрый взгляд на мамино лицо.

Как будто какая-то тень мелькнула по нему и пропала. Или только показалось?

Все в первый раз получилось как-то очень естественно, можно сказать, непринужденно, но как-то по-садистски что ли? Сварила дочка кашку маме, поманила, а потом съела аппетитное варево сама. И не поперхнулась. В следующий раз, после полудня, когда подошло время кормления, Мира уже не носила еду в комнату матери, а кушала на кухне. Хлебала вкусный борщ, прислушиваясь к себе, и не чувствовала внутри ничего, никаких угрызений совести не было и в помине. Значит, она на верном пути, значит, так тому и быть.

Плотно пообедав, заглянула к матери, сунула руку в подгузник. Сухо. Уже второй день не мочится. Хотя вчера я ее, кажется, еще поила.

Вечером позвонил Виталик. Она сразу поняла, что это он, хотя в трубке на другом конце долго молчали и только сопели, не произнося ни слова.

— Виталик, что же ты молчишь, скажи хоть что-нибудь!

Мира постепенно теряла терпение, но держала себя в руках, не повышала голос — она хорошо представляла, что творится сейчас на душе фак-

тически брошенного мужа.

— Как дела? — его голос был угрюмым, хотя, кажется, не искаженным бурлящим внутри алкоголем. Значит, Виталик, держится. Молодец.

— Нормально. Я кое-что придумала, теперь все пойдет как надо.

— Что придумала?

— Ну, не будем об этом. Потом расскажу, не приставай, — на Миру вдруг напало странное оживление. Ей хотелось весело болтать, шутить, смеяться. Все идет как идет. Скоро все закончится и она вернется к мужу и дочери. Конечно, вернется, как же может быть иначе? — Как там Маша?

— А что Маша? Валяется, читает, готовится к сессии.

— Она дома?

— Где ж ей еще быть, дома, конечно, — Виталик, казалось, даже удивлялся вопросам Миры. Что ж, значит, пока все в семье наладилось, и слава Богу за это.

Ближе к восьми вечера по дороге к кошкам, с кастрюлей, наполовину заполненной объедками, зашла Дина.

— Ничего не осталось на ужин моим красавицам?

Дина выглядела уставшей, как-то жестче обыч-

ного проступали на лице морщины, пожухлые волосы неопрятно выбивались из-под повязанной серой косынки.

— Возьми из тарелки.

Дина переложила в кастрюлю огрызки колбасы, рыбные хвосты, потом прошла в комнату.

— Ну как ты, Тоня?

Антонина Пафнутьевна явно услышала вопрос, ее левая нога под одеялом дернулась и согнулась в колене, голова тоже шевельнулась, чуть приподнялась и вернулась в исходное положение, примяв подушку.

— Кушала сегодня? — Дина задавала обычные вопросы, которые она задавала уже многие месяцы, посещая лежачую соседку. Когда соседка еще была в силах, она отвечала на расспросы сама, сейчас рядом с больной находилась ее дочь, специально приехавшая из Омска ухаживать за больной матерью.

— Все в порядке. С утра мы покушали кашку, в обед борща давала. Помаленьку, но кушает мама.

Дина кивнула, но что-то ей показалось не так, она наклонилась к матери, спросила тихим голосом:

— Что ты, Тоня? Скажи, что тебя беспокоит?

Потом оглянулась на Миру, сказала:

— Что-то ее беспокоит, ты подгузник меняла сегодня?

— Сухо было, не меняла. Спать, наверное, хочет…

— Да-да, спать, конечно, — Дина погладила Пафнутьевну по плечу. — Ты корми ее обязательно, через силу, но корми, заставляй съесть хотя бы кусочек.

— Да кормлю я, кормлю, — Мира не заметила, что невольно повысила голос.

Дина удивленно взглянула на нее, добавила:

— В еде вся сила человеческая. Ты умница, все бросила, приехала маме помочь. Аллах все видит, во всем разберется и тебе тоже воздаст по заслугам.

Как-то нехорошо, неестественно прозвучали последние Динины слова, царапнули сердце Миры своим вторым, потайным смыслом. Как будто что-то знала Дина, о чем-то догадывалась. Или уже мерещатся всякие намеки на ровном месте?

Усталость навалилась тут на Миру, прямо с ног готова свалиться женщина от полной физической немощи, на нет обессилела от всего окружающего. Выпроводила она тогда по-скоро-

му из квартиры надоевшую соседку и рухнула без сил в объятия скрипучего, но такого родного дивана.

6

Лежит Мира на спине, смотрит отрешенно в потолок, по которому мечутся тени, порожденные призрачным светом из окна, и кажется ей, что плывет она на утлой резиновой лодке посреди бескрайнего моря-океана. Вокруг ночь глухая, тишина полная, покачивает лодку волна лениво, как бы нехотя, спросонья. А над головой совсем близко нависло тысячетонным черным колпаком бездонное звездное небо, затянутое порочной вуалью Млечного Пути. И такой пронизывающий холод идет оттуда, из глубины небес, что Мира вздрагивает всем телом, сбрасывая наваждение, трясет головой и садится на диване. Всякая дребедень снится, хоть глаза не закрывай.

Она встала, неловко пошатнувшись, как будто на самом деле стояла на плывущей лодке, покосилась на лежащую мать. Лежит и лежит себе, в тишине комнаты раздаются ее редкие вздохи. Упрямый крутой подбородок отчетливо чернеет на светлом пододеяльнике. Голова чуть вправо, глаза прикрыты. Сколько же ты еще так проле-

жишь, мама родная?

Что там вчера снилось, никак не удается вспомнить. А ведь что-то с матерью связано, кажется, но что, что именно? Вынесло из головы напрочь вчерашний сон, ничегошеньки не осталось в памяти. А может, это и к лучшему, что хорошего может присниться в такой нервной обстановке? А плохое и помнить ни к чему.

Мира отвернулась от матери, присела на диван. Радио что-то неразборчиво бубнило, значит, двенадцати еще нет. Вся ночь впереди, а сна ни в одном глазу. Когда же закончатся мучения? Когда она, наконец, уедет из этого проклятого города, который высасывает из нее последние силы?

Мира вздохнула тяжело и тут же почувствовала, что в комнате есть кто-то третий. Не увидела, а только почувствовала, почувствовала шестым или десятым чувством, всей своей измученной душой почувствовала. Огляделась испуганно. Никого, конечно, никого. Впрочем… Что там за тень в углу, за шкафом, неподалеку от матери. Просто тень или…

— Кто здесь? — почти выкрикнула она и вцепилась судорожно в края одеяла. — Кто там прячется?

— Без еды человек может прожить долго, чуть не месяц с лишним, но вот без воды — считаные дни. А если не кормить и не поить… — раздался из угла спокойный женский голос, как будто даже знакомый голос. — Точное решение проблемы, только…

— Кто вы? — не верила своим ушам Мира. — Как вы здесь очутились?

— Вы меня поняли именно так, как хотели понять. Все было в ваших руках, и вы сделали свой выбор.

— О чем вы говорите? Уходите, я не хочу вас слышать!

Из темного угла выдвинулась человеческая фигура, фигура во всем белом.

Мира судорожно вздохнула, хлоп-хлоп глазами:

— Участковый врач! Что вы здесь делаете?

— По вызову. Так ведь, Антонина Пафнутьевна? — обратилась она к лежащей матери. — Что вас беспокоит, аппетит никак появился? Водицы испить желаете?

Не дождавшись ответа, врачиха снова обратилась к ошеломленной Мире:

— Успокойтесь вы, на вашей я стороне, хоть и врач по профессии. Кому нужно это бессмыс-

ленное растительное существование? Кому нужно это обессилевшее старичье? Сами уже не живут фактически, а продолжают тянуть за собой в пропасть молодую жизнь. Да и если уж быть начистоту, не маячило бы вам этой квартиры в виде наследства — пальцем вы бы не пошевелили для больной матери.

— Кто вы такая, чтоб мне такое говорить? Я приехала к маме сразу же, как только поняла, что она не может без меня обойтись.

— Да, приехала, когда поняла, что теряешь все, а сейчас вообще заторопилась обратно. А мама вот еще пожить хочет, не так ли, Антонина Пафнутьевна?

— Поймите вы, у меня семья рушится, я не знаю, что делать…

— Как я понимаю вас! И почему у нас не Бельгия или Голландия? Легкий укольчик врача — и конец мучениям. Где-то читала, в древности на Руси был обычай отправлять стариков зимой в лес помирать. На сани кладут беспомощных бабушку или дедушку, везут сани в лес и оставляют на ночь. Утром приезжают и забирают окоченевшее тело. Тоже легкая смерть: когда замерзаешь, умираешь незаметно. Только поначалу тебе холодно, потом приходит тепло и засыпаешь

спокойно, навсегда засыпаешь. Счастливая смерть — заснуть и не проснуться. — Врачиха подошла вплотную к матери и говорила, как будто обращаясь только к ней. — За что, за что вы обрекаете вашу несчастную маму на смерть от голода и жажды? Это ужасная, мучительная смерть!

— Замолчите вы! — Мира вскочила в бешенстве и бросилась к врачихе, растопырив пальцы рук и намереваясь разодрать лицо непрошеной гостьи острыми ногтями. Шаг, другой, третий навстречу к белеющему в темноте пятну — но ее руки вместо человеческой плоти провалились в пустоту. И пятна-то уже никакого не осталось, растворилась бесследно проклятая врачиха, как будто вообще не было ее в комнате. Жуть!

Мира оглядывается в растерянности — куда она делась, куда спряталась? Все в комнате призрачно и туманно в лунном свете из окна. Смотрит на мать и видит, как ее лицо как будто светлеет, пропадает ужасная темная желтизна, разглаживается кожа, выправляются черты — мама молодеет, становится такой, какой она навсегда запечатлелась в памяти Миры с давних-давних пор, со времен раннего детства. Она была такой красивой, ее мама, такой ласковой и доброй! Как она любила мамины мягкие теплые руки,

когда она завивала косички на ее головке. Какой радостью и любовью светился тот волшебный мамин образ!

Но что это? На мамино лицо опустилась тень беспокойства, черты обострились, осунулись. Легкая гримаса боли исказила мамино лицо, из закрытых глаз выступили первые слезинки. Они медленно скользят по щекам, становятся крупнее и как будто теряют первоначальную хрустальную прозрачность. И вот уже огненно-красные капли крови сверкают и переливаются на искаженном от боли таком родном мамином лице!

Мира бросается к матери, обнимает, целует ее, бормочет ласковые слова, но что творится с маминым лицом, какие ужасные изменения происходят буквально на глазах! Лицо усыхает, сжимается, темнеет. И вот в дрожащих руках Миры оказывается лишь пустой череп, который легко отделяется от шейных позвонков. Мира с ужасом смотрит в пустые глазницы и видит в них проклятую клубящуюся мглу, от которой нет спасения. Серые липкие щупальца мглы медленно выползают из глазниц, растут, ширятся и охватывают удушливым плотным коконом тело Миры. Она сопротивляется изо всей мочи,

бьется, как муха в паутине, но кокон все теснее и теснее. Мира задыхается, удушье становится нестерпимым, она последним усилием дергается всем телом, пытаясь освободиться, и, наконец, просыпается.

7

Наутро у Миры разболелась голова. Затылок налит свинцовой тяжестью. Глаза готовы выскочить из орбит от мучительной внутренней ломоты.

И на этот раз сон полностью выветрился из ее головы. Помнилось лишь, что опять снился кошмар, каким-то образом связанный с матерью. Сон забылся, но внутри осталось смутное, неопределенное беспокойство.

Мира слетала в магазин за продуктами, зачем-то взяла водки, которую всегда терпеть не могла за чрезмерную крепость и мерзкий вкус. К матери после пробуждения не заходила, как-то не тянуло даже. Вышла рано утром оттуда, осторожно прикрыв за собой дверь и отрезав навсегда прошлое.

Долго жарила кусок говядины, тыча в него вилкой. Настоящая подошва, а не мясо, куда смотрела, когда покупала. Покойнице-корове лет

десять, не меньше было на момент заклания, а то и все двадцать. Дорогие продукты стали, за творог две сотни выложила, что за бешеные цены при наших зарплатах. Две сотни тю-тю, а есть нечего, пару раз побаловаться с чаем — и закончится творог. Не забыть завтра за квартиру заплатить и телефон, а то отключат, месяц не плачено. Ничего святого у людей не осталось, дерут три шкуры за все, а правды не добьешься. В дверь позвонили? Кто это там приперся? А, Дина, здравствуй, здравствуй… Что-нибудь кошкам? Найду, найду. Возьми у раковины на тарелке свежемороженую путассу, специально для твоих кошек сегодня купила. Пусть кушают, красавицы, им положено. Как мама? А что мама, все хорошо. Не нужно, не ходи туда, спит, не беспокой, не нужно. Не ходи, говорю, что, плохо слышишь? Да, кормила. Чем? Какая тебе на хрен разница чем? Продуктами кормила, чем же еще. Мясо, творог, колбаса тебя устроят? Почему так разговариваю? А как с тобой еще разговаривать? Ходишь тут, высматриваешь, вынюхиваешь. Кто тебя вообще приглашал? Недаром говорят, непрошеный гость хуже… Ты ведь татарка, Дина, да? Как там у вас боженька называется, Аллах, кажется? Плевать хотела на твоего шайтана, не боюсь я его!

Что-что? Нельзя так говорить — увижу и кирдык придет? Не свисти, милая, пусть только появится, я ему такое устрою, не взвидит света белого твой шайтан. Забодала уже своим шайтаном, сил моих больше нет. Ох, ушла наконец, дура старая, до чего прилипчивая, ходит-ходит, вынюхивает-вынюхивает… Кажись, мясо сготовилось, огурчиков маринованных достать из холодильника на закусь. Выпить хочется, трубы гудят! Что еще бабе для счастья нужно — выпить, закусить да мужичка покрепче. Виталик — слабак, одни понты кидает, а сам и минуты не продержится. Лешу бы сюда — эх, Леша, Леша, Лешенька, стомилась моя душенька! Где ты бродишь, друг мой милый, разгони мою печаль… Эх, жизнь моя, жестянка, а ну ее в болото! Это кто к нам пришел? Мамочка пришла, соскучилась никак, родная? Плохо одной лежать-куковать, бедная моя, как я тебя понимаю. Ну садись, садись за стол, выпей со своей доченькой за все хорошее. Теперь тебе лучше будет, на поправку пойдешь, и будем с тобой всегда вместе. Никому я тебя не отдам, заберу с собой, моя милая, моя ненаглядная…

8

— Что там на Ленина случилось, доложите.

— Позвонила какая-то бабка, сигналила на странное поведение соседки снизу. Вернее, не самой соседки, а ее дочери, которая приехала ухаживать за больной матерью. Поехал с нарядом проверить, мало ли что, странно все выглядит по описанию бабки, чуть не покушение на убийство — уморение голодом тяжело больной матери. Не открывала, пришлось ломать дверь. В общем, опоздали, товарищ майор…

— Опоздали… Что там случилось?

— Вскрыли дверь, проходим на кухню, а там — кровищи! Труп матери в сидячем положении у стола, прислонен к стене, обезображен до неузнаваемости. Восемнадцать ножевых ранений, все смертельные — в область сердца, лица и шеи. У ее ног на полу лежит женщина, по-видимому, как раз ее дочь. У этой голова отсечена почти полностью, на лоскутках кожи еле держится, как не отскочила от тела? Рядом с трупами на полу нож окровавленный, такой большой разделочный нож…

— Ваши версии?

— Что тут гадать, дело яснее ясного. Дочь ис-

кромсала мать, а потом и себя порешила.

— Ага, значит, убийство с последующим самоубийством. Мотивы?

— Опросил соседей. Получается, никогда дочь с матерью хорошо не жили, лаялись всегда, как собаки. Замуж вышла дочь, уехала в Сибирь, ни разу не приезжала до последнего времени. А тут матери совсем плохо стало, уход постоянный потребовался. Приехала дочка, да видать, быстро надоело за мамой горшки выносить…

— С мотивами понятно, хотя странно все, ведь не чужой человек, мать родная, не находишь, Бузыкин?

— А что удивляться, товарищ майор, в жизни оно по-всякому бывает. Помните случай в Ромодановке?

— Где маманя троих своих спиногрызов собственными руками удавила? Да, Бузыкин, жизнь сложна…

Пушистая белая кошка с красными глазами

Митя и Рома, два мужичка несколько затрапезного вида, сидят на старенькой пристани лодочной станции, спустив ноги к воде, и выпивают. Митя, тот, у которого остатки пегих волос на плешивой голове нелепо торчат в разные стороны, а бурый нос размером и формой напоминает пожухлый гороховый стручок, служит здесь ночным сторожом. Проживает тут же, на лодочной станции, в деревянном сарайчике неподалеку, где устроена лежанка из нестроганых досок, древнего надорванного матраса с клочками ваты наружу и верблюжьего засаленного одеяла. Митя — натуральный бомж, у него нет другого жилья, поэтому по причине ухудшения погодных условий исполнять обязанности лодочного сторожа он может только до наступления первых серьезных холодов, то есть в лучшем случае до середины октября. Потом придется бросать работу и перебираться куда-нибудь поближе к теплу. Вариантов немного, самый верный и уже опробованный прошлой зимой — к кочегару Ко-

ляну, в котельную бани № 2. Или еще куда, если здесь сорвется. Зачем гадать заранее? Жизнь — она обязательно шепнет что-нибудь на ухо, когда придет срок.

Митя — бомж культурный, известный в наших краях своим всегдашним ровным поведением, да и, без преувеличения, славным прошлым, поэтому не отказал ему Григорьич, хозяин лодочной станции, в месте сторожа на летний сезон. Потому как точно знал, не подведет Митя ни в коем разе, да и расходов на его содержание потребуется меньше, чем на сторожа из города, оформленного официально. Хоть и был Митя пьющим — как без этого, — но не злоупотреблял, не в его это менталитете, потому и находился в доверии у местных работодателей.

Второй из выпивающих, Рома, хотя того же поля ягода, но покрепче и покрасивше будет. Довольно-таки плечистый малый, ростом повыше и лицом румян, как будто только что с мороза заявился. Симпатяга мужчина, не иначе, услада местных баб, а тоже вот теперь бомжует, поскольку от них же, дамочек этих, и пострадал по причине собственной безмерной доверчивости.

Этим летним вечером Рома заглянул к другу

на огонек не просто так, а по поводу. У него вдруг образовалась шальная выпивка, и он тут же, не колеблясь ни разу, рванул на лодочную, к Мите, который частенько выручал его раньше в засушливые дни. Сам Рома, что греха таить, был склонен, пил настолько часто, насколько позволяло наличие денежных знаков в кармане. Не разбежишься, конечно, но свинья всегда грязь найдет, вот и Рома ежедневно выбирал свою норму, а на какие шиши — только пожимал плечами и жмурился, как кот, если какой-нибудь балбес интересовался.

До лодочной станции пешком от города поболее часа хода по перелеску, вдоль ржавых заброшенных железнодорожных путей. Поэтому добрался Рома до места уже затемно, хотя вышел загодя и надеялся быть у друга до заката. Но случился с ним по дороге один странный случай, который его подзадержал. Собственно говоря, ничего особенного не произошло, просто на выходе из города, когда пробирался между старенькими гаражами общества «Авангард», заметил, что за ним шагах в двадцати плетется кошка. Все бы ничего, да больно уж необычно выглядела животина. Так необычно, что Рома даже растерялся поначалу. Жуть какая белая

была эта пушистая кошка — прямо-таки снежной белизны, а на белой морде — глаза красные, как угольки, светятся. Потом ведет себя эта альбиносиха довольно-таки необычно. Идет сзади, как приклеенная, — ни на шаг не приближается, но и не отстает. Останавливается Рома, и она останавливается. Сделает Рома шаг к ней навстречу, и кошка отступит на то же расстояние, но дальше не убегает, встанет как вкопанная и смотрит в упор. В общем, совсем не понравилось Роме такое бесцеремонное поведение бродячей кошки, огляделся он по сторонам, подобрал осколок кирпича и метнул в надоедливую скотину. Промазал немного, но напугал котяру сильно. Метнулась она в сторону и пропала из виду. В недоумении покачал головой Рома и двинулся дальше. Прошел десяток шагов, и как будто что-то толкнуло его в спину. Оглянулся — бог мой, опять белая кошка вышагивает за ним, как ни в чем ни бывало! На том же расстоянии и в той же манере, как будто крадучись, шагает.

Что-то дрогнуло в Роминой душе, леденящими струйками просочился внутрь страх. Не так все как-то, даже мурашки по шкуре поползли, хотя тепло вокруг было, летний вечер, июльский. Рома попросту растерялся от непонимания происходя-

щего и собственного страха нелепого. Испугаться кошки? Бред. Но ведь испугался же. С чего бы, по какой-такой причине?

Рома далеко не дурак, но здесь попросту не понял самого себя. Что же так его напугало в прибившейся бродячей кошке? Задумавшись, он в некотором напряжении огляделся. Рома стоял на небольшой, заросшей травой насыпи, вдоль которой идут ржавые рельсы заброшенной железки. Вроде все как обычно. Вокруг густой заболоченный осиновый лес с множеством подгнивших упавших деревьев, гнилой лес, одним словом. Неприятное место, но ведь в болото никто вас не гонит, а вдоль заброшенной железной дороги путь к реке вполне сухой и проходимый. Вокруг еще светло, хотя вечер поздний и не за горами ночь. Да и что говорить еще, ведь сколько раз, с самого детства, хаживал он этим самым путем на Черемшан, все знакомо здесь до последнего деревца — с закрытыми глазами не заблудишься. Так откуда же свалился на его голову этот нелепый страх? Да, необычно прилипчивая кошка, да, необычного белого цвета, никогда таких белых кошек не доводилось видеть, но что из этого? И в ответ на эти хаотичные, тревожные мысли откуда-то из самых глубин его

натуры вдруг подступила к сердцу беспричинная злость, бессмысленная злость, быстро переходящая в ослепляющую ярость.

Рома крякнул, присел на корточки, загреб обеими ладонями пригоршни щебня и, неловко споткнувшись о сгнившую деревянную шпалу, быстрым шагом двинулся навстречу кошке. Та выждала мгновение, как будто не могла поверить в случившееся, а затем бросилась прочь вдоль рельсов. Пробежав за ней десяток метров, Рома на ходу швырнул вдогонку щебень, тяжело дыша, остановился. Кошка же, пробежав по инерции еще пяток метров, тоже остановилась и как ни в чем не бывало расселась на шпалах, начала облизывать шерстку, прихорашиваться. Короткая пробежка явно ничуть ее не напрягла, в отличие от Ромы, у которого глаза полезли на лоб, а в груди сипело, как из кузнечных мехов. Перенапрягся, что поделаешь, физическая форма с такой жизнью давно не та, зато страх вдруг взял и улетучился. Сплюнул Рома сквозь зубы, развернулся и пошел себе дальше своей дорогой. Оглянулся раз — белая кошка тащится за ним, оглянулся второй — исчезла куда-то чертова животина, как будто след простыл. Чудеса, приключится же такое! Усмехнулся сам себе Рома

и тут же забыл о случившемся.

Смеркалось. С реки чуть повеяло ветерком, принесло болотные запахи гниющих водорослей. По-скорому развели костер, уху поставили из Митиных подлещиков, которых натягал хозяин на удочку еще час назад, аккурат к Роминому приходу получилось.

Время к полуночи. Солнце окончательно свалилось куда-то за высокие камыши, что плотно растут вдоль протоки, на которой пристань. Багровая заря вполнеба поблекла, выцветала, потускнела и постепенно поглощалась подступающей чернильной чернотой. Тишина, только нервный гуд бесчисленных комариных стай над головой да бодрое потрескивание костра. Вечер настолько хорош, насколько хорошим может быть ясный июльский вечер в средних российских широтах, на одном из бесчисленных притоков матушки Волги. Море разливанное всего самого чудесного и пронзительно задушевного вокруг — что еще нужно человеку в его неприкаянной жизни?

Выпили, поели ухи, еще выпили, помолчали. О чем говорить, когда душа поет? А дело обстояло именно таким образом. Какое-то умиление, тихая радость спустились с небес и проникли в души

друзей, так сладко стало на душе, что ничего больше и не требовалось от жизни. Окружающая действительность приобрела полную законченность и абсолютное совершенство. Невыразимая нежность охватила их неприкаянные души.

— Есть там еще что в посуде? — несколько прямолинейно нарушил Рома затянувшуюся волшебную тишину.

Митя покосился на темную бутыль-бомбу объемом в ноль восемь литра и вздохнул сожалеюще:

— Кажись, нема, закончилось вино.

Принесенный Ромой «Агдам» пошел на удивление хорошо, а, собственно, чему тут удивляться, когда такая закусь на столе? Ушица получилась что надо — густая, наваристая, костровым дымком пахнущая. В ухе что главное? Чтоб все необходимое в наличии было — рыбка свежая, только из реки, пшена горсть на котелок, пара картошек, лучок, соли чуток, ну, лаврушка, перец по вкусу. И вари долго, не торопись, рыба развариться должна, мякоть от костей отойти. Подлещик — рыба не высшей пробы, костей много, поэтому в разваренном состоянии намного удобнее его употреблять в пищу.

— Вот и хорошо, — облизав ложку, откликнулся

Рома, — здоровее будем. Много пить вредно, но, хочу заметить, вот именно сейчас для полноты чувств засмолить не помешает.

— Найдем, Рома, кайн проблем.

Митя похлопал по карманам своей вечной ветровки и вытащил из левого помятую пачку «Примы». Помятая-то помятая, но, однако, почти полная пачка. А это уже большое везение и счастье на данный момент: без сигарет совсем тяжко было бы ночное время коротать.

Задымили, расшугав дымом комаров, нависших над головами. С приходом темноты количество кровососов заметно уменьшилось, но все же достаточно оставалось, чтобы сбивать с мысли и портить строй намечавшейся беседы. Но что можно поделать с проклятыми комарами, как только привыкнуть к ним и не обращать на назойливое комариное племя чрезмерного внимания?

Повторюсь, та июльская ночь выдалась ясной и звездной. Откуда-то из-за верхушек дальнего леса медленно поднимался ввысь слегка ущербный круг луны, освещая окрестности холодным светом и отражаясь в темной речной воде зыбким колышащимся пятном.

— Вот я и говорю, — продолжил Рома мысль, за-

родившуюся где-то внутри, а теперь нетерпеливо рвущуюся наружу, — разве все это справедливо?

— Ты о чем, Рома? — спросил Митя, окуная тарелки в воду прямо с пристани и счищая с них остатки рыбных костей.

— О жизни, о чем же еще.

— Что же тебе в ней кажется несправедливым?

— Все.

Митя положил чистые тарелки друг на дружку, взялся споласкивать ложки и стаканы. Трапеза закончилась, пора порядок наводить. Митя почему-то считал (несмотря на документы, безусловно, подтверждающие обратное, — а он в свое время неплохо проработал этот личный вопрос), что в его жилах присутствует доля немецкой крови, потому заставлял себя любить порядок, орднунг, если по-ихнему. Кстати, этот самый орднунг давался ему не так чтобы очень тяжело, скорее даже наоборот, без особых моральных усилий, поэтому, кто знает, может и был он в чем-то прав в этих кровных подозрениях на свой собственный счет? А документы — все ли в них всегда бывает правдой?

— Почему так? — спросил Митя, впрочем, заранее зная ответ друга. Тема судьбы, рока в нашей жизни всегда была и по-прежнему оставалась

любимой Роминой мозолью.

— Как-то все не так вокруг нас обстоит, ты не находишь? Хочешь одного, а делаешь совсем другое. Точно знаешь, что нельзя этого делать, а все же делаешь, как будто какой-то подлец специально толкает тебя под руку.

Митя отнес чисто вымытую посуду в сарай, вернулся, закурил. Помолчал с минуту, тонкими изящными струйками аппетитно выпуская дым из ноздрей и задумчиво глядя перед собой.

— Наверное, ты прав, Рома.

— Конечно, прав, как же иначе? Даже народная отговорка для таких случаев есть — мол, бес попутал. Был со мной случай, еще в той жизни…

Друзья опять уселись на пристани, спустив ноги к воде. Солнце ушло за горизонт, но темноты как не бывало. Поднялась огромная луна. Она была почти полной, не хватало лишь самой малости до завершенности ее полноты. Луна висела прямо перед друзьями, и от нее по темной воде тянулась к ним мерцающая серебристым светом лунная дорожка. Эта светящаяся рябь на воде как будто обладала магнетическим притяжением, она властно приковывала к себе взгляд, хотелось смотреть и смотреть на нее, не отрываясь. Митя уставился на лунную дорож-

ку оцепеневшим взглядом, и его вдруг пронзило странное чувство всезнания, всепроникновения, вездесущности. Он всем своим существом почувствовал, как исчезает его тело, распадается на мельчайшие частицы, части, собственно, даже не имеющие геометрических размеров как таковых, настолько эти частицы бесконечно малы, попросту призрачны. И в то же время в процессе этого растворения в окружающем мире Митя продолжал ощущать себя как целостное обособленное существо. Впрочем, себя ли? Всего лишь на одно мгновение, на один кратчайший миг он вдруг ощутил себя во всем. В каждом кванте, каждом атоме нашего материального мира присутствовала частичка его сущности, которая, с одной стороны, жила сама по себе, своей собственной жизнью, с другой — это безусловно был он сам, целиком, Дмитрий Казаков, физик по образованию, кандидат наук, а ныне бомж без роду и племени. Распавшийся на бесконечное количество нано-Митей, безраздельно владеющих и мудро управляющих каждой частичкой нашей Вселенной, и в то же время остававшийся пьяненьким бомжом, сидящим летней лунной ночью на полуразвалившейся старой пристани в какой-то пропащей российской Тмутаракани

и внимательно слушающим немудрящие россказни своего друга, такого же жалкого бомжа, как и он сам. За одно мгновение Митя обозрел весь мир, одновременно поучаствовав во всех событиях, протекающих здесь и сейчас в нашем мире, — побыл частичкой миллионноградусной плазмы загадочного квазара в миллиардах световых лет от Земли, клеточкой кривенькой березки, растущей на болотах Финляндии, атомом ноготка мизинца на левой ноге вечного кубинского диктатора Фиделя Кастро. И в то же время на него обрушилось и придавило чудовищное знание всего и вся, что когда-то было в прошлом и произойдет в будущем, до самого скончания веков. В этот миг Митя ощутил вдруг величайшую ответственность за все происходящее в мире, почувствовал, что в его власти изменить все, направить все мировые процессы туда, куда качнется аддитивная составляющая мировой розы ветров, или туда, куда просто захочется ему, заштатному бомжище. И любое его решение будет признано справедливым и правильным! Митя не только ощутил бесконечную власть над миром, но и соблазн использовать эту власть так, как решит он и только он. О этот невыразимо сладкий вкус безграничной власти!

— Что с тобой, ты меня не слушаешь. Спишь что ли?

Рома покосился на друга, который, прикрыв глаза, тихонько посвистывал носом.

— Нет, что ты, я тебя внимательно слушаю, — встрепенулся Митя и как-то растерянно огляделся вокруг. — Просто мне показалось…

— Приснилось что? Ты ведь уже засопел как цуцик.

— Не знаю, что это было, но как-то необычно все, нирвана какая-то, совсем на сон не похоже.

— Расскажи немедленно! — Рома положил руку на плечо друга и слегка встряхнул того. — Твоя очередь, ночь долгая.

— Сейчас, погоди. — Митя с несколько растерянным видом вытянул из пачки помятую сигаретину. Она оказалась надорванной точно посередине. Митя оторвал половинку и, рискуя обжечь губы, прикурил от спички, загоревшейся с третьей попытки, — коробок был слегка подмочен. Глаза на секунду ослепило от яркой вспышки у глаз, а когда зрение восстановилось, Митя увидел на берегу, недалеко от догорающего костра, кошку, необычно белую и пушистую. Она небрежно развалилась на травке и облизы-

вала передние лапы, совершенно не обращая на людей внимания. Весь ее томный вид демонстрировал полное равнодушие к окружающему миру и к двум человеческим существам, сидящим неподалеку на пристани.

— Смотри, кто к нам пришел! — Митя показал на кошку.

Рома оглянулся и выматерился.

— Черт, опять она!

— В смысле?

— Это та самая кошка, она привязалась ко мне по дороге к тебе. Я ее гоню, а она не уходит. Потом, показалось, отогнал, исчезла куда-то — ан нет, притащилась сюда за мной. Честно тебе скажу, не нравится мне эта тварь, совсем не нравится. А почему не нравится — не пойму, вроде кошка как кошка, только белая чересчур. Альбинос наверное.

Митя взглянул на кошку пристальнее. Она, как будто почувствовав внимательный человеческий взгляд, повернула голову и в ответ взглянула на него. В отблеске костра ее глаза сверкнули мрачным багровым светом. Митя вздрогнул, и откуда-то из самых потаенных закоулков памяти всплыло давно и прочно забытое воспоминание…

Тридцать лет назад бесконечно уставшим Митя приехал к родителям на летние каникулы после успешно завершившегося первого курса столичного универа. Позади остались два семестра непрерывной пахоты, теперь же предстояли два полных месяца абсолютного безделья. Тяжко дался ему первый год столичной жизни после детства и юности, проведенных в глухой провинции. Но все в жизни когда-нибудь проходит, прошел и этот бесконечный год. Но и первые, заработанные густым соленым потом студенческие каникулы не сложились…

В один из июльских вечеров сидели они с отцом на скамейке под окнами родительского дома. Погода тем летом радовала душу: всего было в меру — ливень с грозой пройдет, потом снова жара, и природа вздохнет облегченно и расправит свои плечи, и заструятся с новой силой жизненные соки по стволам и стеблям деревьев и трав.

Быстро темнело, сумерки сгущались. Прямо перед домом, сразу за дорожкой из красного кирпича, располагался малинник, который занимал не меньше сотки приусадебного участка. Отец сплоховал и прошлым летом почему-то не подрезал кусты малины, как делал всегда сразу после сбора урожая. В результате в этом году малина

разрослась вширь и ввысь, и ничего с ней поделать было нельзя. Рядом с домом образовались настоящие малиновые джунгли. Отец виновато качал головой, но, естественно, не мог трогать кусты до сбора урожая, который, кстати, выдался на редкость богатым. Созревающая малина висела на кустах аппетитными гроздьями, количество ягод явно измерялось несколькими большими ведрами.

— Как там, мама? — спросил Митя, взглянув на отца, который немного хмурился. Матери неможилось последние дни, сегодня она пораньше легла спать. Уставала она сильно, несколько раз за день ей требовалось прилечь на диван, передохнуть, набраться сил, чтобы дальше что-то делать по домашнему хозяйству.

— Вроде заснула, — сказал отец. — Завтра вызовем врача, не нравится мне ее состояние последнее время. Ни на что не жалуется, а устает сильно.

Отец замолчал и взглянул на величественное полотно ночного неба, с наступлением темноты все более заполняющееся бесчисленными искрящимися крапинками.

— Какая чудовищная бездна пространства между нами и звездами, она бесконечно чужда

и непреодолима для человека, — сказал отец и положил руку на Митино плечо. — И не нужно человечеству рваться в космос, в мертвую пустоту, это тупик и самообман.

Митя кивнул головой, но разговор поддерживать не спешил, хотел послушать отца. Нечасто выдавались такие минуты, когда все дневные дела уже позади, а спать еще не хочется. Тогда садились они с отцом во дворе, смотрели на угасающий в вечерней дреме мир и говорили о чем-то, обо всем.

— Что в небе есть полезного для человека? Ничего. Или мертвящий холод бесконечного космического пространства, или немыслимый жар звезд. Что в этом может быть интересного? — продолжал отец.

— А как же братья по разуму, мы ведь можем встретить там иную разумную жизнь?

— Нет никаких братьев по разуму. Если же они есть, то где они? За миллиарды лет истории Земли могли бы и проявиться. Если не проявляются, значит, или их нет вообще, или мы — их подопытные кролики. Они где-то рядом наблюдают и ведут нас по жизни. Так получается, если следовать законам формальной логики. Если же принять во внимание историю религий и их

концепцию загробного мира, то здесь тоже две возможности. Или концепция Бога выдумана от начала до конца и человечество примитивно заблуждается по этому поводу уже на протяжении тысяч лет, или все это правда, загробный нематериальный мир существует, и задача состоит лишь в том, чтобы средствами науки разыскать к нему пути помимо ворот смерти.

— Ты имеешь в виду, что цивилизация в своем развитии может достичь уровня, когда ей будет уже неинтересен окружающий бренный материальный мир? Зачем мучиться в материальной оболочке, когда лучше всем вместе уйти туда, в нетленный мир, туда, где царит Вечность?

— Конечно, если это было бы так, это позволило бы непротиворечиво и гармонично соединить в одно целое религию и науку. Иначе истина науки должна каким-то образом уживаться с верой религий. Я не понимаю этого сложившегося диссонанса.

Я замолчал, уставившись на темные кусты малины, немного ошеломленный грандиозностью умственных построений отца. Его мысли часто трудно опровергнуть сиюминутно, в момент их появления на свет. Да я, собственно, к этому не особо стремился. Ведь интересно же из уст

своего собственного отца услышать то, о чем сам частенько задумываешься. Прикосновение к мировым безднам всегда бодрит дух.

Но что это? Темные кусты малины дрогнули, расступились, и на освещенную дорожку осторожно ступила белая кошка. Она вышла на свет так естественно и непринужденно, как будто всегда здесь жила, а сейчас просто вернулась к хозяевам после вечернего моциона.

— Что за кошка? — спросил я отца. — Она что, у вас живет?

— Приблудная, — ответил отец, — первый раз ее вижу. Такую заметную белую скотину я бы точно запомнил. Откуда она взялась, не знаю, соседская, наверное.

— Не нравится мне она, — почему-то вырвалось у меня, и я потянулся за метлой, стоящей у стены дома.

— Да, как привидение какое-то, вылезла из кустов и не уходит. А глаза-то — смотри, какие красные глаза, как будто горят изнутри. Тьфу, нечисть!

Отцу белая кошка тоже явно не понравилась, но он остановил меня с метлой, сходил в дом и вынес несколько кусочков колбасы. Тут проснулся Шарик, сторожевая дворняга,

нехотя выполз из конуры и недоуменно уставился на гостью, непринужденно жевавшую колбасу буквально в метре от него. Весь его вид выражал крайнюю степень изумления этим бесцеремонным и попросту наглым поведением представителя мерзкого кошачьего племени. Шарик чуть приподнял правое ухо, пару раз крутанул веником хвоста и задрал его вверх, выражая таким образом кипящее внутри негодование происходящим форменным безобразием. На его глазах хозяин кормит с рук приблудную тварь ненавистной кошачьей породы вареной колбасой высшего качества, да за какие-такие заслуги?! Шарик уставился на отца, округлив глаза и тяжело дыша от дикого внутреннего напряжения. Неужели хозяин способен на такое подлое предательство? В конце концов верный пес не выдержал, гавкнул изо всех своих собачьих сил и бросился на кровного врага. И что меня тогда поразило, так это необычное поведение белой кошки. Да, она безусловно испугалась рассвирепевшей собаки, но испугалась как-то не так, не слишком естественно. Дело в том, что Шарик находился на цепи, которая ограничивала меру его власти над окружающим миром. Кошка ужинала колбасой на каменном крыльце,

прилегающем ко входной двери в дом. Длина цепи рассчитана таким образом, чтобы собака не могла попасть на крыльцо. Поэтому весь благородный порыв Шарика был обречен с самого начала. Но это знали я и отец, но вот как про это догадалась пушистая белая кошка? Ведь она в ответ на яростный рывок Шарика не вздрогнула от испуга, не бросилась сломя голову в малинник, спасая свою кошачью шкуру, — отнюдь, она лишь лениво повернула голову в сторону заходившегося в хриплом лае пса, сочувственно кивнула и, закусив в рот приличного размера кусок колбасы, неторопливо удалилась в темноту, как бы наглядно демонстрируя, что не желает дальше обострять наметившийся конфликт интересов.

Мы подивились такому выдержанному поведению приблудной кошки и ушли спать. Но вот Шарик, возмущенный до глубины души непринужденностью поведения белой скотины, еще долго злобно ворчал в ночи.

Потом эта кошка появлялась еще и еще, она даже иногда заходила в дом, но не в сами жилые комнаты, а всегда останавливалась на веранде, где стояли запыленный диван и рассохшийся шифоньер. Она обнюхивала старые вещи с таким

видом, как будто хотела уловить в них что-то важное для себя. Я не понимал ее поведения, даже немного опасался, правда, непонятно чего, но уже не гнал кошку, швыряя в нее первым попавшимся предметом. К тому же не до нее сейчас было, другими думами оказалась занята голова: маме поставили страшный диагноз — онкология неоперабельная, считаные месяцы до конца.

— Понимаешь, Рома, я эту кошку уже видел много лет назад, когда мама умерла.

— Извини, конечно, но кошки столько не живут. У тебя мама, кажется, в семьдесят пятом скончалась? — Рома возражал другу, но как-то неубедительно, как будто сам себе не верил.

— Я понимаю, это глупо звучит, но кошки так похожи, обе пушистые, чисто белые и глаза, страшные красные глаза, из них как будто искры сыплются, — Митя говорил потерянным голосом, переводя взгляд с кошки на друга. — Не нравится мне она, и тогда очень не понравилась, зря я ее сразу не прогнал, как только она появилась, может, беды бы с мамой не случилось.

— Ну, это ты явно преувеличиваешь. Я хоть и не такой образованный, как ты, но в приметы всякие-разные не верю. Обычная бродячая кошка, много таких брошенных животин шатается

по белому свету.

— Не знаю, Рома, не знаю, по мне, так гнать нужно эту кошку, пока не поздно.

— Да погоди ты, хоть покормить ее, ведь от самого города за мной тащилась. Рыба у тебя осталась?

Митя вздохнул, помотал несогласно головой, однако потянулся за садком, в котором бултыхалась пара мелких рыбешек. Зацепил одну и зашагал с пристани к кошке, показывая, что еду несет. Кошка настороженно следила за ним, но не двигалась с места. Митя медленно наклонился и протянул ей рыбку, но вдруг резко выпрямился и пнул кошку ногой — и так мощно пнул, как будто одиннадцатиметровый удар исполнял на силу, а не на точность. Кошка с громким шипеньем отлетела от Мити, да так неудачно, что бухнулась в воду и тут же погрузилась с головой. Мгновение — и она вынырнула и, отчаянно суча лапами по обманной воде, медленно двинулась вплавь к берегу. Хоть и неглубоко тут, в трех метрах от тверди земной, но для кошки, по природе своей не слишком приспособленной к плаванию, глубины вполне достаточно, чтоб захлебнуться и утонуть. Тем более Митя еще и весло схватил и отбрасывает кошку дальше в воду, не дает ей

достичь берега. Изнемогает уже животина, обессиленная, плюется, фырчит, а поделать с веслом ничего не может, не те силенки.

— Ты чего, Митя, сдурел совсем? — Рома наконец вышел из оцепенения и бросился к другу. — Зачем ты ее, это же живое существо!

— Уйди, эта тварюга убила маму, теперь уж от меня не уйдет!

— Что ты несешь, это обычная кошка, перестань сходить с ума!

Митя, отбросив веслом кошку подальше от берега, повернулся к Роме и, сощурив глаза, произнес тихим злым голосом:

— Пошел ты знаешь куда? Не лезь не в свое дело, придурок. Иди к своим бабам и советуй там своим прошмандовкам, как им жить. Гуляй отсюда, пока мозги тебе не вышиб.

— Мить, ты чего? — оторопевший Рома отступил на шаг и поднял правую руку перед собой, ко лбу, как бы защищаясь. — Просто кошку жалко, за что ты ее так?

— За что? А ты помнишь Нину?

— Какую Нину, ты о чем?

— Одноклассницу Нину, не придуривайся, все ты прекрасно помнишь.

— А, ты про это… Но ведь когда это было, что ты

в самом деле?

— Когда было… Кошку сейчас пожалел, добренький какой, а тогда в души нам наплевал, это ничего, проглотят как-нибудь, так ведь считаешь?

— Какие души, что за бред! Да она сама меня тогда пригласила, если хочешь знать, и ничего не было между нами, я здесь вообще ни при чем!

— Я ее любил, понимаешь, любил больше всего на свете, и она могла полюбить, я ей нравился. А тут ты, этот твой день рождения…

— Ну и что, проводил до дома, но ничего ведь между нами не было, не было! Это и следствие установило!

— Ты переночевал у нее, родителей не оказалось дома, а потом, после тебя, наутро она повесилась. Гнида, что мне тут несешь!

Последние слова Митя кричал уже во весь голос. Его весло, описав широкий полукруг, врезалось Роме в голову с левой стороны, прямо в висок. Хоть и защищался он обеими руками, но не смог удержать стремительно надвинувшуюся лопасть. Да попало весло в голову еще так неудачно, прямо ребром острым. Рассекло ухо сверху, но это еще полбеды, зашили бы эскулапы, главное, конечно, висок — висок не выдержал

такого дерзкого с собой обращения. Слаба у нас голова в целом, непрочная, а самыми слабыми местами как раз и являются темя, основание черепа и эти самые виски. Короче говоря, треснула тут же черепная коробка у бедного Романа в районе левого виска со всеми вытекающими последствиями в виде дрожащего студня окровавленного мозга.

Митя смотрел на остывающее тело своего друга Романа Краснопольского и думал о бренности бытия. Вот был человек — и нет человека. Только что ходил, дышал, чувствовал что-то, радовался стакану «Агдама» и бычку «Примы» в придачу. А теперь где ты, Рома, какими неведомыми дорогами бродит твоя душа? И вообще — бродит ли? Может, нет никакой души и закончилось все для тебя раз и навсегда сегодня, этой волшебной июльской ночью после неудачного удара веслом почему-то рассвирепевшего вдруг бомжа Мити, твоего единственного настоящего друга? Пожил как-то, потешил себя в этой жизни чем бог послал и в вечный покой отправился. Зачем жил, почему вдруг умер — нет ответов на эти вопросы и никогда не будет. Но как же можно так жить, мужики, всегда находясь в тумане?

Сидит белая кошка с красными глазами на лу-

жайке, на безопасном расстоянии от глубоко задумавшегося Мити, ни за что порешившего своего друга Рому, отряхивает свою пушистую богатую шерстку от капель речной воды и ухмыляется открыто. Она-то знает.

Как я умирал

Вдруг все остановилось. Никакого движения вокруг. Я смотрю на ворону, взлетевшую над забором, и не понимаю ничего. Чертова птица раскорячилась в нелепом полупоклоне в полуметре над гнилым штакетником и явно не собирается ни падать, ни лететь дальше. Соседская «Хонда», вывернувшая из-за поворота на Первомайскую, застыла, как памятник японскому автопрому. Причудливые клубы сизой пыли из-под колес висят в воздухе, как импрессионистские миражи. Листья московской грушевки, только что тихо шелестевшие на ветру, обмерли, как по мановению волшебной палочки. Да и сам бедолага-ветер остановил вдруг свой вечный бег в никуда — ни малейшего дуновения. В голове возникла и укрепилась странная мысль — не исчезло ли вообще всякое движение в этом мире?

Я прислушиваюсь к себе. Вне всякого сомнения — я есть, я ощущаю себя, я могу думать. Но все же как-то все не так. В голове по-прежнему бродят мысли, но, во-первых, их совсем немного, во-вторых, какие-то они чересчур отчетливые. Я вижу свои собственные мысли как будто

со стороны, могу рассмотреть их форму, цвет, запах. Они плывут куда-то мимо, сквозь меня, повинуясь своим внутренним импульсам, а я, как сторонний наблюдатель, лишь любуюсь их величественным ходом, никак не воздействуя на него. Вот надвигается и целиком поглощает меня некая бледно-зеленая лоскутная клякса, я вглядываюсь сквозь нее и постепенно начинаю различать в призрачном, дрожащем тумане отдельные детали. Картина все более проясняется, становится четкой и разборчивой, появляется звук.

— Ты приходил тогда?

— Да, я приходил, но стоял в парке, за деревьями.

— Но почему же ты не вышел ко мне?

— Струсил, наверное.

— Но почему, я не понимаю. Ведь тогда бы все у нас сложилось по-другому. Почему ты не вышел?

— Я стоял, смотрел на тебя сквозь листву, ты оглядывалась, искала меня взглядом, я видел, что ты очень рассчитываешь на меня, ты уже все решила, знаешь наше будущее на много лет вперед. Я подумал, но как же так? Разве так уж все ясно? Я смотрел на тебя и вдруг понял, что я

тебе не нужен. Вернее, я тебе, конечно, нужен был, но тот я, который внутри, тебе безразличен.

— Не знаю, может, ты и прав. У меня ведь так ничего толком и не сложилось. Вышла за одного, дочь родилась, квартиру получили, потом он ушел, уехал куда-то. А мне как-то все равно было. Наверное, не могу я любить по-настоящему. Не дано, что поделаешь.

— Прости меня.

— За что? Ты ни в чем не виноват, я это всегда знала. Первое время только не понимала, потом разобралась. Ты прав, верить нужно себе, слушать себя.

Что это было? Что за странная сцена из плохой мелодрамы? О господи, это же я, студенческие годы, это Настя… Я ушел тогда из ее жизни не попрощавшись, такой вот я крутой был и решительный. Взял и решил за нас обоих после многих лет знакомства, одноклассники ведь были.

Опять начал густеть молочно-зеленый туман, картина быстро стушевалась и растворилась в окружающей зелени. Лохматое зеленое облако отпустило меня и неторопливо плывет куда-то дальше, а я смотрю внутрь себя, и новые мыслеоблачка уже наплывают, подгоняемые свежим мыслеветерком. Они имеют разную

окраску, эти мыслеоблачка-кляксы, цвет нежный и неяркий, преобладают зеленые и голубые тона. Какое-то непередаваемо прекрасное мысленебо раскрывает передо мной свои горизонты, и я с восторгом вглядываюсь в эти безбрежные манящие дали, я свободно парю в этой небесной беспредельности среди разноцветных облаков. Одни облака плывут мимо, и я никак не могу рассмотреть, что находится внутри них, за стеной густого тумана. Но вот неожиданно приблизилось и охватило меня со всех сторон еще одно облако, на этот раз сине-фиолетового, не слишком радостного цвета. Плывут мимо меня лохмотья фиолетового тумана, уносятся прочь, и я нахожусь уже в комнате — это родительский дом, дом моего детства. На кровати лежит отец с закрытыми глазами, высохший и желтый, как мумия.

— Папа, мне нужно уехать. С тобой побудет Петя.

Отец не отвечает, но по легкому движению век я понимаю, что он слышит меня.

— Это по работе, приезжают заказчики, без меня там не обойтись.

Отец продолжает лежать безмолвный, но он, без сомнения, слышит мои слова. У него послед-

няя стадия цирроза, он накачан наркотиками, чтобы снять постоянную боль, скорая приезжает каждые три-четыре часа и делает новый укол.

— Я всего на пару дней, потом опять приеду и буду с тобой.

Отец открывает глаза.

— Не беспокойся за меня, езжай. Ты все делал правильно, ты был со мной весь отпуск, а теперь тебе нужно жить дальше. Езжай, сынок.

— Папа, но мы же больше не увидимся. Я приеду через два дня, а тебя уже не будет. Зачем ты меня отпускаешь? Я ведь не мог себе простить, что бросил тебя тогда. Наркотики начинают колоть, когда уже все, спасения нет. Я понимал, знал, что нельзя уезжать, что бросаю тебя, но все равно уехал. Почему, почему я это сделал? Ведь не было никаких заказчиков по этой чертовой работе, я просто бежал от тебя. Потом Петя рассказывал, что, когда ты уже умирал, находясь без сознания, все время повторял мое имя, а меня не было рядом. Нет мне прощения.

— Не нужно, сынок, корить себя. Ты всегда был нашей с мамой гордостью, нашей опорой. Ни в чем ты не виноват — наоборот, это я должен попросить у тебя прощения.

— За что, папа, я всегда любил и уважал тебя,

ты был лучшим отцом в мире.

— Сынок, я не твой отец. У тебя родной отец другой человек, но он об этом даже не знает.

— Как? Разве такое возможно? У нас всегда была такая дружная семья, я бы никогда не подумал…

— Мы с мамой решили никому об этом не говорить. Об этом никто и не знал, так случилось, что мама была уже на третьем месяце, когда мы справили свадьбу. Я ее любил, и ты стал навсегда моим сыном.

— Конечно, папа, ты и был моим единственным настоящим отцом!

— Нет, сынок, отец у тебя другой человек. Прости меня, если сможешь, за эту страшную ошибку. Я должен был сказать тебе правду, но не смог.

— Папа, не надо, не говори так, ты, ты мой отец, и ничего я не хочу больше слышать!

Опять все сожрал проклятый туман, растворилась комната родительского дома в подступившем фиолетовом сумраке. Лохматое грозовое облако отпустило меня и тут же скрылось, заслоненное серо-голубой массой, надвинувшейся откуда-то сзади. Я мучительно вглядываюсь в серый полумрак, но почему-то ничего не могу разобрать в дрожащем мутном воздухе. Постепенно до меня доходит, что я где-то на береку

реки, слышен плеск волны, ночь, и вдобавок вокруг клубится настоящий туман, гнилой и удушливый.

— Вроде оторвались, никого сзади не слышно.

— Не знаю еще, мы же на острове, они никуда не могли деться.

— Правильно, что не стали с ними связываться, это же подонки. Зачем мы развели костер на самом берегу, надо было уйти вглубь острова. Эти двое увидели свет костра и приплыли на лодке.

— Они трогали тебя, а я не вступился. Я стоял и смотрел. Это не они, а я трус и подонок.

— У них топоры, ты разве забыл? Чего б ты добился своим геройством, убили б тебя, и меня заодно. Да ты же и не молчал, ты отговаривал, ты боролся!

— Но они хотели изнасиловать тебя, лишь потом почему-то передумали. А если бы не передумали? Если бы все пошло по-другому, что тогда? Я бы так же стоял как истукан!

— У истории не бывает сослагательного наклонения, все в жизни происходит так, как происходит. Не мучай себя понапрасну, ничего ведь не случилось.

Серое облачко быстро оторвалось от меня

и тут же исчезло куда-то. Кажется, ветер начинает немного крепчать. Помрачнело. На меня надвигается целый фронт облаков, их окраска неравномерная, но преобладают темные тона. Здесь есть все — и фиолетовые, и темно-зеленые, и даже коричневые оттенки. Некое дикое смешение, фантасмагория на тему мерзости жизни. Я вглядываюсь в быстро приближающийся клубящийся темный фронт, и меня охватывает беспокойство, тревога, растерянность перед чем-то непреодолимым и основным. Я оглядываюсь: некуда деться от надвигающихся мрачных туч, не-ку-да!

Странный хлопок, легкая тусклая вспышка, и я уже внутри темного фронта. Передо мной брат.

— Я подаю на тебя в суд, ты пьешь, ни о чем не думаешь, забыл про долг, а мне нужны деньги.

— Подожди немного, я раскручусь и рассчитаюсь с тобой. Я только что заключил контракт на поставку финнам десяти вагонов леса, есть и другие выгодные предложения, наберись терпения, брат!

— Нет, больше ждать не буду. Никогда ты ничего не заработаешь. Я заберу свою часть наследства, и, бог мне судья, я буду прав.

— Да, конечно, ты, как всегда, прав, а твой беспутный брат — нет. Но чем я виноват, что таким родился? Какая свобода воли, если я не могу по-другому жить? Хочу, а не могу. У тебя все получается, а у меня нет, как ни стараюсь. Все всегда идет не туда и не так. Только это одно постарайся понять.

Опять тусклая вспышка, мгновенная кутерьма вокруг, и передо мной мама. Она в своем пестром платье в мелкий синий цветочек и толстой малиновой индийской кофте на два размера больше.

— Зачем ты так одеваешься, это же нелепое цветовое сочетание, смешно со стороны.

— Ты никогда не говорил мне об этом. Да я и не обращаю особого внимания на одежду — было бы удобно и уютно, чего еще требовать от тряпок в моем возрасте?

— Но ты же приехала в мой круг, здесь интеллигенция, уровень, нужно это учитывать. Мне стыдно за тебя.

— Внешность ничто. Ты всегда придавал чрезмерное значение внешнему эффекту. Бесспорно, форма и содержание довольно тесно связаны, форма в какой-то степени отражает содержание, но что такое есть форма? Это утрированная видимость содержания.

Бам — что-то щелкнуло, и теперь я в офисе, напротив мой бывший начальник.

— Вы много лет были моим непосредственным начальником и всегда испытывали ко мне явную антипатию, почему?

— Ты завистливый и корыстный, у тебя слабые способности, и ты всегда хочешь получить больше, чем заслуживаешь, изо всего пытаешься извлечь сиюминутную выгоду.

— Но вы глубоко заблуждаетесь! Я совсем не такой, вы составили обо мне это ложное впечатление по тому времени, когда я был глуп и беспомощен. Я только начинал жизнь, был один, не знал, что и как вокруг. Я наделал тогда много ошибок, которые давно осознал и за которые теперь раскаиваюсь.

— Не надо оправдываться. В человеке базовые черты заложены изначально — они или есть, или их нет. Человек растет, учится, даже немного умнеет с возрастом, но количество доброты, зла, воли заложены в нем от рождения. Так вот, ты такой от рождения, как ни мимикрируй и не старайся выглядеть лучше. Я тебя сразу раскусил.

Рябь вокруг, легкое движение, и я стою за оградой церкви. Передо мной старенький храм в моем

родном городе. Смотрю на стареньких бабушек в белых платках. Перед входом в церковь они крестятся с поклонами до земли, подают грошик трясущемуся старичку-нищему, заходят внутрь. Я испытываю неловкость за театральность происходящего. Поклоны, нищие — все как в сусальных фильмах про русскую старину. Прохожу за ограду, мгновенное желание перекреститься, но правая рука наливается такой тяжестью, что ее невозможно сдвинуть с места, не то что поднять ко лбу. К тому же сзади идут женщины, и мне кажется, я, мужик, буду выглядеть донельзя смешным перед ними со своими неумелыми движениями перстов.

Я торопливо поднимаюсь по скрипучим деревянным ступеням, распахиваю дверь и вхожу в храм. Там полумрак, впереди еще одни распахнутые двери, сквозь которые видны спины стоящих людей, иконы на стенах, алтарь с какими-то громоздкими золотыми украшениями. В воздухе странный запах — знаю, это запах ладана, я его всегда боялся, этот запах сопровождает похороны.

Слева вижу священника в рясе, подхожу.

— Зачем вся эта показуха, ведь одни бабки вокруг?

— Почему? У нас много прихожан и мужеска племени. Но для женщин преклонного возраста естественная потребность очистить душу более притягательна. Женщина — непересыхающий источник жизни на Земле, поэтому она по сути своей немного ближе к Богу, в человеческом понимании, конечно.

— Какая еще чистка души, о чем вы говорите? Нет никакой души у человека и никогда не было, и вы как служитель культа лучше меня об этом знаете, только никогда не признаетесь, потому что на работе находитесь и деньги за свою работу получаете. Вас этому всему учили, как меня учили гайки закручивать или программы для компьютеров писать.

— Во многом ты прав, сын мой, но заблуждаешься в главном. Человек не всесилен, но он и не беспомощная букашка в чьих-то руках. Вокруг человека неисчислимая бездна неизведанного, человек не представляет и никогда не представит правильно своего места в мире, да его и попросту нет, этого правильного места. Религия придает хоть какую-то толику устойчивости человеку в окружающем хаосе, пусть даже где-то иллюзорную. Религия жалеет человека, а это уже не так мало.

Уфф! Темный фронт покидает меня, быстро уносится прочь, а я остаюсь один-одинешенек в окружающей пустоте. Ни облачка ни спереди, ни сзади, исчезло все внезапно. Я напряженно всматриваюсь внутрь себя и ничего не могу рассмотреть. И не потому, что чего-то не замечаю, — нет, просто там, внутри меня, теперь пустота. Абсолютная, звенящая торричелева пустота! Боковым зрением я вижу свои оджинсованные ноги, обутые в рваные кеды, — но вот внутри себя меня как будто уже нет. Куда-то вдруг пропал весь. Оболочка без сердцевины. Голый король наоборот.

Но как же я мыслю, если исчезли мысли? Как возможны мысли в абсолютной внутренней пустоте? Или это не мысли, а нечто совершенно иное, недоступное человеческому разуму?

Сон, это всего лишь сон. Как сладко прикорнуть в разгар жаркого июльского денька в прохладном сарае, раскинувшись на душистом свежескошенном сене! Во сне абсолютно все возможно. Можно видеть разнообразные цвета, осязать предметы, чувствовать и различать оттенки запахов! Во сне можно жить настоящей, полноценной жизнью, в отличие от убогого, ограниченного существования в этом слишком серьезном нашем мире.

Но может ли человек осознать, что он находится во сне? Взять и сказать в разгар увлекательного приключения или самого зубодробительного кошмара — пардон, ребята, вы ненастоящие, спасибо за участие в интересном спектакле, но мне пора наружу, назад в эту тухлую жизнь, будь она неладна.

Если это сон, значит, нужно попытаться проснуться, затянулось уже это постмодерновое действо, сколько можно? Только как это сделать, если все вокруг встало как вкопанное, а внутри вдобавок — абсолютный вакуум? Чем действовать, если ничего нет? Кто я вообще в таком случае?

Что-то где-то шевельнулось.

Что-то где-то произошло, я это каким-то образом понял, какое-то изменение имело место быть вокруг, но что и где?

Еще раз что-то незаметно дрогнуло в окружающем мире, и вдруг сразу все обрушилось, рухнуло, возопило! Мгновенно я был смят, раздавлен, оглушен. Вместо абсолютной пустоты сразу возникла абсолютная заполненность во всем. Немыслимая тяжесть снаружи и изнутри, чудовищный пресс сдавил каждую молекулу моего тела и каждый квант мысли. Я по-прежнему был, но был наглухо

пригвожден к некоему Абсолюту, не имеющему логического объяснения на человеческом языке. И вой, немыслимый вой, чудовищная вибрация Абсолюта, порождающая эту однообразную и в то же время полифоническую мелодию, состоящую из одной бесконечно тянущейся ноты. Этот звук исходил из самых неведомых, таинственных глубин мира, и он, этот звук, безусловно о чем-то вещал, но понять его потаенный смысл не было никакой возможности. Я изнемогал под немыслимой тяжестью, внезапно обрушившейся на меня, не передать словами те мои боль и страдания. Казалось, не осталось уже никаких сил терпеть дальше это бремя, а оно все продолжалась и продолжалась, и конца ему как будто и не предвиделось. Я взвыл. Я старательно выл в унисон чудовищной мелодии, но страшные муки мои продолжались и продолжались. Нет, это просто немыслимо, все, не могу больше…

Оборвалось. Закончилось. Сгинуло.

Я на вечерней улице, освещенной фонарями. Рядом мать, отец, Петя. На пути домой после бани. Смотрю на маму и вижу непередаваемое счастье на ее лице. Оба сына, муж с нею рядом, все живы и здоровы — чего еще требовать от жизни? И я это понимаю и сам переполняюсь тем же

волшебным чувством единения семьи, а через это — счастьем единения со всем окружающим миром.

— Когда улетаешь, сынок?

— Еще три дня, в эту субботу.

— Пиши обязательно, мы всегда ждем твоих писем, черкни лишь две строчки, жив-здоров, мне и достаточно.

— Конечно, буду писать, мама.

— Молодец, что не забываешь нас, приезжаешь раз в год обязательно. Но теперь уж, наверное, назад не вернешься насовсем.

— Кто знает, как все повернется, мама, ведь все может быть.

— Не надо, не делай этого, у тебя семья, дочь, живите своей жизнью. Приезжаешь иногда в гости, и слава богу.

Гомерический хохот в зале. Я нелепый, растерянный, неуклюжий перед сотнями, тысячами наглых, издевательских, презрительных взглядов. Толпа жующих, равнодушных, далеких людей. Что им от меня надо? Неужели я им всем что-то должен, чем-то обязан? Чего они все от меня ждут? Хочу уйти со сцены, ноги запинаются обо что-то, и я валюсь со всего маху на дощатый пол, в ладони вонзаются сотни острых заноз —

и хохот, хохот, дикий хохот вокруг!

Я в воде, плыву к берегу. Речка небольшая, каких-нибудь тридцать метров, а до берега-то и вовсе не больше десяти. Но что-то странное происходит: гребу старательно, а берег приближаться не хочет. Изнемогаю, выбиваюсь из сил, а он не то что приближается, а как будто даже и удаляется от меня. Вижу мою девушку на берегу, она ничего не чувствует, спокойно разбирает цветы, только что собранные на лугу, она не знает, не понимает, что со мной, что я подобрался уже к самому краю. Я хочу крикнуть, позвать ее, а не могу, не осталось сил даже на шепот…

Карабкаюсь вверх по соломенной крыше. Она такая крутая и рассыпчатая, эта соломенная крыша, я лезу выше и выше, ноги проваливаются сквозь солому все глубже и глубже. Но вот я уже наверху, победно вскидываю руки и тут же чувствую, как вся масса соломы подо мной дрогнула и двинулась вниз. И я вместе с ней. Скорость нарастает, уклон большой, я пытаюсь задержать скольжение, за что-нибудь ухватиться. Но ничего не попадается под руку, крыша под соломой совсем гладкая. Успокаиваю себя, что не так-то это и страшно — спрыгнуть с сарая и приземлиться вместе с соломой на травку. Но тут мои ноги

цепляются за какую-то поперечину на самом краю крыши, меня мигом разворачивает на сто восемьдесят градусов, я лечу дальше затылком-спиной вниз и со всего маху грохаюсь о землю. Внутри как будто все обрывается, на мгновение мир цепенеет, потом я открываю глаза и вижу в полуметре от себя ряд сверкающих на солнце кос, стоящих у стены сарая остриями вверх.

— Лови гада, уйдет!

Вижу, из-за угла наперерез выскакивают еще двое. Ухмыляющиеся рожи откровенных дебилов. Лоснящиеся от жира физиономии. Потирают лапы в предвкушении. Позади нарастающий топот, там еще трое. Той же формации ребята. Пятеро на одного — нехилый расклад, абсолютно беспроигрышный. Откуда они взялись, эти странные особи рода человеческого? Летний ранний вечер. Пустая улица, возвращаюсь в общагу с шахматного турнира. И тут они, как снег на голову. Убивать меня собрались. Я остановился, жду. Сердце колотится так, что в ушах гул. Страшно умирать в начале сознательной жизни. У одного в руках нож. Самый из них деловой чувак, получается.

— Я давно ждал этого момента!

Смотрю ему в глаза — откровенная тупость

в них, но и еще что-то, никак не могу уловить, какая-то непростая тайна, подвох скрыты в этом отвязном взгляде матерого бандита. Нож у моего горла. Острие щекочет кадык.

— Что, баран, готов к закланию? Это будет справедливая расплата за грехи нашего мира.

Как выражается, сволочь, нахватался где-то в своих малинах, фанфаронит по случаю. Страх пропал, одно удивление. И это все, что было? Это именно сейчас наступает конец всему? Неужели так просто может все взять и закончиться? В семнадцать с половиною?

— О чем задумался, барашек? Итоги жизни никак подводишь? Давай-давай, самое время. Считаю до десяти и режу, не обессудь, много других дел еще осталось, не тобой одним полон свет белый.

Что за белиберду несет, чего пыжится, тварь безмозглая! Или… Или это призрак, мираж, невсамделешнее?

Я резко двигаю головой навстречу лезвию, и острие легко проходит сквозь меня, я не чувствую боли, я спасен! Что же это такое, братцы? Как, оказывается, просто все обстоит на белом свете! Все прямо, чисто, светло! Вперед, только вперед всегда! Невиданная эйфория вдруг накры-

вает меня своими слепящими крылами и уносит в беспредельные сияющие дали. Меня уже нет, я до конца растворился в нестерпимой белизне света, обрушившегося на меня бурлящим потоком со всех сторон. Вот оно — настоящее, беспредельное и бездонное счастье! Ради этого стоило жить, мучиться, страдать, это настоящий итог всему! Я свободно парю в переливах нежного белого света и готов это делать всегда. Нет большего блаженства, чем быть самим светом, быть всем и ничем одновременно, раствориться в сияющем мире без следа и в то же время продолжать чувствовать себя, понимать, что ты по-прежнему есть и никуда от себя не делся. О господи, как хорошо!

И тут все закончилось, совсем закончилось. Я выпрямился, глянул вокруг. Ворона стартовала, как на стометровке, взмыла над забором и, хлопая крыльями, понеслась к своим гомонящим товаркам на разлапистую березу через два двора. Соседская черная «Хонда» вынырнула из клубящегося пылевого облака, с душераздирающим визгом тормозов вылетела с Первомайской на Ленина и понеслась по улице, распугивая беспечно гуляющих кур. Яблоневый сад вокруг меня тихо зашелестел листвой, ласковый ветер обдал лицо

терпким запахом цветущих трав. Все вокруг было на своих законных местах: дачный дом, сад, сарай, яблони, клубника под ногами — все привычно и давным давно знакомо. Я помотал головой, пытаясь сосредоточиться и окончательно прийти в себя.

Что это было? Где я только что побывал? Что за сонм странных воспоминаний только что накрыл меня?

И тут окружающий мир вернулся по-настоящему, обрушился на меня всей своей яростной полнотой. Все вокруг зазвучало и задвигалось по-прежнему, как до того странного оцепенения. Я вздрогнул всем телом, машинально попытался сделать шаг и почувствовал вдруг страшную боль в области сердца. Там находился огненный стержень, который как будто шевелился внутри, распространяя болезненные импульсы вокруг себя. Я прижал руки к груди и мелкими шажками двинулся по тропинке к садовой калитке в направлении дома. Каждый шаг доставляет мне неимоверные страдания, я иду очень медленно, мучительно преодолевая постоянное желание опуститься на землю и замереть без движения. Но этого ни в коем случае нельзя сейчас делать! Нужно во что бы то ни стало добраться до курт-

ки в доме, где лежит нитроглицерин. Там же мобильник. Если это инфаркт, спасение только там. Таблетку под язык, потом вызвать скорую. Если сейчас растянусь на земле, то уже могу и не подняться. Сердце омертвеет полностью. Получается, я только что пережил клиническую смерть, побывал, так сказать, на небесах. Забавно. Значит, еще не время, раз вернулся. Теперь надо продолжать жить.

Несколько взбодренный этими мыслями, я толкнул дверь в дом, поднялся по трем скрипучим деревяным ступеням, шагнул в темные сени. Этот домик под дачу с немалым земельным участком, засаженным яблонями, сливами, смородиной, я купил полтора десятка лет назад. Деревенька, где находился этот деревянный — довольно старый уже дом, — располагалась километрах в пятидесяти от города. Я скрывался там от городской суеты, от того, что называют бременем жизни. Копался в земле, как навозный жук, и уходила куда-то постоянная тоска по несбывшемуся, по чему-то такому, к чему стремишься всю жизнь, но никогда не сможешь достичь. Это была моя тихая гавань, место отдохновения от забот земных.

В сенях стоял терпкий запах укропа, матрешки,

золы из давно не топленной печи и еще чего-то, давно привычного, но не ставшего от этого менее приятным. Нормальный запах старого деревенского дома в самый разгар лета.

Я нащупал в полутьме прохладную ручку двери из сеней в комнату и потянул на себя. С трудом перешагнув через высокий порог, сделал шаг вперед. И тут же острая боль полоснула меня снизу голеней по обеим ногам. Я вскрикнул от неожиданности, инстинктивно чуть присел и, потеряв равновесие, рухнул вбок, вдобавок изрядно приложившись виском о стоявшую рядом табуретку. Скосив глаза, заметил мальчика лет пяти-шести, одетого в короткие штанишки и светлую рубашку, с огромным разделочным ножом в руках, на котором краснели капли крови, моей крови. Мальчик внимательно и спокойно смотрел на меня, корчащегося на полу в позе эмбриона и пытавшегося дотянуться до собственных стоп, которые явно отказывались мне служить. Сухожилия в основании ног были перерезаны напрочь, и я не мог пошевелить не то что пальцами, но даже самими стопами, живущими теперь сами по себе, без моего участия. Рядом с ногами быстро расползалась по полу лужа густой малиновой крови. Очевидно, вместе с сухожилиями

оказались перерезанными все ножные вены и артерии. Профессиональный удар.

Мальчик нагнулся ко мне, спросил:

— Дядя, ты узнаешь меня?

Я вгляделся в его приблизившееся вплотную лицо, в серые большие глаза. Да, я, конечно, узнал его, у меня абсолютная память на лица. Но как такое возможно? Откуда он здесь взялся?

— Да, дядя, это я, Леша. Я вернулся.

Что он имеет в виду, этот странный мальчик? Вернулся откуда?! Но этого никак не может быть, я-то знаю точно!

Воспоминания тридцатилетней давности нахлынули на меня вдруг, заслонили собой окружающее.

Москва начала восьмидесятых, доперестроечное время, — Брежнев уже отдал концы, а Горбачев еще был далеко на подходе, мне слегка за тридцать. Интересный возраст. Расцвет молодой жизни, когда что-то уже пора иметь за душой. А не было, ничего не было. Или почти ничего. Хорошая экономическая вышка, работа старшим экономистом в департаменте водного хозяйства с перспективой вырасти до начальника отдела через десяток лет упорного труда. Стабильное место, оклад жалованья неплохой,

но как-то слишком сухо все и понятно, предсказуемо на годы вперед. По вечерам я изнывал от непонятной тоски, беззастенчиво бередящей душу. Кино, театры, концерты помогали на время уходить от этой напасти, спасаться в окружающей толпе от самого себя. Казалось, люди в общественном месте невольно забирали часть моего внутреннего пожара, снижая градус нестерпимого душевного жжения. Но этот эффект был очень кратковременным, можно сказать, сиюминутным. Он быстро проходил, и я опять оставался в одиночестве, один на один со своим непонятным внутренним огнем, со своим вторым Я. Это было настолько мучительно, что я держался из последних сил, не умея разобраться в причинах происходящего.

Однажды поздним вечером я возвращался с какого-то проходного спектакля в театре Маяковского. Единственным утешением за весь вечер было наблюдать за восхитительной игрой Гундаревой и Симоновой. Но кончился спектакль, отзвучали аплодисменты… И я ушел из театра в душную летнюю ночь навстречу судьбе.

От метро «Царицыно» до моего дома минут двадцать ходьбы. Мимо старого полуразрушенного особняка, через небольшой перелесок и в кон-

це вдоль ограды парка до молочного магазина. В том же здании, где располагался этот небольшой магазинчик, на третьем этаже была моя однокомнатная хрущевская клетушка. Маршрут традиционный, ежедневно добросовестно прошагиваемый к метро и обратно, потому известный мне досконально. Сейчас была глубокая ночь — спектакль закончился поздно, — и я торопился домой перекусить и скоренько завалиться спать. Субботний вечер — сам бог велел отсыпаться в такие ночи сразу за всю прошедшую неделю, утерянную безвозвратно в трудовых бдениях.

У особняка, под кленом, растущим рядом с ржавыми перекошенными воротами стоял мальчик. В рассеянном свете уличного фонаря хорошо различимы его короткие штанишки и светлая рубашка с рукавами, по локоть засученными. Совсем маленький мальчик, один, глубокой ночью, да еще в таком безлюдном месте. Мальчик явно был в большой растерянности, вся его поникшая фигура свидетельствовала об этом. Я, не раздумывая, сошел с тротуара и приблизился к нему.

— Что с тобой? Заблудился? Где твои родители?

Мальчик уставился на меня и молчал, видимо, напуганный внезапным моим появлением.

— Как тебя зовут? Не бойся, я тебе помогу. Скажи, что с тобой случилось?

Мальчик всхлипнул и наконец ответил:

— Я Леша Кошкин. Меня мама выгнала из дома.

— Как выгнала? Ты где живешь?

— Не знаю, я шел-шел по парку, темно было, а сейчас не помню.

— Адрес свой знаешь?

— Такой большой дом, девятиэтажный, мы на первом этаже живем.

Этого мне не хватало — таскаться с ребенком по темноте, разыскивать его чокнутую маму. Или милицию, что то же самое по сути. Где оно, это местное ментовское отделение, понятия не имею.

Я смотрел на дрожащую жалкую мальчишескую фигуру, на этого молокососа, который, сам того не ведая, встал на моем правильном до поры пути, встал и заслонил собой не только этот субботний вечер и завтрашний воскресный день, но и всю оставшуюся жизнь, встал, чтобы все изменить в моей жизни раз и навсегда, — и уже ничего не мог с собой поделать. Какое-то удивительное прозрение вдруг снизошло на меня свыше. Я увидел с отчетливой ясностью весь мой

будущий кровавый и мутный жизненный путь, но уже не в силах был остановиться. Мое второе, истинное Я, такое забитое и униженное до сих пор, с торжествующим рыком вырвалось, наконец, наружу!

Я сдавил худенькую шею мальчика своими пальцами-клешнями и потащил его, почти не сопротивлявшегося, в темноту развалин. Я с ожесточением рвал его там на части, впиваясь зубами в нежную детскую плоть. Я всасывался в этот восхитительный своей непередаваемой свежестью напиток, именуемый таким прозаическим словом — кровь. Божественный нектар, которым никогда нельзя напиться досыта, он навсегда заполонил мою душу. Именно в тот момент я впервые ощутил вкус настоящей жизни, только ради таких моментов стоило жить дальше.

От какого-то постороннего звука я очнулся, вернулся в кошмарное настоящее. И тут же почувствовал, что в комнате, кроме меня и мальчика, находится еще кто-то. Я приподнял голову и бросил взгляд в пространство позади себя. Оказывается, в комнате были еще дети, и их было довольно много, никак не менее двух-трех десятков мальчиков и девочек, стоящих рядком вдоль белых стен. Как же я их сразу не заметил,

когда вошел в комнату? Дети смотрели на меня и молчали. Я пробежался лихорадочным взглядом по их лицам и тут же содрогнулся всем телом от невыразимого ужаса. Все детские лица были мне знакомы. Это просто невероятно, но все они были примерно одного возраста, не старше семи-восьми лет, хотя знавал я их в прошлом в довольно-таки различное время!

— Дядя, мы пришли за тобой. Ты обязан сполна почувствовать, что испытали мы тогда, — спокойно проговорила подошедшая девочка с двумя задорными косичками и со всего размаха всадила мне в живот сверкающий длинный и тонкий нож. Острая боль пронзила мои внутренности, как будто холодная гадюка скользнула мне в брюхо и начала жалить огненным жалом изнутри мои кишки, желудок, печень.

Затуманившимся от боли взором я в полном трансе наблюдал, как ко мне один за другим подходили дети и с силой вонзали в мое слабеющее тело свои огненные клинки запоздавшего, но бесконечно справедливого возмездия.

Потом я отключился на мгновение, а когда очнулся, детей вокруг уже не было. Я лежал на спине, и из ран на моем теле сочилась кровь. Ее становилось больше и больше, отдельные

малые лужи на полу быстро объединялись в одну огромную, которая разрасталась и разрасталась, заполняя пространство от стены до стены. И вот уже уровень крови в комнате достиг нескольких сантиметров, потом полуметра, а кровь все прибывала и прибывала. Мое бедное изрезанное тело всплыло и закачалось на кровяных волнах. Я немного приспособился к ситуации, пытаясь сохранить равновесие на плаву, что с трудом, но до поры удавалось. Иногда, правда, приходилось понемногу хлебать своей собственной кровинушки, что, впрочем, оказалось не таким уж неприятным занятием. Божественный нектар всегда остается божественным на вкус, независимо от источника его появления. Это заключение я сделал на основании довольно большой практики, так что можете поверить мне на слово.

Но уровень крови в комнате стал постепенно таким высоким, что достиг уровня окон и безостановочно продолжал повышаться дальше. И хрупкое стекло в конце концов не выдержало повышенного кровяного давления в комнате и с треском лопнуло. Бурный поток крови вынес меня сквозь выбитое окно прочь из дома и потащил куда-то. В этой суете мне пришлось окунуться в окружающую кровяную массу несколько

раз с головой, а когда я слегка очухался, пришел в себя и огляделся вокруг, то увидел лишь бескрайние, слегка колышащиеся просторы кровяного океана.

Я лежал на спине, смотрел в глубокую небесную синь, разверзшуюся надо мной, и неторопливо размышлял на неопределенные темы, хаотично посещавшие мою голову. В данный момент все обстояло не самым худшим образом. В крови нельзя было утонуть, поскольку ее плотность выше плотности воды, из которой в основном состоит человеческое тело. И питание под руками — есть ли вообще что-то питательнее крови? Во всяком случае, это такой мощный энергетик, уж кто-кто, а я знаю это лучше других. Так что пока жить можно…

Тут я заметил, что погода начала портиться. На горизонте появились первые мелкие тучки, которые, однако, довольно быстро заволокли все небо. Они были довольно странными, эти тучи. Первоначально фиолетовый цвет вдруг начал светлеть и изменяться сначала на оранжевый, потом красный и наконец приобрел темно-багровый оттенок. Кое-где в нависших низких багровых тучах проскакивали яркие молнии, на мгновение освещая своим ослепительным

огнем бурлящий вокруг огненный океан. Усилился ветер. Красные волны вокруг заходили ходуном. И тут с небес на меня обрушился кровяной ливень. Все вокруг смешалось в буйстве стихии. Постепенно стиралась разница между низкими тучами и поверхностью океана. Это уже была одна однородная кипящая багровая масса, швырявшая меня в пространстве, как мелкую чужеродную щепку. Я захлебывался в багровой пене и никак не мог придумать, как облегчить свое положение.

Вдруг все в мгновение ока стихло. Туч как не бывало, вокруг гладь багрово-красного океана, над головой темное, иссиня-багровое небо. Все вокруг стало торжественно и мрачно.

Оглядываюсь и вижу, что цвет океана все-таки начинает светлеть, но в то же время появляется коричневый отблеск. Показалось, что и постоянный запах свежести от бесконечного количества разлитой вокруг крови несколько слабеет и постепенно перебивается каким-то не совсем приятным душком, неуловимо напоминающим что-то очень и очень знакомое. Еще несколько мгновений — и все сомнения отпадают: вокруг меня кровь стремительно обращается в натуральное полужидкое дерьмо. Кое-где на поверхности

плавают отдельные темно-коричневые конкременты цилиндрической формы, но в основном преобладает достаточно однородная масса, вероятно, кал, хорошо перемешанный с мочой. Я задыхаюсь от ужасной окружающей вони разлагающейся теплой органики, отвратительная жидкая консистенция забивается в глаза, уши, рот. Пытаюсь прокашляться, выплевываю попавший в рот почерневший кусок дерьма, но вместо него горло заливает этот ужасно вонючий настой, по-видимому, собранный изо всех отхожих мест нашего мира. Я не успеваю среагировать и делаю один глоток, потом второй, какая-то дрянь попадает в дыхательное горло, и я захожусь в мучительно долгом кашле. Перед отчаянно вытаращенными глазами в жидком дерьме болтается какая-то белесая взвесь. Присматриваюсь — господи, бесчисленные отвратительные белые червяки-опарыши окружают меня, ползают по всему телу, забираются во все возможные укромные места. Как я их всегда ненавидел, какое отвращение испытывал, когда случайно они попадались мне на глаза где-нибудь на свалке или в заброшенном хлеву. А тут эти мерзкие черви вокруг меня, рядом со мной — да что там, пожалуй, уже и внутри меня. Я нелепо бултыхался, пыта-

ясь отогнать ладонями стаи опарышей, но куда там! Они облепили все мое тело плотной коркой и свободно ползают там. Порой было даже немного щекотно от бесконечных скольжений этих тварей под мышкой, за ушами, в паху. Но что-то вдруг как будто обожгло кожу у соска на левой груди, потом где-то на спине, потом на голени правой ноги — и вот уже вся поверхность тела воспылала мучительным жжением, от которого некуда деться. Я поднес правую руку к лицу и с непередаваемым ужасом увидел, как белые червяки-опарыши впиваются в мою кожу и жрут, жрут, не переставая жрут ее, перетирая плоть своими мелкими, но такими острыми челюстями…

Искусственные души

Мы с Максом рванули сегодня в «Солянку», где, по слухам, по пятницам техно нехилое, да и вообще там логово крутых хипстеров. Я к этим пижонистым ребятам как бы слегка неравнодушен, хотя сам больше к панкам склоняюсь (в душе, конечно, не по прикиду). Короче, я без ума от Velvet Underground и The Ramones, а вот Макс — тот больше от эмо тащится, от всяких там Jimmy Eat World и Dashboard Confessional. Ради бога, мне-то что до его извращенных вкусов (шутка). Сегодня в клубе гостят Blue Hawaii — эта блистательная парочка на любой, даже самый извращенный вкус прокатит за милую душу. Вживую слышать канадских гавайцев мне еще не доводилось, но команду эту немного знаю, вот и решили с Максом посетить сегодня «Солянку», почему нет?

Сидим у стойки, смакуем здешний фирменный коктейль «Ни свет ни заря», болтаем о том о сем. В общем, непринужденно общаемся и заодно наслаждаемся окружающей обстановкой. Заведение неплохое, вычурности не так чтоб слишком, все адекватно и ненавязчиво — одним словом,

старый добрый лондонский стиль. Концерт еще через час с лишним, время есть, оглядываюсь по сторонам — толпа, в основном малолетки, знакомых никого. Глотнул коктейля, внутри начало отпускать помаленьку. Я сегодня слегка подустал от жизни: зачет в институте завалил, с Тонькой полаялся, а под вечер еще и маме нагрубил. Последнее совсем необязательно было делать.

Во всех бедах виноват сам, кто ж еще? Но как-то не хочется весь негатив на себя грузить, поэтому всегда ищешь виновного на стороне, так легче существовать. В институте, естественно, препод виноват в моем незачете по древнекитайской литературе. Из двадцати сдававших у меня одного незачет! Как это вообще может быть? Тихий ужас. Даже Григорьев сегодня с зачетом остался, еще и посмеивается надо мной, дубина, блин. Всего-то спутал я какой-то там Шаньманьмынь с Маньшаньпынем, в смысле места рождения писателя Фюнь Хюня, — так препод на дыбы сразу и незачет, на-те, получите. Откуда такая нервность в нем взялась, не ожидал совсем. Казалось бы, ну какая тебе разница, мынь или пынь, — нет, заострил вопрос, обобщил даже. Мол, не было вас на моих лекциях, не припоминаю никак. Что я ему скажу в ответ, врать как-то

не захотелось, я и рубанул правду-матку: да, не был, ну и что, я же все выучил, зубрил по ночам не переставая, ваш предмет один из самых моих любимых, и вообще — за Китаем будущее. В каком смысле, спрашивает, будущее? А в том, отвечаю, что не только древнекитайскую литературу, а и сам китайский язык пора срочно учить, пока время еще есть. Короче, понесло явно не в ту степь, политическую больше. Препод послушал-послушал и отпустил меня со словами, мол, вот, когда китайский выучите, тогда и приходите на пересдачу, шутник, блин.

С Тонькой другая беда: моей сегодняшней любви ей мало, все время чего-то большего хочет. А где я ей большего-то возьму — что есть, то есть, как говорится, чем богаты, тем и рады. Мало времени со мной проводишь, где вчера вечером был, почему мобильник отключил? Как где, китайскую литературу учил, а мобильник вырубил, чтоб не отвлекаться. Ну и как, сдал свою литературу? Нет, завалил, препод мудаком оказался. Ах-ах, у тебя всегда кто-нибудь другой виноват! Так где вчера шатался, говори правду! Тогда решил я зачем-то пошутить, хотя в самом деле честно зубрил эту древнекитайскую хрень до четырех утра. Говорю, да, ты права,

вчера встречался со своей прежней. Пристает и пристает постоянно, как банный лист, покоя не дает, что я могу поделать? Нужно было разок встретиться напоследок, чтобы все расставить по своим местам, разорвать отношения окончательно и бесповоротно. Встретились, поговорили, расстались. Но не подумай, ничего у нас с ней вчера не было, одни разговоры. Так я тебе и поверила! Весь вечер одни разговоры, знаю я тебя. Да мне, собственно, все равно, было, не было. Делай что хочешь дальше, меня это теперь мало волнует. Уезжаю я на выходные на озеро, Олег приглашает. Будь здоров, не кашляй! И ушла, дура, с гордым видом. А я и останавливать не стал, хотя видно было, что ей очень этого хочется. Чтобы бросился вдогонку, стой, Антонина, куда же ты? Как я теперь без тебя буду жить, не бросай меня, милая! Не стал догонять, спустил на тормозах на этот раз. Куда денется, прибежит в понельник, как миленькая, сколько уже было таких случаев за последний год. Что поделаешь, любит Тонька подобные душещипательные сцены, сериалов насмотрелась и поняла оттуда все самым что ни на есть буквальным образом. А я решил подыграть ей, пусть идет сегодня куда хочет, а мы с Максом — в «Солянку», спокойно

отдохнем вдвоем безо всех этих постоянных бабских выкрутасов, хорошую музыку послушаем в конце-концов. Мой лучший друг Макс тоже в последнее время один, я особо не пристаю с расспросами, захочет — сам расскажет. Там у него что-то совсем серьезное, Наташка — подруга детства, любовь со стажем, а на тебе, тоже разбежались. Что, как, почему — совершенно не в курсе, врать не буду. Может, сегодня поделится, если сам захочет.

После третьего коктейля окружающее мне нравилось все больше. И не то чтобы я пьянел — смешно, три легких коктейля — ничто, а тем не менее как-то все вокруг теплело, мягчело, становилось ближе и роднее. Давно так не расслаблялся. Видно, навалилось столько всего сразу, что пора настала пар спустить. Тут и «Солянка» вовремя подвернулась.

— Знаешь, что я тебе скажу, Макс…

— О, да ты уже хорош! Больше не наливать.

— Нет-нет, все в порядке. Просто… Ничего нет на свете лучше дружбы, если она настоящая. Никакая любовь не сравнится.

— Не знаю. Без любви тоже жить нельзя.

— Нельзя, нельзя, согласен! Но почему так сложно все получается с этими бабами? Почему

постоянно какие-то проблемы, вопросы, ревность? Выискивают мелочи во всем, цепляются, не могут жить спокойно.

— Для тебя мелочи, а у них совсем другой, свой мир, где это все совсем даже не мелочи.

— Да, прав ты, наверное, но как-то беспокойно все получается, нервы одни. От-но-ше-ни-я!

Замолчали. А я заказал себе четвертый коктейль, на этот раз «Мечту поэта», безалкогольный, решил взять паузу. Вечер длинный, концерт еще не начинался, силы сохранить нужно, вся ночь впереди.

На площадке аппаратуру монтируют, столики убирают, место под пляски освобождают. За стойкой хорошо, перемещаться никуда не нужно. Пораньше с Максом пришли, места у барной стойки заняли, обзор отличный, можно без суеты дальше жизнью наслаждаться.

Вот, опять! Который раз за вечер я вдруг почувствовал какой-то очень странный укол беспокойства. И не то чтобы беспокойства, а просто неловкости, несоответствия чего-то чему-то. Ерунда, еще мнительности не хватало, вроде раньше никогда не замечал за собой такой пакости. Никаких причин для беспокойства быть не может. Поскорее бы программа началась, дол-

гожданные Blue Hawaii, где вы, ау!

Хлебнул «Мечты поэта» — класс! Отсутствие алкоголя в составе никак не сказалось на вкусе жидкости оранжевого цвета с потрясающим ароматом. Какие-то неведомые фрукты и травы придавали коктейлю оригинальнейший букет вкусовых оттенков. Я буквально поплыл!

— Нравится?

Рядом стояла девушка и с любопытством смотрела на меня.

— Неплохо, совсем неплохо. Это «Мечта поэта».

— Знаю, потому и спрашиваю.

Девушка замолчала, и я как-то растерялся. Смотрю на нее и молчу. Черные обтягивающие скинни, майка с Биг-Беном и какой-то пошлой надписью на английском, желтые кеды конверс. Лет восемнадцать-девятнадцать, никак не меньше. Вроде ничего особо примечательного, такая же, как все окружающие, обычный прикид хипстера, простенькое личико, остренький носик, правда, глаза, необычные — раскосые глаза с очень темными зрачками. Человека всегда выдает его взгляд. Одного взгляда глаза в глаза хватает, чтобы понять главное, оценить человека в принципе — свой-чужой. Здесь же я засомневался, решил уточнить.

— Часто здесь бываете?

— А вы в первый раз?

— Почему так решили?

— Не знаю, показалось.

— Первый. Как вас зовут?

— Лена. А вы мне понравились, Антон.

— Откуда вы знаете мое имя, Лена?

— Неважно.

— Вам кто-нибудь сказал?

— Нет, конечно.

— Может, мы виделись раньше?

— Нет, мы не были знакомы до сегодняшнего вечера.

— Тогда откуда же вы знаете мое имя?

— Вам это действительно важно знать?

— Как же иначе? Вы меня просто заинтриговали!

— Хорошо, я вам скажу, только…

— Что только?

— Вы мне не поверите.

— Знаете, Лена, вы мне тоже нравитесь, заинтриговали ужасно. Чувствую, в вас кроется какая-то непростая загадка, а я обожаю загадки.

— Не мучайтесь, Антон, все гораздо проще. Я просто слышала, как ваш друг Макс назвал вас по имени.

Я задумался, пытаясь вспомнить наши с Максом последние разговоры. В голову ничего не лезло, вполне возможно, что так оно и было. Другой версии и быть не может. Не телепатия же, в конце концов.

Я рассмеялся.

— Кстати, познакомьтесь, это Макс, а это Лена.

Макс кивнул и приветственно поднял ладонь.

— Хотите, закажу вам коктейль?

— Спасибо, если можно, я попробую вашего.

— Да, пожалуйста.

Я подвинул ей стакан. Она взяла свежую соломинку, приложилась. Задумчиво взглянула на меня своими бездонными глазами.

— Вкусно, наверное.

— Вам понравилось?

— Не знаю, кажется, да.

Я был несколько удивлен такой пресной реакцией собеседницы на «Мечту поэта», но решил не углублять тему. Спохватился.

— Простите, Лена, садитесь на мое место! Что ж я сижу, а вы стоите.

Девушка улыбнулась.

— Ничего, я пойду, еще увидимся.

И она тут же пропала с глаз, растворилась в окружающей толпе. Я пытался разыскать

ее взглядом, но вокруг были такие же скинни и майки, такие же короткие стрижки — все однообразно и невыносимо похоже друг на друга.

— Как тебе девушка?

Я обратился к Максу, который продолжал оставаться в состоянии легкой задумчивости.

— Девушка как девушка.

— И все? Тебе нечего больше сказать?

— Какая-то меланхоличная что ли.

— Меланхоличная? Что ты имеешь в виду?

— Заторможенная слегка, хотя что-то в ней есть, это точно.

Тут грянула музыка, Blue Hawaii наконец разродились, магическая мелодия Try to be медленно вознеслась над залом, заполнила собой все окружающее пространство, мгновенно заворожив публику. Захотелось вскочить с места и влиться в ряды танцующей молодежи, которая в едином порыве мерно покачивалась в точном соответствии с мелодической волной.

Но я удержался. Глотнул коктейля. Слегка перевел дух. Взглянул на Макса. Его настроение явно не улучшалось. Что ж, впереди еще целая ночь, авось полегчает. Это была, в общем-то, его идея — рвануть в «Солянку». Благодарен ему от всей души, ожидания явно оправдываются. Я тронул

его руку и показал большой палец вверх. Он согласно кивнул и улыбнулся какой-то немного жалкой улыбкой.

Знаю Максима с детских лет, жили в соседних домах на Абельмановской, интересная история знакомства. Учились мы в разных школах, до поры друг друга не знали. Оба любили кататься на великах, у меня был советский «Орленок», перешедший по наследству от отца, Макс же управлял суперсовременной «Лагуной». Однажды, лет в десять, сентябрьским вечером крутился я на велике на Абельмановской Заставе у Покровского монастыря. Первая учебная неделя позади, первая пятерка в дневнике (по английскому, как сейчас помню), настроение — лучше некуда. Объезжаю стоящие машины на скорости, слалом устроил. Смотрю, на хвост сел мне паренек на очень крутом велике, не отстает. Но у меня хоть и древняя на вид конструкция, но доработанная с умом — переключатель скоростей новый, звездочки, педали — папа-механик сохранил свой велосипед детства и модернизировал его вдобавок для своего сына, то есть меня. Получилось как в анекдоте: с виду захудалый «Запорожец», а под капотом движок от «Мерса». Как ни старается мальчик, а догнать не может.

Так и смирился с поражением, отстал. Я подъехал к нему после окончания гонки и почему-то спросил, какую книжку читает. Мальчик ответил, что «Лезвие бритвы» Ефремова. Я удивился, ведь сам только что еле-еле смог осилить этот кирпич. Спросил, читал ли он «Туманность Андромеды»? Мальчик посмотрел на меня странно и сказал, что прочитал еще в первом классе. Это мне очень понравилось, ведь и сам я прочитал этот роман не намного позже. Так мы и подружились, сначала на почве фантастики, потом пришло и все остальное. Особенно меня привлекал в Максе его правильный подход к жизни, его незлобивость и всегдашнее ровное настроение. Во всем происходящем он в первую очередь видел позитивную составляющую. Его трудно было вывести из равновесия каким-нибудь пустяком. И не скажешь, что такой уж бездумный оптимизм во всем, нет, не так. Когда проблемы возникают, он их воспринимает реально, но без истерик и просто пытается преодолеть, не теряя присутствия духа. Поэтому, хорошо зная Макса, я забеспокоился. Не нравилось мне его сегодняшнее уныние, не тот это был Макс, которого я всегда знал.

— Знаешь, а Наташа сегодня должна быть где-то здесь.

— Как здесь? Что же ты молчишь!

Я ошеломлен. Подруга, любовь Максима сегодня здесь, в клубе, а он сидит сиднем и пальцем не шевельнет, чтоб разыскать ее, поговорить. Ведь у них, кажется, размолвка. Что здесь вообще происходит? Значит, мы сегодня в «Солянке» неслучайно?

— Колись, Макс, зачем ты сюда меня затащил?

Он молчал, как будто не слыша моих слов. Потом глянул в упор и произнес каким-то странным мрачным тоном:

— Может, и зря пришли, хотя было СМС…

— От кого СМС?

— Не знаю, думаю, от Наташи. Кто-то написал в районе полудня: будь сегодня вечером в «Солянке». Пытался потом по этому номеру дозвониться — бесполезно.

— Ты меня извини, Макс, за бестактность, но я ведь ничего не знаю. Где Наташа? У вас что-то не так?

— Наташа… Наташа тяжело больна, у нее лейкоз, рак крови.

— Что? У Наташи рак? Ты знал и ничего мне не сказал, как же так?

— Она сообщила мне о своей болезни три месяца назад. Лежала в больнице, делали химио-

терапию, потом выписали. А месяц назад опять легла в клинику. И все, больше никаких известий от нее до сегодняшнего дня у меня не было, вот только сегодня СМС пришло.

— Почему ты решил, что от нее?

— Не знаю, просто чувствую. Родители не говорят адрес клиники и вообще как воды в рот набрали. Они же знают меня прекрасно, а ничего не говорят. Я к ним приходил, спрашивал. Лечится, говорят, какая-то операция должна быть. И все, больше ни гугу. Как будто я им совсем посторонний.

Да, ну ты Макс и выдал. Я несколько подрастерялся от таких ошеломляющих новостей. Даже «Мечта поэта» встала колом в горле, я поперхнулся и закашлялся натужно, с чрезмерным усилием выбивая жидкость из дыхательного горла. Что поделать, боюсь я подавиться, всегда опасаюсь за едой, а нет-нет да и наступлю опять на те же самые грабли. Случай один был в прошлом, который напугал меня на всю оствшуюся жизнь, это уж точно. Как-то на Новый год собрались мы компанией у кого-то в общаге — уже и не вспомню, кажется, у Николы из Мурманска. Москвичей человек пять да общажских десять — хорошо тогда повеселились. Но вот тогда, минут

за пятнаднадцать до Нового года, дернул меня черт на ходу шоколадную конфету проглотить. Кастрюлю с самодельным салатом на стол поставил, развернул «Белочку» и сунул в рот. Кто-то позвал, а я ответил, не прожевав, вдохнув воздуха, а заодно и густого шоколада. И вязкая, липкая масса залепила мне горло под завязку. Как я тогда сумел прокашляться, не представляю. Позвоночник чуть не переломили мне товарищи, пытаясь выбить шоколад дружеским похлопыванием по спине. Слезы в глазах, уж и отчаялся совсем откашляться, освободить дыхательное горло от шоколадной липкой массы. Эта приторная сладость не то что назад, а наоборот, только глубже в горло опускается. И дерет, дерет ужасно, сил никаких нет, как будто наждаком горло обработали. Аккурат за минуту до Нового года отпустило, остался я тогда в живых, как-то пронесло. Потом интересовался — ничего уникального, сколько угодно смертей от удушья, когда еда не в то горло попадет, как говорят в народе. Чуть снебрежничаешь с обедом или ужином, поторопишься или заговоришь невовремя — все, опять двадцать пять, откашливаешься мучительно, зарок даешь, что внимательнее к еде будешь относиться, но все обязательно повторяется, стоит лишь

на мгновение забыться. Сегодня, видимо, коктейль особо глубоко в горло не проник, поэтому откашлялся я за какие-нибудь пару-тройку минут, а когда поднял голову, сразу увидел Наташу. Она стояла метрах в трех от нас, сбоку и смотрела на Макса. Тот же сидит в полной прострации, ничего вокруг не замечает. Да, ситуация. Смотрю, а рядом с Наташей Лена, та самая, которая только что от нас отошла. Они что, подруги, получается? Ну дела! Все более интригующим становился сегодняшний вечер, ей богу.

— Макс, здесь Наташа!

Макс встрепенулся, увидев девушку, вскочил на ноги.

— Здравствуй, Наташа! Ты из больницы, как себя чувствуешь?

— Привет, Макс!

Девушка чмокнула его в губы, взяла за руки.

— У меня все нормально, я здорова!

— Тебя выписали? Расскажи, что с тобой было. Родители ничего мне не сказали — ни в какой клинике лежишь, ничего! Я с ума сходил все эти дни!

— Зачем так переживать, все позади, мы теперь опять вместе.

Макс смотрел на Наташу, и видно было, как он

рад возвращению своей любимой. Он прямо-таки светился весь с головы до пят, никогда не видел я своего друга таким счастливым. Наташа же выглядела просто изумительно! Никаких следов болезни не было и в помине. Свежее лицо с легким румянцем на щеках, блестящие глаза — вся ее изящная фигура буквально дышала радостью и здоровьем. Я всегда симпатизировал этой девушке и по-хорошему завидовал Максу, что у него такая симпатичная подруга. Помнил еще с младшего школьного возраста эту неразлучную парочку. Плевать они хотели на насмешки одноклассников — тили-тили тесто, жених и невеста — и были всегда неразлучны. В школу, из школы Макс носил Наташин портфель, не раздумывая вступался за нее, если случались ситуации, сколько синяков и шишек заработал — мало ли что бывает в детстве. Макс познакомил меня с Наташей вскоре, как мы встретились с ним на Абельмановской Заставе, мы пошли втроем в кино, и меня здорово поразили тогда Наташины познания в литературе. Она читала явно не меньше меня, а притом еще и обладала отличной памятью, что позволяло ей, в отличие от меня, помнить чуть не наизусть многие фрагменты из прочитанных книг. Я же

больше запоминал общую канву книги, детали сюжета, мотивацию героев, часто не умея вспомнить в подробностях те или иные сцены. Интересная девушка, что тут еще скажешь.

— Вот мы и снова встретились, не прошло и нескольких минут. Вы не сердитесь на меня?

Лена подошла ближе с несколько виноватым видом.

— Вы должны меня понять, Наташа — моя лучшая подруга.

Я посмотрел на Лену и сказал:

— О чем вы? Подошли без Наташи — так это пустяки, я рад нашему знакомству. Но посмотрите на них — the true romance!

— Да, сейчас все позади, но вы не представляете, что ей пришлось пережить последнее время, я-то знаю.

— Вы приходили к ней в больницу?

— Я лежала в той же клинике.

— Как, вы тоже болели?!

Загадок все прибывало. Я с изумлением уставился на Лену.

— Не то чтобы болела…

Она взглянула на Макса с Наташей, которые, усевшись за стойку, о чем-то оживленно беседовали, и продолжила:

— Так вот, как я уже говорила, мы с Наташей лучшие подруги, и я последовала ее примеру.

Она замолчала и внимательно посмотрела на меня. Я ничего не понимал.

— Какому примеру?

— Хорошо, я вам расскажу, тем более все уже позади и возврата назад нет. Наташа месяц назад умирала, спасения не было. Макса она избегала, а я-то знаю все точно. Она исхудала как спичка, не ела несколько дней, все шло к страшному концу. Мой отец врач, работает в секретной клинике, я не очень много знала про его работу, но кое-что все-таки знала. По моей просьбе он положил ее к себе в клинику, другого выхода не было, речь шла о последних нескольких днях жизни Наташи, которые пройдут в страшных мучениях.

— Но сейчас Наташа абсолютно здорова, значит, ее там полностью излечили от рака? Это же чудо! Вот так секретная клиника, человека от смерти спасли!

— Погодите, я еще не закончила. Все не так просто. Чтобы выздороветь, нужно сначала умереть.

— Что?! О чем вы, не пугайте меня!

— Успокойтесь, нет здесь никакой мистики, чистая наука, нанотехнологии, секретная разработка российских ученых. Попросила отца,

и он решился спасти Наташу. Вообще отец дома ничего не рассказывал о своей работе, но я однажды случайно подслушала разговор. К нам иногда по вечерам приходят его друзья с работы, они запираются в кабинете отца, что-то обсуждают допоздна. Однажды я спряталась за портьеру в кабинете, хотела просто пошутить с папой, но не знала, что придут к отцу с работы, они заговорили, и я не смогла выйти из укрытия, постеснялась. А когда у них разговор начался, я прислушалась и решила до конца продержаться, не выходить. Такого услышала! Потом, когда отец провожал гостей, я потихоньку выбралась из комнаты. Оказывается, недавно открыли новое поле, излучение или как там еще его назвать. Научились не только измерять это поле, но еще изобрели прибор, называется, кажется, интегратор, который сам может это поле излучать. Назвали это поле животворящим, потому что только благодаря ему существует жизнь. В любом живом организме есть источник этого поля, мы называем этот источник душой. Пока душа находится в теле живого существа, оно живет. Когда душа покидает тело, тело умирает и быстро распадается на составные части, не может удержаться в одном целом. Так вот, ученые изобрели

источник животворящего поля, который может поддерживать жизнь в любом организме, если поместить его внутрь.

— Не понял, искусственная душа что ли?

— Можно и так сказать, если следовать литературной традиции: если были мертвые души у Гоголя, почему не могут появиться в третьем тысячелетии искусственные души?

— Но ведь это бред полный, у Гоголя было в переносном смысле, мертвая душа там — просто умерший человек! Жизнь есть жизнь, какие еще искусственные души? Есть неживой мир, есть живой — это две абсолютные разницы! Как может какой-то прибор, продукт неживой природы, поддерживать жизнь в живом организме? Сумасшествие, не верю, вы меня просто разыгрываете!

— Да, в это трудно поверить, я понимаю… Хорошо, допустим, я вас разыгрываю. Но, во-первых, зачем мне это нужно? Во-вторых, посмотрите на Наташу — разве она сама, живая и здорова, не является доказательством правоты моих слов?

— Вы говорили, что сначала человек умирает. А что потом? Потом человек может воскреснуть после смерти? Так что ли? Нет, не понимаю.

Я уже не знал, что думать, голова шла кругом. Возможно, я имею дело с серьезным психическим расстройством, но пусть хотя бы выскажется до конца. В конце концов, звучит эта история настолько неправдоподобно, что уже почти не может быть неправдой — так, кажется, сказал какой-то великий ученый…

Blue Hawaii продолжают исправно поставлять магнетизм в атмосферу полуночной «Солянки», народ погружен в глубокий танцевальный транс. Я в нетерпении жду продолжения рассказа Лены, но опять что-то вдруг кольнуло меня инутри. Какой-то странный импульс беспокойства, легкое предчувствие надвигающейся беды. Не первый раз за вечер, между прочим, и совершенно безо всякой видимой причины. Все вокруг как обычно, разгар веселья в ночном клубе, балдеющая публика, крутая канадская группа на сцене выводит томные рулады. Нет, гнать надо прочь эти тревожные мысли, прочь, прочь, все сегодня хорошо, просто замечательно!

— Мы подошли к главному. У человека есть своя собственная душа. Чтобы подключить к организму искусственную душу, сначала нужно, чтобы собственная душа окончательно покинула тело, иначе две души помешают друг другу и не

смогут вдвоем управлять одним телом.

— Лена, извините, у меня от всего этого голова кругом идет, давайте закажем по коктейлю, только обязательно хорошо алкогольному, по-моему, сейчас самое время.

— Что с тобой, не можешь поверить в чудо? — обратился ко мне Макс. Боже, как он изменился за последние несколько минут! Куда делись его мрачный вид, неуверенность, растерянность! Сейчас рядом со мной находился абсолютно счастливый человек, довольный жизнью на все сто процентов. Он держал воскресшую Наташу обеими руками за талию и смотрел, безотрывно вглядывался в ее прекрасное, дышащее свежестью лицо.

— Нет, теперь я верю! — меня тоже охватила, как будто мгновенно передалась от Макса с Наташей, эта радость жизни. Значит, нет ничего невозможного и из когтистых, страшных лап смерти можно ускользнуть, ничего при этом не потеряв. — Как тут не поверить, когда рядом с нами такие прекрасные девушки, живые и здоровые!

Я хлебнул коктейля, посмотрел на Лену и поразился ее такому спокойному, но светящемуся тихой радостью выражению лица. Как я не за-

мечал этого раньше? В груди заныло, верный признак зарождающегося прекрасного чувства.

— Разрешите пригласить вас на танец? — несколько старомодно изрек я и протянул девушке руку. Лена кивнула и шагнула навстречу. Мы пошли ближе к сцене, за нами поднялись Макс с Наташей. Как будто по спецзаказу, переливчатыми колокольчиками зазвучала Sweet tooth, и мы окунулись в мир чарующего танца.

— Почему ты не спрашиваешь про меня? — Лена непринужденно перешла на ты, и я внутренне только приветствовал это. — Неинтересно?

— Нет, ты мне все больше нравишься! Конечно, расскажи, что с тобой случилось. Ты ведь не была больна, как Наташа?

— Я была здорова, но, когда увидела, что произошло с Наташей после операции, как быстро она пришла в себя, полностью излечилась от смертельного заболевания, а вдобавок стала лучше выглядеть и вообще чувствовать себя, поговорила с отцом. Он мне сначала вешал лапшу на уши, принимал за полного чайника, но когда я ему напомнила тот подслушанный разговор, он раскололся и рассказал мне все. Оказывается, прибор не просто заменяет собственную душу человека, но еще может сделать полную

перенастройку организма. Изменяя настройку интегратора, можно сделать человека красивее, здоровее во много раз! Никакие болезни ему больше не страшны, если хочешь, ты можешь даже не стареть, оставаться вечно молодым или в том возрасте, который себе пожелаешь.

— Но это ведь обретение бессмертия, полный переворот в истории человечества!

— Вот и я так же тогда подумала и решилась. Повидалась еще раз с Наташей в клинике, посмотрела на ее состояние и решилась.

— Решилась на что?

— Самоубийство, что ж еще! Сегодня другого пути в бессмертие не существует.

— Ничего себе! Как же это случилось?

— Выбирала, решила отравиться. Цианид калия. Самый чистый способ, и на вкус приятно. Несколько секунд — и все вокруг пропало. Очнулась уже в клинике, после операции. Да, отравилась вечером, когда отец дома был, записку написала правильную, чтоб не подумали чего лишнего. Куда отцу было деваться, пришлось и дочери срочно вшивать интегратор.

— Лена, но как ты решилась? А вдруг что-нибудь не так, мало ли что бывает. Я бы не смог, наверное.

— Решилась вот, что сейчас говорить. Ровно неделю живу новой жизнью. Кстати, операцию делают не сразу после смерти, ждут девять дней, пока душа покинет тело, операция — на десятый. Вообще-то, чтобы разорвались все связи прежней души с телом, нужно ждать сорок дней, но столько не ждут. Максимум девять дней в глубокой заморозке — потом на стол.

— Где же находится этот волшебный интегратор?

— Все тебе расскажи. Внутри находится, — Лена кокетливо одернула свою майку. — Он ничуть не мешает, всего-то размером с копеечную монету, это же нанотехнологии.

— Лена, я очень рад нашему знакомству. Все так необычно… — и я замолчал, потому что не знал, что еще тут можно сказать. Девушка тоже затихла, положила голову на мое плечо, прижалась ко мне. Я вдыхал легкий аромат ее волос, ощущал все ее тело, слушал музыку. Стало так спокойно и беззаботно на душе — кстати, душе моей собственной, никакой не искусственной. Судя по всему, Лена ощущает примерно то же самое, значит, никакой разницы между нашими душами нет, вот что удивительно! Все-таки как ни крути, а немного непривычно ощущать рядом

с собой человека — пусть даже прекрасную девушку — с непонятной железякой внутри, которая теперь служит источником ее жизни. И эта девушка с железякой осталась человеком, побывав на том свете!

Неожиданно все вокруг погрузилось в темноту. Смолкла музыка. Третий раз за вечер екнуло внутри от предчувствия надвигающейся беды, и на этот раз довольно ощутимо. После на секунду воцарившейся в клубе тишины раздались недовольные крики публики. Я протянул руки вперед, но ощутил пустоту. Лены рядом не было.

— Лена, где ты? — позвал я, но в ответ услышал только голос Макса.

— Что случилось? Наташи тоже со мной нет. Только что танцевали, а сейчас как растворилась. Не пойму.

Голос Макса был напряженным и каким-то ужасно растерянным. Как будто у него в самый разгар игры отняли любимую игрушку. Казалось, вот-вот заплачет. Мои мысли были схожими, за исключением того, что я почему-то точно понимал — игра не детская и где-то здесь, без сомнения, кроется подвох.

Ждать долго не пришлось. Через минуту вспыхнул свет.

Огляделся. Все вокруг было по-прежнему.

За исключением сцены. На ней появился новый персонаж. Импозантный мужчина лет сорока пяти, роста заметно выше среднего, в серо-зеленой камуфляжной форме, которая его, однако, не портила. Он стоял на самом краю сцены, перед явно растерявшимися музыкантами, и непринужденно потирал руки, как будто они озябли после сильного мороза. Волосы мужчины были почти полностью седыми, за исключением темной пряди в виде кокетливого хохолка с правой стороны, которая дерзко нарушала строгую симметрию лица и придавала мужчине несколько комичный вид. Мужчина оглядел зал и поднял руки вверх, как будто призывая к тишине. Народ смолк, донельзя удивленный его неожиданным появлением.

— Вы кто такой? Объясните! Что происходит? — раздались раздраженные крики из зала.

Однако мужчина продолжал молчать, пристально разглядывая обращенные к нему лица, как будто выискивая среди них знакомые. Потом он повернул голову влево и взглянул на большое светящееся табло над входными дверьми, на котором отображалось время и другая полезная информация типа температуры воздуха

за окном и рекламы «Кока-Колы». Я машинально проследил за взглядом мужчины и увидел, что на часах 23.59 и зеленый пульсирующий огонек, двигающийся по кругу и отмеряющий секунды, приближается к вертикальной отметке. Приближалась полночь.

Как завороженный, не мигая, следил я за пульсирующим огоньком, и точно так же следила за ним вся, как будто окаменевшая разом, толпа. Не менее сотни людей отсчитывали про себя последние секунды перед полуночью.

Пять, четыре, три, два, один!!!

Ничего не произошло. Все осталось на своих местах — крыша не обрушилась, бомба не взорвалась. Вздох облегчения пронесся над залом. Неожиданно возникшее с появлением мужчины напряжение резко спало. Уф-ф-ф…

И тут же где-то позади меня раздался истошный женский крик. Это был крик ужаса и мучительной, всепоглощающей боли.

Я резко дернулся, развернулся и увидел, что толпа отпрянула от стены, где девушка в желтой тунике и зеленых бриджах отчаянно отбивается от парня, который прильнул к ее шее и что-то с ней делает. Видны были какие-то конвульсивные движения головы парня, который

находился ко мне спиной. Раздавалось странное отрывистое рычание, и еще звучали другие приглушенные звуки, напоминающие треск разрываемой ткани. Наконец парень отбросил тело девушки в сторону и торжествующе поднял над собой какой-то предмет. Через мгновение я понял, что это была голова, окровавленная женская голова! Только что на моих глазах парень за какие-то секунды отгрыз голову несчастной девушки, непринужденно обезглавил ни в чем не повинную посетительницу «Солянки»! Парень издал ужасный, нечеловеческий рык, швырнул голову о стену и бросился к ближайшему человеку. Все это безумие произошло настолько неожиданно и стремительно, что не было времени хоть что-то сообразить, сориентироваться, принять какое-то решение. И тут же страшные крики отчаяния и боли раздались вокруг меня! Отрешенным, оцепеневшим взглядом я наблюдал, как повсюду разворачивается безумная кровавая вакханалия. Стоящие рядом люди ни с того ни с сего вдруг бросались на своих соседей и с ожесточением вгрызались в их тела. Ошметки тел, огрызки конечностей, брызги, лужи крови заполнили окружающее пространство.

Спастись, скрыться от всего этого, но куда, ку-

да?! И где Макс, Наташа, Лена? Неужели с ними все кончено?

Я двинулся было к барной стойке, но тут же, на втором-третьем шаге, неловко поскользнулся, наступив на чью-то оторванную окровавленную руку. Потеряв равновесие, я рухнул оземь на распростертое на полу, изуродованное тело с выпущенными наружу кишками. Было так неприятно прикасаться руками к теплым осклизлым человеческим внутренностям, что я машинально отпрянул, но руки соскользнули с упора, и я, потеряв равновесие, нырнул лицом в вонючую массу, выползающую из разорванных кишок. Отплевываясь, я вскочил на колени, и тут мне показалось, что лежащее ничком мужское тело напоминает… Дрожащими руками я приподнял голову из лужи крови, повернул к себе. Да, это был Макс, мой лучший друг Макс, и он, несмотря на все эти ужасные повреждения тела, был еще жив! Его блуждающие глаза остановились на мне, он что-то хотел сказать, открыл рот, но изо рта запузырилась лишь розовая пена, а затем хлынули бурные потоки крови. Он почему-то улыбнулся и затих.

— Макс, Макс, держись, — машинально шептал я, гладя его по голове, и никак не мог остано-

виться, умом понимая, что поздно, уже поздно что-то предпринимать, мой друг уже отходит в мир иной.

Мой инстинкт самосохранения наконец заработал в полную мощь. Я ловко увернулся от бросившейся на меня девушки с растопыренными окровавленными руками. Меня поразило выражение ее лица, возникшего передо мной на мгновение. Это не было лицо безумца, оно оставалось вполне адекватным, несмотря на всю дикость происходящего. В лице сохранялись странное спокойствие, сосредоточенность, даже некая целеустремленность. Казалось, девушка делает все эти безумные вещи вполне осознанно и раскованно-свободно, чуть не с удовольствием.

Отпихнув нападавшую толчком ноги, чем удачно дезориентировал ее, я незаметно нырнул под стойку. Залез под столик и затих, прислонившись спиной к внутренней ее стороне.

Странно, но уже буквально через минуту шум в зале быстро стих. Кто-то ходил, слышались шаги, но ничьих голосов уже не было слышно. Я ползком прокрался к углу стойки, осторожно выглянул из-за нее.

Среди груды окровавленных тел стоят бесформенной группой с десяток девушек и парней,

которые, как мне показалось, растерянно оглядываются по сторонам.

Посмотрев левее, я увидел, что на сцене, в полуобороте к залу, по-прежнему стоит мужчина в камуфляже и что-то тихо говорит по мобильнику. Растерзанные человеческие остатки, вероятно, великолепной парочки Blue Hawaii, беспорядочно разбросаны за его спиной. Закончив разговор, мужчина взглянул на настенные часы. Там было 00.05. Значит, прошло только пять минут, пять минут кровавого безумия. Странно, ровно пять минут, как по заказу. И все стихло, все прошло, все закончилось. Стоят ребята, вертят головами и, кажется, не поймут, что они натворили. Что тут, в конце концов, происходит?

Я пригляделся к группе в зале. Четыре девушки, пятеро парней. Вся одежда в ужасной кровище. Переминаются, смотрят на мужчину. Тот спрыгивает со сцены, подходит к ним, что-то говорит. Я не слышу толком его речи, доносятся лишь отдельные слова — испытание, успешно, возвращаться…

Что за хренотень здесь творится? Какие к едрене фене испытания? Что здесь такого испытывают, разорвав на клочки несколько десятков ни в чем не повинных людей руками девятерых

идиотов, буквально осатаневших на какие-то пять минут? Неудержимый, наверное, очень праведный по своей природе гнев переполняет меня. Я еле сдерживаюсь, чтобы не зайтись в отчаянном крике.

О-па, меня заметили — не надо было так неосторожно высовываться из-за стойки. Хотя, если это какие-то, мать их, испытания, меня все равно бы обнаружили. Если не прямо сейчас, так чуть позже.

Мужчина манит пальцем, подзывая к себе.

Делать нечего. Я выбираюсь из своего убежища, иду к группе живых, тщательно выбирая место в кровавом месиве на полу для следующего шага. Боже, что за богатая мертвецкая вокруг! Окровавленные трупы вповалку один на другом, головы лежат иногда отдельно от тел, руки-ноги — тоже. За пять минут такого успеть наворочать! Я даже с некоторым невольным уважением посмотрел на молодежь, теперь скромно стоящую рядом с мужчиной в камуфляже.

Что такое, не понял. Среди оставшихся живых была Лена! Неужели это она, не может быть! Я вытаращил глаза, едва не поперхнувшись собственной слюной.

Переведя взгляд левее, я заметил тут же и Ната-

шу, стоящую рядом. Вот это номер! Обе знакомые девушки благополучно выжили. А это значит, между прочим, что они были в числе основных действующих лиц только что закончившегося в ночном клубе «Солянка» кровавого экшн-спектакля. Никак по-другому их пребывание в прекрасном здравии сейчас объяснить не получится. Вот так, отдохнули, называется, после трудовой недели и несданного зачета по древнекитайской литературе!

Мужчина сочувственно смотрел на меня.

— Поздравляю, — произнес он вполне доброжелательным тоном.

— С чем? — машинально откликнулся я.

— С чем? — повторил мой вопрос мужчина, улыбнувшись самыми уголками губ, и тут же сам на него и ответил. — С тем, что в живых остался. Тебе этого мало?

Сарказм мне его совсем не понравился, но что тут скажешь против? И я ответил просто:

— Спасибо.

И замолчал, разглядывая во все глаза Лену. Та стояла, не поднимая глаз. Ничего нельзя было прочитать на ее бледном лице. Не лицо, а мертвая маска, застывшая гипсовая маска, вся в пятнах подсыхающей крови, чужой крови.

Мужчина продолжил свою речь:

— Не за что, это целиком твоя собственная заслуга. Неслыханно повезло, я бы даже так выразился. Может, какие вопросы появились? Или не до вопросов сейчас?

— Почему? Вопросы есть, задам напоследок, все равно живым вы меня отсюда не выпустите. Зачем вам лишний свидетель?

Мужчина даже крякнул от неожиданности, взглянул с любопытством.

— Что ж, давай, спрашивай.

Я помедлил, потом тихо начал говорить, глядя в пол:

— Эти две девушки — мои знакомые. Обеим вами сделана операция — имплантирован интегратор, искусственная душа. Сегодня проведена проба пера — испытание возможностей этой встроенной в организм железяки. Результат теста очевиден: человек превращается в легко управляемое, беспрекословно повинующееся кровожадное существо, зомби, не так ли? Нажал на кнопку — получите могучего зомби, отпустил кнопку — перед вами опять человек. Но какой человек? Тот, который всегда находится под контролем и сделает все по вашему приказу!

Я поднял взгляд. На меня увесисто смотрело

дуло пистолета.

— Коряво сформулировано, но где-то так, если без дипломатии. Сейчас некогда развивать твою мысль, время дорого. Только скажу одно: ни один оторванный сегодня палец, тем более голова, не пропадут, все органы вернутся на свои законные места и приживутся без проблем. Что поделаешь, перестарались сегодня ребятки, но это был наш просчет: первый опыт, чересчур сильный импульс дали. Априори требовалось лишь умертвить присутствующих на минимуме кровожадности, а тут они начали головы рвать. Ничего, научимся, это все мелочи, издержки производства. И не за горами время, когда уже все люди перейдут на искусственные души. Ведь это намного удобнее для жизни, скоро ты это сам поймешь. А теперь, если не возражаешь, продолжим эту увлекательную дискуссию позже, времени у нас будет предостаточно. А сейчас — добро пожаловать в бессмертие!

Его палец на курке чуть дрогнул. Однако выстрелить мужчина не успел.

Произошло какое-то неуловимое движение — две стремительные темные молнии мелькнули перед глазами, и мужчина оказался рапростертым на полу. Теперь уже в количестве двух

частей. Оторванная по самые плечи голова лежала рядом, на ней застыло несколько растерянное выражение, округлившиеся глаза хлопнули пару раз веками и тихо прикрылись. Безголовое тело сотрясала мелкая дрожь. Правая рука с по-прежнему крепко зажатым пистолетом медленно поднималась с пола — выше, выше, выше… Инстинкт убийцы неумолимо продолжал управлять даже обезглавленным телом. Но последовало еще одно неуловимое, молниеносное движение — и рука с пистолетом отскочила в сторону, прочь от тела, и забилась в конвульсиях, как кобра под рогатиной змеелова. Пальцы, наконец, разжались, и пистолет, освобожденный, мягко опустился на пол.

Я тупо глядел на двух девушек, стоящих напротив. Это были Лена и Наташа. Они только что в мгновение ока на моих глазах четвертовали своего начальника, хотя, надо заметить, не полностью: одна рука и две ноги оставались пока еще на своих местах. Но это, конечно, абсолютно непринципиальное замечание: если понадобится, и оставшиеся конечности отскочат прочь от тела в одно мгновение. Никаких сомнений в этом у меня не было. Но как же так? Как девушки смогли поднять руку на своего начальника?

Что за неожиданный бунт на корабле? Не бессмыслица ли все это?

Заговорила Наташа:

— Несколько минут назад я своими руками убила Макса, моего любимого Макса. Просто разорвала его тело и выпустила наружу кишки. Не понимаю, зачем я это сделала, но точно помню, что убивала его и других в этом зале абсолютно спокойно, как будто привычное дело делала — пирожки пекла, например. Как будто меня что-то вело, я знала, точно знала, была абсолютно уверена, что все делаю правильно. Как это могло случиться? Какое дьявольское наваждение напало на нас? А сейчас, получается, я уже могу профессионально убивать по собственному желанию, безо всяких команд. Просто делаю это, без колебаний и сомнений. Мало того, мы, все девять человек, понимаем друг друга не то что с полуслова — с полумысли. И можем действовать как одно целое — этакая суперсовершенная машина убийств!

Позади нас раздался легкий стон. Наташа застыла на мгновение, и ее лицо вспыхнуло огненным румянцем.

— Макс, ты жив!

Одним скачком она переместилась метров

на пять за мою спину и упала на колени прямо в кровавое месиво перед изуродованным телом Макса. Она наклонилась к его лицу.

— Макс, милый, очнись!

Макс издал еще один слабый стон и приоткрыл глаза.

— Макс, Макс, милый, ты слышишь меня?

Наташа бережно обхватила голову Макса ладонями и осыпала его лицо поцелуями. С ее глаз ручьями бежали горячие слезы, капали вниз и омывали лицо умирающего Макса.

— Макс, отзовись, отзовись, милый! Это я, Наташа, я с тобой!

Макс чуть двинул головой, с его запекшихся губ сорвались звуки, больше напоминающие шелест луговых трав в ветреный день, чем человеческий голос:

— Наташа, я не виню тебя ни в чем. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Макс, люблю, люблю, люблю!

И их уста слились в неразделимом вечном поцелуе.

Я посмотрел на Лену. Она стояла напротив вся в слезах и бесконечно повторяла монотонным голосом одни и те же слова:

— Что я наделала…

Краем глаза я заметил легкое движение справа от себя. Люди с автоматами наперевес.

Шквал бушующего огня. Оглушительный грохот, переходящий в колокольный набат. Тишина. Тьма.

Интервью с Виталием Вавикиным, победителем Литературного конкурса памяти писателя Вячеслава Первушина

— Виталий, поздравляю с убедительной победой в недавно завершившемся Литературном конкурсе памяти писателя Вячеслава Первушина, и в связи с этим первый вопрос. Что конкретно понравилось в формате этого конкурса, а что было не так?

— Спасибо за поздравления. Думаю, здорово, что конкурс посвящен памяти хорошего человека. Вопрос о формате и недостатках конкурса требует отдельного разговора.

— Насколько серьезно Ваше отношение к профессии писателя? Имеете ли другую профессию для заработка на жизнь? Если да, то когда находите время для литературного творчества? Какое время суток предпочтительнее для творчества?

— В детстве никогда не позиционировал себя как писателя, хотя постоянно что-то сочинял,

рассказывал друзьям появлявшиеся идеи и постоянно подбивал их написать общую книгу… Когда ты ребенок, то вообще кажется, что перед тобой открыты любые двери — стоит только захотеть. Я, например, мечтал стать разведчиком… Разведчик из меня, естественно, не получился, как, впрочем, и юрист, работая которым, я тратил большую часть дня на свой первый большой мистический роман. На той работе я встретил свой двадцать второй день рождения и понял, что нужно либо завязывать с творчеством, разгребая накопившиеся судебные дела, либо увольняться. Я выбрал второе. Потом, конечно, снова пришлось устраиваться на работу, но каждый раз заканчивалось все новым романом…

Последние несколько лет трачу все свободное время на творчество.

Писать стараюсь днем, хотя в молодости предпочитал ночное время суток.

— Что именно Вас привлекает в литературном творчестве?

— Возможность убежать от себя, от реальности. Немного отвлечься, забыться. Плюс когда появляются идеи или яркие сны, то обычно проще написать о них и успокоиться, чем оставлять

на стадии планирования.

— Как Вы относитесь к межавторским литературным сборникам, есть ли от них польза? Ведь трудно спорить с тем, что процесс творчества сугубо индивидуален, интимен, причем же здесь коллективизм?

— Не вижу ничего плохого в коллективных сборниках, а что касается интимности творческого процесса, то здесь проблема может появиться при написании коллективного романа или повести — сборник здесь ни при чем.

Касательно совместного романа — здесь все зависит от того, что писать. Если произведение в большей степени экзистенциальное и автор выворачивает себя наизнанку, создавая каждую строчку, то такую книгу сложно будет создавать группой лиц. А если история простая и незатейливая и у авторов схожие мировоззрение и стили, то почему бы и нет. В пример могу привести серию «Стэн» А. Коула и К. Банча.

— Относите ли Вы себя к победителям в жизни, то есть важно ли для Вас всегда и во всем быть первым?

— Мне важна сама борьба, как в контактных

видах спорта, сам процесс. Победа — это, конечно, хорошо, но победы не будет без борьбы. Причем борьба — она повсюду. Благодаря этому мы развиваемся и прогрессируем.

— Следите ли за современным литературным процессом в России и мире? Если да, то какие современные тенденции развития фантастики и литературы ужасов могли бы выделить?

— Не особенно: любительский жанр слишком огромен, требует уйму времени, чтобы из множества текстов найти что-то стоящее, а коммерческие проекты, на мой взгляд, давно устарели, не предлагая ничего нового.

В плане отечественной мистики — здесь, пожалуй, неплохо прогрессирует женское фэнтези да истории в стиле Стефании Майер, неловко подогнанные под российские реалии.

Из фантастики у нас можно выделить жанр ЛитРПГ, но не думаю, что он долго продержится, вызывая интерес читателей.

— Какой самый большой гонорар получали Вы от издательств за публикацию Ваших книг? Этот вопрос всегда интересен человеку, далекому от литературы. Профессия писателя находится в некоем загадочном ореоле. Одни считают пи-

сателей небожителями, купающимися в золоте, другие — бездельниками, которым вообще не за что в принципе платить.

— Моим самым большим гонораром были четыре тысячи рублей за короткий рассказ «Звонкие ручьи грядущего» в последнем выпуске журнала Бориса Стругацкого «Полдень XXI век».

Ореол вокруг писателей раздут зарубежными авторами и кинематографом. У нас ничего подобного нет. Один мой знакомый редактор сказал, что в России хорошо зарабатывают не больше дюжины писателей. Еще два-три десятка с трудом сводят концы с концами. Остальные работают исключительно на энтузиазме.

— В чем феномен суперпопулярности Стивена Кинга? Мне, честно говоря, это не совсем понятно. Процентов девяносто практически любого из его пухлых романов — затяжка времени, от этого обилия лишних слов в голове остается одна пустота. Не кажется ли Вам, что Кинг увел жанр ужасов не туда, чересчур беллетризовал и коммерцизовал его в пику По и Лавкрафту?

— Не думаю, что уместно сравнивать Кинга с По и Лавкрафтом. Последние писали в основном короткую прозу, являясь родоначальниками

жанра, который обязан развиваться от поколения к поколению в соответствии с научным прогрессом и веяниями моды.

Полагаю, на месте Стивена Кинга мог оказаться кто-то другой, но так сложились обстоятельства: он чертовски работоспособен, его книги начали экранизировать, люди в те дни устали от фантастики Айзека Азимова и Артура Кларка… В общем, если анализировать времена, когда он начал работать, то для его книг была крайне благоприятная среда.

Никогда не считал, что Кинг затягивает время. Думаю, его просто «прет», в хорошем смысле слова, вот он и пишет. Если бы ему нужно было добирать до романа, то он не стал бы писать миллионники, ограничиваясь минимальными стандартами. (Подобное можно заметить в отечественной современной литературе, когда авторы дотягивают до необходимых размеров. Взять хотя бы Андрея Ливадного, у которого во многих книгах встречается откровенный копипаст текстов из своих предыдущих произведений. У Кинга ничего подобного нет).

Ну, а если у кого-то в голове после прочтения его произведений остается одна пустота, то здесь, наверное, нужно просто найти для себя что-то

другое. У меня, например, подобная пустота появляется после прочтения Ливадного, хотя автор достойный и многие с удовольствием читают его книги. Короче, дело вкуса…

— В чем смысл человеческого существования? Верите ли Вы в Бога? Фаталист ли Вы?

— Нет смысла. Жизнь — это хаос. Единственный шанс уцелеть — найти что-то ценное для себя и идти к этому. Думаю, если Бог есть, то он, как любой другой родитель, хочет видеть, как его дети растут и прогрессируют.

— Как к Вам приходят идеи литературных произведений — сразу в законченном виде или сначала в общих чертах, а детализация происходит уже в процессе написания конкретного произведения?

— Обычно, работая над новой книгой, я даже не знаю, смогу ее закончить или нет. Формируются главные герои, под которых подстраивается сюжет, заставляя их справляться с поставленными задачами. Герои перестают быть набором идей, превращаясь в личностей, как, скажем, друг, которого ты хорошо знаешь, — нельзя заставить его делать то, чего он не хочет делать,

но можно предугадать его поступки и реакции в тех или иных ситуациях… И порой бывает так, что в середине книги понимаешь, что первоначальный замысел перестает соответствовать героям романа и нужно все менять.

— В каком возрасте Вами был написан первый рассказ, при каких обстоятельствах это произошло? Какова тема рассказа?

— Первый законченный рассказ написал в девять. Это был детектив, навеянный рассказами Микки Спиллейна и Ричарда Праттера. До этого начинал писать множество фантастики. Помню, как, посмотрев в первом классе «Звездные войны», начал писать продолжение…

— И в завершение Ваши пожелания начинающим авторам: что нужно делать, как над собой работать, чтобы возрастало писательское мастерство? Важны ли здесь какие-то особые врожденные литературные способности или, как говорится, терпение и труд все перетрут?

— Думаю, если человек захочет что-то написать, то он просто возьмет и сделает это — и неважно, каким будет результат. Здесь главное — спонтанность. Нельзя сказать «хочу стать Стивеном

Кингом» и начать писать как Стивен Кинг. Идеи и желание рассказать о них просто появляются: Вы что-то видите на улице или во сне, возможно, слышите из разговоров. Это заседает в голове и не дает покоя, пока Вы не напишете об этом. Главное — не бояться: всегда найдутся те, кто поднимет Вашу работу на смех или не поймет. И никогда не держать первые работы в столе. Пусть друзья или близкие люди прочтут. Последите за их реакцией. Выждите время. Если после этого Вы снова возьметесь за перо — что ж, добро пожаловать в клуб!..

— Большое спасибо за интервью, было очень интересно с Вами пообщаться. Успехов в литературном творчестве и новых побед!